МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РАН
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И БЮРОКРАТИИ

Материалы Всероссийского научного симпозиума,
посвященного 100-летию со дня рождения
видного российского историка-археографа
НАТАЛЬИ ФЕДОРОВНЫ ДЕМИДОВОЙ

г. Уфа, 16–18 декабря 2020 г.

Уфа – 2021

УДК [94(470+571):930.2:94(092)](063)
ББК 63.3(2Рос):63.2
Г72

Издание рекомендовано к печати
Ученым советом Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Редакционная коллегия:
А.В. Псянчин (отв. редактор), Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.Я. Ильясова, Э.В. Мигранова, М.Х. Надергулов, М.Н. Фархшатов

Рецензенты:
г. н. с. ИИЯЛ УФИЦ РАН, д. и. н. Р.Н. Сулейманова,
доцент БашГУ, к. и. н. Р.Р. Газизов

Составители:
А.Я. Ильясова, М.Н. Фархшатов

Г72 Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой (г. Уфа, 16–18 декабря 2020 г.) / Редкол.: А.В. Псянчин (отв. ред.) [и др.]. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 338 с.: ил. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

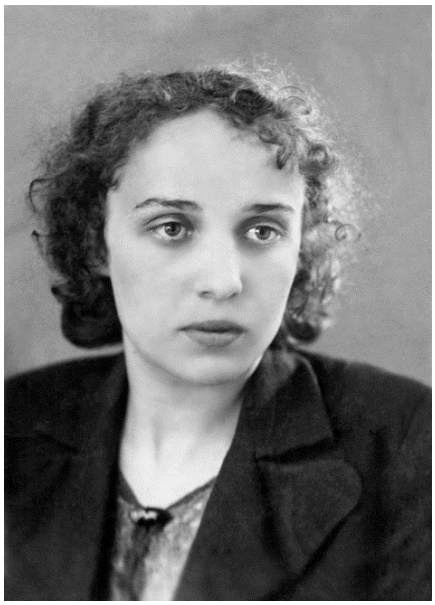
ISBN 978-5-91608-197-8

Настоящий сборник составляют материалы Всероссийского научного симпозиума «Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии», посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой. Они отражают не только важные вехи биографии и многообразие научного наследия ученого, но и раскрывают отдельные актуальные и малоизученные аспекты истории Евразии Нового и Новейшего времени.

Книга рекомендуется профессиональным историкам, преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой России и зарубежных стран.

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ



Н.Ф. Демидова, аспирантка Московского государственного историко-архивного института. 1940-е гг.

16–18 декабря 2020 г. в г. Уфе Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН) провел Всероссийский научный симпозиум «Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии», посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося советско-российского историка-археографа, доктора исторических наук Натальи Федоровны Демидовой (27.10.1920–20.01.2015). В его работе очное и заочное участие приняли более 60 ученых из многих известных научных центров России и зарубежных стран (Германия, Казахстан, Туркменистан), которые отдали дань памяти великой труженице науки из Москвы. Тексты их выступлений и составили настоящую книгу, хотя редколлегия не разделяет все мнения и точки зрения авторов. К участникам мероприятия дочь и многолетняя коллега ученого – Елена Николаевна Чернявская и Галина Анатольевна Иванова – прислали содержательные видеообращения-воспоминания[1].

Проведение значимого в культурной жизни всей нашей страны научного форума в столице Республики Башкортостан было не случайно. Круг научных интересов Н.Ф. Демидовой – выпускницы Московского государственного историко-архивного института – был весьма широким. Она была долгожительницей также на научном поприще и внесла значительный вклад в изучение многих малоизвестных и дискуссионных проблем отечественной истории от русско-китайских отношений до становления служилой бюрократии в XVII–XVIII столетиях, а также в развитие российской, в т. ч. южноуральской, сфрагистики и геральдики, о чем красноречиво свидетельствуют библиографии ее трудов[2]. Тем не менее истории башкир и соседних им народов ею уделялось особое внимание. По сути становление Натальи Федоровны как академического исследователя началось именно с разработки чрезвычайно сложной, но весьма поучительной истории башкирского народа – тема ее кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1956 г., гласила «Башкирское восстание 1735–1736 годов». Затем она стала одним из основных исполнителей крупного научного проекта под названием «Материалы по истории Башкирской АССР» и обеспечила в качестве составителя и автора вступительных статей подготовку и издание четырех его

[1] Данные видеообращения-воспоминания, записанные на DVD-диск, приложены к настоящему сборнику.

[2] См., напр.: Список научных трудов Н.Ф. Демидовой // Археографический ежегодник за 2000 год / Отв. ред. акад. Рос акад. образования С.О. Шмидт. М.: Наука, 2001. С. 402–405; Список научных трудов Наталии Федоровны Демидовой // PALEOBUREAUCRATIA: Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой / Ред.-сост. Ю.М. Эскин; редкол.: С.С. Ермолаев, М.Ю. Зенченко, Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 374–385; Материалы к библиографии научных трудов Натальи Федоровны Демидовой [Подготовлена Н.Ф. Демидовой в 1998 г.] // Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана. Уфа: Полиграфдизайн, 2020. С. 14–19.

фундаментальных томов[1]. Они по настоящее время являются образцом археографического поиска и публикации исторических первоисточников по истории социально-экономической жизни одного из ключевых регионов России в XVII–XVIII вв. Весом ее вклад в изучение биографии башкирского батыра Салавата Юлаева, а также истории г. Уфы.

При изучении истории Башкортостана Н.Ф. Демидова сделала важные археографические открытия и научные обобщения. Великолепное знание материалов фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва), многолетним сотрудником которого она была (в 1946–1964 и 1992–2001 гг.), а также Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ, г. Москва), Государственного исторического музея (ГИМ, г. Москва), позволило ей ввести в научный оборот многие уникальные и даже сенсационные документы по истории Башкортостана. В их числе печать Салавата Юлаева[2], гербы Уфы[3], «Отводная книга г. Уфы» – своеобразный сборник записей около 100 земельных актов города-крепости с 1591–1592 по 1624 г.[4], ходатайство Главы Симбирского и Уфимского наместничеств барона О.А. Игельстрома об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания – предшественника современного Центрального духовного управления мусульман России и т. д. Одним из фундаментальных открытий Натальи Федоровны на основании материалов Печатного двора из РГАДА стало выявление фактов существования многочисленных посольств представителей башкирского народа к Русскому царю с середины XVI вплоть до начала XVIII столетия для конкретизации условий своего подданства, что еще раз свидетельствовало о наличии договорных отношений между Башкирским краем и Москвой[5]. Новыми были также ее наблюдения и выводы о существовании вотчинного землевладения башкир задолго до их вхождения в состав Русского государства, а также специфике башкирской социальной верхушки, что делало невозможным ее включение в состав феодального класса страны[6].

Н.Ф. Демидова внесла значительный вклад в профессиональное становление и рост кадров историков в Башкортостане. Все, кто имел счастье быть знакомым и общаться с ней, получали от нее неизменную поддержку своих исследовательских замыслов, квалифицированные научные консультации и архивные справки, о чем свидетельствует

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3: Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. и автор вступ. ст. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова; отв. ред. Б.Д. Греков. 692 с.; М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 4, ч. 1: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / Сост. и автор вступ. ст. Н.Ф. Демидова; под ред. А.Н. Усманова; отв. ред. Н.В. Устюгов. 494 с.; Ч. 2. 494 с.; М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5: Башкирия в последней четверти XVIII века / Сост. и автор вступ. ст. Н.Ф. Демидова; под ред. С.М. Васильева; отв. ред. Н.В. Устюгов. 784 с.; Уфа: Китап, 2002. Т. 6: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Сост. и автор предисл. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова; подгот. к печ. Ю.М. Абсалямов. 766 с.

[2] Демидова Н.Ф. Печать Салавата Юлаева // Вопросы архивоведения. М., 1961. № 2 (апрель–июнь). С. 109.

[3] Демидова Н.Ф. Старинный герб г. Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы, 1971. С. 214–220.

[4] Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы: Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 259–351.

[5] Подробнее см.: Абсалямов Ю.М., Азнабаев Б.А. Научные труды Н.Ф. Демидовой по истории Башкортостана // Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана. С. 8–10. См. также с. 6–18 настоящего сборника.

[6] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 годов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 177, 198. См. также: Абсалямов Ю.М., Азнабаев Б.А. Научные труды Н.Ф. Демидовой по истории Башкортостана. С. 8, 11.

также научная корреспонденция Натальи Федоровны с такими корифеями башкортостанской исторической науки, как А.Н. Усманов, И.М. Гвоздикова и др. Она неустанно заряжала маститых и начинающих историков из Уфы творческой энергией для служения Науке и подавала им личный пример. Всех без исключения современников поражали ее спокойная мудрость, неиссякаемая научная любознательность и эрудиция, бескорыстная готовность делиться своими знаниями, поразительная человеческая доброжелательность, удивительная трудоспособность, необыкновенный литературный и редакторский дар, беспримерное соблюдение этических норм в научной полемике при всей академической педантичности, принципиальности и требовательности к качеству научной продукции. Обычно именно такие качества присущи настоящему Учителю и Человеку.

Историки Башкортостана традиционно чтят и ценят Н.Ф. Демидову. Отметим, что к ее юбилейной дате сотрудники Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Ю.М. Абсалямов, Б.А. Азнабаев, А.Д. Казанчиев, К.А. Мухамедьярова, М.Н. Фархшатов) подготовили замечательный подарок – сборник трудов Натальи Федоровны, посвященных истории башкир и Башкортостана, который был издан при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)[1].

В заключительный день работы Всероссийской научной конференции была принята резолюция, в которой подчеркивается необходимость дальнейшего изучения и публикации научного наследия выдающихся отечественных ученых, стоявших у истоков становления профессиональной исторической науки в регионах Российской Федерации[2]. В ней отмечалась также важность увековечения памяти Н.Ф. Демидовой. На пути реализации этого пункта пожеланий участников научного мероприятия уже сделаны первые шаги. Главное управление архитектуры и градостроительства Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан предварительно поддержало инициативу ИИЯЛ УФИЦ РАН о присвоении имени Натальи Федоровны одной из новых улиц г. Уфы. В настоящее время вопрос находится в проработке других структур мэрии. Думается, что позитивное соответствующее решение городских властей явится еще одним признанием значимости фундаментальной науки в прогрессе общества, вклада академических ученых в сохранение и развитие исторической памяти народов нашей страны.

М.Н. Фархшатов[*]

[1] Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана / [Сост. Ю.М. Абсалямов, К.А. Мухамедьярова, М.Н. Фархшатов; авт. вст. ст. Ю.М. Абсалямов, Б.А. Азнабаев;] отв. ред. Ю.М. Абсалямов. 360 с.

[2] Резолюция размещена на с. 331–332 настоящего сборника.

[*] ***ФАРХШАТОВ Марсиль Нуруллович*** *— кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; ведущий научный сотрудник; заведующий отделом; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; marsil@mail.ru.*

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-1

Ю.М. Абсалямов[*], Б.А. Азнабаев[**]

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.Ф. ДЕМИДОВОЙ ПО ИСТОРИИ БАШКОРТОСТАНА

Аннотация. В статье анализируется творческое наследие выдающегося российского ученого – историка, археографа, источниковеда, доктора исторических наук Натальи Федоровны Демидовой (1920–2015 гг.). Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН подготовил сборник «Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана»[1]. В него были включены научные статьи, рецензии и энциклопедические публикации, написанные ею в разные годы. Публикация сборника стала возможной благодаря издательскому гранту Российского фонда фундаментальных исследований (конкурс «Д», проект № 20-19-00233). Неоценимую помощь в подготовке и издании книги оказала дочь Натальи Федоровны – Елена Николаевна Чернявская. Работы Н.Ф. Демидовой являются образцом археографического исследования и публикации исторических документов, демонстрируют высокий профессиональный уровень автора, представляют собой пример построения исследовательского процесса, начиная с поиска, выявления и формирования документальной основы исследования с последующим анализом и заканчивая концептуальными обобщениями. Особый авторский стиль заключается в том, что при формулировке выводов Н.Ф. Демидова строго придерживалась своей фактологической базы, и именно поэтому ее исследования носят законченный и доказательный характер.

Ключевые слова: Н.Ф. Демидова, история Башкортостана, XVIII век, археография, РГАДА.

Наталья Федоровна Демидова (27 октября 1920 г. – 20 января 2015 г.) была родом из Ливенского уезда Орловской губернии (ныне Должанский район Орловской области РФ). В 1930-е гг. вместе с родителями она переехала в Москву. В 1942 г. окончила Московский государственный историко-архивный институт по специальности «История», в 1946 г. – аспирантуру этого же института. В 1946–1964 гг. работала научным сотрудником Центрального государственного архива древних актов СССР, в 1964–1967 гг. – Государственного исторического музея, в 1967–1976 гг. – Института Дальнего Востока АН СССР, в 1976–1992 гг. – Института истории СССР АН СССР, в 1992–2001 гг. – главным специалистом Российского государственного архива древних актов. В 1957 г. Наталья Федоровна защитила кандидатскую диссертацию «Башкирское восстание 1735–1736 годов», в 1989 г. – докторскую диссертацию «Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма». В последней были изложены результаты ее исследований по истории государственного аппарата и внешней политики России XVI–XVIII вв.

Под воздействием своего научного руководителя Н.В. Устюгова, оставившего заметный след в теоретическом осмыслении истории кочевых и полукочевых народов России, Н.Ф. Демидова заинтересовалась историей Башкирского края XVII–XVIII вв.,

[*] ***АБСАЛЯМОВ Юлай Маратович*** *— кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; старший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; absyul@mail.ru.*

[**] ***АЗНАБАЕВ Булат Ахмерович*** *— доктор исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет; кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии; заведующий кафедрой; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; ведущий научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; azbulattt@mail.ru.*

[1] Сборник подготовлен сотрудниками отдела истории и истории культуры Башкортостана: младшим научным сотрудником К.А. Мухамедьяровой, старшими научными сотрудниками Ю.М. Абсалямовым и А.Д. Казанчиевым, ведущим научным сотрудником Б.А. Азнабаевым и заведующим отделом М.Н. Фархшатовым.

сосредоточившись в основном на поиске и анализе архивных источников. Каждое исследование Натальи Федоровны, посвятившей изучению одного из опорных регионов России более полувека, затрагивает ключевые аспекты истории Башкортостана.

Уже не первое поколение исследователей продолжает работать с «Материалами по истории Башкирской АССР» (II, VI тома – «Материалы по истории Башкортостана»), III–VI тома которых изданы при непосредственном участии Н.Ф. Демидовой. Широко известный сборник представляет собой систематизированное научно-археографическое издание исторических документов XVII–XVIII вв., сосредоточенных в фондах федеральных архивохранилищ: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Государственного исторического музея (ГИМ).

Подготовка к печати документов по истории Башкирской АССР началась в 1934 г. по инициативе Историко-архивного института Академии наук СССР. Работа осуществлялась при материальной поддержке правительства Башкирской АССР. В 1936 г. под руководством А.П. Чулошникова вышел I том «Материалов по истории Башкирской АССР», посвященный башкирским восстаниям XVII – первой половины XVIII в. Представленные в нем документы позволяют проследить причины, общий ход народных движений, их идейную подготовку, основные движущие силы и формы борьбы.

Под руководством А.П. Чулошникова была продолжена работа и над II томом, освещающим события башкирского восстания 1755 г. В подготовке тома принял участие также известный тюрколог, профессор Н.К. Дмитриев, который перевел на русский язык приведенные в издании документы на смешанном чагатайско-татарском языке. Редактировал материалы Ш.И. Типеев. Среди предложенных к публикации источников, новых, имеющих особый научный интерес, множество документов, которые содержат уникальные сведения об идейном вдохновителе восстания Батырше Али-улы, о взаимоотношениях восставших башкир с казанскими татарами и казахами Малой и Средней Орды. В 1940 г. в издательство было сдано около 2 000 машинописных страниц II тома. Но подготовленные к печати гранки, к сожалению, были рассыпаны в связи с началом войны. В дальнейшем работа по составлению и публикации «Материалов по истории Башкирской АССР» прекратилась. В 1942-м в блокадном Ленинграде скончался А.П. Чулошников. И только в 2019 г. в Уфе, в республиканском издательстве «Китап», II том увидел свет.

Последующие тома «Материалов по истории Башкирской АССР» – результат труда Натальи Федоровны Демидовой, которая выступила в качестве составителя и автора вступительных статей:

III том – «Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.», под редакцией Н.В. Устюгова, ответственный редактор Б.Д. Греков (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 692 с.);

IV том, часть 1 – «Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в.», под редакцией А.Н. Усманова, ответственный редактор Н.В. Устюгов (М.: Изд-во АН СССР, 1956. 494 с.);

IV том, часть 2 – «Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в.», под редакцией А.Н. Усманова, ответственный редактор Н.В. Устюгов (М.: Изд-во АН СССР, 1956. 494 с.);

V том – «Башкирия в последней четверти XVIII века», под редакцией С.М. Васильева, ответственный редактор Н.В. Устюгов (М.: Изд-во АН СССР, 1956. 784 с.).

Безусловно, в многотомное издание вошли далеко не все сохранившиеся документы XVII–XVIII вв. по истории Башкортостана. Тем не менее опубликованные

уникальные архивные материалы представляют собой широкую источниковую базу для проведения дальнейших исследований. Принципиально важным является факт доступности изданных документов для широкой публики, в т. ч. для студентов. Можно без преувеличения сказать, что на этих материалах выросло не одно поколение ученых-историков. Публикация письменных памятников Башкортостана повысила интерес зарубежных исследователей к истории края. В результате проблемы дореволюционной истории Башкортостана стали обсуждаться и в зарубежной историографии.

В 2002 г. в издательстве «Китап» вышел в свет VI том документального сборника – «Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в.». В выходных данных к тому указано: составитель Н.Ф. Демидова, под редакцией Н.В. Устюгова. Даже находясь в преклонном возрасте, Наталья Федоровна нашла время и возможность подготовить VI том к изданию, работа над которым была практически завершена еще в 1947 г. Вышедший труд стал бесценным даром выдающегося ученого академической исторической науке.

Помимо этого Н.Ф. Демидовой были подготовлены статьи, посвященные земельным отношениям в башкирском обществе в XVI–XVIII вв., вопросам регионального управления, анализу социально-экономических отношений в XVIII в. и другим проблемам.

Особое место занимает цикл статей по российской, в т. ч. южноуральской, сфрагистике и геральдике, уникальных с точки зрения методологического подхода и методических приемов исследования (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Печать Салавата Юлаева – руководителя башкирских отрядов, участвовавших в Крестьянской войне 1773–1775 гг., обнаруженная Н.Ф. Демидовой в фондах РГАДА

Рис. 2. Герб Уфы и Уфимского наместничества, утвержденный 3 июля 1782 г., впервые опубликован в статье Н.Ф. Демидовой «Старинный герб города Уфы» в 1971 г.

К числу сенсационных открытий следует отнести обнаружение Н.Ф. Демидовой в составе фонда Поместного приказа Российского государственного архива древних актов «Отводной книги по Уфе»[1]. Этот уникальный источник в определенной мере позволил восполнить утрату документов Приказа Казанского дворца, характеризующих первые

[1] Отводная книга по Уфе (1591/92–1629) / Публикация Н.Ф. Демидовой // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 245–298.

годы существования Уфимской крепости. Наталья Федоровна указала на некоторую условность названия «Отводная книга», отметив, что в действительности этот источник является копийной книгой, т. е. сборником записей 100 земельных актов разного характера. Хронологически записи «Отводной книги» охватывают период с 7100 по 7132 г., т. е. с 1591–1592 по 1624 г.

Причины отвода земель спустя 5–6 лет после поселения служилых людей в Уфе были объективны. Массовый отвод поместных земель предполагал их активное заселение. Как правило, дворяне и дети боярские не жили в городах. В этом отношении уфимские служилые люди не отличались от других провинциальных дворян. Освоение уездных земель служилыми людьми было возможно лишь в условиях более или менее стабильной политической обстановки. Такой момент наступил в 1590 г., когда умер ногайский бий Урус – активный противник утверждения российской власти в Башкирии. После этого в орде началась десятилетняя усобица, в результате которой ногаи, кочевавшие в непосредственной близости от Уфы, начинают покидать пределы Башкирии. Окончательный исход произойдет уже после Смутного времени. До 1591 г. в связи с трудностями подвоза хлеба из центральных областей администрация приступила к созданию местной зерновой базы, что вылилось в организацию в окрестностях города государевой десятинной пашни. Впрочем, еще до 1591 г. отдельные уфимские дворяне явочным порядком захватили несколько участков земли вблизи города. Например, в 1591 г., т. е. в первый же год официального испомещения, сын боярский Неупокой Левашов получил в оклад земельную дачу, которую ранее «пахивал Иван Стрешнев». В 1594 г. был испомещен жилец Андрей Якшин, при этом часть его поместной дачи «ранее бывала пашня сотника стрелецкого Гаврилы Чечагова»[1]. Но подобных примеров немного. Н.Ф. Демидова убедительно доказала, что с момента основания города до времени первоначального испомещения в 1591 г. гарнизон Уфы обеспечивался казенным продовольствием и фуражом. М.К. Любавский также отмечал существование обычной для того времени практики, когда служилые люди нового города находились на полном иждивении казны, получая по 10 четвертей хлеба и 10 четвертей овса в год[2].

Заслуживает внимания, что Н.Ф. Демидова обнаружила в «Отводной книге» ценные указания о существовании на месте Уфы обширной запашки, которую осуществляли местные башкиры.

Ряд важных наблюдений Н.Ф. Демидовой касается темы вхождения башкир в состав Российского государства. Большинство дореволюционных исследователей и значительная часть советских историков связывали феномен вотчинного права башкир с земельной политикой центральной власти. В определенной степени этому мнению способствовали свидетельства башкирских шежере, указывавших на жалованные грамоты Ивана IV как на источник формирования вотчинного права. Вместе с тем еще в своей кандидатской диссертации Наталья Федоровна установила, что вотчинное право сложилось у башкир задолго до принятия российского подданства[3].

В 1980-е гг. Н.Ф. Демидова обнаружила массовый источник, уточняющий наши представления об условиях и характере вхождения башкир в состав Российского государства. До нее никто из исследователей не пытался восстановить утраченные акты Приказа Казанского дворца по книгам Печатного приказа. Этот приказ выполнял функции нотариального учреждения: удостоверял приложением печати акты, выдаваемые в Москве частным лицам, и брал за это у них печатные пошлины. Сюда поступали и печатные

[1] Отводная книга по Уфе (1591/92–1629). С. 269, 272.

[2] Любавский М.К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.: Свод и первоначальная обработка архивных материалов // Отдел рукописей РГБ. Ф. 346. Карт. 7. Д. 2 (а). Л. 119–120.

[3] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 177.

пошлины, взимаемые за регистрацию частных актов в приказных избах на всей территории России.

Основную часть фонда Печатного приказа занимают записные книги переданных в Печатный приказ грамот (жалованных, отказных, меновных, ввозных, судебных), представляющие в порядке хронологии краткие записи содержания грамот с обозначением: кому она выдана, местонахождение вотчины, поместья и их размеров, а так же суммы взимаемых печатных пошлин и пошлин записи, или записи с освобождением от их уплаты и обоснованием этого освобождения.

Несмотря на предельную краткость этих выписей, данные материалы можно считать одним из самых репрезентативных исторических источников XVII в., поскольку только жители дворцовых владений фиксировали печатные пошлины не в Печатном приказе, а в приказе Большого дворца. Однако исследование данного фонда представляет значительную трудность, поскольку выписи с указов географически не локализованы. По этой причине поиск выписей по Уфимскому уезду Н.Ф. Демидовой пришлось осуществлять путем сплошного просмотра книг, насчитывающих нередко до 1 000 страниц. В результате исследовательнице удалось обнаружить факт многочисленных башкирских посольств, посещавших Москву каждые 10–15 лет на протяжении всего XVII в., вплоть до восстания 1704–1711 гг.[1] Внимательно проанализировав комплекс челобитных, которые привозили башкирские посольства, автор пришла к выводу, что первоначальные делегации башкирской знати к Ивану IV носили декларативный характер. Они предполагали в будущем осуществить дальнейшую конкретизацию основных положений подданства башкир, которые не могли быть утверждены в ходе первых контактов башкирских представителей с российскими властями.

Башкирские посольства представляли интересы всего башкирского народа, а не отдельных родоплеменных групп. Таким образом, в XVII в. башкиры вполне осознавали концепцию представительства от всего народа, несмотря на то, что первоначально российское подданство они принимали по отдельным родам. Н.Ф. Демидова попыталась по косвенным признакам установить численный состав этих посольств. Дело в том, что башкирские посланцы должны были предстать перед государем. Для этой цели, согласно посольским обычаям, башкирам шилась парадная одежда. Например, от 1645 г. сохранился документ о заказе парадной одежды и шапок на 10 персон. Большинство вопросов, которые поднимали коллективные челобитные башкир, касались вотчинных прав. Как отмечает Наталья Федоровна, если земельные права нарушилось русскими, то башкиры выступали всей волостью. Так, в 1645 г. башкиры Минской волости обвинили уфимских дворян и крестьян с. Богородского в незаконном пользовании землями и рыбными ловлями по р. Белой.

Большой интерес вызывает обнаруженная Н.Ф. Демидовой коллективная челобитная башкир Бучея Безерганова «с товарищи» по поводу строительства острога вблизи границы между Уфимским и Казанскими уездами. По этому поводу был сделан запрос в Казани «о присылке сведений на которую землю острог хотят перенести и сколь далече от Казанского уезда». В данном случае речь идет о постройке Мензелинского острога в 1645 г., недалеко от впадения р. Мензелы в Ик. Но протест башкир не был учтен, так как новая крепость имела важное стратегическое значение. Ее строительство вызвало волнения закамских башкир, пытавшихся помешать строительству крепости.

Одним из наиболее интересных фактов, обнаруженных Н.Ф. Демидовой в материалах фонда Печатного приказа явилось указание на существование в середине

[1] Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 179–187.

XVII в. практики взимания с башкир ясака солью. В 1644 г. Безан Бакширин подал челобитную от башкир всего Уфимского уезда, выступив против замены соляного ясака медовым. В ответном указе было предписано: «…В съезжей избе выписать и сыскать – с которого года с них на Уфе начали собирать мед за соль и по государеву указу им по воеводскому высмотру»[1]. Тем не менее, в фонде Камер-коллегии сохранился рапорт коменданта Уфимской провинции И. Бахметьева от 1720 г., в котором отмечается, что башкиры платили ясак за пользование илецкой солью с глубокой древности: «Илецкая соль родится на степи на пещаном месте на их ясачной земле... исстари отцы и деды их довольствовались солью, что брали из оной реки, за что и службу служили и ясаку давали из давних лет»[2].

В 40-е гг. XVII в. последовала целая серия челобитных ясачных башкир, обвинявших тарханов в несправедливом дележе военной добычи, захваченной во время набегов на калмыцкие улусы. Наиболее существенная из таких претензий была адресована тархану Бильбудаю Колебаеву «с товарищи», который обидел сородичей при распределении трофейных лошадей и пленных калмычек[3].

Одной из самых сложных проблем в изучении башкирского общества XVII–XVIII вв. является вопрос о применимости к башкирам теории «кочевого феодализма». Первым историком, заявившим, что башкирское общество уже к середине XVI в. находилось на стадии зрелого феодализма, был Н.В. Устюгов – научный руководитель Н.Ф. Демидовой[4]. В своем исследовании он опирался на главный вывод работы Б.Я. Владимирцева о существовании у монголов XII–XIII вв. системы развитого феодального вассалитета. Н.В. Устюгов рассматривал вхождение башкирских родов и племен в состав Российского государства как процесс утверждения вассальной зависимости башкирских феодалов от русского царя. По его мнению, такие условия башкирского вассалитета, как передача земли в обмен на службу, невмешательство во внутренние дела и сферу вероисповедания башкир в обмен на ясачную подать, были типичными для феодально-ленной системы. Николай Владимирович Устюгов, кроме того, указал на распространенную среди башкирских феодалов практику свободного отъезда от сюзерена, т. е. одностороннего выхода из вассального договора в случае нарушения его условий. По его утверждению, идеология всех башкирских восстаний XVII–XVIII вв. основывалась на убеждении башкирских феодалов в свободном характере службы русскому царю. Он писал, что башкирские феодалы трактовали свое подданство русскому царю как вассалитет. Они смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольными, то это предполагало и право отъезда, если условия вассалитета казались не приемлемыми для вассала.

Концепция башкирского феодального вассалитета стала настолько распространенной, что ее разделяли даже те исследователи, кто в целом не поддерживал основные положения работ Н.В. Устюгова. Применение теории «кочевого феодализма» к изучению ряда ключевых событий башкирской истории XVII–XVIII вв. приводит к концептуальным противоречиям, которые не могут быть преодолены в рамках формационной теории. Например, вопрос о невозможности инкорпорации представителей башкирской кочевой знати в состав российского феодального сословия не имеет объяснения с точки зрения апологетов теории «кочевого феодализма». У.Х. Рахматуллин лишь отметил это противоречие в своем исследовании, но не проанализировал причину

[1] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 671. Л. 391.
[2] Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 613. Л. 808.
[3] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 671. Л. 451.
[4] Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950.

данного явления[1].

В этой связи нельзя не упомянуть о неоднократном изменении трактовки причин башкирских восстаний. Отсутствие ясной позиции по этому вопросу обусловлено непониманием социальной структуры башкирского общества XVII–XVIII вв. и, в первую очередь, переносом социальной модели классического феодализма на общество полукочевников. Это концептуальное противоречие попыталась разрешить Н.Ф. Демидова. На основании исследования фундаментального комплекса источников XVIII в. она сделала вывод о том, что башкиры находились на такой ступени развития феодальных отношений, которая не может быть классифицирована как однозначно феодальная. Патриархальность общественных отношений была присуща всей группе кочевых и полукочевых народов Востока. Башкирское общество миновало рабовладельческую стадию и, как следствие этого, имело сильные пережитки первобытных родовых отношений. Таким образом, был использован ленинский аргумент о том, что за перескакивание определенных ступеней развития общество платит пережитками, сохраняющимися в форме прежних укладов.

Тем не менее, Н.Ф. Демидова не поддержала утверждение Н.В. Устюгова о том, что вхождение Башкирии в состав России имело форму утверждения вассальной зависимости башкирских феодалов от русского царя. По ее мнению, столкновение двух ступеней феодализма – феодализма русского, стоявшего на ступени, предшествующей его разложению, и феодализма башкирского, с сильными пережитками родовых отношений, не могло разрешиться прямым включением Башкирии в общую систему феодальных отношений. Наталья Федоровна особо подчеркнула, что развитие феодальных отношений на Южном Урале не только отставало от аналогичного процесса в центральной России, но и шло по своеобразному пути, не дававшему на данной стадии, т. е. в начале XVIII в. возможности для такого включения[2].

Н.Ф. Демидова отметила качественную специфику социальных отношений в Башкирии в первой трети XVIII в., которая, по ее мнению, не была следствием стадиального отставания в развитии феодальных отношений. Следовательно, утверждала она, башкирская кочевая знать первой трети XVIII в. не могла быть включена в состав феодального класса Российского государства. Причина этого, по ее мнению, заключалась в том, что башкирские феодалы не только не обеспечивали спокойствия в крае, но сами выступали его нарушителями. Слабость и неоформленность башкирского феодального класса была обусловлена наличием сильных пережитков родового строя и зачаточных форм внеэкономического принуждения. Эти факторы делали башкирских феодалов недостаточно сильными для противопоставления трудящимся массам, для твердого проведения всех мероприятий царского правительства. Именно поэтому в начале XVIII в. правительство начинает борьбу за ликвидацию класса башкирских феодалов, за перевод башкир в разряд государственных крестьян[3].

Таким образом, в своем исследовании Н.Ф. Демидова, не отрицая принадлежности башкирской кочевой знати к классу феодалов, тем не менее, указывала на специфику положения башкирской верхушки, обусловленного сильными пережитками родовых отношений. Пережитки родового строя выражались, во-первых, в сохранении структуры родового общества, а во-вторых, в маскировке феодальных отношений родовыми институтами.

Следует отметить, что концепция маскировки феодальных отношений формами общинной собственности вполне соответствует традициям так называемой «философии

[1] Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 7.

[2] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг. С. 212.

[3] Там же. С. 198.

подозрения». Основоположниками последней принято считать К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда[1]. Согласно К. Марксу, вся философия, вся идеология есть ложное сознание, которое вуалирует реальность хозяйственных циклов. В одном из новейших исторических исследований, посвященном истории башкирского народа, его авторы вновь прибегли к этой марксистской концепции: «Общинная собственность на землю, это основное средство производства в башкирском обществе, сравнительно плотно маскировала все виды экономических связей в крае»[2]. Тем не менее: «Частная собственность знати уже проглядывает сквозь обветшавшие патриархальные завесы. Сосредоточение в руках тарханов, старост, старшин и им подобных основной массы скота, а также обладание ими административно-судебной властью на местах наглядно свидетельствуют об установлении их экономической власти. В целом развитие производительных сил, рост земледелия и усиление роли товарно-денежных отношений определяют дальнейшее углубление феодальных отношений у башкир»[3].

Возникает вопрос, насколько феодальным отношениям свойственно подобное «прикрытие» патриархальной оболочкой? К примеру, признанный теоретик европейского феодализма А.Г. Гуревич утверждает, что феодальным производственным отношениям, в отличие от капиталистических, свойственна ясность, прозрачность и конкретность: «Буржуазная собственность может быть совершенно анонимна, между тем, как феодальная собственность всегда имеет свое имя и дает его господину; земля для него – не только объект обладания, но и родина, со своей историей, местными обычаями, верованиями, предрассудками»[4]. По-видимому, советские исследователи, вскрывавшие «патриархальную оболочку» башкирского общества XVI–XVIII вв. для выявления феодальных отношений, пребывали в повседневности, в которой маскировка отношений собственности действительно имела принципиальное значение. Обнаружить фактическое отличие государственной собственности от общенародной могли только сведущие в казуистике советского права профессионалы.

Вопрос о том, сохранили ли башкиры в XVII – первой трети XVIII в. структуры архаического родового общества, остается открытым. В ряде современных работ, в частности, в последнем исследовании по исторической этнографии башкир, указывается, что развитие социально-экономических отношений в башкирском обществе шло по пути распада первоначальных родовых объединений. Его авторы пишут, что, в конечном счете, исчезают все формы родовых пережитков, и повсюду начинает господствовать хозяйство отдельной семьи[5]. Глубина родовых отношений, присущая башкирскому обществу в XVIII в., оценивается исследователями также в довольно широком диапазоне. Если Н.Ф. Демидова подчеркивала доминирование родовых пережитков, придававших уникальный характер башкирскому феодализму, то Ф.А. Шакурова отметила вполне зрелые феодальные отношения, по крайне мере, достаточные для формирования протогосударственных образований типа «чифдома»[6].

К. Маркс же вполне ясно сформулировал основной смысл феодальной земельной собственности: «Экономическим содержанием собственности является рента. Если мы понимаем феодальную собственность как экономические отношения двух классов, значит, она синонимична рентным отношениям»[7]. Он уточнил, что по величине феодальная

---

[1] Визгин В.П. На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия. М., 2004. С. 333.

[2] История башкирского народа: В 7 т. Уфа, 2011. Т. 3. С. 102.

[3] Там же. С. 102.

[4] Гуревич А.Я. Избранные труды: [В 4 т.]. М.; СПб., 2007. Т. 2: Средневековый мир. С. 201.

[5] Башкиры: этническая история и традиционная культура / Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Уфа, 2002. С. 166.

[6] Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа, 2009. С. 88.

[7] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1955. Т. 4. С. 170. См. также: Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1963. Т. 26. Ч. 2. С. 170, 327; М., 1964. Т. 26. Ч. 3. С. 415.

земельная рента определяется как доля, охватывающая весь прибавочный продукт[1]. Основоположник марксизма предвидел трактовку феодальной собственности в юридическом плане, т. е. собственность как право распоряжения. Поэтому он особо указал: «Отдельная категория собственности существует лишь в праве, а не в экономике. Попытка определить собственность как “независимое отношение” ведет к “метафизической и юридической иллюзии”»[2]. Таким образом, не правовой (распоряжение), а экономический (рента) аспект определяет сущность феодальной собственности.

Существовали ли у башкир в XVI–XVIII вв. рентные отношения? Н.Ф. Демидова пришла к выводу, что «документы не позволяют судить о наличии каких-либо видов постоянной денежной ренты в башкирском обществе»[3]. Это и другие наблюдения и рассуждения талантливого историка не потеряли своей ценности и актуальности и в настоящее время.

Ниже приводится далеко неполный список научных трудов Н.Ф. Демидовой, демонстрирующих широту ее научных интересов и неоценимый вклад в российскую историографию, в т. ч. в исследование истории Башкортостана.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАТАЛЬИ ФЕДОРОВНЫ ДЕМИДОВОЙ[4]

Башкирия во второй половине XVIII в. // Очерки по истории СССР периода феодализма. 2-я половина XVIII в. М., 1956.

Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964.

В. и Г. Холмогоровы // Историки и краеведы (некрополь). М., 1996.

В.О. Ключевский как председатель Общества истории и древностей российских (1893–1905) // Тезисы докладов Всесоюзных научных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения В.О. Ключевского. Пенза, 1991.

В.О. Ключевский как председатель ОИДР // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1994.

Ведомость об участии нерусского населения Башкирии в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5.

Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108.

Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571–1580 // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998 (совместно с И. Гралей, Б.Н. Флорей и Ю.М. Эскиным).

Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Живой справочник для исследователей (С.А. Белокуров) // Краеведы Москвы. М., 1995. Кн. 2.

Землевладение дьяков в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985.

Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XV–XVIII вв. // Ежегодник

---

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1962. Т. 25. Ч. 2. С. 264, 346, 356, 357, 362; Т. 26. Ч. 3. С. 415.

[2] Там же. М., 1955. Т. 4. С. 168, 318; М., 1960. Т. 16. С. 26; М., 1962. Т. 27. С. 406; М., 1974. Т. 42. С. 106.

[3] Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг. С. 237.

[4] Данный список научных публикаций был подготовлен Н.Ф. Демидовой в 1998 г. В дополнение см. также: Список научных трудов Н.Ф. Демидовой // Археографический ежегодник за 2000 г. / Отв. ред. акад. Рос. акад. образования С.О. Шмидт; Археограф. комиссия Отд. истории РАН, Фед. архивн. служба России. М., 2001. С. 402–405.

по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.

Из истории освоения Приохотья в XVII в. // Вопросы истории. 1977. № 9.

Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974.

Изображение среднего течения Иртыша на картах С.У. Ремезова // Изображение старых карт в географических сочинениях. М., 1980.

Инструкция В.Н. Татищева о порядке преподавания в школах приуральских казенных заводах // Исторический архив. М., 1950. Т. 5.

История заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

История народа коми в 1-й половине XVIII в. // Очерки по истории СССР периода феодализма. 2-я четверть XVIII в. М., 1957.

К 90-летию Е.Н. Кушевой // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990 (совместно с Л.К. Бажановой).

К вопросу о датировке грамот китайских императоров Минской династии царю Михаилу Федоровичу // Проблемы востоковедения. 1960. № 1 (совместно с В.С. Мясниковым).

К вопросу о социальной сущности половничества в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.

Материалы по истории Башкирской АССР: Сб. док. и мат-лов. М., 1949. Т. 3.

Материалы по истории Башкирской АССР: Сб. док. и мат-лов. М., 1956. Т. 4. Ч. 1.

Материалы по истории Башкирской АССР: Сб. док. и мат-лов. М., 1956. Т. 4. Ч. 2.

Материалы по истории Башкирской АССР: Сб. док. и мат-лов. М., 1960. Т. 5.

Неувядаемый венец (Братья Холмогоровы) // Краеведы Москвы. М., 1997. Вып. 3.

О вариантах статейного списка посольства Ф.Л. Байкова // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.

Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII столетия. М., 1989.

Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов // Южно-уральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1.

Таблицы алфавитов и начертаний букв // Л.В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956. 15 табл.

Памяти М.Я. Волкова // Отечественная история. 1997. № 6.

Памятники местной статистики о крестьянских отходах в XVIII в. // Мат-лы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1.

Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966 (совместно с В.С. Мясниковым).

Печати русских государственных учреждений XVII–XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 2.

Печать Салавата Юлаева // Вопросы архивоведения. 1961. № 2.

Половничество в Яренском уезде в XVIII в. // Тезисы докладов 6-й сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1963.

Празднование 400-летия присоединение Башкирии к Русскому государству // Вестник АН СССР. 1957. № 9.

Приказные люди XVII века // Исторические записки. 1972. № 90.

Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.

Пролог: сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем // Родина. 1993. № 3.

Работные люди в XVII–XVIII вв. // История рабочего класса СССР. М., 1983 (2-е изд. 1988). Т. 1.

Развитие крепостничества и зарождение капиталистических отношений на территории Коми-края // Очерки по истории Коми. АССР. М., 1955. Т. 1.

Русские городские печати XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966.

Русские таможенные печати XVII–XVIII вв. // Аграрная история русского Севера. Вологда, 1970. Вып. 2.

Русско-белорусские связи: Сб. док. и мат-лов. М., 1964 (совместно с составительским коллективом).

Русско-кабардинские отношения в X–XVIII вв.: Сб. док. М., 1957 (совместно с Е.Н. Кушевой и А.М. Персовым).

Русско-китайские отношения в XVII в.: Мат-лы и док. М., 1969. Т. 1 (совместно с В.С. Мясниковым).

Русско-китайские отношения в XVII в.: Мат-лы и док. М., 1972. Т. 2. Составление, археографическое введение, комментарии (совместно с В.С. Мясниковым).

Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док. М., 1978. Т. 1 (совместно с В.С. Мясниковым).

Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док. М., 1990. Т. 2 (совместно с В.С. Мясниковым и А.И. Тарасовой).

Сливовый счет // Родина. 1992. № 2.

Служилая бюрократия и ее роль в формировании абсолютизма в России в XVII в. М., 1987.

Социальная база комплектования местной группы приказных людей // Феодализм в России. М., 1987.

Социальная структура приказной группы служилых людей XVII в. // Торговля, промышленность и город в России XVII – начало XVIII в. М., 1987.

Социально-экономические отношения в Башкирии в 1-й половине XVIII в. // Тезисы докладов на Сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1957.

Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Мат-лы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Старинный герб г. Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Управление Башкирией в первой трети XVII в. // Исторические записки. 1961. № 68.

Уфа феодальная // История Уфы. Уфа, 1976.

Федор Алексеевич // Первые Романовы на русском престоле. М., 1996 (совместно с Л.Е. Морозовой, А.А. Преображенским).

Формы труда в Русском государстве первой половины XVII в. // Мат-лы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства: Сб. док.: В 3 вып. М., 1988–1989.

РЕДАКТИРОВАНИЕ МОНОГРАФИЙ И СБОРНИКОВ ДОКУМЕНТОВ

Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974 (совместно с И.А. Булыгиным и Б.В. Левшиным).

Материалы по истории Русско-монгольских отношений. 1654–1685: Сб. док. М., 1996.

Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов Московских приказов XVI – нач. XVII вв.: (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). М., 1994 (совместно с

Н.Ш. Колман).

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. М., 1988.

РЕЦЕНЗИИ НА МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

Александров А.А. Россия на дальневосточных рубежах [рец.] // Народы Азии и Африки. 1971. № 3.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана [рец.] // Отечественная история. 1997. № 2.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие [рец.] // Вопросы истории. 1978. № 7.

Зарождение рабочего класса на Украине. Середина XVIII столетия – 1861 г.: Сб. док. [рец.] // Советские архивы. 1984. № 1 (совместно с Ю.И. Кирьяновым).

Иванов И.В. Социально-экономические отношения в Якутии в XVII в. [рец.] // Полярная звезда. 1968. № 1.

Иванов В.Н. Русские ученые о народах Северо-Восточной Азии [рец.] // Вопросы истории. 1981. № 2.

Исторические источники и их использование [рец.] // Український історичний журнал. 1965. № 12.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. [рец.] // Народы Азии и Африки. 1970. № 1.

Материалы по истории Удмуртии XVI–XVII вв. [рец.] // Исторический архив. 1961. № 2 (совместно с И.М. Павловой).

Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей [рец.] // Отечественная история. 1997. № 1.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1 [рец.] // Вопросы истории. 1957. № 6.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2 [рец.] // Вопросы истории. 1962. № 10.

Пашков А.М. Гербы Карелии [рец.] // Советские архивы. 1995. № 5.

Путеводитель ЦГАДА. Т. 1. [рец.] // Отечественные архивы. 1992. № 1.

Соборное уложение 1649 г. [рец.] // История СССР. 1990. № 1.

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. [рец.] // Вопросы истории. 1968. № 5.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. [рец.] // Новый мир. 1975. № 8.

СТАТЬИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

Гербы Башкортостана (совместно с Г.Т. Хусаиновой) // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Башкирские восстания (совместно с И.А. Булыгиным) // Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М., 1970. Т. 3: Бари–Браслет. 1970.

Оренбургская экспедиция // Советская историческая энциклопедия: В 12 т. М., 1967. Т. 10: Нахимсон–Пергам.

История от древних славян до Петра I // Энциклопедия для детей. М., 1995. Т. 5. Ч. 1.

Источники и литература

1. Башкиры: этническая история и традиционная культура / Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. 248 с.

2. Визгин В.П. На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
3. Гуревич А.Я. Избранные труды: [В 4 т.]. М.; СПб., 2007. Т. 2: Средневековый мир. 560 с.
4. Список научных трудов Н.Ф. Демидовой // Археографический ежегодник за 2000 г. / Отв. ред. акад. Рос. акад. образования С.О. Шмидт; Археограф. комиссия Отд. истории РАН, Фед. архивн. служба России. М.: Наука, 2001. С. 402–405.
5. Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От древней Руси к России Нового времени. М.: Наука, 2003. С. 179–187.
6. Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 300 с.
7. История башкирского народа: В 7 т. Т. 3. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
8. Любавский М.К. Русская помещичья и заводская колонизация Башкирии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в.: Свод и первоначальная обработка архивных материалов // Отдел рукописей РГБ. Ф. 346. Карт. 7. Д. 2 (а). Л. 119–120.
9. Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 4. 616 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. 16. 840 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. Т. 25. Ч. 2. 552 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 26. Ч. 2. 704 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1964. Т. 26. Ч. 3. 675 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. Т. 27. 696 с.; М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974. Т. 42. 514 с.
10. Отводная книга по Уфе (1591/92–1629) / Публикация Н.Ф. Демидовой // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 245–298.
11. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
12. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л.: АН СССР, 1950. 154 с.
13. Шакурова Ф.А. Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 199 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-2

М.В. Бабич*

СЕНАТОРЫ 1730-х гг. В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируются персональный состав Сената и политика по отношению к нему на всем протяжении 1730-х гг. То и другое оценивается с точки зрения реконструкции действующих тогда правовых норм, которые сложились в предшествующее десятилетие. В итоге делается вывод, что уникальное совпадение опирающихся на петровские начала ожиданий верховной власти и сформированных в петровское же время личных качеств аннинских сенаторов создает предпосылки для пересмотра традиционных представлений о месте образуемого ими учреждения в истории периода.

Ключевые слова: Верховная власть, «внутренние дела», правительство, Сенат, сенаторы, управление.

Многочисленные описания Сената царствования Анны Иоанновны (1730−1740) и неотрывного от него регенства при императоре-младенце Иоанне Антоновиче (1740−1741) в своих оценках сводятся к тому, что 1730-е гг. были временем «падения» этого высшего с 1711 и до 1917 г. учреждения империи. Вместе с тем его архивное наследие, на которое и опираются научные знания об эпохе, количественно сравнимо с двадцатилетним елизаветинским, а качественно являет собой самое полное и последовательное отражение всех процессов в жизни страны.

Та же парадоксальность свойственна и представлениям о Сенате XVIII в. вообще, в изложении истории которого монографии и университетские курсы как будто подражают истории древнеримского Сената с чередой его возвышений и упадка. Мирно уживаясь с описаниями сквозь призму главным образом судебного профиля российского Сената XIX−начала XX вв. в лучших энциклопедиях и тиражируемыми в литературе и искусстве образами сонма награжденных за прошлые достижения дряхлых старцев. Настоящая статья, разумеется, не претендует на слом укоренившейся традиции путем открытия неких сенсационных фактов или критики переходящих из работы в работу ошибок. Ее цель − конкретизировать никем не оспариваемое положение о центральном месте Сената в государственном аппарате 1730-х гг. на основе обращения к назначениям и отчасти биографиям членов в сопоставлении с выраженным в законодательстве пониманием их «должности».

По возможности не вступая в споры о перспективах предложений о Сенате, выдвигавшихся в событиях января−февраля 1730 г. вокруг «конституции» и воцарения Анны Иоанновны как самодержавной императрицы, все же не обойти теснейшей связи с ними «определения» его Манифестом 4 марта «для правления… на таком основании и в такой силе, как при… Петре Великом». Соответствие его деклараций требованиям дворянского большинства «сочинить вместо Верховного тайного совета и Высокого Сената один Правительствующий Сенат» с наполнением «21 персоною» широко известно вместе с игнорированием его установки на сословную выборность данных «персон»[1]. Неопровержимы также «разнопартийность» первых аннинских сенаторов, почти поголовно участвовавших в движении за ограничение монаршей власти на стороне его инициаторов или противников, их принадлежность либо к виднейшим сановникам, либо к

* ***БАБИЧ Марина Виленовна*** *— доктор исторических наук; г. Москва, Россия; mbabich1@yandex.ru.*

[1] Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 8. № 5 510; Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. / Сост. П. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. № 3 721; Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат в царствования Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за двести лет, 1711−1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. С. 482−484.

«рядовому» генералитету и быстрое сокращение их совокупного числа почти вдвое при спорадических заменах выбывавших впредь[1].

Однако за рассуждениями об утрате Сенатом шансов на превращение в самостоятельную политическую силу еще до образования осенью 1731 г. «над» ним Кабинета министров (официально − Кабинета е. и. в.) и превращении взамен в характерное для самодержавного правления сугубо бюрократическое учреждение обычно забываются не менее однозначные факторы. Прежде всего − единодушное восприятие Сената как символа и в то же время залога прочности свершений Петра, своего рода клятва верности и готовности хранить, которые отчетливо звучит в цитированных документах, в той или иной форме повторяясь при переменах на престоле до конца столетия.

Правда, каждая из сторон проявляет и склонность трактовать петровские догмы в свою пользу: одна апеллирует к широко внедряемым в 1710-е гг. «баллотировкам» военных и статских служащих, хотя сенаторов-то император всегда ставил сам; другая якобы в предотвращение несправедливостей «в каком государственном или партикулярном деле» тех, чьим «указам да всяк будет послушен», по сути, отменяет норму 1718 г. о запрете бить челом на сенатские приговоры[2]. Подобное тоже повторялось, пожалуй, ярче всего в знаменитом «Наставлении» Екатерины II генерал-прокурору кн. А.А. Вяземскому, где утверждалось, что «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, деньги, деревни, одним словом − почти все, и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах»[3].

Отрицая неоднократно оговоренные Петром полномочия издания законодательных актов и безошибочно выделяя из типичных сенатских «дел» те, которые (касательно бюджета, штатов, землевладения) и сообщали ему определенную степень высшей власти, Екатерина не только подчеркивала безраздельность собственных прерогатив на выражение государственной воли. В контексте ее дальнейших преобразований «секретнейшее» выступление против освященной Генеральном регламентом 1720 г. системы управления знаменовало начало ее кардинальной реорганизации, главный вклад в которую внесла губернская реформа 1775 г., но неотъемлемой частью которой было и разделение в декабре 1763 г. Сената на 4 петербургских и 2 московских департамента по предложению гр. Н.И. Панина.

Напрашивающаяся аналогия с последним «росписи» по 5 департаментам аннинских сенаторов 1 июня 1730 г. по предложению гр. А.И. Остермана показывает, что логика развития петровской государственности предусматривала и такой путь[4]. Тем не менее от идеи вменить членам юридически единого собрания подготовку «мнений» по порученным отраслям административно-судебного регулирования, которые выносились бы на совместное слушание только к «полному решению» (читай, утверждению), пришлось отказаться уже к февралю 1731 г.[5] В объяснение этого[6] выдвигались соображения о пассивном сопротивлении среды как естественной в условиях неустойчивости режима реакции на изменения привычного уклада, о беспочвенности

---

[1] Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 485−488; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730−1735 г. СПб., 2001. С. 39−41, 43−47, 51−57, 59−62; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерк политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 225−227.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. № 3 261.

[3] Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел 1744−1796 / Собр. и изд. П.П. Пекарский. СПб., 1871. Т. 1. С. 347.

[4] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 8. № 5 570, 5 606; Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 594.

[5] Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 593−595; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 52−53, 90.

[6] В оценке крупнейшего исследователя эпохи Н.Н. Петрухинцева, реформирование Сената было частью внутриполитической программы нового правительства. См.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 69−77.

предписаний о подприсутствиях из «4−5 сенаторов» при продолжающемся сужении присутствия общего и самой сложности «канцелярского» вопроса, куда докладывать о проблемах, надлежащих «по силе дел в разные департаменты».

Добавим также, что и закрепление за ними состоявших в Сенате особ не отвечало ни их обнаруженным до и после объективным дарованиям, ни субъективным устремлениям, ни другим осознанным в июне 1730 г. задачам. Например, кн. Д.М. Голицын кажется способным руководить финансами как президент Камер-коллегии 1718−1722 и председатель Комиссии о подати в 1727−1730 гг. Но при утрате недавнего влияния, репутации вождя аристократической оппозиции и даже непрерывных с начала 1730-х гг. болезнях он едва ли мог возглавить актуальнейшее тогда направление правительственной деятельности (ведущим идеологом которого вскоре станет обер-прокурор Сената А.С. Маслов)[1]. Фельдмаршал кн. В.В. Долгорукий и из-за включенности в опальный клан, в декабре 1731 г. вылившейся в арест и заточение, и из-за ослабления связей с военной элитой за годы предыдущей ссылки (1718−1724) и командования в «персидских провинциях» (1726−1728) даже в президентах Военной коллегии не был вовлечен в осуществлявшиеся как раз в 1730−1732 гг. нововведения в армии.

В товарищах же его по департаменту «военных сухопутных и морских дел» признать сведущих в состоянии ведомства экспертов еще сложнее. Кроме заслуг в восстановлении самодержавия генерал-майор кн. А.И. Шаховской мог предъявить преимущественно представительство имперских интересов в Малой России, с которой с декабря 1732 г. и переплелась опять его карьера. Что касается бесспорно выдающегося гр. П.И. Ягужинского, то его вплоть до удаления (по убеждению и современников, и потомков) из столицы в ноябре 1731 г. на дипломатическое поприще занимали не «воинские непорядки», которые он громко обличал в феврале 1725 г. И не возвращенное 2 сентября 1730 г. «покамест» прежнее (1722−1726) кресло генерал-прокурора[2], а Конюшенный и Сибирский приказы и, главное, личное упрочение на вершине властных структур.

Как и самого А.И. Остермана, которому с укреплением своей лидирующей позиции неизбежно пришлось снизить уровень увлечения экономической проблематикой, хотя он не бросил Комиссии о коммерции 1726−1733 гг. и «записал» за собой торгово-промышленный департамент. Неудивительно, что департаменты «юстицкий» и церковный, который не попал в перечень «государственных дел» Генерального регламента (в расчете на запланированный Духовный регламент 1721 г.?), по чинам, служебному прошлому и общественно-политическому весу своих членов получились идентичными. В одном фельдмаршал кн. И.Ю. Трубецкой, генерал-аншеф и л.-гв. подполковник А.И. Ушаков, генерал-майоры кн. Г.А. Урусов и С.И. Сукин. В другом, чья номинальная приоритетность подкреплялась введением канцлера гр. Г.И. Головкина, неизменно приглашавшегося на почетнейшие места как ближайший сподвижник Петра (нигде себя уже активно не проявляя), − генерал-аншеф (нынешний московский губернатор) Г.П. Чернышев и генерал-майор (бывший белгородский губернатор) кн. Ю.Ю. Трубецкой.

В завершение сюжета о необъявленном угасании департаментов заметим, что содержание и особенно пределы компетенции высших должностных лиц относились к категории «дел», о которых несомненно избегали публиковать «во всенародное известие». Возможно, отдельно помня о чуть не закончившемся «революцией» правлении Верховного тайного совета, уже при учреждении которого 8 февраля 1726 г. отважились

[1] Приведенные здесь и далее биографические сведения опираются, наряду с общедоступными, на архивные и печатные данные, частично представленные в научных публикациях автора в течение последних десятилетий. В настоящей статье ссылки на использованные материалы ввиду их множественности опускаются.

[2] С его отъездом не занятое до апреля 1738 г. См.: Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 601−603.

говорить, что Петр «изволил определить правительство Сената… из… знатнейших и поверенных персон» для «правления государственных внутренних дел»[1]. А 8 марта 1726 г. вернуться к зафиксированным в декабре 1718 г. и 27 апреля 1722 г. статьям «должности» Сената, уточнив, что сенаторы работают «по указам, Уложению и государственным правам», донося в Совет, когда «такое дело случится, на которое нет ясных указов или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему решению подлежит»[2].

Теперь не допускалась и столь сдержанная квалификация обязательных к докладу е. и. в. «дел», не попав ни в именной указ от 18 октября 1731 г. об открытии Кабинета «для порядочного отправления всех государственных дел, которые к собственному нашему определению и решению подлежат»[3], ни в другие акты о взаимном положении и «сношениях» обеих инстанций. А свыше 70 постановлений 1730-х гг., учтенных в «Полном собрании законов» как имеющие в виду Сенат и сенаторов[4], за вычетом перечисленных и затрагивающих разбираемый ниже случай московского отделения, не выступали за рамки усовершенствований в расписании сенатских «съездов», устройстве канцелярии и т. д.

Подконтрольность Сената кабинет-министрам, формально лишь «отправляющим дела» по высочайшим резолюциям на их донесения, детально выяснена в историографии, пока подмена (с точки зрения будущих, начиная с Екатерины II, критиков российской державности образца XVIII в.) законности соблюдением бюрократических правил еще ждет своих исследователей. Но ни сосредоточение на внешней обрядности, ни даже вторичность партии в изменившейся с появлением Кабинета комбинации распределения ведущих властных функций не означали автоматически, что Сенат устранился от прежней роли, а его состав уподобился другим носителям тех или иных рангов по Табели 1722 г. Туда, впрочем, сенаторы так и не были внесены. Как и их собранию, в противоположность находящимся в его «дирекции» «коллегиям и канцеляриям» и собственно сенатским канцеляриям и конторам не был дан штат[5].

Были ли последние обстоятельства обусловлены не чуждой и Петру осторожностью в комментировании понятия помощи, так или иначе оказываемой государю в «управлении… государственных своих дел», почему и из «должности» в издании 1722, «уничтожашем» ее издание 1718 г., исчезла максима, что «Сенат собирается вместо присутствия его величества собственной персоны»? «Должность» же там и тут описывалась в основном посредством не «что», а «как» (вступают «дела», поочередно учиняются предложения, мнения «в доклад» и т. п.) и даже ее цель не фигурировала в формуляре раскрывающих ее указов, лишь косвенно упоминаясь в распоряжении о надзоре за исправностью сенаторов[6]? «Резоны» законодателя при этом документально не прописаны, но сказанное позволяет достаточно уверенно заключать, что, во-первых, близость подхода к обозначению степени и пространства власти государя и Сената выводила таковой из круга «подчиненных» органов, а сама неопределенность «прав» гарантировала их неограниченность (по обратному сегодняшнему постулату запрещенности неразрешенного, вследствие которого все учреждения и относились в Сенат по любому вопросу, если о нем молчали «пункты» их регламентов и инструкций).

---

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. № 4 830.

[2] Там же. Т. 5. № 3 264; Т. 6. № 3 978; Т. 7. № 4 847.

[3] Объявлен Сенату 6 ноября. См.: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731−1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 1. С. 1−2; Опись именным высочайшим указам… № 4 059.

[4] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 42. Ч. 2. С. 864, 871−872.

[5] Там же. Т. 44. Ч. 2. № 4 659.

[6] Там же. Т. 6. № 3 721.

Во-вторых, пост сенаторов, не числясь в Табели 1722 г., не перерос в чин, куда заметнее выделяя их из «рангованных» служащих, чем суд над ними в специально создаваемых институциях, первенство перед «генералитетом, флагманами, коллежскими президентами и членами» при собраниях почему-либо их представителей или привилегий в охране жилищ. И, в-третьих, санкционированная в результате исключительность довольно надежно защищала от легальных новаций. Само собой, не мешая и упорядочиванию сенатского статуса сообразно вызовам момента без прямого нарушения заветов Петра.

Так, еще при Екатерине I обратили внимание, что он не стал придерживаться заявленного в 1722 г. увязывания сенаторства с чинами одних «тайных» советников, облегчив тем самым преемникам быстрый выбор из «знатных и поверенных персон» по своему усмотрению. И выстроили, далее, на этом доказательство повышения обоюдной эффективности при переводе государевых «советников» в отдельный Совет, пока в Сенате, как при его рождении, будут «не отлучны» те, кто «никакого другого дела не имеет»[1]. При Анне Иоанновне на торжественно отмененные указы 1726 г., понятно, не ссылались, но дарованным ими принципом отбора в сенаторы из «знатных и поверенных» пользовались изначально. А формируя Кабинет, точно скопировали с обращения некогда в «верховники» кн. А.Д. Меншикова, его соратников и соперников обращение в постоянные «министры»из сенаторов, вслед за Г.И. Головкиным, А.И. Остермана и действительного тайного советника кн. А.М. Черкасского, который единственным из новых коллег мирно закончит дни в Сенате Елизаветы Петровны. Более того, в 1730-е гг. Сенат впервые приобретет, так сказать, профессиональность. Хотя выразится это не столько в «безотлучности» в смысле освобождения от других обязанностей, которых по переезде двора на рубеже 1731−1732 гг. в Петербург не обрели только Д.М. Голицын, Ю.Ю. Трубецкой и скоро смещенный С.И. Сукин, сколько в несменяемости без очень весомых причин.

Помимо ухода из жизни[2], это были, конечно, и обвинения в государственных преступлениях. Но их немного: арестованные по чисто политическим мотивам кн. В.Л. и В.В. Долгорукие (1730−1731), ослушавшийся именного указа о приеме Камер-коллегии генерал-поручик А.И. Румянцев (1731), напрасно, как потом было доказано, заподозренный в «невозвратном убытке казне» бытности генерал-провиантмейстером С.И. Сукин (1733), Д.М. Голицын, пространный список «вин» которого в именном указе от 9 января 1737 г.[3] начинался, кстати, презрением «должности сенатора» как «указов… и прав государственных хранителя», и «конфидент» А.П. Волынского гр. П.И. Мусин-Пушкин (1740).

Несколько увольнений в дополнение к перешедшим в Кабинет (к которым в 1735 г. присоединился и П.И. Ягужинский) вытекали из задействованности на форпостах против кочевников, в Малой России, стратегически важной для крупных войсковых операций, а также в них самих. Генерал-майор А.И. Тараканов в декабре 1730 г. был назначен к возведению Украинской линии, по которому (включая следствие о его «самовольствах») числился до 1739 г., ненадолго отбывая в Смоленск и к «калмыцких делам». Генерал-поручик кн. И.Ф. Барятинский должен был отправиться на Царицынскую линию и к тем же «калмыцким делам» в 1732 г., а после возвращения на год в Москву в 1735−1736 гг. − сменить умершего А.И. Шаховского, посланного к устроению Слободских полков и «малороссийским делам» в конце 1732 г. Все, как и отбывший из Петербурга весной

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. № 4 830, 4 892.

[2] Кроме умерших в 1730 г., практически не включившись в сперва не регулярную работу кн. И.Ф. Ромодановского, И.И. Дмитриева-Мамонова, кн. Г.Д. Юсупова и кн. М.М. Голицына-старшего, сенаторами скончались гр. И.Г. Головкин, И.В. Панин, Ю.Ю. Трубецкой и П.П. Шафиров.

[3] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 10. № 7 151.

1733 г. непосредственно в армию Г.А. Урусов участвовали в Польском походе 1733−1734 гг., а он и А.И. Тараканов и в русско-турецкой войне 1735−1739 гг.

Примерно четырехлетние перерывы в сенаторстве тайного советника В.Я. Новосильцева и Г.П. Чернышева совпадают с поглощенностью первого, по старой кригс-комиссариатской специализации, реформированием снабжения вооруженных сил в середине 1730-х гг. и выключением второго из напряженной деятельности по отставке (по прошению) от московского губернаторства летом 1735 г. при том, что оба провели в аннинском Сенате в сумме по 8 и 7 лет. Остальные, кому по избранной авторитетнейшем биографом сенаторов Н.А. Мурзановым обобщенной формулировке было «повелено присутствовать в Сенате»[1], трудились, в зависимости от сроков назначения и собственной жизни, от 5 до 10 лет подряд. И картины не меняет даже крупнейшее с 1730 г. единовременное пополнение 2 (3) марта 1740 г. генерал-поручиком М.И. Леонтьевым и генерал-майорами И.И. Бахметевым, Н.И. Румянцевым, М.И. Философовым, М.С. Хрущовым и П.М. Шиповым. Постольку, поскольку вновь пожалованные, в противовес сопровождавшим острую придворную борьбу эфемерным назначениям ставленников «партий» (В.И. Стрешнев и Н.П. Салтыков 3 ноября и 10 декабря 1740 г., А.М. Пушкин, гр. П.С. Салтыков и кн. Я.П. Шаховской 18 сентября 1741 г.), не были «случайными людьми» или дебютантами в правительстве и не поколебали даже обычной численности сенатских присутствий в обеих столицах − 6−7: 3−4.

Столь очевидная стабильность на фоне убедительно прослеженной И.В. Курукиным динамики кадровых ротаций в верхних звеньях аппарата власти[2] выглядит весьма неожиданно, нуждаясь в изучении и осмыслении и заставляя пока ограничиться беглыми суждениями о качествах, обеспечивших именно этим людям укорененность в Сенате вопреки «дворским бурям». Но предварительно надо коснуться ее особенностей, вызванных присущим столетию раздвоением центральной администрации на петербургскую и московскую. Вырастая из вековой сориентированности на старую столицу региональных коммуникаций, оно было признано повелением 1722 г. о необходимости «на Москве» контор коллегий на началах отделений «для управления дел» и суда «присудных» им по их же указам.

Устраивавшаяся на аналогичных началах Сенатская контора обязывалась, по коституированному Генеральным регламентом верховенству Сената над обретающимися «под» его указами коллегиями, еще и к «дирекции» над коллежскими конторами[3]. Коррективы же в механизм такой модели − отступление от регулярной смены командируемых в конторы членов «головного» учреждения, увеличение присутствий, а порой и «преимуществ» − вносились либо записками и лаконичными резолюциями (типа «быть») на каких-то полуофициальных «бумагах», либо просто явочным порядком.

Отсюда в значительной степени и сомнения отдельных ученых в статусе присутствующих в Московской Сенатской конторе 1730-х гг. Ведь из них бывшие там при «первоприсутствии» генерал-аншефа, л.-гв. подполковника и главнокомандующего в Москве гр. С.А. Салтыкова даже именовались, словами его утвержденного 9 июня 1733 г. донесения, «товарищами при сенатском члене» (назначенных в 1733 г. тайного советника С.Л. Вельяминова и генерал-майора А.И. Панина заменят 2 сентября 1735 г. как президентов Камер- и Ревизион-коллегий, «останавливающихся» из-за их «дел» в Конторе, чьи «дела» тоже нужно отправлять «всегда неотменнно»)[4]. Тогда как некоторые продолжают думать, что «дробление» единого в 1730−1731 гг. Сената с

[1] Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711−1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2011. Везде.

[2] Курукин И.В. Указ. соч. С. 234−241.

[3] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. № 3 887.

[4] Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 558; ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. № 6 812.

переформатированием в 1733 г. Московского в Сенатскую контору и вовсе лежало в русле его изначального злонамеренного ослабления.

Против этих и сходных предположений свидетельствует в первую очередь содержательная однородность повседневных петербургских и московских сенатских «дел», предметом которых были: меры в обеспечение всевозможных сборов и повинностей (в т. ч. нарядов податного населения к ремонту дорог и военному судостроению); личные смотры отставных военнослужащих в аспекте годности к гражданской службе, отпуска «в дом» или «к пропитанию» в монастырь; заполнение вакансий и чинопроизводство в подведомственных органах; споры о наследстве и прямое завладение имениями и крепостными; их сыск и противодействие как натуральным разбоям, так и крестьянскими «непослушаниям»; наказания уголовных преступников; материальные поставки в армию; финансирование дипломатических миссий, кочевых «владельцев» и иных ординарных и неординарных денежных выдач, не исключая жалованья; крупная купеческая торговля; дворцовое, казенное и церковное строительство и т. д.

А также сопоставимость интенсивности функционирования, которая в Москве бывала и выше не по одному отсутствию двора и отдаленности Кабинета, но и по плотности контактов с «внутренними» губерниями и перебазированию (или восстановлению) таких социально мощных институтов, как Вотчинная коллегия или Сибирский, Судный и Сыскной приказы. В частности, в Петербурге в октябре 1732 г. было подписано 193 протокола, в марте 1735 г. − 190, в сентябре 1738 г. − 149, а в Москве в марте 1733 г. − 220, в июне 1735 г. − 274 и в октябре 1738 г. − 267[1].

Признавая Московское отделение, вслед за А.Н. Филипповым, «фактически вторым Сенатом»[2], полагаем и заседавших только там справедливым считать равноправными прочим сенаторам[3], ссылаясь в дополнение на «букву закона» 1722 г. о направлении в конторы полноценных присутствующих (из-за чего не из всякого документа ясно, в какой столице служит данный член Вотчинной, Камер- или Юстиц-коллегии). Вместе с ними круг ставших сенаторами − если не всегда по искреннему желанию, то всегда с согласия Анны Иоанновны − достигает 38 чел., удержавшихся в этом качестве более года − 31, а служивших, в терминологии периода, «продолжительно и хорошо» (т. е. без серьезных срывов с 1730, 1732, 1733, 1735 и 1736 гг.) − 11. Это И.Ю. и Ю.Ю. Трубецкие, В.Я. Новосильцев, Г.П. Чернышев, А.И. Ушаков и С.А. Салтыков, а также тайные советники бар. П.П. Шафиров, гр. М.Г. Головкин, А.Л. Нарышкин, генерал-поручик М.Я. Волков и действительный статский кн. Б.Г. Юсупов, − группа, которую нелепо оценивать по происхождению или лояльности к царствующей императрице. Во всех сразу видно довольно близких сотрудников Петра или их сыновей, которые наряду с серьезным опытом Северной войны 1700−1721 гг., заграничных путешествий, участия в знаковых политических и административных акциях своего времени обладали бесценным опытом личного общения с гениальным монархом. Каковы были их собственный личностный масштаб и степень реализованности отпущенных талантов, судить сейчас почти невозможно.

Славой блестящего дипломата и руководителя Тайной канцелярии выделяются разве П.П. Шафиров и А.И. Ушаков, которые и в Вышнем суде 1736 г. по поводу «неправильного» решения «дела вдовы кн. Н. Кантемировой с пасынками ее» показали прекрасное знание действующего законодательства (прямо по § 12 «Должности» 1718 г.) и готовность отстаивать собственную позицию в его трактовке. Тогда как большинство

[1] Подсчеты и обзор осуществлены по: Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 2043, 2060, 2078, 2120, 7528, 7562.

[2] Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 558, 565.

[3] Как и поступил, учтя их всех, Н.А. Мурзанов.

искало способов уклониться от ответственности[1]. Тема разбора в заседаниях не столь резонансных «дел», как «кантемирово», развернутый при пересмотре которого процесс отложился в историческом сознании как суд над Д.М. Голицыным, практически не разработана. Зато немногое, известное из нередко подававшихся сенаторами особых мнений и довольно многое, что просматривается в длиннейших списках их «служб» нескольким самодержцам, целиком совпадает с высказанным от их имени взглядом на предназначенность Сената, определявшим их поведение относительно его членов.

Сенаторов ценили и даже, если исходить из материалов «кантемирова дела», по-своему уважали. Принимали к сведению, как следует из множества их высочайше утвержденных докладов в «Полном собрании законов», самостоятельные «представления» и заключения по сторонним законопроектам, приглашали в Кабинет, а кого-то и на «приватные» совещания с императрицей. Но в них равным образом не видели непременных «тайных советников» в «собственных е. и. в. делах», как и сами они не стремились к политическому лидерству и не возражали против препоручения его «министрам», если те не пытались грубо вмешаться в сложную систему взаимного этикета. (Почему и М.Г. Головкин, претендовавший на компетентность в стратегии социально-экономического развития, искал удовлетворения своих амбиций вне Сената, в обернувшемся Сибирью «регентском» пребывании членом Кабинета и вице-канцлером «по внутренним делам»).

В итоге и возник, думается, чрезвычайно удачный баланс ожиданий верховной власти от призванных помогать ей в «государственных внутренних делах» и способностей этих призванных к их достойному осуществлению, что и обеспечило подлинное сосредоточение в Сенате «почти всего», позитивный потенциал которого не был исчерпан вплоть до Екатерины II.

Источники и литература

1. Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах − 2017. СПб.: Эрмитаж, 2017. С. 36−48.
2. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711−1911 гг. СПб.: Сенатская тип., 1911. Т. 1. 665 с.
3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерк политической истории послепетровской России. Рязань: Изд. П.А. Трибунского, 2003. 570 с.
4. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711−1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 735 с.
5. Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. / Сост. П. Баранов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1875. Т. 2. 994 с.
6. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730−1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 5−9, 42, 44.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 2043, 2060, 2078, 2120, 7528, 7562.

[1] Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах − 2017. СПб., 2017. С. 44.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-3

А.В. Беляков*

О ГОРОДАХ, ДОХОДЫ С КОТОРЫХ ЖАЛОВАЛИСЬ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ

Аннотация. В статье проанализированы сообщения иностранцев о пожаловании Симеона Бекбулатовича в 1570-х гг. городом Коломной. Рассмотрев более раннею историю города, автор приходит к выводу о том, что этот факт вполне мог иметь место. По крайней мере, он был логичным в связи с более ранней историей Коломны. Ведь обладание ею (даже частичное) позволяло претендовать на московское великое княжение. Также было показано, что пожалование Симеона в 1576 г. титулом великого князя Тверского было не случайно. Это был самый высокий титул, который Иван IV мог дать своему племяннику без серьезных имиджевых и политических потерь. К тому же в городе даже в середине XVI в., дольше других регионов, сохранялись отдельные элементы прежней независимости.

Ключевые слова: Московское государство XVI в., Симеон Бекбулатович, Иван IV Васильевич, Коломна, Тверь.

О Симеоне Бекбулатовиче (Саин-Булат бин Бекбулат) писали не раз[1]. Однако в его биографии по-прежнему остается много белых пятен. В частности это касается того какие доходы были ему положены в период с принятия православия и до пожалования ему Твери и Торжка. Во многом также неясно, почему его после сведения с так называемого «великого княжения» сделали великим князем Тверским. В этой работе мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Симеон Бекбулатович по своему рождению занимал высокое положение. Ведь он был астраханским царевичем и происходил от Чингисхана. Чингисиды традиционно пользовались в России высоким положением и по своему статусу уступали только московским великим князьям (царям) и членам их семьи. Однако Симеон, как ближний царский свойственник (он приходился Ивану IV племянником по Марии Темрюковне) несколько отличался от иных татарских служилых царей. Именно это во многом послужило причиной провозглашения его царем на Касимове (не позднее 1569 г.), а в дальнейшем назначением великим князем (октябрь 1575 г. – август 1576 г.).

Весной – летом 1573 г. Саин-Булата крестили. Утверждение о том, что с принятием православия татарский царь терял права на Касимов, прочно утвердилось в историографии. Хотя каких либо документов на этот счет мы не имеем. Московский государь не собирался сохранять в городе служилого Чингисида мусульманина. Новый касимовский царь появится в городе только после его смерти. Поэтому мы вправе предположить, что касимовские доходы, или их часть сохранялись за новокрещеным царем, по крайней мере, какое-то время, возможно даже до 1584 г. В сообщении А. Поссевино имеется одно интересное место: «Кроме того за ним (Симеоном – *авт.*) осталась и часть его владений»[2]. Что это могло быть? Логичнее всего допустить, что речь идет о касимовских поместьях. Но, в таком случае мы вправе говорить о том, что Симеон формально остается касимовским царем до 1584 г. или же до того момента, как его лишили касимовских доходов. С другой стороны Шах-Али до своей смерти оставался

* ***БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич*** *— доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; Центр истории русского феодализма; старший научный сотрудник; г. Москва, Россия; belafeb@gmail.com.*

[1] Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 1–26; Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской. 1567–1616 г. Исторический очерк. Тверь, 1891; Беляков А.В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ. М., 2011. Вып. 2. С. 159–191.

[2] Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 47.

касимовским и казанским царем. Поэтому мы вправе говорить о том, что этот титул по праву принадлежал Симеону по его смерть, наравне с дополнительно пожалованным позднее (великий князь Тверской).

Если же это не так то, что же в это время составляло источник его доходов? Возможно, в это время Симеон Бекбулатович жил за счет выдаваемого ему поденного корма. Предположение Д.И. Иловайского о пожаловании ему уже тогда земель в Твери ни чем не подкреплено[1]. Правда, уже тогда он мог получить в приданное вотчины своего тестя в Тверском уезде[2]. Интересные сведения приводит А. Поссевино. По его данным уже крещеный Симеон «получил город Коломну и некоторые другие города»[3]. Это уникальное свидетельство, не подкрепляемое другими источниками. На первый взгляд оно выглядит абсолютно фантастическим и его хочется признать ложным. Действительно, Коломна (доходы с нее) никогда не передавалась татарским царям и царевичам. Но в то же время следует учитывать особый статус города для потомков Ивана Калиты. Коломне всегда отводили место второго города после Москвы, и она должна была принадлежать по праву старшинства главе рода. По завещанию Симеона Гордого 1353 г. его жена Мария Александровна получала Можайск и Коломну с волостями и селами. В 1408 г. в Московское княжество к Василию I выехал на службу со своим двором его родственник (дядя жены Василия I) литовский князь Свидригайло Ольгович. Это было знаковое событие для Московского княжества. Выезжему князю передали Владимир, Переяславль, Юрьев, Волок, Ржеву и половину Коломны. Возникла ситуация фактического соправления двух князей. При этом чтобы стать великим князем требовалось владеть хотя бы половиною Коломны[4]. Чуть позднее, в 1433 г., в результате поражения в феодальной войне за наследие кн. Дмитрия Донского своему дяде кн. Юрию Дмитриевичу, Василий II на короткое время становится удельным князем Коломенским. Однако в результате скорого отъезда в Коломну к Василию Васильевичу основной массы московских бояр и детей боярских он смог мирным путем вернуть себе московский великокняжеский престол[5]. Укажем также на то, что в Коломне и Коломенском уезде традиционно проживала значительная часть великокняжеских (царских) служилых татар, как минимум с XIV в. обеспечивавших контакты с Золотой Ордой[6]. С середины XVI в. они становятся станичниками и толмачами Посольского приказа. Также отметим предположение, сделанное М.Н. Тихомировым, косвенно касающееся нашего сюжета. В городе в 54 бывших посадских тяглых дворах проживали «черкашене». Исследователь

[1] Иловайский Д.И. История России. М., 1890. Т. 3. С. 281.

[2] Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. Л. 705, 708 об., 716 об., 771, 771 об., 773 об. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 284–285, 288, 309–310.

[3] «...некий татарин, доказавший верность нынешнему князю при взятии Казани и перешедший в русскую веру и схизму, получил город Коломну и некоторые другие города. Кроме того, за ним осталась и часть его владений». Цит. по: Поссевино А. Указ. соч. С. 47. Иезуит в этом отрывке смешал реалии связанные сразу с несколькими Чингисидами (Шах-Али бин Шейх-Аулеар, Симеон Касаевич (Ядгар-Мухаммед бин Касим) и Симеон Бекбулатович). Хотя по главным чертам здесь явно прослеживается образ Симеона Бекбулатовича.

[4] Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой половине XVI вв. М., 2001. С. 106–115.

[5] Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 56–58.

[6] Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. С. 83–87; Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Ун-та Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–248; Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. URL: http://src-h.slav.hokudai. ac.jp/jcrees/ 2013Osaka/14Zaytsevs.pdf (дата обращения: 13.03.2020); Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Ветроград многоцветный. М., 2018. С. 173–178; Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 1–76.

предположил, что это были не черкасы (украинцы), а черкесы, попавшие в Россию с Марией Темрюковной и ее родственниками[1].

Данные факты лишний раз подчеркивают значение города. В той или иной форме они, или же память о них, сохранялись и во второй половине XVI в. Если принять во внимание скорое посажение царя на великое княжение, то пожалование Коломны не выглядит столь нереальным. Даже формальному государю требовались собственные источники материального содержания. Поэтому Симеону могли передать доходы со значительной части государства. Другой вопрос, когда это произошло: 1) после принятия православия; 2) после свадьбы; 3) после венчания на царство? Иван Грозный не любил спонтанных действий, все его шаги были детально просчитаны. Поэтому, вполне возможно, что, если факт передачи Коломны действительно имел место, то он произошел вскоре после крещения Саин-Булата. Город еще один раз встречается на страницах записок иностранцев. По сообщению А. Гваниньи, Коломна была передана боярину Ивану Петровичу Федорову-Челяднину, незадолго до его казни в 1568 г. по обвинению в измене и попытке захвата власти[2]. Но тут необходимо указать на тот факт, что Гваниньи никогда не бывал в России, а его труд является компиляцией из сочинений иных авторов и различных слухов. По-видимому, у иностранца оказались перемешаны сведения о трех или даже более событиях. По крайней мере, здесь отчетливо читаются известия, связанные с казнью И.П. Федорова-Челяднина, погромом Новгорода в 1569–1570 гг., великим княжением Симеона Бекбулатовича, а также, возможно, взятие крепости Вейсенштейна. В таком случае у нас уже два независимых сообщения о возможной передаче коломенских доходов крещенному татарскому царю. Поэтому вероятность данного факта существенно возрастает[3].

Вторая загадка связана с провозглашением Симеона Бекбулатовича великим князем Тверским. Почему именно тверским? Ведь в России имелось много иных городов со славной историей наполненной воспоминаниями о прежней независимости. Сам выбор нового титула для царского племянника был делом не простым. Мы вправе предположить, что выбор Твери оказался не случаен. Если мы обратимся к полному царскому титулу Ивана Васильевича[4], то заметим, что «великий князь Тверской» находится в верхней части титула. Выше стоят только коренные земли государей (княжества Владимирское и Московское), Казанское и Астраханское царства, а также территории с особым статусом, к тому же постоянно оспариваемые ближайшими соседями (Великий Новгород, Псков и Смоленск). Таким образом, Симеон получил, пожалуй, наивысший на тот момент титул, который московский государь без значительных имиджевых потерь и внешнеполитических осложнений для себя мог передать своему свойственнику. Но тут опять следует обратить внимание на еще один немаловажный момент, который пропустили предшествующие исследователи, на время великого тверского княжения Симеона при Иване Грозном и его сыне Федоре Ивановиче из большого государева

[1] Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 414.

[2] Гваниньи А. Описание Московии. М., 1997. С. 101–105.

[3] Приведем еще одну версию. С.Б. Веселовский в одной из своих работ указывает, что Симеону передали в удел Старицу и Торжок. Сразу отметим, что данное сообщение не снабжено ссылкой на источник информации, а контекст фразы не позволяет однозначно утверждать о каком периоде жизни Симеона Бекбулатовича говорится. По-видимому, к этому и подобным утверждениям следует относиться исключительно как к курьезу. См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории Опричнины. М., 1963. С. 45.

[4] «Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, Владимерский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Нова города Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, кондинский и всея Сибирския земли и северныя страны повелитель, и государь отчинные земли Лифлянские и иных» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 98 об. – 99).

титула фраза «великий князь Тверской» не исключается. Получается, что в этот период одновременно существовало два человека обладающих правами на данный титул.

Следует отметить еще одну интересную особенность этих земель. Дело в том, что сын Ивана III, Иван Молодой, приходился внуком тверскому великому князю Борису Алексеевичу, и племянником Михаилу Борисовичу, у которого не было сыновей. Получив Тверское княжество на правах наследника, он сохранил права местной знати, «у себя пожаловал, в боярех учинил». Позднее Тверь перешла его младшему брату Василию, будущему Василию III. Благодаря этому в Твери рубежа XV–XVI вв. продолжала функционировать собственная боярская дума. Как отдельная группа, тверское боярство перестало существовать где-то между 1513 и 1518 гг.[1] Является это простым совпадением, или же данному региону по прежнему приписывался некий особый статус? На поставленный вопрос в настоящее время мы не можем найти однозначного ответа. Обратим внимание еще на один факт. Такое учреждение как Тверской дворец последний раз упоминается в июле 1566 г. Тогда его возглавлял дворецкий Н.Р. Юрьев[2]. Областные дворцы XV–XVI вв. возникали благодаря потере самостоятельности и присоединению к Москве отдельных феодальных княжеств. Процесс окончательного нивелирования Тверских земель в составе единого Русского государства к середине 1560-х гг. не завершился. Общая картина усложнялась еще больше административно-территориальными изменениями в регионе. В середине XVI в. ранее самостоятельный Микулинский уезд вошел в состав Тверского уезда. Однако всю вторую половину столетия данные земли назывались то станом, то уездом в составе Тверского уезда[3]. Подчеркивает статус города и то, что здесь до конца 1560-х гг. действовал монетный двор[4]. Отметим еще один факт, подчеркивающий особый статус города. В 1602 г. предполагаемому жениху дочери царя Бориса Годунова Ксении, датскому принцу Хансу (Гансу), также пожаловали великое княжение Тверское[5]. Однозначно, что на этот шаг повлияло недавнее пребывание в городе Симеона Бекбулатовича. А вот другому датскому принцу Вальдемару, предполагаемому жениху царевны Ирины Михайловны, в середине XVII в. предлагали уже не Тверь, а Ростов и Суздаль[6]. Нельзя не сказать и о том, что именно из тверских земель был выделен Старицкий удел. Да и сама Старица стала в определенный момент одним из любимых мест пребывания Ивана IV.

Данные наблюдения являются во многом дискуссионными. Дефицит источников и отсутствие прямых свидетельств не позволяют сделать окончательные и однозначные выводы. Однако затронутые в статье проблемы, безусловно, важны для понимания организации структуры власти в России правления Ивана IV Васильевича.

---

[1] Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. С. 57–58.

[2] Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 174–176.

[3] Зинько М.А. Микулинский уезд Русского государства: статус и структура // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 137–141.

[4] Хухарев В.В. Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // 8 Всерос. нумизматическая конф.: Тезисы докладов. М: Государственный исторический музей, 2000. С. 145–146.

[5] Лунд К.-Х. Переводчик Нильс Мунк и языковый аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 7–33; Русская историческая библиотека. СПб.,1897. Т. 16. Стб. 338, 352.

[6] Можно указать на еще один более поздний рудимент особого статуса города в России. Вначале XIX в. именно здесь поселили дочь Павла I Екатерину Павловну и ее супруга принца Георга Ольденбургского, назначенного тверским генерал-губернатором. Не установлено, являлся ли выбор именно этого города простым совпадением, или же стал результатом исторических штудий конца XVIII – начала XIX вв.

Источники и литература

1. Беляков А.В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 159–191.
2. Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 520 с.
4. Веселовский С.Б. Исследования по истории Опричнины. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 539 с.
5. Гваниньи А. Описание Московии. М.: Греко-латининский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 171 с.
6. Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. М.: Древлехранилище, 2002. 470 с.
7. Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // «Вертоград многоцветный»: Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 173–178.
8. Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М.: Древлехранилище, 2005. С. 144–310.
9. Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. URL: http://src-h.slav.hokudai. ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf (дата обращения: 13.03.2020).
10. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
11. Зинько М.А. Микулинский уезд Русского государства: статус и структура // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 137–141.
12. Иловайский Д.И. История России. Т. 3. М.:Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. 717 с.
13. Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской. 1567–1616 г. Исторический очерк. Тверь: Топография губернского Правления, 1891. 136 с.
14. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.
15. Лунд К.-Х. Переводчик Нильс Мунк и языковый аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 7–33.
16. Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой половине XVI вв. М.: Инлайт, 2001. 276 с.
17. Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Ун-та Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–248.
18. Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 83–87.
19. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 272 с.
20. Российский государственный архив древних актов. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14.
21. Русская историческая библиотека. СПб.: Печатня С.П. Яковлева,1897. Т. 16. 610 с.
22. Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2003. 685 с.
23. Хухарев В.В. Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // 8 Всерос. нумизматическая конф.: Тезисы докладов. М.: Государственный исторический музей, 2000. С. 145–146.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-4

Д.В. Васильев[*], С.Д. Васильев[**]

ТУРКМЕНСКИЕ И ХИВИНСКИЕ ДЕЛА НА ЗАСЕДАНИЯХ АЗИАТСКОГО КОМИТЕТА (1820-е – 1840-е гг.)[1]

Аннотация. Статья построена на анализе документов Азиатского комитета – особого надведомственного органа, созданного в Российской империи для формирования восточного направления имперской политики и урегулирования отношений со странами юго-востока. Рассматриваются журналы и протоколы комитета, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ. Их содержание убеждает, что Россию в Центральную Азию толкали, в первую очередь, вопросы безопасности и торговые. Геополитические же интересы воспринимались как производные от первых двух.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Азиатский комитет, Хива, туркмены, Иран, внешняя торговля

Азиатский комитет был межведомственным органом, который был создан для координации действий различных центральных ведомств на юго-восточном направлении, т. е. Оренбургском крае, Казахской степи, Хиве и Бухаре.

29 мая 1819 г. в Комитете министров была заслушана записка управляющего Министерством иностранных дел (МИД) К.В. Нессельроде о передаче на его рассмотрение по высочайшей воле нескольких взаимосвязанных вопросов: о действиях хивинского хана, о разграблении каравана и о разрешении бухарскому посланнику прибыть в Петербург. Камнем преткновения стала проблема «усмирения» степи, которую оренбургские губернаторы предпочитали решать путем отправления карательных экспедиций, последствия которых правительство признавало вредными как для состояния торговли, так и для внутреннего состояния казахов. Более того, в ноябре 1818 г. Комитет прямо запретил отправлять в степь воинские отряды. На этот раз он вновь подтвердил незыблемость своей позиции, а вопросы организации торговли в регионе и обеспечения безопасности караванов положил передать на рассмотрение особого комитета из министров иностранных дел, финансов и военного, «…который бы, вникнув в настоящее положение дел тамошнего края и сообразуя все бывшие прежде о нем предположения, представил виды к принятию мер, сообразных с государственной пользой…». 3 июля положение Комитета министров получило высочайшее утверждение[2].

Из записки К.В. Нессельроде от 1825 г. следует, что вышеназванный особый комитет должен был работать под эгидой МИДа. А формирование Комитета по азиатским делам как межведомственного органа следует отнести к 1820 г., когда прибытие в российскую столицу хана Шергазы и оренбургского военного губернатора П.К. Эссена окончательно обозначило значимость, сложность и комплексность проблем и задач, стоявших перед империей на центральноазиатском направлении. 26 января 1820 г. император повелел: «Вместо прежнего Комитета, для всех вообще азиатских дел составить новый: из начальника Главного штаба и министров иностранных дел, финансов и внутренних дел». При этом управление делами комитета было возложено на директора

[*] ***ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович*** *— доктор исторических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; профессор; г. Москва, Россия; dvvasiliev@mail.ru.*

[**] ***ВАСИЛЬЕВ Сергей Дмитриевич*** *— Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; аспирант; visaramis@mail.ru.*

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого.

[2] Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1828. Д. 488. Л. 2–3 об.

Азиатского департамента МИД. Новый Комитет азиатских дел (Азиатский комитет) провел первое свое заседание 8 февраля 1820 г.[1] На то, что датой основания Азиатского комитета следует считать именно 26 января 1820 г., прямо указывают более поздние документы Собственной е. и. в. канцелярии[2].

С 16 июля 1821 г. в заседаниях Азиатского комитета стали участвовать М.М. Сперанский и генерал от инфантерии А.П. Ермолов[3]. А с 22 августа 1827 г. комитет стал постоянно действующим органом. В это время он состоял из управляющих министерствами иностранных и внутренних дел, начальника Главного штаба, министра финансов, члена Государственного Совета М.М. Сперанского[4].

На восьмом заседании Азиатского комитета 29 июня 1820 г. рассматривался вопрос «О вступлении в ближайшие сношения с трухменцами йомудского племени; об отправлении к ним хлеба и подарков, второй морской экспедиции к восточным берегам Каспийского моря»[5]. По высочайшему повелению в заседании участвовал министр иностранных дел России граф И. Каподистрия. Был рассмотрен предложенный командиром Отдельного Грузинского корпуса и управляющим гражданской частью на Кавказе и в Астраханской губернии генералом от инфантерии А.П. Ермоловым проект установления тесных связей с туркменскими племенами. Будучи персофобом, он вынашивал планы давления на Персию и в этом контексте считал необходимым укрепиться на ее северных границах.

Вскоре после смерти хивинского хана Мухаммад Рахим-хана I и восшествия на престол его сына Аллакули на заседании Азиатского комитета 5 августа 1825 г. были рассмотрены насущные вопросы российской дипломатии в центральноазиатском регионе. «Комитет рассуждал, что хотя перемена в главном правителе Хивы, вероятно, произведет некоторую перемену и в правилах поведения его с Россией, тем не менее, …меры обуздания, прежде предполагаемые, и ныне представляются нужными, доколе новый хан не представит каких-либо положительных и верных знаков мирных его расположений». Поэтому участники совещания пришли к необходимости уже осенью провести разведку местности между Каспийским и Аральским морями для подготовки наиболее удобных путей в Хиву под видом «поиска на эмбенских разбойников». Одновременно с моря следовало исследовать залив Мертвый Култук и основать там небольшое укрепление, которое могло бы служить базой для сухопутного отряда. Объявив, что Россия не вынашивает никаких планов мести, было решено склонить нового хивинского хана к объяснению по факту последних происшествий, с целью предотвратить недружественные действия хивинского правительства. Дабы сделать хана более сговорчивым, комитет поручил оренбургскому губернатору принять у себя бежавшего из Хивы дядю Аллакули. Причем, во избежание возможного обострения отношений, комитет решил переложить ответственность за этот шаг на местные власти, предписав «…все сие сделать не от имени высшего правительства, а по собственным местного начальства распоряжениям. Чем скорее хивинский хан узнает, что изгнанный им дядя не равнодушен для России, тем более он признает нужным обратится к ней с мирными расположениями». Прибывшего в Россию посланца бухарского эмира было решено принять в Петербурге для выяснения сути настоящих отношений между Бухарой и Хивой и для заверения эмира Насруллы в российском покровительстве. Понимая принципиальную важность центральноазиатского театра для империи, Азиатский комитет особо обратил особое внимание на то, что «приезд англичан в Бухарию иметь в виду как обстоятельство особенной важности и

[1] АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1828. Д. 488. Л. 11–12 об.
[2] Там же. Л. 18.
[3] Там же. Л. 6.
[4] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1830. Т. 2. С. 727.
[5] АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1949. Д. 489. Л. 32, 33–37.

доказывающее необходимость ныне принимаемых мер к утверждению влияния России на дела Средней Азии»[1].

Утвержденные императором 8 августа 1825 г. эти решения, с одной стороны, явно демонстрируют два вектора тогдашней центральноазиатской политики России – намерение держать местные ханства под контролем вплоть до открытой агрессии, а также стремление противостоять укреплению в регионе Великобритании, а с другой, показывают отсутствие прямой связи между этими двумя тенденциями. Иными словами, политика Российской империи по упрочиванию своего влияния на Хиву и Бухару в это время не была непосредственно связана с британо-российским противостоянием.

Вопрос об отправлении против Хивы военной экспедиции был рассмотрен на заседаниях Азиатского комитета 17 марта и 6 июня 1826 г., были указаны необходимые меры для осуществления этого мероприятия[2]. Однако последующие события отложили реализацию указанной идеи на некоторое время. В 1832 г. по инициативе оренбургского военного губернатора графа П.П. Сухтелена Азиатский комитет вновь вернулся к изучению вопроса об усмирении хивинских происков против российских интересов посредством военной экспедиции. Но так же, как и в 1826 г., из-за значительных трудностей и дороговизны столь удаленной экспедиции решил «…отложить всякое решение касательно Хивы, доколе его императорское величество не соизволит признать сие удобным»[3].

В 1835 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский поднял в правительстве вопрос о необходимости возвращения на родину русских пленных, удерживавшихся в Хиве и Бухаре. Рассмотрев этот вопрос на своем заседании в октябре 1835 г., Азиатский комитет нашел предложенную меру трудноисполнимой, которая не приведет к желаемой цели и указал, что «…сверх того, и это главное, …оная может иметь самые вредные последствия и не только временно, но навсегда расстроить связи с народами Средней Азии. Торговля, которую они ведут с нами, сопряжена для них с величайшим риском и опасностями не столько от трудности пути по безводным и песчаным пустыням, сколько от вреда, причиняемого им разными хищными племенами, которые нападают на них и грабят их караваны; посему самое положение сей торговли уже требует, чтобы во всех делах, до оной касающихся, мы поступали с крайней осторожностью и избегали всяких распоряжений, которые сколько-нибудь могут показаться для них стеснительными»[4].

В конце мая 1836 г. Азиатский комитет рассмотрел отзыв оренбургского военного губернатора на его журнал от 29 февраля. В нем антихивинская риторика В.А. Перовского приблизилась к апогею: «…безрассудное и ничтожное ханство Хивинское употребляет все силы, все средства свои ко вреду России…». Развивая эту мысль, он обратил внимание, что хивинцы продолжают грабить абсолютно все караваны либо прямо, либо посредством произвольного сбора, что они через своих мулл возбуждают казахов на антиправительственные действия и отгон скота от российских укреплений, подстрекают адаевцев и туркмен к захвату россиян на Каспии, поставили своего хана Каипа над империей казахов, привлекают кочевников на сторону Хивы в предстоящем ее походе против России. И лишь слабость ханства не дает ему возможность нанести непоправимого ущерба российским интересам. «Ничтожные, однако, покушения эти все-таки останавливают нашу торговлю: Бухара не в состоянии воспротивиться Хиве, перебивается как может; товары в непомерной цене, народ обнищал, а хан и любимцы его сыты и одеты. …Азиатцы постоянно следуют своему правилу: позволять себе всякое самоуправство, грабеж, увоз людей, притеснения всякого рода в полной надежде на

[1] АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1949. Д. 489. Л. 112–115 об.
[2] Там же. Д. 491. Л. 234 об. – 235.
[3] Там же. Л. 235 об.
[4] Там же. 1833–1837. Д. 492. Л. 166 об. – 167.

снисхождение державы, которую осмеливаются почитать в невежестве своем бессильной, ибо в понятиях их нет слова, выражающего кротость, снисхождение, долготерпение»[1].

В августе 1836 г. последовало высочайшее повеление о задержании всех хивинских купцов с товарами на Оренбургской и Сибирской линиях, а также в Астрахани. При этом местному начальству было предписано «…вообще не позволять никаких в отношении к ним лишних строгостей, а только ограничится мерами предосторожности, чтобы никак не могли бежать или укрыться, но впрочем, буде признается неизбежным, то в полной мере разрешить содержать их под караулом в тюремном замке»[2].

Прошло не так уж много времени, и хивинские торговцы нашли оригинальный способ избегания российского давления. В самом начале 1838 г. в Азиатском комитете были заслушаны записка вице-канцлера и отношение оренбургского военного губернатора В.А. Перовского о том, что задержанный в Астрахани хивинский купец Ибрагимов принял российское подданство и, соответственно, свободу. Но этого мало. И он обратился к начальству с ходатайством о возврате его арестованного имущества. Принимая во внимание, что освобождение Ибрагимова и его товаров неминуемо вызовут нежелательную реакцию среди других задержанных хивинцев, комитет постановил вернуть российскому подданному Ибрагимову его товары. А другим хивинским подданным, впредь до урегулирования отношений с их правительством, запретить переход в российское подданство и возврат имущества как нарушающие принципы текущей государственной политики. Это мнение было высочайше утверждено 8 марта 1838 г.[3] А в 13 декабря того же года Николай I утвердил решение Азиатского комитета, которым запрещалась свободная мена и продажа товаров задержанных хивинцев на том основании, что эта мера свела бы на нет саму суть задуманной репрессии и породила в Хиве вредоносные толки[4].

19 ноября 1835 г. император утвердил еще один журнал Азиатского комитета от 26 октября 1835 г., в котором были зафиксированы результаты обсуждения еще одного вопроса, имевшего принципиальное значение – о принятии в российское подданство туркмен. Было заслушано отношение министра внутренних дел от 28 сентября того же года, в котором сообщалось о желании туркмен кулдайского, ждывдырского и арсарского родов (5,5 тыс. кибиток), кочующих у залива Александр-Бай за Меловым бугром, перейти в российское подданство и дать соответствующих аманатов. В другом отношении, на этот раз оренбургского военного губернатора, говорилось о просьбе туркмен поколений Игдыр и Бурунчук получить покровительство Российской империи. Поэтому генерал-адъютант В.А. Перовский выступил с инициативой учредить в Степи должность четвертого султана (усть-уртского) для управления как казахами адаевского рода, так и туркменами, кочующими на Усть-Урте вплоть до Мангышлака. Судя по всему, у него не было сомнений, что правительство благосклонно отнесется к туркменской просьбе.

В феврале 1836 г. Азиатский комитет рассмотрел отзыв В.А. Перовского о возможности учреждения должности султана-правителя в Усть-Урте для управления кочующими там туркменами и казахами-адаевцами[5]. При этом комитет, судя по всему памятуя о казахах, не желал провозглашения формального подданства туркмен, которые лишь получат право требовать от империи защиты и покровительства против соседей. Он был убежден, что задача правительства состоит в том, чтобы «…извлечь из сего подданства какую-либо положительную пользу. Польза эта двоякая: во-первых, чтоб присоединение к России сих племен послужило действительным средством к прекращению существующих по сие время разбоев и хищничеств по Каспийскому морю,

[1] АВПРИ. Оп. 781. Д. 87. Л. 205–207 а.
[2] Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 72–79.
[3] Там же. Л. 6–9.
[4] Там же. Л. 91–92 об.
[5] Там же. 1833–1837. Д. 492. Л. 199 об. – 201.

а затем составить, буде можно, из сих киргизов и трухмен род оплота против хивинцев, помогая им только порохом, свинцом и отчасти деньгами, но только не людьми». Иными словами, Азиатский комитет, продолжая категорически противиться военным действиям против Хивы, готов был рассмотреть туркменское подданство как инструмент давления на ханство при материальной поддержке империи. Такую поддержку предлагалось оказать и в виде выделения довольно значительной суммы на содержание в новом управлении отряда джигитов из местных жителей для обеспечения его охраны и защиты от возможных хивинских происков. Все эти меры были одобрены Николаем I 4 апреля 1836 г.[1]

Вопрос о желании туркмен принять российское подданство был вновь поднят на заседании Азиатского комитета в феврале 1838 г.[2] По мнению комитета, развитие торговли с туркменами не могло оказать заметного влияния на российскую торговлю в регионе. «А потому комитет полагал: просьбу туркмен йомудского племени о принятии их в подданство России, отклонить, не давая им решительного впрочем отзыва (отказа – *авт.*), и продолжая оказывать расположение к влиятельнейшим из их старейшин, и стараясь поддерживать между ними понятие о величии и могуществе России, а также упрочивать и распространять, по возможности, торговые с ними сношения»[3].

Самое большое внимание на заседании 20 февраля 1838 г. было уделено вопросу «О мерах к открытию азиатского торгового пути через Астрабад». Российское правительство видело в Персии не только своего политического, но и торгового партнера на Среднем Востоке. И поэтому стремилось всячески ограничить британское влияние на Тегеран. Обращая внимание на то, что англичанам не удалось добиться учреждения своего консульства в Астрабаде, Азиатский комитет, дабы не вызвать резкого недовольства британцев, признал необходимым действовать чрезвычайно осторожно для того, чтобы превратить остров Ашур-Ада в Астрабадском заливе в центр российско-персидской торговли. С этой целью было принято мнение министра финансов Е.Ф. Канкрина об учреждении частного купеческого товарищества или торгового дома с негласным участием казны, который, следуя указаниям правительства, мог основать поблизости от Ашура склады. Для этого можно было приобрести и Челекен с Огурчинским, найдя применение и доступным там промыслам[4].

Чрезвычайно важное заседание Азиатского комитета весьма четко обнажает направления российской региональной политики второй четверти XIX в.[5] С одной стороны, имперское правительство в это время чрезвычайно осторожно относилось к расширению своих пределов на восток. И это объясняется не только опасением роста антироссийских настроений в Европе, но и нежеланием нести неоправданные расходы. С другой стороны, деятельность Азиатского комитета убеждает в том, что именно торговля рассматривалась российским правительством как инструмент реализации политических целей, а никак не наоборот. В 1838 г. три заседания Азиатсткого комитета были полностью посвящены созданию товарищества для азиатской торговли, что лишний раз убеждает в важности торговли для реализации внешнеполитических замыслов Петербурга на Востоке.

Вопрос о мореплавании на Каспийском море был актуальным не только в контексте освоения его восточного побережья. Главноупрпавляющий гражданской частью и пограничными делами на Кавказе генерал-адъютант Г.В. Розен докладывал правительству о курсировании по морю вооруженных персидских судов, что противоречило статьям Туркманчайского мирного договора (1828 г.). Не желая обострять

[1] АВПРИ. Оп. 781. 1833–1837. Д. 492. Л. 201–203.
[2] Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 47 об.
[3] Там же. Л. 49–49 об.
[4] Там же. Л. 51–54 об.
[5] Там же. Л. 46.

отношения с соседом, и понимая необходимость охраны товаров в неспокойной акватории, Азиатский комитет 21 октября 1837 г. постановил не считать вооруженные двумя орудиями купеческие суда военными. При этом суда, имевшие более серьезное вооружение, подлежали сопровождению в российские порты для ожидания решения их судьбы Морским министерством по согласованию с МИД[1].

Решение вопроса о создании товарищества затянулось на много лет. Азиатский комитет вернулся к нему в 1845 г. Оставаясь твердо в убеждении, что это предприятие может функционировать лишь при участии и поддержке государства, а также имея в виду препятствия российской торговле, оказываемые со стороны персидского правительства, комитет подчеркнул необходимость того, «…чтобы, с одной стороны, правительство, имея негласное участие в делах торгового дома, оказывало оному надлежащее покровительство чрез посредство миссии и консульства наших в Персии, а с другой стороны, чтобы торговый дом действовал в предприятии своем с постоянством, с добросовестностью и наипаче с благоразумной осторожностью…»[2].

На заседании комитета 28 февраля 1845 г. был представлен проект устава торгового дома[3], учредителями которого стали купцы первой гильдии Николай Ремезов, второй гильдии Иван Баранов и Ефим Елизаров. Каждому из них надлежало внести в капитал общества по паю в размере 15 тыс. руб. Рассмотрев заключения вице-канцлера К.В. Нессельроде и управляющего Министерством финансов В.П. Воронченко по этому вопросу, Азиатский комитет пришел к следующим заключениям: утвердить проект устава общества, воздержавшись от его публикации; предоставить ему 10-летнюю льготу на повинности по первой гильдии; после внесения паев учредителями отпустить торговому дому 15 тыс. руб. серебром из Государственного казначейства наличными и металлов из казенных заводов на 45 тыс. руб.; на эти 60 тыс. руб. выдать на имя Департамента мануфактур и внутренней торговли 4 пая с предоставлением казне права коммерческого участия в делах общества; для оказания покровительства предприятию негласно учредить в Астрабаде консульство в составе консула и драгомана (он же секретарь)[4], поручив консулу осуществлять свои функции во время периодических командировок в Астрабад под видом чиновника российской миссии в Тегеране; потребовать от всех служащих товарищества четкого исполнения наставлений миссии и консульства, а также соблюдения строгой добросовестности и благоразумной осмотрительности[5]. Все внесенные Азиатским комитетом предложения были утверждены императором 11 марта 1845 г.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что вскоре по окончании Отечественной войны 1812 г. российские политические и экономические интересы обратились на Восток и, в первую очередь, к юго-восточному побережью Каспийского моря и Хиве, контакты с которой целое столетие были заморожены. Вопросы безопасности, торговли и утверждения геополитического влияния в этой части Центральной Азии постоянно ставились и решались особым надведомственным органом власти – Азиатским комитетом.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 87, 488, 489, 491, 492, 493 а.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 2. 1 561 с.: ил.

[1] АВПРИ. Оп. 781. 1833–1837. Д. 492. Л. 267–268.
[2] Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 142 об. – 143.
[3] Там же. Л. 169–170 об.
[4] Там же. Л. 171.
[5] Там же. Л. 143 об. – 145.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-5

Д.В. Васильев[*], Н.А. Мазаев[**]

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И АКТИВИЗАЦИЯ РУССКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1837–1841 гг.[1]

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Российской империи и среднеазиатских ханств на исходе третьего и в начале четвертого десятилетия XIX в. Особое внимание уделено роли министерства иностранных дел в этом вопросе, а именно его позиции в вопросе взаимоотношений российского государства и Хивинского ханства на примере дипломатической миссии П. Никифорова. Неудача посольства охарактеризовала собой тщетность попыток мирного урегулирования различных препонов, возникавших между двумя сторонами, однако показало готовность и желание Российской империи вести переговоры и действовать, когда это возможно и необходимо, с позиции мягкой силы. Обращается внимание на динамику изменения процесса принятия решений в зависимости от конкретного положения дел, сложившегося на определенном этапе эволюции русско-хивинских отношений.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Хивинское ханство, МИД, дипломатическая миссия, русско-хивинские отношения.

К концу 1830-х гг. российско-хивинские отношения накалились до предела. Не исключено, что именно ослабление России из-за поражения в Крыму, равно как и задержание хивинских купцов в пределах империи, стимулировали ханское правительство к агрессивным проявлениям.

В начале 1837 г. в Санкт-Петербург были доставлены два письма от хивинских мехтера и хана, в которых в довольно жестких выражениях требовалось уничтожение российского укрепления Ново-Александровского. Объяснив в своем ответе, что эта крепость была возведена «на земле, издревле Российской державе принадлежащей», глава имперской дипломатии довел до Аллакули-хана российские требования вернуть в течение четырех месяцев всех находившихся на территории ханства русских пленных, запретить новые покупки и удержание русских пленников, отказаться от вмешательства хивинцев в дела российских казахов. В обмен на это К.В. Нессельроде обещал отпустить всех задержанных хивинских купцов и восстановить добрососедские отношения[2].

Значительно более мягко развивались отношения с Бухарой. Отправляя в обратный путь находившегося в российской столице посланника эмира, вице-канцлер снабдил его подарками и письмом к кушбеги, в котором предлагал предоставить российским торговцам в Бухаре привилегии, адекватные тем, какими пользовались бухарские купцы в России. К.В. Нессельроде ходатайствовал о снижении пошлины и возвращении на родину русских невольников, бежавших в ханство с территории Хивы[3].

Поступавшие из Оренбурга сведения говорили о росте в Бухаре симпатий к России. Так стало известно, что эмир отказался принимать у себя англичан с их предложениями о дружбе и торговле. А смена кушбеги, по мнению вице-канцлера, свидетельствовала о том,

[*] ***ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович*** *— доктор исторических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; профессор; г. Москва, Россия; dvvasiliev@mail.ru.*

[**] ***МАЗАЕВ Никита Андреевич*** *— Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; студент; Mazaev-nikita14@yandex.ru.*

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого.

[2] 1837 г. февраля 9. Ответное письмо к хану хивинскому от вице-канцлера // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 77. Л. 10–11 об.

[3] 1837 г. февраля 16. Ответное письмо от вице-канцлера к бухарскому кушбеги // Там же. Л. 24–27 об.

что эмир впредь будет «…поступать согласно с нашими взглядами и желаниями, из чего можно будет извлечь пользу и в торговом, и в других отношениях»[1].

Несмотря на то, что в августе 1839 г. в Оренбург из Хивы прибыло 80 русских пленных, задуманное В.А. Перовским военное давление на Хиву было не остановить. Накануне похода 17 октября 1839 г. Николай I в Царском Селе утвердил декларацию об экспедиции против Хивы[2].

Имперское правительство отметило, что все способы убеждения были использованы. Настало время «…мер более решительных, более надежных, <…> дабы силой оружия обеспечить на будущее время права и пользы российских подданных, положить конец грабежам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников, внушить должное уважение к имени русскому и упрочить то влияние, которое неоспоримо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии»[3]. Однако, официально заявленная цель значительно расходилась с реальными планами царского правительства.

Еще на заседании комитета 11 марта того же года, решения которого на следующий день получили высочайшее утверждение, было признано, «…что одно наказание хивинцев и освобождение русских пленных недостаточно для обеспечения нас на будущее время от неприязненных действий Хивы и для упрочения нашего влияния в Средней Азии, и что посему необходимо сделать на месте *постоянное распоряжение*, могущее доставить нам прочное в обоих этих отношениях ручательство. А как лучшим для того средством найдено было смещение нынешнего хана Аллакула кем-либо из преданных нам степных султанов, то предоставлено было оренбургскому военному губернатору избрать и предложить лицо, которое с наибольшей благонадежностью могло бы быть возведено на степень хана хивинского»[4]. Выстраивая такие планы, царское правительство прекрасно понимало, что его задумки мало чем отличаются от аналогичных британских действий в Афганистане.

Азиатский комитет 11 марта 1839 г. определил и главные требования российского правительства к хивинской стороне:

«1) Чтобы отныне впредь прекращены были все явные и тайные враждебные действия Хивы против России, и в особенности, чтобы Хива отказалась от разбоев своих и не держала бы впредь ни одного русского в неволе.

2) Чтобы Хива не простирала власти своей на подчиненных нам кайсаков и туркмен и не облагала бы их закятом и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего влияния на племена, на которые она никакого владельческого права не имеет, и ограничивалась бы владениями своими, простирающимися до известных пунктов, которые небесполезно будет определить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала беглого султана Каип-Галия и ему подобных и посредством их не волновала бы киргизов.

5) Чтобы караваны ни под каким предлогом не были принуждаемы проходить чрез Хиву, и чтобы те, которые добровольно и по своим расчетам идти на Хивинское владение не рассудят, отнюдь не были облагаемы пошлиной.

6) Чтобы укрепления на реке Сыре, как лежащие вовсе вне хивинских пределов и служащие только для притеснения кочевых народов и проходящих караванов, были срыты и уничтожены.

---

[1] 1838 г. сентября 27. Всеподданнейший доклад вице-канцлера о бухарском посланнике // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 78. Л. 52 об.

[2] 1839 г. октября 17. Декларация об экспедиции против Хивы // Там же. Д. 79. Л. 154–158.

[3] Там же. Л. 157 об. – 158.

[4] 1839 г. октября 10. Журнал совещания вице-канцлера, военного министра и оренбургского военного губернатора // Там же. Л. 159–159 об.

7) Чтобы вообще на товары, принадлежащие русским, не было налагаемо, как доселе, двойной и четверной пошлины, а чтобы купцы русские и хивинские были во всех отношениях уравнены правами.

Наконец, 8) …иметь в Хиве российского, а в Оренбурге хивинского консулов для защиты торговли»[1].

Рассчитывая на абсолютную победу отряда В.А. Перовского, Петербург дал тайное задание военному губернатору взыскать с Хивы 400 тыс. руб. в компенсацию ущерба, нанесенного хивинцами при разграблении каравана российских купцов, следовавших в 1824 г. из Оренбурга в Бухару[2].

Параллельно с отправлением в Хиву В.А. Перовскому было предписано донести до бухарского эмира официальные цели экспедиции и успокоить его насчет военного вторжения. Осуществить эту миссию выпало на долю дипломата Е.П. Ковалевского, которому, также, было поручено «…войти в ближайшее знакомство и связи с влиятельными при хане лицами и в особенности с ишан-рейсом, как главным сановником, пользующимся всей доверенностью хана и имеющим, как по всему видно, большое влияние на ход всех дел бухарского правительства». Ему следовало убедить ишан-раиса в необходимости предоставления льгот русским купцам и важности учреждения в Бухаре должности российского торгового консула, внушить бухарскому вельможе, что им было выгоднее сохранить торговые отношения с Россией, которые были несравненно выгоднее, чем установление тесных сношений с британцами. Ковалевскому следовало также оказать содействие в вызволении содержавшихся в ханстве русских невольников[3]. Ему полагалось выяснить, насколько широко может распространиться российско-бухарская торговля, какие товары из империи будут пользоваться в ханстве наибольшей популярностью, насколько возможно устройство торговых сношений России с Афганистаном через Бухару. Кроме того, от инженер-капитана Ковалевского ожидали наиболее полной информации о политических связях Бухары с соседями и о ситуации в самих этих соседних государствах[4]. 30 октября 1839 г. Е.П. Ковалевский отправился из Оренбурга с бухарским караваном, но не смог достигнуть конечного пункта экспедиции, ибо начавшаяся экспедиция В.А. Перовского смешала все карты, заставило Ковалевского направиться в Ак-Булак и принять участие в военных действиях.

Неудачный поход, тем не менее, вынудил Алла-кули выпустить фирман, в котором он искал дружественных сношений с Россией, а также призвать подданных не совершать набеги на русские земли и отпустить томившихся в неволе 400 русских пленников. Такое изменение отношения хивинского хана к России побудило царское правительство сформулировать основные принципы будущих отношений с ханствами. В основе этих отношений должны были лежать политические и торговые интересы империи. Поставленная на первое место политическая цель состояла в упрочении в ханствах исключительного влияния России. Лишь на второе место были поставлены торговые интересы, состоявшие не только в росте товарооборота, но и в обеспечении безопасности караванов, торговцев и их имущества. Эти цели должны были реализоваться через учреждение в Хиве, Бухаре и Коканде российских агентов и подписание с их правителями обязательственных актов[5].

---

[1] 1839 г. октября 10. Журнал совещания вице-канцлера, военного министра и оренбургского военного губернатора // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 79. Л. 163–164.

[2] 1839 г. октября 17. Секретное отношение вице-канцлера к генерал-адъютанту Перовскому // Там же. Л. 167–168 об.

[3] 1839 г. апреля 8. Инструкция отправляемому в Бухарию инженер-капитану Ковалевскому // Там же. Л. 91 об. – 95 об.

[4] Там же. Л. 96 об. – 98.

[5] 1840 г. ноября 10. Всеподданнейший доклад вице-канцлера // Там же. Д. 80. Л. 133–135.

Были определены следующие конкретные условия для Хивинского ханства, с которого было решено начать воплощение новой политики:

«1) Прекратить все действия против России и ее подданных, вернуть российских пленников.

2) Не распространять свой суверенитет (в т. ч. сбор податей) на подчиненных России казахов и туркмен.

3) Выдавать на российскую сторону укрывающихся беглецов.

4) Не останавливать и не направлять через Хиву караваны, участвующие в российско-азиатской торговле.

5) Прекратить сбор пошлины на Сырдарье и уничтожить возведенные там хивинские укрепления.

6) Оказывать покровительство российским купцам в Хиве и уравнять взимаемую с них пошлину с хивинской.

7) Предоставить России свободное судоходство по Амударье.

8) Разрешить нахождение в Хиве российского агента с правом непосредственного обращения его к хану.

9) Ко всем законным и справедливым требованиям российского агента, относительно нашего и бухарского купечества, иметь надлежащее уважение.

10) В случае раздора Хивы с соседями, и в особенности с Бухарой, признавать российского агента непременным посредником меду ними.

11) Без совета российского агента не заключать никаких условий с какими бы то ни было народами.

12) В случае смерти в хивинских владениях кого-либо из российских подданных, имущество его отнюдь не отбирать в ханскую казну, а в целости передавать в ведение российского агента.

13) Безопасность агента, а также всех российских и бухарских торговцев, и вообще соблюдение всех постановляемых условий, обеспечивается лицами и имуществом хивинских торговцев в России находящихся»[1].

Заметим, что не все условия были вынесены на переговоры с Хивой, вести которые было поручено капитану П. Никифорову, направленному для переговоров в столицу ханства.

В преамбуле к инструкции, данной П. Никифорову перед отправлением, Азиатский департамент МИД кратко представил динамику развития российско-хивинских отношений последних лет, подчеркнув, что «действия Российской державы отличались постоянно в течение нескольких десятков лет снисхождением и великодушием, меду тем как хивинцы постепенно обнаруживали все более и более неблагодарность свою и неприязнь. Наконец, вражда их истощала меру терпения нашего правительства; достоинство империи требовало, чтобы положен был предел их ведомству»[2].

Тем не менее, мощная российская вылазка против Хивы не прошла бесследно. Хан отпустил всех русских невольников и издал фирман, запрещавший его подданным покупать и держать в неволе российских подданных. В ответ на это хивинские торговцы были отпущены домой, а ханский посол получил возможность прибыть в российскую столицу.

Инструкция указала задачу миссии капитана Никифорова: «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий и к обеспечению безопасности российских торговцев. Это самое составляет главную цель, для которой Вы командируетесь в Хиву <…> Для достижения сей цели Вы

[1] АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 80. Л. 135 об. – 138.

[2] 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // Там же. Д. 81. Л. 24 об. – 26.

не оставите изобразить хану в надлежащем виде добросовестность, прямодушие и бескорыстие нашей политики как собственно в Хиве, так и вообще к прочим соседственным с нами областям, имеющим гораздо большую значительность, нежели Хивинское ханство»[1]. В качестве примеров российскому посланнику следовало привести отношения России с Турцией и Персией, несогласие с которыми приводили к войнам, блистательные победы в которых вынуждали соперников империи искать мирных переговоров, превращавших бывших соперников в союзников.

Капитану следовало припугнуть Аллакула новым приемом военного нажима: «…несмотря на делавшиеся уже приготовления к возобновлению экспедиции против Хивы, его императорское величество повелел остановить отправление оной, лишь только получил известие об исполнении ханом главного требования нашего»[2]. Угрозы прекращения торговых отношений и нового похода против Хивы должны были висеть над ханом, подталкивая его к сговорчивости.

Предстоявшие переговоры должны были вестись вокруг следующих предметов: «1) уничтожение рабства и пленения русских и обеспечение лиц и имущества их в хивинских владениях; 2) ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издревле поступившие в подданство России; 3) обеспечение торговли нашей как с Хивой, так и с соседственными владениями»[3].

В вопросе об определении сфер влияния Хивы на соседних кочевников П. Никифорову следовало быть весьма осторожным. Ему было предписано «…в разговорах с хивинским ханом уклоняться от определительного объявления до каких именно мест должны простираться владения Российской империи в степи и… ограничиваться одним общим подтверждением о присяге, принесенной теми кочевыми народами на подданство России. <…> Поелику же настоящие переговоры имеют целью сохранить и упрочить порядок и тишину в степи и чрез то обезопасить караванные пути и торговые сообщения, то, не отвергая принадлежащего России права верховной власти над киргизскими и туркменскими племенами, принявшими присягу на подданство, правительство наше не находит неудобства согласиться, чтобы впредь до усмотрения те племена, которые кочуют к югу от Сыр-Дарьи, Девлет-Гирея и Ново-Александровского укрепления, оставались ныне в управлении хивинского владельца с правом для него собирать с них закят и с обязательством отвечать за все грабежи, разбои и воровства их и выдавать по требованию нашему скрывающихся у них беглецов и мятежников. За тем должны быть прекращены всякие неблагоприятные сношения Хивинского ханства с кочевыми народами к северу от Сыр-Дарьи и Устюрта кочующими. Тем не менее, до поры до времени российское правительство готово было мириться с тем, что Хива распространяла свой суверенитет на часть принявших российское подданство кочевников с тем, чтобы обезопасить от них бóльшую их часть, кочующую ближе к российским рубежам[4]. Это обстоятельство как нельзя более конкретно демонстрирует, что как бы петербургские дипломаты не пытались продемонстрировать могущество империи, в Центральной Азии его пока еще явно не хватало для того, чтобы диктовать свои условия.

Торговые интересы правительства сводились к следующему: 1) созданию условий для свободного и безопасного доступа русских купцов во все населенные пункты ханства; 2) установлению необременительной и единовременной пошлины для всех российских товаров; 3) допуску российского чиновника к участию в определении стоимости товаров в

[1] 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 27, 28 об. – 29.

[2] Там же. Л. 30–30 об.

[3] Там же. Л. 32 об.

[4] Там же. Л. 35 об. – 37, 39.

интересах обложения; 4) предотвращению насильственных остановок караванов и различного рода препятствий движению караванов в Россию и обратно[1].

В случае удачного решения первых трех вопросов, капитану Никифорову следовало убедить хана разрешить присутствие в Хиве российского чиновника. «Соделываясь политическим посредником между оренбургским начальством и Хивой, он был бы вместе с тем покровителем и справедливым заступником приезжающих в ханство российских подданных»[2]. При благоприятном исходе политическим представителем России в Хиве должен был стать включенный в состав посольства поручик Аитов.

Так, во главу угла всех дипломатических действий в ханстве были поставлены скрытность и осторожность. А пятой задачей посольства П. Никифорова был объявлен сбор подробных сведений о Хиве и их проверка[3].

В другой инструкции Азиатский департамент сообщил П. Никифорову о весьма удовлетворительном состоянии российско-бухарских отношений. Удовлетворительных настолько, что пункт о безопасности караванов в переговоры с Хивой был включен именно по просьбе эмира.

Итогом дипломатической миссии должно было стать заключение официального соглашения. Обязательства хивинской стороны предполагалось зафиксировать актом, содержащим следующие условия.

«1) Отныне впредь не предпринимать никаких явных, ни тайных действий против России.

2) Не производить и не потворствовать грабежам, разбоям и захватам ни в степи, ни на Каспийском море, и в случае, если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хиве племенами, предавать виновных немедленному наказанию.

3) Не держать в неволе и не приобретать никаким образом пленных русских, и ответствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякого российского подданного, могущего быть в хивинском владении.

4) В случае смерти в хивинских владениях российского подданного, не отбирать оставшегося после него имущества, а отпускать оное в целости российскому пограничному начальству для передачи его наследникам.

5) Не простирать влияния на кочевые племена издревле находящихся в подданстве России, не притеснять и не волновать их и не облагать поборами.

6) Не допускать беглецам и мятежникам из российских подданных укрываться в хивинских владениях, но выдавать их российскому пограничному начальству.

7) Не взимать с товаров русских купцов более «…» (пропущено в тексте – *авт.*) процентов настоящей цены оных и пошлину сию взимать один только раз с привозимых в хивинские владения товаров.

8) Не делать никаких остановок караванной торговле азиатских владений с Российской империей, и не причинять насилий бухарским и другим купцам, производящим торг с Россией.

И наконец, 9) …вообще поступать во всех случаях как подобает добрым соседям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественной Российской империей»[4].

От имени российского государя капитан П. Никифоров должен был удостоверить хивинскую сторону в том, что Россия «1) предает совершенному забвению прежние неприязненные против нее действия хивинских владельцев; 2) отказывается от требования

[1] 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 40 об. – 41.

[2] Там же. Л. 44 об.

[3] Там же. Л. 51.

[4] 1841 г. февраля 2. Проект Акта от хивинского владельца // Там же. Л. 52–53 об.

уплаты за разграбленные до сего времени караваны; 3) обещает совершенную безопасность и законное покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным, и 4) предоставляет в своих владениях хивинским торговцам все преимущества, коими пользуются купцы других азиатских владений»[1].

В августе 1841 г. миссия капитана П. Никифорова прибыла в Хиву. Уже в самом начале переговоров выяснилось, что Аллакули намеревался их использовать для разграничения казахских земель и реализации своих претензий на реки Эмбу, Иргиз и Тургай. Все это выходило за пределы компетенций посольства. Это обстоятельство, а также уклончивость хивинской позиции, нездоровье Никифорова и его недипломатичное высокомерие. Видя бессмысленность дальнейшего затягивания переговоров, российский посланник перешел к решительным действиям. Он объявил земли всех принявших российское подданство кочевников достоянием империи и заверил, что в любом случае претензии хана не будут удовлетворены. Предложив хану подписать проект мирного договора, имперский посланник заявил, что в противном случае будет вынужден покинуть Хиву, что и случилось 27 октября. Ни одно из условий не было выполнено, договор не был подписан.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 77–81.

[1] 1841 г. февраля 2. Проект надписи российского агента на копии Акта хивинского владельца // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 54–54 об.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-6

С.В. Виватенко[*], Т.Е. Сиволап[**]

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РОМАНОВЫХ

Аннотация. В статье рассказывается о процессе освоения территорий Сибири и Дальнего Востока, которое осуществлялось в XVII–XIX вв., о его положительных и отрицательных сторонах. С одной стороны, историю освоения данных земель можно рассматривать как историю путешествий, подвигов и славных дел русских землепроходцев, промышленных и служивых людей; с другой – это государственная политика России по укрепление безопасности восточных границ государства. Если говорить о печальных последствиях данного процесса, то следует отметить, что коренным обитателям, к сожалению, было причинено немало бед, поскольку оказавшись в составе Российского государства, они вынуждены были платить натуральную подать – ясак, размер которой был немалым, приходилось терпеть злоупотребления администрации, произошло оскудение промысловых угодий в связи с сельскохозяйственным и промышленным освоением земель, а также среди местного населения стало активно распространяться пьянство и инфекционные болезни, ранее им неизвестные, которые были занесены переселенцами. Но, безусловно, были и положительные моменты, в частности, прекращение междоусобиц, внедрение эффективных способов хозяйствования, появление интеллигенции из среды местного коренного населения, возникновение новых промышленных центров.

Ключевые слова: государственная политика России, укрепление безопасности, освоение Сибири и Дальнего Востока, процессы колонизации, развитие индустрии, служилые люди, географические открытия.

В истории формирования Российского государства большое значение имело освоение земель в Азии и на Дальнем Востоке. История освоения Дальнего Востока, во-первых, это, прежде всего, история путешествий, подвигов и славных дел русских землепроходцев, промышленных и служивых людей, это история мужества и отваги русского народа. Среди тысяч русских, на протяжении столетий оседавших на новых дальних просторах Российского государства, выделилось много талантливых, предприимчивых людей, которые, сами часто не зная об этом, совершали географические открытия, продвигающие вперед отечественную науку. Эти люди менее чем за столетие со времен похода Ермака укрепились на всем северо-востоке Азии, вышли к берегам Охотского моря и Тихого океана, распространив свое влияние в Приамурье. На глазах одного поколения государственная граница страны была перенесена с Урала на берега Тихого океана. Во-вторых, это государственная политика России по укрепление безопасности восточных границ государства.

Нельзя говорить, что освоение Сибири и Дальнего востока происходило только благодаря романтическому желанию увидеть край земли, поохотится на соболя, это была продуманная и выверенная политика российского государства, которая опиралась на внешнеполитическую доктрину, разработанную в середине XVI в. членом Избранной рады Алексеем Адашевым, являвшегося приближенным царя Ивана Грозного.

Большим влиянием на царя А.Ф. Адашев стал пользоваться вместе со знаменитым благовещенским священником Сильвестром после страшных московских пожаров, которые произошли в апреле и в июне 1547 г., и убиения возмутившимся народом царского дяди

[*] ***ВИВАТЕНКО Сергей Валентинович*** *— кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; кафедра проектной деятельности в кино и телевидении; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; svivat@bk.ru.*

[**] ***СИВОЛАП Татьяна Евгеньевна*** *— кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; кафедра проектной деятельности в кино и телевидении; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; tntslp@mail.ru.*

князя Юрия Васильевича Глинского. С этого времени царь, нерасположенный к знатным боярам, приблизил к себе двух неродовитых, но лучших людей своего времени, Сильвестра и Адашева. Иван IV нашел в них, а также в царице Анастасии Романовне и в митрополите Макарии нравственную опору и поддержку. Время так называемого правления Сильвестра и Адашева было временем широкой и благотворной государственной деятельности: созыв 1-го Земского собора для утверждения Судебника в 1550 г., созыв церковного собора Стоглава в 1551 г., покорение Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г.; дарование уставных грамот, определивших самостоятельные суды общин; развитие поместной системы, упрочившее содержание служилых людей. А.Ф. Адашев руководил работами по составлению официальной «разрядной книги» и «государева родословца», редактировал материалы официальной летописи – «Летописи начала царствования»[1].

Такой симбиоз романтизма и государственных интересов привел к тому, что русское продвижение на восток Евразии со времен Ивана IV до начала XX в. было столь активным, что территория России увеличивалась на 130 км в день.

Следует выделить два основных этапа исторического процесса освоения Дальнего Востока. Первый этап – выход русских людей в середине XVII столетия к Тихому океану, исследование Охотского побережья и Камчатки, изучение Амура и его первоначальное освоение, где решающим моментом явились знаменитые походы В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова. Второй этап – активизация России в районах Приамурья, Сахалина и Приморья в XIX в.

Колонизация Дальнего Востока шла по северной, менее заселенной, части с суровым климатом и труднопроходимой местностью. Впервые к Ламскому Охотскому морю русские вышли в 1639 г. (И.Ю. Москвитин), а 1648 г. Семен Иванович Дежнев обогнул Чукотку и вышел к Тихому океану. М.В. Стадухин и В.В. Атласов исследовали Камчатку. Однако более благоприятные территории (современные Амурская область, юг Хабаровского края, Еврейская АО) осваивались позже других.

Причиной столь необычного трудного и сурового пути продвижения на Восток некоторые историки считают стремление добыть драгоценную пушнину – соболя. Но южные районы тоже были достаточно богаты, более обитаемы и более благоприятны для продвижения. Главной причиной позднего освоения юга Сибири и Дальнего Востока следует считать непокорность и агрессивность местных этнических племен, находящихся в вассальной зависимости от Монголии, Китая и Джунгарии, которые также претендовали на эти земли. Россия не могла держать под контролем огромные территории и вести масштабные военные действия на Дальнем Востоке, поскольку в XVII в. и начале XVIII в. решала более важные задачи в Европе.

В XVIII в. освоение Дальнего Востока продолжилось, к нему присоединилось и научное изучение региона: Академия Наук, Тайная канцелярия, Военная и Берг- коллегии и лично император посылали научные экспедиции, которые должны были исследовать и описать «ново-русские» территории Российского государства. Самыми известными были путешествия командоров Витуса Беринга и Алексея Чирикова, помощника В. Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях; адъюнкта натуральной истории и ботаники Академии наук, автора знаменитой книги «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова[2]. Интересно, что М.В. Ломоносов готовил секретную кругосветную экспедицию по поиску пути в Тихий океан – в обход Северной Америки – для приведения в российское подданство земель на западе этого континента. Но о проекте узнали французы и надавили

[1] Усачев А.С. Летописец начала царства и митрополичья кафедра в середине XVI в. // Проблемы отечественной истории и историографии XVII–XX вв.: Сб. ст., посвященный 60-летию Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2011. С. 9.

[2] См.: Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М., 1971.

на дочь Петра I Елизавету. Поэтому была остановлена Вторая камчатская экспедиции А. Чирикова.

Еще одним проектом, разработанным Ломоносовым, была колонизация Курил: «на островах Курильских… можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом… Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке»[1]. В 1740 г. был основан первый русский форпост на Тихом океане Петропавловск-Камчатский.

Вопросами освоения Дальнего Востока занимались такие известные россияне, как поэт и декабрист К. Рылеев, работавший в российской североамериканской компании, герой поэмы и рок-оперы «Юнона и Авось» А. Вознесенского командор Николай Резанов (даже сейчас столица штата Аляска носит имя в честь его корабля), Федор Толстой-Американец (товарищ А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова) и одноклассник А.С. Пушкина Федор Матюшкин.

Новый этап в освоении Дальнего Востока начался во второй трети XIX в. Главнейшем предприятием по колонизации Дальнего Востока была Амурская экспедиция 1849–1855 гг. Геннадия Михайловича Невельского. Вопреки устоявшемуся наименованию, Амурская экспедиция изначально не была целенаправленно организованной правительством России и даже до определенного момента осуществлялась без соизволения власти, но впоследствии стала таковой по своему величайшему значению. Однако, Г.М. Невельской, опираясь на поддержку Муравьева, совершил неслыханное самовольство: несмотря на Высочайший запрет, он не только снова проник в устье Амура, но и основал там поселение. 1 августа 1850 г. на мысе Куегда Г.М. Невельским был основан так называемый Николаевский пост, впоследствии г. Николаевск-на-Амуре. Убедившись, что цинская администрация, к тому времени не оправившаяся от последствий Первой опиумной войны и связанная в своих действиях вспыхнувшим в стране тайпинским восстанием, не имеет возможности адекватного ответа на территориальные притязания Российской империи, при этом, без указания и одобрения свыше, на свой страх и риск Г.М. Невельской распорядился поднять русский военный флаг и объявил о состоявшемся присоединении Амурского края к России: «Отъ имени Россійскаго Правительства симъ объявляется всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ въ Татарскомъ заливѣ, что так как прибрежье этого залива и весь Приамурскій край до Корейской границы съ островомъ Сахалинъ составляютъ Россійскія владѣнія, то никакія здѣсь самовольныя распоряженія, а равно обиды обитающимъ инородцамъ не могутъ быть допускаемы. Для этого нынѣ поставлены россійскіе военные посты въ заливѣ Искай и на устьѣ р. Амура. Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ или столкновеній съ инородцами предлагается обращаться къ начальникамъ постовъ»[2]. Николай I назвал поступок Г.М. Невельского «*молодецким, благородным и патриотическим*», а на докладе Особого Комитета наложил знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

С 1853 г. Г.М. Невельским были основаны сразу несколько новых российских населенных пунктов на острове: Александровский (ныне г. Александровск-Сахалинский) и Ильинский (ныне п. Ильинское) – на побережье Сахалина; пост в бухте Де-Кастри (ныне п. Де-Кастри). Так же был основан и пост Константиновский (ныне г. Советская Гавань) в Императорской гавани – на материковом побережье Татарского пролива.

---

[1] Баландин Р. Михаил Ломоносов. М., 2011. С. 124.

[2] Алексеев А.И. Дело всей жизни: Книга о подвиге адмирала Г.И. Невельского. Хабаровск, 1972. С. 67.

В 1858 г. правобережье Амура официально отошло к России по заключенному с империей Цин Айгуньскому договору. С Айгунского договора между Российским и Дайцинским (Китай) государствами начинается история освоения Приморского края и г. Владивостока. Инициатором договора был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. В итоге Россия обзавелась приморской территорией на Дальнем Востоке государства.

В 1859 г. Н.Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Генерал-губернатор предложил назвать ее Золотым Рогом и приказал основать на берегах бухты военный пост, который он же, Н.Н. Муравьев-Амурский, назвал Владивостоком.

В феврале 1871 г. русское правительство приняло решение о переносе главного порта Сибирской флотилии из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. В 1875 г. Владивосток официально был объявлен городом. В 1880 г. Хабаровка была официально возведена в степень города и туда перевели все областное и войсковое управление Приморской области. Еще в 1864 г. военным топографом Михаилом Любенским был сделан первый план застройки будущего города, по которому центральной улицей стала Береговая улица. 2 ноября 1893 г. город был переименован в Хабаровск[1].

Однако, по-прежнему область, как и вся Дальняя Россия, как тогда назывался Дальний Восток, административно все еще управлялись из Иркутска. Наконец, в 1884 г. была создана новая административная единица – Приамурское генерал-губернаторство, которое возникло в результате деления Восточно-Сибирского генерал-губернаторства на Иркутское генерал-губернаторство и Приамурское, административным центром которого стала Хабаровка. В новое генерал-губернаторство вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области и о. Сахалин. Оно стало восьмым в России.

Для дальнейшего освоения Дальнего Востока были предприняты строительства транспортных магистралей. В 1885 г. Муравьевым-Амурским была введена в строй «гужевая дорога», которая соединила Забайкалье с Хабаровском. А в 1891 г. началась активное строительство железно-дорожной транссибирской магистрали. Все необходимые для строительства материалы (кроме дерева, камня и кирпича) завозились во Владивосток южно-морским путем из Одессы через Суэцкий канал. Первый поезд во Владивосток пришел в 1903 г. (сейчас из Москвы во Владивосток можно доехать за неделю).

Следующим шагом освоения стала Столыпинская реформа, которая помогла переселить на Дальний Восток большое число жителей Российского государства. Всего с 1907 по 1913 гг. на Дальний Восток прибыло 216 724 новосела, ими было основано 338 новых селений. А в Приамурское генерал-губернаторство прибыло около 323,7 тыс. крестьян-новоселов. На Дальнем Востоке появляются первые промышленные предприятия, развивается угольная промышленность, во Владивостоке открылся Дальзавод.

В истории освоения Сибири и Дальнего Востока были и мрачные страницы. Коренным обитателям освоение данных земель и территорий, особенно на начальном этапе русской колонизации края, принесло немало бед. Оказавшись в составе Российского государства, народы Сибири и Дальнего Востока должны были платить натуральную подать – ясак, размер которого хотя и уступал налогам, возлагавшимся на русских переселенцев, но был тяжел из-за злоупотреблений администрации. Пагубные последствия для некоторых родов и племен имели ранее неведомое им пьянство и инфекционные болезни, занесенные переселенцами, а также оскудение промысловых угодий, неизбежное в ходе их сельскохозяйственного и промышленного освоения.

Но для большинства народов положительные последствия русской колонизации очевидны. Прекратились кровавые усобицы, местные жители переняли у русских более

[1] Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 2008. С. 138.

совершенные орудия труда и эффективные способы хозяйствования. У некогда бесписьменных народов появилась своя интеллигенция, в т. ч. ученые и писатели. Неуклонно росла и общая численность коренного населения края. Возникновение новых промышленных центров изменило экономическую географию края, способствовало развитию промышленной индустрии Дальневосточного края.

Источники и литература

1. Алексеев А.И. Дело всей жизни: Книга о подвиге адмирала Г.И. Невельского. Хабаровск, 1972. 318 с.
2. Баландин Р. Михаил Ломоносов. М.: Вече, 2011. 352 с.
3. Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Репр. изд. Хабаровск: ДВГНБ, 2008. 291 с.
4. Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М.: Мысль, 1971. 374 с.
5. Усачев А.С. Летописец начала царства и митрополичья кафедра в середине XVI в. // Проблемы отечественной истории и историографии XVII–XX вв.: Сб. ст., посвященный 60-летию Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2011. С. 5–21.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-7

В.А. Воропанов*

СТРУКТУРЫ ИМПЕРСКИХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация. В XVIII в. форсировались процессы интеграции восточных областей России. Изменение политико-административного статуса Башкирии в 1736–1744 гг. сопровождалось реформированием местной системы органов юстиции, адаптированной к социально-политическим и этнокультурным условиям ее функционирования. В конце XVIII в. реформированная система юстиции превратилась в один из ключевых факторов правовой аккультурации населения и завершения «дефронтиризации» Южного Урала – Оренбургского края. В первой половине XIX в. На Южном Урале продолжался поиск оптимальной модели организации правосудия, объединявшей суды общей, сословной и специальной подсудности, а также органы общей и отраслевой административной юстиции.

Ключевые слова: суд, правосудие, юстиция, Российская империя, Оренбургский край, Южный Урал, башкиры.

В процессе заселения и освоения областей, вновь присоединенных к России, менялся их политико-административный статус, в соответствии с историографическими традициями за ними закрепились наименования «окраин», «периферии», «фронтира», «порубежья», «пограничья»[1]. В XVIII в. интеграция и правовая аккультурация территорий и населения восточных областей России осуществлялись в условиях модернизации страны, проводившейся с учетом их продолжавшегося заселения и освоения – процессов их дефронтиризации. В первой половине XVIII в. зоны российского «порубежья» смещались на юг и восток империи, придавая фронтирной модернизации «волновой» характер[2].

Имперская юстиция являлась активным участником освоения окраин России. О планах усиления контроля над Южным Уралом свидетельствовали попытки реформирования местного судоустройства, когда наряду с уфимским воеводой в ряд городов посылались судебные комиссары[3]. Новым судебным органом в столице края являлся городовой магистрат в составе двух должностных лиц – бургомистра и ратмана, напоминавший об особенностях его городской социальной среды[4].

В то время как башкиры настаивали на исключительной подсудности в Уфе[5], местные руководители сообщали в Санкт-Петербург о том, что суд для населения территорий, удаленных от административных центров, оставался малодоступен и самосправа сделалась общим правилом. В регулировании внутриэтнических отношений

* ***ВОРОПАНОВ Виталий Александрович*** *— кандидат исторических наук; доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал; кафедра государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы; заведующий кафедрой; г. Челябинск, Россия; vvoropanov@yandex.ru.*

[1] См. подр.: Дамешек И.Л. Дефиниция «окраина»: история и современное состояние (к постановке проблемы) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – нач. XX вв.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина: Мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 115–117; Любичанковский С.В., Любичанковский А.В. Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI – начало XX вв.) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 104–109 и др.

[2] См. подр.: Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274 и др.

[3] Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1875. Т 14. С. 40.

[4] См. подр.: Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1977. С. 225.

[5] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 6. № 3 565, п. 6; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 22. С. 122–123.

башкиры опирались на традиции, вовсе не обращаясь к авторитету и помощи имперского суда[1].

Верховная власть маркировала отечественный фронтир укрепленными линиями, в число которых в 1733–1736 гг. вошла Новой Закамская, закрывшая внутренние области от свободного перемещения полукочевых и кочевых народов. Особое состояние Уфимской провинции Сенат засвидетельствовал в 1728 г., выведя ее из подчинения казанскому губернатору; местный воевода руководствовался наказами, выработанными Приказом Казанского дворца за полтора столетия[2].

Попытку наладить взаимодействие с казахскими жузами в 1734 г. сопровождали обязательные проекты по организации правосудия на Южном Урале: как для казахов, так и для башкир предусматривалось учреждение смешанных судов специальной подсудности и применение источников обычного права; подсудность уфимского воеводы в отношении туземного населения ограничивалась тяжкими преступлениями[3].

Вооруженное сопротивление части башкирских родов Оренбургской экспедиции вызвало форсированное распространение на край общеимперской системы органов администрации и суда. В 1735–1742 гг. Оренбургская укрепленная линия обособила Башкирию в качестве внутренней провинции Российской империи. Казахская степь получила формальный статус ее внешней периферии.

В 1744 г. местная судебная система замкнулась на оренбургского губернатора и его канцелярию. Ее провинциальный уровень представляли двое воевод и канцелярии трех казачьих войск. Следует заметить особо, что реформирование системы управления Яицким казачьим войском завершилось установлением полного контроля губернатора над сферой осуществления правосудия[4]. «Калмыцкий суд», учрежденный в Ставрополе-на-Волге для служилой этнической группы и уполномоченный разрешать гражданские и мелкие уголовные дела, стал результатом искусственной трансформации степных правовых традиций[5].

Замысел об учреждении в Оренбурге магистрата стал одной из специальных мер, направленных на развитие торгово-экономических отношений в крае. В отличие от Уфимской городовой ратуши, подотчетной провинциальному воеводе, Оренбургский магистрат являлся эксклюзивным судебным органом, подчиненным Сенату и обязанным соблюдать принцип нормативно-правового плюрализма в целях эффективного регулирования общественных отношений. Полномочия магистрата временно исполняла губернская канцелярия[6]. Только в 1753 г. последовало учреждение второй на Южном Урале ратуши – в центре Исетской провинции[7].

Третейские суды башкир в составе старшины, духовного лица и представителей сторон создавались под контролем губернской или провинциальных канцелярий[8].

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. № 546. С. 481–482, 487.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 8. № 5 316, 5 318, 6 174.

[3] Там же. Т. 9. № 6 576. П. 10, 11; Т. 10. № 7 657, п. 5; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13725/1. Л. 3 об. – 4.

[4] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 11. № 8 215, п. 1, 4; Витевский В.Н. Неплюев, верный слуга Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань, 1891. С. 52–54, 58–59, 84, 87; Рябинин А. Исторический очерк // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1. С. 33, 37–38.

[5] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 12. № 9 110. Ст. 6, 22; Т . 27. № 21 025. Доклад министра военных сухопутных сил.

[6] Там же. Т. 13. № 10 156, п. 12.

[7] См. подр.: Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности. Карманный справочник. Челябинск, 2011. С. 6.

[8] Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией Наук по предложению ее президента. С прим., изъясн. и дополн. СПб., 1822. Т. 4. Продолжение Записок путешествия академика Лепехина. Ч. 3. Путешествие от Табынска до Екатеринбурга. С. 57.

Специальное разрешение на обращение в шариатские суды получили торговые мусульмане[1]. Роль шариатских судей исполняли ахуны по числу «дорог» и муллы[2].

После подавления Пугачевского движения на Южном Урале, охваченном общеимперской административно-судебной реформой, последовала очередная волна «дефронтиризации». Екатерина II консолидировала функции правосудия в компетенции местных судов трех звеньев, обособленных в самостоятельную систему. Размеры Оренбургской губернии, преобразованной в Уфимское наместничество, потребовали открыть по три суда второго звена, наделенных сословной подсудностью, в Оренбурге и Уфе. Штатное количество судов первого звена для помещиков и разночинцев, а также крепостных людей, зависимых от них, соответствовало их общей численности в крае: 5 на 12 уездов.

Перечень городов Южного Урала, в которых действовали особые суды для городских сословий, остался неизменным: Оренбург, Уфа, Челябинск, что соответствовало качеству материальной базы городских поселений. В то же время, сохранив актуальный статус общины «торговых» татар, проживавших в Сеитовом посаде под Оренбургом, Екатерина II расширила их самостоятельность, учредив для них суд специальной подсудности – Татарскую ратушу. Применяя нормы общеимперского законодательства, судьи Татарской ратуши объективно способствовали ускорению процессов социальной и правовой эволюции данной общины.

Для остальных сословий в каждом уездном центре Уфимского наместничества были созданы нижние расправы, половину из которых Екатерина II наделила специальной подсудностью в отношении служилых этнических групп населения – башкир и мещеряков, калмыков, сартов и татар. Обособленная подсудность башкир отвечала многовековой традиции осуществления правосудия на Южном Урале, специфическому правовому статусу народа и его этнокультурным особенностям. Каждая община, подсудная нижней расправе, регулярно участвовала в выборах кандидатов на должности членов ее коллегии – сельских заседателей.

В целях максимально эффективной защиты сословных прав представители каждой социальной общности пользовались индивидуальной подсудностью. В случае смешения состава подсудимых или ответчиков принцип судебного представительства при рассмотрении и разрешении их дел являлся для судов и судей обязательным.

Вспомогательную роль в осуществлении правосудия стали исполнять совестные суды, дворянские опеки и сиротские суды, нижние земские суды и управы благочиния. Если первые являлись специализированными органами, то вторые как органы уездной и городской полицейской администрации были уполномочены разбирать мелкие уголовные дела без случаев рецидива и имущественные иски по обращениям населения. В Оренбургской провинции Уфимского наместничества в коллегиях нижних земских судов отразились особенности состава ее жителей: две вакансии были зарезервированы для представителей служилых этнических групп.

В правление преемника Екатерины II административное освоение Южного Урала форсировалось. Павел I подверг государственный аппарат реорганизациям и сокращению, оставил в системе местных судов два звена и максимально расширил сословную подсудность уездных судов, которыми в 1797 г. заменил нижние расправы. С восстановлением в Екатеринбурге Конторы судных и земских дел ее юрисдикция распространилась на Оренбургскую губернию. Тогда же Южный Урал охватило действие законодательства об унификации органов волостной администрации, наделенных ограниченными судебными функциями.

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 13. № 10 156, п. 11.
[2] Там же. Т. 9. № 6 890, п. 14.

Александр I вернул должность сельского заседателя в состав коллегии уездного суда, однако в 1806 г. окончательно отказал башкирам в специальной подсудности: уездные суды в Оренбургской губернии пользовались типовой территориальной юрисдикцией. В 1860-х гг. в 6 уездных судах Оренбургской губернии имелись должности вторых секретарей, на которых замыкались производства по делам башкир, что объяснялось множеством и запутанностью земельных споров населения Южного Урала, возникших в ходе его освоения.

В целях обеспечения дальнейшего экономического развития предприятий горно-металлургической промышленности в конце 1810-х гг. на Урале подверглась реформированию система органов отраслевой администрации. В число уездных судов, наделенных юрисдикцией в отношении дел, связанных с деятельностью горнопромышленных предприятий, решения по которым обжаловались не в Оренбургских уголовной и гражданской палатах, но в Пермском горном правлении вошли Оренбургский, Троицкий и Уфимский. По штату от 1838 г. судебные представители администрации Уральского горного округа находились в Стерлитамакском и Уфимском уездных судах.

Крупные размеры Оренбургской губернии потребовали пересматривать штатное расписание местных нижних земских судов: в 1806–1809 гг., затем в 1827 г. число дворянских заседателей, являвшихся государственными гражданскими служащими, увеличили до 3 и до 5[1]. В Уральском горном округе были созданы отраслевые органы полицейской администрации – горные и заводские исправники, взаимодействовавшие с нижними земскими судами, а также полицмейстеры, управы благочиния (с 1840-х гг. – заводская полиция) и заводские управители. В имущественных спорах и личных конфликтах закон предусматривал широкое применение примирительных процедур, обращение сторон в словесные и третейские суды.

Изменения в структуре судов городских сословий соответствовали темпам социально-экономического развития края. Свидетельством полного включения общины торговых татар Сеитова посада в систему общественных отношений стал их отказ от содержания Татарской ратуши[2]. В 1833 и 1835 гг. ратуши открыли в Троицке[3] и Мензелинске[4]. Следующие ратуши учредили только в 1850 г. в Бирске и Стерлитамаке, а также в Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, переданных в состав новой Самарской губернии. Для реорганизации общественного управления в иных городах края отсутствовала необходимая материальная база[5].

Самостоятельными направлениями трансформаций имперской юстиции в крае являлись создание и последующее реформирование и развитие систем иных отраслевых органов администрации, деятельность которых неуклонно стирала остаточные признаки фронтира и обеспечивала полную интеграцию Южного Урала в состав России.

Органы казачьей административной юстиции примыкали к системе общих судов. Если Оренбургская войсковая канцелярия являлась для лиц сословия судом губернского звена, то Уральская пользовалась правами уездного суда. Новым признанием успешной интеграции края стало наделение в 1845 г. Уральской войсковой канцелярии общей подсудностью[6]. В 1816 г. военный губернатор распорядился передавать уголовные дела

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. № 22 351; Т. 30. № 23 802; Собр. 2. Т. 2. № 1 286; т. 3. № 2 157.
[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9856. Л. 1–3.
[3] Там же. Оп. 5. Д. 10497. Л. 2–3.
[4] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[5] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12808. Л. 2–4.
[6] ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 20. № 19 102.

лиц казачьего сословия женского пола в подсудность уездных судов[1]. В ходе реформирования системы управления Оренбургским казачьим войском с 1840 г. параллельную систему судов стали представлять войсковое и полковые правления. Войсковое правление осуществляло функции уголовной и гражданской палат, а также совестного суда в отношении всех лиц казачьего сословия. В 1803 г. в состав Оренбургского казачьего войска включили Исетское, в 1840 г. – Ставропольское калмыцкое, их войсковые канцелярии, исполнившие свои специальные миссии в процессе освоения юго-восточного пограничья России, упразднили[2].

Новым звеном в системе управления служилыми сословиями на Южном Урале с 1797 г. являлись кантонные начальники, которым подчинялись станичные правления (до 1840 г.), башкирские и мещерякские юртовые старшины, осуществлявшие низшие судебные функции. В 1834 г. в Башкиро-мещерякском войске был введен институт попечителей, наделенных юрисдикцией равной юрисдикции земских судов; кантонные начальники были уподоблены становым приставам.

В 1840-х гг. башкир и мещеряков массово переводили в статус прямых налогоплательщиков. В 1855 г. в состав неслужилого населения включили уральское сословие бобылей и тептярей, окончательно нарушив родоплеменные границы башкир, войско переименовали в Башкирское, его жителей – в башкир «из мещеряков, тептярей и бобылей». В 1860 г. командиру Отдельного Оренбургского корпуса поручили подготовить предложения по изменению подсудности башкир.

Особую веху в истории освоения края составила деятельность Оренбургской межевой конторы (1797–1842 гг.), уполномоченной разрешать земельные конфликты в процессе проведения «генерального межевания» – установления границ недвижимой собственности[3].

В 1786 г. в столице Южного Урала был размещен центральный суд для мусульман Российской империи – Уфимское духовное собрание магометанского закона. Духовные власти немедленно приступили к формированию единой системы органов религиозного управления, подбору и аттестации кадров на должности духовной службы. Назначения духовных должностных лиц в кантоны контролировал военный губернатор. Статус низших шариатских судей сохранили ахуны и муллы. К подсудности мусульманских судов относились должностные правонарушения духовных лиц, брачно-семейные и наследственные дела.

В 1799 г. последовало разукрупнение Казанской и Тобольской епархий Русской православной церкви. Новым органом церковного суда на Южном Урале сделалась Уфимская духовная консистория[4]. В случае смешения подсудности, касавшейся общин или групп духовенства, закон предписывал церковным судам блюсти принцип судебного представительства, однако численность жителей края, принадлежавших к католической и протестантским конфессиям, оставалась минимальной.

Наконец, самостоятельное развитие на Южном Урале получила система органов военной юстиции. Постоянные военные суды действовали с 1797 г. при Оренбургском комендантском управлении (ордонанс-гаузе), с 1831 г. – при Оренбургской и Уральской войсковых канцеляриях. Верховная власть санкционировала расширение подсудности военно-судебных органов в карательных целях. При этом законодательство учитывало особенности социального состава, быта и традиций населения, юридического статуса сословий, специфику экономических интересов государства в провинции. В первой

[1] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8: 1816 г. Оренбург, 1907. С. 225.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 15. Ч. 1. № 14 041, § 321, 330–332; Ч. 2. Штаты и табели. Отд. 4.

[3] Там же. Т. 17. № 15 783.

[4] Там же. Собр. 1. Т. 25. № 19 156.

половине 1830-х гг. особое внимание было уделено именно Оренбургской губернии, где сосредоточивались военно-служилые сословия. Карательные меры были применены в отношении не только лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений и бежавших из-под стражи, подозревавшихся в хищении лошадей, но и всех отставных военных служащих иррегулярных формирований – казаков, калмыков, башкир и мещеряков, тептярей и бобылей. По отдельным категориям дел, а также в случае смешения юрисдикции уголовное законодательство предусматривало совместную работу военных и гражданских судей.

В Уральском горном округе создавались отраслевые военно-судебные органы. Деятельность военных судов позволила сдерживать не только рост преступности, но и падение эффективности функционирования предприятий горно-металлургической промышленности. После ужесточения в 1834 г. ответственности за хищение и незаконный оборот драгоценных металлов при заводах горного округа учреждались особые военно-судные комиссии в составе военных, горных и гражданских служащих.

Источники и литература

1. Весновский В.А. Весь Челябинск и его окрестности. Карманный справочник. Челябинск: тип. Л.Б. Бреслиной, 1909. 138 с.
2. Витевский В.Н. Неплюев, верный слуга Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. 251 с.
3. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9856; Оп. 5. Д. 10497; Оп. 6. Д. 12808.
4. Дамешек И.Л. Дефиниция «окраина»: история и современное состояние (к постановке проблемы) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – нач. XX вв.): Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2002. С. 115–117.
5. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. 443 с.
6. Любичанковский С.В., Любичанковский А.В. Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI – начало XX вв.) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 104–109.
7. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. 631 с.
8. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. 3 / Сост. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова. 691 с.
9. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. 8: 1816 г. 520 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 1.
11. Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12 / Отв. ред. М.К. Горшков. С. 246–274.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 8, 9, 13, 25, 27, 29, 30; Собр. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830–1885. Т. 2, 3, 15, 17, 20.
13. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президента. СПб.: Императорская Академия наук, 1822. Т. 4. 440 с.
14. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1875. Т. 14. 544 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-8

А.Н. Гарявин[*], А.А. Смирнова[**]

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ СССР В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАЗРУШЕННОГО ВОЙНОЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу системы государственных органов и учреждений в СССР в период восстановления народного хозяйства страны, разрушенного в годы Великой Отечественной войны. Помимо некоторых аспектов восстановления промышленности и сельского хозяйства Советского государства, рассмотрены механизм осуществления и особенности министерской реформы 1946 г., в ходе которой Совет Народных Комиссаров реорганизован в Совет Министров СССР, а союзные наркоматы – в союзные министерства. Некоторое внимание уделено учреждению новых министерств и их роли в послевоенной советской экономике, а также появлению новых государственных учреждений при Министерстве – Комитетов, Оргбюро и др. Отмечена роль советского партийно-государственного аппарата в ходе восстановления разрушенного войной народного хозяйства и проведении внутриполитических и экономических преобразований.

Ключевые слова: СССР, министерство, реформа, народные комиссариаты, комитет, оргбюро.

После Победы в Великой Отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками и капитуляции милитаристской Японии 3 сентября 1945 г. наступил новый период в жизни СССР. Хотя Советский Союз вышел из войны страной-победителем, его разрушенное народное хозяйство нуждалось в скорейшем восстановлении. Общая сумма только прямых потерь, причиненных войной, оценивается в 679 млрд. руб. (125 млрд. долл.)[1].

В августе 1945 г. Госплану СССР было поручено разработать очередной пятилетний план развития народного хозяйства на IV пятилетку (1946–1950 гг.), который предусматривал полное восстановление экономики ранее оккупированных районов страны[2]. Выбор экономической стратегии восстановления народного хозяйства был определен политическим курсом высшего руководства СССР. Во многом, он был обусловлен личной волей И.В. Сталина, соотношением сил в высшем партийно-государственном аппарате, а также международной обстановкой и ее пониманием советским политическим руководством.

В 1944–1945 гг. в рамках дискуссии по проблемам экономического развития СССР в партийном и государственном руководстве страны существовало две точки зрения. Сторонники первой из них предлагали решать сложные экономические проблемы посредством смещения приоритетов хозяйственного развития в сторону отраслей группы «Б». Представители второго течения выступали за возвращение к довоенной экономической модели, и, прежде всего, за ускоренное развитие отраслей тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса. В марте 1946 г., после знаменитой фултонской речи У. Черчилля, положившей начало «холодной войне», И.В. Сталин поддержал сторонников сохранения старого экономического курса.

[*] ***ГАРЯВИН Алексей Николаевич*** *— кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; кафедра управления социально-политическими процессами и истории; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; aleksei_garyavin@mail.ru.*

[**] ***СМИРНОВА Анастасия Андреевна*** *— Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; факультет управления и развития сельских территорий; студент магистратуры; г. Санкт-Петербург, Россия; nastyusha35c@mail.ru.*

[1] Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. СПб., 2001. С. 273.

[2] Там же. С. 274.

В мае 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», в котором главная задача формулировалась как «первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта»[1]. Но антигитлеровская коалиция вскоре перестала существовать, и началась «холодная война». Сложившаяся внешнеполитическая ситуация способствовала усилению дальнейшему ужесточению внутриполитического курса СССР вообще и централизации государственного управления, в частности[2].

Перевод народного хозяйства Советского Союза с военных рельсов на мирные проходил болезненно и неравномерно. В последние годы сталинского руководства страной выделяются три основных этапа:

первый (1947–1948 гг.) – фаза быстрого промышленного роста;

второй (1949–1950 гг.) – фаза промышленного «перегрева»;

*третий (195*1*–1953 гг.)* – фаза замедления промышленного роста[3].

За годы IV пятилетки было восстановлено из руин и введено в строй более 6,2 тыс. промышленных предприятий на всей огромной территории страны[4]. Однако, несмотря на то, что основные производственные фонды за этот период увеличились на 58%, производительность труда в промышленности повысилась только на 37%. Это говорит, прежде всего, о наличии в экономике страны экстенсивных методов управления. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что стали внедряться новые технологии в металлообработке и применяться новое кузнечно-прессовое оборудование[5].

Серьезные успехи индустриального развития и существенный рост капитального строительства, как заметные явления, ярко свидетельствующие о ходе восстановления разрушенного войной народного хозяйства, были достигнуты, в т. ч. и за счет изменения системы государственных органов и учреждений СССР, которые выразились:

– в ликвидации Государственного Комитета Обороны и передачи его функций Совету Народных Комиссаров, а с марта 1946 г. – Совету Министров СССР;

– в упразднении или преобразовании ряда военно-промышленных наркоматов (а затем и министерств) и перевод их предприятий на выпуск продукции гражданского назначения;

– в создании отдельных региональных индустриальных министерств (угольной, нефтяной и рыбной промышленности), в районах, которые подверглись немецкой оккупации, в объединении двух или нескольких министерств схожей компетенции в одно (например, черной и цветной металлургии, текстильной и легкой промышленности и др.), и в учреждении новых министерств (строительного и дорожного машиностроения, средств связи, медицинской промышленности, пищевой промышленности и др.)[6].

---

[1] Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» от 18 марта 1946 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=27362&req=doc#017912628099421024 (дата обращения: 12.09.2020).

[2] Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. М., 2015. Кн. 4. С. 10.

[3] Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 148; Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 244; Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России. М., 2006. С. 433; Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 214.

[4] Спицын Е.Ю. Указ. соч. Кн. 4. С. 12.

[5] Там же. С. 14.

[6] Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2005. С. 636; Безбородов А.Б. Власть и ВПК в СССР середины 40-х – середины 70-х гг. // Советское общество: будни холодной войны: Мат-лы «круглого стола» 29 марта 2000 г. М.; Арзамас, 2000. С. 100; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2014. С. 143–144; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 89; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и

В марте 1946 г., после завершения работы организационного Пленума ЦК ВКП(б), где были сделаны крупные перестановки в высшем партийном руководстве, состоялась первая сессия Верховного Совета СССР II-го созыва, на которой:

1) Совет Народных Комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров СССР, Председателем которого был назначен И.В. Сталин;

2) заместителями председателя Совета Министров СССР были назначены В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, А.А. Андреев и А.Н. Косыгин[1];

3) секретным постановлением было образовано единое Бюро Совета Министров СССР во главе с Л.П. Берия и его заместителями Н. А. Вознесенским и А.Н. Косыгиным[2].

19 марта 1946 г. Верховный Совет СССР постановил образовать Правительство СССР – Совет Министров СССР в составе 56 чел. (см. табл.).

Таблица

Состав Совета Министров СССР на момент его учреждения 19 марта 1946 г.[3]

Должность	Ф. И. О., годы жизни
Председатель Совета Министров СССР и Министр вооруженных сил СССР	Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр иностранных дел СССР	Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1896 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР	Берия Лаврентий Павлович (1899–1953 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР	Андреев Андрей Андреевич (1895–1971 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр внешней торговли СССР	Микоян Анастас Иванович (Ованесович) (1895–1978 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР	Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Председатель Государственной плановой комиссии (Госплана) СССР	Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР	Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969 гг.)
Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр промышленности строительных материалов СССР	Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991 гг.)
Министр путей сообщения СССР	Ковалев Иван Владимирович (1901–1993 гг.)
Министр связи СССР	Сергейчук Константин Яковлевич (1906–1971 гг.)
Министр морского флота СССР	Ширшов Петр Петрович (1905–1953 гг.).

повседневность, 1945–1953. М., 2000. С. 146; Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны, 1946–1953. М., 2002. С. 49–50.

[1] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. Ю.И. Мандельштам. М., 1956. С. 77–78.

[2] Спицын Е.Ю. Указ. соч. Кн. 4. С. 27.

[3] Гарявин А.Н., Дрожилкин П.А. Министерская реформа 1946 г. // Вестник научных конференций. Тамбов, 2020. № 5-1(57). С. 44–46.

Должность	Ф. И. О., годы жизни
Министр речного флота СССР	Шашков Зосима Алексеевич (1905–1984 гг.)
Министр угольной промышленности западных районов СССР	Оника Дмитрий Григорьевич (1910–1968 гг.)
Министр угольной промышленности восточных районов СССР	Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947 гг.)
Министр нефтяной промышленности южных и западных районов СССР	Байбаков Николай Константинович (1911–2008 гг.)
Министр нефтяной промышленности восточных районов СССР	Евсеенко Михаил Андрианович (1908–1985 гг.)
Министр электростанций СССР	Жимерин Дмитрий Георгиевич (1906–1995 гг.)
Министр электропромышленности СССР	Кабанов Иван Григорьевич (1898–1972 гг.)
Министр черной металлургии СССР	Тевосян Иван Федорович (Ованес Тевардосович) (1902–1958 гг.)
Министр цветной металлургии СССР	Ломако Петр Фадеевич (1904–1990 гг.)
Министр химической промышленности СССР	Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978 гг.)
Министр авиационной промышленности СССР	Хруничев Михаил Васильевич (1901–1961 гг.)
Министр судостроительной промышленности СССР	Горегляд Алексей Адамович (1905–1986 гг.)
Министр сельскохозяйственного машиностроения СССР	Ванников Борис Львович (1897–1962 гг.)
Министр вооружения СССР	Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984 гг.)
Министр тяжелого машиностроения СССР	Казаков Николай Степанович (1900–1970 гг.)
Министр автомобильной промышленности СССР	Акопов Степан Акопович (1899–1958 гг.)
Министр машиностроения и приборостроения СССР	Паршин Петр Иванович (1899–1970 гг.)
Министр заготовок СССР	Двинский Борис Александрович (1894–1973 гг.)
Министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР	Юдин Павел Александрович (1902–1956 гг.)
Министр строительства военных и военно-морских предприятий	Гинзбург Семен Захарович (1897–1993 гг.)
Министр целлюлозной и бумажной промышленности СССР	Орлов Георгий Михайлович (1903–1991 гг.)
Министр резиновой промышленности СССР	Митрохин Тихон Борисович (1902–1980 гг.)
Министр станкостроения СССР	Ефремов Александр Илларионович (1904–1951 гг.)

Должность	Ф. И. О., годы жизни
Министр тракторного машиностроения СССР	Малышев Вячеслав Александрович (1902–1957 гг.)
Министр строительства топливных предприятий СССР	Задемидко Александр Николаевич (1908–2001 гг.)
Министр строительного и дорожного машиностроения СССР	Соколов Константин Михайлович (1903–1983 гг.)
Министр пищевой промышленности СССР	Зотов Василий Петрович (1899–1977 гг.)
Министр рыбной промышленности СССР	Ишков Александр Акимович (1905–1988 гг.)
Министр мясной и молочной промышленности СССР	Смирнов Павел Васильевич (1894–1954 гг.)
Министр легкой промышленности СССР	Лукин Сергей Георгиевич (1894–1948 гг.)
Министр текстильной промышленности СССР	Седин Иван Корнеевич (1906–1972 гг.)
Министр лесной промышленности СССР	Салтыков Михаил Иванович (1906–1975 гг.)
Министр земледелия СССР	Бенедиктов Иван Александрович (1902–1983 гг.)
Министр финансов СССР	Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969 гг.)
Министр торговли СССР	Любимов Александр Васильевич (1898–1967 гг.)
Министр внутренних дел СССР	Круглов Сергей Никифорович (1907–1977 гг.)
Министр государственной безопасности СССР	Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953 гг.)
Министр юстиции СССР	Рычков Николай Михайлович (1897–1959 гг.)
Министр здравоохранения СССР	Митерев Георгий Андреевич (1900–1977 гг.)
Министр государственного контроля СССР	Мехлис Лев Захарович (1889–1953 гг.)
Министр технических культур СССР	Скворцов Николай Александрович (1899–1974 гг.)
Председатель Комитета по делам кинематографии	Большаков Иван Григорьевич (1902–1980 гг.)
Председатель Комитета по делам высшей школы	Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978 гг.)
Председатель правления Государственного банка	Голев Яков Ильич (1894–1960 гг.)

Вместе с тем, преобразование советского правительства затронуло не только его название, но и его организационную структуру.

В 1945 г., по окончании войны, Оперативное бюро Государственного комитета обороны (под руководством Л.П. Берия) было реорганизовано в Оперативное бюро Совета Народных Комиссаров, присоединившись к существующему с мая 1944 г. Бюро Совета

Народных Комиссаров (под руководством В.М. Молотова), переименованному также в Оперативное бюро. Два Оперативных бюро были постоянными, регулярно заседающими руководящими комиссиями Совета Народных Комиссаров, компетенции которых разделялись по отраслевому принципу. Теперь, однако, вместо двух бюро создавался один орган – Бюро Совета Министров, под председательством Л.П. Берия[1].

В конце марта 1946 г. были распределены обязанности между заместителями Совета Министров ССР. Л.П. Берии, помимо должности руководителя атомного проекта, поручался контроль за работой министерств внутренних дел, государственной безопасности и государственного контроля. Предоставление таких больших полномочий делало его, по сути, вторым человеком в государстве.

Далее преобразования были продолжены Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации работы Совета Министров СССР» от 8 февраля 1947 г., которое закрепило разделение полномочий между Бюро Совета Министров и Политбюро ЦК ВКП(б)[2]. Таким образом, в состав Бюро Совета Министров вошли все члены «семерки», кроме А.А. Жданова. Как отмечает О.В. Хлевнюк, в результате изменения персонального состава Бюро Совета Министров произошел политический поворот к довоенной ситуации, когда два вышеупомянутых органа были близки по своему статусу, и «на практике это означало, что решения Бюро Совмина не нужно было дополнительно утверждать на Политбюро. Вопрос состоял лишь в том, как будут разделены сферы компетенции Политбюро и Бюро Совмина, как двух самостоятельно действующих инстанций». Постановление разделяло полномочия данных органов следующим образом:

– вопросы подбора и утверждения кадров, иностранных дел, внешней торговли, государственной безопасности, денежного обращения, валюты и важнейшие вопросы национальной обороны – в ведении Политбюро;

– вопросы экономики и социальной сферы – в ведении Бюро Совета Министров[3].

Кроме того, вместо дореформенной практики «кураторства» со стороны заместителей Председателя Совета Министров определенных министерств и ведомств был утвержден новый порядок работы, в соответствии с которым зампреды возглавляли новые структуры – отраслевые бюро, координирующие каждый определенную «группу» направлений деятельности. Всего было создано восемь таких бюро. 9-й «группой» стали подотчетные напрямую Бюро Совмина министерства и ведомства (министерства государственного контроля, юстиции, материальных резервов, трудовых резервов и т. д.).

Тем не менее, некоторые отдельные министерства сохранили за собой «кураторов» из числа заместителей Председателя Совета Министров. Например, Л.П. Берия было поручено наблюдение за работой Министерства внутренних дел, а Н.А. Вознесенскому – Министерства финансов[4].

Таким образом, новая система предоставляла более широкие административные возможности заместителям правительства, имеющим теперь, по сути, собственный аппарат для решения вопросов подотчетных отраслей. Решения отраслевых бюро имели юридический статус распоряжений Совета Министров (за подписью заместителя Председателя Совета Министров, возглавлявшего то или иное бюро). В число полномочий

[1] Сукиасян М.А. Власть и управление в России: диалектика традиций и инноваций в теории и практике государственного строительства. М., 1996. С. 26.

[2] Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации работы Совета Министров СССР» от 8 февраля 1947 г. // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/ (дата обращения: 20.09.2020).

[3] Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 69.

[4] Там же. С. 70.

отраслевых бюро входили проверка исполнения постановлений правительства, помощь в решении текущих задач координируемых министерств и ведомств, а также подготовка для рассмотрения на Бюро Совета Министров самых важных вопросов в работе соответствующих отраслей.

Как правило, в состав отраслевого бюро входило 8–10 чел. – председатель, несколько министров и заместителей министров, а также работники аппарата Совета Министров. Работу бюро обеспечивали «секретариат и необходимый аппарат для подготовки и проверки исполнения соответствующих решений», а также государственные советники, персонально назначаемые Советом Министров[1].

В целом, особенностью реформы Совета Министров в части создания Бюро Совмина и отраслевых бюро стало повышение устойчивости и дисциплинированности исполнительной власти в стране. Отраслевые бюро открывали более широкие возможности для осуществления административных и контрольных функций. Заседания Бюро Совета Министров происходили практически еженедельно и отличались высокой посещаемостью, секретариат Бюро имел возможность в текущем времени следить за выполняемостью выдаваемых поручений в срок.

Министерства в составе правительства по ходу реформы окончательно закрепили за собой функции центральных отраслевых органов, руководивших отдельными отраслями народного хозяйства и культуры. Помимо них, важной составляющей правительства были специальные ведомства при правительстве или в составе правительства, координирующие деятельность министерств по отдельным вопросам. Некоторые из них были предусмотрены Конституцией СССР и создавались Верховным Советом СССР, другие – создавались правительством. Данные органы можно разделить на несколько групп:

1) главные управления – непосредственно осуществляют оперативно-производственное руководство предприятиями, учреждениями и организациями;

2) комитеты и комиссии – либо выполняют одну конкретную функцию (например, планирование, снабжение), либо занимаются координацией и контролем других органов[2].

Весной 1946 г. преобразования затронули многие отраслевые органы центрального управления. Сокращалось выросшее за годы войны количество многочисленных комитетов, управлений, главков, советов при союзном и республиканских правительствах, исполкомах местных советов депутатов трудящихся. Т.П. Коржихина отмечает, что «во всех отраслях государственного управления предпринимались попытки провести реорганизацию управленческого аппарата, найти более рациональные формы управления. С одной стороны, рост промышленности, специализация ее отраслей вели к разукрупнению министерств и ведомств, с другой – дробление министерств нарушало сложившуюся кооперацию отраслей и отдельных предприятий, складывавшуюся десятилетиями»[3].

Одним из первых изменений стало преобразование 25 февраля 1946 г. Наркомата обороны в Наркомат вооруженных сил и упразднение Наркомата военно-морского флота. Новое ведомство, теперь координирующее все вооруженные силы страны, возглавил председатель Совета Народных Комиссаров И.В. Сталин. 15 марта того же года ведомство было переименовано в Министерство вооруженных сил.

19 января 1946 г. Наркомат угольной промышленности был разделен на Наркомат угольной промышленности западных районов и Наркомат угольной промышленности восточных районов (управление топливной промышленностью теперь осуществлялось по

[1] Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Указ. соч. С. 71.

[2] Спицын Е.Ю. Указ. соч. Кн. 4. С. 222.

[3] Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 197.

территориальному принципу). 4 марта 1946 г. похожим образом был разделен Наркомат нефтяной промышленности – на Наркомат нефтяной промышленности южных и западных районов и Наркомат нефтяной промышленности восточных районов. В марте соответствующие наркоматы были переименованы в министерства[1].

Происходили изменения в оборонной отрасли и в машиностроении. Но здесь реорганизация шла не по линии разукрупнения, а путем преобразования министерств в связи с переходом на выпуск мирной продукции. 14 октября 1945 г. Наркомат танковой промышленности был ликвидирован, а на его базе создан Наркомат транспортного машиностроения. 17 февраля 1946 г. Наркомат минометного вооружения был преобразован в общесоюзный Наркомат машиностроения и приборостроения, Наркомат среднего машиностроения – в общесоюзный Наркомат автомобильной промышленности. 23 августа 1947 г. он был реорганизован в Министерство автомобильной и тракторной промышленности. Тогда же, 17 февраля 1946 г., был создан Наркомат строительного и дорожного машиностроения. 7 января 1946 г. на базе Наркомата боеприпасов и ряда других был создан общесоюзный Наркомат сельскохозяйственного машиностроения.

Организационные формы управления в таких отраслях, как лесная, легкая и пищевая промышленность, в послевоенные годы оказались весьма неустойчивыми. Министерства этих отраслей подвергались частым реорганизациям. К моменту окончания войны, например, в пищевой промышленности существовали три ведомства – Наркомат пищевой промышленности, Наркомат рыбной промышленности, Наркомат мясной и молочной промышленности. Все эти ведомства были союзно-республиканскими. 8 мая 1946 г. Министерство рыбной промышленности было разделено на два территориальных ведомства – Министерство рыбной промышленности восточных районов и Министерство рыбной промышленности западных районов. 15 июля 1946 г. из Министерства пищевой промышленности выделилась в самостоятельную отрасль вкусовая промышленность: образовалось Министерство вкусовой промышленности (винодельческая, кондитерская, пивоваренная, чайная промышленность). В электротехнической промышленности в 1946 г. из Министерства электротехнической промышленности выделились некоторые отрасли, и было создано Министерство промышленности средств связи (радиолокация, аппаратура, аккумуляторы и т. п.)[2].

Система органов управления сельским хозяйством после войны также разрасталась. 11 ноября 1945 г. в целях обеспечения быстрого развития производства технических культур был создан союзно-республиканский Наркомат технических культур, на который возлагалось руководство производством хлопка, каучуконосов, сахарной свеклы, льна, конопли, табака, чая, цитрусовых. Совхозы этого профиля из системы наркоматов текстильной промышленности, пищевой промышленности, зерновых и животноводческих совхозов были переданы в ведение вновь созданного наркомата. 26 марта 1946 г. было образовано союзно-республиканское Министерство животноводства. Ему передавались все животноводческие совхозы из упраздненного Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов, а зерновые совхозы – Министерству земледелия.

Вопросами колхозного строительства наряду с министерствами стал заниматься специальный орган – Совет по делам колхозов при Совмине, образованный 19 сентября 1946 г. Он следил за соблюдением Устава сельхозартели, правильным использованием неделимых фондов колхозов, содействовал укреплению дисциплины в колхозах.

4 февраля 1947 г. из Министерства земледелия, Министерства животноводства и Министерства технических культур выделились все зерновые, животноводческие,

[1] Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 228–229.
[2] Там же. С. 229–230.

овощные и другие совхозы. Для руководства ими было создано Министерство совхозов СССР (союзно-республиканское). После этого все три министерства – земледелия, животноводства, технических культур – объединились в единое Министерство сельского хозяйства. Одновременно было создано союзно-республиканское Министерство лесного хозяйства[1].

Реорганизация затронула также и строительную отрасль – как следствие вставших перед страной грандиозных задач по восстановлению разрушенных городов. В январе 1946 г. на базе Наркомата по строительству и других организаций (главным образом из ведения НКВД СССР) были созданы общесоюзные Наркомат по строительству военных и военно-морских предприятий и Наркомат по строительству предприятий тяжелой индустрии (на него возлагалось восстановление большинства металлургических предприятий центральных и южных районов страны)[2]. Другая связанная с послевоенным восстановлением задача – расширение поисков промышленных запасов сырья – стала причиной преобразования 14 июня 1946 г. Комитета по делам геологии при Совмине в общесоюзное Министерство геологии СССР[3]. Также в 1946 г. изменения затронули и финансово-кредитные учреждения, что было связано с переходом Госбанка СССР в прямое подчинение Министерства финансов[4]. Наконец, в том же году было создано и союзно-республиканское Министерство кинематографии в результате реорганизации Комитета по делам кинематографии при Совете министров[5].

К 1946 г. министерская система СССР включала в себя 49 министерств и ведомств. В результате реформы на некоторое время произошло их разукрупнение. Так, в 1946 г. состав правительства пополнили три отраслевых министерства и ведомства, а в 1947 г. – еще шесть[6].

Министерство внутренних дел СССР, которое, в сущности, стало ведущим хозяйственным ведомством страны, в конце 1945 г. возглавил генерал-полковник С.Н. Круглов. Входившим в состав данного Министерства Главным Управлением Лагерей (ГУЛАГ) в послевоенный период поочередно руководили генерал-лейтенанты В.Г. Наседкин, Г.П. Добрынин и И.И. Долгих. Именно руками миллионов заключенных создавались крупнейшие объекты атомной, металлургической и энергетической промышленности, а также железнодорожного транспорта.

Важное место в послевоенные годы отводилось развитию оборонной промышленности страны, и, в первую очередь, решению «атомного вопроса». Эта работа началась еще в 1943 г. 20 августа 1945 г. был образован Специальный Комитет, тогда еще при Государственном комитете обороны, а затем при Совете министров СССР. В состав этого Комитета вошли председатель Оперативного бюро СНК СССР Л.П. Берия (председатель), секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, крупнейшие организаторы военного производства – Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин и В.А. Махнев и выдающиеся советские физики – академики И.В. Курчатов и П.Л. Капица. Работа этого Комитета, привела к созданию в 1949 г. советской атомной бомбы[7].

Подведем некоторые итоги изучения. Несмотря на наличие существенных проблем в послевоенной экономике страны, советскому партийно-государственному руководству удалось достигнуть валового объема довоенного уровня в промышленном производстве к

[1] Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 243–245.
[2] Там же. С. 256.
[3] Там же. С. 275.
[4] Там же. С. 280.
[5] Там же. С. 308.
[6] Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М., 2016. С. 302.
[7] Спицын Е.Ю. Указ. соч. Кн. 4. С. 224–226.

1948 г., а к 1950 г. – превысить довоенный уровень на 73%. Были восстановлены из руин и введены в строй более 6,2 тыс. промышленных предприятий на всей территории СССР.

Восстановление сельского хозяйства в послевоенный годы не раз осложняли сложные климатические катаклизмы. Несмотря на это, данная проблема была решена благодаря резкому увеличению выпуска тракторов, сельскохозяйственных машин и химических удобрений, а также расширению работ по электрификации села.

Важнейшим организационным изменением в советском правительстве стало создание единого Бюро Совета Министров и четкое установление его полномочий путем их разграничения с полномочиями партийных органов ВКП(б). В рамках Совета Министров также были созданы отраслевые бюро, координирующие деятельность в конкретных отраслях народного хозяйства.

Решение о переименовании народных комиссариатов в министерства (и так же, соответствующим образом – должностей) было обусловлено необходимостью подчеркивания нового статуса исполнительных органов государственной власти Советского Союза. Времена «революции» и «гражданской войны» остались в прошлом; теперь же, после победы советского народа и советского общественного строя над нацистской Германией и милитаристской Японией, важнейшие структуры государства и его кадровый аппарат должны иметь новые названия.

В рамках Совета Министров также были созданы отраслевые бюро, координирующие деятельность в конкретных отраслях народного хозяйства. Отраслевые бюро возглавлялись зампредами Совета Министров, имели собственный аппарат и определенные полномочия (в основном – организационного и контрольного характера). Произошла централизация административных полномочий и переход на «трехуровневую» (Бюро Совмина – Оргбюро – Министерство / Ведомство) систему управления экономикой страны.

Отраслевые органы исполнительной власти подверглись разукрупнению, которое, в первую очередь, затронуло органы управления промышленностью. В некоторых случаях оно было связано с переходом на управление по территориальному принципу, в других – с конкретными задачами послевоенного восстановления экономики страны. Многие структуры центрального управления были демилитаризированы, изменив профиль под гражданские нужды. Большие изменения также затронули отрасли сельского хозяйства и строительные отрасли. В целом, система управления советской экономикой характеризовалась разрастанием как количества органов управления, так и кадрового состава этих органов.

Источники и литература

1. Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» от 18 марта 1946 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=27362&req=doc#017912628099421024 (дата обращения: 12.09.2020).
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Гос. изд-во юр. лит-ры, 1956. С. 77–78.
3. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004: уч. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 816 с.
4. Безбородов А.Б. Власть и ВПК в СССР середины 40-х – середины 70-х гг. // Советское общество: будни холодной войны: Мат-лы «круглого стола» 29 марта 2000 г. / РАН, Ин-т рос. истории, Арзамасский гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара; под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. М.: ИРИ РАН; Арзамас: АГПИ, 2000. С. 94–126.
5. Боффа Дж. История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1994. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: пер. с итал. 632 с.
6. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М.: Вече, 2014. 544 с.
7. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

8. Гарявин А.Н., Дрожилкин П.А. Министерская реформа 1946 г. // Вестник научных конференций. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2020. № 5-1 (57). С. 43–54.
9. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 302 с.
10. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России: уч. пособие. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 560 с.
11. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: ИРИ РАН, 2000. 230 с.
12. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 416 с.
13. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 19 17 г. – декабрь 1991 г.: учебник для вузов по спец. «История». М.: Изд-во РГГУ, 1994. 418 с.
14. Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны, 1946–1953 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2002. 157 с.
15. Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. СПб.: Лань, 2001. 415 с.
16. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. М.: Концептуал, 2015. Кн. 4. 512 с.
17. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: В 2 т. / Новосибирский гос. технический ун-т. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. технического ун-та, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х гг. – 1987 г. 516 с.
18. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-9

М.В. Гаухман*

ДВА МЕСТА СЛУЖБЫ АЛЕКСАНДРА БЕЗАКА: ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КАК «ЭТНОАДМИНИСТРАТОР» ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Аннотация. В статье освещена функция генерал-губернаторов полиэтнических регионов Российской империи. Исходной точкой статьи послужил факт службы государственного деятеля А.П. Безака (1800–1868) на посту генерал-губернатора в двух регионах: с 1860 по 1865 гг. – в Оренбургском крае, с 1865 по 1868 гг. – на Правобережной Украине. На основании анализа историографии, посвященной роли генерал-губернаторов в целом, национальной политике в западных губерниях и управлению Оренбургским и Башкирским краем, сделан вывод о том, что генерал-губернаторы в западных губерниях и Оренбургском крае исполняли роль «этноадминистраторов» – проводников национальной политики, которая заключалась в обеспечении контроля над нерусскими народами.

Ключевые слова: генерал-губернатор, национальная политика, Оренбургский край, западные губернии, Правобережная Украина.

Российская империя была необычайно разнообразной по фактическому положению и юридическому статусу отдельных регионов, что влияло на осуществление государственного управления. Важным фактором внутренней политики был этнический состав населения, который мог во многом определять действия генерал-губернаторов и губернаторов на территориях вне Центральной России.

Неординарным обстоятельством была служба государственного деятеля Александра Павловича Безака (1800–1868) на должности генерал-губернатора в двух отдаленных друг от друга, этнически неоднородных регионах: с 1860 по 1865 гг. – в качестве оренбургского и самарского генерал-губернатора, с 1865 по 1868 гг. – киевского, подольского и волынского генерал-губернатора.

Пребывание А.П. Безака во главе двух регионов ставит перед исследователями проблему функций генерал-губернаторов в полиэтнических регионах. Для решения данной проблемы сформулируем следующие задачи исследования: 1) определить в общем виде роль генерал-губернаторов в Российской империи; 2) рассмотреть основные направления деятельности местной администрации в западных губерниях Российской империи, в первую очередь – в губерниях Правобережной Украины; 3) определить направления деятельности генерал-губернаторов в Оренбургском крае.

Проблему неоднородности имперской России, с точки зрения государственного управления и роли в нем генерал-губернаторов, рассмотрел в своей статье японский славист Кимитака Мацузато, уделив основное внимание периоду второй половины XIX в. Исследователь выделил «внутренние губернии», к которым относились 4 «макрорегиона»: Центральная России (в терминологии автора: «бывшая территория Московского государства»), Урало-Поволжье, Малороссия (Левобережная и Слободская Украины) и Новороссия (Южная Украина и Крым), в которых к концу XIX в. были ликвидированы генерал-губернаторства (кроме «представительского» Московского генерал-губернаторства) и которые к тому времени не имели принципиальных – с административной точки зрения – отличий от Центральной России, даже при этноконфессональной неоднородности этих

* ***ГАУХМАН Михаил Владимирович*** *— кандидат исторических наук; Национальный музей Республики Башкортостан; научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; mix-mix-mix@mail.ru.*

территорий[1].

Анализ политики генерал-губернаторов в остальных регионах (кроме «специфических» Царства Польского и Великого княжества Финляндского) привел К. Мацузато к выводу о разделении генерал-губернаторств на две группы. На территории генерал-губернаторств первой группы – в западных губерниях, охватывавших Правобережную Украину, Литву и Беларусь, и на Северном Кавказе – проводилась политика «этнобонапартизма», которая заключалась в негативной дискриминации (ослаблении влияния) одних и дискриминации позитивной (усилении позиций) в отношении других этнических групп, а также в рассмотрении практически всех административных вопросов через призму этнополитики. В генерал-губернаторствах второй группы – на территории Сибири, Дальнего Востока, в Средней Азии и Новороссии (до упразднения Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства в 1874 г.) – проводилась политика хозяйственного освоения, и даже вопросы этнополитики рассматривались с хозяйственной точки зрения[2]. Однако отнесение к «внутренним губерниям» Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства (с 1865 г. – Оренбургского), существовавшего с 1851 по 1874 гг., считаем невозможным, в виду его «военизированного» характера, о чем пойдет речь ниже.

Институту генерал-губернаторов и функционированию генерал-губернаторств на территории Украины, в т. ч. киевского генерал-губернаторства, посвящена монография украинского историка Валентины Шандры[3]. В одном из разделов работы в исторической динамике освещено формирование административных функций генерал-губернаторов, как наделенных чрезвычайными полномочиями и все более полновластных чиновников, соединяющих в своих руках гражданские и военные функции[4]. Историк подчеркнула значение генерал-губернаторств для унификации политического пространства, достижения компромисса с лояльными или ведения противостояния с нелояльными – с точки зрения властей – провинциальными элитами[5].

Следующим вопросом является выяснение основных задач административной деятельности в западных губерниях Империи Романовых. Под «западными губерниями» в историографии понимают территории бывшей Речи Посполитой вне «коренной» Польши (Царства Польского / Привисленского края), которые отошли к Российской империи по итогам разделов 1772–1795 гг. Западные губернии, как говорилось выше, занимали территории современных Литвы, Беларуси и Правобережной Украины. Этот макрорегион характеризовался наличием относительно немногочисленного, но влиятельного и состоятельного слоя польской аристократии (шляхты), которая после Ноябрьского восстания 1830–1831 и, в еще большей мере, после Январского восстания 1863–1864 гг., рассматривалась властями как антироссийская сила.

Историография национальной политики Российской империи в западных губерниях довольно обширна, что позволяет охарактеризовать задачи генерал-губернаторов на основании анализа основных работ по данной тематике. Национальная политика Российской империи в Царстве Польском и западных губерниях довольно подробно рассмотрена в коллективной монографии «Западные окраины Российской империи»[6]. Так, одна из глав книги освещает национальную политику в первые годы после Январского восстания, когда местная администрация настойчиво проводила в жизнь

[1] Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С. 432–433.

[2] Там же. С. 448–454.

[3] См.: Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні. К., 2005.

[4] Шандра В.С. Указ. соч. С. 47–79.

[5] Там же. С. 3–4, 371–373.

[6] См.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 63–426.

антипольские меры[1].

Важнейшие работы по теме принадлежат авторству французского историка Даниэля Бовуа, исследовавшего имперскую политику в «треугольнике» русско-польско-украинских отношений на Правобережной Украине с конца XVIII до начала XX вв.[2] В частности, Д. Бовуа детально показал деятельность А. Безака, как борца с влиянием польской аристократии, усилия которого были направлены на сокращение землевладения польской аристократии и конфискацию крупных имений участников Январского восстания[3], а также проведение земельной реформы, позволившей увеличить землевладение украинских крестьян за счет польских помещиков[4], в то время как в «остальной» империи эта реформа привела к сокращению крестьянского землевладения.

Одним из шагов в концептуальных поисках упомянутого К. Мацузато стало исследование национальной политики на Правобережной Украине, как частного случая «этнобонапартизма». В своем эссе по истории региона он продемонстрировал сложность «этнобонапартизма» в полиэтнических (и поликонфессиональных) регионах, управление которыми не следует рассматривать в парадигме «тюрьмы народов» и противостояния между имперской властью и нерусскими народами[5]. В частности, как указывает автор о Правобережье, государственная политика в регионе имела дискриминационный характер по отношению к «чужим» – полякам и евреям, а украинцы (с официальной точки зрения – «малороссы») рассматривались как «свои»[6]. Однако, как подчеркивает ученый, чем энергичней проводилась подобная политика, тем все более усиливалась украинская национальная идентичность, в итоге ставшая проблемой для властей[7].

Различным аспектам национальной политики и межнациональных отношений на Правобережной Украине посвящены обобщающие труды украинских историков: например, монография Надежды Щербак, в которой рассмотрены действия местной администрации по отношению к еврейскому и польскому населению региона, а также украинской интеллигенции, как национальной элите[8]; монография Юрия Полищука об этнополитике в отношении неукраинского населения Правобережья[9]; вышеупомянутая книга В. Шандры, посвященная истории генерал-губернаторств на территории Надднепрянской Украины и Бессарабии. В частности, исследовательница уделила внимание деятельности А.П. Безака на посту киевского генерал-губернатора, в контексте наступления властей на позиции польской аристократии региона после подавления Январского восстания[10].

Краткий обзор основных исследований по национальной политике Российской империи в западных губерниях и, в первую очередь, на Правобережной Украине позволяет сделать вывод о том, что генерал-губернаторы на этих территориях были

---

[1] Западные окраины Российской империи. С. 207–258.

[2] Монографии трилогии – «Российская власть и польская шляхта в Украине: 1793–1830», «Шляхтич, крепостной и ревизор: польская шляхта между царизмом и украинскими массами, 1831–1863» и «Битва за землю в Украине. Поляки в социоэтнических конфликтах, 1863–1914» – в русском переводе были объединены под общим заглавием: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

[3] Там же. С 578–582.

[4] Там же. С. 638–640.

[5] Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX в. // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 127–129.

[6] Там же. С. 131–133.

[7] Там же. С. 142–143.

[8] См.: Щербак Н.О. Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К., 2005.

[9] См.: Поліщук Ю.М. Національні меншини Правобережжя України у контексті етнічної політики Російської імперії (кінець XVIII – початок XX ст.). К., 2012.

[10] Шандра В.С. Указ. соч. С. 299–304.

призваны проводить целенаправленный политический курс на ослабление польского влияния в условиях русско-польско-украинского «треугольника» и наличия других нерусских этнических групп. Причем практически все действия генерал-губернатора были направлены на указанную «этнобонапартистскую» цель и, при этом, лавирование между этническими/конфессиональными и сословными группами и интересами. Средствами достижения цели были: сокращение землевладения польской шляхты, установление контроля над деятельностью Римско-католической церкви, поддержка украинских крестьян, которые в глазах представителей власти являлись «малороссами» – этнографической группой русского народа, чешских и – до начала XX в. – немецких колонистов. Кроме этого, одним из направлений «этнобонапартизма» был еврейский вопрос.

Особенностями периода пребывания А. Безака в должности киевского генерал-губернатора было проведение им активного дискриминационного курса против польской аристократии и осуществление крестьянской реформы в пользу украинских крестьян. Угрозой польских восстаний и их распространения за пределами Царства Польского можно объяснить совмещение Безаком постов генерал-губернатора и командующего войсками Киевского военного округа.

Перейдем к стратегическим задачам администраторов Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство было образовано относительно поздно – в 1851 г., и объединило несколько различных по этноконфессиональному составу и военному назначению местностей: 1) преимущественно русские территории Самарской губернии и некоторых других районов; 2) земли оренбургских и уральских казаков и этносословных групп башкир и татар-мишарей (мещеряков) – эти территории выполняли роль российского форпоста на пути продвижения в Среднюю Азии; 3) земли казахов (в тогдашней терминологии – киргизов) и местности Западного Туркестана, находившиеся в военном управлении генерал-губернатора. Из этого следует, что государственное управление обширным генерал-губернаторством неизбежно носило «военизированный» характер. Ликвидация Оренбургского генерал-губернаторства в 1874 г. и было вызвано военными успехами и укреплением позиций империи в Средней Азии, что лишило Оренбургский край значения форпоста на степных границах империи.

Обратимся к основным источникам и исследованиям по теме. Ценным источником сведений о деятельности оренбургских генерал-губернаторов и губернаторов являются «Записки» И.В. Чернова (1825–1902), который с 1839 по 1874 гг. занимал различные военные и гражданские должности в генерал-губернаторстве, а в своей книге выступил не только как мемуарист, но и как исследователь истории Оренбургского края в лицах его администраторов. В частности, И. Чернов детально описал действия генерал-губернаторов по городскому благоустройству и развитию системы образования, в области управления оренбургским и уральским казачеством и Башкирско-мещеряцким войском, а также военные и дипломатические меры по установление контроля над Средней Азией[1]. Из «Записок» следует, что начальники Оренбургского края руководили освоением и развитием этих окраинных территорий России, контролировали казачьи и башкирские войска, подчиняли казахское население степи и вели соперничество с Хивинским ханством за влияние на казахов.

Популярный характер имеет книга Владимира и Веры Семеновых о губернаторах Оренбургского края, в которой в формате биографических статей о губернаторах и генерал-губернаторах изложены исторические события и охарактеризована деятельность администраторов края, в частности А. Безака, даже с обзором предпринятых им мер в

[1] См.: Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907.

должности киевского генерал-губернатора[1].

В первом томе коллективной работы «История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века» рассмотрена управленческая деятельность А. Безака в период «Великих реформ» Александра II и продолжение ее следующим генерал-губернатором – Н. Крыжановским[2], а отдельное внимание уделено ликвидации Башкиро-мещеряцкого войска, проведенной А. Безаком[3]. В четвертом томе коллективного труда «История башкирского народа» изложены, в частности, проекты реформ Башкирско-мещеряцкого войска в первой половине XIX в. и ликвидация войска[4].

Различные вопросы государственного управления Башкирским краем проанализированы в монографии Анвара Асфандиярова, в частности, меры местной администрации по хозяйственному развитию края – перепланировке башкирских аулов и распространению хлебопашества среди башкир[5].

Вопросы государственного управления башкирскими землями и башкирским населением освещены в монографии американского исследователя Чарльза Стейнведеля[6]. В частности, автор прослеживает предысторию ликвидации и саму ликвидацию Башкиро-мещеряцкого войска, меры властей по внедрению земледелия среди башкир и благоустройству башкирских аулов, проведение в Уфимской губернии «Великих реформ» Александра II[7].

Итак, определяющим отличием между западными губерниями и Волго-Уральским регионом было отсутствие в Оренбургском крае этнических сообществ, воспринимаемых государственной властью как «враждебных», подобно полякам и евреям в западных губерниях. Русские казаки после подавления Пугачевского восстания 1773–1774 гг. стали лояльными к властям. Если в XVIII в. произошло несколько башкирских восстаний, то после Пугачевского восстания и введения кантонной системы не вспыхнуло ни одного башкирского восстания. Однако администраторам западных губерний, в отличие от начальников Оренбургского края, не приходилось координировать военные действия, находясь в своей должности, за исключением периода Ноябрьского восстания, распространившегося и на Волынь.

Подводя итоги, подчеркнем: если генерал-губернаторы западных губерний, в т. ч. на Правобережной Украине, осуществляли политику «этнобонапартизма», то оренбургские и самарские генерал-губернаторы проводили и хозяйственное освоение Урало-Поволжья, и политику контроля над казаками и башкирами, и военно-дипломатическую деятельность в Средней Азии. Собственно, задачи генерал-губернаторов двух регионов роднило выполнение роли «этноадминистраторов» – проводников национальной политики, деятельность которых заключалась в обеспечении контроля над окраинными территориями нерусскими народами.

Успешность же А. Безака, как «этноадминистратора», в Оренбургском и Самарском генерал-губернаторстве в период «Великих реформ» и его опыт командования военными соединениями, вероятно, стали основаниями для перевода в другой

---

[1] См.: Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

[2] История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в.: В 2 т. Уфа, 2006. Т. 1. С. 101–103.

[3] Там же. С. 41–43.

[4] Рахимов Р.Н. Башкирское войско. Проекты его реформ // История башкирского народа: В 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 52–59; Давлетбаев Б.С. Отмена кантонной системы. Законодательство о башкирах // Там же. С. 241–248.

[5] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 211–222.

[6] См.: Steinwedel Ch. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomingron–Indianapolis, 2016.

[7] Ibid. P. 93–114, 117–132.

полиэтнический регион. Этот вывод позволяет дополнить тезис К. Мацузато: «этнобонапартизм» был частным случаем «этноадминистрирования», которое заключалось в проведении представителями центральных и местных властей политических мер по контролю над нерусским населением окраинных регионов Российской империи.

Источники и литература

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авториз. перевод с фр. М. Крисань. М.: НЛО, 2011. 1 008 с.
3. Западные окраины Российской империи / Науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
4. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907. 224 с.
5. История башкирского народа: В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. СПб.: Наука, 2011. Т. 4. 400 с.
6. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в.: В 2 т. / Отв. ред.: И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа: Гилем, 2006. Т. 1. 240 с.
7. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империй, 2004. С. 427–458.
8. Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX в. // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 123–144.
9. Поліщук Ю.М. Національні меншини Правобережжя України у контексті етнічної політики Російської імперії (кінець XVIII – початок XX ст.). К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. 432 с.
10. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 1999. 400 с.
11. Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні. К.: Інститут історії України, 2005. 428 с.
12. Щербак Н.О. Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К.: ПЦ «Ризографіка», 2005. 616 с.
13. Steinwedel Ch. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomingron–Indianapolis: Indiana University Press, 2016. 382 p.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-10

А.Н. Гребенкин*

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХРАНЫ В РОССИИ В 1894–1905 гг.: БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье осуществлен анализ развития системы управления подразделениями императорской охраны в России в 1894–1905 гг. Особое внимание уделено первому дворцовому коменданту генерал-адъютанту П.П. Гессе. Автор приходит к выводу, что осуществленное в 1894–1896 гг. последовательное переименование должности Главного начальника охраны сначала в Дежурного при е. и. в. генерала, а затем и в дворцового коменданта не повлекло за собой сколько-нибудь значимых изменений в бюрократической структуре управления деятельностью охранных подразделений. Вместе с тем уход П.А. Черевина, являвшегося другом Александра III, и назначение на его место П.П. Гессе обусловили утрату системой охраны непосредственной связи с монархом и ее постепенное превращение в структуру, подведомственную министерству императорского двора.

Ключевые слова: Российская империя, институт охраны, дворцовый комендант, П.А. Черевин, П.П. Гессе.

Система управления подразделениями императорской охраны в России начала складываться только после гибели Александра II. Была учреждена должность Главного начальника охраны, которую 1 июня 1881 г. занял граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков – друг императора, которому тот безоговорочно доверял. 3 сентября того же года Воронцова-Дашкова сменил Петр Александрович Черевин, назначенный Высочайшим указом «Главнозаведующим» охраной[1]. Главный начальник, не отходивший от царя ни на шаг, почти не нуждался в помощниках. Тем не менее ведение делопроизводства требовало создания хотя бы минимальной бюрократической структуры. Поэтому при Главном начальнике была образована канцелярия, которая, однако, в течение 6 лет не имела своего штата. Делопроизводитель и письмоводитель канцелярии формально числились в других ведомствах, а жалованье и прочие выплаты получали из различных источников. Лишь в конце 1887 г. ввиду угрозы существенного ухудшения материального положения делопроизводителя Г.А. Федосеева вопрос о закреплении служебного статуса сотрудников канцелярии был вынесен на повестку дня. 31 декабря того же года штат канцелярии в составе заведующего и письмоводителя удостоился высочайшего утверждения.

В феврале 1894 г. был разработан новый штат канцелярии Главного начальника Охраны. Заведующий был переименован в управляющего, письмоводитель – в делопроизводителя. Это привело к некоторому повышению статуса сотрудников. Кроме того, в штат была включена должность журналиста. 10 мая 1894 г. Александр III утвердил обновленный штат. Одновременно император, к тому времени уже тяжело больной и уставший от многолетнего страха перед покушениями, приказал убрать из официальных наименований слово «охрана». В своей резолюции царь отмечал, что «…желал бы изменить название Охраны, которое меня коробит и весьма не благозвучно»[2]. Подлинной причиной возникновения этого желания являлось, по всей видимости, стремление избавиться от всего, что напоминало о тягостной необходимости окружать себя телохранителями, и сделать охрану незримой. Еще в 1885 г. в своей записке, адресованной Черевину, Александр III писал: «Несмотря на мои частые повторения, что я не желаю,

* ***ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич*** *— доктор исторических наук; доцент; Академия Федеральной службы Российской Федерации; сотрудник; г. Орел, Россия; angrebyonkin@mail.ru.*

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

[2] Там же. Л. 84.

чтобы, когда я выезжаю, за мною ездили мушары (шпионы (фр.) – *авт.*) и проч., я опять замечаю, что приказание мое не исполняется…»[1] 22 мая 1894 г. должность Главного начальника Собственной Его Императорского Величества Охраны была переименована в Дежурного при Его Императорском Величестве генерала. Такое отражение в зеркале охранной бюрократии получило стремление царя-миротворца сохранить свое величие и независимость.

Должность Дежурного при Его Императорском Величестве генерала сохранил за собой бессменный начальник царской охраны П.А. Черевин, еще в 1886 г. произведенный в генерал-лейтенанты. Хотя начальник царской охраны являлся другом Александра III, который любил находиться в его обществе, Черевину, как отмечает Д.А. Клочков, «приходилось быть тонким политиком, чтобы, с одной стороны, обеспечить безопасность императора, с другой – чтобы его сопровождение не было слишком нарочитым и назойливым…»[2]. После смерти Александра III Черевин формально продолжал оставаться во главе системы охраны, но многолетнее пьянство подорвало его силы. Николай II и особенно Александра Федоровна не скрывали своего неприязненного отношения к генералу, который редко бывал трезвым и под влиянием выпитого вел себя крайне развязно. Впрочем, по свидетельству С.Ю. Витте, начальник охраны в последние годы жизни Александра III часто выводил его из себя своими бессмысленными речами и бестактными просьбами[3]. Император сетовал на то, что у человека, отвечавшего за его безопасность, тряслись руки так, что он не мог наложить себе еды в тарелку. При его сыне Черевин сохранял свою должность лишь благодаря поддержке вдовствовавшей императрицы Марии Федоровны, весьма ценившей преданность и усердие человека, близкого к покойному царю[4]. Впрочем, нельзя считать, что глава охраны, утратив прежний статус, забросил свои обязанности. В конце 1895 г. – начале 1896 г. Черевин активно готовился к коронационным торжествам, и только смерть помешала ему завершить эту работу, которая велась энергично и дельно. Вместе с тем он, видимо, смирился с мыслью о том, что в новое царствование система обеспечения императорской безопасности рано или поздно приобретет новый формат. Как отмечал И.В. Зимин, глава охраны, предвидя свой скорый уход, понимал, что его преемник никогда не будет так же близок к Николаю II, как он был близок к его отцу, поэтому подготовил проект, в соответствии с которым «в случае упразднения должности Дежурного при Его Императорском Величестве генерала было бы целесообразно все охранные структуры, находившиеся в его ведении…, подчинить министру Императорского двора, с присвоением ему прав и обязанностей Дежурного генерала»[5].

В феврале 1896 г., после сильной простуды, П.А. Черевин скончался. Его преемником стал комендант Императорской главной квартиры генерал-майор Свиты П.П. Гессе. В соответствии с именным высочайшим указом от 14 марта 1896 г., Гессе вступил «во все права и обязанности бывшего дежурного при Нас генерала, выраженные в указе Сенату от 22 мая 1894 г., с переименованием его в дворцовые коменданты и оставлением в Нашей Свите»[6].

Петр Павлович Гессе родился 18 февраля 1846 г. в семье генерал-лейтенанта П.И. Гессе, в 1855–1864 гг. занимавшего должность Киевского гражданского губернатора.

---

[1] Поляков А. Царь-миротворец // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 229.

[2] На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жиляев, Д.А. Клочков, И.И. Кондратьев, О.Г. Леонов, Т.Д. Панова; сост. Д.А. Клочков]. М., 2018. С. 169.

[3] Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923. С. 300–301.

[4] Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2010. С. 677.

[5] Зимин И.В. Генерал П.А. Черевин // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 140.

[6] Правительственный Вестник. 1896. 19 марта. № 64.

В 1864 г. будущий дворцовый комендант окончил Пажеский корпус и был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Быстро получая очередные чины (в 1865 г. – подпоручика, в 1867 г. – поручика), Гессе уже в 1868 г. был назначен ротным командиром и произведен в штабс-капитаны. В том же году он стал членом полкового суда. В 1870 г. Гессе получил свою первую награду – орден Св. Анны 3 ст. В 1873 г. он ушел в 11-месячный отпуск с отчислением от должности ротного командира; вернувшись в полк в следующему году, вновь был назначен на эту должность. В 1875 г. Гессе был «высочайшим приказом произведен в капитаны и назначен командовать на законном основании ротой Его Величества»[1]. В августе того же года он стал флигель-адъютантом.

В 1877 г. началась русско-турецкая война. Гессе был переведен подполковником в 47-й пехотный Украинский полк, расположенный в румынском селе Новачи. 24 июня 1877 г. он вместе с полком перешел Дунай у м. Зимницы и оказался в Болгарии. Полк вошел в состав Рущукского отряда, который возглавлял цесаревич Александр Александрович – будущий император Александр III. В августе 1877 г. Гессе был назначен временно командовать полком. Находясь в Болгарии, он неоднократно принимал участие в стычках и боях с турками (10 июля – в деле у д. Пиргос, 19 августа – в отражении турецких атак на деревни Красную и Кадыкиой, 23 августа – в деле у д. Кадыкиой, 3 октября – в отражении неприятельской усиленной рекогносцировки близ д. Иован-Чифлик и на Трестеникских высотах). 12 октября полк, которым командовал Гессе, принял участие в усиленной рекогносцировке неприятельского расположения войск у Рущукского отряда под личным начальством цесаревича Александра Александровича, а 14 и 30 ноября – в сражениях у Трестеника и Мечки, когда пришлось отражать частые атаки войск Сулеймана-Паши. Должность командира 47-го пехотного Украинского полка Гессе занимал до декабря 1877 г., когда сдал полк. В начале 1878 г. Гессе был переведен обратно в Преображенский полк капитаном. Вместе с преображенцами он участвовал в занятии Сан-Стефано. За отличие в боях П.П. Гессе удостоился ряда высоких наград: ордена Св. Станислава 2 ст. с мечами, ордена Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, золотого оружия с надписью «За храбрость». В 1878 г. он был произведен в полковники со старшинством с 1877 г., получил новую должность («командовать 4-м батальоном на законном основании»[2]) и в том же году был утвержден командиром 4-го батальона. Именно тому, что Гессе являлся преображенцем, он был обязан своей дальнейшей карьерой. С.Ю. Витте в своих мемуарах отмечал: «Молодой император знал Гессе, так как он сам служил одно время в Преображенском полку и командовал батальоном; затем, когда император Николай II был еще цесаревичем, Гессе учил его ружейным приемам»[3].

В 1879 г. П.П. Гессе был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. «за отличие, оказанное им 14 ноября 1877 г. в делах с турками под Трестеником»[4]; тогда же ему было высочайше разрешено принять и носить пожалованный ему Мекленбург-Шверинский орден Вендской короны. В 1882 г. Гессе был награжден офицерским крестом ордена Почетного Легиона. В том же году он был командирован «по климатическим условиям» на один год на Кавказ, отчислен от должности командира 4-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка с исключением из списков полка и назначен командиром 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка с оставлением в звании флигель-адъютанта. В 1883 г. он был уволен в 11-месячный отпуск и отчислен от должности командира полка с зачислением по армейской пехоте и сохранением звания флигель-адъютанта.

В 1884 г. П.П. Гессе был назначен командиром Сводно-гвардейского батальона –

[1] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 15. Л. 43 об.
[2] Там же. Л. 44.
[3] Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 31.
[4] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

подразделения императорской охраны, в которое командировались лучшие офицеры и нижние чины шефских гвардейских полков. В этой должности он зарекомендовал себя с лучшей стороны. Впоследствии большой стаж службы в охране также поможет Гессе стать дворцовым комендантом. С.Ю. Витте писал: «…Гессе был приближенным Черевина, а потому знал все, что касается дворцовой охраны»[1].

В 1884 г. П.П. Гессе было объявлено именное высочайшее благоволение «за отлично-усердную службу и особую распорядительность во время высочайшего путешествия в Варшаву и Скерневицы»[2], в следующем году он удостоился такой же награды за образцовую организацию охраны во время высочайшего путешествия в Австрию и Киев. Чины охраны, сопровождавшие царя в заграничных поездках либо принимавшие участие в обеспечении безопасности глав других государств во время их пребывания в России, часто получали иностранные награды. В 1884 г. Гессе был награжден австрийским орденом Железной короны 2 ст. и прусским орденом Красного орла 2 ст. В 1885 г. он получил орден Св. Анны 2 ст., а в 1888 г. за отличие по службе удостоился производства в генерал-майоры с зачислением по гвардейской пехоте и с назначением комендантом Императорской Главной квартиры. В 1889 г. Гессе был включен в состав Свиты, что в царствование Александра III делалось крайне редко.

Находясь в должности коменданта Императорской Главной квартиры, П.П. Гессе был награжден рядом российских орденов (до Св. Станислава 1 ст. включительно), а также получил несколько иностранных знаков отличия (черногорский орден Князя Даниила 1 ст. в 1894 г., большой крест мекленбург-шверинского ордена Грифа в 1895 г.). В 1895 г. он был зачислен в списки 47-го пехотного Украинского Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полка.

По должности дворцового коменданта П.П. Гессе было назначено такое же содержание, какое получал его предшественник П.А. Черевин, «…т. е. из 12 000 руб. в год, за удержанием 2% в пенсионный и инвалидный капиталы»[3]. Это содержание состояло из следующих частей: жалованья – 1 017 руб. в год, столовых денег – 840 руб. 60 коп. в год, квартирных денег – 1 000 руб., порционных денег (8 руб. в день), фуражных денег на положенных ему трех верховых лошадей, а также ряда иных выплат. В феврале 1897 г. П.П. Гессе в письме на имя гофмаршала П.К. Бенкендорфа писал: «18 марта 1896 г. отношением за № 3 916 министр императорского двора уведомил меня, что с высочайшего е. и. в. соизволения приказано во время Высочайшего пребывания за городом отпускать продовольствие от гофмаршальской части мне и моему семейству. Тогда же Вашим Сиятельством мне было предложено вместо отпуска продовольствия производить выплату суточных денег по 10 руб. в сутки, на что я тогда выразил согласие. Ныне, находя такой порядок для себя неудобным, я желаю впредь воспользоваться высочайшим соизволением получать продовольствие себе и семейству моему от гофмаршальской части. Заявляя о сем Вашему Сиятельству, я имею честь присовокупить, что пользуясь уже таковым продовольствием с 20 октября 1896 г., я с того же времени никаких требований на отпуск суточных денег не делал»[4].

Размер жалованья, столовых и квартирных денег оставался неизменным на всем протяжении пребывания Гессе во главе императорской охраны. Для сравнения: в качестве коменданта Императорской Главной квартиры он получал содержание от интендантства в размере 3 207 руб. 60 коп. в год и от министерства императорского двора в размере 2 880 руб. в год (т. е. в общей сложности 6 087 руб. 60 коп. в год).

Таким образом, заняв пост начальника императорской охраны, П.П. Гессе

[1] Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование… С. 31–32.
[2] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об. – 45.
[3] Там же. Л. 21.
[4] Там же. Л. 39.

пользовался солидным денежным вознаграждением. Кроме того, он регулярно получал знаки монаршего благоволения. В 1896 г., ко дню коронации, Гессе был произведен в генерал-лейтенанты и стал генерал-адъютантом, а к 1904 г. получил все очередные ордена до ордена Белого орла включительно. Кроме того, ему были пожалованы высокие награды зарубежных государств: Германии, Франции, Османской империи, Сиама. Вместе с тем следует отметить, что служба Гессе в качестве как командира Сводно-гвардейского батальона, так и коменданта Императорской Главной квартиры и дворцового коменданта была исключительно напряженной. Достаточно сказать, что если в 1860–1870-е гг. он практически ежегодно бывал в отпусках сроком от 15 дней до 4 месяцев и 2 раза уходил в продолжительный 11-месячный отпуск, то с момента прихода в структуры, связанные с императорской охраной, почти полностью лишился права на отдых. За последний 21 год своей службы (1884–1905 гг.) П.П. Гессе лишь один раз, в 1889 г., получил 10-дневный отпуск. Колоссальная нагрузка, которая после начала Первой русской революции еще более возросла, 14 июля 1905 г. привела к смерти Гессе «от припадка грудной жабы» (т. е. от приступа стенокардии – *авт.*).

По своим личным качествам Гессе резко отличался от своего предшественника на посту начальника царской охраны. Если Черевин, по словам близко знавших его людей, был весьма умным, хотя и недостаточно образованным человеком, имел незаурядные деловые качества и, без сомнения, обладал большой харизмой, то в фигуре первого дворцового коменданта не было ничего выдающегося. По словам С.Ю. Витте, «Гессе был человек недурной, довольно корректный, но во всех отношениях самый обыкновенный человек, и потому его нельзя сравнить с Черевиным…»[1].

В отличие от П.А. Черевина, вынужденного формировать штат своих помощников с нуля, П.П. Гессе мог опереться на канцелярию с опытными сотрудниками. Требовалось лишь изменить наименования должностей. Приступив к исполнению обязанностей дворцового коменданта, Гессе сразу же начал хлопотать о том, чтобы чиновники его канцелярии впредь именовались чиновниками канцелярии дворцового коменданта. Штат канцелярии, утвержденный 22 мая 1894 г., остался неизменным. Управляющим канцелярией на момент назначения Гессе по-прежнему являлся камергер Высочайшего двора действительный статский советник Григорий Ардалионович Федосеев. 28 марта 1896 г. Федосеев был назначен управляющим канцелярией Дворцового коменданта с оставлением в придворном звании. О нем нам известно, к сожалению, немного. 45-летний Г.А. Федосеев находился на государственной службе с 10 сентября 1871 г. За плечами у него был неполный курс университета. Сначала он служил в Главном управлении государственного коннозаводства в качестве корреспондента по Орловской губернии. 5 сентября 1881 г. Федосеев перешел на службу в министерство императорского двора и уделов.

Делопроизводителем канцелярии дворцового коменданта 28 марта 1896 г. был назначен бывший делопроизводитель канцелярии Дежурного при е. и. в. генерала надворный советник Георгий Филиппович Романов. К 1899 г. он дослужился до чина коллежского советника[2].

29 марта 1896 г. журналистом канцелярии дворцового коменданта был назначен бывший журналист канцелярии Дежурного при е. и. в. генерала коллежский секретарь Юрий Доминикович Павиланис. Ю.Д. Павиланис был очень хорошо знаком с делопроизводством охранного ведомства: еще в апреле 1881 г. он, тогда состоявший в запасе писарь унтер-офицерского звания, был зачислен в Охранную стражу по вольному найму[3]. К 1899 г. Павиланис был произведен в титулярные советники, а впоследствии,

[1] Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование... С. 32.
[2] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2738. Л. 22.
[3] Там же. Д. 2733. Л. 35 об.

уже в чине коллежского советника, занимал должность помощника делопроизводителя канцелярии дворцового коменданта[1].

Таким образом, период 1894–1905 гг. в истории императорской охраны примечателен в первую очередь заменой ключевой фигуры – на смену П.А. Черевину в 1896 г. пришел П.П. Гессе. Смерть П.А. Черевина стала событием, за которым последовал переход от семейных отношений между охраняемым лицом и охраной к сугубо деловым. Бюрократическая сторона охраны существенных изменений не претерпела – сотрудники канцелярии дворцового коменданта были те же, их обязанности остались прежними, хотя формальный статус стал несколько выше. В целом учреждение должности дворцового коменданта не повлекло за собой кардинальной перестройки руководства деятельностью охранных подразделений, которая, согласно пожеланию Александра III, должна была принять закамуфлированную форму.

Источники и литература

1. Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 471 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин: Слово, 1923. 441 с.
3. Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2010. 852 с.
4. Зимин И.В. Генерал П.А. Черевин // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 126–142.
5. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жиляев, Д.А. Клочков, И.И. Кондратьев, О.Г. Леонов, Т.Д. Панова; сост. Д.А. Клочков]. М.: Русские витязи, 2018. 920 с.
6. Поляков А. Царь-миротворец // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 219–229.
7. Правительственный Вестник. 1896. 19 марта. № 64.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 508. Оп. 1. Д. 354, 2733, 2738; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 4, 15.

[1] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 354. Л. 253 об.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-11

А.В. Дмитриев*

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВНУТРЕННИХ КРЕСТЬЯНСКИХ МИГРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ д. НОВОПЕТРОВКА ДУВАН-ТАБЫНСКОЙ ВОЛОСТИ СТЕРЛИТАМАКСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования нового поселения в результате внутренних миграций крестьян. Примером такого поселения может служить вымершая д. Новопетровка Кармаскалинского района (до 1917 г. – Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии). Исследование проводится с опорой на метрические книги 1901–1918 гг. некоторых приходов Уфимского и Стерлитамакского уездов; привлекаются также другие архивные материалы Национального исторического архива Республики Башкортостан. В статье поднимается вопрос о первом упоминании деревни в документальных источниках. Для некоторых из переселенцев устанавливается не только второй (внутренний) регион выхода, но и первый (внешний). Процесс переселения проходил как группами крестьян, так и одиночными перемещениями. Автор обращает внимание, что большое количество внутренних переселенцев дали белорусские и украинские, обосновавшиеся сначала в селениях Уфимской губернии, но затем решившиеся на перемещение в Новопетровку. Показательно то, что к 1916 г. из 54 домохозяев Новопетровского товарищества внутренними переселенцами оказались 33 чел.

Ключевые слова: переселенцы, переселенческое делопроизводство, Новопетровка, Новопетровское товарищество, Дуван-Табынская волость, метрические книги.

В настоящее время переселенческое делопроизводство по Башкортостану находится в стадии активно развивающихся исследований. Довольно глубоко изучены вопросы переселения в Уфимскую губернию русских, украинцев, латышей, эстонцев, мордвы, марийцев, чувашей, немцев, поляков, не говоря уже о тептерях, мишарях и мещеряках из Нижегородской, Казанской и Тобольской губерний. Все же наблюдается определенная неравномерность таких исследований. Так, не до конца изучена, на наш взгляд, проблема переселения белорусов. Практически не освещены в современной историографии особенности миграции в Уфимскую губернию представителей таких этнических групп, как австрийцы, швейцарцы, персы, румыны, шведы, финны, корейцы, бельгийцы, армяне, молдаване, американцы, голландцы, впервые выявленные в документах первой трети XX в. М.И. Родновым[1].

Исследования М.И. Роднова, посвященные разбору и анализу подворных карточек переписей 1917 и 1920 гг. по уездам Уфимской губернии, можно считать продолжением фундаментальных исследований, начатых в свое время еще В.П. Михайловым и В.А. Абрютиным[2], а также новой вехой в истории изучения процессов заселения

* ***ДМИТРИЕВ Александр Владиславович*** *— кандидат филологических наук; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Высшая школа инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; Avd84@list.ru.*

[1] Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009; Он же. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2009; Он же. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник. СПб., 2014; Он же. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М., 2014.

[2] Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии: Отчет по командировке (2-я половина) непременного члена Губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898; Он же. Переселенцы и переселенческое дело в Златоустовском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898; Он же. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском

современного Башкортостана. Разумеется, это не означает, что этим небольшим списком трудов исчерпываются все работы в этой области. Ф.Г. Галиева отмечает, что исследования «по истории заселения русскими территории Южного Урала появились в XVIII–XIX вв. (П.И. Рычков, В.М. Черемшанский, М.К. Любавский, Б.Э. Нольде)»[1]. Кроме того, помимо В.П. Михайлова и В.А. Абрютина, проблемой крестьянских переселений в Уфимскую губернию в дореволюционный период занимались М.В. Свирелин[2], Н.В. Ремезов[3], А.А. Кауфман[4], М.П. Красильников[5] и др., указавшие причины и реалии передвижения населения с опорой на предварительные итоги переселенческой политики государства. Авторами впервые было отмечено, что основной причиной передвижения большинства людей в конце XIX – начале XX в. являлось малоземелье, усугублявшееся кризисом существующей в той или другой местности системы хозяйства и полеводства.

В начальный период существования Советской власти сохранялся интерес к миграции и этническому составу региона. Среди изданий этого времени можно выделить труды Ф.А. Фиельструпа[6] и М. Никитина[7]. Роль как правительства, так и самого крестьянства в переселении была впервые в советской историографии показана Н.В. Устюговым[8]. Обширный круг проблем крестьянской колонизации (в т. ч. историография вопроса) проанализирован в монографии Ю.М Тарасова[9]. В постсоветский период существенный вклад в изучение вопросов крестьянский миграции в Башкирский край внесли исследования Ю.С. Зобова[10], Д.П. Самородова[11], М.И. Роднова, Р.Б. Шайхисламова[12], Г.Х. Япарова[13].

Колонизация современного Башкортостана (сначала казаками, дворянами и их крепостными) началась во второй половине XVI в., что было связано с присоединением основных земель Башкирии к Русскому государству, причем переселение русских на Южный Урал осуществлялось в нескольких формах: военно-правительственной,

---

уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898; Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898; Он же. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898.

[1] Галиева Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. Уфа, 2012. С. 4.

[2] Свирелин М.В. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. // Древняя и Новая Россия. 1876. №6. С. 178–186.

[3] Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889.

[4] Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб., 1904. Ч. 3.

[5] Красильников М.П. Хутора Уфимской губернии. Уфа, 1914.

[6] Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 17–37.

[7] Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73–85.

[8] Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин, 1959. С. 33–42.

[9] Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

[10] Зобов Ю.С. Политика правительства по регулированию крестьянского переселенческого движения в первой половине XIX в. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1993. С. 22–28.

[11] Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период, 60–90-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996.

[12] Шайхисламов Р.Б. Государственные крестьяне Южного Урала до отмены крепостного права. Уфа, 2013.

[13] Япаров Г.Х. Переселение народов и земельные отношения на территории Башкортостана: исторический, правовой и экономический экскурс. Уфа, 2016.

крестьянской, монастырской, дворянской и заводской. В середине XVIII в. началось массовое переселение русского крестьянства из северных, поволжских, центральных и южных земель Российской империи, а также Сибири. Русское население активно вступало в этнокультурные контакты с иными этносами, и, в свою очередь, создавало очаги русского культурного влияния[1].

Следующее масштабное переселение русских крестьян на Южный Урал пришлось на пореформенное время в связи с отменой крепостного права в 1861 г. Этому способствовало гораздо больше факторов, нежели чем в XVIII в.: открытие Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка (1883 г.), строительство Самаро-Оренбургской (1877 г.) и Самаро-Златоустовской (1890 г.) железных дорог. Но более важным фактором была продажа башкирами-вотчинниками земель в связи с межеванием: «Форсированное размежевание и фактическое отчуждение Правительством у башкир-вотчинников запасных земель с последующей их льготной реализацией частным владельцам, а также наличие значительного ареала «пустопорожних» помещичьих земель, полностью не задействованных ввиду недостатка рабочих рук – все это создавало огромный земельный фонд, своеобразный рынок земли»[2].

К 1889 г., согласно данным Н.В. Ремезова, наибольшее количество переселенцев дала Вятская губерния (69%), затем Казанская (8%), Тульская (3%) и Пермская (2%). Остальные губернии (Владимирская, Рязанская, Самарская, Костромская, Симбирская, Смоленская, Вологодская, Пензенская, Нижегородская, Тамбовская и Уфимская) дали суммарно около 18% переселенцев[3].

В 1897–1898 гг. В.П. Михайловым и В.А. Абрютиным впервые были проведены масштабные работы по всем уездам Уфимской губернии с целью исследования переселенческого дела и описания основных особенностей переселенческих поселков. Наиболее полно был описан Уфимский уезд. По остальным уездам информация собиралась на основе обследования определенного количества новообразованных селений: в Бирском – 167, в Белебеевском – 200, в Златоустовском – 62, в Стерлитамакском – 164. На основе полученных В.П. Михайловым и В.А. Абрютиным данных были сделаны следующие выводы.

Больше всего переселенцев из Вятской губернии было в Уфимском (63,7%) и Бирском (68%) уездах, поскольку они были ближе всего к границам Вятской губернии. В Стерлитамакском, Белебеевском и Златоустовском уездах, напротив, лидирующие позиции по количеству переселенцев занимали, соответственно, Тамбовская (23%), Казанская (13,7%) и Пермская (38,4%) губернии.

Второе место по активности переселенцев из внутренних губерний Российской Империи занимала Казанская губерния, которая дала переселенцев во все пять уездов Уфимской губернии. Больше всего их было выявлено в Белебеевском уезде – 13,7% от общего числа переселенцев. Третье место занимала Пензенская губерния. В Стерлитамакском и Златоустовском уездах переселенцев из этой губернии было 9% и 9,5% соответственно. Из Пермской губернии шел мощный поток переселенцев в Златоустовский уезд, где их доля составляла почти 40%. В списке не менее частых регионов выхода мы находим также Нижегородскую, Самарскую, Симбирскую и Тамбовскую губернии (около 23% переселенцев из Тамбовской губернии было выявлено в Стерлитамакском уезде). Нельзя не упомянуть также прибалтийские губернии – Курляндскую и Лифляндскую, – из которых на Южный Урал переселялось довольно много крестьян. Больше всего колоний латышей и эстонцев отмечено в Уфимском,

[1] Галиева Ф.Г. Указ. соч. С. 7.

[2] Иванова О. Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян российской империи в конце XIX – начале XX вв. На примере Уфимской губернии // Сервис plus. 2009. № 1. С. 81.

[3] Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889. С. 16.

Белебеевском и Бирском уездах.

Переселение шло не только из одной губернии в другую. В.А. Абрютин и В.П. Михайлов описывают немало случаев, когда переселялись и внутри Уфимской губернии. Например, первые места по количеству «внутренних» переселенцев занимают, согласно статистическим данным, Белебеевский и Златоустовский уезды, причем в Белебеевском уезде «внутренних» переселенцев из Уфимской губернии было больше всего – 33,5%; в Бирском и Уфимском уезде они занимали второе место по численности – 11,6% и 18% соответственно.

Для изучения процессов внутренних (равно как и внешних) перемещений крестьян привлекаются различные документы государственных органов власти (в зависимости от сохранности фондов), осуществлявших процесс переселения. Ввиду объективных обстоятельств, многие документы по переселенцам (например, проходные свидетельства, личные прошения, посемейные списки) представлены в Национальном историческом архиве Республики Башкортостан очень скудно, разрозненно и далеко не по всем уездам и волостям, поэтому приходится активно привлекать материалы метрических книг для реконструкции самого процесса заселения деревни/починка/хутор.

В современной науке уже имеется некоторый опыт подобных изысканий, который подкреплен результатами, полученными, в основном, на материале Зауралья: И.В. Чернова (на примере переселенцев из Тобольской губернию в Томскую губернию); А.Х. Машарипова (на примере коми переселенцев в Тобольскую губернию); Н.И. Шаброва (на примере вольных переселенцев Сахалина); Н.А. Повод (на примере освоения коми ижемцами Северного Зауралья); С.Н. Орловский (на примере истории переселения крестьянских родов в Енисейскую губернию); С.В. Туров (на примере коми переселенцев в Обдорский край).

Из работ последних лет следует отметить исследование Д.А. Астафьева, который на основе анализа ревизских сказок и метрических книг рассмотрел процесс переселения государственных крестьян и крестьян-однодворцев из Пензенской губернии в деревню Адонецкую Оренбургского уезда Оренбургской губернии, а также выявил фамилии крестьян-первопоселенцев и поверенных крестьян, которые подавали прошение о переселении[1].

Таким образом, очевидна актуальность проводимого нами исследования, которая определяет предмет настоящей статьи: формирование нового поселения в результате крестьянских миграций. В качестве примере взята д. Новопетровка Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда. Целью статьи является рассмотрение процесса заселения деревни переселенцами преимущественно из Уфимского и Стерлитамакского уездов в период с 1901 по 1918 гг. Основной фокус – это внутреннее перемещение крестьян в указанный период времени. Факты внешнего переселения в Новопетровку из других губерний также затрагиваются и обсуждаются. Поскольку очень многие переселенцы Уфимской губернии, как было уже показано выше, прибыли из других губерний Российской империи, то это прежнее место жительства мы будем называть первым регионом выхода. Вторым же регионом выхода будет называться то поселение Уфимской губернии, из которой шел процесс внутреннего перемещения.

Основным материалом исследования послужили фонды И-294 (Уфимская духовная консистория), И-132 (Уфимская губернская земская управа), И-336 (Уфимское отделение Крестьянского поземельного банка) Национального архива Республики Башкортостан.

Обращение к Новопетровке обусловлено двумя причинами. Во-первых, деревня на сегодняшний день представляет собой практически вымершее поселение. В Новопетровке

[1] Астафьев Д.А. Ревизские сказки и метрические книги как источник по переселению крестьян в XIX в. (на примере деревни Адонецкой Оренбургского уезда Оренбургской губернии) // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 46–60.

зафиксировано 4 жилых дома, что говорит об исчезновении географического объекта, хотя он по-прежнему фиксируется на картах. На наш взгляд, это необходимо принимать во внимание в аспекте не только переселенческого делопроизводства, но и изучения историко-культурного ландшафта Башкортостана и реконструкции каркаса вымерших поселений, что является неотъемлемой задачей исторической географии и топонимики. Во-вторых, Новопетровка – это одно из немногих поселений Кармаскалинского района, которое формировалось по большей части из белорусских переселенцев и которое представляло собой своеобразное поселение-изолят: деревня окружена башкирскими и татарскими поселениями, а также деревнями, основанными переселенцами из внутренних губерний России и Малороссии. В таких условиях происходило формирование качественно новой идентичности жителей деревни.

Приступив к изучению истории заселения Новопетровки, мы столкнулись, прежде всего, с проблемой поиска первого упоминания деревни в источниках. Надеясь встретить сколько-нибудь существенную информацию о населенном пункте 1890-х гг., нами были изучены документальные материалы этого периода времени, в т. ч. архивные источники, однако ни в одном из документов не нашлось искомых фактов. Параллельно с прочтением этих материалов были привлечены МК по селам Курзюм-Ивановка и Нагадак за период с 1898 по 1900 гг. – ближайшие к Новопетровке села, куда гипотетически могли ходить жители нового поселения, но и здесь не встретилось упоминания деревни.

Наконец, в МК по Курзюм-Ивановке (далее – МК КИ) 1901 г. обнаружилась запись о рождении младенца Сергия у родителей Степана Ивановича Толстоброва[1] и Агрипины Георгиевны. Не удалось пока установить, откуда эти люди прибыли в деревню и какого они происхождения. Оба родителя приписаны к Новопетровке, или, как написано в тексте документа, д. *Ново-Петровой*[2]. Есть основание полагать, что это одна из первых (если не самая первая) документальная фиксация названия деревни. Кроме того, было установлено, что жители новообразованной деревни ходили в с. Курзюм-Ивановку до 1908 г., поскольку в МК по этому селу и упоминается Новопетровка. С 1908 г. деревня стала относиться к приходу с. Камышлинка.

Обратимся к ключевому документу нашего исследования – «Списку Ново-Петровского товарищества Стерлитамакского уезда Дуван-Табынской волости» (далее – Список НПТ), который был составлен в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка по делу № 1 943 о выдаче крестьянской общине ссуды № 88 758 под проценты с рассрочкой платежа на покупку земельных участков по норме не более 40 дес. на двор и не более 12 дес. на душу. Купчая крепость о покупке земли была утверждена старшим нотариусом 5 ноября 1903 г.[3]

Серьезным препятствием на пути изучения процесса заселения Новопетровки послужило то, что в Списке НПТ не оказалось сведений о прежнем месте проживания домохозяев (за исключением одного случая, о котором будет сказано ниже). Информация о прежнем месте жительства переселенцев практически отсутствует в МК КИ и МК по с. Камышлинка (далее – МК Кам)[4]. Складывается впечатление, что приходской священник не утруждал себя расспросами относительно того, откуда прибыли переселенцы, и автоматически приписывал к Новопетровке всех, кто говорил ему, что там проживает. Как правило, в МК можно встретить формулировку: *деревни Петровки крестьянин.*

Восстанавливая цепь событий с опорой на МК, нам удалось выявить некоторые факты спорадического упоминания прежнего места жительства переселенцев, но не

[1] Мы будем давать имена в современной орфографии.

[2] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1203.

[3] Там же. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454.

[4] По крайней мере, до 1915 г., когда в Уфимскую губернию устремился обильный поток беженцев, которых стали указывать со старой «пропиской».

напрямую, а косвенно – через родственников, оставшихся на старом месте.

1. Переселенцы-белорусы из Нагаевской волости Уфимского уезда[1]. В Списке НПТ под № 9 числится домохозяин Андрей Николаевич Ширинга, который приобрел при содействии Крестьянского поземельного банка 24 дес. земли. На момент утверждения купчей крепости при нем находилось 2 души м. п. В МК Кам 1908 г. имеется запись от 3 февраля о бракосочетании одного из сыновей Андрея Ширинга – Марка: *д. Петровой крестьянин Марк Андреев Ширинга, православный, первым браком*. Запись о невесте сделана следующим образом: *Колонии Балажу Нагаевской волости Уфимского уезда крестьянина Стефана Стефанова Косинского дочь Анна, православная, первым браком*. На момент женитьбы жениху было 19 лет, невесте – 20 лет[2].

Колония Балажи относилась к приходу с. Бердино (далее – МК Бер), а до 1901 г. – Охлебинино (далее – МК Охл). Было решено просмотреть МК по этим двум селам с 1908 г. до начала 1890-х гг. В одной из них был обнаружен искомый домохозяин – Андрей Николаевич Ширинга, который указан с прежним местом проживания: *Гродненской губернии Волковысского уезда Порозовской волости местечка Новый Двор крестьянин Андрей Николаев Ширинга и законная жена его Мария Ефимовна*[3]. Запись сделана 17 мая 1895 г. в связи с рождением дочери Елены. В восприемниках указан *Гродненской губернии Волковысского уезда Порозовской волости местечка Новый Двор крестьянин Иван Антонов Филиппович*[4]. В Списке НПТ этот крестьянин числится под № 40. Тот факт, что Андрей Николаевич Ширинга записан в МК с прежним местом проживания, говорит о том, что его сын Марк, который женился на Анне, дочери Степана Степановича Косинского (о котором мы говорили выше), родился еще в Белоруссии.

Сравнивая далее фамилии домохозяев в Списке НПТ с фамилиями в МК Охл за 1890-е гг., мы выявили довольно много неожиданных совпадений. Нижеследующие фамилии домохозяев Списка НПТ фигурируют в МК Охл с 1892 по 1900 гг. и в МК Бер с 1901 по 1903 гг. (рядом с именами указан порядковый номер в Списке НПТ): № 5 Иван Лукин Ботвич, № 6 Константин Семенов Филиппович, № 7 Осип Осипов Гончарович, № 17 Михаил Степанов Ботвич, № 27 Павел Максимов Грушевский, № 28 Антон Семенов Филиппович, № 36 Максим Людвигов Грушевский, № 38 Григорий Михайлов Лисовский. Все они прибыли в Уфимскую губернию в разное время, но из одного селения: Гродненской губернии Волковысского уезда Порозовской волости местечка Новый Двор. Вместе с вышеуказанными домохозяевами в Нагаевскую волость приехали из Нового Двора также другие семьи, не пожелавшие, однако, переселяться в Новопетровку и оставшиеся на хуторах и починках Нагаевской волости: Семен Михайлович Каскевич, Петр Семенович Каскевич, Михаил Михайлович Гаманович, Павел Степанович Пожарицкий, Михаил Михайлович Романовский, Яков Францевич Романовский, Георгий Яковлевич Сычевник, Ульян Яковлевич Сычевник, Иван Степанович Косинский и Степан Степанович Косинский, чья дочь Анна вышла замуж за Марка Андреевича Ширинга, упомянутого выше.

На основе МК Охл за 1890-е гг. и ранее нам удалось установить предположительное время приезда первых белорусских переселенцев из Нового Двора в Нагаевскую волость – 1892 г. МК за 1880-е гг. умалчивают обо всех этих фамилиях. Кроме этой волны были зафиксированы и последующие волны переселения из Нового

[1] Вопрос переселения белорусов в Уфимскую губернию уже освещался нами ранее. См.: Дмитриев А.В. Некоторые факты из истории переселения белорусских крестьян Гродненской губернии в Уфимскую губернию в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Башкирского ун-та. 2020. Т. 25. № 1. С. 170–178.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1187.

[3] Отчество указано неверно: должно быть *Авраамовна*.

[4] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 440.

Двора – 1894, 1895, 1900 гг.

Первоначальным местом проживания белорусов был починок Малеевский[1], но немногим позже они стали селиться также в колонии Балажи и починке Криница. Колония Балажи[2] к 1890-м гг. была уже компактно населена латышскими переселенцами (год основания колонии не установлен)[3]. Крестьяне купили у владельца Заварицкого 800 дес. по 2 руб. за десятину, при этом Крестьянский поземельный банк выдал в ссуду по 20 руб., а по 5 руб. за десятину крестьяне выплатили наличными деньгами[4]. Починок Криница[5] был основан в 1893 г. переселенцами из Гродненской губернии Пружанского уезда Сухопольской волости д. Криница. В 1892 г. переселившиеся крестьяне купили отдельными товариществами 100 дес. по 30 руб. за десятину. Крестьянский банк выдал в ссуду по 20 руб., а по 10 руб. за десятину крестьяне выплатили наличными деньгами[6]. В 1896 г. в починке было 9 дворов и проживало 56 чел. (28 м. п. и 28 ж. п.)[7].

Белорусы из Нового Двора также внесли свой вклад в формирование нового топонимического каркаса поселений Нагаевской волости: ими был основан одноименный починок Новодворский (в других источниках Новый Двор), который существовал примерно до 1914 г. В.П. Михайлов называет годом заселения починка 1892 (основание починка, получается, совпадает с предполагаемой нами датой приезда белорусов из местечка Новый Двор)[8]. Однако далее возникают некоторые расхождения. В.П. Михайлов пишет, что крестьяне Новодворского починка купили товариществом 40 дес. по 30 руб. за десятину (к сожалению, он не указывает регион выхода поселенцев). Крестьянский банк выдал в ссуду по 20 руб., а по 10 руб. за десятину крестьяне выплатили наличными деньгами[9]. Это подтверждается «Списком Новодворского товарищества Нагаевской волости Уфимского уезда» от 1894 г. Из содержания документа следует, что в 1894 г. крестьяне проходили по делу № 440 как заемщики ссуды № 563 в Уфимском отделении Крестьянского поземельного Банка. Известно, что крестьянам была выделена земельная норма – 35 дес. на двор и 10 дес. на душу (в документе, между прочим, отсутствуют сведения об утверждении купчей крепости). В списке товарищества числится 12 чел., но ни одного переселенца из Нового Двора Волковысского уезда в нем не значится! Напротив, в документе указаны фамилии, совершенно не знакомые для Нового Двора, но довольно распространенные за его пределами – а именно в Пружанском уезде, в таких поселениях, как Клетно и Мурава: Козорез, Кашута, Дронь, Лисицкий, Карунос, Литвинюк[10]. Следовательно, переселившиеся из Нового Двора белорусы, основав одноименный починок, фактически в нем не жили, а жили те, кто переселился из Пружанского уезда. На 1896 г. в Новодворском починке было 7 дворов и проживало 39 чел. (21 м. п. и 18 ж. п.)[11].

Несмотря на то, что началом переселения белорусов в Новопетровку можно считать 1901 г., до этого времени, на протяжении почти 9 лет, белорусские переселенцы

---

[1] Современная д. Малеевка Иглинского района.

[2] Современная д. Балажи Иглинского района.

[3] Чегодаев Е.А. Латыши Башкортостана: формирование и функционирование этнической группы (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2015. С. 4.

[4] Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии… С. 85.

[5] Исчез.

[6] Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии… С. 82.

[7] Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 48.

[8] Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии… С. 82.

[9] Там же.

[10] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1839.

[11] Полный список населенных мест Уфимской губернии. С. 48.

испытывали некоторые локальные перемещения из одного места в другой даже в пределах Нагаевской волости. С конца 1890-х гг. в починок Криница стали переселяться те жители Нового Двора, которые до этого момента проживали в Малеевском починке и колонии Балажи. Например, упомянутый выше Степан Степанович Косинский в МК Охл и МК Бер записан с разными местами проживания: в 1895 г. он приписан к колонии Балажи, в 1898 г. – к починку Криница, в 1899 г. – к Малеевскому починку, а с 1901 г. – снова к колонии Балажи.

Такие довольно частые перемещения объясняются тем, что земли не хватало, было много рядом располагавшихся хуторов и уже занятых под посев и выгон участков, что не давало возможности расширять хозяйство: «*Если сравнить <…> числа переселенцев, прибывающих в уезд и окончательно в нем устроившихся, то увидим, что некоторая часть из них не попадает прямо на места, а бродит в уезде, пока найдет возможность, более или менее, прочно устроиться*»[1].

Пожив какое-то время в Нагаевской волости, белорусские переселенцы в количестве 10 семей устремились в Дуван-Табынскую волость Стерлитамакского уезда. Выезжали неравномерно, т. е. в разные годы: об этом свидетельствуют упоминания этих семей в МК КИ, что дает нам возможность синхронно отследить переезд всех семей. Например, семья Григория Михайловича Лисовского оказалась в Новопетровке уже осенью 1901 г.: 24 ноября 1901 г. у него родилась дочь Варвара, которая была крещена в приходской церкви Курзюм-Ивановки[2]. Семья упомянутого выше Ивана Антоновича Филипповича, напротив, выехала в Новопетровку в начале 1905 г.: 24 февраля 1905 г. у него родился сын Василий, крещенный уже в Курзюм-Ивановке[3].

Из Нагаевской волости в Новопетровку переселился еще один домохозяин, который проживал недалеко от переселенцев из Нового Двора. Это Григорий Федорович Поколо, уроженец Гродненской губернии Пружанского уезда Сухопольской волости д. Клетно. Он и другие переселенцы из той же волости поселились на Почаевском хуторе Нагаевской волости. Впервые Григорий Поколо упоминается в МК Охл 1893 г. в связи со смертью двухлетней дочери Анны[4]. Вместе с некоторыми переселенцами из Пружанского уезда он вступил в Почаевское товарищество, о чем свидетельствует запись от 1896 г., сделанная в «Журналах Уфимского губернского присутствия»[5]. По каким-то причинам Григорий Поколо решился на переселение и оказался в Новопетровке. В Списке НПТ он значится под № 12.

Следует обратить также внимание на то, *как* в документах записывались новые фамилии белорусских переселенцев из Гродненской губернии. Отмечаются несколько случаев искажения фамилий, присущего в большей степени священнослужителям, записывавшим их на слух не всегда верно. Например, вместо фамилии *Ширинга* в МК по Охлебинино и Курзюм-Ивановке встречаем *Шарлыго*, *Шаринга*. Это же коснулось и фамилий Гончаревич (*Анчаревич*), Гаманович (*Аманович*), Грушевский (*Крушевский*), Поколо (*Покало*, жен. *Поколова*).

2. Другие переселенцы из Нагаевской волости. Последующий более детальный анализ МК Охл за 1890-е гг. показал, что в Нагаевской волости проживали еще некоторые семьи, которые впоследствии оказались в Новопетровке и вошли в одноименное товарищество крестьян в 1903 г. Этими семьями оказались следующие: № 22 Тарас Васильев Федосов, № 23 Максим Федотов Багаев, № 24 Николай Иванов Порываев,

[1] Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии… С. 12.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1203.

[3] Там же. Д. 1204.

[4] Там же. Оп. 3. Д. 395.

[5] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1950 а. Л. 458.

№ 31 Василий Иванов Порываев, № 48 Григорий Иванов Порываев. Все они проживали в разных населенных пунктах волости[1].

Николай, Василий и Григорий Порываевы – это три брата, которые жили в д. Бузянка[2]. Перед переселением в Новопетровку двое из них уже были обзаведены семьями: по данным МК Охл, Григорий Порываев женился 27 января 1895 г. на Прасковье Прокопьевне Безденежных[3], а Николай Порываев женился 03 февраля 1897 г. на Прасковье Ивановне Бриляковой[4]. О Василии Порываеве нам ничего неизвестно, кроме того, что он тоже вместе с братьями перебрался в Новопетровку.

Семья Максима Федотовича Багаева приехала в Новопетровку из д. Богармыш (в некоторых источниках – Багармыш)[5]. В МК Охл 1893 г. находим запись о рождении у него сына Ивана[6]. В МК Кам 1918 г. есть запись от 7 февраля о том, что сын Максима Багаева Леонтий женится на крестьянской девице д. Михайловки Натальи Степановне Антипиной. В поручителях помимо прочих указан родственник семье – Иван Федорович Багаев, проживающий в д. Багармыш[7].

Семья Тараса Васильевича Федосова до переселения в Новопетровку проживала в Малеевском починке. В МК Охл за 1900 г. сделана запись о рождении у Осипа Осиповича Гончаревича дочери Матроны. Восприемником среди прочих выступал Тарас Федосов[8]. До переселения в Новопетровке он женился на некой Феодосии Осиповне еще на прежней родине, которая упоминается в МК КИ, начиная с 1906 г.: 13 октября сделана запись о рождении у них сына Андрея[9]. Тарас Васильевич Федосов выбыл из Новопетровского товарищества в 1912 г., о чем свидетельствует постановление банка от 17 октября 1912 г. № 3740[10].

Порываевы, Багаевы и Федосовы покидали прежние места жительства примерно в одно время – в 1901–1902 гг., поскольку в этот период МК КИ отмечают их присутствие в Новопетровке в связи с рождением детей.

Кроме этих случаев перемещения крестьян группами из одного населенного пункта, было выявлено еще несколько подобных фактов.

3. Переселенцы-малороссы из Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда. Некоторое количество переселенцев в Новопетровку дала д. Березовка, точнее Березовка-Черневецкая[11]. Это поселение было основано малороссийскими переселенцами из разных мест Каменец-Подольской губернии Ямпольского уезда Черневецкой волости – одноименного с. Березовка, а также окрестных деревень Политонки и Лужок. К сожалению, о Березовке, так же, как и о Новопетровке, отсутствуют какие-либо сведения в источниках до начала 1900-х гг., поскольку деревня была основана около 1902 г. О том, что Березовка сформировалась из малороссийских переселенцев Каменец-Подольской губернии, нам поведали оставшиеся в небольшом количестве старожилы деревни[12]: в результате полевых работ были собраны записи напрямую от тех, чьи деды и прадеды ставили первые дома будущего поселения.

В МК Кам за разные годы (начиная с 1914 г.) содержатся отсылки к Березовке,

[1] Первый регион выхода Порываевых, Багаевых и Федосовых пока не установлен.
[2] Исчезла.
[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 440.
[4] Там же. Д. 491.
[5] Исчезла.
[6] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 395.
[7] Там же. Оп. 7. Д. 1189.
[8] Там же. Д. 554.
[9] Там же. Д. 1204.
[10] Там же. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454. Л. 2 об.
[11] Современная д. Березовка Кармаскалинского района.
[12] Почти всем им около 90 лет.

касающиеся бракосочетаний и рождений, что свидетельствует о сильных и тесных родственных связях между жителями Новопетровки и Березовки, о которых старожилы Березовки вспоминают по сей день. Кроме того, в процессе изучения МК по близлежащим с Березовкой селам, куда могли ходить переселенцы, было установлено, что жители украинской деревни относились к приходу с. Сергеевка-Никольское: МК по этому селу (далее – МК СН) регистрируют новых поселенцев с 1906 г.[1]

Приехавшие из Каменец-Подольской губернии крестьяне организовали Березовско-Черневецкое товарищество; купчая крепость о покупке земли была утверждена 28 февраля 1902 г. В «Списке Березовско-Черневецкого товарищества Стерлитамакского уезда Дуван-Табынской волости» указаны некоторые из домохозяев, которые впоследствии переселились в Новопетровку и купили в ней земельные угодья. Вот имена переселившихся крестьян из Березовки с порядковыми номерами, указанными в Списке НПТ: № 64 Николай Корнилиев Оленин, № 67 Алексей Федоров Мосталюк и № 68 Моисей Васильев Синьчук. Они переселились в Новопетровку после 1911 г.[2]

Других переселенцев из Березовки в Новопетровку мы установили благодаря прочтению МК СН. Они не вступали в Березовско-Черневецкое товарищество, так как их имен в списке нет, следовательно, не покупали там землю. Примерно после 1910 г. нижеследующие крестьяне начинают переселяться в Новопетровку и вступать в Новопетровское товарищество: № 51 Данила Ронович Гуйлин, № 60 Николай Владимиров Романчишин, № 65 Лука Станиславов Студинский, № 66 Евсей Антонов Кобзарь. Имена некоторых из них подверглись определенным графическим видоизменениям (как и в случае вышеупомянутых белорусских переселенцев из Гродненской губернии). Например, Николай Корнилиев Оленин в «Списке Березовско-Черневецкого товарищества» записан как *Николай Корниев Олейник*. Фамилия *Мосталюк* в Списке НПТ тоже подверглась изменениям: отец Алексея в «Списке Березовско-Черневецкого товарищества» записан как *Федор Дмитриев Мостовлюк* /*Сурман*/. Последнее (*Сурман*) является прозвищем, которое было частым явлением среди малороссов и некоторых белорусов. Подобная вариативность малороссийских фамилий наблюдается и в следующих случаях: *Гуйлин – Гуйван – Гуйман*; *Кобзарь – Козяр – Козарь*.

Помимо переселений группами, в Новопетровку прибыло некоторое количество крестьян-одиночек из Дуван-Табынской, Бишкаиновской, Ишпарсовской, Кси-Табынской, Иглинской волостей. Все они, безусловно, вступали в товарищество уже будучи женатыми/семейными. Как правило, женились у себя на прежней родине. На сегодняшний день не до конца установлено, являлись ли эти переселенцы членами сельских обществ или товариществ до вступления в Новопетровское товарищество. Это может составить предмет отдельного научного поиска.

4. Два переселенца-одиночки из Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда. В «Журналах Уфимского губернского присутствия» были найдены сведения, датируемые 26 апреля 1896 г. Они касаются образования из жителей п. Алексеевка[3] Дуван-Табынской волости самостоятельного сельского общества Алексеевское. Все крестьяне, подавшие прошение, как указано в тексте, были переселенцами из Смоленской губернии Юхновского уезда Бабыновской волости д. Журовки. Далее дается таблица с 12-ю переселенцами, которые в разное время переехали из Смоленской губернии. Среди них упоминается Григорий Федотов, который был причислен к Дуван-Табынской волости 19 мая 1890 г. и владел землей на основании купчей крепости. При Григории Федотове указаны 2 души м. п.[4] Когда домохозяин прибыл в Новопетровку, то в товарищество

[1] Более ранние сведения о том, в какой приход могли ходить жители Березовки, пока не выявлены.
[2] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454.
[3] Современная д. Алексеевка Кармаскалинского района (на северо-востоке от п. Кармаскалы).
[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1950 а. Л. 193 об.

вступать не стал (возможно, потому, что находился к этому времени уже в престарелом возрасте – ему было за 70 лет[1]). В товарищество, напротив, вступили двое его сыновей: № 18 Василий Григорьев Федотов и № 71 Петр Григорьев Федотов. Согласно МК КИ, семья Григория Федотова оказалась в Новопетровке после 1907 г. И Василий, и Петр приехали на новое место жительство уже будучи женатыми. Кроме того, в МК встречается некоторое количество отсылок к д. Алексеевка в связи с бракосочетанием и венчанием Федотовых.

Вторым переселенцем-одиночкой из Дуван-Табынской волости, был, как мы полагаем, Петр Иванович Шалаев. В МК КИ за 1906 г. от 29 января зафиксирована запись о бракосочетании Василия Григорьевича Конышева, приписанного к Новопетровке, и девицы д. Васильевка (Дуван-Табынской волости) Веры Петровны Шалаевой. Другое событие, которое было выявлено в МК КИ за этот год, касается рождения сына Александра 23 ноября 1906 г. у Василия Григорьевича и Веры Петровны Конышевых. В восприемниках указан житель д. Васильевка Степан Иванович Шалаев. Этих фактов вполне достаточно, чтобы говорить о том, что Степан Иванович Шалаев приходится родным братом Петру Ивановичу Шалаеву, а Вера Петровна – непосредственно его дочерью[2]. По всей видимости, Петр Иванович Шалаев, покинув д. Васильевку, переехал в Новопетровку вместе со своей дочерью Верой и вступил в Новопетровское товарищество. Переезд состоялся предположительно в конце 1906 г. В Списке НПТ Петр Шалаев значится под № 50. Следует отметить, что д. Васильевка (второе название – Шалаевка) так же, как и упомянутые прежде поселения, принадлежит к переселенческим поселкам. Сведения о ней есть в источниках середины 1890-х гг. В одном из них говорится, что селение возникло из переселенцев-собственников, которые выселились из Симбирской губернии и поселились на купленной земле. Из 9 домохозяев – 8 мордвинов и 1 великоросс[3].

5. Переселенец-одиночка из Бишкаиновской волости Стерлитамакского уезда. Этот домохозяин был выявлен в результате прочтения МК СН за 1900-е гг. (когда мы устанавливали переселенцев из Березовки), поэтому на него мы вышли совершенно случайно. Ефим Тимофеевич Сорокин прибыл в Новопетровку около 1912 г. из д. Поляновка (Поляновское)[4] Бишкаиновской волости Стерлитамакского уезда. В Списке НПТ он указан под № 69. Он приехал с двумя сыновьями Иваном и Прохором, дочерью Агнией, а также со старшим сыном Александром, который, как и отец, вступил в Новопетровское товарищество, поскольку к моменту переселения был уже женат. В Списке НПТ Александр Ефимович Сорокин числится под № 47. Сложность исследования истории переселенца Ефима Сорокина заключается в том, что, во-первых, до начала 1890-х гг. он записан в МК без фамилии; во-вторых, он принадлежал к стерлитамакским мещанам, поэтому в силу рода своей деятельности не был закреплен за одним местом жительства. При рождении детей Агнии (9 ноября 1894 г.), Прохора (6 февраля 1895 г.) и Ивана (28 марта 1898 г.) Ефим Сорокин записан как «*проживающий в д. Михайловке*[5] *Стерлитамакский мещанин*»[6]. Поскольку церковь в с. Сергеевка-Никольское построили около 1889 г., то до нее ходили в ближайший приход с. Андреевка. В МК по с. Андреевка (далее – МК Анд) за 1880-е гг. находим Ефима Сорокина в числе

[1] Приблизительный возраст домохозяина был установлен на основе МК КИ за 1914 г., где сказано, что Григорий Федотов умер в возрасте 85 лет (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1188).

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1204.

[3] Там же. И-132. Оп. 1. Д. 826. Л. 33.

[4] Современная д. Поляновка Кармаскалинского района.

[5] Так и не удалось установить, какая именно это была Михайловка (деревень с названием *Михайловка* очень много в Стерлитамакском уезде).

[6] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 409, 432, 507, 1454.

прихожан: при рождении дочери Елизаветы в 1880 г. он записан как «*д. Ивановки Стерлитамакский мещанин*»[1]; при рождении дочери Пелагеи в 1883 г. Ефим Сорокин указан как «*д. Шевяковой Стерлитамакский мещанин*»[2], при этом в 1884 г. в связи со смертью дочери Пелагеи Ефим Сорокин приписан уже к д. *Князевой*[3]. В Михайловке семья Ефима Сорокина стала проживать примерно с 1892 г. Однако в МК СН за 1904 г. находим домохозяина причисленным уже к д. *Поляновка* (запись о рождении сына Никиты)[4]. Немаловажным является и то, что стерлитамакским мещанином Ефим Сорокин перестал быть с конца 1890-х гг.: с этого времени МК записывали его уже как крестьянина.

6. Переселенец-одиночка из Ишпарсовской волости Стерлитамакского уезда. Выше мы приводили сведения о бракосочетании Василия Григорьевича Конышева и Веры Петровны Шалаевой от 29 января 1906 г. Не только по невесте, как оказалось, можно было произвести поиск домохозяина: со стороны жениха поручителем выступил его родной брат Емельян Григорьевич Конышев, приписанный к д. Сахановке Ишпарсовской волости. Сравнивая данные, полученные из МК, со Списком НПТ, мы пришли к выводу, что Василий Конышев прибыл в Новопетровку со своим отцом Григорием Яковлевичем, а также с братом Дмитрием, который, однако, сразу же выбыл из товарищества после составлении Списка. Василий Конышев не указан среди покупателей земельных участков, так как к моменту составления Списка НПТ он был еще не женат. Поэтому землепользователем записан его отец Григорий вместе со старшим сыном Дмитрием: № 2 Григорий Яковлев Конышев, № 41 Дмитрий Григорьев Конышев. Однако обращает на себя внимание то, что после женитьбы Василий Конышев так и не вступил в Новопетровское товарищество, хотя он постоянно проживал в Новопетровке и достаточно часто упоминается в МК КИ и МК Кам. По всей видимости, семья Конышевых выселилась из Сахановки в начале 1900-х гг.

7. Переселенец-одиночка из Кси-Табынской волости Стерлитамакского уезда. Из этой пограничной с Дуван-Табынской волости вышел переселенец Тимофей Яковлевич Огреб, о прежнем месте жительства которого в МК КИ за 1902 г. имеются точные сведения. Этот домохозяин прибыл в Новопетровку из поселения Красный Яр Архангельской волости Стерлитамакского уезда. Об этом свидетельствует запись от 3 июля 1902 г. о бракосочетании Тимофея Огреба и девицы Агафьи Михайловны Ботвич, приписанной к Новопетровке[5]. Красный Яр – это селение, которое входило в приход с. Зилим. Привлекая данные МК по этому селу, мы установили первый регион выхода переселенца. В записи от 15 октября 1900 г. о бракосочетании Тимофея Яковлевича и его первой жены сказано, что жених происходит из Харьковской губернии Ахтырского уезд Ахтырской волости хутора Мошенки. Невестой Тимофея Огреба была девица Христиния Ивановна Лепенко, проживавшая в д. Березовка[6] Кси-Табынской волости[7]. Тимофей Яковлевич Огреб выбыл из Новопетровского товарищества в 1912 г., о чем свидетельствует постановление банка от 7 декабря 1912 г. № 4 303[8].

8. Переселенец-одиночка из Иглинской волости Уфимского уезда. Единственный переселенец в Списке НПТ, который указан со старым местом проживания, это Александр Петрович Чаркин, прибывший в Новопетровку из Уфимского уезда Иглинской волости хутора Зубовка (в Списке НПТ указано не совсем точное название

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 188.
[2] Там же. Д. 230.
[3] Там же. Д. 248.
[4] Там же. Оп. 7. Д. 1435.
[5] Там же. Д. 1203.
[6] Это другая д. Березовка, которая сегодня относится к Архангельскому району.
[7] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1144.
[8] Там же. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454. Л. 2 об.

населенного пункта – *д. Зубовой*). Об этом свидетельствует постановление банка от 28 января 1917 г. № 7, согласно которому переселенец вступил в товарищество с женой, не имея еще детей, и купил 4 дес.[1] Как показали дальнейшие исследования, Александр Петрович прибыл в Новопетровку гораздо раньше 1914 г. Около 1903 г. из Зубовки в Новопетровку переселилась семья Петра Алексеевича Чаркина с женой Анной Георгиевной, двумя сыновьям Александром и Семеном, а также двумя дочерьми Марией и Татьяной. Однако вместо отца как домохозяина в Списке НПТ указана его жена Анна Георгиевна Чаркина (под № 37), при которой числится 2 души м. п. Известно также, что она купила 24 дес.[2] Мы предполагаем, что 2 души м. п. при Анне Георгиевне – это ее сыновья, Александр и Семен. На тот момент они оба были еще холостыми, поэтому землю купить не могли. Согласно МК КИ за 1908 г., Семен Петрович Чаркин женился 15 февраля на Степаниде Ивановне Малашенко, приписанной к Новопетровке. 10 января 1909 г. у них родился первенец Алексей[3]. В товарищество Семена Петровича включили только в 1912 г., о чем свидетельствует постановление банка от 31 октября 1912 г. № 3 902. Домохозяин купил 4 дес.; при нем указано 2 души м. п.[4] Что касается Александра Петровича Чаркина, то в МК КИ и МК Кам за период с 1903 по 1914 гг. он упоминается всего один раз: как восприемник у своего племянника Григория, рожденного 1 марта 1914 г.[5] Когда и где Александр Петрович женился – нам неизвестно.

Таким образом, нам удалось выявить большую часть переселенцев в Новопетровку из внутренних регионов Уфимской губернии. Оставшиеся крестьяне, упоминаемые в Списке НПТ, будут еще исследованы отдельно и более предметно. В силу отсутствия необходимой информации о них, а также ограниченного объема настоящей статьи, невозможно изложить историю заселения Новопетровки полно, последовательно и по каждой конкретной семье. Все же проделанная работа на примере Новопетровки позволяет раскрыть некоторые механизмы, лежавшие в основе внутреннего переселения крестьян Уфимской губернии, а также более тщательно исследовать вопросы, связанные с формированием не только нового населенного пункта, но и новой социальной и культурной идентичности. Как показали выявленные данные, далеко не во всех случаях можно установить первый регион выхода переселенцев, однако именно МК оказываются чрезвычайно важным и ключевым источником для прояснения этих вопросов. Проведенное исследование открывает также перспективы изучения причин, по которым происходило внутреннее перемещение крестьян, и может также служить началом научно-исследовательского анализа миграционных процессов в среде белорусского населения в Башкортостан, что представляет своеобразную лакуну в современной этнической истории Башкортостана и в целом переселенческом движении на Южном Урале.

Источники и литература

1. Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898. 112 с.

2. Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898. 210 с.

3. Астафьев Д.А. Ревизские сказки и метрические книги как источник по переселению крестьян в XIX в. (на примере деревни Адонецкой Оренбургского уезда Оренбургской губернии) // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 46–60.

[1] НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454. Л. 7 об.
[2] Там же. Л. 4.
[3] Там же. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1187.
[4] Там же. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454. Л. 6.
[5] Там же. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1188.

4. Галиева Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана / Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. 140 с.

5. Дмитриев А.В. Некоторые факты из истории переселения белорусских крестьян Гродненской губернии в Уфимскую губернию в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Башкирского ун-та. 2020. Т. 25. № 1. С. 170–178.

6. Зобов Ю.С. Политика правительства по регулированию крестьянского переселенческого движения в первой половине XIX в. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1993. С. 22–28.

7. Иванова О.Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян российской империи в конце XIX – начале XX вв. На примере Уфимской губернии // Сервис plus. 2009. № 1. С. 79–85.

8. Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб., 1904. Ч. 3. 281 с.

9. Красильников М.П. Хутора Уфимской губернии. Уфа, 1914. 120 с.

10. Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии: Отчет по командировке (2-я половина) непременного члена Губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898. 186 с.

11. Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Златоустовском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898. 138 с.

12. Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа, 1898. 282 с.

13. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1950 а, 1951; Ф. И-132. Оп. 1. Д. 826; Ф. И-294. Оп. 7. Д. 1187, 1188; Ф. И-336. Оп. 1. Д. 1454, 1839.

14. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73–85.

15. Полный список населенных мест Уфимской губернии / Издание Уфимского Губернского Статистического Комитета. Уфа, 1896. 534 с.

16. Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889. 260 с.

17. Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М.: ИЭА РАН, 2009. 121 с.

18. Роднов М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2009. 132 с.

19. Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник / ИИЯЛУНЦ РАН. СПб.: Свое издательство, 2014. 144 с.

20. Роднов М.И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М.: ИЭА РАН, 2014. 178 с.

21. Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период, 60–90-е гг. XIX в. Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 1996. 261 с.

22. Свирелин М.В. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. // Древняя и Новая Россия. 1876. № 6. С. 178–186.

23. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М.: Наука, 1984. 175 с.

24. Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин: Изд-во Академии наук Эстонской ССР, 1959. С. 33–42.

25. Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 17–37.

26. Чегодаев Е.А. Латыши Башкортостана: формирование и функционирование этнической группы (конец XIX – начало XXI в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 27 с.

27. Шайхисламов Р.Б. Государственные крестьяне Южного Урала до отмены крепостного права. Уфа: РИЦ БАШГУ, 2013. 118 с.

28. Япаров Г.Х. Переселение народов и земельные отношения на территории Башкортостана: исторический, правовой и экономический экскурс / Г.Х. Япаров, А.Г. Уляева, Э.М. Юланова. Уфа: Башкирский гос. аграрный ун-т, 2016. 227 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-12

Т.В. Емельянова*

ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. Статья посвящена правительственной политике в сфере аграрного образования в России в начале XX в., а именно, деятельности Департамента земледелия (при Главном управлении землеустройства и земледелия), которому было поручено распространение аграрных знаний среди крестьянства, остро нуждавшегося в этом в условиях развернувшейся землеустроительной (столыпинской) реформы. Проблема усугублялась не только отсутствием элементарной правовой и земледельческой грамотности, но и дефицитом специалистов по агрономии, которые должны были помочь крестьянам освоиться в новых условиях. Выпускники средних специальных училищ и немногочисленных сельскохозяйственных вузов охотно шли в частные хозяйства, но не в земства, где остро ощущалась нехватка кадров, хотя именно на земства и была возложена задача организации агрономической помощи населению. Практика совместного обсуждения этих вопросов сложилась на агрономических съездах, где выступали представители ведомства, земств и академической среды. Специальные совещания при Департаменте земледелия неоднократно поднимали эти вопросы перед ведомством.

Ключевые слова: Главное управление землеустройства и земледелия, Департамент земледелия, аграрная реформа, аграрное образование, агрономические съезды.

Департамент земледелия – подразделение Главного управления землеустройства и земледелия, важнейшим направлением деятельности которого была сельскохозяйственная учебная деятельность. Ознакомление с документами Департамента и других подразделений ГУЗиЗ демонстрирует намерение контролировать эту сферу, а с какого-то момента и финансировать нововведения. Основные направления работы Департамента в этой сфере нашли отражение в отчетах ведомства (Ежегодниках по Департаменту земледелия и Лесному департаменту) и могут быть сформулированы следующим образом: распространение аграрных знаний и умений, соорганизация хозяев, увеличение поголовья сельскохозяйственных животных, расходы общего характера. Так, в 1908 г. 53,5% бюджета планировалось на распространение аграрных знаний, 29% – на распространение сельскохозяйственных умений в сфере растениеводства и животноводства. Однако на организацию выставок и съездов сельских хозяев планировалось всего 2,8% бюджета[1].

Система аграрного и ремесленного образования в России начала XX в. состояла из низших, практических и начальных сельскохозяйственных школ и училищ, а также средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений. Сельскохозяйственные дисциплины преподавались и в общеобразовательных начальных училищах. Для улучшения технической стороны кустарного производства учреждались учебно-показательные мастерские и школы, для которых готовились специальные инструкторы. Кроме специальных учебных заведений, распространению сельскохозяйственных знаний служили временные курсы, классы, чтения и беседы, организованные земствами, сельскохозяйственными обществами и частными лицами. Что касается высшего сельскохозяйственного образования, его можно было когда-то получить в Горыгорецком земледельческом институте, с которым связано начало карьеры знаменитого И.А. Стебута,

* ***ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Викторовна*** *— кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; кафедра управления социально-политическими процессами и истории; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; t_krasovska@mail.ru.*

[1] Ежегодник ГУЗиЗ по Департаменту земледелия и Лесному департаменту за 1908 г. СПб., 1909. С. 12.

но он закрылся в 1863 г. и был преобразован в Петербургский земледельческий (позднее Лесной). В Москве в 1894 г. появился Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ), реорганизованный из Петровской сельскохозяйственной академии. Перечень будет неполным, если мы не упомянем о Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (находился в Пулавах недалеко от Варшавы). По предложению В.В. Докучаева, которые был преподавателем и директором этого института, с 1892 г. он был приравнен к университетам России. Если ранее агрономическое образование можно было получить только в этих трех вузах, то с начала века кафедры, занимавшиеся подготовкой агрономов для земств, учреждаются при университетах.

Проблемы сельскохозяйственного образования в быстро меняющихся под влиянием реформы условиях делили между собой Министерство народного просвещения (которому, впрочем, было мало дела до того, что происходит в этой сфере), земства и Главное управление землеустройства и земледелия (с 1904 г.). Между тем положение дел в области аграрного образования в начале деятельности ведомства было очень сложным, что отразил в своих воспоминаниях первый директор Департамента земледелия С.И. Шидловский. «Везде, – писал он, – начиная с Петровской академии и кончая какой-нибудь школой садовых рабочих в Симферополе, подавались учениками петиции однообразного трафаретного содержания...». Общим мотивом было «уничтожение специального сельскохозяйственного характера всех школ и придание им свойств общеобразовательного коридора, по которому можно было бы без труда и знаний пройти путь от начальной школы до высшей включительно»[1]. Сам же С.И. Шидловский, всячески ратуя за среднее и высшее сельскохозяйственное образование, выступал против низшего. «Задаваться целью пропустить все крестьянское население через низшую школу сельскохозяйственного типа для того, чтобы поднять культуру, есть ничто иное как погоня за утопией. Надо научить читать и писать. Я не враг сельскохозяйственных знаний, но где их применять и как в тех условиях, что есть?» – писал директор Департамента[2]. Однако сменившие С.И. Шидловского новые руководители ведомства постарались «погнаться за утопией», надеясь охватить аграрным образованием чуть ли не все российское население.

Показательно, что в земствах тоже спорили о возможностях сельскохозяйственного образования для неграмотного крестьянства. В 1907 г. на съезде преподавателей Пермского земства было признано, что при настоящем культурном уровне и экономическом положении крестьянского населения улучшение хозяйства путем распространения сельскохозяйственных знаний через сельскохозяйственные отделения народных школ невозможно.

На агрономическом съезде 1911 г., где преобладали земские деятели, вопрос о реорганизации средних училищ однозначно решался в пользу превращения их в вузы с целью увеличения выпуска специалистов с высшим образованием, наиболее необходимых для земств в этот период[3]. Еще 26 мая 1904 г. было принято положение о сельскохозяйственном образовании, по которому особую роль приобретали внешкольные средства обучения, сельскохозяйственные чтения, музеи (особенно Императорский в Петербурге), учебно-практические и учебно-познавательные хозяйства, выставки, съезды и сельскохозяйственные общества.

В ноябре 1906 г. при Департаменте земледелия было образовано постоянное совещание из специалистов, наиболее компетентных в учебном процессе. Оно просуществовало вплоть до организации при Ученом комитете Учебного бюро и до

[1] Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 1. С. 81–85.

[2] Там же. С. 83–84.

[3] Ефременко А.В. Участие земств в подготовке специалистов сельского хозяйства // Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 179–180.

начала апреля 1907 г. провело 7 заседаний[1].

С 4 по 9 января 1907 г. под председательством директора Департамента земледелия проводилось совещание о реорганизации средних сельскохозяйственных училищ. В его работе участвовали 8 директоров, 2 преподавателя, 4 управляющих фермами, 3 управляющих низшими школами, а также некоторые члены Государственного совета, Совета главноуправляющего, Ученого комитета и несколько специалистов Департамента. В полемике, нашедшей отражение в документах совещания, прослеживается популярная в те годы идея о ликвидации средних училищ и преобразовании их в высшие учебные заведения[2].

В первой половине 1908 г. при Департаменте земледелия прошла серия совещаний руководителей учебных заведений, педагогов, земских агрономов и ведомственных чиновников, где говорилось о возможностях перехода к тому типу сельскохозяйственного образования, который позволил бы приблизить общественно-агрономическую деятельность к требованиям единоличных крестьянских хозяйств.

Январское совещание было посвящено нуждам среднего образования, и на нем остро стоял вопрос о подготовке учащихся не только к частной, но и к местной агрономической службе. В связи с этим предлагалось изменить сам характер преподавания в училищах и реоганизовать его в смысле расширения курса специальных предметов и уменьшения общеобразовательных. Совещание единодушно признало существовавший тип земледельческих училищ неспособным удовлетворять растущие потребности земств и сельскохозяйственных обществ в агрономах и инструкторах.

30 марта – 2 апреля 1908 г. состоялось совещание о низших сельскохозяйственных школах, где указывалось на необходимость увеличить их число в целях наибольшего охвата сельского населения, организации учебы с учетом прежде всего нужд мелкого индивидуального хозяйства конкретного района и, по возможности, без продолжительного отрыва учеников от дома, удешевление обучения. Наметив основные направления решения проблемы, совещание остановилось на тех категориях школ, которые не могли проявить себя в качестве учебных заведений «жизненного типа». Главным препятствием для низших сельскохозяйственных училищ с трехлетним курсом, двухгодичных сельскохозяйственных школ, низших сельскохозяйственных школ второго разряда, практических школ со сроком обучения до трех лет по-прежнему являлась высокая стоимость их содержания. 18–19 апреля прошло совещание о высших сельскохозяйственных учебных заведениях с участием профессоров Московского сельскохозяйственного института[3].

Интересна точка зрения на значение этих совещаний самих деятелей ГУЗиЗ. В «Ежегоднике ГУЗиЗ» говорится: «Резкая грань между периодами до 1905 г. и после этого времени, когда вопросы о способах поднятия благосостояния массы населения стали самыми очередными и жизненными, земледельческий промысел, как основа этого благосостояния, выдвинулся на передний план. Помимо того, за этот сравнительно короткий промежуток времени произошла такая стабилизация земельной собственности, а под действием некоторых законодательных актов настолько изменились условия для расцвета личной инициативы в деле улучшения сельского хозяйства, что вопросы о сельскохозяйственном развитии и образовании в массе земледельческого населения сделались вопросами дня»[4].

Таким образом, указанные основные причины выдвинули на первый план способы массового земледельческого образования, при котором население могло бы в сравнительно короткий промежуток времени и с небольшими затратами материальных

[1] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1905–1907 гг. С. 56.
[2] Ежегодник ГУЗиЗ по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. С. 21.
[3] Ефременко А.В. Участие земств… С. 175–178.
[4] Ежегодник ГУЗиЗ по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. С. 21.

средств достигнуть таких успехов, чтобы по возможности использовать их на местах.

Одной из основных проблем, обсуждавшихся на совещаниях, была проблема, связанная с тем, что молодые специалисты в области сельского хозяйства не доходят до мест, а разбредаются по частным хозяйствам, предпочитая работу там малооплачиваемой должности агронома земства. «Сельскохозяйственные школы общего типа, как приспособленные к условиям более или менее крупного сельскохозяйственного промысла, оказывались в значительной своей части обслуживающими частновладельческое хозяйство. Большинство питомцев этих школ считало для себя наиболее выгодным применять свои знания не в массе крестьянского населения, а на стороне. Что же касается высшего образования, то главное из учебных заведений подобного типа – Московский сельскохозяйственный институт, по мнению деятелей ГУЗиЗ, не удовлетворяет (при настоящей своей организации) требованиям времени и, главным образом, по общественной агрономии, так как он до сего момента представлял как бы привилегированное заведение почти исключительно для крупных землевладельцев[1].

Высказывания деятелей ГУЗиЗ на страницах Ежегодника свидетельствуют о том, что они рассматривали работу ведомства по развитию сельскохозяйственного образования как новый этап в подобного рода деятельности, вызванный к жизни новыми условиями. Такое понимание своих задач было, безусловно, верным, но, как всегда, столкновение с жизнью вносило свои коррективы

Это было только началом. Впоследствии совещания проводились постоянно. Одно из важнейших состоялось в марте 1913 г. под председательством помощника главноуправляющего графа П.Н. Игнатьева. В работе этого совещания участвовали члены Государственного совета, представители ГУЗиЗ, депутаты Государственной Думы, представители Министерства торговли и промышленности, земств и Святейшего Синода, а также специально приглашенные лица. Совещание было посвящено возможности использования начальной школы для распространения аграрных знаний в стране. К концу 1914 г. в России было уже 314 низших сельскохозяйственных учебных заведений (из них казенных – 79, субсидируемых – 222, без пособия – 13).

Очень показателен рост расходов на сельскохозяйственное образование из средств Департамента земледелия. В «Обзоре … » представлена некая таблица, иллюстрирующая эти расходы (табл. 1)[2].

Таблица 1

Рост расходов на аграрное образование из средств Департамента земледелия (1907–1914 гг.)

Год	Расходы на аграрное образование из средств Департамента земледелия, руб.
1907	29 482
1908	62 088
1909	98 905
1910	164 943
1911	675 688
1912	912 907
1913	986 519
1914	1 167 329

Составлена по: Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 91–93.

[1] Ежегодник ГУЗиЗ по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. С. 10, 11.
[2] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 91–93.

27 ноября 1913 г. был принят общий устав для низших сельскохозяйственных училищ. Он был разработан в специальном совещании сельскохозяйственных деятелей при Департаменте земледелия в 1912 г. В 1913 г. подобные совещания были проведены и по вопросу об организации садовых учебных заведений[1]. К концу изучаемого периода в стране было 18 средних учебных сельскохозяйственных учреждений (казенных – 14, частных – 4) и 9 высших. В январе 1913 г. состоялось особое совещание для выяснения выбора населенного пункта для учреждения в Сибири высшего сельскохозяйственного учебного заведения. Таким местом был выбран Омск. Принятый обширный план создания новых аграрных учебных заведений предусматривал открытие сельскохозяйственных институтов в Бессарабии, Северо-Западном крае, Екатеринославской и Пермской губерниях. Уже в том же 1913 г. были открыты сельскохозяйственные курсы в Саратове и гидротехническое отделение при Воронежском сельскохозяйственном институте им. Петра I[2].

В 1914 г. был внесен законопроект об изменении положения и установления нового штата Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии. Этот институт еще в 1912 г. был передан из Министерства народного просвещение в ведение ГУЗиЗ[3].

Совершенствовалась работа сельскохозяйственных курсов для учителей, которая также представлена в «Обзоре… » в виде таблицы (табл. 2)[4].

Таблица 2

Деятельность сельскохозяйственных курсов для учителей (1910–1912 гг.)

Год	Объем часов	Число лекторов	Число учащихся
1910	187	3	31
1911	184	5	43
1912	164	6	47

Составлена по: Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 88–89.

В данный период была весьма активной работа по распространению аграрных знаний «в массы». Сельскохозяйственные чтения проводились повсеместно. В обзоре деятельности ГУЗиЗ отмечается, что только Карская и Сахалинская области составляли в этом отношении исключение. Количество пунктов, на которых велись чтения, возросло с 11 762 по 43 763[5].

Не удовлетворяясь существующими формами распространения знаний, ГУЗиЗ искало новые пути. В 1913 г. появилось одно из новшеств – агрономические поезда. На средства Департамента были оборудованы два вагона-аудитории на Сибирской железной дороге. Такой вагон вскоре появился и на Владикавказской железной дороге.

Сельскохозяйственные курсы были организованы в 79 губерниях, исключая 14 областей Кавказа, Сибири и Туркестана, где в тот момент пока проводились лишь чтения. Устроителем большинства курсов были земства, которым ГУЗиЗ оказывал существенную помощь. Это была та сфера деятельности, где ГУЗиЗ и земства активно сотрудничали.

В 1913 г. курсы для народных учителей (общая численность курсов – 43) были организованы в 31 губернии. Тогда же было проведено 150 экскурсий двух видов – для

[1] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. С. 57– 58.
[2] Там же. С. 54–55; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 88–89.
[3] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 197. Ст. 2016.
[4] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 88–89.
[5] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. С. 58.

слушателей разного рода курсов и самостоятельные[1].

Действенной формой распространения аграрных знаний было участие Департамента земледелия в организации выставок. Однако в 1914 г. из запланированных четырнадцати состоялось только три. С точки зрения деятелей ГУЗиЗ наиболее значимой была международная выставка садоводства с отделом шелководства, в подготовке и работе которой Департамент принял активное участие[2].

Большой интерес представляет разгоревшаяся в эти годы дискуссия о высшем селькохозяйственном образовании (нашла отражение в разделе коллективной монографии о земском самоуправлении в России)[3], которая вовлекла в свою орбиту не только правительственную среду, но и представителей академических кругов и земской общественности. Дебаты шли по нескольким направлениям:

– поступило предложение о реорганизации средних училищ в сельскохозяйственные вузы с целью увеличения числа высших учебных заведений, занимающихся профильной подготовкой специалистов для сельского хозяйства. Это предложение сразу же встретило сопротивление ведомства.

– оживленная полемика возникла по поводу целесообразности преподавания агрономии в университетах, одним из участников которой стал известный ученый Д.Н. Прянишников, считавший, что «агрономия как самостоятельный предмет со своими способами и методами обучения и познания имеет право быть дисциплиной университетской». В то же время, он и сам вынужден был отметить при сопоставлении работы МСХИ и Московского университета, что будучи не в состоянии выпускать высокообразованных агрономов (преподавание агрономии осуществлялось на единственной кафедре в качестве естественнонаучной дисциплины по уставу 1884 г.), университет в лучшем случае подменял их узкими специалистами по агрохимии, почвоведению, растениеводству. Одной из причин этого являлось слабое финансирование университетского образования (один университетский студент обходился казне всего в *171 руб.* в год, а МСХИ – в *388 руб.*). Кроме того, один МСХИ выпускал в год чуть меньше специалистов (*82*), чем все шесть университетов (*126*)[4].

А между тем число должностей в правительственной и земской агрономической службах и обществах сельского хозяйства с 1909 г. уже достигало 2 442, многие из которых оставались вакантными. В результате неправильной постановки дела университеты не только не оправдывали себя как центры подготовки агрономических кадров, но и сами испытывали недостаток людей для подготовки их к работе на кафедрах, а выпускники университетов часто должны были доучиваться в институтах. Подлинная научная деятельность была сосредоточена в сельскохозяйственных институтах, которые в то же время были лишены возможности присваивать ученые степени магистров и докторов наук! Этот порочный круг было предложено прервать следующим образом (с предложением выступил Д.Н. Прянишников и др.) – *с одной стороны, увеличить число высших агрономических школ при университетах, – с другой стороны, увеличить число самостоятельных институтов с предоставлением им права присвоения ученых степеней своим выпускникам.*

Предложение было поддержано большинством ученых и специалистов на всех проходивших общественных съездах и ведомственных совещаниях, причем большинство все же высказалось за широкое университетское образование для будущих агрономов. А.В. Ефременко отмечает, что «из авторитетных научных деятелей того времени лишь академик А.С. Фаминцын высказывался против перенесения задач высшего

[1] Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. С. 95, 97–102.
[2] Там же. С. 105–107.
[3] Ефременко А.В. Участие земств… С. 185–191.
[4] Там же. С. 187–189.

агрономического образования в университеты, и профессор А.А. Кауфман выступал за предпочтительное развитие специальных сельскохозяйственных вузов»[1]. Этот же исследователь замечает, что «Департамент земледелия вначале весьма положительно оценил предложения идти к решению проблемы сразу в обоих направлениях», но потом все-таки непременным условием реформирования университетских кафедр поставил наличие у них необходимого научного и учебного оборудования, вплоть до опытных полей и показательных скотных дворов. В результате в ведомстве верх взяла точка зрения о предпочтении самостоятельных учебных заведений с соответствующей материально-производственной базой[2]. Она нашла отражение в докладе, сделанном на ведомственном сельскохозяйственном совете в конце 1910 г., где «большинство присутствующих выступили … за устройство отдельных вузов в наиболее развитых сельскохозяйственных районах…», таких как Воронеж, Самара, Саратов, Екатеринбург, Одесса и одобрили намерение организовать сельскохозяйственные отделения в Казанском университете и Томском технологическом институте[3].

Трудно не согласиться с автором по поводу того, что споры в связи с тем, где строить сельскохозяйственный вуз – в Воронеже или в Саратове, трудности в подборе преподавательских кадров для провинции, медленное прохождение соответствующих проектов через законодательные учреждения, неодобрительное отношение губернской администрации, не желавшей лишнего беспокойства на свою голову – это все же не самые главные препятствия в задержке строительства высших учебных заведений. Нам кажется, что замечание о нехватке средств, «которые обходили стороной Главное землеустроительное управление, но зато обильным дождем омывали военное ведомство»[4] является довольно верным, и именно поэтому к 1914 г. удалось построить только два сельскохозяйственных института – Воронежский имени Петра I и незапланированный Вологодский молочно-хозяйственный. Хотя смета по ведомству за 1907–1914 гг. (см. выше) показывает значительный рост расходов на аграрное образование, но этих денег на строительство новых вузов было явно недостаточно.

Ситуацию на 1915 г. с сельскохозяйственными учебными заведениями, подведомственными ГУЗиЗ, иллюстрирует размещенный ниже перечень.

Учебные заведения, подведомственные ГУЗиЗ (на 1915 г.):

Высшие учебные заведения:

– Императорский Лесной институт,

– Московский сельскохозяйственный институт,

– Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии,

– Воронежский сельскохозяйственный институт императора Петра I,

– Вологодский молочнохозяйственный институт.

Средние сельскохозяйственные учебные заведения:

– Горецкое среднее сельскохозяйственное училище,

– Горецкое землемерно – агрономическое училище,

– Казанское среднее сельскохозяйственное училище,

– Ковенское среднее сельскохозяйственное училище,

– Омское среднее сельскохозяйственное училище,

– Харьковское среднее сельскохозяйственное училище,

– Отделение для приготовления овцеводов-бонитеров при Харьковском земельном училище,

– Мариинское среднее сельскохозяйственное училище,

[1] Ефременко А.В. Участие земств… С. 190.

[2] Там же. С. 191.

[3] Там же. С. 192.

[4] Там же. С. 193.

– Уменское среднее сельскохозяйственное училище,
– Белорозицкое среднее сельскохозяйственное училище,
– Алексеевское среднее сельскохозяйственное училище,
– Тамбовское среднее сельскохозяйственное училище,
– Петроградские сельскохозяйственные курсы[1],
– Псковское среднее сельскохозяйственное училище,
– Донское среднее сельскохозяйственное училище,
– Верхнеднепровское среднее сельскохозяйственное училище,
– Бессарабское среднее сельскохозяйственное училище,
– Императорский Никитский сад и Никитское училище садоводства и виноделия,
– Эйгенфельское среднее сельскохозяйственное училище.

Низшие сельскохозяйственные учебные заведения:

– Пензенское училище садоводства,
– Верненское училище садоводства,
– Варваринское училище плодоводства, виноградарства и виноделия 1-го разряда,
– Агсеневское низшее сельскохозяйственное училище,
– Беседское низшее сельскохозяйственное училище,
– Быстроцовское низшее сельскохозяйственное училище,
– Александровско-Нартасское низшее сельскохозяйственное училище,
– Бузулукское низшее сельскохозяйственное училище,
– Вольское низшее сельскохозяйственное училище,
– Воронецкое низшее сельскохозяйственное училище,
– Воронец-Плещеевское низшее сельскохозяйственное училище,
– Глазовское низшее сельскохозяйственное училище,
– Григорьевское низшее сельскохозяйственное училище,
– Гриноуцкое низшее сельскохозяйственное училище,
– Златопольское низшее сельскохозяйственное училище,
– Ирбитское низшее сельскохозяйственное училище,
– Иркутское низшее сельскохозяйственное училище,
– Кокорозенское низшее сельскохозяйственное училище,
– Конь-Колодезское низшее сельскохозяйственное училище,
– Кресностокское низшее сельскохозяйственное училище,
– Лубенское низшее сельскохозяйственное училище,
– Лужесненское низшее сельскохозяйственное училище,
– Майновское низшее сельскохозяйственное училище,
– Мариино-Горское низшее сельскохозяйственное училище,
– Мензелинское низшее сельскохозяйственное училище,
– Нечаевское низшее сельскохозяйственное училище,
– Одесское низшее сельскохозяйственное училище,
– Обиточенское низшее сельскохозяйственное училище,
– Орловское училище садоводства,
– Оханское низшее сельскохозяйственное училище,
– Полтавское училище садоводства,
– Пуркарское низшее сельскохозяйственное училище,
– Петроградское низшее сельскохозяйственное училище,
– Самаркандское училище садоводов, виноградарей и виноделия 1-го разряда,

[1] Петроградские сельскохозяйственные курсы учреждены в 1906 г. группой агрономов и общественных деятелей как среднее учебное заведение. Целью их создания являлось распространение знаний по сельскому хозяйству и отдельным его отраслям. Находились в ведомстве ГУЗиЗ, с 1915 г. – Министерства земледелия.

– Смолянское низшее сельскохозяйственное училище,
– Уральское низшее сельскохозяйственное училище,
– Успенское низшее сельскохозяйственное училище,
– Фрейзенбергское низшее сельскохозяйственное училище,
– Черкасское низшее сельскохозяйственное училище,
– Ольгинско-Скиржинское низшее сельскохозяйственное училище,
– Гнезинское низшее сельскохозяйственное училище,
– Золотоношское низшее сельскохозяйственное училище,
– Ивановское низшее сельскохозяйственное училище,
– Кучеровское культурно-техническое училище,
– Ледуховское низшее сельскохозяйственное училище,
– Линковатовское низшее сельскохозяйственное училище,
– Минское культурно-техническое училище,
– Прасковейское низшее сельскохозяйственное училище,
– Сумское низшее сельскохозяйственное училище,
– Шникуловское низшее сельскохозяйственное училище.

Низшие сельскохозяйственные школы:

– Андромерская низшая школа скотоводства 2-го разряда (Лужский уезд)[1],
– Белокриницкая,
– Квинская (Александринская) школа молочного хозяйства,
– Терецкое сельскохозяйственно-ремесленное училище.

Подведомственные Департаменту земледелия частные училища:

– Херсонское среднее сельскохозяйственное училище,
– Земледельческая школа Московского общества сельского хозяйства,
– Альт-Сатенская земледельческая школа.

Низшие лесные школы:

– Аргунская,
– Биклянская,
– Боготольская,
– Боровская,
– Варшавская,
– Велико-Анадольская,
– Вельская[2].

Источники и литература

1. Ежегодник Департамента земледелия. 1908–1913 гг.: В 7 т. СПб.– Пг., 1908–1914.
2. Ежегодник Лесного департамента. 1908–1913 гг.: В 13 т. СПб.– Пг., 1908–1915.
3. Емельянова Т.В. К истории Главного управления землеустройства и земледелия. Очерки деятельности русской правительственной бюрократии в начале XX в. СПб.: СПбГАУ, 2020. 159 с.

[1] Андромерская низшая школа скотоводства 2-го разряда открыта в 1890 г. под названием «Андромерская низшая школа скотоводства, сыроварения и маслоделия 2-го разряда». Принадлежала владельцу имения «Андромер», шталмейстеру Императорского двора А.В. Пантелееву. Целью ее создания являлось обучение молодых людей маслоделию, сыроварению и уходу за скотом. Находилась в ведомстве Министерства государственных имуществ; с 1894 г. – Министерства земледелия и государственных имуществ; с 1905 г. – Главного управления землеустройства и земледелия; с 1915 г. – Министерства земледелия. Постоянное наблюдение за Школой возлагалось на Управляющего земледелия и государственных имуществ С.-Петербургской (Петроградской) и Псковской губерний. В 1914 г. Школа была преобразована в «Андромерскую низшую школу скотоводства 2-го разряда». Передана в ведение Народного комиссариата просвещения на основании декрета СНК от 5 июня.

[2] Емельянова Т.В. К истории Главного управления землеустройства и земледелия. Очерки деятельности русской правительственной бюрократии вначале XX в. СПб., 2020. С. 144–146.

4. Ефременко А.В. Участие земств в подготовке специалистов сельского хозяйства // Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. / [отв. ред. Н.Г. Королева]; Ин-т Рос. истории РАН. М.: Наука, 2005. Кн. 2.
5. Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия: В 7 т. 1907–1914 гг. СПб.–Пг., 1909–1915.
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1905. Отдел I. Первое полугодие. СПб., 1905.
7. Шидловский С.И. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1923.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-13

Р.Н. Зинуров*

НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В БАШКИРСКОМ КРАЕ В 1735–1740 гг. – ВОССТАНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Аннотация. Автором предпринята попытка рассмотреть восстание 1735–1740 гг. не как следствие нарушения условий жалованных грамот царской властью, а как закономерный результат неравенства сторон при получении башкирскими вождями жалованных грамот. Обращено внимание на отсутствие ответственности сторон в условиях грамот. Критически рассматривается тезис о добровольности поездки башкирских племен в Казань. Движение 1735–1740 гг. автор рассматривает как национально-освободительную войну. Пришлым населением вотчины башкир воспринимались как препятствие к свободному землепользованию, что делало их естественными союзниками властей. Сделан вывод о том, что причиной войны являлись не межэтнические, а социально-экономические причины.

Ключевые слова: Московское царство, добровольно, ясак, жалованная грамота, причины восстаний, вотчины, «верные башкиры».

Несправедливость противной стороны
навлекает справедливую войну
Епископ Аврелий Августин[1]

В историографии башкирских восстаний, это выступление башкир, как правило, именуется восстанием. При этом авторы, как правило, особо не ставили вопрос – почему восстание, а не национально-освободительная война? Еще в 1930-е гг. А.П. Чулошниковым была высказана позиция о завоевании Башкирии Московским государством. «Фактическое освоение Московским государством значительной части Башкирии происходило вовсе не в результате добровольного подчинения башкир русской власти, а в итоге завоевания и длительной борьбы»[2]. Данная позиция, противоречащая советским идеологическим штампам, была забыта. Позднее на этот вопрос обратила внимание Н.Ф. Демидова. «Восстание 1730 г., – считала она, – являлось по сути дела, одним общим восстанием, проходившим ряд этапов...»[3]. Академик Р.Г. Кузеев в одной из работ отмечал, что «восстание 1735–1740 гг. было народным движением, в нем были сильны мотивы освободительной войны»[4]. Но далее он свою мысль не развил. Аналогичного мнения был Д.Ж. Валеев, считавший, что «во время событий 1735–1740 гг. все выступление можно рассматривать как единое событие, как национально-освободительную войну башкирского народа»[5]. Однако тезис им также не был обоснован. Американский исследователь истории башкирских восстаний А.С. Доннелли еще в 1968 г. движению 1735–1740 гг. дал однозначную оценку как войне против колониального завоевания Россией[6].

* ***ЗИНУРОВ Рафаил Нариманович*** *— доктор юридических наук; профессор; Представительство РАН РФ на территории Республики Башкортостан; руководитель; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; rafailzinuroff@yandex.ru.*

[1] Аврелий Августин Блаженный (13.11.354–28.08.430) – христианский богослов, философ. Признан святым в католической, православной и лютеранской церквях.

[2] Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII–XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 19.

[3] Демидова Н.Ф. Башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. // Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 6. С. 10.

[4] Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 137.

[5] Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 59.

[6] Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа, 1995. С. 28–29.

Учитывая важность, остроту и полемичность вопроса, представляется необходимым кратко отметить специфичность характера русско-башкирских отношений начального периода. Здесь, прежде всего отметим важнейший аспект, на который исследователями, как правило не обращается внимание. Очевидно, что признав над собой власть московского царя, башкиры, по их вековым понятиям, предпочли русского царя, как нового и более сильного сюзерена, принудительная власть которого над ними неотвратимо надвигалась. Однако добровольное вхождение в состав другого государства, как социально-правовой институт, башкирскому обществу, с устоявшимися традициями вассальной зависимости, был чужд и неизвестен – не было единого государства и хана, как центральной власти. Нельзя не согласиться с мнением казахского историка Т.И. Султанова, о том, что так поступали до этого все степные народы, надеясь, что вассальная зависимость от сюзерена может быт ими в любое время прервана если его власть становилась тяжким бременем[1].

Мы ранее в своей работе уже отмечали, что жалованные грамоты, в силу очевидного неравенства сторон, уже изначально не являлись официальными документами, имеющими для царской администрации юридическую силу царских указов[2]. Поэтому, систематические нарушения царским правительством условий этих грамот, уже через пару десятилетий после выдачи жалованных грамот, не выглядят вероломными – они уже изначально предполагались, как следствие юридической неравноправности сторон, что по сути и обрекло их на постоянные нарушения царской властью. Мысль не нова. Схожее мнение было высказано еще в XVII в. голландским юристом Гуго Гроцием: «...государственное подданство есть такого рода подчинение, в силу которого народ отдает себя во власть каким-либо лицам или другому народу»[3]. Далее, он особо подчеркивал, что договоры не имеющие характера равноправного двустороннего соглашения, на сильную сторону не налагают никаких обязательств[4].

Мы не можем не согласиться с тезисом М. Никитина, высказанным им еще в далеком 1928 г. Он считал что «жалованные грамоты, выданные башкирам, лишь формально подтверждали право владения землей башкирами, фактически, действовала общая система, по которой собственником земель… являлся государь, и жаловал их, кому находил нужным»[5]. На наш взгляд, данный фактор является главной причиной того, что в ситуации середины XVI в., в пору агрессивных и успешных территориальных экспансий Московского царства, условия жалованных грамот (о вере, о вотчинах, о ясаке, о службе в русской армии) не могли обеспечить равноправность сторон. Все чиновники, воеводы и другие люди были на службе у верховного собственника всех земель и территорий в государстве. В отношении башкирских вотчинников, каждый раз наивно аппелировавших к условиям жалованных грамот, это обстоятельство лишь стимулировало жесткость действий властей, каждый раз вынуждая их к еще большей аккумуляции военных сил против них.

Властями на месте, как исполнителей воли верховной власти, апелляции к грамотам воспринимались, прежде всего, как непризнание их статуса представителей царской власти. Для неконтролируемого потока переселенцев, вотчинное землевладение башкир, являлось лишь досадным препятствием для свободного землепользования, в силу чего, царская администрация в них легко находила союзников против башкир.

---

[1] Султанов Т.И. Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVII – начало XX в.) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 19.

[2] Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа, 2001. С. 48–58, 80–82.

[3] Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 128.

[4] Там же. С. 259.

[5] Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73.

В этой связи мы вправе полагать, что основная причина всех начавшихся уже через 20 лет, в 1572 г., башкирских «бунтов» заключалась именно в неравенстве сторон. Ведь какая-либо ответственность царской власти, как сильного сюзерена, за нарушения названных условий в жалованных грамотах не оговаривалась, это очевидно из текстов всех шежере башкирских племен. Поэтому, мы полностью солидарны с упомянутой мыслью Гуго Гроция о том, то неравноправный договор не налагает на сильную сторону обязательств, подлежащих неукоснительному выполнению[1].

В научной литературе выработался некий стереотип: главная причина восстаний это захваты земель, как нарушения русской администрацией условий жалованных грамот. Между тем, в силу неравенства сторон, эти грамоты уже изначально содержали неизбежность конфликтов. В этой связи, применительно к состоянию русского государства и башкирского общества XVI в., возникает закономерный вопрос: можно ли говорить о равноправности сторон? Очевидно, что нет. Многие авторы, игнорируют тот факт, что башкиры в Казань были приглашены ультимативно, что очевидно из текстов шежере башкирских племен. Так, в шежере племени Юрматы, читаем: «…во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере… Послы обошли земли (башкирские) и известили…»[2]. О приезде послов русского царя говорится и в шежере башкирского рода Карагай-Кыпсак[3]. Кроме того, в общем шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян, однозначно говорится именно об этом – они направили своих представителей в Казань, как «…приглашенные в великому князю Ивану Васильевичу», который «сам желал их прибытия»[4].

Важно отметить, что о царском после, в лице стряпчего Семена Ярцова, к башкирам и луговым людям, чтоб их «…к правде привести», писали и Н.М. Карамзин, и В.Н. Татищев. По С.М. Соловьеву «луговые люди» – это черемисы, мордва, чуваши, вотяки и северо-западные башкиры. В результате, именно после визита к ним посла Семена Ярцова, предводители башкирских племен, пришли к русским властям в Казань[5]. И.Г. Акманов, не отрицая факт приглашения представителей племен в Казань, тем не менее утверждает, что в «Казани имели место равноправные переговоры башкир с русской властью…». Содержания этих приглашений, научной литературе неизвестны. В этом плане, говорить о равноправных переговорах и дружеском характере этих посланий, после кровавого покорения Казанского ханства, и пятилетнего подавления восстания народов ханства, нет достаточных оснований.

Русский историк С.М. Соловьев в этом плане отмечал и другой аспект, почему-то не принимаемый во внимание историками. Он писал про возросший агрессивный военный дух русского общества, вызванный покорением Казани: после покорения Казани, русские войска «действуя ревностно и неутомимо, в течении пяти лет не опускали меча, жгли, резали». Далее он особо отмечал, что «...подвиги Северной войны и Полтавская битва не могли возбудить в целой массе народонаселения такого сочувствия, какое в русских людях XVI в. возбуждено было завоеванием Татарского царства..., завоевание Казанского царства было подвигом, необходимым и священным в глазах каждого русского человека»[6].

Отметим, что подобный дух был присущ и казачеству. По мнению историка

---

[1] Гроций Г. Указ. соч. С. 56.

[2] Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 33, 67.

[3] Там же. С. 33, 117.

[4] Цит. по: Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016. С. 34.

[5] Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов н/Д., 1997. Т. 7. Кн. 3. С. 48; Татищев В.Н. История Российская. М., 1997. Т. 5. С. 265; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 4. С. 489.

[6] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 486–487.

Р.Г. Скрынникова, казачество, колонизируя новые пространства, постоянную вело малую войну с кочевыми народами, что поддерживалось Москвой[1]. Этот же факт отмечал и Д.И. Иловайский: казаки Яика, Дона, Сибири, «…только ожидали предводителя, чтоб собраться вокруг него для разбоя и войны»[2]. Наиболее ярко об этом мы можем судить по походу казаков атамана Ермака, действия отряда которого Н.М. Карамзин сравнивал с действиями конкистадоров Э. Кортеса и Ф. Писарро[3]. Совершив поступок, несовместимый с единоличной властью царя, без ведома последнего отправившись покорять Сибирское ханство, он тем не менее, пишет Н.М. Карамзин, был удостоен царской милости.

Таким образом, мы вправе утверждать, что именно неравенство сторон, логически стало влиять на характер контактов и дальнейших отношений царской власти и башкирского общества XVI в. Захваты башкирских вотчин в этих условиях предстают лишь следствием, и выглядят второстепенными. Поэтому даже, при отсутствии захватов башкирских земель, противостояние двух совершенно разных миров, безусловно обеспечило бы иные причины восстаний.

Однако будем справедливы. Царское правительство временами пыталось юридически оградить башкирское вотчинное землевладение, хотя, на наш взгляд, это даже и противоречило политико-экономическим интересам правительства. Между тем, интересы российского государства, в 1721 г. ставшего империей, с огромной территорией, заключались в экспансии на юго-восток. Так, по мысли Н.Ф. Демидовой, основным направлением печально известной Оренбургской экспедиции, являлось проникновение России на среднеазиатские рынки и постепенное присоеденинии этих земель к России[4]. В этом плане нельзя не согласиться с А.П. Чулошниковым, который точно подмечал, что «запрет царскими властями продажи, заклада и сдачи башкирских вотчин в аренду, было вызвано не защитой интересов башкирского народа, а стремлением оградить от стихийного расхищения собственные материальные выгоды»[5]. Аналогичную позицию позже высказал и М.К. Любавский, отметив, что оберегать башкирские вотчины русские власти вынуждал простой институинкт самосохранения, который подсказывал, что надо держать в отношении башкир «ласку», до укрепления своих позиций иметь в них не врагов, а союзников, ведь Московскому государству, «…одновременно приходилось колонизовать и степную Украйну, и Поволжье, и Сибирь»[6].

Натиск царской власти на башкирское общество, к середине XVII в. усилился, усугубив до этого пока еще не столь явную враждебность сторон. По мысли А.П. Чулошникова, уже в ходе башкирского восстания 1662–1664 гг., «знаменем была борьба за полное освобождение от господства Москвы и образование самостоятельных государств», «порвать всякие отношения подданства Московскому государству»[7]. На наш взгляд, уже первые выступления башкир против царской власти, и все последующие крупные башкирские восстания XVII–XVIII вв., можно расценивать как попытка отказа от власти сюзерена, ставшей тяжким бременем для башкирского общества. При этом, натиск на вотчинное землевладение, интуитивно осознаваемый башкирским обществом как угроза основе их жизнедеятельности, одинаково отрицательно воспринимался всеми слоями башкирского общества. Только этим фактором, на наш взгляд, объясняются

[1] Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 94.

[2] Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. М., 1995. С. 227.

[3] Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов н/Д, 1993. Т. 9. Кн. 3. С. 481.

[4] Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 7.

[5] Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 24.

[6] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 493–495.

[7] Чулошников А.П. Указ. соч. С. 29, 33.

выступления башкир уже через двадцать лет – в 1572 и последующих годах. Башкирское общество стало осозновать, что их русское подданство властями воспринято совсем иначе. В связи с этим, очевидно, что все башкирские восстания, были ответом на любые государственные меры властей на попытки распространить на них всю полноту социально-политической системы.

Большинство известных исследователей башкирских восстаний считали, что Башкирия подверглась колониальному завоеванию со стороны России, были единодушны. Так, еще до революции уфимский историк-краевед В.И. Филоненко, позднее Ш.С. Типеев, П.Ф. Ищериков, М.К. Любавский, Н.В. Устюгов, А.П. Чулошников, А.Н. Усманов, И.Г. Акманов, Р.Г. Кузеев, политику царских властей в Башкирии неизменно именовали как колониальную.

Согласившись с ними, мы вправе задаться вопросом: если со стороны Российского государства это была колониальная экспансия, то чем же являются военные действия русских войск по подавлению выступления башкир в 1735–1740 гг.? Военными акциями или колониальной войной, подобной войнам колониальных держав – Англии, Испании, Португалии и Франции? Назвать их «карательными военными акциями», как считают некоторые авторы, оснований явно недостаточно – слишком уж крупномасштабны они с обеих сторон, особенно по количеству задействованных регулярных войск русской армии. К тому же, царской властью, всегда привлекалась русская регулярная армия под командованием опытных боевых генералов, крупных правительственных сановников.

Так, при подавлении «бунта» 1735–1740 гг., правительство, недовольное ходом и неэффективностью подавления, как бы отыскивая «козырную карту», одного за другим меняло командующих войсками: казанский губернатор тайный советник П.И. Мусин-Пушкин, боевой генерал-лейтенант П.И. Румянцев, бригадир М.С. Хрущов, генерал-майор Л.Я. Соймонов, тайный советник В.Н. Татищев, обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, генерал-лейтенант В. Урусов. Лишь Л.Я. Соймонову, сосредоточив огромные военные силы, путем жесточайших репрессий, расправами с мирным населением, удалось добиться перелома[1].

Но важно отметить и раскол верхушки башкирского общества – огромную помощь в ходе всего движения, власти получали от лояльных к ним «верных» тарханов и старшин.

Итак, мы вправе полагать, что осуществляя усмирение башкир посредством регулярной армии, Российское государство вело типичную колониальную войну, которая по сути ничем особо не отличалась от аналогичных войн названных выше европейских стран-метрополий. Однако здесь уместен и другой вопрос: а какова грань между понятиями «колониальная война», восстание и «национально-свободительная война»? В доступной нам литературе, с определением термина «колониальная война», мы не встретились, поэтому, постараемся обосновать нашу мысль. Российская империя в 1735–1740 гг. в Башкирии вела крупномасштабные военные действия регулярной армией с целью подавления вооруженного сопротивления населения (в основном башкирского), не согласного с навязываемой ему системой социально-экономической власти. Война велась от имени государства, притом с ярко выраженной политической целью – устранение военного сопротивления башкир, как препятствия для окончательного распространения на них всей полноты своей социально-политческой и экономической системы. Это же обстоятельство, можно рассматривать и в плане идеологической основы действий чиновничества, военного командования. Царская власть, де-факто признавала лидеров башкир за воюющий противоположный лагерь – направляла им письма, приглашала на переговоры (хотя они в основном заканчивались арестами), обещала амнистии и т. д. Но наибольшую опасность власти усматривали, в политическом аспекте:

[1] Зинуров Р.Н. Указ. соч. С. 290–291.

в переговорах или попытках союза лидеров башкир с казахскими ханами, джунгарским контайшой, каракалпаками, крымским ханом, турецким султаном. Они воочию видели опасность «отложения» башкир из российского подданства, фактически признавая этим наличие политической цели у восставших. В восстании не приходится говорить об этих характерных политических целях.

Гуго Гроций, в названном знаменитом трактате «О праве войны и мира», делил войны на публичные и частные. К первым он относил войны, ведущиеся органами государственной власти. Частные войны – это те, которые ведутся лицами, не являющимися носителями гражданской власти. Военные действия, предпринимаемые народом в целях самообороны, для защиты своих естественных прав, своего достояния, являются предусмотрительностью и заботой о себе и не противоречат природе человеческого общества. Такие войны автор считает частными и справедливыми[1]. Публичные войны, ведущиеся против частных лиц и властью должностных лиц, Гуго Гроций относит к несправедливым и такими считает прежде всего колониальные войны[2]. Примечательно, что термин «восстание» он не употребляет.

Таким образом, движению 1735–1740 гг. со стороны башкирского народа присущи все характерные признаки справедливой освободительной войны, предпринятой в целях защиты своего естественного права и достоинства вотчинные земли, позволяющие им вести традиционный образ жизни. С учетом безусловной башкирской национальной основы выступление 1735–1740 гг. мы вправе называть национально-освободительной войной башкир.

В этой связи, весьма противоречивой представляется высказанная точка зрения о том, что «борьбу башкир за соблюдение русскими властями условий присоединения вряд ли можно считать войной против России..., акции русского царизма трудно считать войнами за завоевание Башкортостана. Башкир не надо было завоевывать, они с середины XVI в. считали себя подданными русского царя»[3]. Позиция является неубедительной потому, что она основана на советских стереотипах. Автором как бы отрицается двухсотлетнее учреждение Российским государством своей власти среди башкир военным путем. Мы вправе предположить, что это является колониальным завоеванием, или, по Гуго Гроцию, несправедливой публичной войной. Кроме того, названная позиция упускает из виду и такой фактор, как вовлечение в эти процессы значительных слоев других народов края, движение которых также носило справедливый характер.

Вызывает вопросы прочно, давно установившаяся и не оспариваемая точка зрения относительно того, что все выступления русских крестьян именуются не восстаниями, а крестьянскими войнами: Крестьянские войны под руководством Ивана Болотникова в 1606–1607, Степана Разина в 1667–1671, Кондратия Булавина в 1707–1708, Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг.

Башкирское движение 1735–1740 гг., безусловно имело политические («отложиться» из-под власти царя, желание перейти под сюзеренитет крымского хана, турецкого султана, казахских ханов, попытка образования башкирского ханства) и национально-освободительные мотивы. Следует учесть и тот факт, что при подавлении выступлений башкир, одну из главных ролей играл национальный фактор, результативно используемый царскими властями: «…поощрять на то надобно, дабы они меж собою всегда в ссоре находились»[4]. В силу этого, башкиры властями преподносились, и на самом деле перед рядовым обывателем представали, народом враждебным русскому государству

[1] Гроций Г. Указ. соч. С. 67–68.

[2] Там же. С. 185–188.

[3] Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: взаимоотношения в середине XVIII в. // Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа, 1995. С. 24.

[4] Цит. по: Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 10.

и любому переселенцу в эти места. Но будем справедливы – этому в первую очередь способствовали особый статус самих башкир, их земельные права. Для постоянно растущего потока переселенцев, а также для самих властей, эти права башкир постепенно превращались лишь в досадное препятствие для свободного землепользования. Поэтому факт активного участия другого населения на стороне властей, в основном можно объяснить лишь этим обстоятельством. Но здесь мы обязательно должны отметить и другой немаловажный факт – башкирские восстания, равно как и участие на стороне властей пришлого населения, прежде всего имели не межэтнический, а сугубо социально-экономический фактор.

В то же время, в отличие от выступлений русских крестьян, упомянутый национальный фактор в башкирских восстаниях, стимулировал жестокость властей при их подавлении. В частности, в 1735–1740 гг. подавление башкир порой принимало вид повального уничтожения враждебного всей российской государственности народа. О геноциде, о чем с легкостью судят некоторые авторы, мы речь не ведем, поскольку, Россия вела войну не на уничтожение башкир как народа, а в целях ускорения их интеграции в свою государственную систему посредством войны. Однако эту грань царские власти зачастую переходили, проводя жесточайшие акции, независимо от того, участвовала ли та или иная группа в восстании. К примеру, была ли необходимость в розыске и массовом истреблении регулярными войсками башкирского населения, скрывшегося от карателей в горно-лесной Башкирии летом 1740 г.? У историков оно до сих пор не получило соответствующей оценки, более того, напоминание о подобных фактах, вплоть да недавнего прошлого, считалось покушением на «исторически сложившуюся дружбу народов».

В заключение отметим, что материал не должен восприниматься как радикальный взгляд на историческое и нынешнее состояние российского общества, на русско-башкирские отношения прошлого и настоящего. Он основан лишь на научных, широко известных источниках, на их анализе и критическом подходе автора.

Источники и литература

1. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 371 с.: ил.
2. Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.: ил.
3. Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 221 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
5. Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией в 1552–1740 гг. Уфа: Башкортостан, 1995. 287 с.
6. Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа: Гилем, 2001. 450 с.
7. Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. М.: Мысль, 1995. 510 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского: [В 4 кн.]. Ростов н/Д: Феникс, 1994. Кн. 3: [Т. 7–9]. 543 с.
9. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 344 с.
10. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 682 с.
11. Материалы по истории Башкортостана / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. Т. 6. 768 с.
12. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 155 с.
13. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
14. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. 768 с.
15. Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1996. Т. 5: История российская. 340 с.
16. Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII–XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 560 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-14

С.Г. Злотникова*

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»)

Аннотация. В статье анализируются материалы газеты «Восточное обозрение» по вопросу развития общественной и частной инициатив в Енисейской губернии. Несмотря на жесткую цензуру в Российской империи на страницах этого печатного издания пропагандировались идеи областничества и коренного реформирования системы государственного управления в Сибири. По мнению издателей газеты, для эффективного решения сложных проблем сибирского края, помимо реформ, была необходима грамотная организация инициативы местного населения, направленная на активное участие сибиряков в общественно-культурном развитии своего региона.

Ключевые слова: Енисейская губерния, инициатива, население, газета «Восточное обозрение», развитие.

Средства массовой информации представляют собой определенный механизм взаимодействия власти и общества. Периодическая печать является важной составляющей этого механизма, способной оказывать непосредственное влияние на общественное мнение. Несмотря на жесткую цензуру, характерную для имперской России, дореволюционные периодические издания играли важную роль в обсуждении и разрешении социальных и культурных проблем населения в Сибири.

Значительное место в сознании прогрессивной части сибиряков занимала газета «Восточное обозрение». По мнению Н.М. Ядринцева, 1881 г. стал переломным в развитии сибирского общества, поскольку именно с этого времени наблюдался подъем духа и проявление сознательной жизни в регионе. Общество, радеющее за открытие первого университета в Сибири, ощущало необходимость в печатном издании, которое было бы способно грамотно освещать на своих страницах проблемы края. К этому моменту Сибирь представляла собой общество, остро нуждавшееся в свете и жизни[1]. Проблемы развития образования, здравоохранения, просвещения приобретали все большее и большее значение для сибиряков, не последнее значение для решения этих вопросов имела деятельность печатного издания «Восточное обозрение».

Выход первого выпуска газеты состоялся 1 апреля 1882 г. Ее основателем являлся один из лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцев, а после его смерти в 1894 г. областническое направление газеты поддерживал его единомышленник Г.Н. Потанин. Первоначально газета «Восточное обозрение» издавалась в г. Санкт-Петербурге, а с января 1888 г. ее издание было перенесено в г. Иркутск[2].

Исследование вопроса о развитии общественной и частной инициатив на территории Енисейской губернии сложно осуществить без изучения социально-культурных и экономических проблем, с которыми столкнулось население Сибири в конце XIX в. Анализ материалов газеты «Восточное обозрение» за первый год ее существования дает представление не только о целях и задачах самого печатного издания, но и свидетельствует о трудностях сибирского края, характерных для этого периода.

* ***ЗЛОТНИКОВА Светлана Геннадьевна*** *— Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; Институт истории и права; кафедра истории России; аспирант; г. Абакан, Республика Хакасия, Россия; svetlana-zlotnikova@mail.ru.*

[1] Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 6.

[2] Кузнецов А.А., Агафонов М.Ю. Чиновники и периодическая печать Восточной Сибири во второй половине XIX в. Контроль и сотрудничество // Известия Иркутского гос. ун-та, 2014. Т. 9. С. 74. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22747811_21687753.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

На страницах «Восточного обозрения» областники пропагандировали свои общественно-политические идеи. «Национальная народная программа» или «народный вопрос» в Российской империи являлись девизом газеты «Восточное обозрение». Уже с первого выпуска в разделе «Обзор русской общественной и провинциальной жизни» представлена информация о «массе нужд и потребностей» в провинциальных областях страны. «Жизнь провинций» и «жизнь провинциальных масс» в России во всей их самобытности считалась важным государственным и социальным элементом страны у областников[1].

С момента выхода газеты и на протяжении всего первого года ее издания главной темой был вопрос о необходимости реформирования в Сибири, в особенности административной системы управления. Областники настаивали на упразднении Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого входила Енисейская губерния. По их мнению, генерал-губернаторская система управления в Сибири не решала проблемы местного населения, а только тормозила реформирование на территории края[2]. Издатели газеты настаивали на упразднении генерал-губернаторств в стране, как необходимого условия для общественного развития и формирования гражданского общества в Российской империи. «Административная реформа, – считали они, – должна рассматриваться, как реформа общественная, которая ослабит гнет, даст больше простора для развития общественных сил и из сатрапии создаст гражданскую страну»[3]. Кроме того, по мнению областников, Енисейская губерния, наряду с другими губерниями Сибири, обладала достаточным населением и могла принять новые учреждения для местного самоуправления – земства[4]. Земская реформа, в свою очередь, могла бы способствовать решению многих проблем провинциальной Сибири, в т. ч. непростых вопросов в отношении ссыльных и переселенцев.

Переселенческий вопрос в Сибири требовал особого внимания со стороны государства и представителей российской общественности и был настолько острым, что ему посвящались целые выпуски «Восточного обозрения». На основании материалов газеты сложная ситуация с переселенцами складывалась в Минусинском округе Енисейской губернии. Однако решение переселенческого вопроса на этой территории для генерал-губернатора Восточной Сибири не было актуальным[5]. Со стороны общества необходима активная помощь государству в решении переселенческого вопроса «…здесь должны прийти на помощь в разрешении этого вопроса более живые общественные силы, как в лице земств, так и частных деятелей». При этом отмечалось, что есть среди сибиряков частные лица, способные оказать помощь переселенцам, «опыт показывает, что находятся люди в Сибири, заинтересованные переселенческим вопросом»[6].

Не менее сложной в Сибири была ситуация по ссыльным, печатное издание и в этом случае не осталось в стороне. Ссылка в Сибирь «крайне вредно отражается на положении края», поэтому издатели газеты настаивали на необходимом прекращении гражданско-уголовной ссылки вредных элементов в Сибирь в самое ближайшее время[7].

Ссыльные и переселенцы являлись источником опасных болезней, таких как дифтерит и оспа, а «жалкие медицинские средства и убогий медицинский персонал», особенно в уездах и округах при отсутствии земских врачей в сибирских губерниях, не

[1] Обзор русской общественной и провинциальной жизни // Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 7–8.

[2] Сибирские вопросы и реформы // Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 10.

[3] Начало сибирских реформ // Восточное обозрение. 1882. № 5. С. 3.

[4] Сибирские вопросы и реформы // Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 10.

[5] Хроника // Восточное обозрение. 1882. № 16. С. 7.

[6] Общественное участие в переселенческом деле // Восточное обозрение. 1882. № 15. С. 2.

[7] Новости о преобразованиях // Восточное обозрение. 1882. № 4. С. 4.

могли в полной мере обеспечить сохранение здоровья и жизни местного населения. По материалам газеты «Восточное обозрение» в Минусинском округе Енисейской губернии смертность от дифтерита за период с осени 1879 г. по апрель 1881 г. «превосходит всякое вероятное»[1].

Серьезные проблемы Енисейской губернии обозначились и в сфере народного образования. На страницах газеты «Восточное обозрение» отмечалась острая нехватка учебных заведений и педагогических кадров, причем, не только в сельской местности, но и в городах. По данным, представленным в исследуемом печатном издании, в единственном начальном училище г. Енисейска один учитель обучал 60–70 учеников. Открытие второго начального училища в городе было крайней необходимостью и для этой цели уже выделяли средства[2].

В более тяжелом положении находилось народное образование на территории сел Енисейской губернии. По материалам газеты «Восточное обозрение», полученным из «Сибирской Газеты», в с. Бейском Минусинского округа здание школы, служившее в прошлом питейным заведением, находилось в печальном состоянии. Печь не топилась, стены гнилые и с дырами такого размера, что в класс с улицы залетали птицы. По причине отсутствия мебели некоторые ученики вынуждены располагаться на полу с поджатыми ногами, по-турецки. В течение 3-х лет учителя этой школы писали о невозможности обучать детей в таком помещении, но безрезультатно. На содержание училища отпускалось 10 руб., при этом из них на расходы школы оставалось только 5 руб.[3] Такие малые объемы финансирования не могли в полной мере обеспечить необходимые расходы Бейской школы.

При этом издатели газеты отмечали, что государство в лице местных властей, не только не содействовало в решении проблем народного образования в сибирской провинции, но и создавало препятствия там, где была возможность получения необходимой помощи от частных лиц. Бывший учитель этой же Бейской школы для разрешения нужд училища был вынужден обратиться за помощью к местному населению, силами которого было собрано 150 руб. Однако, использовать пожертвованные средства на нужды училища не получилось. Вмешалась полиция, началось следствие по поводу незаконного сбора средств, в результате полученные деньги были отправлены в Минусинское казначейство. «Нашлись бы и еще жертвователи, «но нужно было вмешаться полиции! ...отобрали лист, в котором были записаны пожертвования и собранные деньги, а затем произвели следствие, как смел без дозволения собирать на училище»[4].

Действующее законодательство Российской империи запрещало сбор пожертвований без разрешения, но бейские власти, по мнению издателей газеты, знали лично бейского учителя и могли судить, что собранные им средства будут использованы только на нужды сельской школы, а не на личные цели. «В бейском случае мы можем предположить только одно, – писал автор заметки, – …или заседатель знал учителя …за дурного человека, собиравшего деньги с целью самому ими воспользоваться, или – что, при знакомстве с сибирской жизнью, кажется вероятнее – он затеял дело потому, что имел на учителя повод сердиться по какому-нибудь личному счету. Сибирские заседатели – люди в большинстве не высокой пробы; отсутствие гласного суда в Сибири покрывает массу заседательских злоупотреблений; на недостаток честных людей в полицейской службе жалуются все губернаторы; они в отчаянии от того, что некем заменить сменяемых»[5].

Кроме того, в материалах газеты имеется информация о наличии в сибирском

[1] Хроника и корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 1. С. 13–14.
[2] Местная хроника // Восточное обозрение. 1882. № 3. С. 8.
[3] Хроника // Восточное обозрение. 1882. № 33. С. 6.
[4] Там же.
[5] Там же.

обществе частных лиц, которые не только заинтересованы в развитии учебного дела, но и готовы оказывать со своей стороны материальную поддержку для решения этого вопроса. От государства требуется только правильная организация процесса оказания помощи со стороны местного населения в развитии образования на территории Сибири[1].

Со стороны издателей газеты «Восточное обозрение» значительное внимание уделялось проблеме открытия университета в Сибири. На страницах данного печатного издания периодически публиковался различный материал о строительстве первого сибирского университета. Так, в небольшой рубрике газеты представлены сведения о нехватке кирпичей на постройку здания университета[2]. В продолжение этой же темы в статье, посвященной строительству сибирского университета, отмечена роль красноярского купца Данилова в вопросе производства и доставки кирпича для университета[3]. В материалах газеты «Восточное обозрение» имеется информация о пожертвовании Красноярским городским обществом для нужд университета 500 руб.[4] Эти сведения в определенной степени позволяют получить некоторое представление о развитии общественной и частной инициатив в Сибири.

С первых выпусков в данном периодическом издании понималась важность инициативы на местах: «На чем бы мы ни остановились, на вопросе колонизации, на вопросе изучения общины, на удовлетворении тех или других народных потребностей, – писал редактор газеты, – мы везде встречаемся с вопросом областным и вопросом местных нужд и местной инициативы, причем изучение и исследование должно направиться не из центра к периферии, а обратно от периферии к центру»[5].

Кроме того, своими публикациями газета способствовала пропаганде частной инициативы в Сибири. Солидная статья «Частная инициатива в деле общественных учреждений» о минусинском публичном местном музее продемонстрировала значение личности Н.М. Мартьянова и жителей г. Минусинска в вопросе развития музейного дела в Енисейской губернии. По мнению издателей газеты, «…этот музей есть пример того, что может совершить искренняя любовь к науке одного частного лица в союзе с сознательным сочувствием общества к общественному полезному учреждению»[6].

Просьба Н.М. Мартьянова о необходимости бескорыстной помощи минусинскому музею нашла поддержку со стороны значительного количества не только горожан, но и жителей округа «…я неоднократно обращался к минусинскому обществу, заявляя о необходимости и пользе основания в Минусинске местного музея с программой, обнимающей все отрасли промышленности, природные богатства и историю края. Мои заявления нашли себе сочувствие в среде жителей города и округа, так что уже в продолжение 1876 г. я получил множество разнообразных предметов, которые вместе с находившимися у меня коллекциями послужили основанием будущего музея», – писал автор статьи[7].

Частная инициатива местных жителей способствовала не только открытию минусинского музея в 1877 г., но и основанию при нем городской публичной библиотеки. «Но так как жертвователи не стеснялись выбором книг, то при самом открытии музея – отмечал редактор газеты, – …образовалась целая библиотека из книг, выходящих из целей музея: представить только местную природу и местную промышленность. Поэтому было

[1] Местная хроника // Восточное обозрение. 1882. № 3. С. 8.
[2] Там же. С. 7.
[3] Постройка сибирского университета // Восточное обозрение. 1882. № 4. С. 9–11.
[4] Хроника // Восточное обозрение. 1882. № 36. С. 3.
[5] Восточное обозрение. 1882. № 3. С. 3.
[6] Частная инициатива в деле общественных учреждений // Восточное обозрение. 1882. № 18. С. 1.
[7] Там же.

решено рядом с музеем основать городскую публичную библиотеку»[1].

Благодаря частной инициативе населения Минусинского округа поддерживался постепенный рост коллекций местного музея и библиотеки. По данным газеты «Восточное обозрение» количество музейных экспонатов к концу 1881 г. составляло 8 471, а на момент основания в 1877 г. их было 1 362[2].

В этой же статье издатели газеты указывали на бескорыстную мотивацию местного общества в оказании посильной помощи минусинскому музею «…самая большая сумма, внесенная в кассу музея одним лицом, простирается только до 300 руб., но зато, по-видимому, эти пожертвования представляют действительное сочувствие учреждению, без всякой задней мысли, и не похожи на те тысячи или десятки тысяч, которые преподносятся по научению начальства или в расчете на получение медали»[3].

Значительную поддержку минусинскому музею оказывали люди небогатые и суммы их пожертвований были небольшие. «Главная сумма пожертвованных на музей денег состоит из взносов в 3–50 руб.; то жители Минусинска составят складчину, то местные любители устроят спектакль; так, по-видимому, организовалась минусинцами помощь своему музею»; «отчеты музея показывают, что главное содействие музей встречает у людей небогатых и созидается оно на их грошевые средства»; «история минусинского музея свидетельствует – писал редактор печатного издания, – …как небогатые люди своими мелкими силами сооружают и поддерживают полезное учреждение, участие же богатых людей в этом деле не велико»[4]. По мнению издателей газеты, ценность в деле минусинского музея заключалась в духовной связи между учреждением и местным населением, основанием которой, в свою очередь, являлась инициатива частных лиц[5].

Минусинский музей стал примером для подражания не только у населения Енисейской губернии, но и у жителей других губерний Сибири. На страницах газеты «Восточное обозрение» представлен небольшой материал о воспитательном значении этого учреждения, взятый из «Томских губернских ведомостей». «Основание в Минусинске музея, библиотеки и кабинета учебных пособий – превосходный образчик того, чего может добиться от окружающего общества даже какой-нибудь один человек, притом лишенный материальных средств и крайне занятой, едва он выступает во имя интересов, симпатичных обществу. …И общество всегда только ждет, – писал автор заметки, – чтобы умелая рука честного человека двинула его в том направлении, которое оно смутно сознает полезным». «В 1881 г. поступило для музея денежных пожертвований 1 013 руб., начиная с крупных взносов и кончая массою мелких, рублевых, двухрублевых и т. д.»[6].

При этом уже издатели газеты «Восточное обозрение» высказали сожаление о слабом уровне развития частной инициативы в Сибири. «Еще раз приходиться пожалеть, что в Сибири мало простора частной инициативе. Сколько бы хороших начинаний было сделано, если частных деятелей не стесняли формальности и разные обстоятельства, стоящие нередко поперек дороги таким начинаниям»[7].

Исследование выпусков газеты «Восточное обозрение» за первый год существования данного печатного издания позволяет сделать вывод, что создатели газеты были неравнодушны к судьбе сибирского края и проблеме культурного развития сибирского общества. «Начав служить делу общественного и гражданского развития на

[1] Частная инициатива в деле общественных учреждений // Восточное обозрение. 1882. № 18. С. 1.
[2] Там же. С. 1–2.
[3] Там же. С. 2.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Хроника // Восточное обозрение. 1882. № 35. С. 3–4.
[7] Там же. С. 4.

русском Востоке, – писали они, – мы поставили своею задачей давать возможно полную картину его общественной жизни, со всеми текущими явлениями, и в то же время не скрывать недугов этого общества и темных сторон его, в виду его самоусовершенствования, а также тех реформ, которые рано или поздно коснутся русского Востока и Сибири, вступающих на путь гражданской жизни»[1].

При этом газета «Восточное обозрение», предоставляя материал об острых проблемах и вопросах сибирского края, предлагала возможные меры, способствовавшие, по мнению областников, развитию общественно-культурной жизни в Сибири. «Первое – увеличение числа школ, как общеобразовательных, так и профессиональных; скорейшее открытие университета, основание политехнической высшей школы, устройство общественных, городских и сельских читален и технических и ремесленных музеев. Второе – развитие кустарных промыслов и выгодных производств. Третье – прекращение ссылки. Четвертое – введение реформ, которыми уже много лет пользуется наша метрополия…»[2].

Издатели газеты «Восточное обозрение» понимали, что эффективное решение проблем сибирского края является сложной государственной задачей, которую без помощи местного населения трудно решить. В свою очередь, развитие общественной и частной инициатив в Сибири напрямую зависело от реформирования системы государственного управления в Российской империи, которого они так настоятельно требовали на страницах своего печатного издания.

Источники и литература

1. Еще по поводу трехсотлетия Сибири // Восточное обозрение. 1882. № 15.
2. Задачи печати на окраинах // Восточное обозрение. 1882. № 36.
3. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 9. № 36.
4. Кузнецов А.А., Агафонов М.Ю. Чиновники и периодическая печать Восточной Сибири во второй половине XIX в. Контроль и сотрудничество // Известия Иркутского гос. ун-та, 2014. Т. 9. С. 72–77. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22747811_21687753.pdf (дата обращения: 28.09.2020).
5. Местная хроника // Восточное обозрение. 1882. № 3.
6. Начало сибирских реформ // Восточное обозрение. 1882. № 5.
7. Новости о преобразованиях // Восточное обозрение. 1882. № 4.
8. Обзор русской общественной и провинциальной жизни // Восточное обозрение. 1882. № 1.
9. Общественное участие в переселенческом деле // Восточное обозрение. 1882. № 15.
10. Постройка Сибирского университета // Восточное обозрение. 1882. № 4.
11. Сибирские вопросы и реформы // Восточное обозрение. 1882. № 1.
12. Хроника // Восточное обозрение. 1882. № 9, 16, 29, 33, 35, 36.
13. Хроника и корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 1.
14. Частная инициатива в деле общественных учреждений // Восточное обозрение. 1882. № 18.

[1] Задачи печати на окраинах // Восточное обозрение. 1882. № 36. С. 1.

[2] Еще по поводу трехсотлетия Сибири // Восточное обозрение. 1882. № 15. С. 15.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-15

А.Я. Ильясова*

ОФОРМЛЕНИЕ УМИТБАЕВЫМИ (УМЕТБАЕВЫМИ) ПРАВ НА ПОТОМСТВЕННОЕ ДВОРЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

Аннотация. В статье рассмотрена процедура возведения в российское потомственное дворянство полкового хорунжего Ишмухаметя Ишигуловича Умитбаева (Уметбаева) с сыновьями Фахритдином, Мухаметсалимом и Сулейманом. Данные лица проживали в д. Ибрагимовой Уфимского уезда Оренбургской губернии Российской империи (ныне – Кармаскалинского района Республики Башкортостан). Они Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 19 марта 1865 г. и Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 22 (23) апреля 1865 г. за № 1 250 были признаны и утверждены в потомственном дворянстве, внесены во 2-ю часть родословной книги дворян Оренбургской губернии и причислены к обществу дворян Уфимского уезда. В 1866–1910 гг. к дворянскому роду Умитбаевых были сопричислены внуки, внучка и правнуки И.И. Умитбаева. Автор вводит в научный оборот комплекс различных документов по теме и приводит новые сведения о представителях рода.

Ключевые слова: Департамент герольдии Правительствующего Сената, Оренбургское дворянское депутатское собрание, Уфимское дворянское депутатское собрание, прошение, дело о дворянстве, родословная книга дворян, определение, указ, причисление.

Вопрос о возведении Умитбаевых (Уметбаевых) в российское дворянское сословие освещение в исторической науке не получил. В данной статье нами предпринята попытка реконструкции по историческим источникам процедуры оформления представителями рода прав на российское дворянство, начиная с момента подачи 17 марта 1865 г. Ф.И. Умитбаевым[2] в орган дворянского самоуправления прошения о признании его с братьями потомственными дворянами Российской империи и заканчивая причислением к дворянскому роду потомков И.И. Умитбаева.

17 марта 1865 г. на рассмотрение членов Оренбургского дворянского депутатского собрания (далее – ОДДС) поступило прошение следующего содержания:

«Всепресвятлейший, Державнейший,
Великий Государь Император
Александр Николаевич,
Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший!

Просит зауряд-есаул
10-го уфимского кантона
Фахритдин Ишмухаметев сын Умитбаев,
а в чем мое прошение тому следуют пункты:

1

Покойный родитель мой Ишмухаметь Ишигулов [сын] Умитбаев, состоя на службе в Башкирском войске, был награжден чинами: зауряд-хорунжего – 27 июля 1831 [г.], полкового хорунжего – 20 февраля 1839 [г.], сотника – 30 января 1853 [г.], есаула –

* ***ИЛЬЯСОВА Альбина Янгалеевна*** *— кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; ilyasova_a82@mail.ru.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 18-49-020018 «Алфавитные списки утвержденных и сопричисленных дворян-башкир Уфимской и Оренбургской губерний Российской империи: источниковедческое исследование и публикация документов».

[2] Написание фамилии дается в соответствии с документами, использованными автором при написании работы. Во всех них встречается лишь написание «Умитбаев», а не общепринятое в регионалистике «Уметбаев».

28 сентября 1857 г., а 20 февраля 1860 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3 ст. и знаком отличия за 25-летнюю беспорочную службу 22 августа того же года, почему на основании 24-й ст. 9-го тома Свода законов (издания 1857 г.) и Высочайшего Указа о башкирах [от] 14 мая 1863 г. приобрел право на потомственное дворянство. К сему,

2

Желая ныне с братьями моими – урядником Мухаметьсалимом и Сулейманом, обучающимся в Оренбургском кадетском корпусе, – по заслугам покойного родителя нашего записаться в дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии, почему, // представляя при сем следующие документы: 1) свидетельство за № 236-м; 2) 3 патента за № 5 375, 3 364, 2 419 на чины отца моего зауряд-хорунжего, полкового хорунжего, сотника и есаула; 3) 2 копии с формулярного списка: первую о службе покойного родителя и вторую о службе своей; 4) 2 метрических свидетельства Оренбургского магометанского духовного собрания за [№] 144 и 3 633 о рождении моем и брата Мухаметьсалима с копиями на гербовой бумаге; 5) 3 листа гербовой бумаги рублевого достоинства на написание мне с братьями документов на дворянство и 6) следующие в дворянскую казну за внесение в родословную книгу 50 руб., за грамоту 3 руб., за выдачу документов 3 руб., а всего 56 руб., причем объясняя, что метрическое свидетельство, выданное из Оренбургского магометанского духовного собрания в августе или сентябре месяце 1861 г. о рождении брата Сулеймана представлено в Оренбургский кадетский корпус при определении его в оный в 1861 г. Означенный брат мой рожден 15 февраля 1850 г. и значится записанным по метрикам д. Ибрагимовой Уфимского уезда.

Почему Всеподданейше прошу прошению, дабы повелено было сие мое прошение с приложениями принять и, по истребовании из Оренбургского магометанского духовного собрания сведения о времени рождения брата моего Сулеймана, внести меня с братом в дворянскую родословную книгу с причислением к обществу дворян Уфимского уезда и выдать мне копию с протокола и грамоту, а братьям – свидетельство на дворянство. Подлинные же метрические свидетельства и копии с формулярных списков, патенты на чины, по миновании в них надобности, мне возвратить. Марта … (число не указано – *авт*.) дня 1865 г. К поданию надлежит в Оренбургское дворянское депутатское собрание. Прошение сие со слов просителя в чернь и набело писал титулярный советник Батыргарей Бадамшин // сын Терегулов. Проситель зауряд-есаул Фахритдин Ишмухаметев сын Умитбаев руку приложил.

Жительство имею Уфимского уезда в д. Ибрагимовой».

РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 3–4. Копия.

На документе имеются пометки: «подано 17 марта 1865 г.» – в центре верхнего поля первого листа прошения[1], и «Верно: секретарь дворянства Листовский; с подлинным читал столоначальник Сокуров» – после текста ходатайства[2].

Данный копийный экземпляр прошения дошел до нас в материалах «дела о дворянстве Умитбаевых» (рис. 1).

В качестве доказательств прав на потомственное дворянство Ф.И. Умитбаев предоставил в ОДДС следующие документы:

1) свидетельство оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена от 17 октября 1831 г. за № 236 о производстве И.И. Умитбаева 27 июля 1831 г. в зауряд-хорунжие[3];

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 3.

[2] Там же. Л. 4. Текст публикуемых документов передается в соответствии с современными правилами русской орфографии и пунктуации с максимальным сохранением структуры документов и их особенностей.

[3] Там же. Л. 5.

2) патент от 17 октября 1840 г. за № 5 375 о производстве И.И. Умитбаева 22 февраля 1839 г. в полковые хорунжии[1];

3) патент от 31 августа 1853 г. за № 3 364 о производстве И.И. Умитбаева 30 января 1853 г. в сотники[2];

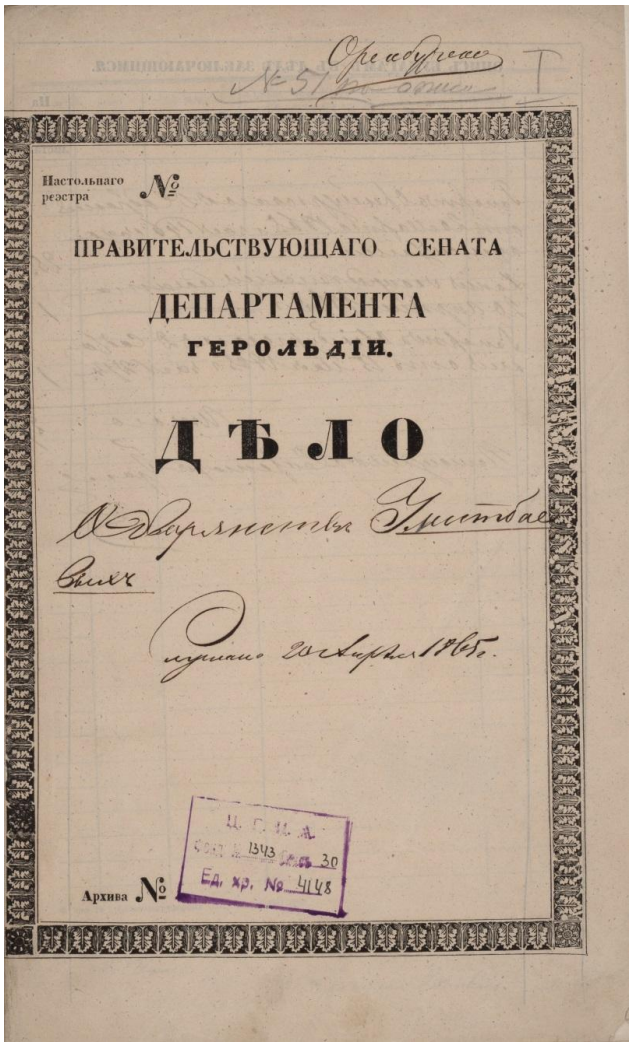
4) патент от 9 октября 1858 г. за № 2 419 о производстве И.И. Умитбаева 28 сентября 1857 г. в есаулы[3];

5) формулярный список о службе есаула И.И. Умитбаева за 1861 г.[4];

6) формулярный список о службе зауряд-есаула Ф.И. Умитбаева за 1864 г.[5];

7) метрическое свидетельство Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) от 15 марта 1865 г. за № 744 о рождении Ф.И. Умитбаева[6];

8) метрическое свидетельство ОМДС от 22 декабря 1847 г. за № 3 633 о рождении М.И. Умитбаева[7].


Настольнаго реестра №

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ДЕПАРТАМЕНТА

ГЕРОЛЬДІИ.

ДѢЛО

Архива №

Рис. 1. Титульный лист «дела о дворянстве Умитбаевых». Подлинник. РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. I

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 6.
[2] Там же. Л. 7.
[3] Там же. Л. 8.
[4] Там же. Л. 9–12.
[5] Там же. Л. 13–17.
[6] Там же. Л. 18.
[7] Там же. Л. 19.

Кто же они – лица, упоминаемые в прошении на потомственное дворянство?

Ишмухамет Ишигулович Умитбаев (1803 – 8 июня 1861 г.) — кантонный начальник, есаул. Проживал в д. Ибрагимовой Уфимского уезда Оренбургской губернии Российской империи (ныне – Кармаскалинского района Республики Башкортостан). Социальное происхождение: из рядовых башкир. На военную службу поступил 1 января 1817 г. казаком в 8-й башкирский кантон. С 1 мая по 18 ноября 1818 г. нес кардонную службу в крепости Орской, с 15 мая по 15 ноября 1821 г. – в крепости Таналыкской Оренбургской линии. 10 ноября 1826 г. был произведен в урядники и с этого времени по 7 мая 1831 г. был писарем юртового старшины в 8-м башкирском кантоне. С 25 июля 1831 г. по 9 апреля 1832 г. находился в составе 5-го Башкирского полка на этапах в Воронежской и Пензенской губерниях для «препровождения польских мятежников». 27 июля 1831 г. был произведен в зауряд-хорунжии. С 30 мая 1836 г. – начальник 8-го (с 1847 г. – 9-го) башкирского кантона[1]. За «успешное окончание в 1837 г. сбора, определенного на отправление по Оренбургской линии почтовой гоньбы», получил от командующего Отдельным Оренбургским корпусом благодарность, объявленную в приказе по корпусу 24 января 1837 г. за № 16[2]. 15 февраля 1839 г. был произведен в хорунжии, 30 января 1853 г. – в сотники. С 14 февраля 1856 г. по 8 июня 1861 г. – начальник 25-го башкирского кантона. 29 октября 1857 г. был произведен в есаулы. В 1856 г. был награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте «В память войны 1853–1856 гг.», 22 марта 1860 г. – за отличие по службе мусульманским орденом Св. Станислава 3 ст., 16 февраля 1861 г. – знаком отличия за 25 лет беспорочной службы[3]. «В походах и делах против неприятеля не был. Воспитывался не в заведении. Российской, татарской и арабской грамоте читать и писать знает. В отпусках и штрафах не был» – зафиксировано в его послужном списке[4]. Владел безукоризненными навыками соколиной охоты[5].

Имел трех жен. Первая супруга – Алиф(м)бика Бурх(г)анитдиновна (1804 – ?) – была дочерью рядового башкира Б. Фейзуллина, вторая – Балхиса Балапановна (1815 – ?) – дочерью зауряд-сотника Б. Илимбетева, третья супруга – Хабибъземала Фазлуллиновна (1824 – ?) – была дочерью дворянина Ф.З. Резяпова. Алиф(м)бика родила ему сыновей Шамсутдина (1825–1837), Фахритдина (29 июля 1831 г. – ?) и Гайнитдина (1838–1857), дочерей Хакиму (1827 – ?) и Латифу (1833 – ?). Балхиса произвела на свет сыновей Мухаметсалима (22 августа 1841 г. – 27 июля 1907 г.) и Сулеймана (15 февраля 1850 г. – ?), дочерей Бадигульземалу (1839 – ?), Галиму (1843 – ?), Хакиму (1846 – ?), Х(к)анифу (12 августа 1847 г. – ?), Фатиму (18 июня 1853 г. – ?), Софию (8 июля 1857 г. – ?) и Бибизейняпу (10 октября 1859 г. – ?). Третья супруга подарила ему дочерей Зюгру (1840 – ?) и Гайшу (1842 – ?). Членом семьи И.И. Умитбаева была также его теща Юмабика Исмагиловна (1772 – после 1850 г.)[6]. Владел имуществом, общей стоимостью 2 473,9 руб.[7]

---

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 9–11; Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14637. Л. 141–143; Д. 14667. Л. 164–165; Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–21; Д. 4. Л. 18–21.

[2] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14637. Л. 142.

[3] Там же. Л. 141 об. – 143; Д. 14667. Л. 164 об. – 165; РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 9 об. – 11; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об. – 21; Д. 4. Л. 18 об. – 19.

[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 10, 11 об.; НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14637. Л. 143; Д. 14667. Л. 165; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 21 об.; Д. 4. Л. 19, 20 об.

[5] Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями титулярного советника и кавалера Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами. Уфа, 1997. С. 59.

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 12, 18–20, 22; НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7375. Л. 13 об.; Д. 14637. Л. 143; Д. 14667. Л. 165; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 615. Л. 397 об. – 398; Д. 617. Л. 339 об. – 440; Д. 728. Л. 170 об. – 171; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 17, 22; Д. 4. Л. 21, 61 об.

[7] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 61–74.

Фахритдин Ишмухаметович Умитбаев (29 июля 1831 г. – ?) — кантонный начальник, зауряд-есаул. Родился и жил в д. Ибрагимовой Уфимского уезда Оренбургской губернии. В службу вступил 1 января 1848 г. казаком в 9-й башкирский кантон. 13 декабря 1850 г. был произведен в урядники. С 1 ноября 1849 г. по 1 июня 1850 г. служил при командующем Башкиро-мещерякским войском, с 1 июня по 1 сентября 1850 г. – в резервной учебной сотне, с 1 октября 1850 г. по 1 января 1851 г. – при Общественном Башкирском конном войсковом заводе. С 1 мая по 1 июля 1851 г. находился в составе команды для встречи Его Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского. С 1 ноября 1851 г. по 1 мая 1852 г. служил при канцелярии командующего Башкиро-мещерякским войском. 31 мая 1852 г. был произведен в зауряд-хорунжии. С 1 мая по 10 октября 1852 г., с 1 июня по 1 октября 1853 г. и с 1 мая по 1 ноября 1854 г. нес службу в Сводном учебном Башкирском полку в г. Оренбурге. 9 сентября 1855 г. по Высочайшему повелению был произведен в зауряд-сотники. По расформировании Башкиро-мещерякского войска, 14 февраля 1856 г. поступил на службу в 25-й кантон. С 1 апреля 1856 г. по 22 сентября 1860 г. был управляющим 27-м башкирским кантоном. С 18 июля по 12 октября 1856 г. возглавлял башкирскую делегацию на коронации Александра II в Москве[1]. За организацию и проведение 6 и 14 сентября 1856 г. охоты с ловчими птицами «по Высочайшему повелению, объявленному господином министром императорского двора [В.Ф. Адлербергом] Кабинету Его Императорского Величества в отношении от 21 сентября [1856 г.] за № 6 184, Всемилостивейше удостоился получить пожалованный бриллиантовый перстень с изумрудом и жетон в память коронования Их Величеств»[2]. В том же году был награжден бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 гг.»[3]. 30 августа 1859 г. произведен в зауряд-есаулы. Со 2 сентября 1861 г. – начальник 25-го кантона, с 27 октября 1863 г. – исполняющий должность помощника начальника 10-го уфимского кантона. 17 марта 1864 г. был уволен от должности кантонного помощника, 1 апреля 1864 г. – «выключен из списков»[4]. «В походах и делах против неприятеля не был. Ни в каком казенном заведении не воспитывался. Российской и татарской грамоте читать и писать знает. В отпусках и штрафах не бывал. Аттестовался достойным» – написано в формулярном списке о его службе[5].

Был женат на Хадиче Фазлуллиновне (1836 – январь 1902 г.) – дочери потомственного дворянина, войскового старшины Ф.З. Резяпова. У них были сыновья Мухаметгариф (декабрь 1858 г. – ?), Абдулла (? – ?), Габдрахман (1869 – ?) и Габдулгазиз (? – ?), дочери Бибимяръям (6 марта 1864 г. – ?) и Бибигайша (? – ?)[6]. Владел 183 дес. земли в Белебеевском уезде Уфимской губернии и мукомольной мельницей о 4-х поставах в той же губернии[7].

Мухаметсалим Ишмухаметович Умитбаев (22 августа 1841 г. – 27 июля 1907 г.) — башкирский поэт-просветитель, переводчик, филолог, этнограф, общественный деятель, публицист, первый исследователь-краевед из башкир (рис. 2).

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 13–14, 18.

[2] Там же. Л. 14.

[3] Там же. Л. 13 об.

[4] Там же. Л. 13 об. – 15 об.

[5] Там же. Л. 14, 16 об. – 17.

[6] Там же. Оп. 51. Д. 670. Л. 292 об., 346, 401 об.; Д. 4148. Л. 17; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15 об.; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 728. Л. 170 об. – 171; Ф. И-295. Оп. 5. Д. 1632. Л. 1–3; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

[7] РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 767. Л. 7 об.

Рис. 2. Мухаметсалим Ишмухаметович Умитбаев (22 августа 1841 г. – 27 июля 1907 г.).
НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 21

Родился в д. Ибрагимовой Уфимского уезда Оренбургской губернии. После получения образования в медресе родной деревни, с 24 ноября 1852 г. по 25 августа 1860 г. обучался в Неплюевском кадетском корпусе, но по семейным обстоятельствам заведение не окончил[1]. Владел языком тюрки, а также русским, арабским, персидским и французскими языками. Будучи ефрейтором среднего класса, в 1860 г. был определен на службу в Башкирское войско в чине урядника и с 1860 г. до 1864 г. работал штатным переводчиком в Башкирском войсковом управлении Юмран-Табынского кантона[2]. С 1864 г. – писарь мирового посредника Кармаскалинской волости. В 1869–1878 гг. – старшина Кармаскалинской волости. С января 1879 г. по 1 июля 1880 г. состоял от Министерства народного просвещения учителем русского языка и математики в медресе г. Стерлитамака. С 1 июля 1880 г. исправлял должность переводчика в ОМДС[3].

Участвуя в качестве ассистента муфтия С.Ш. Тевкелева при короновании императора Александра III, 15 мая 1883 г. вместе с муфтием поднес императору в

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 5; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–17 об., 149.
[2] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 267 об.
[3] Там же. Л. 152, 267 об., 294; РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 5.

«драгоценном» альбоме молитву на арабском языке, написанную им каллиграфически с переводом на русский язык[1].

Указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 18 декабря 1884 г. за № 174 18 июня 1882 г. был произведен в коллежские регистраторы со старшинством, от 15 ноября 1885 г. за № 4 758 – 18 июня 1885 г. в чин губернского секретаря со старшинством. Приказом по Министерству внутренних дел от 5 мая 1887 г. за № 15 24 апреля 1887 г., согласно прошению, был причислен к Общему департаменту МВД. С этого времени до 20 апреля 1888 г. находился в распоряжении председателя Высочайше учрежденной комиссии о вакуфах, свиты Его Императорского Величества, генерал-майора Г. Чингизхана, был переводчиком комиссии, получал содержание 1 200 руб. в год. Приказом по МВД от 1 сентября 1888 г. за № 27 1 мая 1888 г., согласно прошению, был уволен от службы. С 1 мая 1888 г. по 28 марта 1889 г. находился в отставке без награждения чином[2].

28 марта 1889 г. был определен в штат ОМДС в число канцелярских чиновников. Указом Правительствующего Сената от 14 октября 1889 г. за № 4 825 15 мая 1889 г. произведен в чин коллежского секретаря со старшинством[3]. 5 декабря 1891 г. был определен переводчиком ОМДС. Получал жалованье по штату от казны 168 руб. и дополнительно из специальных средств ОМДС 232 руб., всего – 400 руб. в год[4]. Указом Правительствующего Сената от 19 ноября 1892 г. за № 137 15 мая 1892 г. произведен в чин титулярного советника со старшинством[5].

По Постановлению ОМДС, состоявшегося 21 августа 1899 г., 21 августа 1899 г., согласно прошению, был уволен по болезни от службы в отставку. С этого времени по Высочайшему повелению получал ассигнованную пенсию по 59,4 руб. в год. По Высочайше утвержденному 14 декабря 1900 г. Положению Комитета министров ему была назначена «усиленная» пенсия из Государственного казначейства в размере 60 руб. в год с 21 августа 1899 г.[6]

«В походах и делах против неприятеля не был. Наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями по службе, не подвергался»[7]. С 10 января 1887 г. был в 28-дневном отпуске[8]. В 1903 г. посетил Мекку[9]. 9 ноября 1904 г. Уфимским дворянским депутатским собранием (далее – УДДС) ему была выдана бессрочная паспортная книжка за № 490[10].

Кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. Имел малую серебряную медаль и жетон в память коронации Александра III, бронзовую медаль в память царствования императора Николая I, установленную для бывших воспитанников военно-учебных заведений, и серебряную медаль в память царствования императора Александра III[11]. Имения никакого не имел.

---

[1] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 155; Д. 4. Л. 59; Родословная башкир Юмран-Табынской волости… С. 61.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 5 об.; НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 22904. Л. 22; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 160–161; Д. 4. Л. 58.

[3] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 5 об.

[4] Там же. Л. 6; НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 22904. Л. 22.

[5] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 6.

[6] Там же. Л. 6 об., 11 об., 12; НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 22904. Л. 25; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 143, 144, 330.

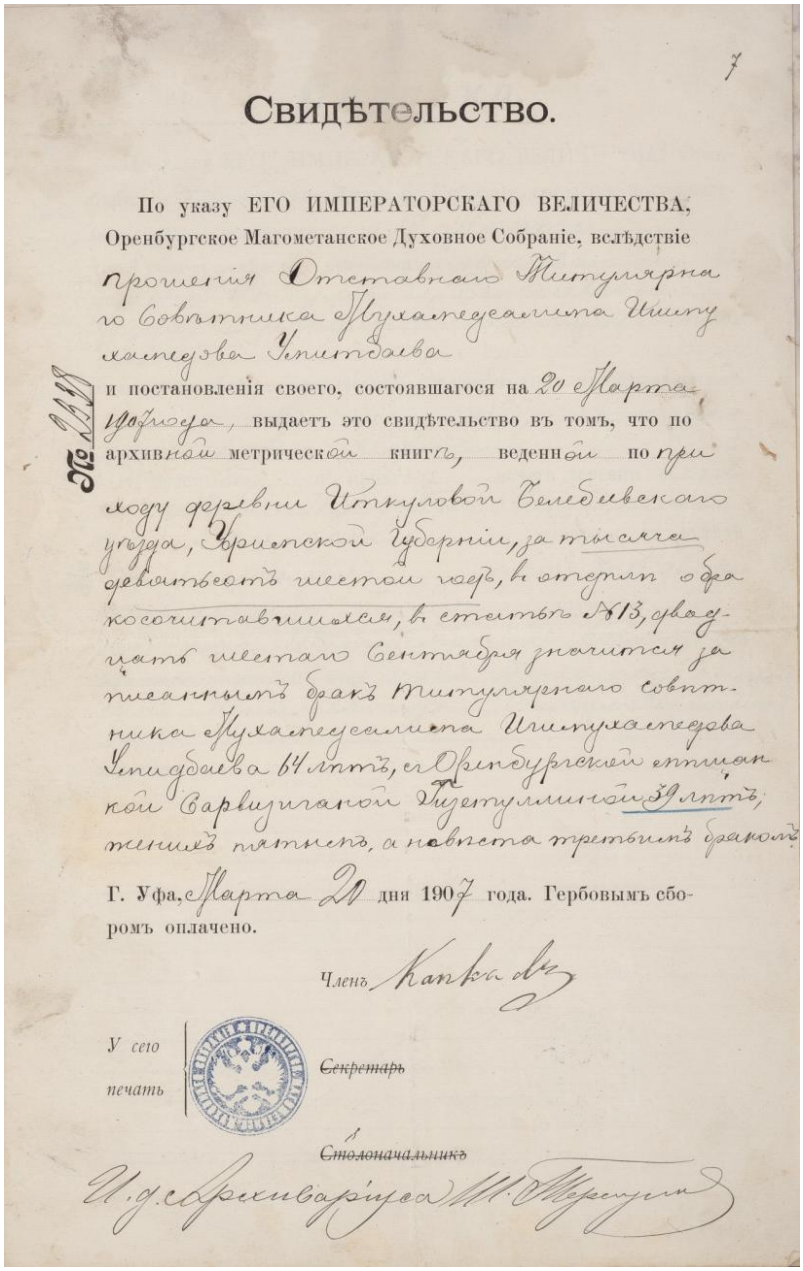
[7] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 6.

[8] Там же.

[9] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 59 об.

[10] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 6 об.

[11] Там же. Л. 5; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 155, 156, 294.



7

Свидѣтельство.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе, вслѣдствіе прошенія Отставнаго Титулярнаго Совѣтника Мухамедсалима Ишмухамедова Умитбаева и постановленія своего, состоявшагося на 20 Марта 1907 года, выдаетъ это свидѣтельство въ томъ, что по архивной метрической книгѣ, веденной по приходу деревни Иткуловой Белебеевскаго уѣзда, Уфимской Губерніи, за тысяча девятьсотъ шестой годъ, въ отдѣлѣ о бракосочетавшихся, въ статьѣ №13, двадцать шестаго Сентября значится записаннымъ бракъ Титулярнаго совѣтника Мухамедсалима Ишмухамедова Умитбаева 64 лѣтъ, съ Оренбургской мѣщанкой Сарвизиганой Гизетуллиной 39 лѣтъ; женихъ пятымъ, а невѣста третьимъ бракомъ.

№ 2338

Г. Уфа, Марта 20 дня 1907 года. Гербовымъ сборомъ оплачено.

Членъ Капкаевъ

У сего печать

~~Секретарь~~

~~Столоначальникъ~~

И. д. Архиваріуса М. Терентьевъ

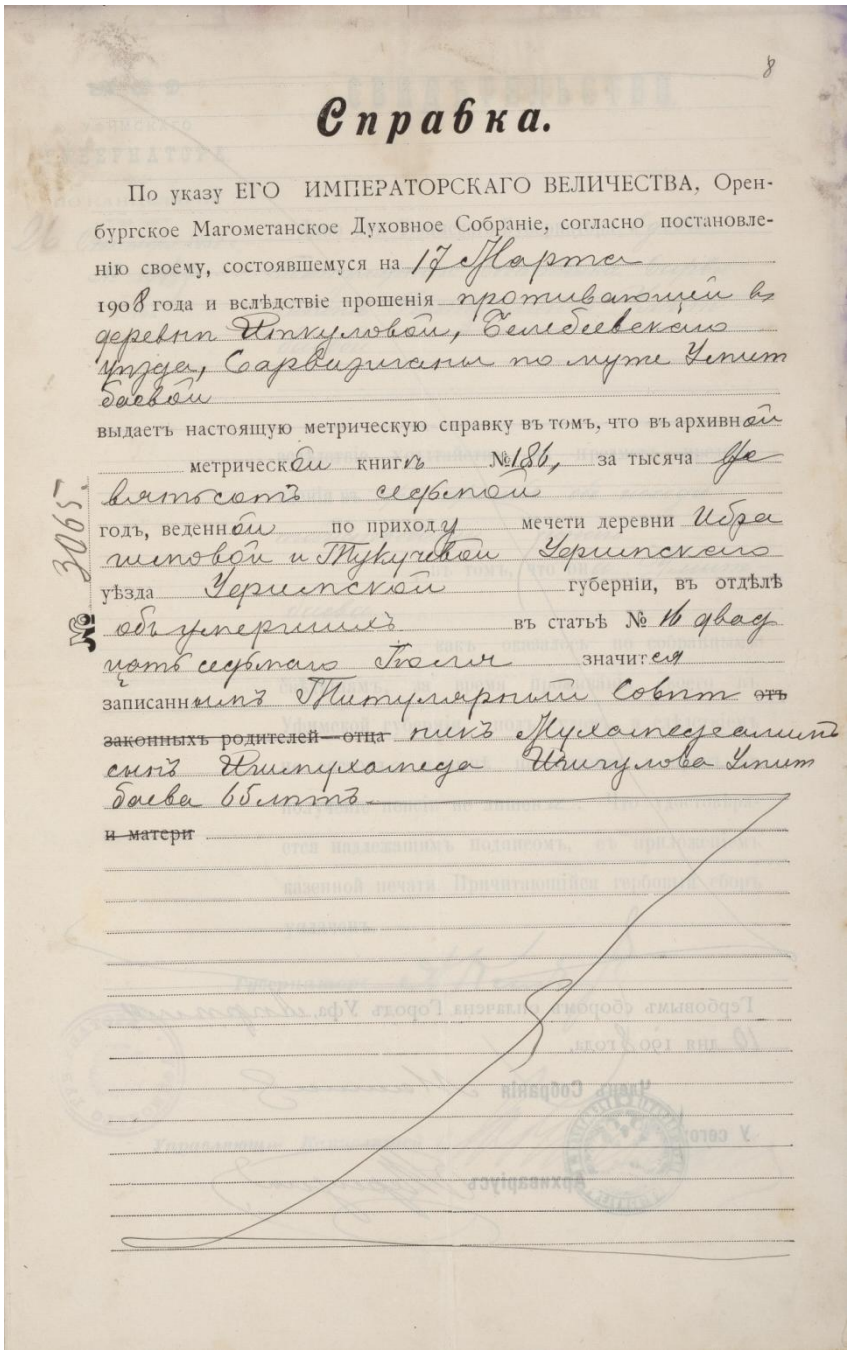
Рис. 3. Свидетельство о браке № 2 338,
выданное Оренбургским магометанским духовным собранием
М.И. Умитбаеву 20 марта 1907 г. Подлинник.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 7

Большую часть своей жизни М.И. Умитбаев прожил с Бибигубейдой Миргаляутдиновной (1844 – ?) – дочерью зауряд-сотника М. Резяпова. Он женился на ней в 1865 г. У них был сын Баязит (1 августа 1867 г. – ?)[1]. Также у М.И. Уметбаева был сын Рустамбек (? – ?) и дочь Бибигульсум (1874 – ?)[2]. За всю жизнь Мухаметсалим Умитбаев вступил в брак с 5-ю женщинами. 26 сентября 1906 г. он женился (рис. 3) на оренбургской мещанке Сарвизигане Гизетуллиновне (1866 – ?). Для 64-летнего М.И. Умитбаева это был пятый по счету брак, для 39-летней его избранницы – третий. Молодожены проживали в

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 6; Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 401 об.; НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 661. Л. 4; Д. 664. Л. 307.

[2] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 346; НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

д. Иткуловой Белебеевского уезда Уфимской губернии[1]. 22 марта 1908 г., будучи вдовой, она подала прошение в Уфимскую казенную палату с просьбой о назначении ей пенсии, в связи со смертью супруга. Как следствие, ей была назначена пенсия, равная половине пенсии М.И. Умитбаева – 30 руб. в год с 27 июля 1907 г., со дня смерти мужа[2].



8

Справка.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе, согласно постановленію своему, состоявшемуся на 17 Марта 1908 года и вслѣдствіе прошенія противающей въ деревнѣ Иткуловой, Белебеевскаго уѣзда, Сарвизиганы по мужѣ Умитбаевой выдаетъ настоящую метрическую справку въ томъ, что въ архивной метрической книгѣ №186, за тысяча девятьсотъ седьмой годъ, веденной по приходу мечети деревни Ибрагимовой и Тукучевой Уфимскаго уѣзда Уфимской губерніи, въ отдѣлѣ объ умершихъ въ статьѣ № 16 двадцать седьмаго Іюля значится записаннымъ Титулярный Совѣтникъ ~~отъ законныхъ родителей—отца~~ Мухамедсалимъ сынъ Ишмухамеда Ишгулова Умитбаева 65 лѣтъ ~~и матери~~

№ 3065

Рис. 4. Справка о смерти № 3 065,
выданная Оренбургским магометанским духовным собранием
С.Г. Умитбаевой 10 апреля 1908 г. Подлинник.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 8. *Начало*

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 7; Ильясова А.Я. История башкирского дворянства. Уфа, 2015. С. 188.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 2, 3, 8, 11 об. – 13.

Общепризнанной датой смерти М.И. Умитбаева ученые считают 28 июля 1907 г., оперируя сведениями, изложенными в выписке из свидетельства о смерти Мухаметсалима Ишмухаметовича Умитбаева, выданной 13 декабря 1946 г. МВД Башкирской АССР Научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории, которая хранится в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Согласно этому документу, М.И. Умитбаев умер 28 июля 1907 г. от ревматизма[1]. Однако в справке о смерти М.И. Умитбаева за № 3 065, выданной 10 апреля 1908 г. ОМДС Сарвизигане Гизетуллиновне Умитбаевой, бывшей супруге Мухаметсалима Ишмухаметовича Умитбаева, указано, что он умер 27 июля 1907 г.[2] (рис. 4).

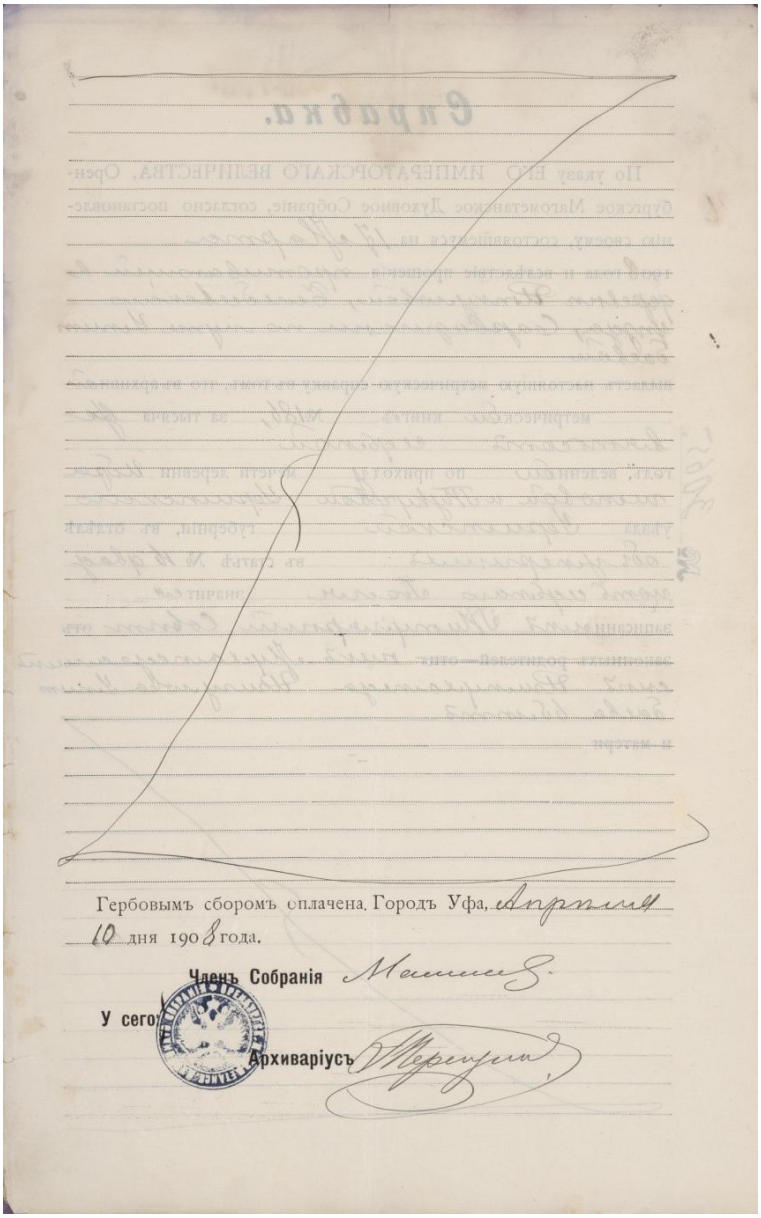

Гербовымъ сборомъ оплачена. Городъ Уфа, Апрѣля
10 дня 1908 года.
Членъ Собранія
У сего
Архиваріусъ

Рис. 4. Справка о смерти № 3 065,
выданная Оренбургским магометанским духовным собранием
С.Г. Умитбаевой 10 апреля 1908 г. Подлинник.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 8 об. *Окончание*

[1] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 386.
[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. Д. 213. Л. 8.

Сулейман Ишмухаметович Умитбаев (15 февраля 1850 г. – ?) — волостной старшина, каллиграфист (рис. 5). Выпускник Оренбургского кадетского корпуса. Имел сына Мухаметшакира (? – ?)[1].

Рис. 5. На переднем плане — Сулейман Ишмухаметович Умитбаев (15 февраля 1850 г. – ?).
НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 17

17 марта 1865 г. Ф.И. Умитбаев, стремясь оформить дворянские права, подал в ОДДС пакет необходимых документов и Собрание уже через день вынесло свой вердикт. Ниже мы приводим текст Определения ОДДС от 19 марта 1865 г.:

«1865 года марта 19-го дня по указу Его Императорского Величества в Оренбургском дворянском депутатском собрании слушали записку из дела о доказываемом родом из башкир Умитбаевых по чину дворянском достоинстве следующего содержания: зауряд-есаул 10-го уфимского кантона Фахритдин Ишмухаметев

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 20; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15 об.

[сын] Умитбаев, поданным в депутатское собрание прошением, ходатайствует о внесении его с братьями – урядником Мухаметьсалимом и Сулейманом, обучающимся в Оренбургском кадетском корпусе, – по заслугам покойного отца их есаула Ишмухаметя Ишигулова [сына] Умитбаева в дворянскую родословную книгу Оренбургской губернии с причислением к обществу дворянства Уфимского уезда и о выдаче ему копии с протокола и грамоты, а братьям его – свидетельств на дворянство. В доказательство прав своих на дворянство г[осподин] Умитбаев представил следующие документы: 1) свидетельство, данное отцу его, Ишмухаметю Ишигулову [сыну] Умитбаеву, от командира 5-го башкирского полка есаула Савина от 17 октября 1831 г. за № 236 о производстве его в чин зауряд-хорунжего; 2) 3 патента, данные ему же из Инспекторского департамента Военного министерства за № 5 375, 3 364 и 2 419 на чины полкового хорунжего, сотника и есаула; 3) 2 копии с формулярных списков – первую о службе отца и вторую о службе своей, за свидетельством исполняющего должность начальника 10-го уфимского кантона полковника [Н.М.] Максимовича; 4) 2 метрических свидетельства Оренбургского магометанского духовного собрания от 15 марта 1865 г. за № 744 и [от] 22 декабря 1847 г. за № 3 633 о рождении просителя и брата его Мухаметьсалима. Причем, г[осподин] Умитбаев объяснил, что метрическое свидетельство, выданное из Оренбургского магометанского духовного собрания о рождении брата его Сулеймана, представлено в Оренбургский кадетский корпус, почему просил истребовать из Магометанского собрания сведение о времени рождения его, которое ныне и получено. Из представленных г[осподином] Умитбаевым // документов и доставленного Магометанским собранием сведения о рождении Сулеймана Умитбаева видно: 1) из копии формулярного списка о службе отца просителя есаула Ишмухаметя Ишигулова [сына] Умитбаева, патентов и свидетельств на чины, что он, происходя из башкирских детей, в службу вступил в Башкирское войско в 1817 г., произведен в урядники – 10 ноября 1826 [г.], награжден чинами зауряд-хорунжего – 27 июля 1831 [г.], полкового хорунжего – 20 февраля 1839 [г.], сотника – 30 января 1853 [г.], есаула – 28 сентября 1859 [г.] и 20 февраля 1860 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3 ст. и знаком отличия беспорочной службы за 25 лет 22 августа того же 1860 г. В штрафах и под судом не был. [2)] Из копии с формулярного списка о службе зауряд-есаула Фахритдина Ишмухаметева [сына] Умитбаева за 1864 г. [видно], что он происходит из зауряд-чиновничьих детей, в службу вступил тоже в Башкирское войско в 1848 г., награжден чинами: зауряд-хорунжего – 31 мая 1852 [г.], зауряд-сотника по Высочайшему повелению – 9 сентября 1855 г. и зауряд-есаула – 30 августа 1859 г. В штрафах и под судом не был, и 3) Из метрических свидетельств и Отношения Оренбургского магометанского духовного собрания от 18 марта 1865 г. за № 796 [видно], что у Ишмухаметя Ишигулова [сына] Умитбаева в законном браке родились дети: Фахритдин 29 июля 1851 [г.], Мухаметьсалим 22 августа 1841 г. и Сулейман 15 февраля 1850 г. Законы: Высочайший указ [от] 14 мая 1863 г. и ст. 24, 38, 65, 1638, 1644 и 1645 т. 9 Свода законов издания 1857 г. и указ Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии Правительствующего Сената от 16 декабря 1859 г. за № 3 800. Определено: Из представленных просителем Умитбаевым документов на дворянство видно, что покойный отец его – есаул Ишмухаметь Ишигулов [сын] Умитбаев, состоя на службе в Башкирском войске, с Высочайшего утверждения был награжден чинами: зауряд-хорунжего в 1831 [г.], полкового хорунжего в 1839 [г.], сотника в 1853 [г.] и есаула в 1859 [г.], следовательно, получил действительный армейский чин до издания Высочайшего манифеста 11 июня 1845 г., чем и приобрел право на // причисление к потомственному дворянству. [Сведение] о законном же происхождении от него детей – зауряд-есаула Фахритдина, урядника Мухаметьсалима и воспитанника Оренбургского кадетского корпуса Сулеймана – удостоверяется надлежащими метриками Оренбургского

магометанского духовного собрания. Вследствие чего Депутатское собрание, руководствуясь вышеприведенным законом, полагает: зауряд-есаула Фахритдина Ишмухаметева [сына] Умитбаева с братьями его внести в[о] 2-ю часть дворянской родословной книги, с причислением, согласно желания его, к обществу дворянства Уфимского уезда и выдать г[осподину] Умитбаеву копию с настоящего Определения, а братьям его свидетельство, грамоту же на дворянство выдать Умитбаеву по утверждении Правительствующим Сенатом в дворянском достоинстве, о чем донести Департаменту герольдии Правительствующего Сената с представлением копий с документов и родословной о дворянстве рода Умитбаевых.

Подлинное подписали: губернский предводитель дворянства В. Стобеус, депутаты от дворянства Н. Эверсман и Д. Заварицкий и секретарь дворянства Листовский.

Верно: секретарь дворянства Листовский (подпись).

С подлинным читал: столоначальник Сокуров (подпись)».

РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 21–22. Копия.

На следующий день, 20 марта, ОДДС выслало в Департамент герольдии «дело о дворянстве Умитбаевых», сопроводив его рапортом от 20 марта 1865 г. за № 146, который гласил: «Дворянское собрание имеет честь представить при сем в Департамент герольдии Правительствующего Сената копии с документов и родословную о дворянстве рода Умитбаевых»[1]. Вышеупомянутое «дело о дворянстве Умитбаевых» состояло из копийных экземпляров следующих документов:

1) прошение зауряд-есаула Ф.И. Умитбаева[2];
2) восемь документов, предоставленных Ф.И. Умитбаевым в ОДДС в качестве доказательств прав на дворянство (перечислены нами выше)[3];
3) Отношение ОМДС от 18 марта 1865 г. за № 726 о рождении С.И. Умитбаева[4];
4) Определение ОДДС от 19 марта 1865 г.[5]

Завершали «дело о дворянстве» «родословная и краткое изложение содержания документов о дворянстве рода Умитбаевых»[6].

Тогда же, 20 марта 1865 г., Мухаметсалиму Умитбаеву было выдано свидетельство на потомственное дворянство за № 148 (рис. 6):

«Свидетельство

По указу Его Императорского Величества и на основании 65[-й] статьи 9[-го] тома Свода законов (издания 1857 г.) и Указа общего Собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии Правительствующего Сената от 16 декабря 1859 г. за № 3 800, дано сие свидетельство уряднику Мухаметьсалиму Ишмухаметеву [сыну] Умитбаеву, имеющему от роду двадцать четвертый год, в том, что по представленным доказательствам на дворянское достоинство по Определению Депутатского собрания 19-го сего марта признан он, Мухаметьсалим Умитбаев, по чину отца его есаула Ишмухаметя Ишигулова [сына] Умитбаева, в дворянском достоинстве и внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии с причислением к обществу дворянства Уфимского уезда, о чем донесено Департаменту герольдии Правительствующего Сената сего же числа за № 146, с представлением копий с документов, вошедших в состав Определения и родословной о дворянстве рода

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 1.
[2] Там же. Л. 3–4.
[3] Там же. Л. 5–19.
[4] Там же. Л. 20.
[5] Там же. Л. 21–22.
[6] Там же. Л. 23–25.

Умитбаевых. г. Уфа. Марта 20[-го] дня 1865 года. Губернский предводитель дворянства В. Стобеус (пошлины 1 руб. взяты). Секретарь дворянства Листовский. Столоначальник В. Сокуров. У сего Оренбургского дворянского депутатского собрания печать».

НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 18. Копия.

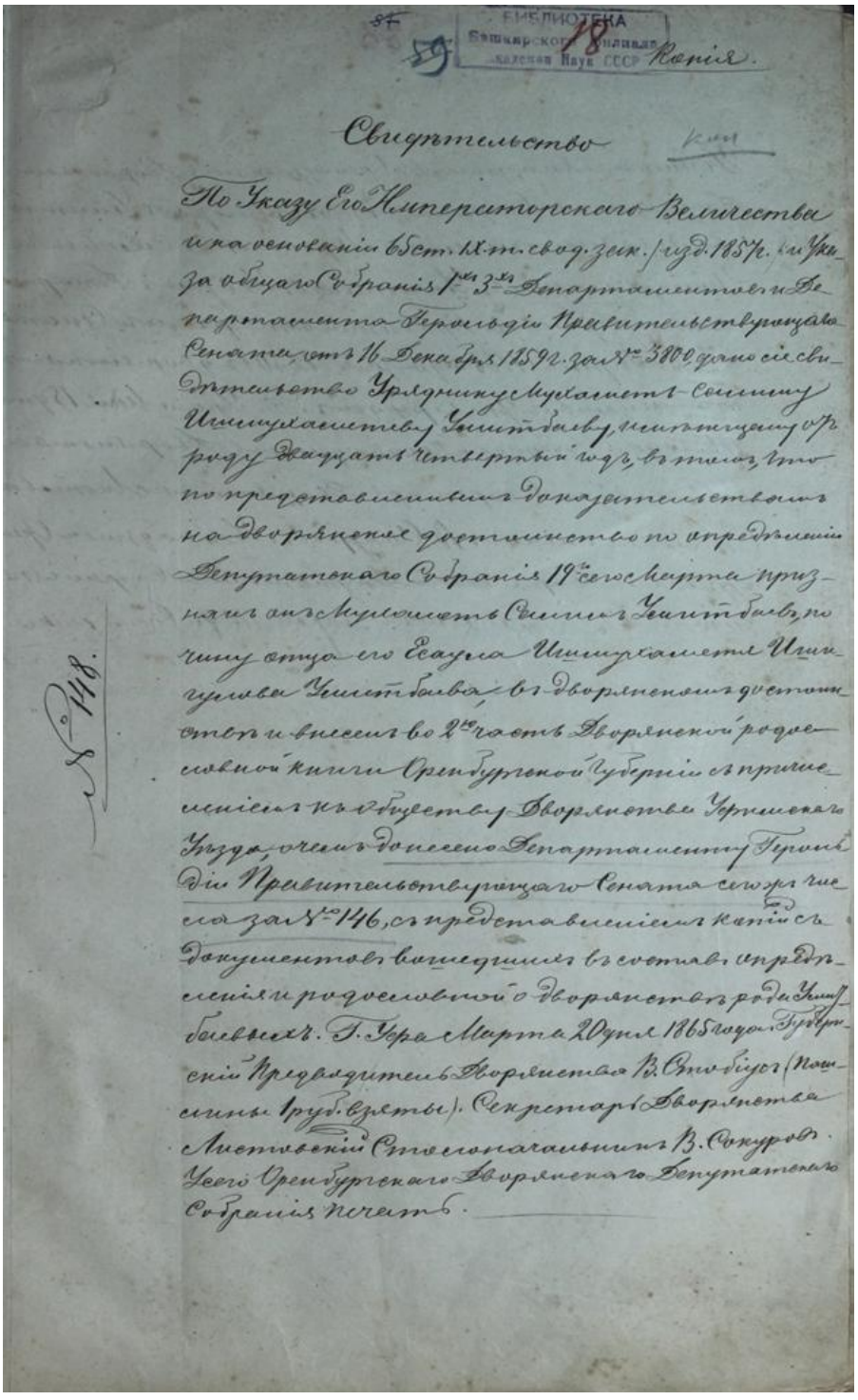


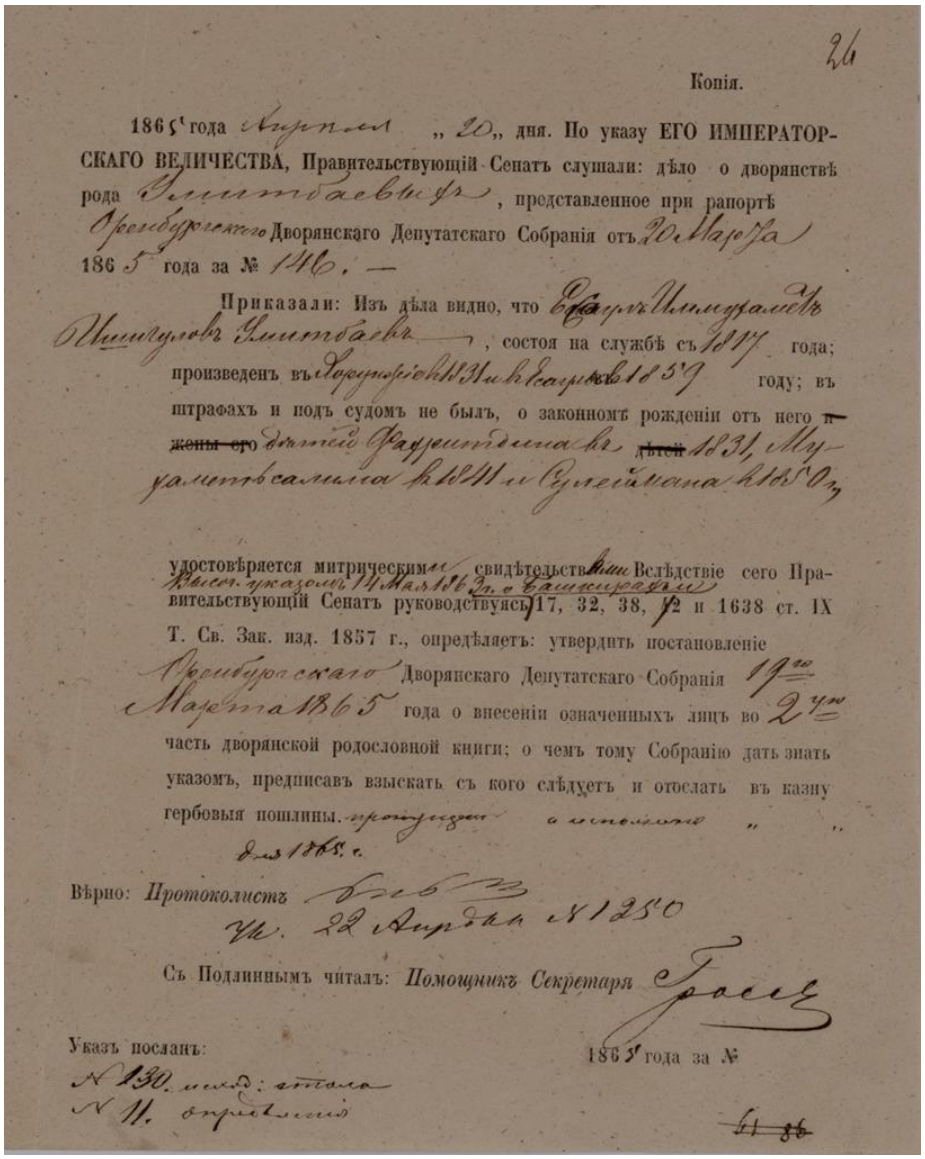
Рис. 6. Свидетельство на потомственное дворянство № 148, выданное Оренбургским дворянским депутатским собранием М.И. Умитбаеву 20 марта 1865 г. Копия.
НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 18

На оборотной стороне свидетельства написано:

«Учинена сия надпись в Оренбургском дворянском депутатском собрании, в том, что род Умитбаевых, в числе коем и Мухаметьсалим Ишмухаметев [сын] Умитбаев, Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 23 апреля 1865 г. за № 1 250 в дворянском достоинстве утвержден. г. Уфа. Мая 15[-го] дня 1865 г. Губернский предводитель дворянства В. Стобеус. Секретарь дворянства Листовский. Столоначальник В. Сокуров. У сей надписи Оренбургского дворянского депутатского собрания печать. С подлинным верно (подпись)».

НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об. Копия.

Рапорт с «делом о дворянстве Умитбаевых» был получен адресатом 9 апреля 1865 г.[1] 20 апреля 1865 г. Департамент герольдии Правительствующего Сената (далее – ДГПС) рассмотрел вопрос об утверждении рода Умитбаевых в дворянстве.



Копія.

1865 года Апрѣля „ 20„ дня. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло о дворянствѣ рода Умитбаевыхъ, представленное при рапортѣ Оренбургскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія отъ 20 Марта 1865 года за № 146. —

Приказали: Изъ дѣла видно, что Ишмухаметъ Ишкуловъ Умитбаевъ, состоя на службѣ съ 1817 года; произведенъ въ Корнеты 1831 и въ Ротмистры 1859 году; въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ, о законномъ рожденіи отъ него и ~~жены его~~ дѣтей Фахрутдина въ 1831, Мухаметьсалима въ 1841 и Сулеймана въ 1850 г.

удостовѣряется митрическими свидѣтельствами. Вслѣдствіе сего Высоч. указомъ 14 Мая 1862 Зп. о Сенаторахъ Правительствующій Сенатъ руководствуясь 17, 32, 38, 42 и 1638 ст. IX Т. Св. Зак. изд. 1857 г., опредѣляетъ: утвердить постановленіе Оренбургскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 19го Марта 1865 года о внесеніи означенныхъ лицъ во 2ую часть дворянской родословной книги; о чемъ тому Собранію дать знать указомъ, предписавъ взыскать съ кого слѣдуетъ и отослать въ казну гербовыя пошлины. пропущено о исполнено „ „ 8 Мая 1865 г.

Вѣрно: Протоколистъ

Ук. 22 Апрѣля № 1250

Съ Подлиннымъ читалъ: Помощникъ Секретаря

Указъ посланъ: 1865 года за №

№ 130. мая 8: стало

№ 11. апрѣлей

Рис. 7. Указ Правительствующего Сената от 22 (23) апреля 1865 г. за № 1 250. Копия. РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 26

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 1.

Указ Сената от 22 (23)[1] апреля 1865 г. за № 1 250 (рис. 7) гласил:

«1865 года апреля 20[-го] дня по указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали дело о дворянстве рода Умитбаевых, представленное при рапорте Оренбургского дворянского депутатского собрания от 20 марта 1865 г. за № 146. Приказали: Из дела видно, что есаул Иммухамет[2] Ишигулов [сын] Умитбаев, состоя на службе с 1817 г., произведен в хорунжие в 1831[3] [г.] и в есаулы в 1859 г.; в штрафах и под судом не был; [сведение] о законном рождении от него детей Фахритдина в 1831 [г.], Мухаметьсалима в 1841 [г.] и Сулеймана в 1850 г. удостоверяется метрическими свидетельствами. Вследствие сего Правительствующий Сенат, руководствуясь Высочайшим указом [от] 14 мая 1863 г. и 17, 32, 38 и 1638 статьями 9-го тома Свода законов издания 1857 г., определяет: утвердить Постановление Оренбургского дворянского депутатского собрания [от] 19 марта 1865 г. о внесении означенных лиц во 2-ю часть дворянской родословной книги; о чем тому Собранию дать знать указом, предписав взыскать с кого следует и отослать в казну гербовые пошлины…».

РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 26. Копия.

26 мая 1865 г. ДГПС получил рапорт ОДДС от 15 мая 1865 г. за № 274, в котором Собрание сообщало о том, что «указ Его Императорского Величества из Департамента герольдии Правительствующего Сената от 23 апреля сего года (1865 г. – *авт*.) за № 1 250 об утверждении в дворянстве рода Умитбаевых получен и по оному сделано должное распоряжение…»[4].

Высочайше утвержденным 2 января 1861 г. мнением Государственного Совета Российской империи было постановлено, что «дворянские депутатские собрания ежегодно представляют в Департамент герольдии Правительствующего Сената: а) алфавитные списки дворянских родов, в течении года утвержденных в дворянстве Правительствующим Сенатом, и б) такие же списки тех родов, к коим, в течении года, были вновь причислены некоторые лица»[5]. Данная статья просуществовала в различных изданиях Свода законов Российской империи до 1917 г.[6]

Во исполнение данного постановления, 17 января 1865 г. УДДС выслало в ДГПС «Список фамилиям и лицам, утвержденным в дворянском достоинстве по Указам Департамента герольдии Правительствующего Сената за 1865 г. по Уфимской губернии»[7].

Формуляр документа имел табличную форму и состоял из следующих граф:

1) «Номер фамилиям по порядку поступления об них указов Департамента герольдии»;

2) «Фамилии»;

3) «Когда документы были представлены на рассмотрение Герольдии»;

---

[1] На копии указа (рис. 7) пометка: 22 апреля. Во всех прочих документах, кроме «Алфавитного списка лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве указами Правительствующего Сената за 1909 г. Уфимского дворянского депутатского собрания» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 98–105), указ датирован 23 апреля, в упомянутом алфавитном списке – 22 апреля (РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 104; см. табл.).

[2] Правильно: Ишмухамет.

[3] Правильно: 1839.

[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4148. Л. 27–27 об.

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 36. № 36 502.

[6] Продолжение свода законов Российской империи, изданного в 1857 г. По 31 мая 1863 г. Ч. 3. Статьи к IX тому свода. СПб., 1863. С. 56. Ст. 1 656; Свод законов Российской империи: неофиц. изд. В 5 кн. / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Гейценберг; под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 2. Т. 9. С. 114. Ст. 984.

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 425–429.

4) «Кто именно из лиц (обозначить имя и отчество) утвержден Герольдией в дворянстве»[1];

5) «Когда о нем состоялись Определения дворянских собраний»;

6) «В какую часть внесен дворянской родословной книги»;

7) «От какого года, месяца, числа и за каким номером последовал указ»[2].

Третья графа была разделена на подграфы: «год, месяц и число» и «номер».

Под № 8 в данном документе были записаны Умитбаевы (рис. 8)[3]. Согласно сведениям списка, документы были представлены дворянским собранием на рассмотрение в ДГПС 20 марта 1865 г. за № 146. В дворянстве были утверждены есаул Ишмухамет Ишигулович Умитбаев с сыновьями Фахритдином (зауряд-есаул), Мухаметсалимом (урядник) и Сулейманом (кадет). Определением дворянского собрания от 19 марта 1865 г. они были внесены во 2-ю часть родословной книги. Указ Правительствующего Сената последовал 23 апреля 1865 г. за № 1 250[4]. Данный документ был получен адресатом 30 января 1865 г.[5]

Рис. 8. Фрагмент «Списка фамилиям и лицам, утвержденным в дворянском достоинстве по Указам Департамента герольдии Правительствующего Сената за 1865 г. по Уфимской губернии». Подлинник. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 428 об. – 429

В 1866–1917 гг. УДДС было выслано в ДГПС 48 алфавитных списков сопричисленных дворян, ОДДС в 1862–1917 гг. – 37[6]. Мы произвели сплошной их просмотр. Сведения о представителях рода, которые были признаны органами дворянского самоуправления потомственными дворянами, нами были обнаружены в алфавитных списках сопричисленных дворян Уфимской губернии. Выявленный в них материал по Умитбаевым мы представили в табличной форме (см. табл.). Но прежде чем мы перейдем к данным таблицы, нужно остановиться на формуляре этих документов, так как в таблице нами указаны лишь порядковые номера граф документов.

Формуляр алфавитных списков сопричисленных дворян Уфимской губернии имел табличную форму и состоял из следующих граф:

1) «Номер по порядку»;

2) «Фамилии»;

3) «В какой части родословной книги записаны»;

4) «Когда и за каким номером последовал указ Правительствующего Сената об утверждении фамилии в дворянстве»;

5) «Имена и отчества лиц, причисленных к фамилиям, по какому Определению депутатского собрания и на основании каких документов [причислены]» (рис. 9)[7].

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 426 об.

[2] Там же. Л. 427.

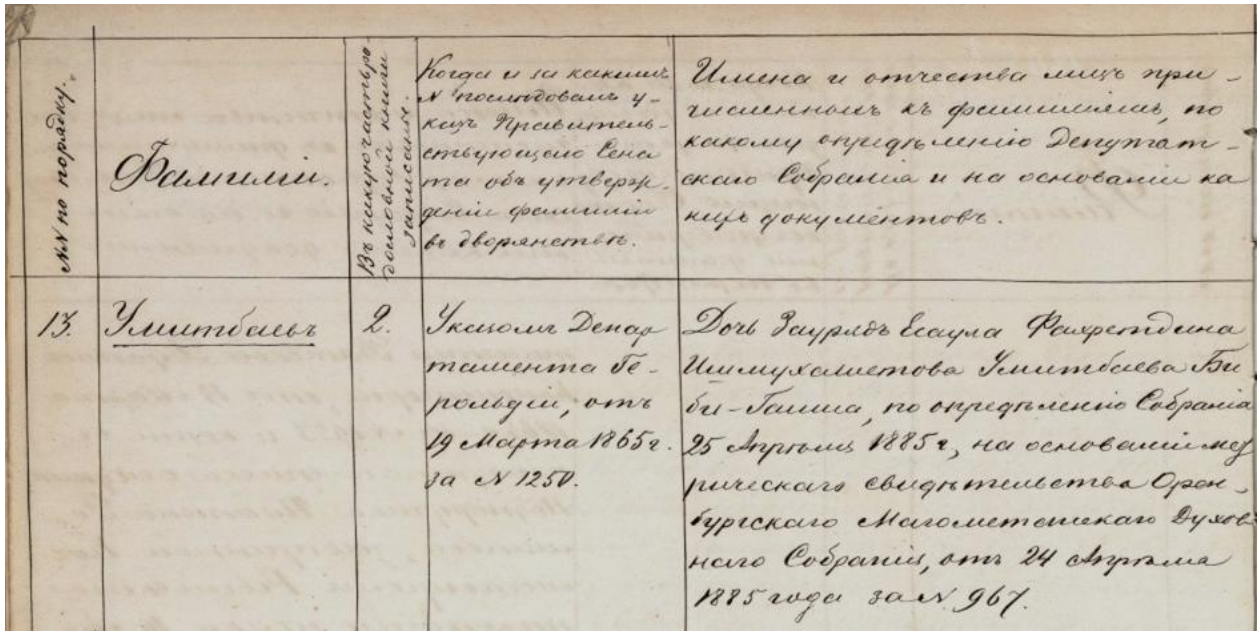
[3] Там же. Л. 428 об. – 429.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 425.

[6] Подсчитано по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 1–458; Д. 670. Л. 1–565.

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 292 об.



№ по порядку.	Фамилии.	В какую часть родословной книги записаны.	Когда и на каких основаниях последовали указы Правительствующего Сената об утверждении фамилии в дворянстве.	Имена и отчества лиц, причисленных к фамилиям, по какому определению Депутатского Собрания и на основании каких документов.
13.	Умитбаевы	2.	Указами Департамента Герольдии, от 19 Марта 1865 г. за № 1250.	Дочь зауряд-есаула Фахретдина Ишмухаметова Умитбаева Бибигайша, по определению Собрания 25 Апреля 1885 г., на основании метрического свидетельства Оренбургского Магометанского духовного Собрания, от 24 Апреля 1885 года за № 967.

Рис. 9. Фрагмент «Алфавитного списка лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве указами Правительствующего Сената за 1885 г. Уфимского дворянского депутатского собрания».
Подлинник. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 292 об.

Как видим из сведений, отраженных в таблице, Определениями УДДС от 8 ноября 1866 г. к дворянскому роду Умитбаевых были причислены Мухаметгариф и Абдулла Фахритдиновичи[1], 25 июня 1870 г. – Габдрахман Фахритдинович и Баязит Мухаметсалимович[2], 19 января 1876 г. – Габдулгазиз Фахритдинович и Рустамбек Мухаметсалимович[3], 25 апреля 1885 г. – Бибигайша Фахритдиновна[4], 2 сентября 1909 г. – Губейдулла и Мухаммед Габдулловичи[5], 9 апреля 1910 г. – Габдулбари, Габдрахим и Габдрашит Габдрахмановичи Умитбаевы[6] (табл.).

Таблица

Список лиц, причисленных в 1865–1917 гг. к дворянскому роду Умитбаевых

№ п/п	Название документа	Содержание документа				
		графы				
		1	2	3	4	5
1	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве Герольдией Правительствующего Сената или ее Присутствием или Департаментом герольдии за 1866 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	16	Умитбаевы	2	От 23 апреля 1865 г. за № 1 250	Сыновья зауряд-есаула Фахритдина Ишмухаметовича Умитбаева – Мухаметьгариф и Абдулла. По Определению Собрания 8 ноября 1866 г. На основании метрических свидетельств ОМДС об их рождении

[1] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 416–416 об.
[2] Там же. Л. 401 об.
[3] Там же. Л. 346.
[4] Там же. Л. 292 об.
[5] Там же. Л. 104.
[6] Там же. Л. 90.

№ п/п	Название документа	Содержание документа				
		графы				
		1	2	3	4	5
2	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве Геральдией Правительствующего Сената или ее Присутствием и Департаментом герольдии за 1870 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	11	Умитбаевы	2	От 23 апреля 1865 г. за № 1 250	Сыновья зауряд-есаула Фахритдина и Мухаметьсалима Ишмухаметовичей Умитбаевых – первого Габдрахман и второго Баязит. По Определению Собрания 25 июня 1870 г. На основании метрических свидетельств ОМДС от 20 июня 1870 г. за № 2 026 и 2 027
3	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве Геральдией Правительствующего Сената или ее Присутствием и Департаментом герольдии за 1876 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	9	Умитбаевы	2	От 23 апреля 1865 г. за № 1 250	Сын зауряд-есаула Фахритдина Ишмухаметовича Умитбаева – Габдулгазиз и сын урядника Мухаметьсалима Ишмухаметовича Умитбаева – Рустамбек. По Определению Собрания 19 января 1876 г. На основании метрических свидетельств ОМДС от 23 декабря 1875 г. за № 3 257 и 3 258 о рождении
4	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве указами Правительствующего Сената за 1885 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	13	Умитбаев	2	От 19 марта[1] 1865 г. за № 1 250	Дочь зауряд-есаула Фахретдина Ишмухаметовича Умитбаева – Биби-Гайша. По Определению Собрания 25 апреля 1885 г. На основании метрического свидетельства ОМДС от 24 апреля 1885 г. за № 967
5	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве указами Правительствующего Сената за 1909 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	23	Умитбаев	2	От 22 апреля 1865 г. за № 1 250	Сыновья Габдуллы Фахритдиновича Умитбаева – Губейдулла и Мухаммед. По Определению Собрания 2 сентября 1909 г. На основании 2-х метрических свидетельств, выданных ОМДС 13 декабря 1906 г., о рождении Губейдуллы за № 8 342 и Мухаммеда за № 8 341
6	«Алфавитный список лиц, причисленных к родам, утвержденным в дворянстве указами Правительствующего Сената за 1910 г. Уфимского дворянского депутатского собрания»	28	Умитбаев	2	От 23 апреля 1865 г. за № 1 250	Сыновья Габдрахмана Фахритдиновича Умитбаева – Габдулбари, Габдрахим и Габдрашит. По Определению Собрания 9 апреля 1910 г. На основании: 1) метрической справки о рождении Габдулбари, заверенной ОМДС 13 марта 1910 г., за № 1 784; 2) метрического свидетельства о рождении Габдрахима, выданного ОМДС 13 марта 1910 г., за № 1 786; 3) метрической справки о рождении Габдрашита, заверенной ОМДС 13 марта 1910 г., за № 1 785

Составлена по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 83–92, 98–105, 290–292 об., 344–346 об., 399–402, 413–417.

[1] В документе ошибочно: 19 марта (рис. 9), т. е. указана дата Определения ОДДС. Правильно: 22 (23) апреля.

Для причисления вновь рожденных детей к дворянскому роду, дворянину нужно было обратиться с этой просьбой в дворянское собрание, приложив к заявлению (ходатайству) метрические свидетельства или справки об их рождении, выданные или заверенные ОМДС.

Ниже мы приводим текст формы прошения, адресованного ОМДС, подготовленной М.И. Умитбаевым для своего племянника А.Ф. Умитбаева:

«В Оренбургское магометанское духовное собрание
дворянина Уфимского уезда,
Бишаул-Унгаровской волости, д. Ибрагимовой
Абдуллы Фахритдинова [сына] Умитбаева
прошение

Для представления в Уфимское дворянское депутатское собрание на предмет исходатайствования свидетельств о занесении сыновей моих в дворянскую родословную книгу, необходимы мне метрические свидетельства о рождении сыновей моих: Мухаммеда, родившегося в 1895 г., Губейдуллы, родившегося в 1902 г., и записанных в метрику Ибрагимовской соборной мечети.

Кроме того необходимо также свидетельство о браке моем с дочерью майора Абдулвалия Абдулл[ов]ича Давлетшина – Биби-Фа-//тимою, совершенном в 1887 г. при 1-й Соборной мечети д. Бузовьязовой Стерлитамакского уезда.

А потому, прилагая при сем 3 гербовые марки по 75 коп. каждая, имею честь покорнейше просить Духовное собрание сделать распоряжение выдать мне означенные свидетельства по явке лично в Собрание 22 ноября 1906 г. К сему прошению моему я, дворянин Абдулла Фахритдинов [сын] Умитбаев, руку приложил».

НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 121–121 об. Подлинник.

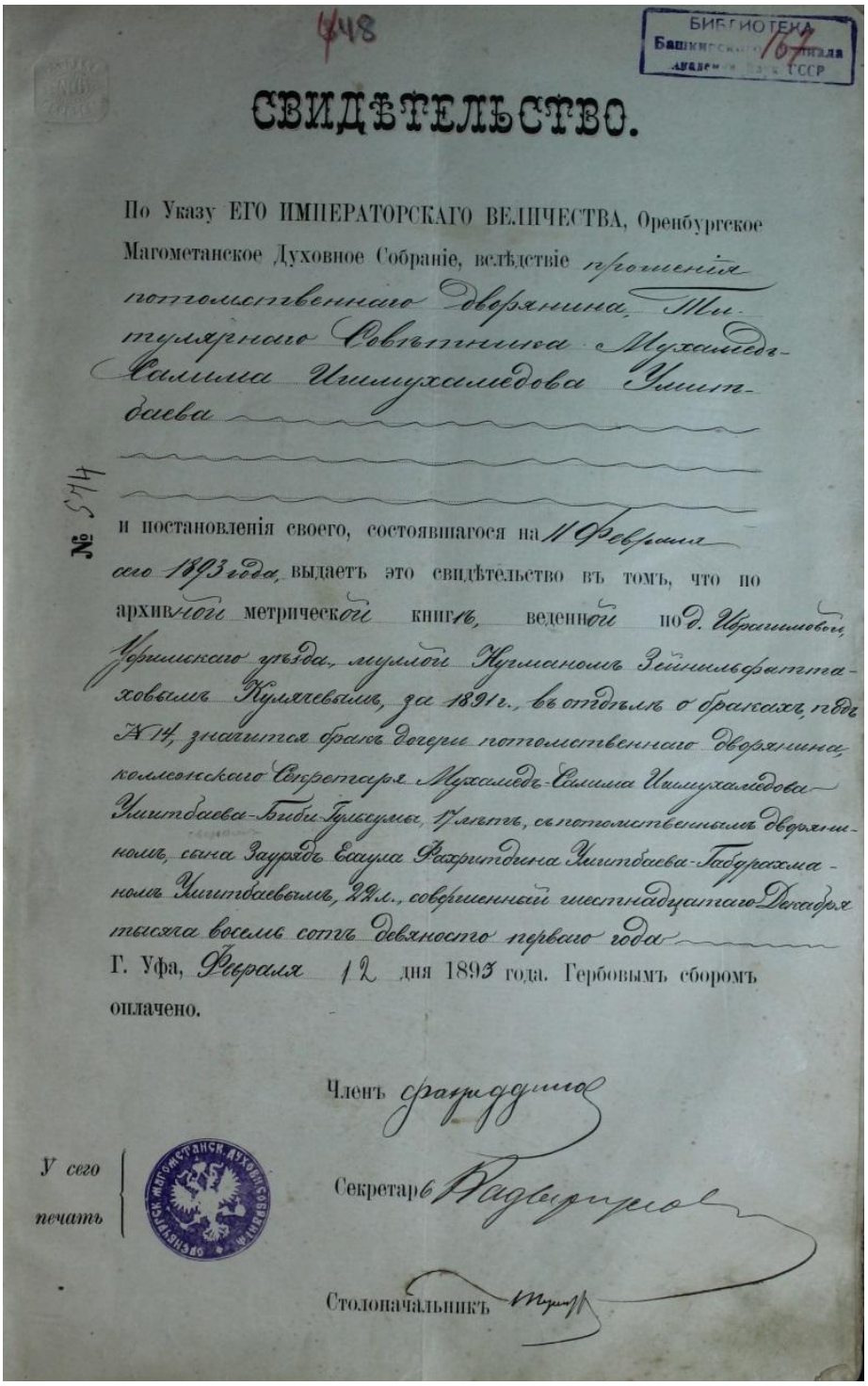
Что же нам известно о сопричисленных лицах?

Абдулла Фахритдинович Умитбаев (? – ?) — потомственный дворянин. Учился в д. Бузовьязово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии у Ибрагима-хазрета[1]. 3 февраля 1867 г. УДДС ему было выдано свидетельство на потомственное дворянство за № 51[2]. В 1887 г. в 1-й Соборной мечети д. Бузовьязово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии женился на дочери майора Абдулвалия Абдулловича Давлетшина – Бибифатиме (?– ?). У них были сыновья Мухаммед (1895 – ?) и Губейдулла (1902 – ?)[3]. По сведениям Уфимского губернского присутствия в 1902 г. он владел в д. Ибрагимово Уфимского уезда 63 дес. земли, в т. ч. 53 дес. – собственной и 10 дес. – надельной земли[4]. По данным карточек подворной переписи 1917 г., в д. Ибрагимово Уфимского уезда имел прислугу (наемного рабочего, кухарку и горничную), 19 лошадей, 18 голов крупного рогатого скота, 17 овец, засевал 35 дес. земли[5].

Габдрахман Фахритдинович Умитбаев (1869 – ?) — воспитанник Оренбургской татарской учительской школы (в 1888 г.)[6]. 16 декабря 1891 г. в возрасте 22 лет в д. Ибрагимово женился (рис. 10) на своей 17-летней двоюродной сестре Бибигульсум Мухаметсалимовне Умитбаевой (1874 – ?)[7]. Отец 3 сыновей: Габдулбари (? – ?), Габдрахима (? – ?) и Габдрашита (? – ?)[8]. По данным Уфимского губернского присутствия

[1] Родословная башкир Юмран-Табынской волости… С. 61.
[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 16.
[3] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 121–121 об.
[4] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15 об.
[5] Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4576. Л. 108/70.
[6] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.
[7] Там же. Д. 1. Л. 167.
[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 670. Л. 90.

в 1902 г. владел в д. Ибрагимово Уфимского уезда Оренбургской губернии 63 дес. земли, в т. ч. 53 дес. – собственной и 10 дес. – надельной земли[1].



448

БИБЛИОТЕКА Башкирского филиала Академии Наук СССР 167

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе, вслѣдствіе прошенія потомственнаго дворянина, Титулярнаго Совѣтника Мухамедъ-Салима Ишмухамедова Умитбаева

№ 574

и постановленія своего, состоявшагося на 11 Февраля сего 1893 года, выдаетъ это свидѣтельство въ томъ, что по архивной метрической книгѣ, веденной по д. Ибрагимовой, Уфимскаго уѣзда, муллой Нугманомъ Зейнильфаттаховымъ Кулячевымъ, за 1891 г., въ отдѣлѣ о бракахъ, подъ № 14, значится бракъ дочери потомственнаго дворянина, коллежскаго Секретаря Мухамедъ-Салима Ишмухамедова Умитбаева-Биби-Гульсумы, 17 лѣтъ, съ потомственнымъ дворяниномъ, сына Заурядъ Есаула Фахритдина Умитбаева-Габдрахманомъ Умитбаевымъ, 22 л., совершенный шестнадцатаго Декабря тысяча восемь сотъ девяносто перваго года

Г. Уфа, Февраля 12 дня 1893 года. Гербовымъ сборомъ оплачено.

Членъ Фахриддинов

У сего печать

Секретарь Кадыриров

Столоначальникъ

Рис. 10. Свидетельство о браке № 574,
выданное Оренбургским магометанским духовным собранием
М.И. Умитбаеву 12 февраля 1893 г.
о браке Г.Ф. Умитбаева и Б.М. Умитбаевой. Подлинник.
НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 167

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15 об.

Габдулгазиз Фахритдинович Умитбаев (21 июля 1872 г. – ?) — канцелярский служитель, состоящий в штате Красноуфимского уездного съезда Пермской губернии (1900–1903). Родился и вырос в д. Ибрагимово. Окончил Казанскую татарскую учительскую школу. Имел свидетельство «об окончании курса на звание учителя начального татарского училища» от 20 сентября 1892 г. за № 352. 1 сентября 1900 г. постановлением председателя Красноуфимского уездного съезда Пермской губернии, которое было утверждено пермским губернатором 19 сентября 1901 г., согласно прошению, был принят на государственную службу канцелярским служителем первого разряда по происхождению в штат Красноуфимского уездного съезда. В отпусках и под судом не был. В возрасте 30 лет был холост[1].

Бибигайша Фахритдиновна Умитбаева (? – ?) — единственная представительница женского пола, причисленная к дворянскому роду Умитбаевых. Была замужем за Абдулдаяновым. В начале 1902 г. она получила 1/7 часть, а братья Абдулла, Габдрахман и Габдулгазиз – по 2/7 части наследства, оставшегося после смерти матери[2].

Баязит Мухаметсалимович Умитбаев (1 августа 1867 г. – ?) — указной мулла в д. Ибрагимово. Учился у ученого Нугмана-хаджи (хаджи – человек, совершивший хадж)[3]. Имел копию с протокола УДДС от 30 июня 1870 г. за № 342 о своем дворянском происхождении[4]. В 1917 г. постановлением волостного схода, состоявшегося в с. Бишаул-Унгарово Уфимского уезда, избран жителями д. Ибрагимово для образования Волостного комитета, а также «представителем депутатов» для участия в Уездных и Губернских комитетах[5].

Мухаметшакир Сулейманович Умитбаев (? – ?) — потомственный дворянин. В 1902 г. имел в собственности 22 дес. 1 200 саж. надельной земли[6].

Об Габдрахмане и Габдулгазизе Фахритдиновичах и Мухаметшакире Сулеймановиче Умитбаевых в документе 1902 г. «Сведения о дворянах, проживающих в селениях Уфимской губернии» написано, что «в родословную книгу записаны и свидетельства о том имеют при себе, но в виду проживания их в разных местностях Уфимской и Самарской губерний – точных сведений нет»[7].

Как видим, Определением ОДДС от 19 марта 1865 г. и Указом ДГПС от 22 (23) апреля 1865 г. за № 1 250 в потомственном российском дворянстве были признаны и утверждены Ишмухамет Ишигулович Умитбаев с сыновьями Фахритдином, Мухаметсалимом и Сулейманом. И.И. Умитбаев, состоя на службе в Башкиромещерякском войске, был Всемилостивейше пожалован 15 февраля 1839 г. в полковые хорунжии, чем и приобрел право на потомственное дворянство. Процедуру оформления дворянских прав по заслугам отца осуществил Фахритдин Ишмухаметович Умитбаев. Упоминание о том, что сыновья Ишмухамета Ишигуловича Умитбаева «благодаря его офицерскому чину добились потомственного дворянства» содержится и в родословной башкир Юмран-Табынской волости[8]. Определениями УДДС от 8 ноября 1866 г., 25 июня 1870 г., 19 января 1876 г., 25 апреля 1885 г., 2 сентября 1909 г. и 9 апреля 1910 г. к дворянскому роду Умитбаевых были причислены внуки, внучка и правнуки И.И. Умитбаева.

---

[1] РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 767. Л. 7–8.
[2] НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 1632. Л. 1–3.
[3] Родословная башкир Юмран-Табынской волости… С. 61.
[4] НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 71, 73.
[5] Там же. Д. 4. Л. 133–133 об.
[6] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 15 об.
[7] Там же. Л. 15 об. – 16.
[8] Родословная башкир Юмран-Табынской волости… С. 59.

Источники и литература

1. Ильясова А.Я. История башкирского дворянства. Уфа: Китап, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

2. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 22. Личный фонд М. Уметбаева. Оп. 1. Д. 1, 4, 6.

3. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Канцелярия Оренбургского военного губернатора. Оп. 1. Д. 7375, 14637, 14667; Ф. И-10. Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2472; Ф. И-138. Оренбургская казенная палата. Оп. 2. Д. 615, 617, 661, 664, 728; Ф. И-295. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание. Оп. 4. Д. 22904; Оп. 5. Д. 1632; Ф. Р-473. Белебеевская нижняя расправа. Оп. 1. Д. 4576.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. 1649–1825 гг.: В 45 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 36. № 36 502.

5. Продолжение свода законов Российской империи, изданного в 1857 г. По 31 мая 1863 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Ч. 3. Статьи к IX тому свода. С. 56.

6. Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: НУР-Полиграфиздат, 1997. 88 с.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Оп. 73. Д. 213; Ф. 1343. Третий Департамент Сената. Оп. 30. Д. 4148; Оп. 51. Д. 647, 670; Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция). Оп. 2. Д. 767.

8. Свод законов Российской империи: неофиц. изд. В 5 кн. / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Гейценберг; под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Кн. 2. Т. 9. С. 114.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-16

А.Д. Казанчиев*

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты деятельности органов местного самоуправления Уфимской губернии во второй половине 1918 г. – первой половине 1919 г., в период нахождения региона под контролем антибольшевистских сил. Органы местного самоуправления в данный период играли активную роль во всех сферах общественной жизни. Дореволюционная модель самоуправления была достаточно жизнеспособной. Тем не менее, эффективное функционирование органов самоуправления подрывали экстремальные условия Гражданской войны: боевые действия, острая политическая борьба даже внутри антибольшевистского лагеря, разрушенная экономика и государственность.

Ключевые слова: Уфимская городская дума, земство, политические партии, власть, Комуч, Уфа.

Переход Башкирского края летом 1918 г. под контроль антибольшевистских сил реанимировал упраздненные советской властью органы местного самоуправления. Появились новые, специфичные для гражданской войны властные структуры.

С 4 по 25 июля 1918 г. верховной властью не только в Уфе, но и во всей Уфимской губернии объявил себя Временный комитет Уфимской городской думы (ВКУГД). Его деятельность практически не изучена. Между тем, именно он, а не Комуч осуществлял самые первые преобразования переходного периода на территории Уфимской губернии. Хотя ВКУГД признавал юрисдикцию Комуча над своей территорией, до 25 июля в Уфимской губернии отсутствовал комучевский административный аппарат. Поэтому ВКУГД можно рассматривать в качестве областного правительства. В целом, с точки зрения состава ВКУГД, его можно отнести к левому флангу антибольшевистского лагеря. Однако, по сравнению с почти чисто эсеровским Комучем, его состав был более правым. Кроме эсеров и меньшевиков членами ВКУГД были торгово-промышленники, кадеты и народные социалисты. Председателем ВКУГД был председатель Уфимского губкома Партии социалистов-революционеров В.П. Гиневский[1]. Подобные властные органы существовали в июле 1918 г. и в других уездах Уфимской губернии. К примеру, Бирский уезд контролировался Бирским объединенным городским и земским комитетом[2].

Наиболее яростными противниками подчинения Уфимской губернии Комучу были меньшевики. Согласно заявлению председателя Уфимской организации меньшевиков Ибрагима Ахтямова, прозвучавшему 22 июля 1918 г. на заседании Временного комитета, необходимо было опираться на местные органы самоуправления, «вследствие установившейся в массах инерции неповиновения центральной власти»[3]. Большинство уфимских эсеров занимало прокомучевскую позицию. Однако Председатель Уфимского городского комитета партии эсеров А.Л. Шеломенцев считал, что всероссийские притязания Комуча не объединят, а, наоборот, расколят силы демократии. Свою позицию он объяснял исключительно эсеровским составом Комуча[4]. Даже В.П. Гиневский в

* ***КАЗАНЧИЕВ Александр Дмитриевич*** *— кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; ученый секретарь; отдел новейшей истории Башкортостана; старший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; kazan1965@mail.ru.*

[1] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-311. Оп. 2. Д. 1. Л. 96.

[2] Там же. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

[3] Там же. Л. 57–59.

[4] Социалист-революционер (Уфа). 1918. 27 июля.

течении нескольких дней отказывался занять пост губернского уполномоченного[1]. Следовательно, Комуч не обладал безоговорочной поддержкой не только в масштабах всего антибольшевистского лагеря, но даже и на левом его фланге. Большинство членов ВКУГД возражало против подчинения Комучу через институт губернских уполномоченных Комуча. В качестве компромиссного варианта ВКУГД предлагал подчинение уполномоченному с ограниченными функциями (надзора, контроля и связи). Представитель Комуча в Уфе занял жесткую позицию, пригрозив, что органы самоуправления, выполняющие несвойственные им законодательные функции, могут «сломать себе голову»[2]. Жесткость комучевской позиции объясняется тем, что он не мог согласиться на подчинение Уфимской губернии на каких-то особых условиях. Следует отметить, что и сам ВКУГД столкнулся с нежеланием уездных властей подчиняться ему в некоторых вопросах, в частности продовольственных и финансовых[3].

Выборы в Уфимскую городскую думу, состоявшиеся в сентябре 1918 г., свидетельствуют о расстановке политических сил. В выборах приняли участие лишь 12% лиц, имевших право голоса. Снижение активности избирателей было характерно в то время для всего Востока России. Однако, нигде, кроме Уфы, в подобных выборах не было столь низкого процента явки. Видимо, сыграл свою роль и сильный дождь в день выборов. В соответствии с результатами выборов места в думе распределились следующим образом: список Уфимского союза приходских советов получил 28% мест, кадетов – 19%, меньшевиков – 15%, мусульман – 14%, эсеров – 9% и энесов – 6%. Итоги выборы вызвали неоднозначные оценки в местных политических кругах[4]. Социалистические партии и кадеты расценили их как победу «реакционеров» и «черносотенцев» в лице приходов. Епископ Андрей вскоре после выборов назвал эти обвинения «самой неприличной клеветой» и призывал забыть «злую и суесловную шумиху политических партий»[5]. На наш взгляд, имели место рост недоверия к политическим партиям и всплеск традиционалистских настроений населения. Так, в июле 1918 г. в Уфе на митинге мусульман Уфы образовался Уфимский временный мусульманский городской народный комитет. Согласно заявлению его организаторов из-за отсутствия мусульманской национальной партии комитет брал на себя функции партийного органа мусульман[6]. Даже сравнительно небольшая католическая община Уфы тогда же образовала Римско-католическую партию социальных реформ[7].

В соответствии с результатами выборов распределились и ответственные посты в структурах городского самоуправления. Новый состав думы избрал городским головой представителя приходов Г.М. Курковского, председателем президиума думы – Ф.З. Чембулова, его товарищем – кадета М.Ф. Зубакина, а секретарем – А.С. Терегулова. Прежняя дума, сформированная после выборов июля 1917 г., была гораздо более левой. Новый состав думы сильно поправел, прежде всего за счет приходской фракции. Кадеты также получили в 2 раза больше мест. Из социалистических партий улучшили свои позиции лишь самые правые – народные социалисты[8].

Местные органы власти оказались втянутыми в конфликты всероссийского масштаба, что объясняется отчасти всплеском политической активности в период кардинальных перемен, отчасти тем обстоятельством, что именно в Уфе имели место

[1] НА РБ. Ф. Р-1177. Оп. 2. Д. 1. Л. 60–65.
[2] Там же. Л. 57–67.
[3] Там же. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 21. Л. 80–81.
[4] Уфимская жизнь. 1918. 17 сент.
[5] Отечественные ведомости (Уфа). 1918. 20 окт.
[6] Голос рабочего (Уфа). 1918. 16 июля.
[7] Уфимская жизнь. 1918. 17 сент.
[8] Народное дело (Уфа). 1918 . 24 окт.

события, значимые для всего антибольшевистского лагеря.

Так, Уфимская Директория, образованная в сентябре 1918 г. на Уфимском Государственном совещании, была провозглашена Временным Всероссийским Правительством. Она просуществовала до 18 ноября 1918 г., когда военные арестовали ее левую часть и Верховным Правителем был провозглашен адмирал А.В. Колчак.

Большинство местных организаций политических партий осудили колчаковский переворот и потребовали восстановления Директории. При обсуждении этого вопроса на заседании Уфимской городской думы воздержалась лишь приходская фракция. В основу думской резолюции легло заявление Ибниамина Ахтямова от мусульман. С осуждением переворота выступили энесы и даже кадеты в лице Блюменталя[1]. Между тем, в других уральских и сибирских городах эти партии не только поддержали Колчака, но и способствовали его приходу к власти.

Совет управляющих ведомствами Комуча, находившийся в Уфе, препятствовал колчаковской власти, однако она была установлена в ночь со 2 на 3 декабря 1918 г. После установления колчаковской диктатуры Совет потребовал немедленного восстановления Директории и попытался возглавить сопротивление перевороту, рассчитывая на части Народной Армии Комуча и чехословаков. Однако командование и тех, и других сделало все возможное, чтобы нейтрализовать эти попытки[2].

На уфимский переворот, состоявшийся в ночь со 2 на 3 декабря 1918 г., думские фракции отреагировали следующим образом: социалисты и мусульмане осудили его, кадеты назвали свое прошлое заявление ошибкой и объяснили его незнанием ситуации, диктатуру они признали единственным средством, способным «в это небывалое время спасти государство от окончательной гибели». Со схожим заявлением выступили и приходы[3].

Местные власти, конечно, занимались не только «большой политикой», но и решали целый ряд насущных задач, как типичных для органов местного самоуправления, так и специфичных для «смутного времени». К последним отнесем обилие областных и национальных правительств, появившихся на территории, подконтрольной антибольшевистским силам, что приводило к конфликтным ситуациям, так как правительства были самопровозглашенными, не существовало общепризнанной всероссийской власти. Так, в октябре 1918 г. Яланская кантональная управа запретила представителям Временного сибирского правительства (ВСП) проведение выборов волостных земских гласных. По ее мнению местные властные органы не могут избираться «на общем основании с прочими волостями небашкирскими»[4]. Этими же причинами объясняются и налоговые споры: куда вносить налоги, в кантональные управы или в земства. Здесь имели место трения между ВСП, Правительством Башкортостана и Комучем. По мнению Комуча, Башкирское Правительство не имело права собирать налоги до окончательного разрешения вопроса о границах автономии Учредительным собранием[5].

Местные власти пытались бороться с перегибами карательной политики. В июле 1918 г. военный комендант Уфы обратился к ВКУГД с просьбой о создании совместной комиссии по проверке оснований к арестам, так как одним военным было сложно справиться с массой арестованных людей[6]. В течении июля комиссией было допрошено

[1] Голос рабочего (Уфа). 1918. 23 нояб.

[2] НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 131, 226, 252.

[3] Уфимская жизнь. 1918. 12 дек.

[4] НА РБ. Ф. Р-1107. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

[5] Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 314–315.

[6] НА РБ. Ф. Р-1177. Оп. 2. Д. 2. Л. 63.

около 400 и освобождено около 300 чел. Представитель ВКУГД в комиссии Ибниамин Ахтямов вышел из ее состава из-за действий военных. Последние часто арестовывали уже освобожденных людей, причем организаторов этих арестов выявить не удалось[1]. В период существования ВКУГД по инициативе В.П. Гиневского образовалась следственно-юридическая комиссия. Она имела исключительное право подписывать ордера на проведение обысков и арестов. В отличие от ранее упоминаемой комиссии, она просуществовала дольше. В комучевский и колчаковский периоды ее состав был более профессиональным[2].

В июле 1918 г. разразился острый конфликт между служащими бастовавшими и работавшими при большевиках. Первые требовали своего восстановления на прежнем месте работы и увольнения последних. Временный комитет встал на сторону бастовавших при большевиках. Эту позицию разделяли не только кадеты, но и эсеры. Только меньшевики считали недопустимым преследование за политические убеждения и обвиняли Временный комитет, что он пошел «навстречу чувствам раздражения и мести в среде бастовавших служащих»[3].

Все антибольшевистские власти взяли курс на денационализацию торгово-промышленных предприятий. Первый такой указ был издан еще ВКУГД. Согласно ему, запрещались насильственные действия при денационализации. Спорные вопросы разрешались смешанной комиссией по вопросам промышленности, в которую входили представители ВКУГД, торгово-промышленников и профсоюзов[4]. Все антибольшевистские правительства, кроме колчаковского, накладывали определенные ограничения на торговлю товарами первой необходимости. В частности, устанавливались предельные цены и запрещался вывоз товаров за границы губернии без разрешения местных продовольственных органов. С такой политикой были солидарны и местные органы самоуправления. В сентябре 1918 г. сессия Уфимского губернского земства приняла постановление о том, что свободная торговля противоречит как интересам армии, так и интересам потребляющих губерний[5]. Правительство Колчака встало на точку зрения торгово-промышленников, согласно которой всяческие ограничения лишь вредят экономике, и отменило ограничения, в т. ч. и в отношении хлеба.

Антибольшевистские власти испытывали значительные финансовые сложности и пытались изыскивать средства любыми способами. В комучевский и колчаковский периоды Уфимская городская дума пыталась взыскивать подоходный городской налог насильственным образом с помощью милиции. Более того, обсуждался проект принудительной подписки на городской займ. Примечательно, что такая политика подвергалась критике даже на страницах колчаковской прессы. «Великая Россия» сравнила ее с большевистскими способами собирания налогов[6].

Итак, органы местного самоуправления Уфимской губернии в период нахождения ее под контролем антибольшевистских сил смогли быстро воссоздать свои структуры, ликвидированные советской властью. Местные антибольшевистские власти обладали довольно широкими полномочиями и даже брали на себя функции практически независимого регионального правительства, что объяснялось распадом государственности и отсутствием общепризнанной центральной власти. С точки зрения политического состава местные власти объединяли достаточно разнородные силы: так называемую «демократическую контрреволюцию», центристов (кадетов) и правых традиционалистов.

[1] Голос рабочего (Уфа). 1918. 22 июля.
[2] НА РБ. Ф. Р-1177. Оп. 2. Д. 1. Л. 7; Народное дело. 1918. 18 авг.
[3] Там же. Л. 5.
[4] Там же. Л. 33.
[5] Там же. Ф. И-343. Оп. 2. Д. 367. Л. 42 об.
[6] Великая Россия (Уфа). 1919. 5 апр.

Прослеживается тенденция поправения власти на местном уровне, что отражает и настроения населения в целом. На региональном материале отчетливо видны слабости антибольшевистского лагеря, прежде всего отсутствие единства по стратегическим вопросам. На наш взгляд, дореволюционная модель самоуправления была вполне жизнеспособной, однако, она не могла эффективно функционировать в условиях гражданской войны, распада государственности и экономики, а также поляризации общества.

Источники и литература

9. Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1966. 483 с.
10. Великая Россия (Уфа). 1919. 5 апр.
11. Голос рабочего (Уфа). 1918. 16 июля, 22 июля, 23 нояб.
12. Народное дело (Уфа). 1918.18 авг., 24 окт.
13. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 23; Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 21; Ф. И-311. Оп. 2. Д. 1; Ф. И-343. Оп. 2. Д. 367; Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-1107. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-1177. Оп. 2. Д. 1, 2.
14. Отечественные ведомости (Уфа). 1918. 20 окт.
15. Социалист-революционер (Уфа). 1918. 27 июля.
16. Уфимская жизнь. 1918. 17 сент., 12 дек.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-17

Р.И. Кантимирова*

МЕРОПРИЯТИЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ГУБЕРНАТОРА В.Д. ЛЕВШИНА (1876–1880) ПО БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность местной администрации под руководством уфимского губернатора В.Д. Левшина по борьбе с пожарами. Исследование опирается на данные всеподданейших отчетов уфимского губернатора В.Д. Левшина императору в 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 гг., а также на постановления, циркулярные предписания и меры предосторожности против пожаров губернаторам. Губернатор В.Д. Левшин для предотвращения пожаров предлагал увеличить количество и исправность огнегасительных снарядов, подготовить опытного брантмейстера, в центре населенных пунктов в определенный двор поместить все пожарные инструменты. Несмотря на принимаемые меры, количество пожаров в крае не уменьшилось.

Ключевые слова: губернатор, В.Д. Левшин, Уфимская губерния, пожары, местная администрация.

Владимир Дмитриевич Левшин родился в 1834 г. в Тульской губернии, в дворянской семье генерала от инфантерии Дмитрия Сергеевича Левшина. Воспитывался в Петровском Полтавском кадетском корпусе, но полного образования не получил. 26 февраля 1851 г. В.Д. Левшин начал государственную службу в должности писца Московской палаты государственных имуществ, в 1854 г. был определен в коллежские регистраторы со старшинством. 2 июля 1876 г. действительный статский советник В.Д. Левшин был назначен уфимским губернатором.

Будучи уфимским губернатором с 1876 по 1880 гг. он обратил внимание на хозяйственные и социально-экономические проблемы региона, несовершенство административно-территориального деления губернии. Деятельность В.Д. Левшина была разноплановой и содержала в себе как положительные, так и отрицательные стороны. Большое внимание он уделял вопросам размежевания башкирских земель, переселению, наблюдал за соблюдением в селениях и городах правил строительного и пожарного уставов.

Тем не менее, в крае наблюдались частые пожары. Например, в г. Оренбурге пожар 1879 г. при страшном урагане уничтожил почти весь Оренбург с частью предместий. Этот пожар истребил духовное училище, казенную палату, общественное собрание, мечеть, женскую гимназию, здания городской думы и управы, городской банк, Петропавловскую церковь. Пожар 1879 г., который вошел в историю Оренбурга как самый губительный, продолжавшийся с 16 по 18 апреля, уничтожил 3 тыс. домов, 20 тыс. населения осталось без крова[1]. По словам П. Столпянского «пожарное бедствие для Оренбурга продолжалось целые три недели – началось оно 16 апреля в 10 часов утра, когда возник первый большой пожар в Новой слободке. 1 мая сгорела Старая слободка. Сильнейший порывистый ветер или по местному «буран», начавшийся дуть в понедельник 16 апреля, и дувший с юга – запада, был причиною всех бед. Огонь, показавшийся на краю города, быстро перескакивал через кварталы домов, лишая обывателей возможностей всякого отступления, и к двум часам гигантские разрушительные прыжки пламени видны уже на противоположном конце города. Не было

* ***КАНТИМИРОВА Резида Ильгизаровна*** *— кандидат исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра всеобщей истории и философских дисциплин; заведующая кафедрой; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; kantimirova.rezida@mail.ru.*

[1] Ремезов Н.В. Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986. С. 164.

сил спастись, и огонь захватывал все и всех на своем широком, все развевающемся адском пути»[1]. Общий убыток пожара подсчитывался в 14 510 310 руб.[2]

В связи со сложившейся ситуацией оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский 7 мая 1879 г. предложил уфимскому губернатору В.Д. Левшину принять меры предосторожности против пожаров. В свою очередь уфимский губернатор из-за сухого засушливого лета с сильными ветрами, предложил издать обязательные постановления относительно усиленных мер предосторожности от пожаров. Было предписано полицейским чиновникам строго следить за соблюдением мер предосторожностей от огня. Губернатор предложил жителям Уфимской губернии очистить дворы от мусора, щепок и других легко воспламеняющихся предметов. В каждом дворе необходимо было выставить кадки и бочки с водой, швабры и метла для тушения огня и лестницы, необходимые для поднятия на крыши зданий. Начальник края предписал жителям губернии не ставить самовары в сенях и нежилых зданиях, не курить табак на сеновалах в сараях и амбарах, а также в тех местах, где имеются легко воспламеняющиеся материалы. Распоряжением местных органов управления было предписано закрыть «черные бани» и не топить белые бани, которые находились близко к деревянным строениям. В.Д. Левшин распорядился для безопасности г. Уфы усилить ночные обходы[3].

10 мая 1879 г. Министр Внутренних дел, Статс-секретарь Лев Саввич Маков указывал в циркуляре губернаторам: «Последствия опустошительных пожаров, истребляющих иногда целые города и селения, постоянно обращали на себя правительство». Министр указывал, что наблюдение за исполнением мер предосторожности от пожаров, издаваемых как земскими, так и городскими органами управления, возложено на полицейских. В циркуляре предписывалось произвести тщательный осмотр в городах и в селениях всех пожарных инструментов и привести их в исправное состояние, усилить со стороны полиции наблюдение за подозрительными лицами и бродягами. Статс-секретарь Л.С. Маков отметил, что «повторение в одной и той же местности пожаров будет принимаемо как доказательство беспечного отношения начальников местных полиций к возложенным на них обязанностям и повлечет за собою личную ответственность полицейских исправников и полицмейстеров»[4].

Тем не менее, в Уфимской губернии, которая входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства, продолжали случаться частые пожары. Например, в 1876 г. было зарегистрировано 536 пожаров, в 1877 г. – 558 пожаров, убытки от которых составили в 1876 г. – 389 599 руб., а в 1877 г. – 377 043 руб. В 1879 г. пожаров в сравнении предыдущими годами было на 48 больше, в результате них сгорело 3 020 дворов, а сумма убытков составила 994 381 руб.[5]

Наиболее значительные пожары в губернии были зарегистрированы в 1878 г., убытки от которых составили 1 897 320 руб. Причинами пожаров в Уфимской губернии являлись: несоблюдение элементарных правил пожарной безопасности, неосторожное обращение с огнем, неправильное устройство печей, содержание труб в неисправности. В отчете императору уфимский губернатор В.Д. Левшин отмечал, что «со стороны администрации имеется общий надзор установленных законом правил строительного и противопожарного уставов, но это оказывается далеко не достаточным, потому что зло

[1] Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 333.

[2] Отчет деятельности Оренбургского комитета народной помощи, учрежденного по случаю опустошения пожарами г. Оренбурга в 1879 г. Оренбург, 1880.

[3] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208. Л. 31.

[4] Там же. Л. 38.

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4122. Л. 46.

лежит гораздо глубже и кроется в основных условиях общественного крестьянского быта. Ужасающая опустошительность пожаров заключается в чрезвычайной скученности крестьянских построек, тесноте усадебных мест, вследствие семейных разделов, в убогих, крытых сплошь соломою строений. Башкиры, занимая под усадьбы обширные пространства, гораздо менее страдают от пожаров и случаи опустошительных пожаров в башкирских селениях весьма редки, а случаев истребления целых селений почти не бывает, несмотря на то, что в отношении средств и тушению пожаров башкиры и крестьяне находятся в одинаковых условиях беспомощности»[1].

В Уфимской губернии в качестве меры против пожаров практиковалось страхование имущества. В 1878 г. во взаимном земском страховании Уфимской губернии было застраховано 231 225 строений, на общую сумму 8 609 337 руб. Из числа застрахованных строений в 1878 г. сгорело 2 331. В 1878 г. было выдано в качестве помощи пострадавшим от пожаров 89 221 руб. 45 коп. Независимо от этого, все лица, стоящие на государственной службе и пострадавшие от пожара, получили денежное пособие в виде оклада годового содержания. В 1879 г. было выдано погорельцам по страховым ведомостям 117 940 руб. 38 коп. Для погорельцев г. Уфы было прислано из канцелярии Государыни Императрицы 1 тыс. руб., от Московского комитета в пользу пожертвований 500 руб.[2]

Во время пожаров погибают и запасы продуктов, поэтому погорельцы с большим трудом восстанавливают свое благосостояние. В связи с этим уездные земские управы приняли предупредительные меры против распространения огня на хлебные скирды во время пожаров. Местная администрация предложила окопать скирды рвами или обнести оградами, а рядом со скирдами предложила иметь чаны или бочки с водой.

В мае 1879 г. по распоряжению уфимского губернатора были созваны экстренные собрания городских дум Уфимской губернии для обсуждения издания обязательных постановлений по мерам безопасности от пожаров. Губернатор В.Д. Левшин распорядился учредить ночные обывательные караулы, установить во дворах кадки с водой и швабры для тушения, запретить держать во дворах большие запасы сена, устроить печи и трубы в соответствии с правилами Строительного устава. На основании распоряжения губернатора всеми городскими думами изданы обязательные постановления для городских жителей и меры по охране безопасности от пожаров[3].

18 мая 1879 г. Стерлитамакская городская дума приняла постановление о мерах предосторожности от пожаров. В постановлении указывалось на необходимость установления ночных караулов, о запрещении курения в жаркое и ветреное время в торговых помещениях. Каждый домовладелец был обязан иметь бочки или кадки с водой, швабры для тушения огня и лестницы для входа на крышу. При случившемся пожаре владельцы обязаны выслать для подвоза воды лошадь с бочкой. Не имеющие лошадей должны были явиться для тушения пожара с топором или накидывать на крыши домов войлочные щиты или обливать крыши. Все явившиеся на пожар должны подчиняться распоряжениям старшего полицейского чиновника, исполнять его требования как закон. Постановление Стерлитамакской городской думы запрещало летом держать сено на чердаках, покрывать строения соломой или сеном[4].

Уфимская городская дума в постановлении от 18 мая 1879 г. указала на необходимость очистки дымовых труб в домах и зданиях не менее одного раза в месяц русских печей, шесть раз в год голландских печей. Дума выразила необходимость осмотра печей и труб в булочных, колбасных, пекарнях, гостиницах, заводах, фабриках, торговых

[1] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15245. Л. 8.
[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4122. Л. 48.
[3] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15246. Л. 49.
[4] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208. Л. 22.

помещениях и банях. Принятое постановление Уфимской городской думы было разослано каждому землевладельцу и наклеено на всех видных местах. За невыполнение постановления Уфимской городской думы виновные подвергались уголовному преследованию. В мае 1879 г. уфимский губернатор В.Д. Левшин осмотрел пожарные обозы в городах Уфимской губернии. В результате ревизии в Белебее оказалось недостаточное количество бочек и поврежденные машины, в Стерлитамаке – недостаток рабочих и лошадей, ветхость щитов. В Златоусте вообще пожарный обоз отсутствовал, его функции выполняла местная горнозаводская пожарная команда, состоящая в ведении горного начальника Златоустовских заводов. Несмотря на это обстоятельство, в Златоусте в 1879 г. случилось всего 2 пожара, в Златоустовском уезде 15 пожаров, в результате которых сгорело 23 двора на общую сумму 11 258 руб.[1] В результате осмотра городов губернии для предупреждения пожаров в селениях, В.Д. Левшин предложил уездным исправникам, становым приставам проверить наличность пожарных орудий и затем соблюдать их исправность. Губернатор предписывал полицейским урядникам усилить наблюдение за появлением в селениях бродяг и подозрительных личностей, возбуждать преследования против лиц, не имеющих законных видов на проживание.

18 мая 1879 г. Уфимское губернское очередное земское собрание приняло «Обязательные правила о мерах предосторожности от пожаров в Уфимской губернии»[2]. Земское собрание постановило среди улиц и проулков запретить возведение построек, если улицы и проулки уже 30 сажень, снести в течение 5 лет амбары и другие постройки, которые возведены вопреки этому правилу, вдоль строений и проулков посадить скорорастущие деревья. «Обязательные правила» предписывали торговать только на площади и не допускать на улицах возведения лавок, навесов и других базарных помещений. Уфимское губернское земское собрание разрешило возводить новые постройки только с письменного заверения волостного старшины, согласно правилам Строительного Устава. Правила воспрещали оставлять без присмотра в летнее время малолетних детей, непонимающих последствия неосторожного обращения с огнем и запрещали устройство деревянных дымовых труб. Согласно «Обязательным правилам» от 18 мая 1879 г., сельский сход должен ежегодно собираться для принятия мер предосторожности от пожаров. Сход обязывался указывать меры взыскания за неисполнение постановлений схода.

После принятия «Обязательных правил о мерах предосторожности от пожаров в Уфимской губернии» председатели уездных земских управ также осмотрели пожарные обозы в городах. Так, 15 июня 1879 г. председатель Белебеевской уездной земской управы составил акт об осмотре пожарного обоза в Белебее. В результате осмотра были обнаружены в неудовлетворительном состоянии три огнегасительные машины. Тогда председатель Белебеевской земской управы обратился с ходатайством о приобретении для г. Белебея дополнительно современной огнегасительной машины. Председатель Уфимской губернской земской управы коллежский асессор Д. Дашков докладывал губернатору, что в Бирске приобрели огнегасительную машину американской конструкции, а при здании Уфимских богоугодных заведений учреждены ночные караулы.

Несмотря на все принимаемые меры предосторожности в Уфимской губернии продолжались опустошительные пожары, которые причиняли населению большие убытки. Один из таких крупных пожаров случился 1 мая 1878 г. в Мензелинске. В городе сгорело более 900 домов из 950. Пожар истребил собор, здания присутственных мест и общественных учреждений, все ярмарочные помещения, лавки с товарами, хлебные

[1] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15246. Л. 47.
[2] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208. Л. 50–51.

магазины. Из всех городских зданий г. Мензелинска в 1878 г. уцелел женский монастырь, церковь, воинская казарма, больница и кладовая уездного казначейства. Пожар в Мензелинске 1 Мая 1878 г. причинил убытков на 1 379 931 руб. 90 коп. По воспоминаниям современников, тот день был очень жарким и ветреным, ответственные лица за тушение пожаров были заняты поливом молодых деревьев. В Мензелинском уезде в с. Простяр Бетькинской волости сгорело 127 домов и церковная колокольня на сумму 7 668 руб. Через 21 день в этом же селе пламенем были объяты еще 76 домов. 6 мая было уничтожено 47 домов в д. Костеевой и с. Бережные Челны. Принесенные убытки оцениваются в 21 724 руб. 25 мая 1879 г. городской глава г. Мензелинска А.Г. Попов утвердил для жителей Мензелинска, обязательное постановление о принятии мер против пожаров. В постановлении Мензелинской городской думы жителям города предлагалось кровлю лицевых домов и бань, окружающих главную центральную площадь, крыть только железом. Запрещалось использовать печи для бань без труб и «топка по черному». Согласно постановлению, трубы необходимо было выкладывать из кирпича, либо обкладывать круглым листовым железом. В булочных, гостиницах, трактирных заведениях, харчевнях и банях, а также жителям домов следовало очищать трубы не менее одного раза в месяц. Домовладельцам, у которых в домах устроены пекарни или трактирные заведения, предписывалось чистить трубы еженедельно. Мензелинская городская дума предписывала строить бани как можно дальше от других строений. В центральной части г. Мензелинска была запрещена деятельность кузнечных мастерских. В других частях города было разрешено строить только каменные кузни. Деревянные кузни можно возводить только на окраинах города за чертой обывательских строений и садов.

Мензелинская городская управа разделила город на 10 кварталов, в которых должны всегда стоять баки с водой. На территории города было запрещено иметь торговли лесные склады. В лавках на базаре запрещалось торговать базаре мочалом и циновками, складировать ящики и бочонки, делать склады сена и соломы. В гостином ряду г. Мензелинска не допускалось иметь оптовые склады дров, сена, соломы, спирта, масла и других легковоспламеняющих веществ. На торговой площади не разрешалось продажа керосина, хранение пороха, зажигательных спичек и скипидара.

Городская дума определила и порядок хранения легковоспламеняющих веществ. Согласно постановлению, допускалось хранение минерального масла в городе на складах не более 100 пудов, в расстоянии 20 сажень от складов пеньки и прочих возгорающих предметов. Отпускать осветительные минеральные масла из складов лавок, дозволялось производить только днем. Согласно постановлению Мензелинской городской думы продавать керосин разрешено только в стеклянной или металлической таре. На складах спичек предписывалось установить железные двери. В виду общих мер предосторожности от пожаров, на жителей г. Мензелинска, владеющих в губернии лавками или недвижимой собственностью, накладывалась обязанность содержать ночные караулы. Город был разделен на 10 караулов. В каждом квартале предписывалось иметь два караула, нанимаемых домовладельцами. В случае бедности, взамен найма, домовладельцы обязаны были сами нести обязанности караульного по очереди. Люди моложе 17 и старше 60 лет к найму не допускались; не могли быть караульными и лица, не имеющие паспортов и состоявшие под судом. Караульные обязаны были задерживать подозрительных лиц и сообщать пожарному старосте и полиции о пожаре. При призыве на помощь во время пожара товарищей и полиции каждый караульный пользовался свистками и трещотками. Каждый пожарный староста в своем участке должен был наблюдать за исправностью караулов и содержанием в порядке безопасных бочек с водой. Каждому домовладельцу г. Мензелинска предписывалось вывесить на своих домах дощечки с надписью номера дома, улицы, части города, звания, имени и отчества проживающего. Все дощечки

составлялись городской счет. Уездные земские органы выделяли средства на приобретение пожарных машин. В 1879 г. было принято решение построить специальное помещение в Бережных Челнах, для скопления и хранения пожарных машин разных конструкций. Несмотря на принимаемые меры в Мензелинском уезде продолжались значительные пожары. В мае в д. Беркет Бурдинской волости Мензелинского уезда сгорело 155 домов, в с. Маткагуш Мензелинского уезда сгорел 81 дом с суммой примерного ущерба в 66 720 руб.[1] Начальник губернии сообщил министру внутренних дел, что в губернии в целях исправления недостатков для г. Мензелинска были приобретены машины, комплект огнегасительных снарядов и бочки. В.Д. Левшин в записке генерал-губернатору Н. Крижановскому отмечал: «Каждый год постигают нас страшные бедствия от пожаров, которые опустошают целые города и селения и гибнут десятки миллионов рублей, край разоряется и масса народа приходит в нищету и внушает самые серьезные опасения, а между тем городские общества мало обращают внимание на те главные предохранительные меры, которые необходимо принять безотлагательно»[2].

Таким образом, уфимский губернатор В.Д. Левшин для предотвращения пожаров предлагал увеличить количество и исправность огнегасительных снарядов, подготовить опытного брантмейстера. В населенных пунктах, отмечал губернатор, жители не умеют обращаться с огнегасительными снарядами. Например, «село или деревня приобретает пожарную машину, затем ее куда-нибудь ставят и она стоит долгое время, пока не случится пожар. Пожар случается, а пожарной машины нет или она не действует, так как лопнула какая-нибудь гайка. Исправить поломку никто не может, а пожар усиливался и все опустошает. Остальные инструменты невозможно найти, так как крестьяне обращают их для своей надобности. Спрашивается, кто же тут виноват, оказывается, виновных никого нет»[3]. В связи с этим начальник края предлагал в центре населенных пунктов в определенный двор поместить все пожарные инструменты. Для наблюдения за огнесительными инструментами в уездах и городах учредить инспекцию и назначить опытного чиновника, который должен осматривать эти инструменты вместе с мастером для устранения неисправности. Несмотря на принимаемые меры, количество пожаров в крае не уменьшилось.

Источники и литература

1. Кантимирова Р.И. Аграрный вопрос в деятельности уфимского губернатора В.Д. Левшина // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2013. С. 113–122.
2. Кантимирова Р.И. Борьба с пожарами в имперской России (на материалах Уфимской губернии второй половины 1870-х гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 32–38.
3. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15245; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208.
4. Отчет деятельности Оренбургского комитета народной помощи, учрежденного по случаю опустошения пожарами г. Оренбурга в 1879 г. Оренбург: Губ. Тип., 1880. 43 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4122.
6. Ремезов Н.В. Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа: Башк. книжн. изд-во, 1986. С. 164.
7. Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд. Оренб. Губ. Тип., 1908. С. 333.

[1] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15246. Л. 46.
[2] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1208. Л. 107.
[3] Там же. Л. 108.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-18

И.А. Кирпичников*

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАЧИ: ПРОНСКАЯ «ГОРОДОВАЯ ПОДЕЛКА» 1630 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин неудачи пронской «городовой поделки» 1630 г. Дворянин М.Ф. Дурной, направленный для организации ремонта местной деревянной крепости, столкнулся с массовым уклонением от повинности, а затем и прямым сопротивлением представителей локального сообщества. Против «горододельца», не располагавшего собственным административным аппаратом, сложилась коалиция местной служилой верхушки и пронских воевод, парализовавшая его деятельность.

Ключевые слова: Московское государство, Рязанский уезд, дворянство, воевода, служилый город, элита, государев двор.

Местное управление – один из классических сюжетов историографии Московской Руси. Исследования последних десятилетий, посвященные практикам власти в региональных контекстах, демонстрируют ограниченность традиционной дихотомии «общества» и «государства». Привычные категории утратили былую определенность: за «самодержавным фасадом» монархии Романовых обнаружились «недоуправляемость», малочисленность административного аппарата, множественность ролей, разнообразие интересов и сложные переплетения лояльностей на местах[1]. Большое значение приобрели источники, которые позволяют пролить свет на мир интенсивной «локальной политики».

«Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным» было опубликовано И.И. Васильевым в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии» за 1887 г.[2], и с тех пор, насколько нам известно, лишь единожды привлекло внимание историка[3]. Начало и конец источникового комплекса утрачены, в сохранившейся части представлены 33 документа июля-ноября 1630 г. На протяжении этого периода в Пронске находился дворянин М.Ф. Дурной, которому было предписано организовать ремонт местной деревянной крепости[4]. Пытаясь выполнить возложенную на него задачу, «горододелец» столкнулся с уклонением от повинности, саботажем и прямым сопротивлением со стороны локального сообщества, поддержанного воеводами. Обстоятельства данного конфликта составляют главный предмет настоящей статьи.

2 июля 1630 г. Дурной, недавно прибывший в Пронск, «розвытил город» – распределил сметные «поделки» между различными категориями населения[5]. Основной объем работ, расписанный исходя из размеров «живущего» в платежных книгах, приходился на сошных людей дворян и детей боярских Каменского стана (центром

* ***КИРПИЧНИКОВ Иван Алексеевич*** *— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; исторический факультет; кафедра истории России до начала XIX века; аспирант; г. Москва, Россия; ivkirs@mail.ru.*

[1] См., напр.: Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 129–153.

[2] Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. (сообщил И. Васильев) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. № 7. С. 133–140; № 8. С. 151–167.

[3] В связи с исследованием стрелецкого войска. См.: Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30–40-х гг. XVII в.: Дис. … канд. ист. наук. Рязань, 2012. С. 143–146.

[4] Городовое дело обстоятельно рассматривается в классической работе: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 377–389. О пронской крепости XVI–XVII вв. см.: Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 207–212.

[5] Дело о постройке города Пронска… № 23. С. 158.

которого являлся г. Пронск). Сошные люди должны были заготовить и доставить необходимые материалы («лес на городовую поделку и на кровлю тес»), а также принять участие в строительстве совместно с пронскими стрельцами и казаками[1].

При организации «городового дела» Дурной сразу встретил непредвиденные трудности. Обнаружилось, что необходимы работы, выходившие за пределы составленной ранее сметы – а значит, дополнительный строительный материал[2]. Для размещения бревен не хватило бы места, потому что «улицы в городе у стены тесны, с телегою разъехотца негде»[3]. Однако самой сложной задачей оказалась мобилизация местного населения: строительство города пришлось на разгар сельскохозяйственного сезона[4]. Отставные дети боярские, нужные для рассылки по стану, не прибыли в город по распоряжению осадного воеводы[5]. Пронские стрельцы и казаки отказались участвовать в заготовке и доставке бревен, поскольку были освобождены от этой части работ специальной грамотой – их можно было привлекать только «городовую поделку делать в готовом лесу, что останетца за делом у сошных людей»[6]. Многие дворяне и дети боярские Каменского стана являлись однодворцами и, попытавшись поначалу избежать повинности, впоследствии вынуждены были нанимать людей у более состоятельных соседей («у которых есть люди и крестьяне и у которых поместья и вотчины подгородныя»)[7]. Сошные люди «огурились» (ослушались): затягивали с поставкой материалов или вовсе не явились в Пронск. В росписи «огурщиков» – списке владений, сошные люди с которых не приняли участия в перевозке леса – перечислены сразу 76 поместий служилых людей[8].

Возможности «горододельца» принудить местное население к выполнению работ оказались весьма ограниченными. В челобитных Дурной предлагал «править» лес на тех, кто поручился за «огурщиков», однако этот вариант был отвергнут Москвой. Практика найма не одобрялась столичными администраторами, но запрещалось и взыскивать лес с самих однодворцев[9]. В распоряжении Дурного находилось всего несколько пронских пушкарей и затинщиков, и их отправка во владения «огурщиков» не увенчались успехом. В одну из таких поездок затинщик был избит сыном боярским С. Осеевым. Новокрещен М. Темяшов также отказался дать своих крестьян, после чего приехал к Дурному на съезжий двор и «лаел всякою неподобною лаею»[10].

Положение осложнилось, когда «горододелец» оказался вовлечен в конфликт с представителями служилой верхушки Каменского стана. Во время праздничной церковной службы на него накинулся с угрозами П. Бурцов («он, Петр… похваляется: велю де тебя людем своим бить аслопы на смерть и резать ножами»)[11]. Челобитные Дурного позволяют предположить, что у влиятельного клана Бурцовых имелся собственный интерес в связи со строительством: их крестьяне активно нанимались для выполнения работ вместо других сошных людей Каменского стана, а если это не

[1] Дело о постройке города Пронска… № 4. С. 135; № 6. С. 136.
[2] Там же. № 8. С. 137; № 10. С. 138.
[3] Там же. № 5. С. 136.
[4] Там же. № 28. С. 161. О важности этого фактора: Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 384.
[5] Дело о постройке города Пронска… № 3, 4. С. 135. По разрядной росписи в Пронске «для осадного времени» должны были находиться 194 чел.: 127 отставных детей боярских Каменского стана, 14 пушкарей, 21 затинщик, 10 кормовых черкас, 16 казенных плотников, 6 воротников. См.: Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 223–224. Как видно из материалов дела, никто из отставных детей боярских не пребывал в этот период в городе.
[6] Дело о постройке города Пронска… № 19. С. 155.
[7] Там же. № 11. С. 138; № 28. С. 161.
[8] Там же. № 11. С. 138; № 12. С. 139–140.
[9] Там же. № 2. С. 135; № 6. С. 136; № 11. С. 138; № 13. С. 151–152.
[10] Там же. № 14, 15. С. 152–153.
[11] Там же. № 16. С. 153.

удавалось, мешали «поделкам»[1]. Дурной указывал, что поручные записи крестьян Бурцовых составлены с нарушениями; попытка разобраться в этом деле вызвала целую серию столкновений. П. Бурцов с братьями и своими «людьми» приходил на съезжий двор, чтобы расправиться с «горододельцем», а впоследствии Дурной подвергся нападению его крестьян. К «роду и племени» Бурцовых принадлежали Мокринские и Лысцовы, также принимавшие участие в потасовках и перепалках: «Ондрей Лысцов сек было меня топором, и гоняли за мною… с ослапы и с кольем и с топорами и с рогатиньем и хотели меня… убить до смерти»[2].

Представителем пронской администрации, с которым наиболее интенсивно взаимодействовал «горододелец», являлся осадный воевода, мещовский выборный дворянин А.Т. Сухотин[3]. Еще в начале августа челобитные Сухотина и Дурного, посвященные рабочим вопросам, отправлялись в Москву совместно, с одним затинщиком[4]. Дурной неоднократно сетовал на то, что Сухотин не предоставил достаточного количества отставных детей боярских для рассылки по стану. В начавшемся конфликте осадный воевода принял сторону местной служилой верхушки. Как сообщал Дурной, 11 сентября «присылал воевода Ондрей Сухотин полковаго сына боярского Онисима Колыжкина да с ним своих людей… убивать у двора трожды, и меня, холопа твоего, и женишку мою и племянницу девку лаели»[5]. Ранее тот же Колышкин вместо площадного подьячего написал поручную запись на крестьян Бурцовых – документ, который «горододелец» отказался принять[6]. Коалицию против Дурного, которую он называл «заговором», поддержали и начальники войска, размещенного в районе Пронска – полковые воеводы стольник Г.Г. Пушкин и А.Т. Чубаров[7].

Только 19 сентября – спустя два с половиной месяца после прибытия Дурного в Пронск – необходимые материалы были, наконец, доставлены в город, и началась активная фаза строительства[8]. В тот же день «заговорщики» инициировали создание первой коллективной челобитной от имени «рязанцев Каменского стана» с жалобами на самоуправство, «разорение» и насилия со стороны «горододельца»[9]. 28 октября в Москву была отправлена еще одна аналогичная челобитная, более пространная. Главными обвинениями, выдвинутыми против Дурного, были волокита и коррупция («бездельная корысть»). Челобитчики указывали, что Дурной затягивает строительство злонамеренно и берет «великие посулы» за незаконное освобождение от повинности[10] – они же более двадцати недель вынуждены снабжать не только самого «горододельца», но также его жену и племянников. Наступала зима, а служилые и жилецкие люди по-прежнему «с топоры и с лопатами» находились в Пронске. Челобитная завершалась примечательным предложением: «отставить» Дурного и назначить вместо него «город поделывать осадному воеводе Ондрею Сухотину, чтобы нам бедным от таких *присыльщиков* [курсив наш – *авт.*] до конца не разаритца»[11]. Отдельную челобитную в Москву написали пятидесятники пронских казаков «во всех места товарищев своих ста тридцати человек» –

[1] Дело о постройке города Пронска… № 20. С. 156; № 22–24. С. 157–159.

[2] Там же. № 2. С. 135; № 16. С. 153–154; № 23. С. 158; № 32. С. 165.

[3] Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 138. О пронских воеводах осени 1630 г. см.: Книги разрядные, по официальным оных спискам… Стб. 223–224.

[4] Дело о постройке города Пронска… № 1. С. 134; № 3–4. С. 135.

[5] Там же. № 32. С. 165.

[6] Там же. № 16. С. 153.

[7] Там же. № 32. С. 165.

[8] Там же. № 22. С. 157.

[9] Там же. № 26. С. 160; № 32. С. 165.

[10] Ср. также озвученное П. Бурцовым обвинение в том, что Дурной освободил один из трех «жеребьев» Каменского стана от работы за взятку. См.: Дело о постройке города Пронска… № 16. С. 153.

[11] Дело о постройке города Пронска… № 28. С. 160–161.

в ней содержались сходные жалобы[1]. Казаки и стрельцы заняли выжидательную позицию – отказывались работать, пока не вернутся их посланцы в столицу. Дурной рассматривал их в качестве союзников «заговорщиков»[2].

Как сообщал Дурной, уже на следующий день после составления первой челобитной (20 сентября) к нему пришли двое священников, которые сообщили, что их насильно заставили «руки приложить в детей своих духовных и прихожен своих места, без их веленья, Ондрей Сухотин, Петр Бурцов, Ондрей Лысцов, Федор Корондеев. И убояся их бою, они свещенники руки приложили… неволею». Среди «заговорщиков» Дурной перечислял также «Воскресенского попа Тихона», детей боярских Мокринских, Тищениконовых, Трубниковых и «иных, у которых нанелись ево, Петровы, крестьяне Бурцова»[3]. Челобитные препровождались в Москву через съезжую избу Пушкина и Чубарова. Дурной утверждал – впрочем, не приводя доказательств – что полковые воеводы также активно участвовали в составлении челобитной. По их распоряжению П. Бурцов избил одного из детей боярских, который отказывался поставить свою подпись[4].

Таким образом, группа влиятельных «заводчиков», поддержанных воеводами, направила в Москву челобитную от лица всего населения Каменского стана. Нужные подписи были получены при помощи священников (насильно или «запоя», т. е. напоив), которые имели право расписываться за своих духовных детей и прихожан. Дурной указывал, что челобитная является «ложной» и «воровской», потому что написана помимо воли и без ведома подписантов[5]. Большинство жителей стана не были активно вовлечены в конфликт, а отдельные лица, по-видимому, сами пострадали от притеснений «заговорщиков» и сочувствовали «горододельцу». Священники, поставившие подписи под челобитной, явились с повинной потому, что пушкари, затинщики и стрельцы «у попов своего приходу… ключи церковные хотели отнять за то, что они приложили руки к воровской и ложной челобитной без их веленья»[6]. Внутри локального сообщества возникло напряжение: далеко не все местные жители были готовы выступить на стороне «заговорщиков». Дурной упоминал Е. Дуванова (заступился за него в одном из столкновений), и еще нескольких детей боярских, которые могли бы дать показания против оппонентов[7].

Конфликт с представителями пронской администрации привел к тому, что Дурной окончательно остался без подчиненных, которые могли бы выполнять его распоряжения: «Пушкорем, государь, и затинщиком Ондрей [Сухотин – *авт.*] меня… слушать не велел, а за то их бьет; и ходить ко мне… им не велит». Воеводы попытались принудить пушкарей и затинщиков, чтобы и они написали жалобу на злоупотребления «горододельца». Теперь у Дурного не было даже людей, силами которых можно было принять «мостовой лес», привезенный в город[8]. Не менее ощутимым было нарушение прежних каналов связи с Москвой. Жена затинщика, согласившегося отвезти очередную челобитную в столицу, была брошена Сухотиным в тюрьму. Дурной стал опасаться, кроме того, что теперь отправленные документы могут быть по дороге перехвачены «заговорщиками»[9]. Стороны торопились дезавуировать аргументы друг друга и представить Москве свое видение

[1] Дело о постройке города Пронска… № 19. С. 155–156.

[2] Там же. № 14. С. 152; № 16. С. 154; № 17. С. 155; № 30. С. 163.

[3] Там же. № 22. С. 157. Выходцы из перечисленных служилых фамилий, как правило, несли службу по «дворовому» списку и, следовательно, тяготели к верхушке служилого «города».

[4] Там же. № 20. С. 156.

[5] Там же. № 22. С. 157.

[6] Там же. № 32. С. 165.

[7] Там же. № 14. С. 152; № 23. С. 158–159.

[8] Там же. № 22. С. 158; № 31. С. 164.

[9] Там же. № 20. С. 156; № 22. С. 158; № 32. С. 166.

конфликта, используя в качестве курьеров доверенных лиц. Челобитную от имени жителей Каменского стана доставил человек П. Бурцова; Дурной все чаще посылал в столицу своих племянников – Степана и Герасима[1].

Обстоятельно реконструируя в челобитных хронологию своих злоключений, «горододелец» последовательно перечислял понесенные унижения и просил центр «оборонить» его от «заговорщиков». Так, в одной из стычек Сухотин публично назвал Дурного «изменником» – оскорбление, которое в рассматриваемый период недвусмысленно отсылало к событиям Смуты. В челобитной Дурной отвел специальное место отповеди по этому поводу: «Я, холоп твой, перед Богом и перед тобою, государем, измены никакой не ведою, и отец мой и дяди мои и братья и племянники… не изменивали… и служили тебе, государю, и помирали за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую истинную веру»[2].

В ответ на обращения и жалобы Дурной получал из Пушкарского приказа[3] стандартные рекомендации придерживаться наказа, а также замечания, что он пишет «не делом» и выполняет поставленную задачу недостаточно прозорливо[4]. Не вдаваясь в детали, столичные администраторы предписывали осадному воеводе содействовать «горододельцу», через Стрелецкий приказ подтвердили распоряжение об участии в строительстве стрельцов и казаков (но доставка соответствующего указа задержалась), разрешили минимальные дополнительные работы («поделывать самые худые места»)[5]. С октября риторика указов изменилась: Дурному ставилось на вид, что он «тое городовою поделкую мотчает, …а которые дворяне для таковые ж городовые поделки в городы были посланы, и те многие, отделався от городовых поделок, к Москве приехали… А… вскоре не поделает…, и ему от государя быть в опале»[6]. Челобитные с изложением обстоятельств конфликта «горододельца» и пронских служилых и жилецких людей не привели к началу немедленного расследования: приоритетом приказных администраторов оставалось скорейшее завершение строительных работ[7].

Наиболее поздние сохранившиеся документы дела датированы ноябрем 1630 г. Активные обращения сторон в Москву в этот период продолжались. Стрельцы и казаки, так и не получившие из столицы прямого указания приступить к строительству башен, по-прежнему «чинились сильны» и отказывались принимать участие в «поделке». В конце октября Сухотину было приказано заставить стрельцов и казаков работать, но он не стал этого делать. «Казаки и стрельцы меня, холопа твоего, не слушают, а не велят им городового дела делать Ондрей Сухотин да Олексей Чюбаров да Петр Бурцов», – докладывал Дурной. Крестьяне Бурцовых, нанявшиеся на работу к соседям, игнорировали распоряжения «горододельца», конфликтовали с ним, «сбивали» с огородней людей из других владений и саботировали работу[8]. Список «огурщиков» не уменьшился: значительная часть сошных людей так и не явилась для отправления повинности, а другие «сумневались», наблюдая за происходящим. Городовому делу, резюмировал Дурной, «стала мотчания великая… и по огурщиков по сошных людей мне… посылать некого»[9].

---

[1] Дело о постройке города Пронска… № 14. С. 152; № 16. С. 154; № 22. С. 158; № 25. С. 159; № 32. С. 166.

[2] Там же. № 32. С. 164–165.

[3] В одном из документов упоминается дьяк Степан Угоцкий. См.: Дело о постройке города Пронска… № 30. С. 162; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 148.

[4] Дело о постройке города Пронска… № 2. С. 135; № 6. С. 136; № 11. С. 138–139; № 18. С. 155.

[5] Там же. № 7–8. С. 136–137; № 10. С. 138; № 13. С. 152; № 27. С. 160; № 30. С. 163.

[6] Там же. № 11. С. 138–139; № 13. С. 151.

[7] Там же. № 29. С. 161–162.

[8] Там же. № 30. С. 163; № 31. С.163–164; № 32. С. 166.

[9] Там же. № 22. С. 158; № 31. С. 164.

Провал пронской миссии Дурного – сюжет, показательный во многих отношениях. Вполне естественно, что городовая повинность не вызвала энтузиазма у населения Каменского стана, и следование намеченному плану с самого начала оказалось затруднительным. Московская приказная администрация могла откликнуться на запросы своего агента только формальными указаниями, но не реальной поддержкой. Успех предприятия «горододельца», не располагавшего собственным аппаратом, всецело зависел от того, сумеет ли он договориться с пронской администрацией и найти взаимопонимание с верхушкой локального сообщества. В обоих случаях Дурной потерпел фиаско, и пассивное уклонение от работ сменилось обструкционизмом и активным сопротивлением. Особенно примечательно, что против «присыльщика» сложилась сплоченная коалиция группы служилых людей и воевод. Последние были для населения такими же пришлыми правительственными агентами, как и Дурной – пребывание в Пронске являлось для Сухотина, Пушкина и Чубарова всего лишь очередным кратковременным назначением. Однако они, в отличие от «горододельца», сумели найти общий язык с местным сообществом и организовать скоординированную кампанию по его компрометации. Дурной оказался в незавидном положении: враждебность локальной элиты и молчаливая обструкция со стороны населения Каменского стана парализовали работы, а из Москвы все чаще приходили угрозы подвергнуть «горододельца» «великой опале» за крайнюю нерасторопность и злоупотребления.

Источники и литература

1. Боярская книга 1627 г. М.: Институт истории СССР, 1986. 207 с.
2. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30–40-х гг. XVII в.: Дис. … канд. ист. наук. Рязань, 2012. 184 с.
3. Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. (сообщил И. Васильев) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. № 7. С. 133–140; № 8. С. 151–167.
4. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1855. Т. 2. 1 398 стб.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 579 с.
6. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: ИРИ РАН; РГАДА; ЦГИ, 2015. 303 с.
7. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
8. Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996. 372 pp.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-19

П.А. Колпаков*

ВНУТРЕННЯЯ СТРАЖА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВОЙСК В СТРУКТУРЕ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА 1811–1864 гг.

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания, становления и развития Внутренней стражи Российской империи – рода войск, предназначавшегося для противодействия внутренним угрозам безопасности монархии. Автором определены причины актуализации проблематики повышения эффективности властных структур, в компетенции которых находилась охрана порядка в начале XIX в. Определены нормативно-правовые акты, заложившие основы организационного строительства полицейских войск в структуре военного ведомства. Рассмотрены возложенные на Внутреннюю стражу обязанности и основные вехи процесса ее развития. Сделан вывод о многообразии выполнявшихся стражниками функций.

Ключевые слова: Внутренняя стража, Отдельный корпус Внутренней стражи, внутренние войска, охрана порядка, гарнизонный батальон, инвалидная команда, военное управление, полиция.

Начало XIX столетия для Российской империи было ознаменовано обострением ряда проблем, находившихся в области внешней и внутренней политики. Завершение Войны четвертой коалиции 1806–1807 гг. и заключение Тильзитского мирного договора не разрушили угрозу вторжения наполеоновской Франции, а образование в соответствии с его условиями Герцогства Варшавского на территории польских владений Пруссии создавало дополнительную напряженность на западной границе и катализировало великопольские настроения. Интенсивный характер сохраняло военное и политическое противоборство России с Турцией и Персией, следствием чего стали Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Русско-персидская война 1804–1813 гг.

Крепостнические отношения в рассматриваемом периоде оставались основой имперской экономики. Состояние зависимости лишало крестьян мотивации к повышению производительности труда, а помещиков – к оптимизации ведения хозяйства. Усиление эксплуатации крепостных имело характер доминирующего подхода к увеличению благосостояния помещика. Ведение активной внешней политики было сопряжено с дополнительным напряжением населения страны, обеспечивающего потребности войск. Социальная поляризация в крайних формах находила выражение в крестьянских восстаниях и неповиновениях.

Создание Внутренней стражи – специального рода войск, предназначенного для выполнения полицейских и конвойных функций, стало закономерным результатом развития Военного министерства и системы защиты государственной безопасности в целом. Совмещение полицейских функций и несения службы армейскими частями в начале XIX в. не соответствовало вызовам эпохи.

В 1811 г. был издан ряд указов, положивших начало становлению и институализации военно-полицейских сил. 16 января 1811 г. издан императорский указ «О передаче губернских рот и штатных команд из гражданского в военное ведомство», исключивший деятельность военных частей из ведения местных властей[1]. Указом императора

* ***КОЛПАКОВ Петр Александрович*** *— кандидат исторических наук; Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации; организационно-аналитический отдел; старший инспектор; г. Москва, Россия; 1kolpakov1@rambler.ru.*

[1] Именной, данный Сенату, указ «О передаче губернских рот и штатных команд из гражданского в военное ведомство. 16 января 1811 г.» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 31. № 24 486.

Александра I «Об устройстве инвалидных рот и команд» было оформлено решение о создании частей из числа нижних чинов и офицеров, неспособных по состоянию здоровья нести полевую службу. Все военные инвалиды были разделены на три категории: подвижные, служащие, неспособные. Служащие инвалиды подлежали распределению по уездным городам, где учреждались инвалидные команды в составе двух обер-офицеров, пяти унтер-офицеров, сорока рядовых и барабанщика, подчиненные командирам губернских гарнизонных батальонов[1]. От даты издания этого указа берет отчет история отечественных внутренних войск. Ежегодно 27 марта Войска национальной гвардии Российской Федерации отмечают свой профессиональный праздник[2].

Направления обеспечения внутренней безопасности, возложенные на вновь созданные военно-полицейские силы, получили нормативное закрепление в «Положении для Внутренней стражи»: 1) содействие в исполнении законов и приговоров суда; 2) поимка воров, преследование и истребление разбойников; 3) усмирение неповиновений и буйства; 4) поимка беглых преступников и дезертиров; 5) преследование запрещенных и тайно провезенных товаров; 6) содействие свободному движению внутреннего продовольствия; 7) содействие в сборе податей и недоимок; 8) охранение порядка при проведении церковных обрядов всех вероисповеданий, терпимых законом; 9) охранение порядка на ярмарках, торгах, праздниках; 10) сопровождение рекрутов, конвоирование арестантов, преступников; 11) отправление военных, просрочивших отпуск; 12) ликвидация пожаров, последствий стихийных бедствий; 13) охранение тюрем, острогов; 14) сопровождение казны[3].

На начальном этапе становления Внутренняя стража, сформированная на основе гарнизонных батальонов, губернских рот и штатных команд, была разделена на 8 округов, объединявших от 4 до 8 губерний Российской империи, звеньями более низкого уровня являлись бригады Внутренней стражи. Бригадному генералу подчинялось 2–3 гарнизонных батальона. В процессе эволюции организационная структура войск правопорядка подвергалась изменениям: варьировалось количество округов, штатная численность частей, произошел отказ от бригадного звена. Изменения, вносившиеся в структуру, в значительной степени были определены характером дислокации частей Внутренней стражи (гарнизонные батальоны находились на значительном удалении друг от друга), которому сопутствовали сложности осуществления окружными генералами контроля несения службы. Способом преодоления данной проблемы явилось увеличение количества округов Внутренней стражи, в полной мере себя не оправдавшее. Проявлением неполной состоятельности данного решения представляется, в частности, то, что в ходе преобразований количество округов не только увеличивалось, но и сокращалось[4].

Опыт организации Внутренней стражи как структуры, разделенной на окружные командования, был первым в истории отечественных вооруженных сил. Полученный опыт строительства военно-полицейских войск впоследствии был применен в ходе создания в Российской империи военных округов.

---

[1] Именной, данный Военном министру, указ «Об устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных рот и служащих инвалидных команд» от 27 марта 1811 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 31. № 24 568.

[2] Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. URL: https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/vojska-pravoporyadka-v-dorevolyucionnyj-period-do-1917-g (дата обращения: 15.11.2020).

[3] Положение для Внутренней стражи. 3 июля 1811 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 31. № 24 704.

[4] Колпаков П.А. Внутренняя стража и Отдельный корпус Внутренней стражи в 1811–1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 211.

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. стало причиной значительных перемен для корпуса Внутренней стражи и системы обеспечения государственной безопасности в целом. Превентивно заговор раскрыт не был и, если бы не доносчики из числа офицеров Северного и Южного тайных обществ, то власти были бы застигнуты врасплох[1]. Угроза монархии проявила необходимость создания специальных сил, призванных бороться не только с явными врагами, нарушавшими «тишину и спокойствие», но и ее тайными противниками.

Восстание на Сенатской площади дало Николаю I сильнейший импульс к реформированию полицейского и военно-полицейского аппарата. Проект назначенного впоследствии шефом жандармов и начальником III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа об устройстве «высшей полиции» император встретил с большим вниманием. 12 июля 1826 г. последовало отношение, в котором были определены подразделения, в дальнейшем вошедшие в Корпус жандармов[2]. Преобразования в значительной мере затронули корпус Внутренней стражи, из ведомства которого выводились элитные жандармские команды. Для осуществления переподчинения Санкт-Петербургского и Московского жандармских дивизионов А.Х. Бенкендорфом была разработана специальная инструкция, изложенная им в рапорте на имя генерал-адъютанта И.И. Дибича от 16 сентября 1826 г.[3] Следствием принятия решения о создании Корпуса жандармов стало обострение кадровых проблем во Внутренней страже, предоставлявшей для комплектования «высшей полиции» наиболее обученных чинов, однако данная мера стала очередным шагом, направленным на повышение эффективности властных структур, ответственных за охранение монархии.

Изучение полувековой истории Внутренней стражи и созданного в 1816 г. Отдельного корпуса Внутренней стражи позволяет сделать вывод о том, что созданные в Российской империи военно-полицейские силы, несмотря на имевшиеся проблемы их материального обеспечения, изъяны комплектования (сложилась практика направления в корпус порочных чинов), в целом справились с возложенными задачами в области противодействия внутренним вызовам, оказания содействия полиции, гражданским властям, военному ведомству. На уполномоченных чинах войск правопорядка лежали обязанности по освидетельствованию, продовольствию и обмундированию рекрутов[4]. Команды Внутренней стражи осуществляли сопровождение партий новобранцев[5]. Еще одним направлением служебной деятельности военнослужащих Внутренней стражи, не связанным непосредственно с противодействием массовым беспорядкам, крестьянским неповиновениям, преследованием преступников, караульной службой, была борьба с пожарами[6]. Этапные команды Внутренней стражи выполняли опасные и ответственные функции пенитенциарного характера: их чинами осуществлялось конвоирование арестантов и охрана тюремных замков.

Последний командир Отдельного корпуса Внутренней стражи В.Ф. фон дер Лауниц дал следующую оценку содержания служебной деятельности стражников: «Ни в одной части войск солдат в мирное время не несет столько служебных трудов, сколько во Внутренней страже, ибо, кроме фрунтовых занятий наравне с армейцами и караульной службой в усиленном против сих размере, нижние чины Внутренней стражи исполняют

[1] Григорьев Б.Н. Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 92.

[2] Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 150.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 64. Л. 6–7 об.

[4] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 34. Л. 3, 4 об., 6 об., 10, 12 об.

[5] Там же. Д. 2. Л. 2; Ф. 15 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 28–28 об., 143 об.

[6] Там же. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об. – 2; Ф. 15166. Оп. 1. Д. 12. Л. 99 об. – 100.

исключительно одни конвойную службу»[1].

Развиваясь в структуре Военного министерства, Внутренняя стража принимала участие не только в борьбе с внутренними угрозами, но противостояла и внешним агрессиям. Служебная деятельность стражников во время Отечественной войны 1812 г., Кавказской войны 1817–1864 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. осуществлялась по трем основным направлениям: выполнение функций охраны порядка в условиях войны, обеспечение потребностей действующей армии в кадрах и ее снабжение материальными ресурсами (сопровождение грузов), участие в боевых действиях[2].

Создание Внутренней стражи в начале XIX в. стало воплощением решения по институализации специальных военно-полицейских сил, предназначенных для решения разнообразных задач в сфере внутренних дел. Выполнявшиеся Внутренней стражей функции отличались чрезвычайным многообразием, что является, в т. ч. свидетельством существования в рассматриваемый период потребности повышения эффективности властных структур в многочисленных направлениях организации жизни населения и его защиты.

Отдельный корпус Внутренней стражи был упразднен в 1864 г. Курс реформ военного министра Д.А. Милютина предполагал сокращение численности армии и отказ от корпусного звена. Функционирование в мирное время корпуса, не предназначавшегося для отражения внешних агрессий, противоречило такой концепции развития военного ведомства. С 1864 г. функции Внутренней стражи стали выполнять местные войска[3].

Источники и литература

1. 200 лет на страже тишины и спокойствия: краткая иллюстрированная история внутренних войск МВД России / Авт.-сост. Н.Г. Сысоев. М.: На боевом посту, 2011. 159 с.
2. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 64.
4. Григорьев Б.Н. Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 852 с.
5. Колпаков П.А. Внутренняя стража и Отдельный корпус Внутренней стражи в 1811–1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 206–218.
6. Колпаков П.А. Организация и служебная деятельность Внутренней стражи Российской империи (1811–1864 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 206 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 31.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2, 34; Ф. 15 166. Оп. 1. Д. 12.
9. Тарасов М.М. Служебно-боевой опыт войск правопорядка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 11. С. 68–72.
10. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. URL: https://rosguard.gov.ru/ru/page/index/vojska-pravoporyadka-v-dorevolyucionnyj-period-do-1917-g (дата обращения: 15.11.2020).

[1] 200 лет на страже тишины и спокойствия: краткая иллюстрированная история внутренних войск МВД России / Авт.-сост. Н.Г. Сысоев. М., 2011. С. 22.

[2] Колпаков П.А. Организация и служебная деятельность Внутренней стражи Российской империи (1811–1864 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2020. С. 133–146.

[3] Тарасов М.М. Служебно-боевой опыт войск правопорядка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 11. С. 69.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-20

Е.С. Косых*

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКИХ КОНЦЕССИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 20-х гг. XX в.

Аннотация. В статье анализируется формирование системы советских концессионных учреждений в начале 20-х гг. и их компетенция. Система концессионных органов складывалась постепенно в 1921–1923 гг., оформлялась процедура переговоров, порядок прохождения дел через государственные учреждения. В 1923 г. был учрежден Главный концессионный комитет (ГКК) при СНК СССР. Концессионная политика была монополизирована центральными государственными органами. Концессионный договор представлял собой специальный закон СССР, утверждаемый СНК СССР. В состав концессионных учреждений входили представители от различных ведомств. Показано, что концессионные учреждения соперничали между собой за лидерство в концессионной практике. Они учитывали не только экономические моменты, но и определяли политическую целесообразность концессионного предложения.

Ключевые слова: Главный концессионный комитет, концессионная комиссия, Наркоминдел, Наркомвнешторг, Высший Совет Народного Хозяйства, Госплан.

В период нэпа руководители большевистской партии предприняли попытку привлечь в экономику России иностранный капитал в форме концессий. Концессии виделись как один из способов ускорения восстановления экономики страны, осуществления плана электрификации[1].

Основные источники по данной проблематике хранятся в российских архивах: в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Они представляют собой материалы государственных и хозяйственных органов, касающиеся различных аспектов концессионной политики. Основная масса документов – это материалы по рассмотрению различных концессионных предложений, договоры и проекты соглашений, переписка различных учреждений – Наркомвнешторга, Главконцесскома, Политбюро, протоколы заседаний концессионных органов.

О работе концессионных учреждений в период их становления известно немного. По архивным документам можно проследить образование первых концессионных органов в 1920–1922 гг., формирование их структуры, процедуры переговоров, порядка прохождения дел.

Первой 30 ноября 1920 г., вскоре после опубликования Декрета о концессиях, постановлением СНК при ВСНХ была образована комиссия для разработки вопросов по предоставлению концессий в Сибири[2]. 30 июня 1921 г. положением СТО при нем был учрежден Концессионный Комитет во главе с П.А. Богдановым. В этот же период была образована Комиссия по смешанным обществам при СТО. Председателем был назначен Г.Я. Сокольников[3]. Вневедомственным концессионным органом был Концессионный Комитет при Госплане, через который должны были проходить все предложения о концессиях и смешанным обществах и выноситься на утверждение СНК. Председателем Концессионного Комитета (КК) был председатель Госплана Г.М. Кржижановский[4].

* ***КОСЫХ Елена Семеновна*** *— кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра теории и истории государства и права; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; kossES@yandex.ru.*

[1] Ленин В.И. Доклад о концессиях // Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 42. С. 72–73, 77, 78.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 208. Л. 4.

[3] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 6. Д. 694. Л. 14 об.

[4] ГА РФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 330. Л. 5.

В состав концессионных учреждений входили представители от различных ведомств: НКИД, НКВТ, ВСНХ, ВЦСПС, Наркомзема, РКИ и Наркомфина[1]. 4 апреля 1922 г. Концессионный Комитет при Госплане и Комиссия по смешанным обществам при СТО объединились в Главный Комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СТО под председательством А.М. Лежавы[2].

Одним из первых органов, занимавшихся концессионными вопросами, была также подкомиссия Госплана по внешней торговле и концессиям (председатель – проф. П.С. Осадчий). Протоколы заседаний подкомиссии, датированные июлем–декабрем 1921 г., показывают, насколько новый и неразработанный вопрос стоял перед хозяйственными органами, которые должны были учитывать не только экономические моменты концессионной практики, но и для начала определить общую политику по этому вопросу[3]. На заседаниях часто шли дебаты по поводу политической и экономической целесообразности того или иного концессионного предложения.

На одной позиции стоял НКИД, представителем которого в подкомиссии был А.В. Сабанин. По его словам, концессии «представляют собой большой политический интерес. Нужно осторожно подходить к выбору национальности концессионера: не давать концессии представителям тех государств, которые проводят по отношению к России политику саботажа. Так, англичанам и немцам интересно сдать концессии, что же касается Франции и Бельгии, то тут о сдаче не может быть и речи», в вопросах «территориальности и рабочей политики» должно превалировать «политическое самолюбие»[4]. Работники НКИД настаивали, чтобы концессионные договоры подписывались наркомом иностранных дел. НКИД отводилась наблюдательная и регулирующая роль[5].

В свою очередь, работники экономических учреждений – НКВТ, ВСНХ, Госплана – иначе оценивали задачи концессионной практики. М.Я. Кауфман из НКВТ на заседании подкомиссии заявил, что «деление на страны позитивные и негативные целесообразно политически, но не экономически... Нужно установить контакт между политической работой и экономикой». Сходную позицию занимал член ВСНХ Н.Н. Мусатов: «Если концессия представляет большое экономическое значение, возможно отступление от международного права». Член Госплана И.И. Федорович: «НКИДу придется сдавать позицию за позицией»[6].

Одновременно с выработкой общей принципиальной линии на заседаниях подкомиссии Госплана по внешней торговле и концессиям разбирались конкретные концессионные договоры. В документах не раз упоминается о политической подоплеке той или иной концессии: в договоре с Индо-Европейским телеграфным обществом на восстановление и эксплуатацию телеграфных проводов между Одессой и Константинополем (концессионный договор заключен в 1922 г.); в дискуссиях о сдаче в концессию нефтепромышленности западноевропейской части России. Неоднократно также поднимался вопрос о реституции[7].

Такая политизация была присуща всем государственным органам, занимавшимся концессионной практикой в тот период: «Концессии в нефтяной промышленности допустимы только по соображениям общехозяйственной конъюнктуры страны

[1] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 694. Л. 14 об.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 386. Л. 22.

[3] ГА РФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 462. Л. 29 об.

[4] Там же. Л. 40 об.

[5] Там же. Л. 39–40.

[6] Там же.

[7] Там же. Л. 20, 20 об., 51 об., 90–90 об.

(необходимость заграничного займа) или по соображениям политического характера» (из протокола № 2 от 31 декабря 1921 г. заседания Главного Комитета по делам концессий при Госплане и СТО)[1].

Центральные учреждения ревностно относились к инициативе на местах. 16 сентября 1921 г. подкомиссия Госплана по внешней торговле и концессиям, обсуждая заключенный Азербайджанской Республикой концессионный договор на сдачу в концессию Эмбской лесной дачи, оценила договор, как невыгодный, хищнический и признала сдачу концессии неправильной, а выдачу концессий властями местных правительств без ведома и соглашения с центром РСФСР – ненормальным. Это заключение было представлено в Президиум Госплана и доведено до сведения СТО и ВЦИКа[2].

Видимо, Азербайджанская Республика не подчинилась этому решению, и этот вопрос вновь возникает 20 февраля 1922 г. на заседании Главного Комитета по делам концессий при Госплане и СТО: «Концессионный Комитет постановляет поручить тов. Литвинову обратиться в Политбюро ЦК с конкретным предложением мер, коими в партийном порядке можно было бы урегулировать этот важнейший государственный вопрос, а также урегулировать порядок ведения концессионных дел в автономных и независимых советских республиках»[3].

Концессионные учреждения соперничали между собой за лидерство в концессионной практике, в особенности это относится к ВСНХ и НКВТ[4]. Речь шла о принципиальных вопросах: ВСНХ выступал за смягчение монополии внешней торговли, НКВТ – за строгое ее соблюдение. В 1922 г. разговор шел даже об образовании параллельных торгпредствам представительств ВСНХ за границей[5]. Победа осталась за НКВТ. Покушение на монополию внешней торговли закончилось поражением. Хотя из общего правила всегда делались исключения. Так, концерн Отто Вольфа, крупного германского предпринимателя, в виде исключения из закона о государственной монополии внешней торговли, получил право свободного вывоза и ввоза на условиях организации смешанного общества «Русгерторг» и предоставления кредита правительству в 500 тыс. ф. ст. и кредита обществу в 750 тыс. ф. ст.[6]

Говоря о концессионных учреждениях периода становления, необходимо отметить колоссальную работу, проделанную торгпредством РСФСР в Берлине и персонально торгпредом Б.С. Стомоняковым. В архивах Наркомвнешторга хранится большое количество документов о деятельности торгпреда Стомонякова: о ведении концессионных переговоров, заключении договоров, переписка с иностранными компаниями, с НКВТ, ВСНХ, НКИД, с военными ведомствами и др.[7] Первые концессии с Германией – «Дерутра», «Дерулюфт», «Деруметалл», «Юнкерс» – были заключены во многом благодаря нему; в ряде правлений смешанных обществ Б.С. Стомоняков был председателем[8].

Любопытен документ, касающийся заключенного в марте 1922 г. договора советского правительства с Ф. Круппом на сельскохозяйственную концессию в Донской области. Ф. Крупп хотел отказаться от концессии, мотивируя нехваткой средств. Б.С. Стомоняков в письме в Политбюро от 22 апреля 1922 г. считает, что это только предлог. Он предлагает надавить на Круппа, чтобы он все же взял концессию, путем

[1] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 694. Л. 9, 14 об.
[2] ГА РФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 462. Л. 58 об.
[3] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 694. Л. 14 об., 17.
[4] Там же. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1482. Л. 111.
[5] Там же. Д. 1530. Л. 203.
[6] Там же. Д. 1436. Л. 20.
[7] Там же. Д. 1530. Л. 141; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2377. Л. 1–2, 10.
[8] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 2014. Л. 124–125; Д. 1440. Л. 119, 128.

следующих мер: «1) отказаться от паровозных заказов Ломоносова с Круппом и 2) внести Круппа в черный список», т. е. никогда не сдавать ему концессий в России и не иметь с ним никаких торговых и иных дел[1].

Постепенно оформлялась процедура переговоров, порядок прохождения дел через государственные учреждения, складывалась система концессионных органов. Первоначально поступающие концессионные предложения рассматривались наркоматами или специальными комиссиями из представителей отдельных ведомств. Члены концессионных органов назначались Совнаркомом из представителей Наркоминдела, Наркомата внешней торговли, Наркомюста, Рабкрина, Наркомфина, ВСНХ и ВЦСПС.

Структура концессионных органов окончательно сформировалась к 1923 г. 21 августа 1923 г. был издан декрет об учреждении Главного концессионного комитета (ГКК) при СНК СССР. Главконцесском был совещательным органом. В его компетенцию входило решение вопросов о допуске и привлечении иностранных капиталовложений в СССР. ГКК наделялся правом:

а) осуществлять общее руководство и вести переговоры о заключении концессионных и иных договоров, допускающих изъятия из общих законов;

б) рассматривать при участии представителей союзных республик проекты концессионных договоров, проекты уставов акционерных обществ, в учреждении которых принимает участие иностранный капитал, а также просьбы иностранных акционерных обществ и других иностранных юридических лиц о допуске их к операциям на территории СССР.

Вся переписка по концессионным вопросам была секретной.

Председателями Главконцесскома в разное время были: Г.Л. Пятаков (1923–1925), Л.Д. Троцкий (1925–1927), В.Н. Ксандров (1928–1929), Л.Б. Каменев (1929–1932) и А.Б. Трифонов (1933–1937).

Первичной обработкой предложений и сбором информации занимались концессионные комиссии (КК), организованные при торгпредствах СССР за рубежом. Основной считалась концессионная комиссия при Берлинском торгпредстве, сфера действия которой распространялась на всю континентальную Европу. На втором месте по важности стояла концессионная комиссия в Лондоне, занимающаяся поступающими из Франции и Великобритании концессионными предложениями[2]. Все остальные представительства СССР за рубежом в случае получения ими концессионных предложений обязаны были немедленно испросить разрешение у ГКК и действовать только с его ведома, а в особо срочных случаях выполнять решения Берлинской КК. Если Москва заинтересовывалась каким-либо предложением, то для ведения переговоров выезжала специальная делегация ГКК. Позже аналогичные комиссии возникли в ряде стран, в т. ч. и во Франции, Италии, Японии[3].

Существовали концессионные комиссии и в СССР при Президиуме ВСНХ, а также при Совнаркомах союзных республик. В своей деятельности они руководствовались указаниями и директивами Главконцесскома, делегируя ему все верховные полномочия[4]. Для оценки заключенных соглашений обязательно привлекались специалисты. Этим занимался ВСНХ как наркомат промышленности. На конечной стадии специалисты ГКК рассматривали проекты концессионных договоров, а также уставы концессий и смешанных обществ. Концессионный договор окончательно утверждался СНК СССР, только предоставление концессий в ряде второстепенных отраслей находилось в исключительной компетенции Главконцесскома. Под текстом договора от имени

[1] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 16–20.
[2] Известия. 1923. 31 марта.
[3] Ландау Б.А. Концессионное право Союза ССР. М., 1925. С. 71.
[4] Договор об образовании СССР // Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 6. С. 119.

правительства ставилась подпись наркома той отрасли, в ведении которого находилось данное предприятие, а также подпись самого концессионера[1].

Сложной и длительной была процедура концессионных переговоров. Концессионные предложения большей частью поступали от соискателей в заграничные концессионные комиссии, а где их не было – в торгпредства. Предложение препровождалось в ГКК и в копии – в надлежащее ведомство с заключением заграничного органа о солидности фирмы. Ведомство давало в Главконцесском свое заключение о приемлемости предложения и о возможных условиях концессии. Это заключение обсуждалось в рабочей коллегии ГКК – Малом ГКК – и ее решение направлялось в соответствующий заграничный орган для сообщения соискателю. Такой обмен перепиской проходил несколько циклов и часто тянулся много месяцев.

Когда вчерне намечались основные условия, соискатель приглашался в Москву, где составлялся проект договора. Часто в нем оставались разногласия, и соискатель уезжал к себе, ожидая присылки окончательного решения Главконцесскома. Таковое выносилось Пленумом ГКК и сообщалось в заграничную концессионную комиссию: возобновлялся обмен перепиской. После согласования всех вопросов соискатель вновь приезжал в Москву (часто он приезжал несколько раз). Договор вносился на утверждение СНК, где обычно ждал очереди месяц и более. В отдельных случаях СНК вносил в договор свои поправки или отвергал его.

Допуская в страну западный капитал, советское правительство рассчитывало получить значительную экономическую выгоду, хотя политический аспект тоже был далеко не на последнем месте. В деятельности концессионных учреждений 20-х гг. эти два аспекта концессионной политики часто переплетались и препятствовали ее успеху. В 20-е гг. Россия не смогла воспользоваться экспортом капитала в интересах своего экономического развития.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 4. Д. 208, 330; Оп. 5. Д. 462.
2. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик // Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1963. Т. 6. С. 118–123.
3. Известия. 1923. 31 марта, 1 сент.
4. Ландау Б.А. Концессионное право Союза ССР. М.: Право и жизнь, 1925. 74 с.
5. Ленин В.И. Доклад о концессиях // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. С. 55–78.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2377; Ф. 17. Оп. 84. Д. 386.
7. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1436, 1440, 1482, 1519, 1530, 2014; Ф. 3429. Оп. 6. Д. 694.

[1] Известия. 1923. 1 сент.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-21

Н.Н. Крючков*

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ «ПАТРОН–КЛИЕНТ» В ПРИДВОРНОЙ БОРЬБЕ «РУССКОЙ» И «НЕМЕЦКОЙ» ПАРТИЙ 1730-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается феномен придворных партий и роль отношений между патроном и клиентами в придворной борьбе в царствование Анны Иоанновны. Данные неформальные институты оказывали весомое воздействие на функционирование Российской империи. Борьба за милости монарха, дискредитация в его глазах своих противников, попытки назначения на государственные должности своих сторонников составляли смысл существования такой партии. В случае удачных для партии «перемен при дворе» ее участники могли рассчитывать на карьерный рост и материальные блага. Однако покровительство и милости могущественного патрона могли иметь негативные последствия для его клиентов в случае его «падения», примером чему служит дело А.П. Волынского.

Ключевые слова: бироновщина, патрон, клиент, партии, Анна Иоанновна, А.П. Волынский, Э.И. Бирон.

Царствование Анны Иоанновны обычно ассоциируется в отечественной историографии и художественной литературе, прежде всего с феноменом «бироновщины» и борьбой за власть двух придворных партий – «русской» и «немецкой». «Вождем» «русской» партии, признавался кабинет-министр А.П. Волынский, а лидером «немецкой» партии – герцог Курляндский Э.И. Бирон. «Драматическое» противостояние этих людей представлялось наподобие борьбы света и тьмы, «русских патриотов» с «засильем иноземцев»[1]. Но если подобные штампы и развенчаны к настоящему времени[2], то исследований о феномене «партий» сравнительно немного.

Эпоха «бироновщины» традиционно интерпретируется в отечественной историографии как период засилья иноземцев – небольшой, но сплоченной группы выходцев из Прибалтики и германских княжеств. Во главе этого землячества стоял могущественный фаворит императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирон. Однако при ближайшем рассмотрении немецкая партия оказывается не такой уж этнически однородной, к тому же расколотой на несколько группировок.

Во-первых, в эту влиятельную группировку входили многие представители титулованного русского дворянства, высшего чиновничества и генералитета – кн. А.Б. Куракин, гр. М.Г. Головкин, адмирал Н.А. Головин, А.П. Бестужев-Рюмин, да и кабинет-министр А.П. Волынский успешно продвигался по карьерной лестнице не без помощи Б.Х. Миниха, К.Г. Левенвольде и Э.И. Бирона. Во-вторых, кажущееся единство немцев в действительности является не более чем мифом, поскольку каждый из влиятельных иностранцев аннинского царствования был весьма амбициозен, и готов оспорить могущество герцога Курляндского при первом же удобном поводе. Как известно, после смерти своей покровительницы Бирон продержался у власти не более трех недель, чему в немалой степени способствовало его неумение обзавестись партией лиц, преданных лично ему. В тоже время, вице-канцлер А.И. Остерман с успехом продвигал по службе своих русских родственников (например, братьев своей жены Марфы Ивановны –

* ***КРЮЧКОВ Николай Николаевич*** *— кандидат исторических наук; Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина; кафедра истории, философии и права; доцент; г. Рязань, Россия; n.n._kryuchkov@mail.ru.*

[1] Кизеветтер А.А. Артемий Петрович Волынский // Исторические силуэты. Ростов н/Д., 1997; Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» // Русская старина. 1885. № 10. С. 17–54.

[2] Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014.

Н.И., В.И. и П.И. Стрешневых, и своего зятя кн. И.А. Щербатова) и преданных ему чиновников коллегии иностранных дел (таких как И.И. Неплюева)[1].

Однако наиболее могущественной из немецких партий был клан Минихов и Менгденов[2]. Фельдмаршал Б.Х. Миних породнился с президентом Коммерц-коллегии Карлом-Людвигом Менгденом, выдав за последнего замуж свою племянницу Христину Вильдеман, а свою дочь Христину-Елизавету за его старшего брата Иоганна-Генриха Менгдена, генерал-поручика и президента лифляндского гофгерихта. Кроме того, Карл-Людвиг привез в Санкт-Петербург четырех своих кузин – Доротею, Юлианну, Якобину и Аврору и постарался устроить выгодные партии для девушек. Юлианна стала любимой фрейлиной и задушевной подругой принцессы Анны Леопольдовны, которая намеревалась выдать замуж за саксонского посланника графа Линара (к которому благоволила принцесса). Доротея стала женой сына фельдмаршала – Эрнста Миниха, камер-юнкера, а затем обер-гофмейстера Анны Леопольдовны. Подобные родственные связи объясняют причину, по которой Минихи и Менгдены совершили дворцовый переворот в пользу Анны Леопольдовны (и дождь наград обрушившийся на них). Также становится понятным, почему пришедшая к власти Елизавета Петровна постаралась отправить это семейство в ссылку[3].

Князь П.В. Долгоруков дает крайне отрицательную характеристику семейству Менгден, называя их ловкими интриганами[4]. Для характеристики их изворотливости внимания заслуживает судьба еще двух сестер Менгден. Якобина (? – ?), по замыслу своего кузена должна была выйти замуж за Густава Бирона (1700–1746), брата фаворита, но после падения временщика брак расстроился. Якобина разделила судьбу своей сестры Юлианны, отправившись вместе с брауншвейгским семейством в ссылку и провела в Холмогорах более 20 лет. Анна-Аврора (? – ?) стала в 1748 г. супругой Лестока, лейб-медика и любимца Елизаветы Петровны. Вероятно, планировалось использовать этот союз, чтобы облегчить судьбу родственников – однако, у судьбы были другие планы. Анна-Аврора вскоре также оказалась в ссылке, когда ее мужа постигла опала. Из четырех сестер ссылку перенесли только Юлианна и Якобина, остальные сестры и их кузен-интриган скончались[5].

Что же касается пресловутой «русской» партии, то подобное название часто используется для обозначения группы русских дворян-патриотов ориентировавшихся на Елизавету Петровну и выступавших против «бироновщины». Возникает вопрос: кого же можно отнести к «русской партии»? Тех русских дворян, кто мечтал возвести на престол «дщерь Петрову» – Елизавету Петровну, или всех недовольных пресловутым «засильем иноземцев» при Анне Иоанновне? Однако, само существование «партии Елизаветы» весьма сомнительно. По мнению И.В. Курукина «пружинами» дворцового переворота 25 ноября 1741 г. послужили рядовые гренадеры Преображенского полка, а широкой поддержки со стороны вельмож и гвардейских офицеров не было (естественно, кроме придворных «малого двора» цесаревны). Более того, Курукин подвергает сомнению «тезис о патриотическом подъеме в сознании общества», выдвинутый С.М. Соловьевым. Даже в 1741 г. цесаревна не рассматривалась в качестве серьезной кандидатуры на престол: единственным делом в Тайной канцелярии, в котором упоминалась кандидатура

[1] О семейных связях А.И. Остермана см., напр.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 413–414.

[2] Крючков Н.Н. Придворная свадьба в жизни русского императорского двора Анны Иоанновны // Актуальные вопросы гуманитарного образования: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Авдонина, С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань, 2012. С. 70.

[3] Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 190.

[4] Цит. по: Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В. Долгорукова // Анна Иоанновна. М., 2007. С. 121–122.

[5] Анисимов Е.В. Русский застенок. Тайны Тайной канцелярии. М., 2010. С. 359.

Елизаветы Петровны, было дело о письме к ней сумасшедшего, объявившего себя российским царем Петром, и собиравшемся жениться на «российской цесаревне Елизавете»[1]. В этом случае становятся понятны показания Волынского на следствии, в которых он говорил о том, что не любил цесаревну и «признавал ее ветреницей»[2]. Подобное признание некоторые историки склонны расценивать как стремление Волынского выгородить Елизавету Петровну[3], однако, по всей видимости, Волынский даже не задумывался о кандидатуре цесаревны.

Если говорить о всех недовольных «бироновщиной», то таковых «патриотов» в царствование Анны Иоанновны было предостаточно. Недовольство высказывали кабинет-министр кн. А.М. Черкасский, и родственник императрицы С.А. Салтыков со своими сыновьями. Это не было секретом даже для таких сторонних наблюдателей, как иностранные дипломаты. Так, прусский посланник А. фон Мардефельд в разгар дела Волынского упоминает об этом в своих донесениях: «...так как они [Салтыковы – *авт.*] были неспособны принимать участие в управлении делами, то и были совершенно отдалены от них; крайне раздраженные этим, и завидуя огромному доверию, оказываемому герцогу Курляндскому, они иногда искали забвения в вине и напивались до такой степени, что у них невольно вырывались оскорбительные слова, навлекшие на них негодование Ея Императорского Величества и Его Высочества…»[4]. Недовольство же А.М. Черкасского лучше всего описал в своем фундаментальном труде С.М. Соловьев: «…Черкасский был недоволен Остерманом, Бироном, Анною; ему казалось, что за такие важные услуги он был мало награжден; он досадовал, что ему не дано главной роли: что бы он, по своим способностям, сделал с своею главною ролью, он об этом не рассуждал, только неприятно было, что другие пользуются большим влиянием на дела, чем он…»[5].

По всей видимости, необходимо различать понятие «русской партии» и «партии Волынского». Если под партией кабинет-министра понимать его окружение, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что окружение Волынского было слишком разнородным. С одной стороны, сюда можно отнести людей, связанных с кабинет-министром родственными связями («свойственников») и дружескими отношениями, с другой стороны – пресловутых «конфидентов» («доверенных лиц»), наконец к партии Волынского необходимо отнести клиентов могущественного вельможи. Данная классификация достаточно условна, поскольку клиент мог быть родственником, а благодаря личным качеством приобрести особое доверие своего патрона.

Понятия «*патрон*» и «*клиент*» возникли впервые еще в эпоху Античности, когда знатные римские граждане (чаще всего из патрицианских родов) брали под покровительство менее знатных свободных граждан, становившихся зависимыми от них, выступая в суде в качестве *патронуса* – защитника. Вместе с тем, аналогичные отношения появились и в Российской империи в XVIII в., что связывается с феноменом «птенцов гнезда Петрова». Военачальники и государственные деятели, они были по своему происхождению людьми самого разного звания, и сделали блестящую карьеру не только благодаря своим способностям и талантам, но и за счет взаимной поддержки и сплоченности.

Итак, знатность рода и родственные связи перестали быть определяющим

---

[1] Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 330.

[2] Цит. по: Записка об Артемии Волынском // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. Кн. 2, апрель–июнь 1858. С. 156.

[3] См., напр.: Кизеветттер А.А. Указ. соч. С. 113.

[4] Депеши прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 г. // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 401.

[5] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М., 1993. Кн. 10. Т. 19–20. С. 654.

фактором в карьере – на смену им приходит поддержка «сильных персон» или «милостивцев». В роли покровителя – «патрона» (данное слово прочно вошло в лексикон русского дворянина – *авт.*) мог выступать как влиятельный родственник, могущественный друг, «особа приближенная к Императору/Императрице». В любом случае, вне зависимости от того какие отношения связывали покровителя и опекаемого им «человечка», последний не скупился на уверения в преданности, скромные и не очень подношения.

Когда после смерти Петра развернулась ожесточенная борьба за власть, и каждая из противоборствующих сторон боролась за место под солнцем с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Естественно, что любой мало-мальски крупный государственный деятель старался окружить себя преданными клиентами, но прежде того, как стать «патроном» ему самому приходилось искать покровительства милостивца. Сам А.П. Волынский за время своей карьеры успел побывать клиентом Б.П. Шереметева и П.П. Шафирова, А.В. Макарова и В. Монса, А.Г. Долгорукого и С.А. Салтыкова, Б.Х. Миниха, К.Г. Левенвольде и Э.И. Бирона, что хорошо прослеживается по его переписке[1].

Понятно, что самолюбивому человеку – а именно таким был кабинет-министр Анны Иоанновны – тяжело просить и кланяться. Однако в ситуации, когда ты вынужден это сделать единственной успокоительной сентенцией может стать мысль о том, что кто-то когда-нибудь будет кланяться тебе.

Наличие «партии» из клиентов в период следствия над Артемием Петровичем возбудило обоснованные подозрения. Но отвечая на вопрос следователей «…для чего <он> ласкал офицеров гвардии», кабинет-министр отвечал, что «ласкал военных и гражданских чиновников для того чтобы не слыть грубым»[2]. Интересно, что саксонский дипломат Петцольд раскрывает тайну того, как Волынский смог обзавестись «партией» из преданных ему людей. По его версии, Волынский «...немедленно узнавая от секретаря Эйхлера (одного из своих «конфидентов» – *авт.*) кому назначали императрица и герцог Курляндский открывавшиеся должности, он поспешал уведомить местных соискателей, каких повышений могут они ожидать от его ходатайства, и подобного рода проделками приобрел себе в государстве славу благосклонного и всемогущего министра»[3].

Тем не менее, далеко не каждый человек, побывавший в гостеприимном доме вельможного барина, становился его клиентом. Естественно, что кабинет-министр кн. А.М. Черкасский, генерал-кригс-комиссар Н.Я. Трубецкой, сенаторы А.Л. Нарышкин, В.Я. Новосильцев и М.Г. Головкин, генерал А.И. Румянцев добились своих постов отнюдь не благодаря Артемию Петровичу. Дружеские (и зачастую родственные) отношения, приятные и необременительные взаимные услуги, и даже знакомство с проектами кабинет-министра не были чем-то крамольным и не могли быть представлены как заговор и подготовка дворцового переворота.

Собственно, среди высокопоставленных клиентов Волынского можно выделить В.И. Чичерина, В.А. Урусова, С.Л. Игнатьева и Я.П. Шаховского. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка В.И. Чичерин работал в комиссии о размножении конских заводов, и несмотря на то, что продвижения по службе он не получил по-видимому был доволен что не участвовал в русско-турецкой войне. Капитан-командор, а затем контр-адмирал В.А. Урусов служил в Адмиралтейской коллегии; в 1739 г. произведен в чин генерала-поручика и назначен главным командиром Оренбургской комиссии вместо тайного советника В.Н. Татищева. С.Л. Игнатьев генерал-майор и советник Военной коллегии, по представлению А.П. Волынского также стал генерал-поручиком и обер-комендантом

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Ч. 1, 2.
[2] Цит. по: Записка об Артемии Волынском… С. 151.
[3] Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. № 7. С. 1 370.

Санкт-Петербурга[1]. Ротмистр конной гвардии Я.П. Шаховской благодаря протекции кабинет-министра также рассчитывал на блестящую карьеру. Но… именно в его случае приязнь и покровительство сильной персоны, «милостивца» сыграла злую шутку. Я.П. Шаховской, упоминающий в своих «Записках...» об «особливой благосклонности» к нему Волынского. Он передает один из разговоров с Волынским весной 1740 г., в котором кабинет-министр уведомил его, что по сделанному им представлению императрице князя должны вскоре произвести в сенаторы. Однако вместо Сената князю пришлось довольствоваться должностью полицмейстера. Как известно, Я.П. Шаховской пользовался благосклонностью и Э.И. Бирона, поэтому вполне мог быть назначен на высокий пост, однако всемогущий фаворит весной 1740 г. находился в ссоре с Волынским. Вмешательство герцога, узнавшего что Шаховской «променял его на Волынского» (о чем он впоследствии сам сказал автору «Записок...»), привело по счастью только к данной кадровой перестановке. Ведь после ареста своего «благодетеля» князь всерьез опасался за свою судьбу: «…не по делам, но по знакомству оного несчастного министра»[2].

Иное дело «конфиденты» Артемия Петровича – вполне осознанно помогавшие своему влиятельному другу в написании проектов, составлявшие политические «антинемецкие» памфлеты, участвовавшие в «опасных» разговорах, и осведомленные о придворных интригах кабинет-министра. Имена их хорошо известны по популярной и художественной литературе: капитан флота коллежский советник А.Ф. Хрущов, архитектор и гоф-бау-интендант П.М. Еропкин, секретарь иностранной коллегии И. де ла Суда (работавший с ведома своего начальства), бывший обер-прокурор Сената и генерал-кригс-комиссар, вице-президент Адмиралтейской коллегии Ф.И. Соймонов, президент Коммерц-коллегии гр. П.И. Мусин-Пушкин, личный секретарь императрицы И. Эйхлер[3]. Все они были заслуженными и состоявшимися людьми, хотя впоследствии их будут обвинять в том, что они мечтали о «…значительных поместьях и местах первых министров»[4]. Однако исследователи зачастую забывают о том, что среди «конфидентов» были те, кого таковыми считать не принято, в силу незначительного положения – дворецкий Василий Кубанец и секретарь Василий Гладков. Вместе с тем, два «маленьких человека» «в немалой от Волынского конфиденции были», знали не меньше других конфидентов и даже давали Артемию Петровичу советы.

Однако именно «маленький человек» был основным типом клиента русского государственного деятеля, подмечавшего толковых подчиненных и продвигавшего их по карьерной лестнице. Секретари В. Гладков, П. Муромцев, советник А. Наумов, асессоры П. Богданов, В. Смирнов и В. Десятов, адъютант П.Б. Родионов и унтер-шталмейстер Б.Г. Родионов, В. Неелов, архитектор И. Бланк – основной массой своей клиентелы Волынский обзавелся, работая в комиссии по размножению конских заводов и в должности обер-егермейстера. Каждый из них получал чины – не самые высокие (например, капитанский), но и перевод на новое не очень хлопотное место службы, они также были обласканы милостивым вниманием своего покровителя, который «добр бывал ко многим»[5].

Клиенты Волынского – чиновники конюшенной канцелярии – фактически «партикулярно» работали на своего патрона: советник Александр Наумов надзирал за московским домом и лошадьми Волынского, асессор Василий Десятов ведал деревнями и московским домом племянницы своего начальника – Елены Васильевны Волынской.

[1] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220. Л. 81.
[2] Цит. по: Империя после Петра, 1725–1765. М., 1998. С. 22–24.
[3] Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. С. 272.
[4] См.: Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть. С. 1 367.
[5] См.: Записка об Артемии Волынском… С. 156.

Сам Волынский выписывал последнему фиктивные поручения в Москве, чтобы избавить его от поездок. Различные частные поручения Волынского регулярно выполнял и асессор Петр Богданов[1]. Благодаря помощи С.Л. Игнатьева (советника Военной коллегии) Волынский взял к себе 6 солдат денщиками, которые «числили» этих денщиков солдатами; гарнизонного писаря Ерохина держал при себе для своих услуг, а жалованье платил ему как копиисту конюшенной канцелярии (50 руб. в год). С помощью того же Степана Игнатьева Волынский получил гарнизонных столяров для своих услуг на 6 месяцев, цуг вороных лошадей, столовые припасы[2]. Через посредничество секретаря Гладкова и дворецкого Кубанца к кабинет-министру обращались многочисленные просители, сопровождая свои не всегда законные просьбы скромными и не очень дарами. Василий Неелов, ставший казанским прокурором присматривал за винокуренным заводом хозяйственного патрона. Последний, впрочем, при всем своем могуществе зачастую был вынужден занимать деньги у своих клиентов[3].

Не стоит относиться к клиентам с пренебрежением: зачастую они были искренне преданы своему покровителю, не забывая его и в «черные» дни. Так знакомые и друзья Артемия Петровича навещали его даже под домашним арестом. Единственным из клиентов-конфидентов кабинет-министра, сыгравшим роковую роль в судьбе своего покровителя стал Василий Кубанец. Спасая свою голову от неминуемой каторги, он дал нужные показания, став основным свидетелем по делу Волынского, замешанными в котором оказались несколько десятков человек. И если влиятельные знакомые кабинет-министра отделались легким испугом, то большинство менее сановных персон были вынуждены пройти через следствие в Тайной канцелярии. При этом каждый из них мог легко быть представлен не только как свидетель, но и как соучастник должностных преступлений Артемия Петровича, а некоторым его наиболее близким сторонникам пришлось поплатиться за «конфиденции» ссылкой, каторгой или головой[4].

Подводя итог, можно отметить важность проблемы «к кому отмена и кто в милости» для русского дворянства. Соперничающие у престола «партии», активно боролись за милости монарха с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Каждый дворянин искал себе «своего патрона», выступая в качестве «своего человечка». При удаче, покровитель поднимался на ступеньку выше, перетаскивая за собой шлейф клиентов. При неудаче страдали все.

Источники и литература

1. Анисимов Е.В. Русский застенок. Тайны Тайной канцелярии М.: Центрполиграф, 2010. 411 с.
2. Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. № 7. С. 1 351–1 373.
3. Депеши прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 г. // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 401–402.
4. Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В.Долгорукова // Анна Иоанновна. М.: Мир книги, Литература, 2007. С. 3–162.
5. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. 524 с.; СПб., 1857. Ч. 4. 484 с.
6. Записка об Артемии Волынском // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. Кн. 2, апрель–июнь 1858. С. 135–170.
7. Империя после Петра, 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. 571 с.
8. Кизеветтер А.А. Артемий Петрович Волынский // Исторические силуэты. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 480 с.
9. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» // Русская старина. 1885. № 10. С. 17–54.

[1] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220. Л. 79 об. – 80.
[2] Там же. Л. 80–81.
[3] Там же. Л. 74–76.
[4] См.: Записка об Артемии Волынском… С. 169–170.

10. Крючков Н.Н. Придворная свадьба в жизни русского императорского двора Анны Иоанновны // Актуальные вопросы гуманитарного образования: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Авдонина, С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань: РГРТУ, 2012. С. 67–76.
11. Курукин И.В. Артемий Волынский. М.: Молодая гвардия, 2011. 414 с.
12. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. 570 с.
13. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1 063 с.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220, 276.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 10. Т. 19–20.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-22

Д.М. Латышев*

ОБРАЗЫ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Аннотация. В условиях антропологического поворота в отечественной историографии заметно возрастает научный интерес к этосу «человека 1812 года». Одним из главных трансляторов военных норм и предписаний в российской армии является боевой священник. В статье анализируется образ полкового священника, который представляют нам источники личного происхождения. Проводится анализ образов полковых священников на примере биографических сведений о Е.С. Левитском, В.Я. Сицилинском и др. Выявлены как героические, так и сентиментальные образы полковых священников. По результатам исследования выявлено, что односторонность положительных описаний образов полковых священников продиктована актуализированными концепциями священной войны, борьбы с «безбожниками» и политикой памяти, которую проводила клерикально-монархическая элита страны.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., военное духовенство, образ священника, Русская православная церковь.

В отечественной историографии Отечественная война 1812 г. в последнее время стала востребованной в поле философских исследований. Этот научный интерес актуализирован существованием в современном мире новых форм конфликтов и угроз. Для исследователей является важным не только нравственная обоснованность вступления в войну (jus ad bellum), но и этические нормы ведения войны (jus in bello) в истории российской армии. Указанные этические нормы особенны тем, что они являются своего рода основаниями для такой формы тотального насилия, как война[1]. Во время военных действий эти нормы неоднократно подвергаются сомнению и переосмысливаются. Таким образом, данные предписания являются очень подвижными и конституируются различными субъектами конфликта в зависимости от положения дел на войне и отношения к ней.

В случае с российской армией в Отечественную войну одним из субъектов указанных норм и предписаний являлся институт военного духовенства. В Отечественную войну полковые священники транслировали и санкционировали те идеи, нормы и представления о войне, которые необходимы для поддержки боевых единиц российской армии. Данные нормы были фундированы в православной культуре и идеологии Российской империи.

Поскольку предметом нашего исследования являются источники личного происхождения (мемуары, дневники и др.), то нами учитывается тот факт, что нами изучаются образы полковых священников, которые моделировались в зависимости от обстоятельств, биографий авторов и литературных направлений. В этих образах репрезентировалась патриотическая идеология Российской империи. Каким было эмоциональное восприятие полковых священников в российской армии? Какие взаимодействия с боевыми священниками освещались в воспоминаниях тех лет? Совокупность этих вопросов позволяет нам обрисовать контуры исследования идеологического образа полкового священнослужителя.

В отечественной историографии существует несколько работ, посвященных исследованию взаимодействия российской армии и священнослужителей. В первую

* ***ЛАТЫШЕВ Дмитрий Михайлович*** *— Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт; департамент философии; кафедра онтологии и теории познания; аспирант; г. Екатеринбург, Россия; dimlatysh@gmail.com.*

[1] Sommier I. Terrorism as total violence? // International Social Science Journal. 2002. Vol. 54. Pp. 473–481.

очередь, это диссертационное исследование Л.В. Мельниковой, посвященное вопросам взаимодействия православного духовенства в российской армии в период Отечественной войны 1812 г.[1] В данном исследовании есть несколько биографических описаний боевых священников, но такой исследовательский сюжет, как анализ образа полкового священника, в работе отсутствует. Аналогично в работе С.Н. Хомченко[2] проводится подробная историко-географическая атрибуция сюжетов из дневника Е.С. Левитского, но образ самого полкового священника не проанализирован.

В данной работе анализируется образ полкового священника Отечественной войны 1812 г. Образ священнослужителя, как показывает историография, главным образом складывается из эмоционального восприятия и практик, в которых он участвует[3]. Под эмоциональным восприятием, согласно В. Аксенову, боевого священника подразумеваются различные фобии, оценки, умонастроения и отношение к войне. Эмоциональное восприятие может формировать положительный, отрицательный и нейтральный образ священника. В практиках раскрываются культовые действия, взаимодействия внутри самого института боевого духовенства и взаимодействия с боевыми частями.

Основными источниками нашего исследования являются источники личного происхождения (мемуары, эпистолярное наследие и другие источники). Среди такого рода источников по данному периоду особо стоит отметить недавно опубликованный дневник полкового священника Евфимия Степановича Левитского из 41-го Егерского полка[4].

По результатам исторического исследования Л.В. Мельниковой известно, что институт военного духовенства возникает в российской армии во время правления Петра I[5]. Создание этого института было укоренено в таких законодательных актах, как Воинский (1716 г.) и Морской (1720 г.) устав. Военному священнослужителю предписывалось отправлять культ, проводить беседы (примером такого рода бесед является «Сборник кратких христианских поучений к воинам»[6], составленный протоиереем Г.П. Мансветовым) и оказывать поддержку больным. Военное духовенство сухопутных войск вначале не было отделено от епархиального. В военное время, при постоянном передвижении войск, для надзора за полковыми священнослужителями назначался полевой обер-священник. По Воинскому уставу 1716 г. полевой обер-священник полагался при фельдмаршале или генерале. Предоставленные ему права касались функций управления и суда над всеми подведомственными священниками. По данным Л.В. Мельниковой, указом Павла I от 4 апреля 1800 г. должность полевого обер-священника была сделана постоянной: ему вверялось постоянное главенство (в административном и судебном отношениях) над всеми военными клириками не только в военное, но и в мирное время. Как указывает историк, Высочайшими указами, данными Святейшему Синоду в 1803 и 1806 гг., было расширено право законного участия обер-священника в деле определения священнослужителей в полки, а также в назначении им пенсий и наград. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г. были введены дополнительные должности корпусных

[1] Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 г. и Русская православная церковь: Дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

[2] Хомченко С.Н. Смоленск и смоленская губерния в первой четверти XIX в. в дневнике священника Е.С. Левитского // Известия Смоленского гос. ун-та. 2019. № 1 (45). С. 331–347.

[3] Аксенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 272–303.

[4] Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015.

[5] Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 34.

[6] Мансветов Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. СПб., 1828.

священников, пользовавшихся правами полевых обер-священников действующих армий и, так же как и последние, подотчетных обер-священнику армии и флота[1]. Таким образом, к началу Отечественной войны была создана развернутая штатная структура института военного духовенства, которая позволяла Русской православной церкви реализовывать поддержку боевых единиц армии на всех уровнях и проводить масштабную идеологическую работу в рядах войск.

Численность священников в боевых единицах Российской армии была небольшой, а число походных церквей доходило до 50 единиц[2]. Например, в ведомости Санкт-Петербургского ополчения на 15 дружин отправляют культ всего два священнослужителя и два причетника с ними. В Новгородском ополчении был выделен всего один священник на бригаду ополчения[3].

Эмоциональное восприятие полковых священников в идеологическом плане было связано с идеей «священной войны»[4]. «Священность войны» дополнялась также концепцией противостояния русского благочестия французскому «безбожию», где военные священники являлись главными «участниками» священной войны. Однако важно отметить, что среди писем солдат Великой армии столь эмоционального восприятия военного духовенства противника, как указывает Н.В. Промыслов, не наблюдается[5]. При этом свидетельства недостойного отношения воинов Великой армии к невоенным священнослужителям зафиксированы в воспоминаниях современников и очевидцев[6]. Согласно исследованиям М. Губиной, в 1812 г. французам пришлось «осознать глубокое различие между их собственным менталитетом и системой ценностей русских»[7]. Это значит, что эмоциональное восприятие полковых священнослужителей российской армии в основном формировалось на нашем фронте. Разность в эмоциональном отношении к боевым священникам играет важную роль в интерпретации их образа.

В воспоминаниях Д.В. Душенкевича полковые священники наделены сразу же эпическими, героическими чертами. В повествовании о них преобладает положительное эмоциональное отношение к священнослужителям, но не зафиксированы их практики[8].

Рассмотрим примеры практик взаимодействия с полковыми клириками на фронте. Из имеющихся биографических свидетельств приведем те, где образ полкового священника наиболее детализирован. В данном случае являются релевантными биографии таких полковых священников, как Е.С. Левитский, В. Васильковский и В.Я. Сицилинский.

Нейтральные образы полковых священников

Описание образа полкового священника Е.С. Левитского основано на его дневнике, который был приобретен Государственным Бородинским военно-историческим музеем-

---

[1] Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 36.

[2] Bujac E. L' Armee Russe: son histoire, son organization actuelle. Paris, Limoges: Henry Charles-Lavauzelle, 1894. P. 78.

[3] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.

[4] Мельник З. «За веру против антихриста»: православная церковь и духовенство в Отечественной войне 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой) // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 71–77; Федоров В. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М., 2003.

[5] Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 г. // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 44–53.

[6] Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995.

[7] Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1821)// Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. М., 2012. С. 252–264.

[8] Душенкевич Д.В. «Из моих воспоминаний то 1812 года до <1815 года>. 1838 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995. С. 105–135.

заповедником из частной коллекции в 2011 г. Данный дневник ценен непубличной информацией, подробным описанием быта военного духовенства, чего мы не увидим в других биографических описаниях.

По сведениям С.Н. Хомченко, 10 августа 1812 г. Е.С. Левитский прибыл в Дорогобуж, где подал прошение о принятии в армейское духовенство обер-священнику А.Т. Таранецкому, но сам город к этому времени был взят неприятелем. 12 августа 1812 г. он получил документы о «прикомандовании в 41 егерский полк» для отправления культа[1].

В своем кратком сообщении о боевом крещении образ полкового священника обозначен в экзистенциальном русле: он олицетворяет собой боеспособность, мощь российской армии. Тот факт, что Е.С. Левитский выжил на поле боя, показывается как пример мужественности и отваги. Показательно, что в данном фрагменте не прослеживается концепция священной войны и идеологического противопоставления «христолюбивого воинства» французским «безбожникам».

Также военное духовенство совершало молебны о победе (викториальные молебны)[2]. Полковой священник, пребывая в Варшаве, не сообщает нам никаких сведений о каких-либо религиозных конфликтах или притеснениях со стороны православной церкви по отношению к католикам или униатам, в то время как это происходило на Правобережной Украине[3]. Помимо викториальных молебнов полковые священники проводили молебствия о мире с Францией. Не представляется проясненным момент, насколько такого рода культовая практика была распространенной в российской армии в годы Отечественной войны?

Важной частью повседневной жизни военных священнослужителей в российской армии было участие в церковных парадах[4]. В одном из церковных парадов была справлена литургия по случаю выдающегося сражения при Вертю. Посредством данного описания Е.С. Левитский приобщает себя к значимым событиям Отечественной войны, указывает на сопричастность к выдающимся деятелям эпохи (Александр I, Франц I Габсбург и др.). По окончании войны боевые священники исповедовали боевые части российской армии. Дальнейшие боевые достижения священника Е.С. Левитского сводились к наградам за «усердную и ревностную» службу. Несмотря на то, что эмоциональное восприятие образа выражено слабо, оно заметно дополнено практиками, в которых участвовал священнослужитель. В описаниях практик полковой священнослужитель выражен в качестве «фронтового труженика», «усердного священнослужителя». Идеологический контекст в данном образе выражен минимально, в дневнике не встречается каких-либо упоминаний о «священной» войне с «безбожниками».

Героические образы полковых клириков

Также представляет интерес и один из наиболее проработанных сюжетов истории Отечественной войны 1812 г. – сражения 19-го Егерского полка под Витебском и Малоярославцем с боевым священником В. Васильковским. Описания этого полкового священника во многом почерпнуты историком А.А. Смирновым из архивных источников, популярных изданий и брошюр. Популярный характер источников наложил свои отпечатки на моделирование героического образа этого полкового священника.

Как указывает А.А. Смирнов, 14 июля сражение продолжил арьергард 1-й армии у селения Какувечина близ Витебска, но вынужден был отойти к д. Добрейка, расположенной в 8 верстах от Витебска. 15 июля состав арьергарда был изменен. Наряду с

[1] Дневник полкового священника… С. 20.

[2] Там же. С. 34.

[3] Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформацій на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 94–110.

[4] Дневник полкового священника… С. 66–67.

другими частями в него вошел и 19-й Егерский полк под командованием полковника Н.В. Вуича, где исправлял требы о. Василий[1].

По ходатайству начдива П.Г. Лихачева полковой священник Васильковский был представлен к награждению «камилавкой», как знаком отличия белого духовенства».

Следующий подвиг полкового священника В. Васильковского описан в личной корреспонденции генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова к М.И. Голенищеву-Кутузову, где подробно описана практика священнослужителя в поддержке боевого духа солдат и исповедования тяжелораненых бойцов. Именно в поддержке боевого духа солдат, согласно корреспонденции, и возникает положительное восприятие образа военного священника. Это положительное восприятие служит основой для дальнейших «героических» описаний действия В. Васильковского.

По оценке историка А.А. Смирнова, это был первый в истории ордена и православного духовенства случай награждения военного священника орденом Святого Георгия. 17 марта 1813 г. орден был вручен отцу Василию[2].

В данном описании полковой священник Василий Васильковский предстает в героическом образе. В биографических описаниях преимущественно представлены его действия на фронте (поддержка солдат, исповедование раненых и др.). Не даны описания практик взаимодействия с военным духовенством вне поля боя (как например, в дневнике Е.С. Левитского присутствуют описания церковных парадов). Во многом такой героический образ боевого священника, как отмечает Е. Приказчикова, являются частью литературно-эстетических направлений эпохи – сентиментализма и классицизма[3]. В случае с образом В. Васильковского, рисуемого военачальниками, наиболее ярко репрезентируется «идеалистическая» идеология в описании образа: «неустрашимый боевой священник» и «благородный защитник Отечества», при этом особого акцента на «священную» войну с «безбожниками» не наблюдается.

В мемуарах аббата иезуита А. Сюрюга встречается описание полкового священника гвардейской кавалерии М. Гратинского, который решил возобновить отправление культа во вражеском стане[4]. Данное биографическое описание представляет научный интерес тем, что полковой священник был в плену, и его образ раскрылся в других исторических условиях, полных противоречий между идеологией и действительным положением дел.

Особенно показательно противоречие между идеологией «священной» войны, распространяемое в среде военного духовенства, и поведением коменданта площади. Комендант площади разрешил полковому священнику отправлять культ, тем самым было нивелировано противоречие, связанное с идеологией войны. Со стороны противника это означало, что для Великой армии война не воспринималась как «священная», на оккупированных территориях реализовывалась секулярная модель государственно-конфессиональных отношений, которые на деле способствовали патриотическому подъему умонастроений среди населения.

Важно заметить, что аббатом прорисован патриотический образ священнослужителя, который стремится сохранить паству и церковь, при этом какие-либо героические сюжеты исключены из описания. Эмоциональное восприятие

[1] Смирнов А.А. Герой малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции: Сб. ст. Малоярославец, 2000. С. 21–27.

[2] Там же.

[3] Приказчикова Е.Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // «И вечной памятью двенадцатого года…»: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отеч. войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург, 2013. С. 107–120.

[4] Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier. M., [1909]. P. 43.

священнослужителя можно охарактеризовать как нейтральное, из практик наиболее хорошо описано отправление культа. Эти детали дополняют образ полкового священника как человека, который стремится сохранить приход и культурную идентичность. Идеологические концепции, которые были распространены в среде военного духовенства, были преодолены секулярной моделью, и, впоследствии, нивелированы.

Сентиментальные образы полковых священников

О боевом священнике Василии Яковлевиче Сицилинском нам известно из воспоминаний в газете «Странник»[1] и из очерков о лейб-гвардии Финляндского полка. Данные воспоминания об Отечественной войне достаточно эмоциональны, сентиментальны и в некоторой степени отражают умонастроения того времени. В.Я. Сицилинский является сыном полкового священника Якова Сицилинского, также участвовавшего в Отечественной войне 1812 г. Получив в 1811 г. назначение в Новгородский кирасирский полк, он вскоре принял участие в Отечественной войне. Со своим кирасирским полком Сицилинский участвовал в сражениях под Смоленском, при Бородино, под Красным. Молодой священник вскоре заслужил расположение и доверие полкового начальства. Первый период войны, когда русская армия отступала к Москве, Сицилинский называл временем «ужасным»[2]. В 1814 г. указом Святейшего Синода Василий Сицилинский был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. 19 марта 1814 г., при взятии Монмартрских предместий Парижа, а затем и самой французской столицы, Сицилинский шел впереди своего полка с иконой в руках, взятой у полковника П.С. Ушакова. За Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы Сицилинский был награжден камилавкой[3].

Образ этого боевого священника больше наполнен эмоциональным восприятием, нежели сведениями о практиках. В словах боевого священника слышно сострадание к судьбе Отечества, доходящее до «натуралистических» описаний. В этом описании образа полкового священника отчетливо видна сентиментальная стилистика, которую использует автор для описания своих умонастроений и действий.

Таким образом, по имеющимся источникам можно восстановить положительные и нейтральные образы полкового священника в годы Отечественной войны. При этом важно отметить, что сведения о полковых священниках в заграничных походах весьма немногочисленны, и этот исследовательский сюжет слабо разработан.

Полученный образ боевого священника основывается на положительных оценках их деятельности и, как показывает анализ, выражается в классицистических описаниях их подвигов на поле боя. Указанные источники личного происхождения не свидетельствуют нам о каких-либо конфликтах в боевых частях и не показывают нам примеры отрицательных образов боевых священников. Среди биографических сведений о приведенных боевых священников можно встретить как образы героических боевых священников (например, В. Васильковский), сентиментальных (В.Я. Сицилинский), так и более нейтральные образы боевых священников, чьи заслуги представлены в «усердной службе» (Е.С. Левитский). Важно отметить, что героический образ полкового клирика В. Васильковского имеет большую идеологическую нагрузку по сравнению с другими образами, поскольку он дошел до нас в популярной литературе.

В плане практик наиболее распространены сюжеты идеологического воздействия на боевые единицы (крестное шествие, поддержка солдат), менее известны взаимодействия с полковыми клириками внутри института военного духовенства.

[1] Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // Странник. 1863. Т. 3. Вып. 7. С. 29–61.

[2] Там же.

[3] История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906. СПб., 1906. Кн. 2. С. 94.

Фрагментарные сведения об этих практиках представлены в описаниях церковных парадов и побатальонных исповеданий в дневнике Е.С. Левитского.

Определенная односторонность описания боевых священников на фронте Отечественной войны с одной стороны продиктована политикой памяти по отношению к восприятию событий Отечественной войны (только положительные образы), а с другой стороны обусловлена тем, что она вписана в идеалистическую концепцию «священной войны». Как показывают биографические описания и формулярные списки, такого рода описания действий боевых священников являлись своеобразным портфолио, по которым представители армейского духовенства попадали на более высокие должности. Данная односторонность описаний в некоторой степени препятствует более точному описанию образа боевого священника в годы Отечественной войны 1812 г.

Источники и литература

1. «Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года» // 1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 49–55.
2. Bujac E. L’ Armee Russe: son histoire, son organization actuelle. Paris, Limoges: Henry Charles-Lavauzelle, 1894. 430 p.
3. Sommier I. Terrorism as total violence? // International Social Science Journal. 2002. Vol. 54. Pp. 473–481.
4. Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier. Paris, [1909]. 72 p.
5. Аксенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 272–303.
6. Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1821) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 252–264.
7. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского. М.: Русский раритет, 2015. 232 с.
8. Душенкевич Д.В. «Из моих воспоминаний то 1812 года до <1815 года>. 1838 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 105–135.
9. Земцов В.Н. Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины // «И вечной памятью двенадцатого года…»: Мат-ы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 175–187.
10. История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906. СПб., 1906. Кн. 2. 501 с.
11. Мансветов Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. СПб., 1828. 160 с.
12. Мельник З. «За веру против антихриста»: православная церковь и духовенство в Отечественной войне 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой) // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 71–77.
13. Мельник З. Л.В. Мельникова. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн // Наукові записки Українського католицького університету. Сер. Історія. Ч. 2. Вип. 1. Львів, 2010. С. 337–344.
14. Мельникова Л. В. Отечественная война 1812 г. и Русская православная церковь. Дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 202 с.
15. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 547 с.
16. Приказчикова Е.Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // «И вечной памятью двенадцатого года…»: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. (г. Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 107–120.
17. Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 г. // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 1. С. 44–53.

18. Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // Странник. 1863. Т. 3. Вып. 7. С. 29–61.

19. Смирнов А.А. Герой малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции: Сб. ст. Малоярославец, 2000. С. 21–27.

20. Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформацій на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. Київ, 2002. № 4. С. 94–110.

21. Федоров В. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М.: Наука, 2003. 485 с.

22. Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 // 1812 г. в воспоминаниях современников / Под ред. А.Г. Тартаковского. М.: Наука, 1995. С. 163–169.

23. Хомченко С.Н. Смоленск и смоленская губерния в первой четверти XIX в. в дневнике священника Е.С. Левитского // Известия Смоленского гос. ун-та. 2019. № 1 (45). С. 331–347.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-23

Е.В. Латышева*

ТАВРИЧЕСКАЯ КАЗЕННАЯ ПАЛАТА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Аннотация. В истории Российского государства проблема модернизации государственного управления не однократно решалась через реформирование системы местных государственных учреждений. Особую роль в общественой жизни играла государственная система финансового управления, важнейшим компонентом которой являлось региональное звено финансового ведомства, в частности, Таврическая казенная палата. Поэтому в контексте исследования истории Крымского полуострова актуальным остается вопрос изучения места казначейства в системе государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, Таврическая казенная палата, финансовые органы Российской империи.

На современном этапе перед российским обществом стоит проблема эффективности работы государственных органов, в т. ч. и фискальных, именно поэтому темой настоящего исследования стала история развития государственных финансовых учреждений. Деятельность Таврической казенной палаты охватывает значительный период – с момента ее создания в 1784 г. при формировании системы местного финансового управления Таврической области и до революционных событий 1917 г. на Крымском полуострове, когда прекращение деятельности казенной палаты было связано с изменением политической ситуации в стране. Хотелось бы отметить этапность функционального развития данной финансовой структуры, что обусловлено изменениями в административно-территориальном статусе полуострова.

Непосредственно деятельность Таврической казенной палаты в системе государственных учреждений Крымского полуострова ранее уже рассматривалась рядом исследователей. Так, например, Д.А. Прохоров в своих публикациях подробно проанализировал деятельность государственных учреждений Крыма в конце XVIII – начале XIX в., затронув и деятельность Таврической казенной палаты[1]. Следует также отметить монографию В.А. Кошмана, посвященную деятельности системы органов государственной власти периода существования Таврической области[2]. Ему также принадлежит статья, в которой рассмотрен вопрос функционирования Казенной палаты в Таврической области в конце XVIII в.[3] Серьезный вклад в исследование данного вопроса принадлежит специалистам, занимающимся правовыми аспектами истории государства. В данном контексте заслуживают внимания статьи В.В. Федунова, Н.А. Размановой и др.[4]

* ***ЛАТЫШЕВА Елена Владимировна*** *— доктор исторических наук; профессор; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; кафедра документоведения и архивоведения; заведующая кафедрой; г. Симферополь, Республика Крым, Россия; elenakfu@yandex.ru.*

[1] Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–138; Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после включения Крыма к России (1783–1787) // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996. С. 213–225.

[2] Кошман В.А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь, 2018.

[3] Кошман В.А. Функционирование Казенной палаты в Таврической области 1784–1796 гг. // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2016. № 121. С. 1 608–1 618.

[4] Федунов В.В. Историко-правовые аспекты выборов земских самоуправлений Таврической губернии во 2-й половине XIX столетия // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 69–74; Разманова Н.А. Казначеи России и становление государственной казначейской службы. 1780–1880-е гг. М., 2012.

В этих публикациях проанализированы трансформации в деятельности финансовых структур XIX в. Однако необходимо констатировать, что комплексные исследования по истории всего периода функционирования данной институции отсутствуют.

Известно, что после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. социально-экономическое положение полуострова было крайне нестабильным. Многие из провозглашенных указом Сената от 27 января 1787 г. областных учреждений по ряду объективных причин (нехватки жителей в населенных пунктах, дефицита финансов, а главное – из-за отсутствия квалифицированных чиновников) приступили к своей работе значительно позже объявленного срока.

Екатерина II в 1791 г. после смерти Г.А. Потемкина объявила себя генерал-губернатором Новороссийского края, а затем указом от 25 июня 1793 г. назначила наместником Екатеринославским и Таврическим графа П.А. Зубова. Вступив в новую должность, он организовал проверку и ознакомление с положением дел в подчиненных ему ведомствах. Генерал-губернатор приказал представлять ему в виде отчетов ведомости за месяц[1].

В конце каждого года правителю области поступали в виде отчетов так называемые «Послужные списки учреждений», содержавшие полную информацию о занимавших государственные посты чиновниках, сведения об их происхождении, социальном статусе, заслугах перед властями, а также сведения о суммах годового жалования и о том, откуда эти суммы поступали. Именно эти документы сегодня крайне востребованы исследователями, так как до сих пор не утратили своего значения для изучения исследуемой темы.

Таврическая областная казенная палата начинает функционировать одной из первых на Крымском полуострове, выполняя функции главного административного органа, который занимался фискальной деятельностью, подчиняясь напрямую правителю области. «Все поступавшие в бюджет казенной палаты денежные суммы делились на окладные (с купеческого капитала, с мещан и цеховых ремесленников), неокладные (таможенные сборы, пошлины с различного рода судебных мероприятий), статские (за повышение в чинах и пр.), а также на «неокладные, временно поступаемые» (откуп за казенные строения, за выпас скота и т. п.). Расходные статьи включали в себя: «статские» (на выплату жалования чиновникам), «на непредвиденные расходы и на прочие нужды»[2].

В подчинении у Таврической областной казенной палаты находились уездные казначейства, таможни, таможенные заставы. Д.А. Прохоров в статье о государственных учреждениях Таврической области, действовавших в конце XVIII в., приводит такие данные: «В подчинении у Таврической областной казенной палаты находились уездные казначейства – Евпаторийское (1789–1910 гг.), Левкопольское (Феодосийское), открытое в 1787 г., Симферопольское (1787–1920 гг.) и Перекопское. В 1793 г. были открыты еще два уездных казначейства – Мелитопольское и Фанагорийское. Таким образом, в 1794 г. казначейства существовали во всех семи уездах Таврического края[3]. Однако деятельность двух последних казначейств не получила развития, и они были в последствии ликвидированы.

Таврическая казенная палата осуществляла контроль и над другими нижестоящими организациями, напрямую ей подчинявшимися – Таврической соляной экспедицией, таможенной экспедицией, винной (занимавшейся сбором податей с винного откупа) и счетной экспедициями, а также ревизской. Председатель казенной палаты был третьим лицом в губернии по своему положению. Он мог замещать правителя области, если «на

[1] Ордер П.А. Зубова С.С. Жегулину от 7 сентября 1794 г. // ИТУАК. 1893. № 19. С. 10.

[2] Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–138.

[3] Там же. С. 124.

эту должность не может вступить вице-губернатор» казенная палата на равных вела общение с областным правлением, свободно реализовывала право вести самостоятельную переписку с вышестоящими органами.

В архивных документах встречаются данные, что Сенат, как высший орган, мог отдавать указания казенной палате[1]. Необходимо выявить нюансы структуры и внутренней организации казенной палаты, поскольку мы располагаем зачастую фрагментарными сведениями как о документах, которыми она регулировалась, так и об ее устройстве. По заключению В.А. Кошмана, «во главе казенной палаты стоял поручик правителя, а в случае его отсутствия – директор экономии. Основной рабочей коллегией было общее заседание вице-губернатора с советниками, директором экономии, губернским казначеем и двумя асессорами, при этом велись протоколы заседаний»[2].

Решения принимались общим присутствием Палаты коллегиально, где «каждый из членов свободно выражал свое мнение, причем зачастую несмотря на присутствие высокопоставленных особ, поступая так, чтобы мог держать ответ перед Императорским Величеством и перед Самим Богом. Первым свое мнение высказывал младший по классу должности член общего присутствия Казенной палаты. Вице-губернатор подавал свой голос за либо против последним»[3].

Непосредственно за принимаемые общим собранием казенной палаты решения нес ответственность поручик правителя, который также отвечал за распределение дел между экспедициями, а вышестоящим для казенной палаты должностным лицом был наместник. Экспедиции возглавляли директор экономии и советники. Сами экспедиции ведали закрепленными за ними направлениями деятельности, а количество экспедиций определялось, исходя из местной специфики того или иного наместничества. Как демонстрирует штатное расписание, состав казенной палаты не везде был одинаков. Например, в Уфимском наместничестве и в Таврической области существовала должность советника соляных дел для надзора за соляными варницами и магазинами, а, например, в Тобольском наместничестве в состав казенной палаты входил «советник для горных дел, надзирания за заводами и приисками». Практически во всех губерниях, где существовали таможни (в т. ч. и Таврическая), была введена должность «советника таможенных дел и надзирания». Все советники в соотвествии с Табелем о рангах Российской империи были определены в 6 классе[4].

В Таврической области функционировали такие экспедиции, как: таможенная, винная и соляная (до 1792 г. – по отдельности), счетная, экономии и ревизская. Достаточно подробно полномочия семи экспедиций, согласно «Наставлений для производства дел в Казенных палатах», проанализированы в публикации Я.В. Соловьева[5]. Кроме того, деятельность винной и соляной экспедиций регламентировались отдельными документами: «Уставом о вине» и «Уставом о соли». Питейные конторы подчинялись Винной экспедиции, а главная из них в Таврической области находилась в г. Симферополе. Сами же экспедиции создавались на основе указа императрицы от 3 января 1782 г. «Об учреждении при Казенных Палатах и Губернских канцеляриях экспедиций по винной и соляной части». Счетная экспедиция была создана позднее и на

[1] Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 792. Оп. 1. Д. 191.

[2] Кошман В.А. Функционирование Казенной палаты в Таврической области 1784–1796 гг. // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2016. № 121. С. 1 608–1 618.

[3] Ефимкин А.П., Мазина Е.Б. «Крепко государство казною…»: Нижегородские страницы истории Казначейства России. 1779–2007. Нижний Новгород, 2007. С. 11.

[4] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): Дис. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 318.

[5] Соловьев Я.В. Московская казенная палата: правовые и организационные основы деятельности в первые годы существования // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 64.

основе особого указа «Об учреждении при казенных палатах особой Экспедиции для свидетельства счетов» от 24 декабря 1781 г. Питейное дело наравне с добычей соли являлось одним из основных источников доходов Таврической области. Согласно документам, отражающим ситуацию с обнаружением контрафактного алкоголя[1], можно заключить, что казенная палата контролировала реализацию и оборот спиртных напитков, а также их качество, поэтому была не только органом, ведавшим налогами, сборами и бюджетом, но и органом исполнительной власти с широкими полномочиями по надзору в определенной области отправления функций.

На основе анализа архивных документов Д.А. Прохоров делает вывод о том, что «Таврическая соляная экспедиция начала свое существование еще в конце 1782 г., когда была создана Перекопская соляная экспедиция во главе с начальником Перекопских соляных озер. А с 1787 г. соляная экспедиция находилась непосредственно в ведении правителя области В.В. Каховского, а затем – С.С. Жегулина. В 1793 г. произошло объединение соляной и винной экспедиции в Экспедицию соляных и винных дел Таврической казенной палаты»[2]. По мнению А.А. Абреговой, Казенная палата имела право заключать контракты на сумму до 10 тыс. руб. и на срок не более 4-х лет[3].

Император Павел I своим указом от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» ликвидировал Таврическую область как самостоятельную административную единицу, присоединив ее территорию к Новороссийской губернии, в составе которой Крым находился до 1802 г. Ликвидация области повлекла за собой и ликвидацию государственного казначейства. В 1797 г. была упразднена Таврическая областная казенная палата, а после проведения ревизии денежной отчетности закрылись и все уездные казначейства. Функции налоговых органов в Крыму стали выполнять волостные правления, учрежденные по закону 1797 г. Одновременно они являлись и административно-полицейскими органами в Крыму. Они же следили за выполнением правительственных указов, паспортных правил и судебных приговоров, наблюдали за работой должностных лиц, распоряжались денежными средствами волостей. В состав правления входили: волостной староста, волостной писарь и сборщик налогов.

8 октября 1802 г. указом императора Александра I Крым получил статус губернии, которая создавалась в тех же территориальных границах, в каких существовала и Таврическая область, с разделением на 7 уездов, а вся администрация губернии подразделялась на 2 части. В Таврическом губернском правительстве, основной функцией которого был разбор казенных и губернских дел, имелось 2 экспедиции: «Дела в Таврическом губернском правительстве разделяются на две экспедиции – на исполнительную, к коей принадлежит все, что по «Учреждению о губерниях» относится к губернскому правлению; и на казенную, в коей ведаются все дела казенные и экономические, на том же основании, как в казенных палатах. В первой из сих экспедиций председательствует губернатор и присутствуют два советника. Второй экспедицией управляет вице-губернатор, заседают два советника и губернскией казначей»[4]. Основные функции Таврического губернского правительства соответствовали губернскому правлению и казенной палате, отличаясь только по численному составу. В исследовании, посвященном истории государственного строительства в Крыму, А.С. Кравчук пишет:

[1] ГА РК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 257. Л. 29–45.

[2] Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 125–126.

[3] Абрегова А.А. Государственный контракт в России: проблемы развития института // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 283.

[4] Кравчук А.С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. 2014. № 3 (17). С. 191.

«Так, в Таврическом губернском правительстве было на одного асессора 8-го класса больше. Кроме того, в Таврической казенной экспедиции присутствовали 4 присяжных из отставных гвардии или от армии унтер-офицеров с окладом по 80 руб. в год. В казенных палатах Екатеринославской и Херсонской губерний такие должности предусмотрены не были. Обычно, на эти должности назначались по два чиновника из крымских татар и русских. Делалось это для привлечения местного населения к управлению губернией. Их функции носили совещательный характер»[1].

В соответствии с манифестом Александра I об учреждении министерств в 1802 г. управление финансами было распределено между тремя ведомствами: Министерством финансов, Государственным казначейством и Государственным контролером. С назначением Е.Ф. Канкрина на пост министра финансов развернулся процесс упорядочения работы казначейских структур на местах. Функции сбора и расходования государственных средств в губерниях окончательно закреплялись за казенными палатами[2]. А в 1821 г. появляется Департамент Государственного казначейства в структуре Министерства финансов. С уверенностью можно утверждать, что с этого периода в России сложился механизм деятельности казначейств от центрального – Департамента Государственного казначейства – до местных казначейств. Централизация оказывала благотворное влияние на государственное хозяйство, что происходило за счет единства бюджета. Происходит и упрочение казначейства в финансовой государственной системе. В непосредственном ведении Департамента государственного казначейства в соответствии с вышеупомянутым указом находились не только губернские и уездные казначейства, но и в целом казенные палаты, а руководители казенных палат назначались Министерством финансов по представлению Департамента[3].

С увеличением объема работы по указу императора от 8 февраля 1823 г. было открыто Мелитопольское уездное казначейство с распространением его деятельности на все северные уезды материковой зоны[4].

В целом ситуация на Крымском полуострове была непростой: с момента основания губернии в 1802 г. и до 1822 г. на главном посту сменилось пять губернаторов, причем первые двое чиновников, занимавших этот пост, просили увольнения от должности в связи со сложным финансовым положением, так как их оклад не покрывал их расходы.

В начале XIX в., когда Россия активно участвовала в антинаполеоновских войнах, все внимание центральной власти было сосредоточено на обеспечении внешней политики, поэтому работа местных казначейских учреждений ослабла. Злоупотребления достигли в государстве значительных масштабов, фиксировались миллионные растраты государственных финансовых ресурсов, а в казенных палатах и уездных казначействах того времени царил беспорядок, причем некоторые казенные палаты с достаточно большими задержками (до 1 года), присылали отчеты об исполнении государственных расходов[5].

При подготовке смет казенные палаты руководствовались еще указом Екатерины II 1781 г., предписывавшим 2 января каждого наступившего года отправлять в Экспедицию о государственных доходах (впоследствии – Департамент государственного казначейства)

---

[1] Кравчук А.С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. 2014. № 3 (17). С. 191.

[2] Разманова Н.А. Казначеи России и становление государственной казначейской службы. 1780–1880-е гг. М., 2012. С. 50–51.

[3] Разманова Н.А. Департамент государственного казначейства и реорганизация деятельности казенных палат и уездных казначейств в 1820-х гг. // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 1. С. 70.

[4] ГА РК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 699. Л. 3.

[5] Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Какрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб.,1897. С. 85.

отчеты за прошлый год. И Казенная палата строго требовала предоставления счетных книг за прошедший год, но нередки были и случаи нарушения такого порядка. Так, с 1792 г. по 1794 г. велось производство в отношении ранее указанного коменданта Ейской крепости, который не предоставил счетные книги пограничной ногайской экспедиции Фанагорийского края за 1790 г., при этом он ссылался на их пропажу, в результате чего было вынесено предписание с внесением необходимого ордера в Фанагорийское уездное казначейство и удержан с жалования штраф в размере 21 руб. 46 коп.[1] Также действовал указ Павла I от 1799 г., который обязывал казенные палаты отправлять отчеты по всей губернии через 2 месяца после наступления нового года[2]. Однако казенным палатам не удавалось уложится даже в сроки павловского указа, поэтому в 1830-е гг. задержки в отчетности стали обычным явлением, чем серьезно затрудняли работу по составлению отчетов об исполнении государственной росписи.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин, понимая, что казенное жалование является единственным источником существования для средних и мелких чиновников, оценив реальные цены на продукты и товары, пришел к выводу, что оклады казначейских служащих не соответствуют необходимому минимуму и прожить на них чиновнику, особенно с семьей, практически невозможно, а значит, неизбежны злоупотребления[3]. И 18 декабря 1823 г. Государственный совет согласился с докладом министра, изыскавшего средства на увеличение содержания и штатов в казенных палатах и уездных казначействах[4].

В сентябре 1866 г. составы земских самоуправлений были избраны и начали свою работу в 7 уездах Таврической губернии: Бердянском, Днепровском, Джанкойском, Евпаторийском, Мелитопольском, Симферопольском, Ялтинском[5]. Но прошедшие выборы уездных земств показали, что ни водном уезде губернии дворяне не получили абсолютное большинство голосов, и соответственно, мест гласных[6]. 15 октября 1866 г. было торжественно открыто первое Таврическое губернское земское собрание[7], избранное сроком на 3 года (1866–1868). Гласные земств работали безвозмездно. Первым председателем Таврического губернского земского собрания был избран губернский предводитель дворянства Н.Н. Овсяннико-Куликовский. Председателем губернской земской управы стал М.М. Иваненко[8].

В 1896 г. (циркуляром от 18 сентября Департамента Госказначейства) в уездных казначействах вводились банковые операции, по ведению которых каждое уездное казначейство прикреплялось к определенному отделению Государственного банка. В Таврической губернии из вновь введенных в казначействах банковых операций, наибольшее развитие получила переводная операция, устранившая почтовую пересылку денег на весьма значительную сумму[9].

На 1 января 1900 г. количество уездных казначейств Таврической губернии уже

---

[1] Кошман В.А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). С. 109.

[2] Разманова Н.А. Д.А. Гурьев и государственное казначейство министерства финансов (1821–1831) // Финансы. 2012. № 1. С. 6.

[3] Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 84.

[4] Разманова Н.А. Департамент государственного казначейства и реорганизация деятельности казенных палат и уездных казначейств в 1820-х гг. // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 1. С. 84.

[5] Федунов В.В. Историко-правовые аспекты выборов земских самоуправлений Таврической губернии во 2-й половине XIX столетия // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 71.

[6] Маскина А. С. Социальный состав и деятельность Таврического земства в 1866–1890 гг. // Вестник Московского ун-та. Серия: История. 1980. С. 43.

[7] Журналы Таврического губернского земского собрания 1866 г. Симферополь, 1867. С. 9–54.

[8] Там же. С. 13.

[9] Коломийцева В.А. История финансов Тавриды. Хроники (1783–1917). Симферополь, 2010. С. 24.

состояло из десяти: Симферопольское, Севастопольское, Евпаторийское, Перекопское, Керченское, Феодосийское, Ялтинское, Бердянское и Мелитопольское, а также Днепровское, причем их количество останется неизменным до 1917 г.

А в апреле 1905 г. уполномоченным попечительства Александровского городского головы Ф.Ф. Мовчановским был организован сбор пожертвований на строительство школы-санатория для глухонемых детей со слабым здоровьем в г. Евпатории, сооружаемой на участке земли в 4 дес. на берегу Черного моря. Активное участие в сборе пожертвований принимал управляющий Таврической Казенной Палатой М.П. Бересневич, награжденный золотым нагрудным знаком. В 1908 г. в Крыму через органы государственного казначейства начался сбор пожертвований на сооружение в Феодосии памятника известному художнику-маринисту И.К. Айвазовскому.

В связи с изменением политической ситуации в стране после Октябрьской революции 1917 г. изменилась и структура государственных органов. В 1918 г. казначейство было расформировано, а его функции получили вновь созданные финансовые структуры – Наркомат финансов и Народный банк РСФСР, а затем – Министерство финансов СССР и союзных республик, Государственный банк СССР и его территориальные органы.

В связи с изменением политической ситуации в стране после Октябрьской революции 1917 г. изменилась и структура государственных органов. В 1918 г. казначейство было расформировано, а его функции передали Наркомату финансов и Народному банку РСФСР, а затем – Министерству финансов СССР и союзных республик, Государственному банку СССР и его территориальным органам.

Таким образом, казначейская система Таврической области, а затем Таврической губернии, существовавшая в виде Таврической областной и губернской казенных палат и уездных казначейств, занималась фискальной деятельностью, а также контролировалась и подчинялась непосредственно правителю области, а затем губернатору. В конце каждого года им поступали послужные списки учреждений, содержавшие полную информацию о занимавших государственные посты чиновниках.

Казенная палата осуществляла контроль и над другими нижестоящими организациями: соляной, винной, счетной, ревизской, а также таможенной экспедицией. В целом, казначейская система в Таврической области, а затем в Таврической губернии регулировала все денежные потоки. Поступавшие в бюджет Таврической казенной палаты денежные суммы делились на окладные и неокладные.

Подводя итог деятельности казенной палаты Таврической области в период с 1783 г. по 1796 г., необходимо отметить, что по структуре и организации она была идентична соответствующим организациям в других российских губерниях. Однако из-за специфики административной деятельности, связанной с присоединением Крымского полуострова к России, следует указать на большой объем хозяйственно-административной работы и на меры по расширению торговли, которая велась через крымские черноморские порты. Особенностями внутренней организации казенной палаты в Таврической области также является наличие экспедиции по таможенным делам и соляной экспедиции, которая входила в состав казенной палаты.

В первой половине XIX в. казначейства существовали во всех семи уездах Таврической губернии, а Таврическое губернское правление являлось высшим органом управления, который мог отдавать указания казенной палате. Во главе казенной палаты стоял поручик правителя, а в случае его отсутствия – директор экономии. Основной рабочей коллегией было общее заседание вице-губернатора с советниками, директором экономии, губернским казначеем и двумя асессорами, при этом велись протоколы заседаний. Поручик правителя нес ответственность за решения, принимаемые общим собранием казенной палаты, а также отвечал за распределение дел между экспедициями.

Возглавляли экспедиции директор экономии и советники. Экспедиции ведали закрепленными за ними направлениями деятельности, председатель казенной палаты был третьим лицом в губернии по своему положению. Благодаря инициативам министра финансов удалось увеличить содержание и штаты в казенных палатах и уездных казначействах.

К середине XIX в. функции налоговых органов в Крыму стали выполнять волостные правления, которые распоряжались денежными средствами волостей. В состав правления входили: волостной староста, волостной писарь и сборщик налогов. К началу XX в. казначейская система полуострова имела достаточно отлаженную систему и успешно функционировала вплоть до 1917 г.

Источники и литература

1. Абрегова А.А. Государственный контракт в России: проблемы развития института // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 283–292.
2. Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Какрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб.: Изд. Гр. И.В. Канкрина, 1897. 250 с.
3. Государственный архив Республики Крым. Ф. 68. Оп. 1. Д. 699; Ф. 792. Оп. 1. Д. 191, 257.
4. Ефимкин А.П., Мазина Е.Б. «Крепко государство казною…»: Нижегородские страницы истории Казначейства России. 1779–2007. Нижний Новгород: б. и., 2007. 208 с.
5. Журналы Таврического губернского земского собрания 1866 г. Симферополь, 1867. С. 9–54.
6. Коломийцева В.А. История финансов Тавриды. Хроники (1783–1917). Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. 412 с.
7. Кошман В.А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь: АРИАЛ, 2018. 238 с.
8. Кошман В.А. Функционирование Казенной палаты в Таврической области 1784–1796 гг. // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. 2016. № 121. С. 1 608–1 618.
9. Кравчук А.С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. 2014. № 3 (17). С. 189–197.
10. Маскина А.С. Социальный состав и деятельность Таврического земства в 1866–1890 гг. // Вестник Московского ун-та. 1980. Серия: История. С. 40–52.
11. Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): Дис. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2008. 630 с.
12. Ордер П.А. Зубова С.С. Жегулину от 7 сентября 1794 г. // ИТУАК. 1893 . № 19.
13. Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–138.
14. Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после включения Крыма к России (1783–1787) // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1996. Вып. 5. С. 213–225.
15. Разманова Н.А. Д.А. Гурьев и государственное казначейство министерства финансов (1821–1831) // Финансы. 2012. № 1. С. 6–10.
16. Разманова Н.А. Департамент государственного казначейства и реорганизация деятельности казенных палат и уездных казначейств в 1820-х гг. // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 1. С. 69–91.
17. Разманова Н.А. Казначеи России и становление государственной казначейской службы. 1780–1880-е гг. М., 2012. 245 с.
18. Соловьев Я.В. Московская казенная палата: правовые и организационные основы деятельности в первые годы существования // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 62–69.
19. Федунов В.В. Историко-правовые аспекты выборов земских самоуправлений Таврической губернии во 2-й половине XIX столетия // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 69–74.
20. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство – СПб., 2007. 460 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-24

Н.С. Мысляева*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РАЗВИТИЮ МЕДИЦИНЫ В КРАЕ

Аннотация. Статья посвящена деятельности земских органов самоуправления в Уфимской губернии в конце XIX в. Автор приходит к выводу, что земские учреждения созывали съезды земских врачей, создали губернский санитарный совет с представительством от всех уездных земств и всех медицинских учреждений губернии, издавали «Врачебно-санитарную хронику Уфимской губернии». В наиболее глухих уголках губернии земства строили межуездные больницы.

Ключевые слова: Уфимская губерния, народное здравие, земские органы, больницы, медицинские учреждения.

Важным этапом в развитии системы здравоохранения является возникновение земской медицины, создавшей медицинскую организацию с собственными принципами функционирования, органами управления, традициями. Она обогатила практику охраны здоровья населения такими нововведениями, как участковое обслуживание сельского населения, бесплатность и общедоступность врачебной медицинской помощи, постановка и решение задач общественной санитарии. Именно благодаря земской медицине в широкой медицинской практике появилось санитарно-профилактическое направление, сосредоточившее внимание врачей на проблемах предупреждения болезней на научных основах организации охраны здоровья населения. За полувековой период существования земской медицины была создана передовая система организации медицинской помощи населению не имевшая аналогов в мире.

История деятельности земских органов самоуправления Уфимской губернии разрабатывалась в дореволюционный период земскими врачами и историками. Развитие земского здравоохранения, рассматривалось через взаимодействие органов самоуправления и местной администрации. Одной из первых работ по истории земства Уфимской губернии стала брошюра В.Ф. Герасимова. В его работе, которая носит описательный характер, содержатся сведения о деятельности Уфимского губернского земства в области развития земского здравоохранения. В советский период было положено начало региональным исследованиям по истории земств, посвященных проблеме здравоохранения на Урале в дореволюционный период. В современной историографии, проблемам становления и развития земской медицины в Уфимской губернии посвящено исследование А.В. Никитиной. Автор раскрыл деятельность губернского и уездных земских учреждений Уфимской губернии в области здравоохранения, выявил динамику развития земской медицины, ее положительные и отрицательные стороны, установил, какие проблемы земского здравоохранения носили общий, постоянный характер, а какие – временный и субъективный[1]. Проблемы земской медицины и ветеринарии были затронуты и в исследованиях Е.В. Шуляк. Автор исследует деятельность уфимского земства по организации и развитию системы медицинского обслуживания населения и ветеринарного обслуживания домашних

* ***МЫСЛЯЕВА Наталия Степановна*** *— кандидат исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; исторический факультет; декан факультета; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; n.s.myslyaeva@strbsu.ru.*

[1] Никитина А.В. Земская санитарная организация Уфимской губернии в начале XX в. // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008 . № 31 (69). С. 230–233.

животных[1].

Целью настоящего исследования является анализ финансовых затрат земских органов самоуправления в Уфимской губернии в конце XIX в. на развитие здравоохранения. С момента начала функционирования в Уфимской губернии земских учреждений на все отрасли местного хозяйства, переданные губернскому земству, тратилось всего 151 189 руб. 39 коп.; из этой суммы на народное здравие и общественное призрение расходовалось 24 579 руб. 31 коп., что составляло 12,4% всего бюджета[2]. На эти средства в 1875 г. содержались: мужская и женская богадельная (первая 58, вторая на 27 мест, из них 4 для малолетних); больница для умалишенных на 36 мест; больница на 30 мужских, 7 женских, 4 детских и 10 башкирских мест[3]. Приняв в ведение эти плохо оборудованные корпуса, земство развеяло легенды о страшных «желтых домах» и больницах.

Благодаря губернскому земству, на смену разъездной системе (врач, живший в городе или в уезде при амбулатории, должен был время от времени, раз в месяц или реже, объезжать фельдшерские пункты, во главе которых стояли фельдшера, для контроля за их деятельностью и оказания врачебной помощи населению) пришла новая стационарная система (в центре каждого участка, создававшегося в уезде, открывалась больница с амбулаторией). Так появилось одно из самых больших достижений земской медицины – участковое обслуживание населения. Земские участковые больницы, обслуживающие определенное количество жителей на прилегающей ограниченной территории, стали центрами лечебно-профилактической и санитарной помощи. В соответствии с этим сложился тип земского врача как врача-универсала, обладающего широким кругозором знаний и практических навыков.

Крупнейшим достижением земской медицины было то, что намного опередив свое время, она провозгласила необходимость и осуществила на практике сочетание лечебной и санитарно-профилактической деятельности. Больница губернского земства, полученная от Приказа общественного призрения, помещалась в центре Уфы в переделанном здании. В 1889–1890 гг. земство выстроило новую больницу по павильонной системе на 114 коек. Дальнейшее ее развитие продолжалось не количественно (другие губернские земства имели больницы и покрупнее), а качественно[4]. На очередных ежегодных губернских земских собраниях вопрос об ее деятельности поднимался неоднократно, поэтому удалось увеличить штат персонала, обновить амбулаторию, пристроить прозектерскую и лабораторию для клинических исследований, а в 1913 г. в больнице был устроен рентгеновский кабинет для производства соответствующих снимков, причем пользование этим кабинетом для всех земских учреждений было бесплатным[5]. Принцип бесплатности и доступности медицинской помощи был основополагающим в земской медицине. Он означал: бесплатную амбулаторную помощь с бесплатной выдачей лекарства и лечебных пособий; бесплатное лечение в больницах – участковых, уездных, губернских; бесплатное проведение различных санитарных мер. Основанием для введения бесплатной медицинской помощи были не только общегуманные соображения, но и практические наблюдения, что даже минимальная плата лишает врачей возможности своевременно

[1] Шуляк Е.В. Земства и земская медицина в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 112–119.

[2] Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства. Уфа, 1914. С. 12.

[3] Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 22–26.

[4] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304. Л. 63.

[5] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. Уфа. 1915. Т. 2. С. 567.

выявлять инфекционных больных и активно бороться с эпидемиями. Однако, следует ответить, что, начиная с 1898 г. намечается сокращение уездных бесплатных стационаров.

Таблица 1

Бесплатное стационарное лечение больных в уездах губерний России

Губернии	Число уездов с бесплатным коечным лечением		Всего уездов в губернии
	1890 г.	1898 г.	
Пермская	10	8	10
Самарская	4	3	7
Уфимская	6	2	6

Составлена по: НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304. Л. 63.

Наблюдая за динамикой бесплатного стационарного лечения больных, можно сделать вывод, что такое уменьшение койко-мест в уездных больницах объясняется резким спадом их финансирования. Одной из причин этого было господствующее положение в органах местного самоуправления гласных из дворянства, считающих такие траты излишними. В 1908 г. губернское земство открыло фельдшерско-акушерскую школу для подготовки среднего медицинского персонала. Программа преподавания в ней соответствовала программам земских школ и была рассчитана на 4 года. Кроме того, в ней была учтена практика в земской и городской больницах, приюте для рожениц, а с 1911 г. ученицы рассылались на летнюю практику на 2–3 месяца в уездные земские больницы. Губернское земство своей прямой задачей считало качественное улучшение медицинского обслуживания населения, но решить ее было весьма сложно. В 1898 г. на одного врача приходилось от 38,9 тыс. чел. в Златоустовском уезде, до 65 тыс. – в Бирском (в среднем по России на одного земского врача приходилось 30,8 тыс. чел. населения, средний радиус врачебного участка составлял 17,1 версты)[1]. В середине 90-х гг. XIX в. из 48 больниц, находившихся на территории Уфимской губернии, 22 принадлежали земству[2]. К началу XX в. земская медицина упрочила свои позиции. В 1903 г. в Уфимской губернии работало уже 45 врачей[3]. Они получали жалование 1,2 тыс. руб. в год и являлись самыми высокооплачиваемыми земскими служащими. Если сравнить количество земских врачей в соседних с Уфимской губернией, то результат может быть выражен в виде таблицы.

Таблица 2

Численность земских врачей в Пермской, Самарской и Уфимской губерниях

Губернии	1875 г.	1885 г.	1995 г.	1900 г.	1905 г.
Пермская	28	55	78	94	102
Самарская	28	46	52	87	108
Уфимская	19	24	37	42	49

Составлена по: НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304. Л. 63.

Как видно из таблицы, Пермская губерния была в наиболее выгодном положении по укомплектованности врачебными кадрами (входила в восьмерку 34 российских земств, Уфимская же губерния занимала 28 место в этом списке). Каждый уезд делился на 6–8 медицинских участков, имевших (в среднем) площадь в 2 680 квадратных верст с

[1] Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996. С. 146.

[2] Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара. 2000. С. 137.

[3] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 221. Л. 5.

населением в 47 тыс. чел.[1] Уездный город считался отдельным участком. Участок возглавлял врач, в подчинении которого находились 2–3 фельдшера. К 1910 г. во всех уездных городах были открыты земские больницы, а в сельской местности – фельдшерские пункты.

Таблица 3

Медицинские учреждения в Уфимской губернии

Уезды	Земские больницы	Фельдшерские пункты	Земские амбулатории	Городские частные больницы	Аптеки	Приемный покой
Белебеевский	8	3	–	–	–	–
Бирский	8	17	–	–	–	2
Златоустовский	3	–	–	3 госпиталя	–	2
Мензелинский	6	2	3	1	–	–
Стерлитамакский	4	3	5	3	1 земская, 3 частных	–
Уфимский	5	12	2	–	–	–
Итого	34	37	10	7	4	4

Составлена по: НА РБ.Ф. И-132. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–21.

Губернскому земству принадлежала инициатива развития санитарно-профилактической деятельности, как приоритетного направления в охране здоровья. Известный врач и общественный деятель В.О. Португалов писал: «Земская медицина впервые ввела исследование причин болезней народа и придумала способ предохранения. Можно без преувеличения сказать, что чуть не с первого дня рождения земская медицина выбрала своим девизом санитарную цель: предохранять, предупреждать болезни»[2].

Начинавшая в 1884 г. с единовременных денежных субсидий отдельным уездным земством на борьбу с холерой и дифтеритом, санитарно-эпидемическая работа губернского земства постепенно расширялась. Для руководства ею в 1886 г. было создано особое бюро, которое вначале занималось лишь противоэпидемическими мероприятиями, а затем взялось за разработку материалов о причинах болезней населения. К 1909 г. оно превратилось в санитарное бюро, стоявшее во главе санитарной организации[3]. Губернское земство с 1897 г. давало ассигнования на улучшение водоснабжения, выделяло средства на строительство колодцев и водопровода, а с 1911 г. установило систематический контроль за санитарным состоянием кумысного промысла[4]. В целях распространения гигиенических знаний губернское земство издавало брошюры о наиболее распространенных болезнях на татарском и чувашском языках, устраивало систематические чтения среди русского и нерусского населения, как при помощи постоянных санитарных врачей, так и при посредстве специальных лекторов, владеющих башкирским, татарским, чувашским, мордовским языками[5].

Уфимская губерния входила в число 11 российских губерний, имевших свои бактериологические институты для приготовления сывороток; в число 6 губерний, где были пастеровские станции, и, наконец, губернское земство в 1906 г. открыло оспенный телятник, каких в России было только 15. Губернское земство приняло от Приказа

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 221. Л. 5.

[2] Португалов В.О. Русская земская медицина // Земский врач. 1889. № 5. С. 50.

[3] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

[4] Журнал заседаний Уфимского губернского земского собрания 31 очередной и 37 чрезвычайной сессии 1905–1906 гг. и доклады управы. Уфа, 1906. С. 851.

[5] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304. Л. 63.

общественного призрения психиатрическую больницу на 36 коек и уже, в первые годы работы довело штат до 50 коек. В 1890 г. после неоднократных постановлений губернских земских собраний, которые, впрочем, выполнялись далеко не всегда, число коек было увеличено до 105, а за городом началось строительство нескольких павильонов новой психиатрической больницы[1]. Одновременно с этим в 1907 г. земство открыло патронаж еще на 50 больных. Был поднят вопрос о децентрализации психиатрической помощи и постройке новых больниц на губернской периферии, – для чего была организована перепись душевнобольных.

Земский врач М.Я. Капустин, сравнивая организацию земской медицины с постановкой медицинского обслуживания населения Западной Европы, писал, что в последней «выработана медицинская помощь в болезнях в виде личного дела больного и служащего ему врача на правах ремесла и торговли. Русская земская медицина явилась чисто общественным. Помощь врача в земстве не есть личная услуга за счет больного, не есть также и акт благотворения; есть общественная служба»[2]. Следует отметить также, что в области общественного призрения на губернское земство возлагалось заведование и учреждение различных благотворительных заведений, а также экстренные мероприятия на случай призыва запасных на действительную военную службу.

Получив от Приказа общественного призрения только богадельню, земство выстроило для нее собственное здание, стало систематически субсидировать ряд других учреждений общественно-благотворительного характера, организовывало с 80-х гг. XIX в. прием подкидышей на началах патронажа, а с конца 1890-х гг. стало содержать на свои средства во всех уездах и приюты для хроников на 5 чел. каждый. На земство была возложена обязательная повинность по призрению семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных на службу в военное время. Губернское земство выдавало на каждого члена семьи деньги на продовольствие или натурой – не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы в месяц. При недостаточности нужных средств (1904–1905 гг.) земство организовывало попечительство для осуществления этой задачи.

Для объединения сложной работы земства в области здравоохранения, оно, начиная с 1883 г., периодически созывало съезды земских врачей, а с 1909 г. создало постоянный губернский санитарный совет с представительством от всех уездных земств и всех медицинских учреждений губернии. С этого же года стала выходить «Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии». С 1914 г. в наиболее глухих уголках губернии началось строительство пяти межуездных больниц по 12 коек каждая. Конечно, в здравоохранении губернии хватало так называемых «узких мест».

Таблица 4

Денежные затраты на медицинское обслуживание в Пермской, Самарской и Уфимской губерниях в 1880–1904 гг. (в коп. на одного чел.).

Губернии	1880 г.	1890 г.	1901 г.	1904 г.
Пермская	22	25	42	54
Самарская	16	19	34	34
Уфимская	9	13	20	33

Составлена по: НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 304. Л. 63.

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. Уфа. 1915. Т. 2. С. 567.

[2] Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб., 1889. С. 29.

Сложившаяся обстановка в Уфимской губернии (рост денежных затрат на одного человека вырос в 3,7 раза, в то время как в Пермской – в 2,4 раза и в Самарской – в 2,1 раза) объясняется тем, что в органах Уфимского земства не было так называемых апологетов – сторонников экономного расходования бюджетных средств.

Итак, можно отметить следующее: в смете 1914 г. на медицину и общественное призрение было выделено 793 559 руб. 11 коп., что составляло 27,5% всех сметных ассигнований[1]. Это была победа земской службы народного здравия (так как в 1875 г., как указывалось выше, данные расходы составляли 12,4%).

Источники и литература

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 165 с.
2. Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства. Уфа: Уфим. губ. земство, 1914. 40 с.
3. Журнал заседаний Уфимского губернского земского собрания 31 очередной и 37 чрезвычайной сессии 1905–1906 гг. и доклады управы. Уфа: Уфим. губ. земство, 1906. 889 с.
4. Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб.: К.Л. Риккер, 1889. 134 с.
5. Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара: Парус, 2000. 314 с.
6. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 12, 221, 259, 304.
7. Никитина А.В. Земская санитарная организация Уфимской губернии в начале XX в. // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 31 (69). С. 230–233.
8. Португалов В.О. Русская земская медицина // Земский врач. 1889. № 5. С. 46-50.
9. Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. Уфа: Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1875. 26 с.
10. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского Губернского Земского Собрания за 35-летие. 1875–1909 гг.: В 3 т. / Сост. П.Н. Григорьев. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. Т. 2. 939 с.
11. Шуляк Е.В. Земства и земская медицина в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 112–119.

[1] Герасимов В.Ф. Указ. соч. С. 12.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-25

Г.Е. Отепова*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ХОДЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье дана характеристика административно-территориальных преобразований на территории Казахстана, которые проводила Российская империя в ходе присоединения новых территорий. На основе законодательных источников показано как постепенно, в ходе осуществления административных реформ, менялась система управления в Казахском крае.

Ключевые слова: Российская империя, история Казахстана, казахские жузы, генерал-губернаторства, Сибирский комитет, сибирские киргизы, административные реформы, Степное положение.

Государственная система управления России в XIX в. характеризуется дальнейшей централизацией и бюрократизацией государственного аппарата. Вся полнота власти принадлежала императору, который опирался на разветвленный чиновничий аппарат. Высшим законосовещательным органом с 1810 г. становится Государственный совет, председателем которого являлся сам государь. Компетенция и функции Правительствующего Сената подвергались существенным изменениям, при этом они сплетались с функциями вновь возникших центральных учреждений. Сенат должен был контролировать деятельность коллегий и губернаторов, проводить ревизии деятельности местных органов власти, предоставлять императору сведения о несоответствии издаваемых указов. В начале XIX в. на смену коллегиям были созданы министерства: военное, морское, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения. В этот период управление Казахским краем находилось в ведении Министерства иностранных дел.

Постепенно, с развитием отношений России со среднеазиатскими государствами, в 1819 г. был создан Азиатский комитет, который занимался организацией торговых и других дел на границе Оренбургского края и являлся высшим органом по регулированию восточной политики Российской империи. Вопросы по управлению Казахским краем занимали одно из основных мест в работе данного комитета.

Для решения межведомственных вопросов созывались совещания министров, которые постепенно оформились как Комитет министров. Решения Комитета министров получали силу после утверждения их императором. Наряду с Государственным советом Комитет министров стал еще одним законосовещательным органом Российской империи.

Реформа 1861 г. создала условия для создания новых органов управления страной. В ноябре 1861 г. был создан новый правительственный совещательный орган – Совет министров, который рассматривал государственные дела, материалы и отчеты министров и различных ведомств. Председателем Совета министров являлся сам император, ему принадлежало право внесения на рассмотрение любых вопросов.

Все эти изменения и реорганизации государственного управления империи откладывали свой отпечаток на характер, содержание и форму управления Казахским краем. До присоединения к России Казахстан представлял собой независимое в политическом плане феодальное государство, состоящее из трех самостоятельных жузов. До начала XIX в. правительство России, не имея реальных сил для подчинения Казахской

* ***ОТЕПОВА Гульфира Елубаевна*** *— доктор исторических наук; Павлодарский педагогический университет; Высшая школа гуманитарных наук; профессор; г. Павлодар, Республика Казахстан; g.otepova.hist@mail.ru.*

степи, проводило политику «разделяй и властвуй», т. е. политику постепенного разложения политической системы Казахстана изнутри, ограничения ханской власти. Первая попытка ликвидации ханской власти была предпринята начальником Оренбургского края О. Игельстромом во второй половине XVIII в., в период разгара национально-освободительного движения под руководством С. Датова (1783–1797 гг.). Но данным преобразованиям не суждено было осуществиться в силу многих объективных причин. Среди них главная – несоответствие проводимых мероприятий местным условиям, не знание и не желание учитывать особенности уклада жизни казахского общества, не подготовленность царской администрации для их проведения.

С присоединением новых территорий на востоке, постепенно в Российской империи появляется объективная необходимость иметь специальный высший орган, который смог бы осуществлять управление этими новыми землями. В июле 1821 г. был учрежден особый комитет, вошедший в историю под названием Сибирский комитет. В функции Сибирского комитета входило: «1) подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края; 2) постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил; 3) рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых; 4) разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство онаго в высшем отношении на основании принятых начал»[1].

В начале образование Сибирского комитета планировалось лишь на время, пока не будет закончено переустройство Сибири. В 1838 г. Сибирский комитет был закрыт, а все дела, поступавшие к нему, было решено вносить в Государственный совет и Комитет министров. Вскоре ревизия Западной Сибири, произведенная членом Государственного совета Н.Н. Анненковым, обнаружила, что в Сибири не установилось еще «прочное устройство, вполне соответствующее местным и политическим обстоятельствам того края». В результате этого Сибирский комитет был восстановлен указом от 17 апреля 1852 г.[2] Государь император неоднократно подчеркивал важность Сибирского комитета: «дабы все без изъятия дела по Сибири были вносимы в Сибирский комитет… и чтобы министерства и главноуправляющие… непременно доводили до сведения Сибирского комитета о всех делах, кои по Сибири будут разрешаемы ими самими, по власти им присвоенной…»[3]. Сибирский комитет был специальным государственным органом для рассмотрения законопроектов и их внедрения, для регулирования многочисленных вопросов текущего управления жизнью Сибири. В комитете были сосредоточены все сведения об экономическом и социально-политическом состоянии края: статистические отчеты, донесения с мест, записки, прошения, законодательные акты и пр. В непосредственное подчинение к нему поставлены были генерал-губернаторы Сибири, которые в комитет вносили и свои всеподданнейшие отчеты. Решения комитета поступали в обязательном порядке на утверждение к императору, минуя другие инстанции, и после этого принимали силу закона.

В первой четверти XIX в. создаются необходимые условия для проведения административно-правовых реформ, которые позволили осуществить внедрение российской системы управления на территории Казахстана. Согласно сенатскому указу от 3 февраля 1822 г. «О разделении Сибирской губернии на два главных управления», Сибирь была поделена на две части: Западную и Восточную, во главе с генерал-

[1] Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 137.

[2] Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 27. № 26 178.

[3] Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: История. 2011. № 1 (1). С. 14.

губернаторами[1]. К Западной части с центром в начале в г. Тобольске, а затем в г. Омске, входили Тобольская, Томская губернии и Омская область. В свою очередь Омская область состояла из Омского, Петропавловского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского внутренних округов. Территория Приишимья и Прииртышья получила название область Сибирских киргизов.

По мере укрепления позиций России на вновь присоединенных территориях, наблюдается постепенное усиление ее влияния на ход административно-территориальных преобразований, проводимых в Казахском крае. «Степная элита к этому периоду оказалась не в состоянии адекватно реагировать на объективные процессы колониального закрепления позиций Российской империи в регионе и продуктивно решать возникающие в связи с этим проблемы»[2]. Если хан Абулхаир, с именем которого связано начало присоединения территорий Казахстана (а именно Младшего жуза), сохранил свою независимость и лишь номинально признавал власть империи, то уже его последователи постепенно теряют эту самостоятельность. Начиная с Нурали хана (1748 г.) вводится политика конфирмации или утверждения ханов российскими властями. Ослаблению ханской власти способствовало провоцирование выборов параллельных ханов, а также разжигание вражды между различными политическими группировками. Все это вместе взятое не способствовало объединению сил в Казахской степи.

Одна из крупных реформ в Казахстане, которая положила начало ликвидации политической независимости и внедрения российской системы управления в крае, была проведена в 20-х гг. XIX в. Устав «О сибирских киргизах» 1822 г. положил начало ликвидации ханской власти и политической независимости Казахстана, вводил новое административно-территориальное управление на территории Среднего жуза. Согласно уставу, территория сибирских казахов была отнесена к Омской области, управление которой находилось в руках генерал-губернатора. Традиционная система деления казахов по родам была заменена на новую: область сибирских киргизов делилась на округа – внутренние, которые располагались на территории России, и внешние, располагавшиеся вне территории империи, за пограничной линией. Округа в свою очередь делились на волости, волости на аулы. Во главе округов стояли окружные приказы, управление которыми формально возглавлял старший султан.

В 1824 г. согласно мнению комитета Азиатских дел «О преобразовании управления Оренбургским краем» было введено новое управление и на территории Младшего жуза[3]. Согласно данному документу, Оренбургская пограничная линия делилась на 12 дистанций, а Букеевская орда (1801–1876 гг.) получала статус внутреннего округа. Кроме того, было создано три внешних, зауральских округа во главе с ага-султанами (старшими султанами). В 1831 г. на территории Младшего жуза была введена дистаночная система управления, а положение «Об управлении оренбургскими киргизами» (1844 г.) ввело институт попечителей.

Преобразование системы управления краем продолжалось и в последующие годы. В 1838 г., в связи с переходом Главного управления Западной Сибири в г. Омск, Омская область была упразднена. В том же году было принято положение «Об отдельном управлении сибирскими киргизами (казахами)». Для управления казахами Среднего и Старшего жузов было учреждено пограничное управление в г. Омске, которое непосредственно подчинялось Главному управлению Западной Сибири. В 1847 г. соответственно положению Комитета министров при Оренбургской пограничной

[1] Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): Сб. док. Павлодар, 2015. Ч. 1. С. 48.

[2] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия АГУ. 2013. С. 182.

[3] Законодательные акты Российской империи... Ч. 1. С. 67–70.

комиссии создается временный стол для производства дел по управлению внутренней Киргизской орды[1].

Согласно высочайше утвержденному положению «Об управлении Семипалатинской области», в 1854 г. казахская степь была поделена на две области. Внутренние казахи, которые кочевали на землях Омского, Колыванского, Барнаульского и Бийского округов, были объединены в Семипалатинскую область[2]. В состав области Сибирских киргизов (казахов) вошли внешние округа. В связи с этим Омское пограничное управление было переименовано в правление областью Сибирских киргизов во главе с военным губернатором. Для Семипалатинской области было учреждено особое управление Семипалатинской областью во главе со своим военным губернатором.

В первой половине XIX в., кроме вышеназванных документов, разрабатывается целый ряд законодательных актов, которые также были направлены на внедрение российской системы управления в Казахстане. Так, например, появились указы «О разграничении киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомства», «Об оставлении Внутренней Киргизской орды в зависимости оренбургского военного губернатора и тамошней пограничной комиссии», «О некоторых изменениях по управлению Восточной и Западной Сибири», «Об усилении способов Главного управления Оренбургским краем», «О переименовании степи Зауральских киргизов в область Оренбургских киргизов и о новом порядке управления сею областью» и др. В 1859 г., согласно документу «О передаче управления степью Зауральских киргизов в ведомство Министерства внутренних дел», упраздняется пограничное управление в Младшем жузе, его управление было передано из ведения Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел России[3].

В середине XIX в., после окончательного присоединения и покорения Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств, российская система управления вводится и на территории южного Казахстана, который также вошел в состав империи. В 1867 г. был принят проект положения «Об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями» и указ «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства»[4]. Эти документы определили дальнейшее управление на территории южного Казахстана. Управление новой территорией возлагалось на генерал-губернатора, а управление областями – на военных губернаторов. Кроме того генерал-губернатор являлся командующим войсками Туркестанского военного округа. Генерал-губернатор непосредственно назначался и увольнялся по усмотрению самого императора. Из документа видно, что власть генерал-губернаторов на местах была почти неограниченной. Ему подчинялся весь царский управленческий аппарат: канцелярия, военные губернаторы, областное правление и т. д. Общее областное управление осуществляли военный губернатор и областное правление.

В 1868 г. было принято временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», введенное в действие указом «О преобразовании управления киргизов Оренбургского и Сибирского ведомств»[5]. Главное управление областями Уральскою и Тургайскою принадлежало оренбургскому генерал-губернатору, а Акмолинскою и Семипалатинскою – генерал-губернатору Западной Сибири. Управление каждой областью под непосредственным начальством генерал-губернатора разделялось на областное и уездное. Областное управление осуществлял военный губернатор, который одновременно являлся и командующим войсками в области, и областное правление.

[1] Законодательные акты Российской империи... Ч. 1. С. 218–220.
[2] Там же. С. 270–280.
[3] Там же. С. 330.
[4] Там же. Ч. 2. С. 91–111.
[5] Там же. С. 129–144.

Реформы середины XIX в. юридически закрепляли на всей территории Казахстана новую систему управления, схожую с российской. В результате этих преобразований вся территория Казахстана была поделена на три генерал-губернаторства: Оренбургское, Западносибирское и Туркестанское. Каждое генерал-губернаторство состояло из двух областей (всего их было шесть: Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская и Сыр-Дарьинская). На этих территориях сложилась следующая основная система административного деления: генерал-губернаторство – область – уезды – волость – аул. Согласно новым реформам, Туркестанское генерал-губернаторство непосредственно подчинялось Военному министерству, Западносибирское генерал-губернаторство было отнесено к ведению Министерства внутренних дел, а Оренбургское генерал-губернаторство находилось в подчинении Министерства иностранных дел. Территория бывшего Букеевского ханства, соответственно указу «О передаче управления Внутренней Киргизской орды в ведомство астраханского начальства» (1876 г.), вошла в состав Астраханской губернии, а Мангышлакское приставство с 1870 г. подчинялось Кавказскому военному округу, а немного позже – Закаспийской области. Это говорит о том, что высшее управление всей территорией Казахского края по-прежнему не было единым.

Положения 1867–1868 гг. установили на территории Казахстана новое административно-территориальное деление, которое в корне меняло традиционную систему управления, усилили процесс разложения патриархально-родовых связей внутри казахского общества, создали юридические условия для дальнейшей эксплуатации края. Как образно высказался член Государственной думы Т.И. Седельников: «Это положение было одним из решающих поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим»[1].

Реформирование системы управления присоединенными территориями продолжилось и во второй половине XIX в. Этот вывод подтверждают следующие законодательные документы: «О военном управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях»; «Об открытии в Акмолинской области пятого Сары-Суйского уезда по реке Сары-Су»; «О передаче управления Внутренней киргизской орды в ведомство астраханского начальства»; «Об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства и о подчинении Уральской и Тургайской областей Министерству внутренних дел»; «Об изменениях военного управления в областях Акмолинской и Семипалатинской»; «О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице генерал-губернатора»; «О преобразовании в областном управлении Сыр-Дарьинской области»[2].

В июле 1881 г. было упразднено Оренбургское генерал-губернаторство, а управление Тургайской и Уральской областями было передано Министерству внутренних дел. В 1882 г. было ликвидировано и Западносибирское генерал-губернаторство. Область с казахским населением было решено преобразовать в Степное генерал-губернаторство, с центром в г. Омске. В него входили Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. С 1886 г. население южного Казахстана жило по положению «Об управлении Туркестанским краем». Управление Туркестанским краем находилось непосредственно в ведении Военного министерства, хотя осуществлялось через генерал-губернатора.

В 1891 г. было принято положение «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями». Именно с этого положения на территории Казахстана начинается окончательный переход к

[1] Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 20.

[2] См.: Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в.: Учебно-справоч. пособие. Павлодар, 2012.

общероссийской системе управления. Главное управление этими областями вверялось степному генерал-губернатору. Степной генерал-губернатор получил те же полномочия, что и туркестанский генерал-губернатор. По данному положению во всех областях были созданы учреждения Министерства государственных имуществ (само министерство было создано в 1837 г.), которые подчинялись непосредственно министерству и военному губернатору области. В 1899 г. из состава Степного генерал-губернаторства была выведена Семиреченская область, которая вошла в состав Туркестанского края.

Степное положение в корне изменило ситуацию на территории Казахстана, которое юридически закрепило изменения политического, социально-экономического и правового положения казахского общества в составе империи. Положение 1891 г. упорядочивало систему управления Степными областями, отменяло временный характер предыдущих реформ 1867–1868 гг., значительно расширяло функции администрации, содержало серьезные дополнения и уточнения судебного устройства, внесло изменения в налоговую политику. В связи с этим П. Румянцев писал: «Датой введения «Степного положения» мы заканчиваем изложение истории киргизского народа, ибо далее уже нет истории киргизского народа, а есть история жизни сельских обывателей инородцев Степных, Сибирских и Среднеазиатских областей»[1].

Таким образом, к концу XIX в. в ходе многочисленных реформ и преобразований на территории Казахстана сложилась новая административная система управления краем. Казахстан, благодаря планомерно проводимым реформам, стал в административно-правовом отношении неотъемлемой частью Российской империи.

Источники и литература

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: История. 2011. № 1 (1). С. 8–24.
2. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): Сб. док. Павлодар: ПГПИ, 2015. Ч. 1. 344 с.; Ч. 2. 300 с.;
3. Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия АГУ. 2013. С. 181–188.
4. Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в.: Учебно-справоч. пособие. Павлодар: ПГПИ, 2012. 161 с.
5. Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 27. № 26 178.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1995. 236 с.
7. Румянцев П.П. Социальное строение казахского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 79–137.
8. Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Электропечатное товарищество «Дело», 1907. 124 с.

[1] Румянцев П.П. Социальное строение казахского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 87.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-26

О.С. Павлова*

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ О РОЛИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева на власть и общество. Будучи представителем консервативного направления общественно-политической мысли, он особое внимание уделял вопросам идеологии, в рамках которой ключевую роль отводил «простому народу» как хранителю исторических устоев России. Широкий круг мер, предпринятых обер-прокурором, а именно открытие церковно-приходских школ, забота о нравственном облике духовенства, издание доступной литературы для народа и многое другое, был реализован в интересах укрепления традиционных ценностей православия в условиях капиталистической трансформации российского общества.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, самодержавие, народ, православие, традиционный уклад.

Константин Петрович Победоносцев известен как видный ученый, публицист, государственный деятель и занимает особое место среди представителей пореформенного консерватизма. По своему происхождению он был тесно связан с традиционно-патриархальным укладом жизни российского общества и особенно остро реагировал на противоречивые последствия реформ 60–70-х гг. XIX в. Альтернативу административно-законодательным преобразованиям он видел в реализации практических мер, имеющих целью воздействие на внутренний, духовный мир людей. Этим объяснялось его особое внимание к проблемам культуры, просвещения, духовной жизни общества, в первую очередь – к общественной роли церкви. Как известно, именно он определял курс конфессиональной политики на протяжении всего периода царствования Александра III и позже, когда с апреля 1880 г. стал обер-прокурором Синода и занимал этот пост в течение 25 лет.

Следует отметить, что на протяжении своей государственной службы и научной деятельности К.П. Победоносцев пережил эволюцию общественно-политических взглядов. Так, будучи первоклассным юристом, в 1860-е гг. он принял деятельное участие в разработке судебной реформы, отстаивал принципы независимого суда, гласности судопроизводства и состязательности судебного процесса. Однако к концу 1870-х гг. произошел поворот во взглядах К.П. Победоносцева в сторону реакции. После убийства народовольцами Александра II он оказался в центре политической жизни страны и в значительной мере оказывал влияние на политический курс Александра III. Именно Победоносцев был автором царского манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия»[1].

Согласно выводам исследователя А.Ю. Полунова, мнение ряда современников и историков о безусловной архаичности взглядов Победоносцева нельзя признать обоснованным. Историк отмечает, что обер-прокурор, чутко реагируя на новые тенденции в развитии общества, сознавал важность таких порожденных модернизацией явлений, как возрастание роли идеологии в жизни страны, необходимость активного воздействия на духовную жизнь общества, влияния на сознание народных масс и предпринимал шаги к

* ***ПАВЛОВА Оксана Сергеевна*** *— кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра истории Отечества и МПИ; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; oksana.s.pavlova@mail.ru.*

[1] Федоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003. С. 221.

их практическому осуществлению[1].

Так, в разгар издательской деятельности (февраль–март 1894 г.) у Победоносцева возник замысел собрать свои ранее изданные «рассеянные статьи» и опубликовать их в виде отдельного издания. Плодом реализации этого замысла стал знаменитый «Московский сборник» (издан в мае 1896 г.), вошедший в историю как центральное произведение российского консерватора. В этом сборнике нашел отражение опыт целостного осмысления и теоретического оформления взгляда на вопросы, волновавшие его на протяжении длительного периода. Особое значение Победоносцев уделил вопросу роли и возрождения традиций православной веры в жизни российского общества.

Издание «Московского сборника» вызвало значительный интерес в обществе, до 1901 г. он выдержал в России пять изданий. Публику привлекал сам беспрецедентный факт публикации своеобразного идеологического манифеста высокопоставленным сановником, приближенным царя. Вызывала интерес и необычная форма подачи материала, и манера изложения, которые свидетельствовали об искренности автора, о том, что излагаемые им идеи он «пропустил через себя». В общественной атмосфере конца XIX – начала XX вв. такая манера обращения позволяла быстрее найти путь к читателю, усиливала общественный интерес к книге[2].

В этой работе вопрос о важности сохранения традиционного уклада жизни русского народа автор аргументировал следующим образом: «Говорят, что обряд – неважное и второстепенное дело. Но есть обряды и обычаи, от которых отказаться значило бы отречься от самого себя, потому что в них отражается жизнь духовная человека или всего народа, в них сказывается целая душа. В разности обряда выражается всего явственнее коренная и глубокая разность духовного представления, таящаяся в бессознательных сферах духовной жизни, та самая разность, которая препятствует слиянию или полноте взаимного сочувствия между разноплеменными народами и составляет основную причину разности церквей и вероисповеданий. Отрицать, с отвлеченной, космополитической точки зрения, действие этой притягательной или отталкивающей силы, приравнивая ее к предрассудку, значило бы то же, что отрицать силу сродства (Wahlverwandschaft), действующую в личных между людьми отношениях»[3].

Основу духовного единства народа и сохранения обычаев Победоносцев видит в распространении православной веры и усилении роли церкви в жизни народа. Победоносцев отмечал, что в деле укрепления самодержавия церковь призвана сыграть огромную, если не решающую роль. В православии, указывал он «корень всей жизни народа, главные ключи всякого добра и правды на земле»[4]. В «Московском сборнике» он дает следующее понимание этому: «Кто русский человек – душой и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий, что значит церковь для русского человека. Мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства; мало для того, чтобы уразуметь смысл церкви для русского народа и полюбить эту церковь как свою, родную. Надо жить народною жизнью, надо молиться заодно с народом, в одном церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом и пением. Оттого многие, знающие церковь только по домашним храмам, где собирается избранная и наряженная публика, не

[1] Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; Он же. К.П. Победоносцев в начале 1880-х гг.: к истории борьбы в «верхах» после 1 марта 1881 г. // Вестник Московского ун-та. Серия 8: История. 2010. № 4. С. 35–47.

[2] Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в 1880-е – начале 1890-х гг.: механизмы воздействия на общественное мнение // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 65–66.

[3] Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901. С. 255.

[4] Федоров В.А. Указ. соч. С. 221.

имеют истинного понимания своей церкви и настоящего вкуса церковного, и смотрят иногда равнодушно или превратно в церковном обычае и служении на то, что для народа особенно дорого и что в его понятии составляет красоту церковную. Православная церковь красна народом. Как войдешь в нее, так почувствуешь, что в ней все едино, все народом осмыслено и народом держится. Войдите в католический храм, как в нем все кажется пусто, холодно, искусственно православному собранию. Священник служит и читает сам по себе, как бы поверх народа и отлученный от народа»[1].

В конце 70-х – начале 90-х гг. XIX в., как отмечал Г. Флоровский, «началось возвращение интеллигенции в Церковь, когда религиозная пытливость становилась все острее». К.П. Победоносцев всячески противодействовал духовным контактам интеллигенции с народом, с Церковью, диалогу с ней. Им были закрыты созданные в 1870 – 1880-е гг. Общества любителей духовного просвещения в Москве и Петербурге, в которых участвовали представители высших столичных кругов и часть профессуры (преимущественно духовных академий)[2]. В качестве образца К.П. Победоносцев противопоставлял «свету» и образованной интеллигенции «простой» и «темный» народ, видя в нем опору существующего миропорядка. Источник смуты Победоносцев видел в интеллигенции и бюрократии, которые были склонны конструировать модели развития России на основе западных образцов. При этом либералы были для него более злейшими врагами, чем революционеры. 14 декабря 1879 г. он писал наследнику: «Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает»[3]. Однако шаги противодействия революционному движению со стороны К.П. Победоносцева также предпринимались. По его инициативе и редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова в начале 1880-х гг. в Петербурге при Исаакиевском соборе было создано специальное общество для издания клерикально-патриотической литературы и бесплатной раздачи ее среди рабочих.

Поэтому вполне закономерно, что главной проблемой, которая не могла не волновать К.П. Победоносцева, был вопрос о сущности власти и ее взаимоотношениях с народом. Здесь он понимает данный вопрос не только с позиции критики западноевропейского парламентаризма и аргументации необходимости сохранения незыблемых основ самодержавия, но приводит аргументы нравственного и духовного смысла этого союза: «Велико и свято значение власти. Власть, достойная своего призвания, вдохновляет людей и окрыляет их деятельность: она служит для всех зерцалом правды, достоинства, энергии. Видеть такую власть, ощущать ее вдохновительное действие – великое счастье для всякого человека, любящего правду, ищущего света и добра. Великое бедствие – искать власти и не находить ее или вместо нее находить мнимую власть большинства, власть толпы, произвол в призраке свободы. Не менее, если еще не более печально видеть власть, лишенную сознания своего долга, самой мысли о своем призвании, власть, совершающую дело свое бессознательно и формально, под покровом начальственного величия… Народ ищет наверху, у власти, защиты от неправды и насилий, и стремится там найти нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности. Благо народу, когда есть у него такие люди – в числе его правителей, судей, духовных пастырей и учителей возрастающего поколения. Горе народу, когда в верхних, властных слоях общества не находит он нравственного примера и руководства: тогда и народ поникает духом и развращается.

[1] Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 258.
[2] Федоров В.А. Указ. соч. С. 224.
[3] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 1. С. 249.

В социальном и экономическом быте прежнего времени история показывает нам благородное сословие людей, из рода в род призванных быть не только носителями власти, но и попечителями о нуждах народных и хранителями добрых преданий и обычаев.

Если суждено такому сословию возродиться в нашем веке, вот в чем должны состоять основы бытия его и сущность его призвания:

– служить государству лицом своим и достоянием;

– быть в слове и деле хранителем народных добрых преданий и обычаев;

– быть ходатаем и попечителем народа в его нуждах и защитником от обиды и насилий;

– советом и примером поддерживать добрые нравы в семье и в обществе;

– не увлекаться господствующею в обществе страстью к приобретению и обогащению и чуждаться предприятий, обычных для удовлетворения этой страсти»[1].

Победоносцев много сделал для усиления влияния Православной Церкви на жизнь общества. Он считал, что Церковь, кроме своей богослужебной, должна развивать и другие формы деятельности. Он стимулировал учреждение церковных братств, активизировал церковную печать. Большое значение он придавал церковной проповеди, внебогослужебным собеседованиям священников со своими прихожанами, организации церковной благотворительности, а также проведению торжеств при праздновании церковных юбилеев: в 1881–1894 гг. их было проведено 17, в т. ч. 1 000-летие кончины Кирилла и Мефодия, 900-летие крещения Руси, 500-летие кончины Сергия Радонежского, 50-летие воссоединения униатов с Русской Православной Церковью, 100-летие православия в Северной Америке[2].

Будучи обер-прокурором Синода К.П. Победоносцев начинает систематически выступать в печати по вопросам образования, которое переживало глубокий духовный кризис. В начальной школе Победоносцев видел, прежде всего, хранительницу российских традиций, религиозных устоев, нравственных норм и только потом – собственно место обучения. Идеалом народной школы для него была такая, где учащиеся приобретали минимум элементарных знаний, но зато глубоко впитывали уважение к Богу, любовь к Отечеству и почитание своих родителей. В церковно-приходских школах образование строилось именно по такой схеме.

Победоносцев предполагал создание при храмах широкой сети начальных училищ, подчиненных духовному ведомству и руководимых священниками. Главное внимание в таких школах должно было уделяться изучению Закона Божия, церковно-славянского языка, церковного пения. В отличие от школ светских, стремящихся дать воспитанникам, прежде всего определенный объем знаний, церковные школы должны были обращать внимание не столько на образование, сколько на воспитание. В своих письмах Александру III Победоносцев писал следующее: «Для блага народного необходимо, чтобы повсюду около приходской церкви была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться о ней посредством приходского попечительства»[3]. Статистика красноречиво свидетельствует о том, что К.П. Победоносцеву удалось воплотить свои ожидания в жизнь. Так, число церковно-приходских школ за период царствования Александра III увеличилось с 4 064 в 1881 г. до 31 835 в 1894–1895 гг., а

[1] Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 315–316.

[2] Федоров В.А. Указ. соч. С. 222.

[3] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 27–28.

число учащихся составляло в 1881 г. 105 317, а в 1894–1895 гг. – 981 076 чел.[1]

Таким образом, деятельность Константина Петровича Победоносцева определялась его огромным вниманием к вопросам идеологии, в рамках которой он огромное значение уделял роли «простого народа» как хранителя исторических устоев России. Многое из того, что предпринимал обер-прокурор – открытие церковно-приходских школ, забота о нравственном облике духовенства, издание доступной литературы для народа – объяснялось его стремлением воздействовать на сознание народных масс и укрепление традиционных ценностей православия в условиях модернизации российского общества.

Источники и литература

1. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб.: Синодальная типография, 1901. 727 с.
2. Письма Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 381 с.
3. Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1901. 366 с.
4. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в 1880-е – начале 1890-х гг.: механизмы воздействия на общественное мнение // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 60–72.
5. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в начале 1880-х гг.: к истории борьбы в «верхах» после 1 марта 1881 г. // Вестник Московского ун-та. Серия 8: История. 2010. № 4. С. 35–47.
6. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 144 с.
7. Федоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М.: Русская панорама, 2003. 479 с.

[1] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 711–714.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-27

Д.А. Прохоров*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается этноконфессиональная специфика административного управления Крымским полуостровом в конце XVIII – начале XIX в. В ходе анализа архивных документов и материалов выяснено, что российская администрация решала проблемы интеграции крымских татар в российское общество, обеспечивала их участие в работе органов государственного управления Таврической области, образованной после присоединения Крыма к России. Многие представители местной знати были задействованы в работе «Крымского правительства», а затем и других административных учреждений Таврической области. Также осуществлялись мероприятия по заселению региона жителями из материковых губерний Российской империи. Среди национальностей, проживавших в Крыму, были также русские, греки, цыгане, караимы, украинцы, евреи, армяне, немцы и болгары.

Ключевые слова: Крым, население, чиновничество, этнокофессиональная специфика, административное управление.

Одним из ключевых моментов в истории Крымского полуострова является проблема взаимодействия представителей разных национальностей, культур в многоэтничном и поликонфессинальном обществе. Уникальность и специфика этого региона состоят в том, что его территорию населяли ранее и проживают на ней сейчас представители многих национальностей, носители различных религий. В задачи публикации входит анализ этноконфессиональной ситуации, сложившейся на территории Крымского полуострова в конце XVIII – начале XIX в., а также раскрытие специфики управления присоединенными в 1783 г. Российской империей территориями.

В середине XVIII в. в Крыму и в Причерноморских степях по приблизительным оценкам проживало 250–300 тыс. чел., а к концу столетия эта цифра сократилась почти наполовину в связи с русско-турецкими войнами и начавшейся эмиграцией крымскотатарской части жителей полуострова[1]. Этот период ознаменовался для Крыма существенными изменениями этнической и конфессиональной ситуации. После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) и Айналы-Кавакской конвенции (1779 г.) российские власти приступили к реализации мероприятий по ослаблению Крымского ханства. Князь Г.А. Потемкин активно занялся осуществлением разработанной им же «новой восточной системы», которая должна была позволить России в полной мере воспользоваться результатами Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Г.А. Потемкин совместно с А.В. Суворовым разработал план переселения христианского населения из Крыма на новые земли у побережья Азовского моря и близ устья Дона. Христианское население полуострова играло важную роль в экономической жизни Крымского ханства, и поэтому удаление христиан за пределы полуострова, по задумке российских властей, должно было способствовать экономическому ослаблению Крымского ханства, усилению его зависимости от России.

Переселение крымских христиан за пределы Крыма, проведенное А.В. Суворовым

* ***ПРОХОРОВ Дмитрий Анатольевич*** *— доктор исторических наук; Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского; исторический факультет; кафедра документоведения и архивоведения; старший научный сотрудник; доцент; г. Симферополь, Республика Крым, Россия; prohorov1da@yandex.ru.*

[1] Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX вв. (численность, размещение этнический состав). М., 2003. С. 85–87, 120.

по приказу русских властей и длившееся с мая по ноябрь 1778 г., внесло серьезные коррективы в политическую и экономическую сферы жизни полуострова. Всего из 174 селений полуострова было выселено 31 386 чел. Среди них – 18 407 греков, 12 598 армян, 162 валаха, 219 грузин; 91 чел., находившийся до этого времени в плену у татар, был освобожден. Только Кафу покинуло 5 511 армян, 1 648 греков и 24 грузина. Статистика по остальным городам выглядит так: из Карасубазара выехало 1 004 грека и 2 809 армян, из Бахчисарая – 1 319 греков (и 2 священнослужителя) и 1 375 армян; из Старого Крыма – 109 греков и 160 армян; Гезлев (Евпаторию) покинуло 172 грека (с ними 2 священнослужителя) и 1 304 армянина[1]. В связи с этими событиями многие населенные пункты Крыма фактически обезлюдели. Сократилось число жителей таких городов, как Кафа, Бахчисарай, Карасубазар, Гезлев, Ак-Мечеть, Старый Крым, Балаклава. Полностью или частично опустели 67 горных селений. Притеснения российской администрации, злоупотребления со стороны чиновников, экспроприация земли у крымскотатарских крестьян, массовые эмиграции крымских татар в Турцию в 1783 г. и в последующие десятилетия привели к тому, что заброшенными также оказались многие сады, виноградники и пахотные земли Крыма. Поэтому задача по привлечению на полуостров новых жителей, необходимость которой осознавала местная российская администрация, была обусловлена как хозяйственными нуждами (восстановление экономики и дальнейшее освоение Крыма), так и общими стратегическими задачами (укрепление пограничных районов России).

Делая первые шаги в политическом и хозяйственном освоении Крыма, российские власти искали опору своим начинаниям, прежде всего, в среде влиятельной крымскотатарской знати и духовенства. 7 ноября 1783 г. из их представителей было сформировано «Крымское правительство», которое возглавил командующий русскими войсками на полуострове, а также Каспийским и Черноморским флотами генерал-поручик граф А.Б. де Бальмен, а затем его на этом посту сменил лифляндский барон, граф О.А. Игельстром, который 16 августа 1783 г. князем Г.А. Потемкиным был назначен на должность командующего.

В состав «Крымского правительства» вошли: Якуб-ага (или, в соответствии с русской традицией, Яков Измайлович Рудзевич), представитель наиболее влиятельного среди крымскотатарской знати рода Ширинских Мегметша-Бей Ширинский (по прозвищу «Крым-Валесси», т. е. «крымский наместник»), бывший ханский 1-й дефтердар (чиновник финансового ведомства) Кутлуша-ага Киятов, 2-й дефтердар Темир-ага, экс-директор ханского монетного двора Абдул-Хамит-ага. В правительство вошли муфтий Сеит-Мегмет-эфенди, который, по словам Г.А. Потемкина, «довольно оказал усердия… при восприятии Крыма под высочайшую… державу»[2], а также кадиаскер (верховный судья) Муслядин-эфенди и его товарищ (заместитель) Мустафа-эфенди. При этом, по словам современников, кадиаскер и муфтий были друг с другом «в весьма хорошем согласии» и оказывали «свое усердие и верность»[3]. В декабре 1783 г.

[1] Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 133; Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 86, 87, 120, 122; Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. Симферополь, 1910. № 11. С. 442–543.

[2] Иванов П.А. Из дел Московского отделения архива Главного Штаба. II. Извлечение из «Журнала реляциям кн. Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» // Известия ТУАК. Симферополь, 1893. № 19. С. 76.

[3] Мурзакевич Н.Н. Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. 10. С. 243.

в связи с болезнью Муслядин-эфенди был заменен Я.И. Рудзевичем[1]. Помимо вышеперечисленных лиц, в состав «Крымского правительства» в период с 1783 по 1784 гг. входили крымскотатарские мурзы: Аджи-Казы-ага, Аггазы-ага, Мегметша-мурза Ширинский, Гусеин-бей, Седжеутский-Мегметша-мурза, Мегметша-мурза Аргинский, Султан-Мегмет-мурза, Мегметша-мурза и Чатырша-мурза[2]. Кутлуша-ага Киятов, Темир-ага, Аджи-Казы-ага (Ачказы-ага) и Абдювели-ага (Топечокракский) являлись представителями «капыхалков», или «капы-кулу», придворной служилой знати. Мегмет-мурза, Мегметша-мурза и Чатырша-мурза были членами бейского рода Ширинских, а Гусеин-бей – Мансурских[3].

7 февраля 1784 г. князь Г.А. Потемкин направил императрице проект административного устройства Таврической области со списком учреждений («присутственных мест»), которые должны были быть открыты в первые годы после присоединения Крыма к России. 24 апреля 1784 г. Екатерина II утвердила «стат области Таврической» и подписала ряд именных указов государственному казначею, генерал-прокурору А.А. Вяземскому. 11 июня 1784 г. вместо Крымского правительства было учреждено Таврическое областное правление[4]. Новым главой крымской администрации стал генерал-аншеф и действительный статский советник В.В. Каховский. В состав правления вошел вице-губернатор, коллежский советник А.А. Лангель, поручик правителя при Палате казенных дел. Указом Правительствующего Сената от 25 января 1785 г. № 4 821 и на основании «Высочайших учреждений для управления губернии» на должности советников в Таврическое областное правление определялись коллежский советник Мегметша-бей Ширинский и надворный советник П. Максимов[5].

До открытия присутственных мест в Таврической области все их функции возлагались на Таврическое областное правление в составе общего и совещательного присутствий и канцелярии, как на центральное административно-полицейское учреждение Таврической области. 9 апреля 1784 г. были утверждены форма для дворян и областных чиновников и правила ее ношения: «кафтан темно-вишневый с зелеными бархатными лацканами, воротник с 2 и обшлага с 4 по разрезу пуговицами; подбой зеленый, камзол белый, пуговицы белые; на кафтане петли везде обведены серебряным плетенкам с кисточкою»[6].

13 декабря 1784 г. Правительствующий Сенат утвердил в должностях некоторых представителей крымскотатарской знати в планировавшиеся к открытию государственные учреждения Таврической области. Кутлуша-ага Киятова определили советником Таврической Палаты уголовного суда с чином коллежского советника (он состоял в этой должности до 30 мая 1787 г.), а асессором в это учреждение – родоначальника фамилии Чалбашевых Джаум-агу с чином коллежского асессора (чин надворного советника присвоен в 1793 г.). Коллежский советник Темир-ага (родоначальник фамилии Ногаевых) стал советником палаты гражданского суда, а асессором – Ачказа-ага (Аджи-Казы-ага) (произведен в чин надворного советника 1 января 1794 г.). В Таврическую казенную областную палату советником (с чином коллежского советника) был назначен Мегмет-ага (Казындар-Мегмет-ага; родоначальник фамилии Балатуковых), а асессором – коллежский

[1] Лашков Ф.Ф. О Камеральном описании Крыма // Известия ТУАК. Симферополь, 1897. № 2. С. 20, 21.

[2] Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII в. Запорожье, 2011. С. 173.

[3] Лашков Ф. Ф. О Камеральном описании Крыма // Известия ТУАК. Симферополь, 1897. № 2. С. 25, 26.

[4] Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 216.

[5] Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

[6] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. 1830. Т. 22. С. 93.

асессор Мегметша-мурза Аргинский[1]. 18 мая 1785 г. Мегметша-мурза Ширинский, Мегметша-мурза Аргинский, Аджи-Казы-ага, Джаум-ага, Темир-ага и другие чиновники из числа крымских татар были приведены к составленной по соответствующей форме присяге на верность службе российскому престолу[2].

В дальнейшем большинство должностей депутатов, заседателей дворянских опек, верхних и нижних земских судов замещались молодыми крымскотатарскими мурзами с присвоением им чинов; и до 1840 г. большинство выборных мест по Крыму занимали выходцы из крымскотатарского дворянства[3]. Кроме того, представители из числа крымских татар состояли в областных и городских присутственных местах на должностях переводчиков и приказных служащих.

В первые годы после присоединения Крыма российские власти активно решали проблемы заселения полуострова, поскольку в период политической и военной борьбы значительная часть жителей региона эмигрировала. Так, если в 60–70-х гг. XVIII в. численность крымских татар составляла более 400 тыс. чел., то в 1793 гг. их насчитывалось лишь 112,2 тыс. чел. Под руководством правителя Новороссии князя Г.А. Потемкина Крымское правительство (1784–1787 гг.), а затем Таврическое областное правление (1787–1796 гг.) осуществляли мероприятия по переселению в Крым представителей различных категорий населения. Для новых жителей Крыма Г.А. Потемкин распорядился «принять нужные меры и старание о приготовлении им в Таврической степи удобных и выгодных для жилищ, угодий и хлебопашества мест, и все нужные к построению домов вещи по указному положению для таковых назначенные, туда доставить казенным коштом, снабдив и домостроительными орудиями; а по прибытии их туда приложить свое старание о действительном и порядочном оных поселении с доставлением им всех предписанных выгод и пособий»[4].

Среди переселенцев числились: уволенные в отставку солдаты с женами (в основном, из центральных губерний Российской империи), заштатные служители церкви и старообрядцы, дербетевые калмыки с Волги, а также архипелагские греки, поляки, немцы, болгары, итальянцы, румыны и пр. Среди русских и украинских переселенцев числились отставные солдаты, крестьяне, государственные крестьяне из российских губерний, а также церковнослужители, старообрядцы, беглые крепостные. Русские и украинские переселенцы-крестьяне в основном селились в материковой части Таврической области, а калмыки и ногайцы – в северокрымских степях[5]. К середине 1790-х гг. на полуострове проживало: 4,3 тыс. русских, 1,3 тыс. украинцев, 1,9 тыс. греков, 1,7 тыс. цыган, 0,8 тыс. евреев, 1,5 тыс. караимов, 0,6 тыс. армян, 0,1 тыс. немцев, 0,1 тыс. болгар, представителей прочих народов – 0,1 тыс. чел.[6]

Одним из направлений миграционной политики российских властей стало комплектование штатов государственных учреждений переселенцами из материковых губерний империи. Одними из первых служащих, определенных в подразделения Таврического областного правления, стали семинаристы, выпускники Харьковской семинарии. В ордере от 23 мая 1785 г. В.В. Каховский представил в Таврическое областное правление список желающих из числа харьковских семинаристов. В основном, это были жители г. Богодухов, а также Богодуховского, Лебединского и Хотмыжского

[1] ГА РК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–11; Д. 6. Л. 28 об., 29.

[2] Там же. Д. 5. Л. 89, 92, 93.

[3] Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 г. // Известия ТУАК. Симферополь, 1899. № 30. С. 6.

[4] Муравьев М. Материалы для местной истории // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 603.

[5] Конкин Д.В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 234, 233.

[6] Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 121, 122.

уездов Харьковского наместничества[1]. В дальнейшем набор в штаты присутственных мест Таврической области выходцев из материковых губерний Российской империи продолжился.

Все переселенцы в Крым освобождались на полтора года от уплаты податей и на три года от постоя войск, а в 1785 г., по распоряжению Г.А. Потемкина, весь скот, оставшийся после покинувших полуостров крымских татар, предложено было передать в распоряжение переселенцев[2]. Кроме того, наряду с организованной колонизацией, происходил процесс стихийного заселения пустующих земель – беглые крестьяне, «работные люди», просрочившие паспорта, проникали в Таврическую область и нанимались обычными работниками в помещичьи имения. Чаще всего беглые объявлялись местной администрацией «неразысканными».

В 1784 г. переселенным в Крым архипелагским грекам (741 мужчина) российская императрица даровала земли в районе Балаклавы, опустевшей после высылки в 1778 г. крымских греков в Приазовье. Новые жители основали еще семь небольших поселений между Балаклавой и Ялтой. К 1792 г. на этой территории (землях греческого пехотного полка) проживало уже 1 800 греков-эмигрантов обоего пола. В конце XVIII – начале XIX в. общая численность греческого населения достигала 16,5 тыс. чел. Общее же число прибывших в Крым жителей в течение 1785–1793 гг. достигло 12,6 тыс. лиц м. п.[3]

После вхождения Крыма в состав Российской империи на полуостров вернулась часть армян, причем приезжали те из них, кто ранее мигрировал в Османскую империю, а также ремесленники и купцы из Нового Нахичевана (последние официально получили право проживать в Крыму лишь в 1811–1814 гг.). В 1787 г. разрешение вернуться получили армяне-католики. Вскоре численность крымских армян увеличилась за счет переселенцев из Восточной и Западной Армении. В соответствие с высочайше утвержденной грамотой в 1799 г. армянам Старого Крыма возвратили храмы, земли, городские кварталы; в Старом Крыму и Карасубазаре были созданы городские национальные самоуправляемые общины[4]. Карасубазарский римско-католический суд учредили в 1784 г., в соответствии с грамотой Екатерины II: «По поселении вашем учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляциею Наместнического Правления»[5]. В компетенцию данного учреждения входил разбор уголовных, гражданских и опекунских дел лиц римско-католического вероисповедания. Среди документов, сохранившихся в архивах римско-католического суда – материалы о сборе окладных налогов и недоимок; дела об опеке над сиротами, о выдаче заграничных паспортов и т. п. По своей структуре Карасубазарский римско-католический суд повторял устройство нижних земских судов: он состоял из председателя, двух заседателей и секретаря. Штат армянского магистрата включал председателя, четырех заседателей, секретаря и четырех урядников[6].

Массовый приток немцев в Крым относится к 1805 г. В Симферопольском уезде они основали колонии: Нейзац, Фриденталь, Розенталь (виртенбергцы), в Феодосийском

[1] ГА РК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 29, 30.

[2] Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. С. 80.

[3] Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 88, 89; Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX вв.: исторические очерки. СПб., 2008. С. 49.

[4] Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. 15. С. 562, 567, 568.

[5] ГА РК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 91. Л. 55–57.

[6] Там же; Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 265.

уезде – Гейльбрун, Судак и Герценберг. В том же 1805 г. на полуострове возникла швейцарская колония Цюрихталь, а в 1811 г. еще одна немецкая колония – Кроненталь. Колонии, расширяясь, образовывали выселки, которые, в свою очередь, превращались в новые колонии. При переселении колонисты получили в собственность от 60–65 дес. лучшей земли, надолго освобождались от натуральных и денежных повинностей; им было даровано широкое самоуправление. Меннониты (представители одного из протестантских течений в христианстве, называвшиеся так по имени его основателя, Менно Симонса) появились в России в 1789 г., когда Екатерина II выделила им для заселения пустующие земли Новороссии. В 1800 г. 150 семейств переселились в урочище Молочные воды Мелитопольского уезда Таврической губернии (ныне – южные части Запорожской и Херсонской областей Украины), получив до 120 тыс. дес. земли. Меннониты селились на левом берегу Молочной, а на правом – выходцы из немецких государств Нассау, Бадена, Вюртемберга, Баварии. В 1806 г. на правом берегу было уже 18 колоний, где размещались 250 семей[1].

В конце XVIII – начале XIX в. в Крым стали приезжать и государственные крестьяне из Полтавской, Черниговской, Воронежской губерний. Они селились или отдельными слободами, или в крымскотатарских селах, образуя смешанные поселения. В первой половине XIX в. в Крым на постоянное поселение прибывают также религиозные сектанты: раскольники, молокане (одно из течений духовного христианства, представители которого появились Таврической губернии в 1802 г. и селились в Мелитопольском, Бердянском и Днепровском уездах), духоборцы (конфессия христианского направления, отвергающая внешнюю обрядность церкви), приезжавшие, в основном, из Саратовской и Тамбовской губернии, скопцы и пр. Например, в Керчь-Еникальском градоначальстве уже в 1830-е гг. поселились выкресты из субботников (последователей христианских или околохристианских вероучений, соблюдающих, подобно иудеям, субботу), в Евпаторийском и Симферопольском уездах – штундисты (христианское движение протестантской направленности, распространенное в основном среди немцев-колонистов)[2]. Часть поселений основали в Крыму крестьяне-однодворцы. Что касается украинцев, то интенсивное освоение Крыма они начали лишь с 50-х гг. XIX в., после очередного оттока крымских татар в Турцию.

В 1796 г. в Крыму насчитывалось 58 деревень с населением 99 195 казенных и помещичьих крестьян[3]. Этнический состав населения Крыма в данный период вновь изменился. В результате V и VI ревизий, проведенных на территории полуострова в 1792 и 1796 гг., установлено, общее число жителей здесь составляло 156,4 тыс. чел. (87,6% крымских татар, 4,3% русских, 1,9% греков, 1,7% цыган, 1,5% караимов, 1,3% украинцев, 0,8% евреев, 0,6% армян, 0,1% немцев, 0,1% болгар). В 1816 г. был заметен общий прирост населения, но цифры уже выглядели иначе: из 212,6 тыс. чел. 85,9% составляли крымские татары, 4,8% – русские, 3,7% – украинцы, 1,4% – караимы, 1,3% – армяне, 0,9% – евреи, 0,8% – греки, 0,7% – немцы и 0,4% – болгары[4].

Источники и литература

1. А.Б. Наши секты и сектанты (окончание) // Таврида. 1881. № 87. 1 нояб.

[1] Лаптев Ю.Н. Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С 18; Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX – начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С. 45.

[2] ГА РК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2384. Л. 3; А.Б. Наши секты и сектанты (окончание) // Таврида. 1881. № 87. 1 нояб.

[3] Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 160.

[4] Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Указ. соч. С. 123, 124.

2. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX вв. (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 159 с.
3. Государственный архив Республики Крым. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2384; Ф. 799. Оп. 1. Д. 5, 6, 91.
4. Иванов П.А. Из дел Московского отделения архива Главного Штаба. II. Извлечение из «Журнала реляциям кн. Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» // Известия ТУАК. Симферополь, 1893. № 19. С. 71–78.
5. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 306 с.
6. Конкин Д.В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 231–243.
7. Лаптев Ю.Н. Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С. 11–21.
8. Лаптев Ю.Н. Немецкие религиозные общины (XIX – начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000. С. 37–49.
9. Лашков Ф.Ф. О Камеральном описании Крыма // Известия ТУАК. Симферополь, 1897. № 2. С. 20–30.
10. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // Известия ТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.
11. Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII в. Запорожье, 2011. 336 с.
12. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. Симферополь, 1910. № 11. С. 442–543.
13. Муравьев М. Материалы для местной истории // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 601–605.
14. Мурзакевич Н.Н. Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Каховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. 10. С. 235–361.
15. Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 г. // Известия ТУАК. Симферополь, 1899. № 30. С. 1–24.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 22. 1 168 с.
17. Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 213–225.
18. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX вв.: исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 302 с.
19. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1957. С. 73–87.
20. Тур В.Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. 15. С. 561–572.
21. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 247–275.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-28

Ю.А. Реент*

СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье раскрываются приоритетные векторы при формировании центральных органов управления полицейскими учреждениями российского государства в начале XX в. Ставится задача раскрыть структуру и полномочия подразделений Департамента полиции МВД. Это ведомство представлено как чрезвычайно сложное и крупномасштабное, как классический пример формальной организации общегосударственного масштаба. Под упомянутым термином нами понимается объединение людей, которое создается ради выполнения определенной цели, с присущей ей социальной структурой, иерархией позиций, нормативной регуляцией поведения, строгим разделением функциональных обязанностей, системой управления и координации деятельности, каналами коммуникаций и, наконец, собственной системой социального контроля. Именно с этих позиций объект исследования подвергается структурному анализу.

Ключевые слова: Департамент полиции, государственное управление, МВД Российской империи, формальные организации правоохранительной системы.

Нельзя не согласиться с мнением профессора Н.Ф. Демидовой, которая справедливо указывала на повышенное внимание отечественных и зарубежных исследователей к истории государственного управления в России. «Интерес этот не ограничивается вопросами истории собственно государственных учреждений, но начинает персонифицироваться через обращение к изучению штата служащих, из которых, собственно, и состояла государственная машина»[1]. Государство призвано быть регулятором во всех сферах, всех формах общественных отношений, разрешать социальные конфликты, не допуская их нежелательного развития. Зачастую устранить противоречия удается только силовыми средствами. В этих целях как орудие поддержания законности и правопорядка создаются полицейские службы.

Изучение любого элемента государства совершенно бесперспективно без анализа исторических условий, без учета соответствующей социально-политической обстановки. Полиция буржуазного этапа развития Российской империи предстает многоплановой, во многом противоречивой системой, но при этом – жестко структурированной и наделенной многочисленными фиксированными функциями.

Исследование структуры полиции самодержавной России целесообразно оценивать не только как формальной организации, но и как социального института. Известно, что последнее понятие в научный оборот ввел один из основоположников социологии Г. Спенсер. Он выделил три основных типа институтов, один из которых – регулирующий, включает в свой состав и государство[2]. Данная типология основывалась у него на выделении главной функции, присущей всем институтам, – функции регулирования социальных процессов и явлений с целью сохранения стабильности их существования и поддержания равновесия между ними.

В связи с разноплановым восприятием содержания названного понятия мы примкнем к мнению известного социолога Ю.П. Андреева, который замечает, что историки обычно термин «социальный институт» употребляют в соответствии с его

* ***РЕЕНТ Юрий Арсенович*** *— доктор исторических наук; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России; кафедра философии и истории; профессор; г. Рязань, Россия; reent2@yandex.ru.*

[1] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). М., 2011. С. 3.

[2] Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии. М., 1961. С. 24–25.

изначальным значением, поскольку «institutum» переводится с латыни как «установление», «учреждение». Таким образом, под данным понятием мы понимаем «определенные учреждения, органы, уставные группы людей для выполнения законодательных, исполнительных, оборонных функций»[1]. Памятуя о том, что всякий социальный механизм функционален, следует выделить *полицейскую функцию государства*. Характеризуя ее, И.И. Мушкет и Е.Б. Хохлов подчеркивают, что «охрана правопорядка представляет собой материальную функцию государства, которая реализуется им в рамках законотворческой, административной и судебной деятельности»[2].

Условием адекватного восприятия Полиции является осознание того, что она характеризуется определенной *структурой*. Образующие ее относительно устойчивые, стандартизированные и регулярно воспроизводимые элементы составляют конкретный механизм, обеспечивающий стабильность и функционирование организации. Именно структурно-функциональный подход к анализу полицейского аппарата России, состоящий в выявлении основных структурных элементов и выполняемых им функций, позволит наиболее ясно понять специфику осуществляемой ими социальной реальности.

В вопросах управления любая формальная организация характеризуется соответствующей иерархией. Здесь можно рассматривать два типа отношений: 1) как отношение между людьми, занимающими определенные должности и обладающими соответствующими статусами; 2) как отношения между отдельными структурными элементами, формальными организациями разных уровней.

В нашем случае *первый тип иерархических отношений* напрямую связан со служебной субординацией. Очевидно, что высшим должностным лицом в полицейской иерархии буржуазной России являлся министр внутренних дел. Он провозглашался старшим чином общей полиции и шефом жандармов. Но ввиду многоотраслевого характера ведомства в действительности министр не мог посвятить себя решению только полицейских проблем, поэтому в повседневных вопросах его роль в достаточной мере была формальной. Реальным же руководителем структур, отвечавших за благочиние и общественный порядок, выступал один из товарищей министра, который не только курировал Департамент полиции, но и, как правило, назначался командиром Отдельного корпуса жандармов.

На местах старшими начальниками чинов полиции, невзирая ни на какие реформы, оставались генерал-губернаторы и губернаторы[3]. Оставаясь штатными представителями Министерства внутренних дел, они в то же время имели отношение «ко всем отраслям государственного и местного управления», что порождало мнение о необходимости их переподчинения Комитету министров или Сенату. Впрочем, эта полемика нисколько не мешала губернаторам определять соответствующую кадровую политику и правоохранительную деятельность во вверенных городах и уездах.

Известно, что первым условием, повышающим уровень сложности в управлении структурой, является возрастающее количество элементов, составляющих ее. С этой точки зрения полицейский аппарат России представлял собой одну из самых запутанных структур государственного механизма. В империи насчитывалось 97 губерний и областей, те, в свою очередь, подразделялись в среднем на 7–12 уездов. В каждом из них, как и во всех губернских городах располагалось самостоятельное полицейское управление. Кроме того, имелось 27 охранных, 12 районных охранных отделений, 75 губернских жандармских управлений, 29 жандармских полицейских управлений по охране железных дорог. Каждое из последних состояло в среднем из десяти отделений, а те, подразделялись

[1] Андреев Ю.П. Категория «социальный институт» // Философские науки. 1984. № 1. С. 135.
[2] Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998. С. 31.
[3] Справка по законопроекту по реформе полиции. СПб., 1913. С. 5.

на десяток-другой участков, станций.

Весь предшествующий опыт развития российской полиции создал целостную, хорошо структурированную организацию. Но жизнь диктовала необходимость преобразований, ликвидации старых и учреждения новых элементов этого социального института. В XX в. Департамент полиции вошел в составе шести делопроизводств и Особого отдела. Расширение объемов, форм и географии преступности послужило толчком для разделения труда. Штат департамента состоял из директора, 2–4 вице-директоров, до 8 делопроизводителей и группы чиновников. Официально в учреждении к началу XX в. работало 42 чел., реально – 174[1]. В 1913 г. состав Департамента полиции составлял уже примерно 600 чел.[2] Рост штатной численности был обусловлен возрастанием сложности стоящих задач. Функциональная направленность подразделений и их количество менялись часто. Среди причин преобразований можно назвать и попытки многих из директоров департамента реорганизовать аппарат в соответствии с собственными установками.

I-е делопроизводство (распорядительное) можно отнести к наиболее стабильным и консервативным элементам в рассматриваемой организации. С момента образования и до марта 1917 г. в его ведение входило решение разного рода кадровых вопросов по общей полиции: от назначений-увольнений, поощрений и взысканий, до проблем экипировки и снабжения. В индивидуальном порядке рассматривались все перестановки полицейских чиновников от VI класса и выше. Кроме того, часть служащих занималась борьбой с фальшивомонетничеством, контролем над выделением и расходованием материальных средств на жандармские подразделения, в т. ч. на негласную работу, и т. п.

II-е делопроизводство (законодательное), также в небольшой степени было подвержено изменениям. Работа по осуществлению контроля над подведомственными учреждениями в плане их исполнительской дисциплины отличалась достаточной планомерностью, не предполагала существенных «революционных» преобразований. Что же касается законотворческого направления в работе, то изменения в оперативной обстановке требовали подготовки все новых и новых нормативных документов по организации служебной деятельности полиции. Правовые новеллы, вносимые в законодательство, предусматривали пересмотр комплекса подзаконных актов. Еще одно важнейшее направление деятельности аппарата II-го делопроизводства было связано с обеспечением охраны государственных границ империи, урегулированием ряда проблем в приграничных районах. Актуальной она была и потому, что при крупных предприятиях учреждались специальные должности фабрично-заводской полиции. В этой связи с 24 декабря 1915 г. весь круг вопросов по применению так называемого рабочего законодательства был сосредоточен в ведении II-го делопроизводства.

К числу введенных с самого начала относилось *III-е делопроизводство*, более известное в конце XIX в. как «*секретное*». Его чиновникам принадлежит заслуга создания широкой агентурной сети и опорных пунктов за границей. Их деятельность не ограничивалась оперативно-розыскной работой в отношении политических партий и общественных движений. Важнейшим направлением рассматривалось создание действенной системы охраны императорской семьи и высших государственных сановников от набравшего силу терроризма. Негласный надзор и агентурные разработки давали аппарату III-го делопроизводства хороший материал для планирования и прогнозирования охранительной деятельности.

Нельзя не отметить, что дублирование в выполнении определенных функций

[1] Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986. С. 17.

[2] Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 130.

наблюдалось и внутри Департамента полиции. Так, начиная с 1900 г. III-е делопроизводство возглавляло разрешительную систему в отношении организации публичных лекций и чтений. В то же самое время утверждением уставов, общественных собраний, клубов, разрешением балов, маскарадов, танцевальных вечеров занималось II-е делопроизводство. Только с 1906 г. эта работа окончательно закрепляется за III-м делопроизводством. С 1907 г. в III делопроизводстве сосредотачивается финансовый блок вопросов[1].

IV-е делопроизводство было создано в марте 1883 г. Новый век оно встретило вполне окрепшим организационным образованием, но в первоначальном виде просуществовало недолго. 6 сентября 1902 г. в полном составе его перевели в VII-е делопроизводство. Воссоздано вновь оно было только к январю 1907 г. в ходе общей реорганизации департамента. Функциональную основу обновленного подразделения составило *2-е отделение Особого отдела* (*отдел «Б»*). Объектами его внимания стала деятельность рабочих, крестьянских движений и объединений, исследование политической ориентации легальных обществ, земских и иных общественных учреждений.

Важным и объективно необходимым событием представляется создание одновременно с IV-м и *V-го (исполнительного) делопроизводства*. Костяк чиновничьего аппарата перешел туда из Судебного отдела МВД и II-го делопроизводства. В основном это были опытные юристы-эксперты, в обязанности которых входила подготовка требующих оперативного разрешения вопросов для Особого совещания при министре внутренних дел. Этими же силами готовились материалы, связанные с осуществлением негласного надзора полиции и административной высылкой граждан. К указанному подразделению было отнесено наблюдение за исполнением «состоящихся решений по делам о государственных преступлениях», учреждалась картотека, организационно входившая в так называемый справочный стол[2]. В июне 1912 г. рассматриваемое подразделение Департамента полиции «поглотило» VI-е делопроизводство.

И все же наиболее «разношерстным» по перечню направлений деятельности следует признать *VI-е делопроизводство*. Появилось оно в 1894 г. Создание его связано с исключением из II-го делопроизводства второстепенных и функционально не связанных с ним служб. С середины 1900 г. это подразделение Департамента полиции сосредоточило в себе весь круг вопросов по организации хранения и перевозки оружия, взрывчатых веществ, осуществлению акцизной политики в условиях государственной винной монополии. Всего лишь через полгода указанному делопроизводству было поручено обеспечить реализацию требований уставов о частных нефтепромыслах и о золотодобыче[3]. До конца 1915 г. именно там принимались все основные решения по «полицейскому» обеспечению фабрично-заводского законодательства.

В связи с событиями Первой русской революции к 1907 г. в составе делопроизводства учреждается структура, ответственная за переписку с учреждениями по поводу проверки политической благонадежности кандидатов для поступления на государственную и земскую службу. До 1910 г. рассматриваемое подразделение вело учет и переписку по политически неблагонадежным гражданам[4].

Создание очередного, *VII-го делопроизводства*, названного *«наблюдательным»*, любопытно уже по самому подходу к решению этой задачи. 6 октября 1902 г. исправно функционирующее IV-е делопроизводство реорганизуется, а, по сути, просто переименовывается в VII-е. При этом в структуре Департамента полиции

[1] Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 35, 43.
[2] Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 29.
[3] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 209.
[4] Перегудова З.И. Указ. соч. С. 46.

делопроизводства под номером четыре не существовало более четырех лет. Тем временем VII-е делопроизводство взамен IV-го продолжало осуществлять наблюдательные функции по отношению к жандармерии. Весною 1905 г. на чиновников подразделения дополнительно возложили переписку и составление циркуляров, нацеленных на укрепление взаимодействия с *Главным тюремным управлением* Министерства юстиции.

Среди подразделений Департамента полиции, появившихся в более поздний период, особого внимания заслуживает *VIII-е делопроизводство*, созданное в 1908 г. Ему было поручено общее руководство системой сыскных отделений, созданных по Закону от 6 июля 1908 г. Определившаяся специализация способствовала тому, что данное делопроизводство стало контролировать весь основной поток информации по вопросам организации борьбы с уголовной преступностью. С осени 1915 г. местные административные органы обязывались направлять всю подобного рода информацию только туда.

Чиновникам VIII-го делопроизводства были переданы и полномочия, связанные с организацией внешних сношений по полицейской части. Современные исследования деятельности названного делопроизводства серьезно затруднены в связи с наличием ограниченного количества сохранившихся документов.

Наиболее сложно оценивать работу последнего, *IX-го делопроизводства*. Создано оно было весной 1914 г., и судьба распорядилась так, что просуществовало вместе с перерывами около трех лет. Здесь во многом повторилась история по переименованию IV делопроизводства в VII-е, точно так же 15 апреля 1914 г. *Особый отдел Департамента полиции* превратился в IX-е делопроизводство. В свою очередь, оно в начале 1915 г. более чем на полугодие перешло в состав VI-го делопроизводства.

Широко известно, что в результате полицейской реформы 1880 г. руководство тайными политическими операциями перешло в III-е делопроизводство Департамента полиции. Круг обязанностей последнего был слишком широк, чтобы одинаково успешно исполнять все из них. Поэтому в начале 1898 г. была осуществлена передача всего политического сыска в ведение нового специализированного формирования. Обозначение его как *Особого отдела* подчеркивало важность возлагаемых функций. Оценке характера, форм и методов работы служащих и сотрудников подразделения следует посвятить отдельное исследование. Здесь же подчеркнем, что именно Особый отдел стал штабом многоликой и широчайшей агентурной сети, опутавшей не только Россию.

Особый отдел был разделен на четыре стола (отделения). *Первый стол* занимался дешифровкой перлюстрированных писем, *второй* – курировал *Заграничную агентуру*, *третий* – наблюдал за учащейся молодежью, *четвертый* – розыском по данным агентуры и наружного наблюдения[1]. *Заграничная агентура* являлась центральным органом русской политической полиции за рубежом. Штаб ее располагался в Париже. По некоторым данным в представительствах, располагавшихся в Берлине, Брюсселе, Вене, Женеве, Лондоне, Париже и Риме, постоянно работало порядка сотни секретных сотрудников, наблюдавших за возможными проявлениями революционной деятельности до 4–5 тыс. русских политэмигрантов, проживавших в Западной Европе[2].

Летом 1906 г. Особый отдел распадается на две независимые структуры – *отдел «А»* и *отдел «Б»*. Первый из них сосредоточил в поле своей деятельности весь комплекс розыскных мероприятий в революционных и либеральных партиях. Отдел «Б» специализировался на более «спокойных», но менее исследованных союзах, общественных движениях и организациях. Выделялась специализация по таким отраслям как машиностроение, железнодорожный транспорт, учреждения связи, по работе в

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. ОО. 1902. Д. 444. Т. 2. Л. 9–11.

[2] Кравцов И.Н. Тайные службы Империи. М., 1999. С. 64.

войсках. К началу 1907 г. отдел «Б» был переименован в долгое время не существовавшее IV делопроизводство. Оставшийся после этого отдел «А» или просто Особый отдел тоже неоднократно реструктурировался. Лишь осенью 1916 г. Особый отдел вновь получил организационную самостоятельность[1].

Для обеспечения нормальной жизнедеятельности основных делопроизводств и отделов существовал ряд вспомогательных подразделений. В частности, с 1908 по 1913 г. существовал *Инспекторский отдел*. Он подчинялся непосредственно директору Департамента полиции. В работе отдела можно выделить три основных направления: а) проведение ревизий и инспекционных проверок в полицейских учреждениях; б) функции секретариата министра; в) подготовка докладов по строевой (кадровой) части. С 1913 г. Инспекторский отдел окончательно сливается с I делопроизводством.

В разное время в составе Департамента полиции существовали также *Казначейская часть*, *Хозяйственная часть*, *отдел шифров*. Названия говорили о характере возложенной на них работы. Разумеется, что не они определяли служебную направленность департамента, но упомянуть об их существовании необходимо. В то же время несколько обособленно функционировал орган, без рассмотрения которого невозможно представить целостный облик центрального полицейского аппарата России. Речь идет о важнейшем государственном управленческом учреждении – об *Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ),* которое было подведомственно в служебном отношении Департаменту полиции, а в строевом – Военному министерству.

Подводя итог, важно отметить, что полиция Российской империи, как конкретно-исторический тип социального института, зависела от господствующих общественных отношений, и прежде всего, политических и материальных. Пока был силен царизм, не было сомнений и в мощи стоявшего на его страже полицейского аппарата. Как только пошатнулись устои социально-политического устройства, кризисные проявления достаточно ярко обозначились в карательных структурах государственного механизма. Тем не менее, не стоит преувеличивать эту зависимость, поскольку в решении многих служебных задач органы полиции являлись вполне самодостаточными учреждениями.

Департамент полиции в процессе своего развития был вынужден лавировать между двумя организационными принципами. Во-первых, как любой социальный институт, он пытался добиться внутренней устойчивости, организационной стабильности. Этому во многом препятствовали такие управленческие «болезни», как дублирование организационного порядка, господство структуры над функцией. Однако даже достижение поставленных целей влекло за собой ряд негативных моментов, ослаблявших аппарат, снизивших эффективность его деятельности. Следствием даже частичной потери способности адаптации к изменившимся условиям нередко становятся серьезные социальные потрясения, что и наблюдалось в годы двух первых российских революций.

Как вторую тенденцию следует отметить стремление руководства МВД и полиции реформировать, численно расширить управленческий аппарат. Проблема оправданности этих решений определяется не только поставленными целями, но и выбором путей их реализации. Тем не менее, в общем, центральный полицейский аппарат представлял собой один из наиболее целостных и исправно функционирующих государственных институтов. И все же излишне позитивные оценки его деятельности безосновательны. Во всяком случае, в том, что Россия начала XX в. стала наиболее активным революционным центром Европы, в значительной мере повинно и полицейское ведомство.

Источники и литература

1. Андреев Ю.П. Категория «социальный институт» // Философские науки. 1984. № 1. С. 134–137.

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226–247; Оп. 295. Д. 132. Л. 7.

2. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Перевод с англ. В.М. Карзинкина и Ю.В. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 895 с.
3. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700): Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 719 с.
4. Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. Т. 2. 688 с.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
6. Кравцов И.Н. Тайные службы Империи. М.: ГАГС, 1999. 193 с.
7. Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб.: СПбГУ, 1998. 174 с.
8. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Некрасов В.Ф., Борисов. А.В., Детков М.Г. [и др.]. М.: Объедин. ред. МВД России, 1996. 464 с.
9. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.
10. Справка по законопроектам о реформе полиции. (К Особому совещанию под председательством г. управляющего МВД камергера Н.А. Маклакова, 8 февраля 1913 г.). СПб.: Тип. МВД, 1913. 49 с.
11. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МИАИ, 1986. 22 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-29

О.В. Розина*

ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты эволюции российской конституционной модели. Существует несколько подходов к изучению понятия «конституционализм», что свидетельствует о недостаточной разработанности этого понятия в историко-правовых исследованиях. Выделятся основные идеи конституционализма, нашедшие отражение в различных проектах, которые объединяются в четыре группы, а также определяются внешние и внутренние предпосылки данного явления. В статье указываются отличительные черты российского конституционализма от классического западного аналога и рассматриваются основные конституционные идеи и проект, как в период правления Екатерины II, так и в первый период царствования Александра I.

Ключевые слова: российский конституционализм, идеология либерализма, «Кондиции» Верховного тайного совета, «Наказ» Уложенной комиссии, Екатерина II, Александр I.

Российская конституционная модель занимает особое место в мировом политическом процессе. Можно выделить ее несколько отличий от классической модели, формирующейся в странах буржуазной демократии. Во-первых, это отсутствие среднего класса, готового стать социальной базой демократических преобразований. Во-вторых, необходимость проведения реформ в кратчайший исторический промежуток времени по сравнению с преобразованиями в странах Западной Европы. В-третьих, проведение конституционных преобразований в условиях неразвитости политической и правовой культуры общества.

В результате в России была сформирована иная стратегия конституционного развития. Основным носителем программы конституционной реформы являлась не буржуазия, а узкий слой просвещенной бюрократии, дворянства и либеральной интеллигенции; инструментом ее реализации выступало государство, инициировавшее конституционные акты, приобретавшие, в свою очередь, октроированный характер.

Анализ опубликованных работ, связанных с темой данного исследования, свидетельствует о том, что основное внимание отечественные авторы уделяют изучению конституционализма как политико-правового явления современности. Вместе с тем, различные аспекты истории конституционализма в монархической России изучались как историками государства и права, так и специалистами по всеобщей истории, а также политологами. Но большинство трудов посвящено развитию конституционализма в целом, либо отдельным конституционным проектам или проблемам[1].

В современной науке под термином «конституционализм» принято понимать

* ***РОЗИНА Ольга Владимировна*** *— кандидат исторических наук; Московский государственный областной университет; Историко-филологический институт; факультет истории, политологии и права; кафедра истории России средних веков и нового времени; доцент; г. Москва, Россия; olgarozina@yandex.ru.*

[1] См., напр.: Адаменко И.Е. Идеи конституционализма в политико-правовой мысли дореформенной России: первая половина XIX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003; Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX в. М., 2014; Пархоменко А.Г. Конституционализм: становление и развитие в России. М.; Воронеж, 2012; Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты становления российской государственности). М., 2001; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Розина В.А. Электоральное бессознательное: архетипы в политическом консюмеризме // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2015. № 2. С. 114–122 и др.

политико-правовую теорию, обосновывающую необходимость установления в стране конституционного строя[1].

Существует несколько подходов к изучению понятия «конституционализм», однако в рамках данной темы интерес представляют некоторые концепции. Первый подход, выраженный в ряде юридических исследований, определяет конституционализм как государственное правление, ограниченное конституцией. Второй подход, используемый в политико-правовых учениях, утверждает, что конституционализм – это учение о Конституции, как основном законе государства и общества и их взаимоотношениях. Третий подход, используемый в политических учениях, утверждает, что конституционализм – это политическая система, основанная на конституционных методах правления[2].

Такое многообразие подходов в употреблении понятия «конституционализм» свидетельствует о том, что разработанность данной категории юридической наукой недостаточно. Но стоит отметить, что в основном содержании приоритетных основ конституционализма – человек, его права и свободы – различные исследователи едины.

В контексте осмысления правовой реальности России конца XVIII – начала XIX в. можно говорить о конституционализме как системе «основных идей и взглядов об отвечающем принципам демократического развития устройстве государства, организации в нем власти и взаимоотношениях последней с гражданами»[3]. Как отмечает Н.Б. Пахоленко, «конституционализм представляет собой не что иное, как политическую и правовую идеологию либерализма»[4].

В России идеология конституционализма в период ее становления имела свои особенности. Как уже отмечалось, ее генезис наблюдался не в рядах буржуазии, а в дворянских кругах. Как указывает И.Е. Адаменко, «фактически российский конституционализм возник как конституционализм дворянский, что генетически предопределило его умеренность. Дворянский характер отечественного конституционализма объяснялся неразвитостью капиталистических производственных отношений, засильем крепостничества, в силу чего либерализм и, следовательно, конституционализм в России был заимствованным»[5].

На разных этапах развития конституционализм характеризовался основными идеями:

- во-первых, ограничение самодержавия и введение представительного правления, провозглашение политических и гражданских прав и свобод подданных;
- во-вторых, утверждение верховенства права и законности;
- в-третьих, определение источника суверенитета власти.

Стоит отметить, что идеи, названные выше, находили свое воплощение в различных проектах государственных преобразований, предлагавшихся представителями власти и общественности. Именно конституционные проекты следует считать главным реальным воплощением зарождавшегося отечественного конституционализма, так как в этих проектах идеи конституционализма воплотились в конкретных правовых формах. Поэтому с точки зрения развития идеи конституционализма в России в рассматриваемый период можно наметить четыре основных направления:

- феодально-крепостническое, группировавшееся вокруг Александра I и

[1] Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М., 2002. С. 12.

[2] Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003. С. 24.

[3] Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. М., 2004. С. 221.

[4] Пахоленко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. М., 2000. С. 6.

[5] Адаменко И.Е. Указ. соч. С. 7.

Н.М. Карамзина;

- дворянско-олигархическое, представителями которого были А.Р. Воронцов, Г.Р. Державин и Н.С. Мордвинов, пытавшиеся ограничить права монарха представительным сенатом;
- дворянско-реформистское, представленное М.М. Сперанским, А.П. Куниципым, П.А. Вяземским, которые выдвигали проекты создания различных представительных органов власти;
- дворянско-радикальное в лице декабристов, предлагавших революционное решение вопроса.

Также выделяется официальный конституционализм, исходящий от государственной власти и неофициальный (альтернативный) конституционализм, представляемый идеями и проектами, не нашедшими одобрения официальных властей. Самый яркий пример – конституционные идеи декабристов.

«Конституционализм можно классифицировать также как радикальный и умеренный»[1]. Проект Новосильцева будет служить примером умеренного конституционализма, а «Русская правда» Пестеля – радикального.

«Конституционализм можно разделить на монархический и республиканский»[2]. Проекты, предусматривавшие установление в России конституционной монархии, безусловно, преобладали над республиканскими проектами, что объясняется дворянским характером отечественного конституционализма в рассматриваемый период.

«Отечественный конституционализм подразделяется на внутренний и внешний Внутренний связан с идеями и планами конституционного реформирования внутри страны, к внешнему относилось участие в конституционных реформах за рубежом»[3].

Таким образом, с момента возникновения российский конституционализм складывался сверху, исходил от самой самодержавной власти и представителей дворянских кругов.

Разновидностью конституционализма, который имеет непосредственное отношение к отечественным идеям, является теория происхождения конституционализма, которая подразделяется на теорию автохтонного происхождения, теорию полной рецепции, интеграционную (синтетическую) теорию происхождения[4].

Теория автохтонного происхождения утверждает, что российский конституционализм отличается от своего западного аналога, поскольку имеет специфические черты, сформировавшиеся под влиянием особенностей истории отечественного государственно-правового развития.

Теория полной рецепции, наоборот, опирается на положение о полной заимствованности конституционных идей с запада, их инородном характере для российской действительности.

Интеграционная теория происхождения предполагает, что конституционные идеи в России возникали на основе синтеза западных представлений с уникальным отечественным опытом попыток ограничения самовластия. Полагаем, что данная теория близка к оптимальной, несмотря на утрату традиции народовластия Древней Руси во время монголо-татарского ига и в московский период и лишь частичного их возрождения в виде земских соборов. Все основные идеи дореформенного конституционализма, в т. ч. и самые радикальные из них, имели заимствованный характер. При этом западные идеи конституционализма претерпели определенные изменения, приспосабливаясь к отечественным условиям государственности и менталитету. Это позволяет говорить

[1] Адаменко И.Е. Указ. соч. С. 5.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России. М., 2001. С. 30.

о существовании самостоятельного политико-правового понятия – российский конституционализм, который был, прежде всего, дворянским: он зародился и развивался в дворянском сословии. При этом дворянский конституционализм возник, очевидно, раньше, чем стал официальным. Понятия «дворянский» и «официальный» конституционализм – не тождественны. Так, например, конституционализм декабристов являлся дворянским, но нее был официальным.

К числу внешних предпосылок возникновения идеи конституционализма в России XVIII – начала XIX вв. относится развитие и практические воплощения идей конституционализма на Западе, благодаря чему политико-правовая мысль отечественных последователей имела возможность заимствовать этот зарубежный опыт. Это, прежде всего, опыт таких зарубежных стран, как Франция и США, которые оказали огромное влияние на становление конституционных идей в России.

Французский конституционализм начинает свою историю с принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. Основная идея Декларации заключается в том, что свобода прав человека превыше всего: люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. В основе Декларации лежит принцип народного суверенитета и разделения властей.

В Соединенных Штатах Америки конституция приняла форму единого писанного основного закона. Конституция США старейший и самый краткий в мире основной закон. Она состоит из преамбулы и 7 статей и с некоторыми изменениями (26 поправок) действует до настоящего времени. Для своей эпохи она была выдающимся демократическим и революционным документом. Секрет ее долгожительства кроется в классических и абстрактных нормах, содержащих универсальные конституционные ценности.

Таким образом, относительно к рассматриваемому в данной работе периоду истории конституционализма в России в мире уже сложились основные идеи конституционализма, которые в ряде стран были в той или иной мере реализованы на практике. Это стало важным фактором возникновения идей российского конституционализма.

Однако в стране существовали и внутренние предпосылки появления и развития конституционных идей. Как известно, первые попытки законодательно ограничить власть монарха были предприняты в эпоху Смутного времени, когда семибоярщиной были разработаны условия приглашения на русский престол польского королевича Владислава: он должен был соблюдать порядок управления совместно с Боярской думой и Земским собором.

Также конституционный характер проявился в ряде документов в эпоху Дворцовых переворотов, а именно он нашел свое отражение в «Кондициях» Верховного тайного совета 1730 г. Согласно «Кондициям», Анна Иоанновна без согласия Верховного совета не могла выполнять свои полномочия по государственному управлению. Очевидно за принятием «Кондиций» последовало бы установление в России аристократической республики, но этому не суждено было сбыться, так как Анна Иоанновна публично разорвала их.

Однако необходимо заметить, что во второй половине XVIII в. были созданы ряд проектов, благодаря которым России должна была превратиться в конституционную монархию. Первым проектом, который походил на некое подобие «Конституции» можно считать труд одного из экспертов Уложенной комиссии С.Е. Десницкого «Представления о учреждении законодательной, судебной и наказательной власти в Российской империи». В данном документе говорилось о разделении властей и о преобразовании Сената в Парламент, который будет помогать монарху осуществлять законодательную власть.

Также сама Екатерина II создала конституционный проект, имевший название

«Наказ» Уложенной комиссии. В данном наказе сочеталось два труда: трактат Монтескье и проект Десницкого. Благодаря анализу этих документов, императрица пришла к необходимости правового обоснования абсолютной монархии. Но радикализм многих участников комиссии побудили Екатерину II свернуть проект.

В 1762 г. сановник Н.И. Панин, опираясь на опыт зарубежных стран, прежде всего, Швеции, предложил Екатерине II проект «аристократической конституции». Он предполагал создание Императорского совета, который совместно с Сенатом ограничили бы власть императрицы. Однако Екатерина оставила этот проект нереализованным[1].

После в 1773–1774 гг. Н.И. Панин совместно с Д.И. Фонвизиным создают проект «Фундаментальных прав, непременяемых на все времена никакой властью», который до наших дней он не сохранился. Осталось только вступление к проекту под названием «Рассуждение о непременных государственных законах». В нем утверждается, что данные законы принимаются монархом во имя всеобщей безопасности и они непреложны. Известно также, что в данной конституции предполагалось, что исполнительная власть будет принадлежать императору, а законодательная власть – Верховному сенату и в проекте отразились первые идеи отмены крепостного права. Фактически основа принципов конституции Панина-Фонвизина восходит к шведской модели, т. е. самовластие ограничивается в пользу дворянства. Но стоит отметить тот факт, что идеям Панина не суждено было сбыться, так как Павел I вступил на престол лишь в 1796 г., а самого Панина уже не было в живых.

Также сторонником конституционализма, но по английскому образцу являлся М.М. Щербатов. В сочинении-утопии «Путешествие в землю офирскую шведского дворянина» он размышлял о конституционных взглядах в России, однако жесткие высказывания по поводу придворных нравов не позволили ему воплотить в жизнь свой проект.

В начала XIX в. конституционные проекты впервые были переведены на практическую плоскость: ведь в первый период царствования Александр I всерьез задумался о том, чтобы у России была своя конституция. В это время были разработаны следующие проекты конституционного характера:

- «Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу» канцлера А.Р. Воронцова;
- «Введение к уложению государственных законов» М.М. Сперанского;
- «История государства Российского» Н.М. Карамзина;
- «Государственная уставная грамота Российской империи» Н.Н. Новосильцева.

В 1815 г. Александр I даровал конституцию царству Польскому, но конституцию России он не успел даровать, хотя сам считал, что «судьба народа не должна зависеть от произвола одного человека»[2].

В связи с этими событиями Н.Н. Новосильцев разработал «Государственную уставную грамоту Российской империи» В соответствии ней предполагалось создание двухпалатного парламента и Верховного государственного суда, который защищал бы права и свободы подданных. Хотя грамота и отличалась умеренностью по отношению к власти монарха, но император в данный период уже охладел к идеи конституционных преобразований, и проект реализовать не удалось.

Таким образом, история российского конституционализма – это история

---

[1] Бугров К.Д. Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 38–52.

[2] Цит. по: Чернов К.С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 20, 22.

длительной эволюции его в условиях трансформирующегося российского общества, развитие которого носило циклический характер – от реформ к контрреформам, от контрреформ – к революции. Так же стоит отметить, что в рассматриваемый период развитие идей конституционализма в России осуществлялось, как симбиоз основных теоретических положений западного конституционализма и проектов отечественных государственных реформ, связанных с ограничением самодержавия. В этой связи отечественные идеи конституционализма представляют собой уникальный феномен в политико-правовых идеях функционирования государственной власти в стране. Однако нельзя не согласиться с утверждением И.Е. Адаменко, что «конституционные проекты рассматриваемого периода, как правило, были не реалистичны, не адаптированы к условиям российской действительности. В этом заключается одна из основных причин того, что они не были реализованы на практике»[1].

Источники и литература

1. Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. М.: Профобразование, 2002. 336 с.
2. Адаменко И.Е. Идеи конституционализма в политико-правовой мысли дореформенной России: первая половина XIX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. соц. ун-т, 2005. 20 с.
3. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2003. 263 с.
4. Бугров К.Д. Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 38–52.
5. Кочетков В.В. Конституционализм и система российской власти в конце XIX – начале XX в.. М.: Юрлитинформ, 2014. 646 с.
6. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург: Ур. гос. юрид. акад., 2002. 48 с.
7. Пархоменко А.Г. Конституционализм: становление и развитие в России. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012. 198 с.
8. Пахоленко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. Учеб. пособие. М: Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2000. 83 с.
9. Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2001. 39 с.
10. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.
11. Розина В.А. Электоральное бессознательное: архетипы в политическом консюмеризме // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 2. С. 114–122.
12. Чернов К.С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. 26 с.

[1] Адаменко И.Е. Указ. соч. С. 5.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-30

А.С. Сальманов*

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРИНЯТИЯ ПОДДАНСТВА РОССИИ ЗАУРАЛЬСКИМИ БАШКИРАМИ (НА ПРИМЕРЕ РОДА КАРА-ТАБЫН)

Аннотация. Проблема вхождения зауральских башкир в состав российского государства в работах исследователей рассматривалась лишь в контексте общего вопроса принятия российского подданства всего народа. В связи с этим до сих пор остается слабо изученными ряд вопросов вхождения зауральских (или восточных башкир). Зауральские башкиры с давних времен были связаны с сибирскими татарами, что всегда отражалось на этнополитической истории башкир. Поэтому в исторической науке не теряет свою актуальность изучение этнополитической истории восточных башкир, в том числе вопрос принятия ими российского подданства. Наиболее значимым среди зауральских башкир является восточнотабынская группа башкир, состоящая из трех племен. В этой группе самым крупным является башкирский род *кара-табын*, являвшийся одной из главных опор сибирского хана Кучума и его потомков. Вопрос вхождения зауральских башкир в состав России следует рассматривать в призме этнополитической истории рода *кара-табын*.

Ключевые слова: зауральские башкиры, подданство России, этнополитическая история.

В науке утвердилось мнение, что башкиры принимали российское подданство по родам[1]. Вхождение в состав России восточных *табынцев* было напрямую связано с родом *кара-табын*. Р.Г. Кузеев отмечает, что правящему роду восточнотабынской группы башкир – *кара-табынцам* была выдана жалованная грамота на владение землей, включавшей в себя территории расселения племени *кувакан* и табынских родов – *барын-табын*, *теляу-табын* и *кубаляк-табын*. Кара-табынская волость включала в себя все земли восточных *табынцев*. Она занимала довольно обширную территорию: на юге – до вершины р. Кизил (Большой Кизил на территории современного Абзелиловского района Республики Башкортостан), где «на горе Аикар поставлен знак Бурзенской волости» по р. Уй до впадения ее в р. Тобол; на западе – до р. Белой и вверх по ее течению в Зауралье; на севере – от среднего течения р. Ай на восток по р. Миасс до р. Тобол; на востоке – «до устья р. Уя и до степи, состоящим за р. Тоболом» (сегодня это Челябинская и Курганская области)[2].

Северо-восточные башкиры, в т. ч. восточные *табынцы*, по мнению ряда исследователей, вошли в состав России в начале XVII в. По А.Н. Усманову, *табынцы*, *сынрянцы* и отчасти *мякотинцы* вошли в состав России после окончательного разгрома Сибирского ханства в процессе борьбы с сыновьями Кучума. Автор не указывает точную дату, но пишет, что после разгрома и пленения царевича Али в 1608 г. «в стане Кучумовичей башкир не осталось»[3]. С.У. Таймасов и С.И. Хамидуллин склонны полагать, что зауральские башкиры, в т. ч. восточные *табынцы*, приняли российское подданство приблизительно в одно время с другими башкирами[4]. Однако после восстановления

* ***САЛЬМАНОВ Азат Салаватович*** *— кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел этнологии; младший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; azat-salmanov@mail.ru.*

[1] Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 21; Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2016. С. 220.

[2] Зарипов А.Б. К истории башкирского «иля» Табын. URL: http://forum.bash-portal.ru/index.php/topic/4690-статья-табын-иле-зарипова-аб/ (дата обращения: 29.11.2019); Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Собр. науч. трудов: В 7 т. Уфа, 2016. Т. 4. С. 227.

[3] Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, 1982. С. 178.

[4] Хамидуллин С.И. Очерк истории башкир рода Табын // История башкирских родов: Табын. Уфа, 2017. Т. 28. Ч. 1. С. 46; Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009. С. 83.

династии по линии Шибана в Сибирском юрте в 1563 г. многие из зауральских башкир «отказались от русского подданства и присягнули своим старинным сюзеренам: хану Муртазе, затем его сыну Кучуму, а после гибели последнего его сыну ‘Али»[1]. По И.Г. Акманову, присоединение зауральских башкир к Русскому государству происходило с 80-х гг. XVI в. до первых десятилетий XVII в.[2] Исследователь считает, что зауральские башкиры входили в состав России в обстановке войны. Во второй половине 1580-х гг. вошли башкирские племена «*Кудей*, *Айлы*, *Катай*, *Сызгы*, *Салжиут* и др.». А в 1620-х гг. приняли российское подданство наиболее дальние племена – *кара-табын*, *барын-табын* и *сынрян*[3].

К сожалению, указанные исследователи не приводят какой-либо источник, который бы прямо свидетельствовал о вхождении в состав России восточных *табынцев*. Они ставят *табынцев* в один ряд с другими башкирскими родоплеменными объединениями, не учитывая особого положения объединения *табын* в Сибирском юрте. Кроме того, исследователи упускают из виду тот факт, что восточные границы присоединенных башкирских земель не были отчетливыми. Как отмечали Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов и С.Н. Шитова, восточные пределы башкирских земель в Зауралье были «особенно неопределенными»[4]. Это, конечно, было связано с тем, что неопределенным оставался статус восточных *табынцев*, относившихся к восточной группе башкир.

Еще в XIX в. В.А. Новиков писал об отсутствии «точных исторических данных» касательно времени принятия башкирами подданства России. По его мнению, это произошло после того, как московские воеводы, посланные для усмирения народов бывшего Казанского ханства, «громили князей и воинства басурманския», дойдя «до Башкирска языка, иже по Каме реке вверх до Сибири протязается; и что их было остались, те покоришася». Следствие указанных военных действий исследователь видит в том, что царь Иван IV в своем завещании поручает сыну своему Казанское царство уже «с Башкирдою»[5].

Д.Ж. Валеев отмечает, что по источникам присоединение Башкирии к России не было единовременным, башкиры различных регионов вошли в состав Русского государства в разное время. Исследователь пишет, что вхождение зауральских и северо-восточных башкир в состав Русского государства «фиксируется лишь условно» – начиная с 20-х гг. XVII в. Он придерживается мнения Ш.И. Типеева, по которому окончательное завоевание Башкирии относится лишь к 1740–1750 гг.[6]

Ш.Н. Исянгулов отмечает слабую изученность истории Башкортостана и башкир XVI в. Он приходит к заключению, что «процесс вхождения племен и родов растянулся на полтора столетия и не мог произойти за 5 лет, как утверждает историк А.Н. Усманов», монографии которого «во многом морально устарели»[7]. Т. е. Ш.Н. Исянгулов является сторонником идеи, по которой вхождение башкирских племен растянулось до начала XVIII в. Следуя этой точке зрения, восточные *табынцы* приняли подданство не ранее начала XVIII в., так как из всех башкир восточные *табынцы* вошли в состав России последними.

---

[1] Хамидуллин С.И. Указ. соч. С. 46.

[2] Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016. С. 48.

[3] Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007. С. 73.

[4] Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Собр. науч. трудов: В 7 т. Уфа, 2015. Т. 2. С. 315.

[5] Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. СПб., 1878. С. 8–9.

[6] Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 44–46.

[7] Исянгулов Ш.Н. Проблема вхождения башкирских племен в состав Русского государства // Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана: Сб. ст. Уфа, 2008. С. 67.

В вопросе принятия башкирами российского подданства исследователи часто опираются на шежере башкир племен *бурзян, кыпсак, усерган* и *тамьян*, по которому эти племена вошли в состав Русского государства после падения Казанского ханства при Иване IV[1]. Однако Ш.Н. Исянгулов приводит ряд доказательств, по которым описанные в преданиях и шежере события произошли в первой половине XVII в. Например, действующие лица, представлявшие указанные племена башкир, жили в период правления Алексея Михайловича Романова. По мнению исследователя, в 1550-е гг. в состав Русского государства вошли западные башкиры, ранее входившие в Казанское ханство[2]. Тем самым Ш.Н. Исянгулов подтверждает мнение А.-З. Валиди Тогана, который считал, что только западные башкиры, жившие по р. Кама, платили налоги в царскую казну. Поэтому Иван IV в 1572 г. использовал выражение «Казанское ханство и Башкурдия». А.-З. Валиди Тоган пишет, что до 1586 г., т. е. до прихода русских, захвативших крепость (Уфа) и превративших ее в русскую, в Башкирии правили ногайские мурзы. Он приводит слова Урус-мурзы: «эти башкиры и остяки – в моем подданстве, подати платят мне. Против попыток русских правителей крепостей превратить их в своих подданных, принуждая платить им подати, я буду бороться со всей решительностью». Но даже после 1586 г. лишь незначительная часть башкир приняла русское подданство[3]. В этой связи Ш.И. Типеев отмечает, как в ходе постепенного завоевания башкирских родов изменяется численность подданных царя в Башкирии. Так, царем Алексеем Михайловичем была выдана жалованная грамота для башкир из 300 дворов[4]. По словам А.-З. Валиди Тогана, подданных русского царя у башкир в 1629 г. было всего 888 дворов, а в 1635 г. их число достигло 2217 дворов[5].

Южные башкиры из-за ослабления ногайцев решили принять российское подданство с целью закрепить за собой земли, принадлежавшие ногайскому правителю. Ш.И. Типеев пишет, что тарханы «воспользовались завоеванием ханской ставки для закрепления за собой земли династии *ногаев*»[6]. Причем это было сделано в кочевых государственных традициях. В шежере четко обозначаются «одинаково знатные люди» из племен *бурзян, кыпсак, усерган* и *тамьян*[7], которые являются теми «представителями земли», благодаря которым образовывается новая политическая структура.

Восточные *табынцы*, тесно связанные с западносибирскими татарами, подобно последним, могли долгое время сохранять идею своей государственной независимости[8]. В тот период общая геополитическая ситуация зависела от того, кто перетянет «ордынский пояс». По мнению А.В. Головнева, Москва выступила в роли победоносной державы. При этом сибирские князья следовали за казанцами, астраханцами, *ногаями*, башкирами, а бухарские ханы, подобно крымским, пытались удержать за собой «ордынский пояс»[9]. Так образовалась «линия антирусски настроенных полукочевых государств», когда под влиянием Крымского и Сибирского ханств начались выступления и в Ногайской Орде[10].

Башкирские *табынцы*, в отличие от сложившейся пророссийской структуры

---

[1] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере // Собрание научных трудов: В 7 т. Уфа, 2015. Т. 2. С. 90.

[2] Исянгулов Ш.Н. Указ. соч. С. 62–67.

[3] Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа, 2010. С. 284, 43–44.

[4] Типеев Ш.И. Указ. соч. С. 20.

[5] Валиди Тоган А.-З. Указ. соч. С. 44.

[6] Типеев Ш.И. Указ. соч. С. 20.

[7] Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. С. 90.

[8] Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 5.

[9] Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 458.

[10] Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008. С. 256.

южных башкир (*бурзян*, *кыпсак*, *усерган* и *тамьян*), были в лагере сторонников «старого ханства», так как унаследовали золотоордынские традиции. Одним из исследователей, выявивших эти особенности, стал И.И. Буляков. По его мнению, наиболее активными сторонниками сибирских царевичей Шибанидов оставались башкирские *табынцы*, кочевавшие в верховьях рр. Яик и Миасс. Эта часть зауральских башкир, имевшая связи с сибирскими татарами, до 30-х гг. XVII в. не признавала российского подданства и поддерживала антирусские действия хана Кучума и его сыновей как закономерное следствие сохранения верности потомкам Чингисхана[1]. К сожалению, и И.И. Буляков, говоря относительно указанного времени, не приводит ссылку на источник.

По мнению Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова и С.Н. Шитовой, с начала второй половины XVI в. часть зауральских башкир приняла подданство русского царя, но «некоторые племена и роды были вовлечены Кучумовичами в борьбу против России»[2]. А.З. Асфандияров, соглашаясь с мнением исследователей о затянувшемся процессе включения башкир Сибирской дороги в состав России, указывает, что отдельные племена и роды (около 40% сибирских башкир) «долгое время» добровольно находились на стороне Кучумовичей[3]. По Б.А. Азнабаеву, часть башкир, отказавшись входить в состав России, откочевала к ее противникам и принимала активное участие в военных выступлениях[4].

Со временем, после поражений Кучума от русских гарнизонов, его позиции сильно пошатнулись, что отразилось на башкирских *табынцах*. Г.Ф. Миллер передает, что в 1596 г. при «тюменской войне» служилые люди приходили из Тюмени в Каратабынскую волость «воевать», из-за чего башкиры «живут ежегод в бегах хороняся, и государева де им ясаку, живучи в бегах, от тюменские войны добыти нельзя»[5].

По устоявшемуся в дореволюционной историографии мнению, год поражения Кучума – 1598 г. – «нужно считать годом окончательного утверждения русских в Сибири»[6]. Однако такое видение справедливо только к некоторой части Сибирского юрта. П.А. Словцов отмечает, что завоевания территории Сибири «не всегда шли от севера к югу, а иногда от середины к северу и опять от севера к югу, в виде огромной латинской буквы W»[7]. Несмотря на поражения Кучума в 1580-х гг., по мнению Д.Н. Маслюженко, восточные и южные земли в степной и лесостепной частях Сибирского ханства «продолжали оставаться под контролем как самого хана, так и его потомков»[8]. Исследователь считает, что титулатура Кучумовичей и ее периодическое признание русскими царями скорее говорит о них как о «правителях отдельного улуса», который мог существовать на протяжении всей первой половины XVII в.[9] По мнению западных исследователей, Кучумовичи являлись «царями тюменскими» до 1659 г.[10]

П.И. Небольсин подчеркивает, что при подчинении Сибири восточные границы России стали проходить с севера по Оби, далее по Иртышу, потом по Тоболу и, наконец,

---

[1] Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа, 2012. С. 88.

[2] Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Указ. соч. С. 316.

[3] Асфандияров А.З. Присоединение северо-восточных башкир // История башкирского народа: В 7 т. Уфа, 2011. Т. 3. С. 57.

[4] Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 194.

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 185–186.

[6] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 50.

[7] Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2014. С. 62.

[8] Маслюженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // Татары. М., 2017. С. 176.

[9] Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история… С. 5.

[10] Лэн-Пуль С. Монголы XIII–XVIII вв. // История монголов. М., 2008. С. 470; Шурц Г. История человечества: Средняя Азия и Сибирь. СПб., 2004. С. 186.

по Иргизу[1]. В первых десятилетиях XVII в. Кучумовичи находились в верховьях Ишима и Тобола, что находит подтверждение в некоторых европейских картах («Zibier Tartarorum Horda»)[2]. О независимом от русских положении кочевников за Тоболом говорит и строительство острогов «Южной линии», служивших «для ограждения от набегов со степей Миасской, Исетской и Абатской»[3]. Например, в 1610 г. совершали грабительские набеги «ногайские татары» с верховьев Тобола и Миасса[4]. Возможно, это были зауральские башкиры, обитавшие на указанной территории.

После разгрома Кучума башкирские *табынцы* и *сынрянцы* ушли с его улусом в степь, составив главную боевую силу отрядов Кучумовичей в первой половине XVII в.[5] Они фигурируют в источниках как «гонебные татары» Табынской волости, переселившиеся «с Уфы на Тюмень жити»[6]. Уфимский воевода Михаил Нагой *табынцев* и *сынрянцев* относил к «людям» Каная и Алея[7]. Известно, что в 1600 г. *табынцы* и *сынрянцы* кочевали возле Ишима с четырьмя сыновьями Кучума[8]. В том же году эти четыре сына Кучума – Али, Канай, Азим и Кубей-Мурат зафиксированы и у оз. Чебаркуль, имея при себе 250 чел. «беглых татар и башкир»[9].

В 1601 г. старший сын Кучума – Али приобретает ханский титул, признаваемый сибирскими татарами и русской администрацией. В исторической памяти сибирских татар он стал последним сибирским ханом, а по документам значился «сибирским царевичем» или «сибирским царем». В 1601 г. «подданными» Али являлись зауральские башкиры из племен *сынрян* и *бикатин*. Затем к нему присоединились 400 башкирских *табынцев* и 300 *ногаев*[10]. По А.-З. Валиди Тогану, его войско состояло из родов *шырын* и *табын*[11].

В 1606 г. Али готовил поход на башкир Уфимского уезда, из-за чего бежали «Айские и Челзеуцкие волости». При этом войско Али состояло в основном из башкирских «*тобынцов*, и *сынрянцов*, и нагайцов человек с 1 000»[12]. Однако в 1607 г. в двух походах казаки тюменского воеводы М.М. Годунова на Ишиме разгромили Кучумовичей, после чего Али бежал к *ногаям*. Примерно в 1608 г. Али попал в плен к русским властям, после чего его сын Арслан и внук Саид-Бурхан были царями Касимовского ханства[13].

Утемиш-хаджи передает, что при Али-хане «юрт расстроился и распался» – были захвачены русскими «юрты Башкурт, Алатыр, Мокша». В связи с этим для объединения войск Али пришел к *ногаям*. Однако сын Тин-Ахмета ногайский мурза Иштирак отказал Кучумовичу и даже позволил себе ограбить хана – силой отобрал жену Кулу Джихан и деньги, оставшиеся от отца Кучума[14]. А.-З. Валиди Тоган пишет, что причиной отказа Иштирака являлось принятие им русского подданства. При возвращении от него у Али на Яике умер сын, которого Кучумович похоронил вблизи Уфы «в месте захоронения ханов». Воспользовавшись бедой хана, русские «неожиданным нападением» взяли его в

[1] Небольсин П.И. Покорение Сибири. М., 2014. С. 133.

[2] Трепавлов В.В. Кучумовичи в Сибири: борьба за реванш // Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 131.

[3] Словцов П.А. Указ. соч. С. 63.

[4] Щеглов И.В. Указ. соч. С. 57.

[5] Хамидуллин С.И. Указ. соч. С. 49.

[6] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 21.

[7] Азнабаев Б.А. Башкирское общество… С. 270.

[8] Буляков И.И. Указ. соч. С. 89.

[9] Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774. С. 240.

[10] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 78, 76, 83.

[11] Валиди Тоган А.-З. Указ. соч. С. 45.

[12] Азнабаев Б.А. Башкирское общество… С. 273.

[13] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 81–82.

[14] Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017. С. 84.

плен[1].

По мнению В.В. Трепавлова, с поражением Али жители Сибирской дороги почувствовали бесперспективность сопротивления русской экспансии. После победы над Али и его пленения наступает временное смирение восточных башкир, причем, некоторые зауральские группы, прежде всего *табынцы*, в отличие от других башкир не получили от правительства вотчинных прав на свои земли. Правительство смогло беспрепятственно развернуть строительство крепостей и острогов. Но ученый обращает внимание на то, что у Кучумовичей все еще продолжали находиться башкирские соратники, хотя и не в массовом масштабе. Вынужденная и, как оказалось впоследствии, временная покорность зауральских башкир после пленения преемника Кучума – его сына Али не означала отсутствие в стане Кучумовичей башкир – к *табынцам*, остававшимся верными Шибанидам, присоединялись представители других родовых групп башкир (*кыпчак*, *кудей*, *айле*), сибирских татар (*аяла-табын*) и казахов (*кыргыз-табын*)[2].

Возможно, именно после пленения Али был отдан властям первый башкирский заложник (аманат), полулегендарный Сурабан из рода «Голубь» восточных *табынцев*, «насильственно включенных в состав Русского государства»[3]. По мнению Б.А. Азнабаева, из всех башкирских племен российская власть обязала выдавать воеводам заложников-аманатов только *табынцев*[4]. Однако указанный аманат так и остался единственно известным аманатом башкирских *табынцев*. Это могло быть связано с тем, что позднее, как будет показано ниже, политическая обстановка в Зауралье изменилась и восточные *табынцы* вновь перестали быть зависимы от русской администрации.

В начале XVII в. Русскому государству из-за смуты было не до башкир, которые видели ослабление государства. Поэтому Ш.Н. Исянгулов полагает, что башкирские племена не могли в то время принимать российское подданство[5]. А.З. Асфандияров отмечает, что еще в 1615 г. опору войска сыновей Кучума составляли *табынцы* и *сынрянцы* (600 чел.). Долгое время в стане Кучумовичей находились и другие северо-восточные башкиры – часть *айлинцев*, *кувaканцев* и *мякотинцев*[6]. По мнению исследователя, северо-восточные и зауральские башкиры до 20–30-х гг. XVII в. оставались в составе войск Кучумовичей[7].

После строительства Уфы образовался Уфимский уезд с достаточно условными границами. С этого момента Казань утратила роль административного центра башкирского края, но и Уфа не унаследовала подобных полномочий, и какая-то часть башкир не входила в Уфимский уезд[8]. Известно, что зауральские волости башкир, которые не приняли российское подданство, не были включены в состав Уфимского уезда и подвергались постоянным нападениям со стороны казаков и сибирских служилых людей[9].

Таким образом, степи от Тобола до Иртыша не были подконтрольны русскому правительству и являлись территорией улуса Кучумовичей. Очевидно, племенная верхушка восточнотабынских родов кочевала к востоку от Тобола и, будучи в стане Кучумовичей, не являлась подданными русских царей. Как указывалось, земли восточных *табынцев* на востоке доходили до степи, находившейся за Тоболом. Известно, что

[1] Валиди Тоган А.-З. Указ. соч. С. 45–46.

[2] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 87–88.

[3] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 45.

[4] Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии… С. 77.

[5] Исянгулов Ш.Н. Указ. соч. С. 66.

[6] Асфандияров А.З. Присоединение северо-восточных… С. 57.

[7] Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения… С. 24.

[8] Буляков И.И. Указ. соч. С. 93, 97.

[9] Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии… С. 77.

отдельные группы башкир в составе отрядов Кучумовичей переходили р. Тобол и кочевали в долине р. Ишим. Видимо поэтому восточная граница подконтрольных русским башкирских земель оставалась призрачной[1]. Очевидно, что неопределенность восточных границ Уфимского уезда возникла во многом благодаря появлению калмыков. По В.В. Трепавлову, в начале XVII в. на сибирских границах Московского государства «все более ощущалось соседство калмыков»[2].

Источники и литература

1. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 230 с.
2. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 368 с.
3. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
4. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
5. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
6. Асфандияров А.З. Присоединение северо-восточных башкир // История башкирского народа: В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2011. Т. 3. С. 56–58.
7. Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
8. Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 224 с.
9. Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
10. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
11. Зарипов А.Б. К истории башкирского «иля» Табын. URL: http://forum.bash-portal.ru/index.php/topic/4690-статья-табын-иле-зарипова-аб/ (дата обращения: 29.11.2019).
12. Исянгулов Ш.Н. Проблема вхождения башкирских племен в состав Русского государства // Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана: Сб. ст. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2008. С. 55–67.
13. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере // Собр. науч. трудов: В 7 т. Уфа: Китап, 2015. Т. 2. С. 29–312.
14. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Собр. науч. трудов: В 7 т. Уфа: Китап, 2016. Т. 4. С. 9–527.
15. Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Собр. науч. трудов: В 7 т. Уфа: Китап, 2015. Т. 2. С. 313–470.
16. Лэн-Пуль С. Монголы XIII–XVIII вв. // История монголов. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. С. 436–476.
17. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.
18. Маслюженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // Татары / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2-е изд., доп., перераб. М.: Наука, 2017. С. 161–177.
19. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 2. 796 с.: карты.
20. Небольсин П.И. Покорение Сибири. М.: Вече, 2014. 352 с.
21. Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1878. 131 с.
22. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2014. 512 с.
23. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
24. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. 344 с.
25. Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башк. гос. изд-во, 1930. 222 с.
26. Трепавлов В.В. Кучумовичи в Сибири: борьба за реванш // Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. С. 13–162.

[1] Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Указ. соч. С. 315.

[2] Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 78.

27. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа: Башкнигоиздат, 1982. 336 с.
28. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и науч. редакция И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
29. Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774. 631 с.
30. Хамидуллин С.И. Очерк истории башкир рода Табын // История башкирских родов: Табын. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2017. Т. 28. Ч. 1. С. 17–122.
31. Шурц Г. История человечества: Средняя Азия и Сибирь. СПб.: Полигон, 2004. 204 с.: ил.
32. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-31

Н.Л. Семенова*

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII–XIX вв. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать основные историографические подходы к изучению проблемы эффективности местного государственного управления в Российской империи в XVIII–XIX вв. Автор подчеркнула, что категория «эффективность» носит междисциплинарный характер и сегодня достаточно широко используется в исторических исследованиях. Сложность определения эффективности местного управления для историков связана с отсутствием четких и измеряемых критериев. Анализ работ зарубежных и отечественных ученых, затрагивающих указанную проблему, позволил сделать вывод, что определение «эффективности» местного управления предполагает анализ целого комплекса показателей, условий и факторов, которые могут ее обеспечивать.

Ключевые слова: эффективность управления, Российская империя, историография, рациональная бюрократия, неоинституциализм, местное управление.

В последние два десятилетия в отечественной историографии государственного управления Российской империи появились новые исследовательские сюжеты: антропология власти, административная и политическая культура российской провинции, взаимодействие имперских управленческих структур и местных сообществ. Историки перешли к постановке и теоретическому осмыслению ключевых проблем развития государственности: модели управления, сложившиеся в Российской империи; механизмы и технологии власти в отдельных макрорегионах и губерниях. Сегодня оформилось научное направление, изучающее эффективность местного управления в отдельных регионах Российской империи.

Понятие «эффективность» первоначально появилось в экономической теории и в менеджменте, связывалось с прибылью. В современной науке она понимается как междисциплинарная категория, которая означает достижение политикой, управлением или конкретной системой мер поставленных целей и задач.

Благодаря работам М. Вебера стали изучать эффективность управления, рассматривая эту категорию как «…совокупность, включавшую производительность, расширение масштабов управления и снижение затрат» и связывая ее с построением рациональной структуры управления[1]. Согласно теоретическим построениям М. Вебера, эффективная модель управления – это рациональная система, основанная на следующих принципах: иерархичность; господство правил, инструкций, регламентов, позволяющих вести дела единообразно; безличный характер отношений между чиновниками; специальные знания представителей государственного аппарата.

Важным условием эффективной работы бюрократического «ведомства» М. Вебер считал «ведомственную компетентность», т. е. строго определенное «распределение необходимых для целей регулярных видов деятельности в качестве должностных обязанностей»; властные полномочия, распределенные в определенном порядке и применение «необходимых для них средств принуждения строго ограниченного правилами»; исполнение установленных обязанностей благодаря назначению чиновников,

* ***СЕМЕНОВА Наталия Леонидовна*** *— кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра истории Отечества и МПИ; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; natalja_leonid@mail.ru.*

[1] Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления. М., 2011. С. 4.

«обладающий квалификацией, регламентируемой в универсальном порядке»[1]. Таким образом, только бюрократическое управление и рациональная бюрократия, согласно выводам М. Вебера, были способны обеспечить эффективное управление.

Выделенные М. Вебером методологические принципы в социологии, могут быть широко использованы в историческом исследовании. Во-первых, потому, что «социологическая теория М. Вебера выросла на широком историческом материале и сконструирована для того, чтобы снова быть приложенной к истории»[2]. Во-вторых, созданная ученым модель идеальной (рациональной) бюрократии имеет характер аналитического эвристическое средства, с помощью которого можно выявить характерные черты и использовать их для сравнительно-исторических исследований, в т. ч. при изучении государственного аппарата и российского чиновничества.

Американский ученый XX в. в области экономических и социальных наук Г. Саймон сделал вывод о том, что на эффективную работу какой-либо организации влияет большое количество факторов, которые необходимо учитывать: наличие обоснованной правовой базы, профессионализм чиновников, отлаженные и надежные каналы поступления информации[3]. «Набор» этих факторов меняется: под воздействием внешних и внутренних обстоятельств возникают новые ситуации, имеющие свои последствия[4]. Ученый разделил «рациональность выбора», под которой он понимает степень адекватности выбранных решений, и «эффективность процедур», которые используются для принятия решений[5]. Выводы Г. Саймона могут быть использованы при анализе технологий власти, т. е. механизмов обсуждения и принятия решений на том или ином уровне государственного управления.

В новейших исследованиях по истории государственного управления используются выводы одного из основоположников неоинституционализма Д. Норта, предложившего учитывать при оценке эффективности разных государств анализ состояния институтов[6]. Именно институты задают, выражаясь словами Д. Норта, правила игры, а игроками выступают организации, к которым ученый отнес политические органы, государственные учреждения, партии, общественные и образовательные учреждения.

Новизна подхода Д. Норта состоит в том, что он проводил исследования в области экономической истории, используя современные методы статистического анализа и математического моделирования для оценки исторических событий и их значения для будущего[7]. Прошлое он трактует как процесс институционального развития. Ученый выделил формальные и неформальные институты, «правила поведения», которые зависят от «траектории предшествующего развития». «Правила поведения» диктуются общественными нормами поведения, привычками, традициями, т. е. «независимо от вашего отношения к прошлому необходимо считаться с тем, к чему привыкли люди» – утверждает ученый. Д. Норт пришел к выводу, что невозможно понять ход истории (и состояние современных экономик) не признавая роль идей, «организованных идеологий и даже религиозного фанатизма»[8]. Больше всего на возникновение эффективных институтов влияют неформальные структуры[9]. Таким образом, результаты исследований Д. Норта дают новый инструментарий для анализа функционирования

---

[1] Вебер М. Бюрократия // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1 (34). С. 11.

[2] Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии // Вестник Московского ун-та. 2011. № 4. С. 159.

[3] Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 27.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

[7] Там же. С. 8.

[8] Там же. С. 65.

[9] Там же. С. 175.

местного управления, технологий власти, с учетом «неформальных правил»: традиций, привычек, роли протекции, места коррупции и должностных преступлений, особенностей осуществления надзора в системе местного управления.

Определение эффективности системы государственного управления представляет собой самостоятельную и сложную задачу, прежде всего потому, что отсутствуют четкие и измеряемые критерии. По словам О.В. Гаман-Голутвиной в государственном управлении отсутствуют такие точные показатели результатов, каким в коммерческом секторе является прибыль[1]. Как полагает ученый, в общем смысле эффективность представляет собой как «отношение чисто положительных результатов и допустимых затрат, как увеличение отдачи на единицу ресурса в единицу времени»[2]. Кроме того, важным параметром выступает качество субъекта управления – корпуса государственных служащих.

Доктор политических наук И.А. Иванников убежден, что эффективность государственной власти – это соотношение между фактическим социальным результатом и целями властвования, отражающими объективные потребности прогрессивного развития общества, при минимальной затрате времени, средств, сил и минимальными негативными последствиями[3]. Он предложил выделить четыре критерия, которые обеспечивают эффективность государственной власти: оптимальная форма государства, гласная государственная кадровая политика, профессионализм и высокая политико-правовая культура государственных служащих, продуманная внешняя политика[4].

Таким образом, значительная часть представителей зарубежных и отечественных социально-гуманитарных наук связывают эффективность с достижением результатов управления с учетом затрат на их выполнение. При этом важнейшим критерием эффективности является качественная характеристика корпуса государственных служащих.

В последние десятилетия в отечественной науке к исследованию проблемы эффективности государственного управления Российской империи вплотную подошли не только политологи, социологи, но и историки. Доктор исторических наук С.В. Любичанковский исследовал качество функционирования и уровень эффективности губернской администрации в конце XIX – начале XX в. (1892–1914 гг.), используя «равновесную» парадигму (структурно-функциональный анализ)[5]. При этом он исходил из того, что система управления представляет собой динамичную систему, в которой составляющие ее институты постоянно меняются, приспосабливаясь друг к другу.

Само понятие «эффективность» С.В. Любичансковский понимает как оценку достигнутых результатов по отношению к поставленным задачам. Исходя из этого, автор выделил несколько «уровней» или «степеней» эффективности: эффективное функционирование органов управления – достижение «содержательных» и «методических» параметров заданного результата; неэффективное функционирование органа – не достижение содержательных параметров заданного результата; высокоэффективное функционирование органов управления – достижение и превышение содержательных и методических параметров заданного результата; малоэффективное – достижение содержательных и не достижение методических параметров заданного результата[6].

---

[1] Гаман-Голутвина О.В. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 51.

[2] Там же.

[3] Иванников И.А. Эффективность государственной власти в России: теоретико-политологический аспект: Автореф. дис. … докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 16.

[4] Там же.

[5] Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара, 2008. С. 89.

[6] Там же. С. 81.

Под содержательными понимаются параметры, относящиеся к объекту управления; под методическими – те, которые относятся к способу достижения содержательных параметров[1]. Т. е. выделенные уровни эффективности оценивают цель деятельности и методы ее достижения.

Особый интерес представляют критерии для оценки деятельности губернского коронного управления, выделенные С.В. Любичанковским: правовая основа функционирования местных органов управления; кадровый потенциал административных учреждений; способы принятия и реализации решений, или технологии власти; контроль за деятельностью местных органов со стороны центральных органов; проекты реформирования местного управления[2]. С.В. Любичанковский признает, что в настоящее время не существует универсальных методик определения эффективности государственных учреждений[3]. Все они являются индивидуальными, применяют социологические методы и используют материалы организованных проверок. Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что в понятие «эффективность функционирования» заложен лишь учет «официальных» целей учреждения, «тогда как на деле у каждой организации всегда существует комплекс собственных целей»[4]. Поэтому задача историка состоит в анализе баланса целей системы управления. По мнению С.В. Любичанковского, возможным исследовательским подходом к решению этой задачи может стать концепция внутреннего кризиса аппарата государственного управления, которая предполагает такое равновесное состояние государственного учреждения со средой, при котором баланс между личными интересами сотрудников учреждения и официально поставленными перед ними задачами нарушен в пользу первых[5].

Признаками внутреннего кризиса государственного учреждения являются те характеристики функционирования учреждения, которые указывают на низкое качество выполнения его сотрудниками своих обязанностей и на малую продуктивность их работы[6]. С.В. Любичанковский предлагает свое понимание «уровней кризиса»: низкий, средний и высокий, каждому из которых он определяет свои признаки. Однако, при использовании данного подхода важно задействовать максимально широкий круг источников, поскольку отдельные виды и типы могут фиксировать только отдельные признаки уровней кризиса. По мнению ученого, предлагаемая им модель позволяет сосредоточиться на анализе интегрального показателя оценки эффективности управления.

В 2008 г. по инициативе С.В. Любичанковского Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН и Поволжский филиал Института российской истории РАН (г. Самара) провели заочную дискуссию по теме: «местное управление Российской империи и ее Урало-Поволжского региона в пореформенный период: механизмы власти и их эффективность» с тем, чтобы объединить интеллектуальные усилия специалистов в области истории регионального управления для решения «междисциплинарной проблемы»[7].

Доктор исторических наук В.М. Марасанова уверена, что анализировать эффективность деятельности местного аппарата управления можно на основе того, как учреждения «содействовали разрешению социальных конфликтов» и какой вклад вносили в экономическое и культурное развитие провинции, как сотрудничали с разными

[1] Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 82.
[2] Там же. С. 89.
[3] Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010. С. 82.
[4] Там же. С. 83.
[5] Там же. С. 84.
[6] Там же. С. 85.
[7] Там же.

социальными группами[1]. Признавая, что категория «эффективность» является универсальной характеристикой местного управления, И.Т. Шатохин полагает, что она представляет собой сумму локальных составляющих и зависит от региональных особенностей[2]. Критерием определения эффективности местного управления является изучение того, как деятельность управленческих структур воспринималась управляемыми – учреждениями, сословными, профессиональными корпорациями, подданными.

Ряд исследователей (Е.П. Баринова, Д.А. Старков, В.А. Воропанов, К. Годин) высказали точку зрения, что эффективность должна рассматриваться во многих отношениях: социальном, экономическом, политическом, с точки зрения реализации целей правительства[3].

В отличие от всех участников организованной дискуссии, профессор А.Н. Бикташева предложила конкретно-исторические критерии определения эффективности местного управления в XIX в.[4] Прежде всего, она обратила внимание на сложность изучения технологий власти, ввиду «скрытого» характера информации в исторических источниках. Вместе с тем, А.Н. Бикташева выделила «вполне устойчивый набор показателей, наполняемость которых позволяла центральной власти ориентироваться в хозяйственной, административной, идеологической жизни губерний и оценивать управленческую деятельность местной администрации»[5]. На основе сопоставления структуры губернаторских отчетов и инструкций сенаторам для проведения проверок, ученый выделила наиболее общие, устойчивые, часто повторяющиеся показатели: скорость и «успех течения дел» по губернскому правлению, количество происшествий по губернии, состояние повинностей и недоимок, количество поданных жалоб[6]. Причем А.Н. Бикташева предлагает определенную эволюцию показателей: в первой четверти XIX в. правительство основное внимание уделяло делопроизводственным показателям, а во второй четверти – хозяйственным критериям[7].

В новейших отечественных исследованиях проблему эффективности государственного управления в Российской империи затронул доктор исторических наук Б.Н. Миронов. Он считает, что она зависит от величины аппарата, территории управления, инфраструктуры, объема делопроизводства, профессионализма чиновников, продолжительности рабочего времени, организации труда и от грамотности управляемого населения[8]. По всем этим критериям Россия уступала развитым европейским государствам, что негативно сказалось на степени и управляемости и эффективности управления, позволив ученому сделать вывод о недоуправляемости[9]. Огромные расстояния при слабо развитых информационной и транспортной инфраструктурах не позволяли российскому правительству эффективно управлять окраинами, по крайней мере до появления железных дорог и электрического телеграфа.

Однако, Б.Н. Миронов убежден, что совершенствование системы государственных учреждений, улучшения в организации их работы, повышение требований к служебной годности чиновников способствовали росту эффективности государственного управления[10]. По подсчетам Б.Н. Миронова, нагрузка на чиновника, с точки зрения делопроизводства, в XIX – начале XX в. возросла феноменально – примерно в 15 раз,

[1] Местное управление в пореформенной России… С. 61.
[2] Там же. С. 63.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 69–72.
[5] Там же. С. 69.
[6] Там же. С. 70.
[7] Там же. С. 72.
[8] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2018. Т. 2. С. 442.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 541.

соответственно этому и эффективность труда (за счет интенсивности и производительности) увеличилась также в 15 раз[1]. Обозначенная зависимость роста делопроизводства и повышение эффективности довольно убедительна, но рост эффективности в 15 раз вызывает некоторые сомнения ввиду сложности ее измерения в виде конкретных цифровых показателей.

Б.Н. Миронов делает вывод, что за XVIII–XIX вв. российская бюрократия «фундаментально» улучшилась, а ее функционирование «радикально изменилось»[2]. Существенно вырос профессиональный и культурный уровень чиновников. Общий вывод ученого состоит в том, что «оценка политического режима как плохого или хорошего, отсталого или прогрессивного зависит прежде всего от критериев, которыми являются политические блага и ценности»[3]. «Системным» критерием является надежное функционирование политической системы и ее способность приспосабливаться к изменяющимся условиям существования социума; политическим критерием – участие граждан в политической деятельности, управлении и принятии решений; результативный критерий – благосостояние, личная безопасность, общественный порядок, национальная безопасность».

Таким образом, практически все представители исторической науки, признают сложность, многоаспектность и комплексность понятия «эффективность», необходимостью разработки «набора показателей» для ее определения. Наряду с предложениями учитывать особенности региона, состояние инфраструктуры, порядок функционирования учреждений, их финансирование и обеспеченность кадрами, практически все ученые пришли к выводу, что важными показателями являются качественный состав государственных служащих, правовая база работы должностных лиц и учреждений, скорость и «успех течения дел» в присутственных местах, состояние повинностей и недоимок, количество поданных жалоб.

Источники и литература

1. Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления. М.: Волтерс Клувер, 2011. 288 с.
2. Вебер М. Бюрократия // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 1 (34). С. 10–28; Вып. 2 (36). С. 11–28.
3. Гаман-Голутвина О.В. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 50–64.
4. Иванников И.А. Эффективность государственной власти в России: теоретико-политологический аспект: Автореф. дис. … докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2006. 38 с.
5. Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии// Вестник Московского ун-та. 2011. № 4. С. 153–171.
6. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
7. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010. 496 с.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
10. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16–38.

[1] Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 445.
[2] Там же. С. 570.
[3] Там же. С. 621.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-32

Н.В. Середа*

ЕКАТЕРИНА II: РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Аннотация. Автор статьи анализирует современные работы о реформе управления Екатерины II, их источниковую базу и методы исследования. Демонстрирует, что в них реформа местного управления 1775 г. оценивается несколько иначе, чем в трудах советского периода. Указывает на недостаточную изученность реформ с позиций синергетики.

Ключевые слова: историография, делопроизводственные источники, феноменология, методы исследования, местное управление, Российская империя.

В современной отечественной историографии ситуации изучение реформ имеет особую актуальность. На протяжении последних десятилетий общество нуждается в исследовании опыта осуществления крупномасштабных реформ для осмысления процесса современных преобразований. Несмотря на появление значительного количества изданий по этой проблематике политологов, специалистов в области изучения процессов модернизации, историков широкого профиля[1], общество беспокоят вопросы как должно осуществляться взаимодействие власти, общества и человека в процессе глубоких преобразований, чтобы они не вышли из-под контроля реформатора и при этом имели шанс на осуществление, всегда ли реформы в России были незавершенными, наталкивались на сопротивление широких слоев общества и реформируемо ли российское общество в принципе?

Работы последних лет, посвященные реформам и реформаторам, аккумулируют в себе накопленные знания и свидетельствуют, что историки не всегда достаточно ясно представляют, что происходило, когда замысел законодателя встречался с косностью канцелярий и традиционализмом основных слоев общества. Научное сообщество осознало потребность перенести центр тяжести исследований с замысла реформ на их реальный результат, что, несомненно, требует привлечения делопроизводственных материалов местных учреждений из архивов субъектов федерации. В отношении преобразований Петра I, либеральных реформ Александра II, столыпинской аграрной реформы такие исследования осуществлялись на основе делопроизводственной документации высших и центральных учреждений часто сводного, обобщающего характера, документов органов жандармерии, суда либо революционных организаций[2].

Однако очевидна недостаточная изученность реформ с позиций синергетики: в большинстве работ не описаны *процесс* переустройства общества, его *реакция* на предписываемые изменения, *механизм* внедрения начинаний реформаторов в жизнь и создания той новой реальности, которая *неизбежно* должна возникать в процессе

* ***СЕРЕДА Надежда Владимировна*** *— доктор исторических наук; Тверской государственный университет; исторический факультет; кафедра архивоведения, историографии и документоведения; профессор; г. Тверь, Россия; nv.sereda@yandex.ru.*

[1] См., напр.: Российские реформаторы (XIX – начало XX в.) М., 1995; Власть и общество: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М., 1996; Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997; Власть и реформы в России: материалы «круглого стола» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3–26.

[2] Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982; Он же. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997; Он же. Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х гг.). М., 1999.

преобразований, являясь компромиссом между идеей реформатора и ответом на нее общества.

При изучении вопроса о реализации положений реформ вопросы методов и методологии исследовательского труда приобретают особое значение. Документы местных учреждений, создаваемых или преобразуемых в ходе реформ и наиболее ярко отражающих механизм внедрения идей в жизнь и отношение к ним общества, хранятся в архивах субъектов РФ. Именно они в первую очередь должны быть востребованы историками. Очевидно также, что задача по их освоению ложится на исследователей, проживающих в непосредственной близости к этим архивам и их документным комплексам. Эти исследователи формировались и формируются в рамках различных научных школ. Существует опасность, что они будут создавать работы, результаты которых, как и более ранних, окажутся трудно сопоставимыми. Первостепенной задачей исследователей на пути анализа формирования и развития изменений в ходе реформ управления является выбор архивных фондов *местных* учреждений, которые позволили бы выявить основные этапы и механизм изменений. В основе исследования таких процессов должно лежать, на наш взгляд, изучение документов учреждений, которые существовали до реформы и не были ликвидированы в процессе ее осуществления. Исследование фондов, созданных в ходе реформирования учреждений, может дать представление о процессе *становления новой системы управления*, но на их основе нельзя исследовать ее *перестройку*, а значит, и процесс реализации положений реформ.

Достижения отечественного источниковедения последних лет открывают новые подходы к изучению источников. Благодаря теоретическим изысканиям представителей научно-педагогической школы источниковедения в отечественной науке сложилось направление, представители которого рассматривают источники не только как средство получения информации о фактах, но и как продукты культуры прошлого и результата деятельности «чужой одушевленности», в данном случае управленческих структур, внедрявших положения реформ. В русле следования этой теории комплексы документации, сложившиеся в деятельности учреждений, рассматриваются как источник сведений о среде, т. е. об обществе и времени, в рамках которых они создавались с определенной целью и определенным образом, что позволяет восстановить картину происходивших перемен и механизм реформирования, оценить степень реализации реформаторских замыслов, их трансформацию на практике.

В области исследования массовой делопроизводственной документации окончательно оформилось направление, в рамках которого источники рассматриваются как реальные объекты исследования с доступными для анализа параметрами[1]. Следуя в русле этого направления, сделав предметом изучения различные комплексы документов, можно получить несколько проекций предмета исследования и по ним составить представление о предмете изучения. Полученные при этом знания будут репрезентативны. Такой подход соответствует феноменологической парадигме гуманитарных исследований, ориентированной на строгое знание[2]. Фундаментальный постулат феноменологии применительно к современному источниковедению может рассматриваться как

[1] См.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123–152; Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1981. С. 99–114; Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2000.

[2] Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1999. С. 26.

представление о системных характерах предмета исследования и соответствующего комплекса источников[1]. Используя методы компаративистики, ученый, исследуя тот или иной комплекс документов, воссоздает целостность культуры, его породившей[2].

В России, где основным видом архивных фондов являются сформированные по принципу происхождения, т. е. в деятельности государственных учреждений, общественных организаций и органов самоуправления, и отражающие историю фондообразователей, возможности для решения исторических задач в русле феноменологического подхода достаточно широки. Процесс фондообразования в этом случае можно рассматривать как частное проявление причинно-следственных связей в истории, а сами фонды как отражение системы, в процессе функционирования которой они отложились[3]. В этом контексте, по мнению отечественных ученых, не только архивные комплексы источников (фонды) могут рассматриваться как проекции исследуемого объекта[4], но и всякая опись, и любой другой архивный справочник как его информационные модели[5]. Примеры такого подхода к фондам и архивным справочникам нередко встречаются в современной науке[6]. Проекции исследуемого объекта можно получить при исследовании более мелких документных комплексов, например, дел, сформированных в делопроизводстве и учтенных в составе фондов как единицы хранения.

Н.А. Четырина, проанализировав содержание дел с протоколами заседаний ратуши Сергиева Посада, установила периодичность заседаний, круг корреспондентов ратуши и основные направления работы, а также периодическую смену подведомственности ратуши губернским учреждениям. Удалось также установить, что с Московским губернским правлением ратуша вела более активную переписку, чем с уездными учреждениям Богородского уезда, к которому относилась[7]. Изменения в системе управления исследуются на основе системного анализа целостных документальных комплексов, сформированных в делопроизводстве либо сложившихся на архивной стадии их бытования: дело – совокупность однотипных дел, фонд – комплекс фондов и т. д.

О.Е. Думенко провела изучение фондов сиротских судов Тверской губернии и установила, что их состав документов свидетельствует об отклонении от законодательства на стадии реализации реформы, а также о складывании локальных моделей управления в различных городах Тверской губернии[8]. О существовании локальных моделей управления в городах Тверской губернии в период реформы управления Екатерины II свидетельствует

---

[1] Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение… С. 20–26; Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 57–69.

[2] Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 6–27.

[3] Автократов В.Н. Фондирование и учет документов (О двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. С. 1; Хорхордина Т.И. Открытие Автократова (1922–1992) // Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 15.

[4] Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема... С. 68–69.

[5] Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 84, 89.

[6] Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984; Он же. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996; Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1981. С. 99–114; Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30; Мустонен П. Архивные материалы СЕИВК как источник периодизации ее деятельности // Отечественные архивы. 1997. № 2. С. 23–30; Петров К.В. К изучению описей архива Разрядного приказа // Исследование по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 174–187.

[7] Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. М., 2006. С. 90–95.

[8] Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тверь, 2010. С. 14.

и изучение фондов других городских учреждений, а также отдельных категорий дел магистратского делопроизводства[1]. Комплексное изучение описей фондов всех городских учреждений всех городов губернии и некоторых категорий дел за XIX в. позволило проследить хотя и достаточно позднее и слабое закрепление в практике жизни городов основ законодательства Екатерины II, направленного на создание городских дум и формирование всесословных городских сообществ. Отчетливо видно, что новая реальность возникала как результат наложения предписаний закона на существовавшую действительность, нормы, обычаи, традиции того или иного региона[2].

Проведенное исследование годовых комплектов протоколов журналов заседаний магистратов Тверской губернии, позволило выявить круг корреспондентов этих учреждений, изменения в нем. Полученные данные позволили сделать вывод о децентрализации управления в последней четверти XVIII в. Было установлено, что в 1778 г. в магистраты всех городов поступали указы из центральных учреждений – коллегий и контор. При этом в старинный г. Торжок поступило значительно больше указов центральных учреждений, чем в новоучрежденый г. Калязин. По законодательству все местные учреждения должны были вести переписку с губернскими учреждениями и не имели права непосредственной переписки с высшими и центральными учреждениями. Но Торжок в предшествовавший период имел с ними устойчивые делопроизводственные связи, разрывать которые, видимо, не спешил, центральные учреждения, в свою очередь, не хотели расставаться с возможностью оказывать влияние на местные структуры. Таким образом магистраты, особенно Новоторжский, в 1778 г. были вписаны одновременно в две системы управления: старую, вертикально ориентированную, или функциональную (Ле Донн), и новую, центром которой для магистрата являлось губернское правление и которая известна под названием территориальной (Ле Донн), или лучевой (Н.П. Ерошкин). Сохранение традиционных связей на начальной стадии реформы, с нашей точки зрения, было необходимо, так как это обеспечивало стабильность системы в условиях реформирования.

Изучение комплекса протоколов за 1782 г. показало, что к этому времени связи с центральными учреждениями были окончательно прерваны. Мы считаем, что это обстоятельство можно рассматривать как успех в осуществлении реформ. «Система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху»[3], перестала быть проводником политики Екатерины II. Значит, мы имеем право говорить о децентрализации управления.

Одновременно выяснилось, что динамика численности распоряжений, поступивших в магистраты от наместника Новгородского и Тверского и от правителя Тверского наместничества – губернатора, а также от губернских учреждений, имеет явно выраженную тенденцию на увеличение, а это значит, что происходило укрепление территориальной системы управления, распорядительная власть сосредоточивалась в губернских структурах. Таким образом, проводником политики Екатерины Великой являлись не ведомства и даже не наместники, а чиновники вновь созданных губернских и городских структур[4].

Е.А. Шевченко провел исследование воронежских архивных фондов и установил, в частности, что нельзя согласиться с существующей точкой зрения о «нечеткой роли наместника в управлении». По его мнению, основным рычагом управления в период

---

[1] Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Опыт источниковедческого исследования. М., 2004.

[2] Там же.

[3] Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 264.

[4] Середа Н.В. Указ. соч. С. 173–189.

проведения административно-территориальной реформы Екатерины II оставалось наместническое правление во главе с генерал-губернатором, а губернатор рассматривал по большей части малозначимые дела[1]. Документы фондов учреждений Тверской губернии не позволяют безоговорочно согласиться с выводами, сделанными Е.А. Шевченко. В этой губернии очень велика была роль Тверского наместнического (губернского) правления. Оно выполняло роль посредника в отношениях между учреждениями одного города, между городскими и уездными учреждениями и тем более учреждениями разных губерний[2].

Число местных учреждений и чиновников в ходе проведения реформы управления Екатерины II существенно увеличилось, и это способствовало усилению контроля правительства, однако нельзя недоучитывать той серьезной разницы между контролем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше он осуществлялся из Москвы и Петербурга, то теперь – из губернского центра, причем губернии гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. И в этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что благодаря реформе власть была приближена к населению, и это отвечало его интересам, выраженным в наказах в Уложенную комиссию[3].

Источники и литература

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 392 с.
2. Автократов В.Н. Фондирование и учет документов (О двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. С. 8–70.
3. Анисимов Е.В. Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд-во МГУ, 1992. 333 с.
4. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
5. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.
6. Буганов В.И**.** Разрядные книги последней четверти XV– начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 263 с.
7. Власть и общество: От самодержавной к советской России. СПб.: [б. и.], 1996. 801 с.
8. Власть и реформы в России: материалы «круглого стола» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3–26.
9. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование: период 28 июля 1762 – 7 ноября 1775 г. / В.М. Грибовский. СПб.: [б. и.], 1901. 348 с.
10. Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. / В.А. Григорьев. СПб.: [б. и.], 1910. 350 с.
11. Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 22 с.
12. Иловайский Д.И. Граф Яков Сиверс: биографический очерк // Рус. Вестник. 1865. Т. 55. № 1–2. С. 5–47, 628–684; Т. 56. № 3. С. 153–215.
13. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 237 с.
14. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х гг.). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

[1] Шевченко Е.А. Воронежское наместничество (1776–1779 гг.): Система управления. Воронеж, 2010. С. 26, 111.

[2] Середа Н.В. Указ. соч. С. 226–273.

[3] Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование: период 28 июля 1762 – 7 ноября 1775 г. СПб., 1901. С. 342; Любавский М.К. История царствования Екатерины II: курс читанный в Императорском Московском университете весной 1911 г. СПб., 2001. С. 99; Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 352.

15. Любавский М.К. История царствования Любавский М. К. История царствования Екатерины II: курс читанный в Императорском Московском университете весной 1911 г. СПб.: Лань, 2001. 254 с.

16. Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. М.: ВНИИДАД, 1988. С. 22–30.

17. Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 6–27.

18. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 319 с.

19. Мустонен П. Архивные материалы СЕИВК как источник периодизации ее деятельности // Отечественные архивы. 1997. № 2. С. 23–30.

20. Новохатко О.В. Записные книги московского стола Разрядного приказа XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 445 с.

21. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. М.: Юрист, 1993. 428 с.

22. Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. С. 99–114;

23. Рогожин Н.М.. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 22–30;

24. Российские реформаторы (XIX – начало XX в.) / Сост. и отв. ред. А.П. Корелин. М.: Международные отношения, 1995. 320 с.

25. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.

26. Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.:Наука, 1999. С. 57–69.

27. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 446 с.

28. Станиславский А.Л, Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М.: Наука,1976. С. 123–152.

29. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. М.: АИРО – XXI, 2006. 320 с.

30. Шевченко Е.А. Воронежское наместничество (1776–1779 гг.): Система управления. Воронеж: Истоки, 2010. 302 с.

31. Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1984. 277 с.

32. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Прогресс-«Культура», 1996. 496 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-33

И.Ю. Смирнова*

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ ЗА РУБЕЖОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)[1]

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Министерства иностранных дел (МИД) как инициатора учреждения русских духовных миссий (РДМ) за рубежом как церковно-дипломатических представительств Российской империи. На примере РДМ, действующих в Пекине, Иерусалиме, Японии и Урмии, показаны основные направления работы светских и церковных дипломатов в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в условиях конкуренции с западными державами во 2-й половине XIX в., когда миссионерство использовалось в качестве одного из наиболее эффективных инструментов колониальной политики великих держав. Межведомственное взаимодействие МИДа и Святейшего Синода привело к реформированию миссионерского и церковного русского присутствия за рубежом и созданию новых православных форпостов на рубежах Российской империи.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, русские духовные миссии, миссионерство, протестантизм, католицизм, православие.

Колониальная политика великих держав на Ближнем и Дальнем Востоке в XIX в. неоднократно приводила к обострению международных отношений вплоть до вооруженных конфликтов. Конкуренция и противостояние Великобритании, Франции и России проявлялось во всех сферах деятельности – экономической, социально-политической, научной, культурной и миссионерской. В дипломатии держав в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах миссионерское движение использовалось в качестве одного из наиболее эффективных каналов влияния и инструментов политического проникновения.

По примеру Франции, Великобритании, США, миссионерская деятельность которых осуществлялась при неизменной поддержке внешнеполитических ведомств, российский МИД в своей работе на Ближнем и Дальнем Востоке опирался на такие представительства России за рубежом как РДМ. В случае отсутствия российских консульских постов духовные миссии выполняли не только церковные, но и дипломатические функции (как это было до 1858 г. в Иерусалиме и до 1861 г. в Пекине).

При учреждении и организации работы русских духовных миссий в XIX в. инициатива, как правило, исходила из МИДа, в юрисдикции которого находились не только вопросы политических и торговых международных отношений, но и покровительство русским интересам, защита русских подданных по их делам за границей. Важнейшим направлением работы российского дипломатического ведомства было содействие миссионерской деятельности Русской Православной Церкви за рубежом, причем большое внимание уделялось деятельности протестантских и католических миссионеров, носившей не только антиправославный, но и антироссийский характер. Главное назначение РДМ состояло в противодействии инославной пропаганде.

Выстраивание церковно-дипломатических отношений России в регионах, где внешняя политика держав преимущественно опиралась на конфессиональный фактор, осуществлялось при тесном взаимодействии светских и церковных структур, и одна из функций МИДа и Синода по расширению русского присутствия за рубежом заключалась в

* ***СМИРНОВА Ирина Юрьевна*** *— доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; Центр истории религии и церкви; ведущий научный сотрудник; г. Москва, Россия; irinasmirnowa@mail.ru.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

формировании и обеспечении взаимодействия дипломатических структур (посольства, консульства, вице-консульства, агентства) и церковных учреждений (посольские церкви и РДМ).

К середине XIX в. за рубежом действовали три РДМ: Пекинская (1715 г.), Иерусалимская (1848 г.) и Русская Духовная Миссия в Америке (1799 г.). Последняя приобрела в конце 1840 г. епархиальный статус во главе с известным миссионером – апостолом Аляски святителем Иннокентием (Вениаминовым), возведенным в декабре 1840 г. в сан епископа Камчатского и Алеутского и Аляскинского, а в апреле 1850 г. – в сан архиепископа.

После Крымской войны, в которую Россия была вовлечена одновременно на Ближнем и Дальнем Востоке, программа александровских реформ не могла не коснуться и внешней политики. Перед русской дипломатией, как светской, так и церковной, встала задача выработки новых подходов, состоявших, прежде всего, в формировании сферы собственных интересов и, соответственно, собственного плацдарма проникновения. Необходимость реорганизации всей системы дипломатической и церковной работы потребовала формирование новой концепции русского политического, духовного, культурного присутствия как в Ближневосточном, так и в Северо-Тихоокеанском регионах. В условиях, когда «военное решение надолго исключалось из арсенала российских внешнеполитических средств»[1], был взят курс на активизацию мирного православного присутствия России в соседних государствах (Османской империи, на Балканах, в Китае, США), где приоритетное значение придавалось церковным представительствам за рубежом – РДМ.

Заключение Парижского мира обозначило смену задач и методов европейской политики на Христианском Востоке. Изменились акценты и в области межцерковных отношений: новое развитие получило русское духовное присутствие на Святой Горе Афон; под контроль российских дипломатов берется конфессиональная ситуация на Балканах: в Святой Земле, эпицентре дипломатической, церковной и миссионерско-благотворительной деятельности всех христианских конфессий, потерпевшая поражение Россия берет реванш в сфере духовного, культурного и гуманитарного присутствия. По инициативе вице-канцлера А.М. Горчакова в 1857 г. в Иерусалиме возобновила работу Русская Духовная Миссия, во главе которой был поставлен епископ, в 1858 г. было открыто российское консульство, в 1859 г. – создан Палестинский комитет в Петербурге[2].

Религиозная направленность была присуща российской дипломатии не только в странах Православного Востока, но и в Северо-Тихоокеанском регионе – в цинском Китае, Японии и Северной Америке, где русское экономическое освоение шло рука об руку с культурно-просветительской работой православных миссионеров.

На Дальнем Востоке и в Цинском Китае, население которых подвергалось опасности прозелитизма со стороны западных миссионеров, российское дипломатическое присутствие вплоть до учреждения российского консульства де факто реализовалось через РДМ в Пекине, единственное до 1861 г. российское учреждение в Китае. Изначально устроенная для духовной поддержки православных албазинцев, Пекинская Духовная Миссия выполняла функции дипломатического посольства при Цинском дворе и действовала по инструкциям Азиатского департамента Министерства иностранных

[1] Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 гг. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX в. М., 2007. С. 223.

[2] См. подр.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014.

дел[1].

На фоне усиления миссионерской активности западных держав в связи с открытием Китая и Японии для иностранных держав на повестку дня был поставлен вопрос о развитии церковного и политического присутствия России в Дальневосточном и в Северо-Тихоокеанском регионе. Для установления торгово-экономических отношений с цинским Китаем, освоения российских территорий региона, а также в целях соблюдения безопасности дальневосточных границ и создания противовеса политическому проникновению западных держав (Великобритании, Франции и США) приоритетным направлением российской политики стало расширение церковно-миссионерской деятельности в Восточной Сибири (в т. ч. Приамурье и Приморье) и Китае.

После заключения Пекинского договора, согласно которому Россия приобретала новые возможности для развития дипломатических отношений с Китаем и распространения православной проповеди среди китайцев, в МИДе было принято решение о реорганизации Пекинской РДМ. При этом фактическое начало дела православной проповеди в Китае среди китайского населения началось по инициативе русских дипломатов в 1859 г., когда вице-адмирал граф Е.В. Путятин поставил вопрос о реформировании Пекинской РДМ в связи с присутствием в Китае широкой сети католических учреждений и протестантских миссий. В разработке основных направлений деятельности РДМ в Пекине непосредственное участие наряду с видными государственными деятелями и дипломатами (великий князь Константин Николаевич, князь А.М. Горчаков, граф Е.В. Путятин, граф Н.П. Игнатьев), приняли выдающиеся российские иерархи Иннокентий (Попов-Вениаминов) и Филарет (Дроздов), что свидетельствует о тесном сотрудничестве иностранного и духовного ведомств[2].

Для повышения эффективности духовно-просветительской работы среди китайского населения МИД предложил проект преобразования Пекинской Миссии из дипломатического представительства в миссионерское с разделением функций между РДМ и учрежденным в 1861 г. русским консульством в Пекине. Дополнения к действующей инструкции РДМ были окончательно закреплены за РДМ инструкцией 1864 г., после чего Миссия осуществляла свои уже чисто миссионерские задачи при дипломатической поддержке российского консульства.

Не менее значительна роль Азиатского департамента МИД в отношении миссионерства в Северной Америке и Приамурье. Так, по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, придававшего большое значение православному миссионерству на русском Дальнем Востоке, епархиальное управление Камчатско-Алеутской епархией в 1850 г. было перенесено на Азиатский континент[3]. С очередным перемещением той же кафедры в 1858 г. из Якутска в Благовещенск для русских миссионеров открылись обширные перспективы в Приамурье и Приморье, а также на пограничных территориях с Китаем – в современной Корее и Маньчжурии.

История создания четвертой РДМ за рубежом – Русской Духовной Миссии в Японии – также связана с российской дипломатией на Дальнем Востоке. Ее инициатором явился И.А. Гошкевич, в 1839–1848 гг. состоявший в Пекинской Духовной Миссии и назначенный в декабре 1857 г. русским консулом в Хакодатэ[4]. В 1861 г. по его

[1] См. подр.: Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.

[2] Смирнова И.Ю. Русские Духовные Миссии в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования после Крымской войны (1850-е – 1860-е гг.) // ППС. 2018. Вып. 115. С. 49–60.

[3] Смирнова И.Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2018. Вып. 4 (812). С. 159–160.

[4] См. подр.: Щеглов Н.В., свящ. Иосиф Гошкевич – ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.

ходатайству в Японию прибыл иеромонах Николай (Касатскин) – известный впоследствии миссионер святитель Николай Японский, многолетние проповеднические труды которого привели к учреждению РДМ (1870 г.) и созданию Русской Православной Церкви в Японии.

Современник святителя Николая П.А. Гильтебрандт оценивал просветительскую роль Японской Духовной Миссии как «великое дело», имевшее для России «еще и политическое значение». Он указывал на тесную связь между расширением русского духовного присутствия в Японии и укреплением позиций России на Дальнем Востоке, полагая, что «будущее нашего Тихо-Океанского прибрежья много зависит от дружеских связей с Японией»[1].

Последней в конце XIX в., вслед за РДМ в Корее (1897 г.), была учреждена Русская Духовная Миссия в Урмии (1898 г.), действовавшая в области, входившей в состав Персии и территориально относившейся к Персидскому Азербайджану, сопредельному с Азербайджаном Кавказским, отошедшим после Русско-персидской войны 1826–1828 гг. к Российской империи по Туркманчайскому трактату[2]. Предпосылками к открытию Урмийской РДМ послужила деятельность католических и протестантских миссионеров. Но если в присутствии католических и американских миссионеров российский генконсул в Тавризе А.А. Петров не видел повода для беспокойства, то появление на миссионерской сцене миссионеров британских, трудившихся под эгидой государственной Церкви Англии при поддержке британского общества и под «исключительной и энергической охраной» британских дипломатов, А.А. Петров воспринял с большой тревогой, сознавая, что конфессиональная ситуация в Урмии может заметно измениться в ущерб интересам России. Полагая, что Россия не должна оставаться в стороне, как это было прежде, генконсул предложил «посылать наше духовенство к несторианам» для их просвещения в целях «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде»[3]. Этому проекту было суждено реализоваться лишь спустя десять лет, когда в марте 1898 г. РДМ в Урмии получила официальное учреждение. Новая российская духовная миссия была воспринята в дипломатических кругах Британии и Франции как важный в стратегическом отношении форпост России в Персидском Азербайджане.

Британские дипломаты, при тесном взаимодействии с миссионерами, видели свою задачу в том, чтобы воспрепятствовать России в ее продвижении в Индию и Персию. Как аргументировано показано в работе Л.А. Герд, основной задачей британских консулов и миссионеров как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии «было помешать переходу несториан в православие и присоединению их к Русской Церкви»[4]. Так, генконсул в Урмии Сесиль Вуд, выражая опасения, что присутствие РДМ еще более укрепит российское влияние, считал своим долгом дипломата и британского подданного «положить тому предел»[5]. Французский консул Бержерон видел в членах РДМ опасных конкурентов, способных подорвать положение католической миссии и свести к минимуму число римско-католических прозелитов, что лишний раз показывает внешнеполитический характер западного миссионерства как авангарда колониальной политики великих держав.

На приведенных примерах можно видеть, что в регионах, представлявших для

---

[1] Гильтебрандт П.А. Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия» // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211.

[2] Константин (Горянов), архиепископ. История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.

[3] Цит. по: Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 66.

[4] Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 156.

[5] Цит. по: Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. Указ. соч. С. 67.

великих держав геополитический интерес, внешняя политика России, по аналогии с другими державами, осуществлялась по церковным каналам с использованием РДМ, деятельность которых осуществлялась при тесном взаимодействии МИДа и Святейшего Синода. Членам РДМ нередко приходилось исполнять дипломатические функции, поддерживая отношения с местными представителями государственной власти и лидерами религиозных общин. От их действий зависело развитие межконфессиональных и культурно-научных связей, что накладывало на них определенные обязательства и ответственность.

Несмотря на сложности, встречавшиеся в координационной работе русских представительств за рубежом, выражавшиеся в корпоративном соперничестве и недопонимании порой российскими дипломатами роли конфессионального фактора во внешней политике, а также в случавшихся межличностных трениях, затруднявших совместную работу российских представителей за рубежом, межведомственное сотрудничество МИДа и Синода успешно содействовало развитию российского политического, духовного и культурного присутствия в регионах, входивших в сферу геополитических интересов великих держав.

Во второй половине XIX в. в результате принятых программных мер была возобновлена деятельность РДМ в Иерусалиме; разработаны концепции русского церковного присутствия на русском Дальнем Востоке (1858–1862 гг.), в Китае (1858–1864 гг.) и в Калифорнии (1867–1870 гг.); осуществлено перенесение Камчатско-Алеутской кафедры в Благовещенск с одновременным созданием викарной кафедры в Новоархангельске (Аляска); реформирована РДМ в Пекине; создана епархия с кафедрой с Сан-Франциско (1870 г.); учреждены РДМ в Японии (1870 г.), Корее (1897 г.) и Урмии (1898 г.). Таким образом, синхронизированная работа Министерства иностранных дел и Святейшего Синода по выстраиванию и координированию церковно-дипломатических структур в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах привела к созданию комплексной сети православных форпостов на рубежах Российской империи, призванных к сдерживанию политической и миссионерской активности стран Запада на границах России.

Источники и литература

1. Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.
2. Гильтебрандт П.А. Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия» // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211–217.
3. Константин (Горянов), архиепископ. История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.
4. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. 510 с.
5. Лисовой Н.Н., Мельникова Л.В., Назаренко А.В., Смирнова И.Ю. Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX вв.) // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова и Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 70–97.
6. Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. 456 с.
7. Смирнова И.Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2018. Вып. 4 (812). С. 152–164.
8. Смирнова И.Ю. Русские Духовные Миссии в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования после Крымской войны (1850-е – 1860-е гг.) // Православный Палестинский сборник. 2018. Вып. 115. С. 49–60.
9. Смирнова И.Ю., Шавлидзе З.Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 61–68.

10. Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 гг. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX в.: к столетию акад. А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 2007. С. 221–265.
11. Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.
12. Щеглов Н.В., свящ. Иосиф Гошкевич – ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-34

М. Соегов*

О ТУРКМЕНАХ, ПОЖАЛОВАННЫХ АЛЕКСАНДРОМ III И НИКОЛАЕМ II В ЧИНЫ, А ТАКЖЕ ЦАРСКИМИ НАГРАДАМИ И ПОДАРКАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с пожалованием чинов, наград и подарков государями императорами России в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. таким знатным туркменам того периода, как Тыкма-сердар, Кульбатыр-сердар, Овезкули-сердар, Махтумкули-хан, Гюлджамал-ханша, Юсуп-хан, Ураз-Берды (генерал Ораз-сердар) и др.

Ключевые слова: величайший прием, царские чины, награды, подарки.

Первое награждение членов депутации туркмен-текинцев, прибывших из Геок-тепе в столицу империи Санкт-Петербург в мае 1881 г. в главе с Дыкма(Тыкма)-сердаром в составе пяти человек, состоялось 24 мая того же года в Гатчине. Как известно, 1 марта 1881 г. был смертельно ранен император Александр II. На трон вступил его сын – Александр III, который избрал своей основной загородной резиденцией Гатчину. Сам император вместе с императрицей принял в своем гатчинском дворце текинскую депутацию, состоящую из родственников Дыкма(Тыкма)-сердара – бывшего «главного начальника всех текинских вооруженных сил, выставленных против русских войск» во время Первой и Второй Ахалтекинской военных экспедиций. За два месяца до этого приема, 27 марта, вся царская семья из Петербурга переехала в Гатчинский дворец.

Согласно обнародованному в последующем документу на высочайшем приеме, состоявшемся в Гатчине в 24 мая 1881 г., членам депутации были пожалованы следующие награды и подарки: 1) Овезу Мурад-Тыкма-сердару (бывшему главному защитнику Геок-Тепе) всемилостивейше пожалован чин майора, шашка с портупей и золотые часы; 2) Магомеду-Овез-Сеид-Гельдыеву (близкому родственнику Тыкма-сердара) – большая золотая медаль для ношения на шее на Анненской ленте, золотые часы; 3) Хану-Магомед-Риза-Оглы (дальнему родственнику Тыкма-сердара) – большая серебряная медаль для ношения на шее на Станиславской ленте, золотые часы; 4) Уразу-Берды (сыну Тыкма-сердара, мальчику 10-ти лет) – маленькие золотые часы с цепочкой; 5) Халли Хан-Бердиеву (мервскому текинцу, родственнику Тыкма-сердара) – большая золотая медаль для ношения на шее на Анненской ленте, золотые часы[1]. Как отмечает Б.В. Васильев, издавший в 2004 г. книгу под названием «Скобелев, или Есть только миг…»: «Скобелев наградил Тыкма-сердара орденом Святого Георгия и от имени Государя пожаловал ему чин поручика русской армии. Тщеславный сердар прицепил погоны на свой ярко-малиновый халат и в таком виде прибыл в Санкт-Петербург по вызову императора, пожелавшего увидеть знаменитого кондотьера Туркестана. Нелепый вид Тыкма-сердара настолько растрогал его, что Государь не только подтвердил его чин и орден, но и пожаловал ему потомственное дворянство»[2].

Дальнейшая судьба троих членов первой депутации, кроме Дыкма-сердара и его сына Ураз-Берды (в последующем генерал Ораз-сердар), нам неизвестна. Во всяком

* ***СОЕГОВ Мурадгелди*** *— доктор филологических наук; профессор; действительный член – академик Академии наук Туркменистана; Академия наук Туркменистана; Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули; внештатный научный консультант; г. Ашхабад, Туркменистан; msoyegov@gmail.com.*

[1] См.: Соегов М. О высочайшем приеме от 24 мая 1881 г. для «главного начальника всех текинских вооруженных сил, выставленных против русских войск» // Псковский военно-исторический вестник. Науч. альманах. Псков, 2018. Вып. 4. С. 116–120.

[2] Васильев Б.В. Скобелев, или Есть только миг… М., 2004. URL: http://militera.lib.ru/bio/vasilyev_bv1/03.html (дата обращения: 10.03.2020). Чувствуется антипатия автора книги ко всему нерусскому.

случае, имя мервца Халли Хан-Бердиева среди представителей мервского населения, подписавших в начале 1884 г. прошение непосредственно на имя императора Александра III о присоединении Мервского оазиса в состав России, не числится[1].

Вторая текинская, более малочисленная, депутация, состоящая всего из двух человек, прибыла в столицу в июне 1881 г. В Гатчине в среду 17 июня, за день до их отъезда в Геок-тепе, устроили «высочайшую аудиенцию для двух прибывших текинцев, заверявших, что без этого им будет стыдно вернуться на родину». Оказали почести и наградили: 1) Овез Кули-сердара (одного из главных защитников Геок-Тепе) – большой золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте и золотые часы; 2) Куль Батыра (также одного из главных защитников Геок-Тепе) – большой серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте и золотыми часами. В документе также написано, что Овезкули-сердар «имеет серебряную медаль в петлице на Станиславской ленте, врученную ему генерал-адьютантом Скобелевым, как первому текинцу, явившемуся с покорностью после штурма Геок-Тепе»[2].

После возвращения из Петербурга Дыкма-сердар, Овезкули-сердар и Кульбатыр-сердар начали преданно служить установленным в Закаспийском краю русским властям.

Дыкма-сердар до своей кончины 15 июня 1882 г., по поручению местных русских властей несколько раз побывал в Мерве. Так, например, начальник Закаспийской области в начале своего большого рапорта от 19 октября 1881 г., который хранится в Центральном Государственном архиве Туркменистана (ф. 97, оп. 1, д. 66, л. 40–52), в частности, писал: «В рапорте моем от 31 августа за № 2 485 я имею честь донести о посылке мною в Мерв майора милиции Тыкма-Сардара, а также о возложенных на него поручениях. Восьмого числа сего месяца Тыкма-Сардар вернулся. С ним прибыли из Мерва в Асхабад в качестве депутатов 24 старшины родов сычмаз и дашаяк в сопровождении 10 человек мервцев с изъявлениями покорности государю императору и чувств дружбы к русскому народу»[3].

Капитан М. Дандевиль, занимавший в конце XIX в. должность пристава Атекского приставства Тедженского уезда Закаспийской области, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1899 г., при описании как у туркмен отмечается мусульманский праздник Курбан-байрам сообщает о Овезкули-сердаре следующее: «Первый визит надо было сделать, конечно, моему помощнику Эвез-Кули-Сардару, сутуловатому, крепкому и здоровому для своих, 80 лет, старику с длинной, крашенной бородой. Когда-то он был один из знаменитейших сардаров Туркмении, считался одним из главных защитников Геок-Тепе, по взятии которого, в числе прочих предводителей, был отправлен в Петербурга для принесения верноподданничества; имея чин юнкера милиции, жалованные царские часы и клынч, несколько медалей “за усердие” и, занимая место помощника пристава, он теперь самый преданный и верный слуга России»[4].

А.П. Андреев в своей большой статье «Туркменский суд», напечатанной в 8-м номере того же журнала «Исторический вестник» за 1900 г., так характеризует

---

[1] Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России от 1 января 1884 г. Документ № 101. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.Htm (дата обращения: 09.01.2020).

[2] Медали всемилостивейше пожалованы и повелено раздать их по изготовлении. Подарки и награды означены против каждого. Документ № 77. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_V/77.htm (дата обращения: 25.02.2020).

[3] Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/261-280/265.htm (дата обращения: 23.02.2020).

[4] Дандевиль М. Курбан-байрам (Из записок маленького администратора) // Исторический вестник. 1899. № 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Dandeville/kurban_bajram.htm (дата обращения: 15.09.2020).

Кульбатыр-сердара и Овезкули-сердара, делегатов областного съезда народных судей: «Вот, например, помощник дурунского пристава, подпоручик милиции Куль-батырь. Это древний уже старик с седою бородой. Во времена независимой Туркмении (туркменчилик вактында) он был одним из знаменитейших и храбрейших аламанщиков, за что и получил звание батыра, т. е. удальца… Но, несмотря на чудеса храбрости, Геок-Тепе пал таки под ударами "урусов", и Куль-батырь, с приличествующим истинному мусульманину фатализмом, склонился перед высшей силой и культурой и стал верным слугою нового режима. А вот рядом с ним сидит другой защитник Геок-Тепе. Зовут его Эвез-Кули-сардар… Это – мужчина огромного роста и, как и Куль-батыр, древний уже старик. До завоевания области он, как грознейший сардар (предводитель), наводил страх и трепет не только на чарджуйского бека и сопредельных ханов Персии, но был пугалом даже для своих сородичей, потому что не стеснялся при случае грабить и их. После же падения Геок-Тепе он преклонился перед грозным "урусом" и сам сдал свой родной аул Безмеин, в котором был старшиною. Теперь, как и Куль-батырь, он состоит помощником атекского пристава имеет звание юнкера милиции и лелеет мечту об офицерских погонах»[1].

Не прошло и года после публикации цитированной нами статьи А.П. Андреева, как величайшим приказом от 22 сентября 1901 г. Государя Императора России Николая II, занимавшего престол после кончины своего отца Александра III в октябре 1894 г., помощник Дурунского пристава поручик Кулбатыр-сердар Кадамов был переведен в штабс-капитаны милиции, а помощник Атекского пристава прапорщик Овезкули-сердар (он же Сапаркули оглы) – в подпоручики милиции. Одновременно с ним были удостоены в чинах помощник Серахского пристава капитан Мухаммет Теке-хан – в майоры милиции и помощник Чикишлярского пристава подпоручик Кара-хан Ишан Исмаилов – в поручики милиции[2].

Один из авторов нулевых годов XX в. Д.Н. Логофет в 1909 г. на примере Кульбатыр-сердара писал о туркменских батырах следующее: «Особенно выдающимся сердарам давалось еще название батырь, то есть храбрец-богатырь. Это звание давалось редко и только за подвиги особой храбрости. Недавно умер штабс-капитан милиции Куль-Батырь-сердар, один из военачальников текинцев, носивший название батыра. Человек редкой храбрости, а после завоевания края русскими был верным слугою России»[3].

В отличие от Дыкма-сердара, Кульбатыр-сердара, Овезкули-сердара и некоторых других руководителей и участников героической обороны Геок-тепинской крепости, которые после падения крепости в начале января 1881 г. уже весной-летом того же года находились в Петербурге на высочайшем приеме и получили царские награды и звания, Махтумкули-хан, сын Нурберди-хана, сдал русским властям свою саблю и револьвер через год после этого, летом 1882 г., скорее всего после смерти Дыкма-сердара.

Максуд Алиханов-Аварский (1846–1907), сыгравший большую роль в добровольном присоединении Мервского оазиса в состав России, в своих «Закаспийских воспоминаниях», рассказывая о второй своей поездке в Мерв, писал: «К нам, по своему желанию, присоединился также текинец Мехтем-Кулихан (правильнее: Махтумкули-хан – *авт.*), весьма разумный молодой человек 27-ми лет, руководивший, вместе с Текме-

[1] Андреев А.П. Туркменский суд // Исторический вестник. 1900. № 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Andreev_A_P/turk_sud.htm (дата обращения: 03.06.2020).

[2] См.: Высочайшие приказы, текстовая версия, 1901 г., сентябрь. URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%..._1901,_%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C (дата обращения: 09.09.2020).

[3] Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки: В 3 кн. СПб., 1909. Кн. 1. С. 105; См. также: Соегов М. Об исторических лицах, изображенных в одной старой фотографии, и отдельно о штабс-капитане милиции Кульбатыр-сердаре // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Абакан, 2019. С. 98–104.

сардаром (т. е. Тыкма-сердаром – *авт.*), обороной Геок-Тепе, ездивший затем в Москву, на коронацию императора Александра III, где ему был пожалован чин майора милиции» [1]. По этому поводу швейцарский дипломат, востоковед и писатель Анри Мозер в своей работе «В краю туркмен» (Henri Moser, Le pays des Turkomans), впервые изданной вместе с другими его работами в 1885 г. на французском оригинале, писал (он с 1868 по 1889 гг. побывал несколько раз в Среднеазиатском регионе): «По решению Алиханова, Махтумкули-хан отправился на праздничные мероприятия в Москву… Облаченный в великолепную униформу русского офицера, одаренный щедрыми подарками, Махтумкули вернулся в оазис, исполненный восхищением от величия русского царя, великолепия его дворца и царской щедрости. Настолько роскошны и пленительны были его рассказы, что один из ханов выразил желание увидеть и служить столь благородному господину»[2]. В мае 1883 г. наряду с Махтумкули-ханом в коронации императора Александра III другим участником-туркменом был кадет Ураз-Берды (будущий первый генерал из туркмен Ораз-сердар), сын Дыкма(Тыкма)-сердара, оставленный им в Петербурге для учебы еще в 1881 г.

В течение двух дней, т. е. 8 (20) – 9 (21) октября 1888 г., император России Александр III со своей семьей находился в г. Баку. Среди встречающихся и затем удостоенных приема была делегация туркмен Закаспийской области. Об этом так информировала своих читателей газета «Кавказ» от 11 октября того года (приводим лишь те места, где освещен интересующий нас вопрос): «Депутация Закаспийской области, представленная Его Величеству начальником области генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, состояла из всех мервских ханов и разных почетных лиц как Мерва, так и других частей области… В этой-же депутации имела счастье представиться Его Величеству и мервская ханша Гюлджамал-бай с двумя сыновьями, из коих один подполковник, а другой капитан русской службы. Ханша эта, как известно, первая высказалась за присоединение Мерва к России»[3]. Корреспондент газеты сыновьями Гульджемал-ханши, без сомнения, имел ввиду ее пасынку майора Махтумкули-хана и ее родного сына капитана Юсуп-хана, отцом которого также является Нурберди-хан.

На 65-й странице Приложения к «Кавказскому календарю на 1888 год» находим более подробную информацию о членах туркменской депутации, приехавших в Баку и построенных для встречи российского императора Александра III, названного в народе «Царем-Миротворцем». «Далее стояли представители Закаспийской области с ее начальником генерал-лейтенантом Комаровым во главе. Рядом с генералом Комаровым стоял подполковник Алиханов, начальник Мервского округа. Возле держал хлеб-соль на серебряном блюде духовный представитель мервских туркмен. Рядом с ним стояла вдова Нур-Верды-хана, ханша Гюлджамал-бай с двумя сыновьями. Затем следовали ханы и почетные представители всех туркменских племен Закаспийской области. Их пестрые костюмы, высокие шапки, загорелые мужественные лица обращали на себя общее внимание. Цветные бархатные и великолепные парчовые халаты составляли главную принадлежность их костюма… У самого подъезда, против фланга почетного караула, составляли крайний фас полукруга депутаций, находился караул от туркменской иррегулярной дружины, из офицера и четырех туркмен, которые были в одинаковых, розового цвета, халатах и с обнаженными саблями»[4].

---

[1] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. URL: http://www.vostlit.info/Texts /Dokumenty/ M.Asien/XIX/1880-1900/Alichanov _Avarskij_M/text1.phtml (дата обращения: 25.01.2020).

[2] Мозер А. В краю туркмен. URL: https://caa-network.org/archives/19270 (дата обращения: 28.07.2020).

[3] Кавказ. 1888. 11 окт. (№ 268).

[4] Кавказский календарь на 1888 г. URL: https://www.prlib.ru/item/335676 (дата обращения: 28.07.2020).

Листая далее этот календарь-книгу, доходим до ее 71-й странице и читаем о полученных членами туркменской депутации царских подарках: «Вдова Нур-Верды хана, ханша Гюлджамал-бай, получила пару массивных золотых браслет, осыпанных крупной бирюзой, и брошь с бирюзой и жемчугом. Все офицеры туркменской милиции и переводчик Эфендиев получили драгоценные перстни. 20 человек получили почетные халаты из золотой парчи. Остальным были пожалованы часы»[1].

Спустя 8 лет после описанных выше событий, в 1896 г., умер Александр III и на российский престол вошел его сын Николай II, на коронации которого, состоящего 14 (26) мая 1896 г. в Москве, наряду со среднеазиатскими правителями – бухарским эмиром и хивинским ханом участвовал Махтумкули-хан. Участие его по приглашению верховных властей в коронации последних двух российских монархов можно рассматривать как факт признания его в качестве неофициального правителя местного населения области, т. е. закаспийских туркмен. В 1907 г. уже подполковник милиции Махтумкули-хан становится депутатом Второй Государственной Думы, а в 1910 г. он в составе туркменской депутации участвует в высочайшем приеме, устроенном в Петербурге по случаю 25-летие присоединения Мервского оазиса в состав России.

Во время Гражданской войны в Закаспийской области (современный Туркменистан) в 1918–1920 гг. не поддержал белогвардейское и туркменское национальное движения. После установления Советской власти в области Махтумкули-хан непродолжительное время состоял членом Реввоенсовета 11-й армии, по предложению которого он в 1920 г. обратился письмом Джунейд-хану – правителю Западной Туркмении (нынешний Дашогузский вилайет). Его мачеха Гюлджамал-ханша и сводный брат Юсуп-хан погибли от рук большевиков в годы Гражданской войны (1919 г.). Сам Махтумкули-хан умер в конце апреля 1924 г. в 66-летнем возрасте, недожив пять месяцев до провозглашения Туркменской ССР[2].

Ураз-Берды, 10-летний сын Тыкма-сердара, получивший на величайшем приеме от 24 мая 1881 г. золотые часы с цепочками, воспитывался в военных учебных заведениях России и дослужил до полковника Царской армии и до генерал-майора Белой армии[3]. Славился среди народа как Ораз-сердар и вошел в туркменскую историю под этим именем. Был одним из командиров Текинского (Туркменского) конного полка, участвовавшего в Первой мировой войне. Имел следующие боевые награды: ордена Св. Станислава 3 ст. (1905 г.), Св. Анны 3 ст. (1909 г.), Св. Станислава 2 ст. (1913 г.), Св. Анны 2 ст. с мечами (3 мая 1916 г.), Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (19 июня 1916 г.), Св. Георгия 4 ст. (2 декабря 1916 г.). По данным на 1 января 1914 г. семья Ораз-сердара состояла из жены мусульманского вероисповедания, уроженки Закаспийской области, двух сыновей (8-ми и 2-х лет) и двух дочерей (11-ти и 4-х лет)[4]. В 1918–1919 гг. он руководил боевыми действиями Белой армии, являясь Главнокомандующим Закаспийским фронтом. Его судьба после Гражданской войны до настоящего времени остается не до конца выясненной.

[1] Кавказский календарь на 1888 г. URL: https://www.prlib.ru/item/335676 (дата обращения: 28.07.2020).

[2] См.: Соегов М. Еще раз о Махтумкули-хане, виднейшей фигуре в истории туркменско-русских отношений конца XIX и начала XX вв. // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: Сб. ст. XI Междунар. науч.-практич. конф. Махачкала, 2019. С. 104–108.

[3] См.: Соегов М. О начале военного отрочества будущего Главнокомандующего Закаспийским фронтом, первого туркменского генерала Ораз-сердара // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: Сб. науч. трудов. М., 2020. Вып. 2. С. 216–223.

[4] Ураз-Берды. URL: https://ria1914.info/index.php/%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8B (дата обращения: 27.06.2020).

Источники и литература

1. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. URL: http://www.vostlit.info/Texts /Dokumenty/ M.Asien/XIX/1880-1900/Alichanov _Avarskij_M/text1.phtml (дата обращения: 25.01.2020).
2. Андреев А.П. Туркменский суд // Исторический вестник. 1900. № 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Andreev_A_P/turk_sud.htm (дата обращения: 03.06.2020).
3. Васильев Б.В. Скобелев, или Есть только миг… М.: Вече, 2004. URL: http://militera.lib.ru/bio/vasilyev_bv1/03.html (дата обращения: 10.03.2020).
4. Высочайшие приказы, текстовая версия, 1901, сентябрь. URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%..._1901,_%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C (дата обращения: 09.09.2020).
5. Дандевиль М. Курбан-байрам (Из записок маленького администратора) // Исторический вестник. 1899. № 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Dandeville/kurban_bajram.htm (дата обращения: 15.09.2020).
6. Кавказ. 1888. 11 окт. (№ 268).
7. Кавказский календарь на 1888 г. URL: https://www.prlib.ru/item/335676 (дата обращения: 28.07.2020).
8. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки: В 3 кн. СПб., 1909. Кн. 1. Персидская граница.
9. Медали всемилостивейше пожалованы и повелено раздать их по изготовлении. Подарки и награды означены против каждого. Документ № 77. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_V/77.htm (дата обращения: 25.02.2020).
10. Мозер А. В краю туркмен. URL: https://caa-network.org/archives/19270 (дата обращения: 28.07.2020).
11. Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России от 1 января 1884 г. Документ № 101. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.Htm (дата обращения: 09.01.2020).
12. Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/261-280/265.htm (дата обращения: 23.02.2020).
13. Соегов М. Еще раз о Махтумкули-хане, виднейшей фигуре в истории туркменско-русских отношений конца XIX и начала XX вв. // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: Сб. ст. XI Междунар. науч.-практич. конф. Махачкала, 2019. С. 104–108.
14. Соегов М. О высочайшем приеме от 24 мая 1881 г. для «главного начальника всех текинских вооруженных сил, выставленных против русских войск» // Псковский военно-исторический вестник: Науч. альманах. Псков, 2018. Вып. 4. С. 116–120.
15. Соегов М. О начале военного отрочества будущего Главнокомандующего Закаспийским фронтом, первого туркменского генерала Ораз-сердара // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: Сб. науч. трудов. М.: Эдитус, 2020. Вып. 2. С. 216–223.
16. Соегов М. Об исторических лицах, изображенных в одной старой фотографии, и отдельно о штабс-капитане милиции Кульбатыр-сердаре // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2019. С. 98–104.
17. Ураз-Берды. URL: https://ria1914.info/index.php/%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8B (дата обращения: 27.06.2020).

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-35

А.М. Соегова*

О ПОЕЗДКЕ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО КАВКАЗА А.М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА К ТУРКМЕНАМ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ ВЕСНОЙ 1884 г. И НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИЯХ

Аннотация. По материалам газеты «Кавказ» в статье описаны основные события, происходившие во время и после пребывания главноначальствующего Кавказского края, генерал-адъютанта князя А.М. Дондукова-Корсакова (1820–1893) в Закаспийской области в апреле–мае 1884 г. Основное внимание уделено его встречам с представителями местного туркменского населения. Туркмены по-своему именовали российского императора и главноначальствующего Кавказа: Ак-Падишах («Белый Царь») и Ярым-Падишах («Полуцарь»).

Ключевые слова: А.М. Дондуков-Корсаков, поездка, туркмены, движение, царь, хан.

Начало 1884 г. ознаменовалось добровольным вхождением Мервского оазиса, благодаря усилиям генерал-лейтенанта А.В. Комарова, штабс-капитана (в последующем тоже генерала) М. Алиханова-Аварского, майора милиции Махтумкули-хана, Гюльджемал-ханши и некоторых других знаменитых лиц того периода, в состав южных владений Российской империи. В результате этого значительно расширилась территория Закаспийской области, созданной в административном подчинении Кавказского края (наместничества, генерал-губернаторства) после вооруженного присоединения Ахалтекинского оазиса в состав России в 1881 г.

Вслед за академиком М. Соеговым, который ввел в научный оборот много материалов из газеты «Кавказ», одного из ценных источников по начальной истории Закаспийской области[1], мы, опираясь на сведения из этого же периодического издания, выходившего в 1846–1918 гг. в Тифлисе, административном центре Кавказского края, в данной статье постараемся кратко описать поездку в Закаспийскую область главноначальствующего Кавказского края, генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова (1820–1893), занимавшего эту должность в 1882–1890 гг., в частности, его встречи с представителями местного туркменского населения и некоторые последующие события.

Главноначальствующий Кавказского края А.М. Дондуков-Корсаков, возвратившийся недавно из Санкт-Петербурга, в сопровождении нескольких лиц, приехал из Тифлиса в Баку. Вместе с ними 17 апреля 1884 г. на казенном пароходе «Шах Наср-Эддин» он переплыл Каспийское море. Затем они пересели на военный пароход «Красноводск», который 18 апреля «остановился у пристани Михайловского залива, исходного пункта Закаспийской железной дороги. Здесь, на длинной деревянной пристани, Главноначальствующий был встречен начальником Закаспийской области, генерал-лейтенантом А.В. Комаровым, почетным караулом от железнодорожного батальона и многими лицами местной администрации»[2].

Большая статья неизвестного автора, подписанная сокращенно «Е.К.»,

* ***СОЕГОВА Айна Мурадгелдиевна*** *— Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади; кафедра русской литературы; старший преподаватель; исполняющая обязанности заведующей кафедрой; г. Ашхабад, Туркменистан; msoyegov@gmail.com.*

[1] Соегов М. О генерале Н.Г. Петрусевиче и его трудах // Кавказология. 2020. № 3. С. 111–128; Он же. Об одной статье любовно-приключенческого содержания, перепечатанного в газете «Кавказ» от 13 апреля 1884 г. из стамбульской газеты // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: Мат-лы Междун. науч.-практич. онлайн-конф. (22–25 октября 2020 г.). Казань, 2020. С. 272–275.

[2] Кавказ. 1884. 26 мая (№ 117).

посвященнная подробному рассказу о данной поездке, была помещена в трех номерах газеты под названием «Поездка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область». Характер изложения статьи позволяет допускать предположение, что ее автор, скорее всего, находился среди сопровождающих главноначальствующего в его поездке по Закаспийской области. Автор статьи пишет, что они прибыли на поезде «до самого Кизыл-Арвата, конечного пункта Закаспийской железной дороги. Прибыв на эту станцию около полуночи, и, переночевав в вагоне, главноначальствующий, с сопровождавшими его лицами, выехал 19 апреля, в 6 часов утра, в экипажах, на лошадях, специально для того приготовленных, так как до сих пор не существует еще пассажирского почтового сообщения между Кизыл-Арватом и Асхабадом (совр. Ашхабад – *авт.*)». И поэтому, как отмечается там же, «всем едущим приходится совершать этот путь при посредстве промышленников-армян, берущих за 216-ти верстное расстояние до Асхабада не менее 60 руб. с повозки»[1].

Нетрудно представить такую картину: дилижансы князя-наместника и начальника области, специально подготовленные для них промышленниками-армянами, и фаэтоны их сопровождающих, а также вновь присоединившие к ним всадники, делали остановки в отдельных населенных пунктах по пути в Ашхабад. Так, например, в с. Бами князь А.М. Дондуков-Корсаков принял поздравление его жителей, среди которых «находился старший сын бывшего защитника Гек-тепе, умершего Тыкма-сардаря»[2]. Из исследований, выполненных в последнее время, узнаем, что один из двух руководителей (другим был Махтумкули-хан) героической обороны Геок-тепинской крепости Тыкма(Дыкма)-сердар скончался 15 июня 1882 г. в Ашхабаде, находясь в военном госпитале, спустя полтора года после второго Геок-тепинского сражения, скорее всего, по причине тяжелого воспаления полученных тогда ран. Его младший сын Ураз-берды (будущий генерал Ораз-сердар), который обучался тогда в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, во время летних каникул смог наряду с родными участвовать на похоронах своего отца и в последующих его поминках[3].

В Ашхабаде, административном центре области, проходила торжественная встреча прибывших высоких гостей. День 21 апреля был преимущественно посвящен Главноначальствующим совещаниям с начальником Закаспийской области о делах управления и будущего устройства новых подданных, а именно из Мервского оазиса. В этой связи знаменитым событием 22 апреля 1884 г. было торжественное принесение присяги на верноподданство Русскому Белому Царю (Ак-Падишаху) представителями туркменского племени сарыков в лице Сары-хана – главы их депутации. «Депутация эта уже две недели ожидала в Асхабаде прибытия Главноначальствующего», которого туркмены называли: Ярым-падишах (Полуцарь)[4]. Депутация сарыков-иолатанцев в присутствии князя и других чинов была приведена муллой к присяге на подданство Русскому Императору. По окончании церемонии всем членам депутации и их прислуге были розданы от имени Главноначальствующего подарки.

Наиболее полным изложением вышеизложенных и некоторых других событий завершается первая часть статьи автора, скрывавшего своего имени и фамилии под сокращением «Е.К.».

---

[1] Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (начало) // Кавказ. 1884. 26 мая (№ 117).

[2] Там же.

[3] Соегов М. О начале военного отрочества будущего Гравнокомандующего Закаспийским фронтом, первого туркменского генерала Ораз-сердара // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: Сб. науч. трудов. М., 2020. Вып. 2. С. 216–223.

[4] Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (начало) // Кавказ. 1884. 26 мая (№ 117).

Как известно, туркмены-текинцы Мервского оазиса письменное «Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России» приняли еще 1 января 1884 г.[1], а их «Клятвенное обещание» по тому же вопросу – 31 января того же года[2]. Следовательно, принесением туркмен-сарыков присяги на подданство Русскому Императору 22 апреля 1884 г. как бы завершилось полное юридическо-правовое оформление добровольного вхождения Мервского оазиса тогдашней Туркмении в состав России. Можно предположить, что Главноначальствующий Кавказа, находясь еще в Петербурге, получил Высочайшее разрешение принимать присяги на подданство второго по численности населения после туркмен-текинцев вновь присоединенных территорий.

В начале второй части описываемой нами статьи рассказывается о том, как большой отряд во главе с Главноначальствующим князям А.М. Дондуковым-Корсаковым, в состав которого наряду с казачьими подразделениями-всадниками вошли и члены депутации Сары-хана, после соответствующей подготовки 23 апреля начал движение из Ашхабада в сторону Мерва (совр. Мары) – в путь долгий и безводный. «На полпути от Кахки к Теджену, на ночлеге, встретил князя начальник Тедженского округа, майор Махтум-Кули-хан, старший сын известного хана Ахальского, а потом Мервского, Нурверды-хана… Махтум-Кули-хан, удалившийся было, после Гек-тепинского погрома в Мерв, возвратился в Ахал в 1882 г., а в следующем ездил в Москву в числе депутатов от населения Закаспийской области для присутствования при торжествах Священного Коронования, где ему и был пожалован чин майора. При устройстве Тедженского округа Махтум-Кули-хан был назначен его начальником»[3].

Через несколько дней, а именно 29 апреля, состоялось награждение другого достойного туркмена, заслуги которого представлены читателям газеты следующими словами: «Через разлив мы проехали по мосту-плотине, длина почти в две версты; под этой плотиной протекает вода из реки в магистральные каналы. До 600 рабочих, следящих за этой плотиной, встретили князя, стоя в ряд, с лопатами в руках, и на обращенное к ним приветствие отвечали обычным «саол» (правильнее: «саг бол» – *авт.*). Во главе рабочих находился уже пожилой круглолицый и широкобедрый текинец высокого роста, Папуш-Пехлеван (точнее: Попуш-палван – *авт.*), бывший, так сказать, главным строителем возведенной прошлой зимой громадной Кары-бендской плотины; благодаря его разумной энергической деятельности, в настоящее время уже живете на Теджене около 7 т. человек, из которых почти половина оседло. За оказанные в этом деле заслуги Папуш-пехлеван награжден был тут же Главноначальствующим малой золотой медалью»[4].

В третьей, заключительной части статьи автора, подписавшего сокращенно «Е.К.», говорится, что 30 апреля на встречу отряда двинулась масса конницы мервцев в числе более тысячи человек под командованием Мервского окружного начальника майора М. Алиханова (Аварского) и четыре хана туркмен-текинцев (племен: сычмаз, бек, бахши и векил), чтобы приветствовать Ярым-падишаха[5]. Прибыв в Мерв, князь поселился в доме (кибитках) н М. Алиханова (Аварского) и начал ознакомиться с оазисом.

Главноначальствующий в сопровождении прибывших с ним лиц, 4 мая отправился

---

[1] Документ № 101. Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России от 1 января 1884 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.htm.

[2] Документ № 102. Клятвенное обещание. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/102.htm.

[3] Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (продолжение) // Кавказ. 1884. 27 мая (№ 118).

[4] Там же.

[5] Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (окончание) // Кавказ. 1884. 30 мая (№ 119).

в восточную часть Мервского оазиса, где провел ночлег в ауле Юсуф-хана. В этом ауле проживала и «мать Юсуф-хана, Гюль-Джамал, вдова бывшего хана Ахальского и Мервского, Нурверды, пользующаяся большим уважением в народе и имевшая не маловажное влияние на принятое мервцами решение добровольно вступить в подданство России. Во внимание к оказанной ей в этом случае услуги Государю Императору угодно было пожаловать Гюль-Джамал богатый парчовой халат с собольей опушкой и кушак с большими, в туземном вкусе, пряжками, усыпанными бирюзой и кораллами»[1]. Главноначальствующий, пригласив ее в дом М. Алиханова, в присутствии сына Юсуф-хана и пасынка Махтумкули-хана вручил ей эти Царские подарки. Несколько позже князь также через сына и пасынка Гюль-Джамал-ханши отправил ей свои личные ценные подарки.

Тогда, когда перед помещением Главноначальствующего собрались ханы, разные почетные лица, ишаны, судьи, старшины, заявившие себя какими-либо услугами русской администрации, всех их князь благодарил за службу и лично раздавал награды, заключавшиеся в медалях и разных ценных подарках[2].

Заслушивает особого упоминания и тот факт, что, узнав по дипломатическим каналам о прибытии в соседнюю Закаспийскую область важного Российского вельможи, Его Величество Шах Персии (Ирана) для встречи с ним направил в Ашхабад своего дипломата. 15 мая 1884 г., в 11 часов утра, сертип первой степени Мирза Маасум-хан был принят Главноначальствующим в присутствии генералов Комарова и Шепелева, и передав от имени Шаха приветствие, вручил князю письмо от Хорасанского наместника, брата Его Величества. Мирза Маасум-хан служил в Министерстве иностранных дел Персии и занимал тогда должность кяргюзара Хорасана и Сеистана. Он бегло говорил по-французски и понимал русский язык. В честь персидского посланца был дан обед, на котором присутствовали военные и гражданские чины, находившиеся в Ашхабаде[3].

Обратный путь Главноначальствующего Кавказа и сопровождавших его лиц в Тифлис проходил по тому же маршруту, по которому они прибыли в Закаспийскую область. 20 мая 1884 года они уже находились в Тифлисе.

В заключительной части статьи хотим констатировать тот факт, что подписавшим первыми упомянутые выше «Прошение…» и «Клятвенное обещание» четырем ханам мервских текинцев вскоре после посещения оазиса князям А.М. Дондуковым-Корсаковым Высочайшим приказом от 30 июля 1884 г. были присвоены милицейские чины. Об этом своевременно известила своих читателей цитируемая нами газета следующим сообщением: «Производятся: по иррегулярным войскам: мервские ханы: племени утамыш, родов: бахши, Сары-Батыр-Хан-Чары Батыр-оглы; сычмаз, Ораз-Нияз-Майлы-Хан-Берды-Нияз-Хан-оглы; племени тохтамыш, родов: векил, Магомед-Юсуф-Хан-Нур-Верды-Хан-оглы; бек, Мурад-Хан-Арбаб-Бек-оглы, – все четверо – в капитаны милиции»[4]. Можно не сомневаться в том, что здесь налицо заслуга Главноначальствующего Кавказского края, в составе которого находилась в тот период Закаспийская область, тем более он во время своей поездки лично встретился с этими ханами.

В бытность генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова в должности Главноначальствующего Кавказского края, а именно согласно «Высочайшему приказу по военному ведомству» от 27 октября 1888 г. проходило повышение в чинах и награждение орденами большой группы туркмен Закаспийской области: «Производятся: состоящие по милиции: поручик Нефес-Мерген-Душ-Магомед-

[1] Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (окончание) // Кавказ. 1884. 30 мая (№ 119).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Высочайшие приказы по военному ведомству // Кавказ. 1884. 8 авг. (№ 177).

оглы – в штабс-капитаны; прапорщики: исправляющий должность помощника пендинского пристава Мервского округа Гусейн-Хан-Тангры-Берды-Беков, Менгли-Хан, помощник заведывающего туркменской конной милицией Малахия-Квaджиев-Маргания и исправляющий должность помощника туркменской конной милицией Баба-Хан – в подпоручики, – все пятеро – с оставлением по милиции; письменный переводчик управления Мервского округа Молла-Саат-Магомед-Авган-Ишанов и почетный туркмен Ахал-Текинского уезда Куль-Батыр-Сардар-Кадамов, оба – в прапорщики милиции»[1].

Этим же своим приказом «Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать ордена, для нехристиан установленные: Св. Анны 2 ст. – начальнику Тедженского округа, подполковнику милиции Махтум-Кули-Хану; Св. Анны 3 ст. – капитанам милиции: управляющему родом векил мервских текинцев Магомед-Юсуф-Хан-Нур-Верды-Хану-оглы, управляющему родом сычмаз мервских текинцев Ораз-Нияз-Майлы-Хан-Берды-Нияз-Хану-оглы, управляющему родом бахши мервских текинцев Сары-Батыр-Хан-Чары-Батыру-оглы и исправляющему должность помощника Иолотанскаго пристава Мервского округа Сары-Хан-Овез-Хану-оглы; Св. Станислава 3 ст. – управляющему родом бек мервских текинцев капитану милиции Мурад-Хан-Арбаб-Беку-оглы и помощнику Серахского пристава Мервского округа капитану милиции Магомед-Теке-Хану»[2].

Родовые ханы и другие туркмены, удостоенные в должностях, чинах и наградах, до конца своей жизни преданно служили царю и отчизне. Их исключили из списков лишь по причине кончины. В «Высочайшем приказе по военному ведомству» от 28 января 1912 г. читаем: «Умерший исключается из списков: майор милиции Сары-Батыр-Хан-Чары-Батыр-оглы»[3].

Источники и литература

1. Высочайшие приказы по военному ведомству // Кавказ. 1884. 8 авг. (№ 177).
2. Документ № 101. Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России от 1 января 1884 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.htm.
3. Документ № 102. Клятвенное обещание. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/102.htm.
4. Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (начало) // Кавказ. 1884. 26 мая (№ 117).
5. Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (продолжение) // Кавказ. 1884. 27 мая (№ 118).
6. Е.К. Поездка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондунова-Корсанова в Закаспийскую область (окончание) // Кавказ. 1884. 30 мая (№ 119).
7. Кавказ. 1888. 7 нояб. (№ 295); 1912. 5 февр. (№ 29).
8. Соегов М. О генерале Н.Г. Петрусевиче и его трудах // Кавказология. 2020. № 3. С. 111–128.
9. Соегов М. О начале военного отрочества будущего Гравнокомандующего Закаспийским фронтом, первого туркменского генерала Ораз-сердара // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: Сб. науч. трудов. М.: Эдитус, 2020. Вып. 2. С. 216–223.
10. Соегов М. Об одной статье любовно-приключенческого содержания, перепечатанного в газете «Кавказ» от 13 апреля 1884 г. из стамбульской газеты // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: Мат-лы Междун. науч.-практич. онлайн-конф. (г. Казань, 22–25 октября 2020 г.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 272–275.

[1] Кавказ. 1888. 7 нояб. (№ 295).
[2] Там же.
[3] Кавказ. 1912. 5 февр. (№ 29).

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-36

Я.Г. Солодкин*

ВТОРОЙ КРЯДУ ОПАЛЬНЫЙ НА УФИМСКОМ ВОЕВОДСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ ОКОЛЬНИЧЕГО Н.В. ГОДУНОВА

Аннотация. В статье показаны основные вехи биографии второго уфимского воеводы Никиты Васильевича Годунова. Он занял эту должность в начале 1606 г., будучи опальным. Ранее получивший от Лжедмитрия I назначение в Тобольск, чашник, дворянин московский, стольник и окольничий, он до наступления «разорения русского» воеводствовал в Белеве, участвовал в Ругодивском и Серпуховском походах, придворных церемониях, являлся объезжим головой в столице. По возвращении из Уфы, он сопровождал Михаила Федоровича в «троицких» походах, выполнял дипломатические поручения и участвовал в обороне Москвы от войск королевича Владислава.

Ключевые слова: Уфа, воеводское управление, Н.В. Годунов, ссылка, Смутное время, военная и дипломатическая деятельность.

Первый воевода Уфы М.А. Нагой, являвшийся главой местной администрации без малого два десятилетия (1587–1605 гг.), принадлежал к многочисленному роду, подвергшемуся гонениям, как только не стало Ивана IV, и был направлен туда в опале[1]. Поневоле оказался уфимским воеводой при самозваном царе Дмитрии, обрушившем репрессии на Годуновых, и один из них – окольничий Никита Васильевич, которому довелось провести в городе у р. Белой самую драматическую пору «разорения русского» двух первых десятилетий XVII в. Заметим, что вывод, будто до начала «бунташного века» «все управление (Башкирией – *авт.*) ограничивалось посылкой из Казани годовальщиков в новопостроенную Уфимскую крепость для сбора ясака», противоречит указанию на воеводство М.А. Нагого в этой крепости с 1586 г.[2], точнее, со следующего.

Троюродный брат правителя, затем царя Бориса Федоровича, Н.В. Годунов (имевший братьев Григория, Ивана, Степана, получивших боярские звания, и Петра, умершего в чине дворянина московского[3]) упоминается в сохранившихся источниках с августа 1581 г., когда состоял в чашниках на приеме Грозным папского посла Антония Поссевино[4]. В 1588 г., будучи дворянином московским, Никита Васильевич был воеводой в Белеве «для приходу крымских людей»[5]. В зимнем походе 1589–1590 гг. к Ругодиву (Нарве) против шведов Годунов являлся головой в государевом полку, следом снова воеводствовал в Белеве[6]. В головах государева полка Никита Васильевич принимал участие в знаменитом Серпуховском походе избранного на трон Бориса Федоровича (тогда в Москве опасались нового нашествия хана Казы-Гирея), как стольник расписался на «Утверженной грамоте» нового самодержца[7], а по случаю его коронации в сентябре

* ***СОЛОДКИН Янкель Гутманович*** *— доктор исторических наук; Нижневартовский государственный университет; кафедра истории России; профессор; г. Нижневартовск, Россия; hist2@yandex.ru.*

[1] Солодкин Я.Г. Начало Уфы: к истории основания города и становления воеводского управления // Река времени. 2020. Уфа, 2020. С. 7–14.

[2] Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 18, 94, 100, 119, 121.

[3] Н.В. Годунов намного пережил всех своих братьев.

[4] Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прил. С. 21.

[5] Разрядная книга 1550–1636 гг. (далее – РК). М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 54; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР). М., 1979. Ч. 1. С. 125, 276.

[6] РК. Т. 2. Вып. 1. С. 64, 74, 75.

[7] Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о том, что к осени 1598 г. «избирательная грамота» была составлена и началось ее подписание.

1598 г. удостоился чина окольничего; 1 октября 1602 г. и 24 апреля 1603 г. участвовал в церемониях пожалования в окольничие своего племянника Ивана Ивановича и в бояре – С.А. Волосского, а с мая 1603 г. находился «в объезде» в столице[1]. Осенью следующего года, имевший как и многие другие Годуновы поместье «на Вязьме», Никита Васильевич снарядил 20 всадников в армию, которая готовилась выступить против самозваного царевича в южнорусские уезды[2]. Это может свидетельствовать о том, что будущий уфимский воевода являлся крупным землевладельцем. Кроме вяземского поместья, Н.В. Годунову принадлежала вотчина в Угличском уезде[3]. В отличие от И.И. Годунова его дядя не был включен ни царем Борисом, ни наследовавшим ему Федором в число военачальников, отправленных против отрядов «расстриги».

Лжедмитрий I назначил Никиту Васильевича (в «товарыщи» ему определили «сродича» А.И. Вельяминова, также попавшего в немилость) на воеводство в Тобольск, и, направляясь туда, окольничий в январе 1606 г. прибыл в Верхотурье. Из Москвы по воле «расстриги» сослали, преимущественно в Сибирь, и многих других Годуновых. И.О. Тюменцев, однако, заблуждался, утверждая, что «прежние думные чины им не были возвращены»[4]. Точнее, удалив родственников царя Бориса из столицы, Лжедмитрий I не отобрал у них эти чины. Вследствие челобитной боярина М.М. Годунова, превосходившего Никиту Васильевича – своего двоюродного брата – в местническом отношении, московские власти решили не ранее января 1606 г. сделать Никиту «седоком» «на Уфе»[5]. М.М. Годунов попал в Тюмень, а во главе Тобольского разряда, т. е. «наместником» Сибири, оказался стольник князь Р. Троекуров[6]. В Уфе Н.В. Годунов провел несколько лет[7], причем вскоре после воцарения Василия Шуйского туда сослали фаворита «расстриги» А.И. Власьева, и до возвращения в 1611 г. в Москву бывший казначей и думный дьяк служил «на Уфе» в городовых дьяках[8].

По утверждению Л.Е. Морозовой, в Смутное время Никита Васильевич воеводствовал в Сибири и Поволжье[9]. Точнее, в пору «межъусобной брани», сохранив чин окольничего[10], один из родственников «многославнаго» «Большого» Годунова (как один сибирский летописец назвал Бориса Федоровича) управлял Уфой – до конца 1612 г. или начала следующего. Известно, что Никита подписал грамоту Земского собора от

---

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 43, 49; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 520, 522; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 154, 164, 212.

[2] БСР. М., 1979. Ч. 2. С. 25.

[3] См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. С. 67–69.

[4] Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 334.

[5] Р.Г. Буканова отнесла высылку Н.В. Годунова в Уфу к 1605–1606 гг. См.: Буканова Р.Г. Указ. соч. С. 123.

[6] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 241–243; Бояршинова З.Я. Основание г. Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 45, 47. «Посылка», хотя и несостоявшаяся, Н.В. Годунова в Тобольск, между прочим, заставляет ограничить вывод о том, что «центральные власти стремились назначать на должность главного сибирского воеводы особо доверенных лиц». См.: Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. С. 49.

[7] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 84, 140; Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 267, 268, 274, 277.

[8] Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 98; Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 339.

[9] Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Воцарение Михаила Федоровича. М., 2005. С. 134.

[10] БСР. Ч. 1. С. 267.

25 февраля 1613 г., отправленную на Двину[1]. Скорее всего Никита Васильевич покинул Уфу с санкции временного правительства, образовавшегося в «очищенной» от интервентов Москве. Согласно отписке от 11 апреля 1613 г. боярина князя Ф.И. Мстиславского «с товарыщи» новому царю, «без воевод городом быть не мочно»[2]. В одной разрядной записи за 1612/13 г. стольник князь Б.А. Хилков, находившийся в Москве в апреле того же года, представлен уфимским воеводой вместе с П.И. Секериным или Секириным[3], а не с 1613/14 или следующего года, как в некоторых остальных «разрядах»[4]. По наблюдению Я.Н. Рабиновича, в конце 1613 г. – середине 1614 г. Уфой управляли Б.А. Хилков и В.В. Аничков[5].

Весной 1614 г., как и семь лет спустя, Годунов сопровождал Михаила Федоровича в «походе» в Троице-Сергиев монастырь. В декабре того же года Никита Васильевич вместе с другими «думцами» подписал грамоту в Речь Посполитую[6]. В боярской книге 1615/1616 г. Годунов упомянут первым среди окольничих (подобно «разрядам»), но без указания на размер оклада[7]. В 1617, 1619, 1621 гг. Годунов принимал участие во встречах в Москве английских и турецких послов, иерусалимского патриарха Феофана. Дважды проигравший местнические споры боярину В.П. Морозову[8], окольничий поздней осенью 1618 г., когда войска королевича Владислава подошли к столице, ведал, как и намечалось заранее, обороной участка Белого города у Арбатских ворот и от них – до Никитских ворот[9]. Умер Н.В. Годунов до 25 февраля 1625 г., когда упоминается его вдова (без обозначения имени), которой предстояло выставить 10 слуг для встречи персидского посла[10].

Таким образом, в опале попавший в Уфу как родственник царя Бориса с вступлением на престол Лжедмитрия I, Н.В. Годунов – единственный из уфимских воевод, носивший думный чин, пробыл в этом городе и время «державства» Василия Шуйского, и период междуцарствия. В «смутные лета» Никите Васильевичу пришлось выступить на административном поприще, ранее же и позднее он, хотя и не сумел отличиться, изредка действовал и на военном, и на дипломатическом. В годы «смятения

---

[1] Зимин А.А. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1957. Вып. 19. С. 191.

[2] ДР. Т. 1. Стлб. 1104–1105. Ср.: Стлб. 1108, 1139.

[3] Там же. Стлб. 1189; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 26. А.Ю. Кабанов приурочил воеводство князя Б.А. Хилкова с П.И. Секириным в Уфе к 1613 г. (до конца этого года). См.: Кабанов А.Ю. Перфилий Секирин: портрет участника Второго земского ополчения // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода: К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / Под ред. В.Н. Козлякова. М.; Ярославль, 2012. С. 65.

[4] ДР. Т. 1. Стлб. 152, 194; КР. Т. 1. Стлб. 79–80. Ранее считалось, что в 1613 г. в Уфе не было воеводы, и полнотой власти обладал стрелецкий голова, князя Б.А. Хилкова же направили в Уфу в 1615 г. См.: Буканова Р.Г. Указ. соч. С. 124, 126.

[5] Рабинович Я.Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 96. Б.А. Хилков оставался уфимским воеводой еще в июне 1616 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 116), тогда как согласно «разрядам», показаниям которых следовали А.П. Барсуков и Р.Г. Буканова, в 1615/16 г. эту должность занимал Г.В. Хлопов.

[6] Дворцовые разряды, [по] Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – ДР). СПб., 1850. Т. 1. Стлб. 132, 474, 475; Сб. имп. Русского Исторического Общества. М., 1913. Т. 142. С. 494.

[7] ДР. Т. 1. Стлб. 357; КР. Т. 1. Стлб. 565; Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. СПб., 1890. Т. 1. С. 138.

[8] Однажды при этом Никите Васильевичу даже пришлось побывать в тюрьме, поскольку он оспорил назначение ведать Москву, когда Михаил Федорович отправился в Новодевичий монастырь.

[9] ДР. Т. 1. Стлб. 140–141, 225–227, 337, 360, 400, 474, 488, 489, 509; КР. Т. 1. Стлб. 207–208, 511, 570; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века… Приложения. С. 50; РК. М., 1976. Т. 2. Вып. 2. С. 293, 299, 300. Примеч. 33; С. 313, 325, 328 и др.

[10] ДР. Т. 1. Стлб. 663.

во всей Русской земле» Уфа, насколько можно судить, сохраняла верность правительствам Шуйского[1], «седмочисленных» бояр и (со времени «московского разорения») земских ополчений, что можно признать очевидной заслугой воеводы, очутившегося там поневоле.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1841. Т. 2. IV + 438 + 30 с.
2. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н.А. Попова, члена-корреспондента Академии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол. 1571–1634. XLIV + 766 + I с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. СПб.: Типография II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 2. 392 + 3 + 15 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук: Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. СПб.: Типография II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 3. 496 + 25 с.
5. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907. XXVIII + 312 с.
6. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М.: б. и., 1979. Ч. 1. 341 с.; Ч. 2. 185 с.
7. Бояршинова З.Я. Основание г. Томска // Вопросы географии Сибири. Томск: Томский гос. ун-т, 1953. Сб. 3. С. 21 – 48.
8. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 263 с.
9. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
10. Дворцовые разряды, [по] Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Типография II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1850. Т. 1. 1612–1628. XXXVI с. + 1224 + XII стлб.
11. Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. С. 259–351.
12. Зимин А.А. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1957. Вып. 19. С. 185–193.
13. Кабанов А.Ю. Перфилий Секирин: портрет участника Второго земского ополчения // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода: К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / Под ред. В.Н. Козлякова. М.; Ярославль: 2К, 2012. С. 63–68.
14. Книги разрядные, по оффициальным оных спискам, изданныя по Высочайшему соизволению II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 1. XV с. + 1380 стлб. + III с.
15. Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб.: Типография В.С. Балашева и К^0, 1894. 152 + 85 с.
16. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. XVI + 559 + 72 + 101 + VI с.
17. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Воцарение Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005. 452 с.
18. Рабинович Я.Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Известия Саратовского ун-та: Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 92–98.
19. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: б. и., 1976. Т. 2. Вып. 1. 242 с.; Вып. 2. 243–468 с.
20. Сборник имп. Русского Исторического Общества. М.: б. и., 1913. Т. 142. XXXII + 760 с.

[1] В одной разрядной книге говорится об отправке осенью 1608 г. царем Василием сокольничего Г.Г. Пушкина «противу башкирских людей» (Белокуров С.А. Указ. соч. С. 15). В некоторых других «разрядах», однако, сказано о «посылке» Г.Г. Пушкина 24 октября того же года в Муром для похода на татар (Там же. С. 50, 99. Ср.: С. 187). С точки зрения И.С. Шепелева, отдавшего предпочтение второй из этих версий, московские власти пытались подавить антиправительственное движение. См.: Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 199–200.

21. Солодкин Я.Г. Начало Уфы: к истории основания города и становления воеводского управления // Река времени. 2020. Уфа, 2020. С. 6–14.
22. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в становлении этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 288 с.
23. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
24. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск: Пятигорский пед. ин-т, 1957. 558 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-37

Е.В. Суровцева*

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВЛАСТЯМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX в.

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости комплексного изучения эпистолярных обращений писателей к обладающим властью лицам (царям и их приближенным – чиновникам разных рангов) на материале русской литературы XIX в. Перечисляются и кратко характеризуются 4 подразновидности этого специфического эпистолярного жанра (письмо-жалоба/просьба/оправдание, письмо-декларация, письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчет, письмо-инвектива; письмо-донос нами не рассматривается), называются адресанты, адресаты, а также количество писем. Комплексный анализ этого материала поможет нам глубже осознать механизмы и принципы взаимодействия власти и литературы в целом, а также конкретных писателей и представителей чиновничьего аппарата.

Ключевые слова: эпистолярная литература, «письмо царю», литература и власть, управление литературой, русская литература, писатель и чиновник, цензура.

При изучении взаимодействия власти и литературы в России, в частности в XIX в., одним из бесценных документов, на наш взгляд, являются эпистолярные обращения литераторов правителям – царям и их приближенным разных рангов. При знакомстве с материалом (на настоящий момент нами проанализировано около 50 писем) становится очевидной его тематическая и, соответственно, стилистическая неоднородность[1]. На наш взгляд, все письма царям и их приближенным – чиновникам самых разных рангов – можно с известной долей условности разделить на 4 разновидности. Перечислим их с краткой характеристикой их содержательных особенностей и указанием адресатов, адресантов и количества писем (эта информация для удобства восприятия приведена в таблице):

1) Письмо-жалоба/просьба/оправдание – такие письма обращены, как правило, к высшей инстанции, иногда к его ближайшим соратникам; в них обычно рисуется картина крайне трудных жизненных обстоятельств автора письма или тех, за кого он просит.

Таблица 1

Перечень писем-жалоб/просьб/оправданий

Адресант	Адресат	Год(ы)	Кол-во писем
Пушкин А.С.	Александр I	1825	2
Пушкин А.С.	Николай I	1826	1
Лермонтов М.Ю.	<Объяснение корнета лейб-гвардии гусарского полка Лермонтова> – написано по требованию А.Х. Бенкендорфа	1837	1
Лермонтов М.Ю.	Великий князь Михаил Павлович	1840	1
Гоголь Н.В.	Уваров С.С.	1842	1

* ***СУРОВЦЕВА Екатерина Владимировна*** *— кандидат филологических наук; профессор Российской академии естествознания; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; филологический факультет; лаборатория общей и комьютерной лексикологии и лексикографии; старший научный сотрудник; г. Москва, Россия; surovceva-ekaterina@yandex.ru.*

[1] Более подробный анализ писем, а также их выходные данные см.: Суровцева Е.В. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX в. М., 2011; Она же. Письмо-инвектива как жанровая разновидность «письма царю» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54): В 4 ч. Тамбов, 2015. Ч. 1. С. 173–175.

Адресант	Адресат	Год(ы)	Кол-во писем
Гоголь Н.В.	Дондуков-Корсаков М.А.	1842	1
Гоголь Н.В.	Николай I	1846, 1847	2
Гоголь Н.В.	Петровский Л.А./Ширинский-Шихматов П.А./Орлов А.Ф.	1850	1
Гоголь Н.В.	Наследник Александр Николаевич	1850	1
Гоголь Н.В.	Олсуфьев В.Д.	1850	1
Достоевский Ф.М.	Александр II	1858, 1859	2
Толстой Л.Н.	Александр II	1862	1
Толстой Л.Н.	Толстой Д.А.	1872, 1874	2
Толстой Л.Н.	Набоков Д.Н.	1879	1
Толстой Л.Н.	Победоносцев К.П.	1881	1
Толстой Л.Н.	Александр III	1894	1
Толстой Л.Н.	Горемыкин И.Л.	1896	1
Толстой Л.Н.	Муравьев Н.В.	1896	1
Толстой Л.Н.	Николай II	1897, 1900	3
Толстой Л.Н.	Булыгин А.Г.	1905, 1907	2
Толстой Л.Н.	Столыпин П.А.	1908	1
Грин А.	Булыгин А.Г.	1910	1

2) Письмо-декларация содержит в достаточно развернутом виде разъяснения позиций автора по важнейшим мировоззренческим и (или) творческим вопросам (обычно это ответ оппоненту, отзыв на критику и т. д.), декларирует его политическое или писательское кредо, является для автора как бы программным документом. Нередко такие письма содержат также критику позиций оппонента или имеют целью отклонить навет, привлечь внимание к судьбе адресанта.

Таблица 2

Перечень писем-деклараций

Адресант	Адресат	Год(ы)	Кол-во писем
Тютчев Ф.И.	Николай I	1843, 1845	2
Герцен А.И.	Александр II	1855, 1857, 1865	3
Герцен А.И.	Императрица Мария Алексеевна	1858	1
Чернышевский Н.Г.	Коллективное письмо А.А. Суворову	1861	1
Чернышевский Н.Г.	Записка редакции журнала «Современник» (о преобразовании цензуры) в ответ на предложение министра просвещения А.В. Головнина предоставить свое мнение о цензуре	1862	1
Чернышевский Н.Г.	Письма Александру II без адреса	1862	5
Достоевский Ф.М.	Наследный цесаревич Александр Александрович	1873, 1876	2
Толстой Л.Н.	Александр III	1881	1
Толстой Л.Н.	Николай II	1901, 1902	2
Толстой Л.Н.	Столыпин П.А.	1907, 1908, 1909	4

3) Письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчет – эти тексты содержат славословие и благодарности по отношению к адресату. В данном контексте мы можем

назвать только одно письмо – А.П. Чехова К.Р. (1902 г.).

4) Письмо-инвектива содержит обвинения и даже вызов властям или более сдержанную по тону, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц с преобладанием гневных интонаций. В большинстве случаев авторы таких писем не затрагивают обстоятельств собственной частной жизни, во всяком случае, не сосредоточены на них. Их позиция – принципиальное инакомыслие (или выработавшееся постепенно в силу анализа внешних обстоятельств) или демонстративный разрыв некогда тесных связей, осознанный адресантом как трагический, но неизбежный.

Таблица 3

Перечень писем-инвектив

Адресант	Адресат	Год	Кол-во писем
Цебрикова М.	Александр III	1889	1
Короленко В.Г.	Филонов	1906	1

Оговорим, что в данной статье мы не рассматриваем письмо-донос, «лидером» которого считается Ф. Булгарин[1] – работа над сбором этих текстов не закончена даже вчерне; кроме того, необходимо соотнести данные письма-доносы с литературным доносительством в целом[2].

Согласно нашим подсчетам, в рамках «писем царю» было создано 22 письма-жалобы/просьбы/оправдания пятью авторами (тематически преобладают письма с просьбами за других, не за себя), 17 писем-деклараций пятью авторами, одно письмо-дифирамб/благодарность/творческий отчет одного автора, 2 инвективных текста двумя авторами.

Письма русских писателей XIX в. представителям власти свидетельствуют о попытках власти наладить диалог с литераторами и о реакции литераторов на эти попытки, об их формах, а также об ожиданиях и требованиях, предъявляемых авторами писем к своим высокопосталенным адресатам и властям в целом.

Источники и литература

1. Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX в.: Дис. … докт. филол. наук. СПб., 2003. 459 с.
2. Рейтблат А.И. «Видок Фиглярин»: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73–102.
3. Рейтблат А.И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 113–129.
4. Суровцева Е.В. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX в. М.: АИРО-XXI, 2011. 164 с.
5. Суровцева Е.В. Письмо-донос в контексте «письма властителю» (XIX–XX вв.) // Человекознание: Сб. ст. XXIV Междунар. науч. конф. (21 мая 2018 г.). Кемерово: Плутон, 2018. С. 11–17.
6. Суровцева Е.В. Письмо-инвектива как жанровая разновидность «письма царю» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54): В 4 ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. 1. С. 173–175.

[1] Акимова Н.Н. Ф.В.Булгарин в литературном контексте первой половины XIX в.: Дис. … докт. филол. наук. СПб., 2003; Рейтблат А.И. «Видок Фиглярин»: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73–102; Рейтблат А.И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 113–129.

[2] См.: Суровцева Е.В. Письмо-донос в контексте «письма властителю» (XIX–XX вв.) // Человекознание: Сб. ст. XXIV Междунар. науч. конф. (21 мая 2018 г.). Кемерово, 2018. С. 11–17.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-38

А.И. Тапилин*

ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности формирования абсолютизма в России, начиная с периода правления Ивана Грозного и заканчивая правлением Петра Первого. Выделяются отдельные специфические черты данного процесса в условиях России XVI–XVII вв. в сравнении с западноевропейским опытом. Освещаются особенности формирования новой структуры власти и управления страной в эпоху Петра I, раскрываются определенные проблемы и трудности данного процесса. Освещаются главные причины провозглашения России империей, указываются основные отличия царского титула от императорского. Подчеркиваются основные особенности, которые вкладывал в императорский титул Петр Первый. Отмечаются отдельные проблемы, возникшие при формировании в России абсолютной монархии.

Ключевые слова: бояре-аристократы, империя, Сенат, коллегии, Синод, Табель о рангах, абсолютизм.

В допетровской России великий государь, царь и самодержец, по укоренившейся еще в XV в. политической теории, являлся наследником власти византийского императора. Фактически, он выступал, как удельный князь, вотчину которого составляла вся Великороссия. В то же время византийское наследство придавало этому царствованию божественный характер. Именно по этой причине, первый русский царь Иван Грозный пытался создать теорию своей власти, характеризуя ее словом «самодержство». Этим словом он старался объяснить не только внешнюю независимость страны и ее правителя, как трактовали это понятие в прошлые времена, но и внушить подданным мысль о полной независимости, неограниченности, полной свободы государя во всех его действиях и поступках[1].

В своей практической деятельности он упорно пытался доказать эту мысль. Царь Иван Грозный четко сознавал себя правителем по милости Божьей, стремясь овладеть всей полнотой властвования. Он стремится распоряжаться государственными обычаями, точно также как землей и людьми без каких-либо ограничений. Этому способствовало очень важное обстоятельство: в XVI в. московский царь получал обязательных советников, которые давались ему по наследству самим богом, как и сама его власть над землей и людьми. Да и саму власть московские цари не представляли без тесного сотрудничества с княжеским боярством[2].

Знатный боярин-княжич XVI в. ясно осознавал свое прирожденное право на власть. Такой боярин имел свое собственное мнение по любому вопросу государственной важности, считая, что царь может даровать кого угодно землей и деньгами, но «чести» даровать он никому не может, так как человеком «честного рода» можно только родиться. Т. е. все зависит от «родовитости» предков, а не от воли государя[3].

В XVII в. в силу различных внешних и внутренних обстоятельств стоявший у трона плотный кружок бояр-аристократов – прямых потомков старых владетельных князей начинает сокращаться. Когда же в XVII в. подобного боярства не стало, московские цари, не представляя по укоренившийся с давних времен традиции своей власти без боярства, стали создавать это боярство сами. Тесный кружок бояр-аристократов заменялся

* ***ТАПИЛИН Александр Иванович*** *— Южно-Уральский многопрофильный колледж; преподаватель; г. Челябинск, Россия; Tapilin59@mail.ru.*

[1] Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1990. С. 135.

[2] Там же. С. 136.

[3] Там же.

совершенно новыми людьми, которых назначал государь. Но в силу возвеличивания их именно царем, они утратили свои прежние крепкие позиции и из обязательных царских советников превратились в его обычных первых слуг. Эта позиция существенно отличала вновь созданное московскими царями боярство от их очень влиятельных предшественников. Теперь для власти было совсем не обязательно сотрудничать в делах, как управления, так и законодательства, с родовитым княжеским боярством. Подобного боярства в то время уже просто не было. Большей частью оно было уничтожено, или потеряло былую силу еще при Иване Грозном. Окончательно же оно пало в Смутное время[1].

Боярин XVII в. занимал по вопросу о «чести», о «родовитости предков» совершенно иную позицию, которая коренным образом отличалась от позиции по данному вопросу княжеского боярства XVI в. В связи с тем, что такой боярин был пожалован «честью» государем, то, отсюда, совершенно справедливо считал, что во всех государственных делах полностью зависим от царской воли и царского решения, так как живет исключительно благодаря государеву жалованью. Таким образом, ко второй половине XVII в. власть правителя-самодержца сильно окрепла. Это произошло благодаря тому обстоятельству, что он управлял государством, главным образом, при помощи им самим созданной не родовитой боярской и служилой дворянской бюрократии[2].

Тем не менее, определенные обязательства, ярко проявлявшиеся в сложную эпоху собирания русских земель в единое централизованное государство, делали власть московского государя-правителя, в определенной мере ограниченной. Эта власть в значительной степени была связана со сложившимися к тому времени обычаями управления и законодательства. Например, очень значительным образом, власть московского правителя ограничивалась Боярской Думой. Это ограничение ярко проявлялось в том, что по укоренившейся к тому времени традиции, без ведома Боярской Думы было не в обычае решать какие-либо государственные дела. Во времена Московского правления любой полноправный государственный акт исключительно исходил как от царя, так и от бояр. «Царь указал, и бояре приговорили» – этой неизменной формулой начиналось всякое правительственное распоряжение того времени. XVII в. добавил еще одно значительное ограничение самодержавной власти – участие правителя в Совете всей земли – Земском Соборе[3].

Определенный парадокс ситуации состоял в том, что, несмотря на столь ярко выраженные ограничения, уже с XVII в., по мере увеличения количества «новых» людей на престоле, назначенных государем, полнота власти московских царей начинает быстро усиливаться. Московские цари все в большей степени начинают чувствовать себя самодержцами, именно в том понимании этого понятия, какое пытался придать ему царь Иван Грозный. Государю, к тому времени просто стала ненужной моральная поддержка Земского Собора, как деятельной самостоятельной силы. Поэтому в тот период Земские Соборы были отброшены, как ненужный элемент в государственной бюрократической системе и перестали существовать. Таким образом, получилось, что от своих предшественников, Петр Великий унаследовал более «свободную» власть, т. е. свободную, фактически, от всех тех ограничений, какие существовали для нее с XV в. К концу XVII в. в руках Петра Первого оказалась именно такая самодержавная власть, которая располагала кадрами верных ей людей, так как созданы они были этой же самой властью, как ее верные слуги[4].

Что касается Боярской Думы, то, хотя она и сохранилась при первых Романовых, ее

[1] Князьков С. Указ. соч. С. 136.
[2] Там же. С. 136–137.
[3] Там же. С. 135–136.
[4] Там же. С. 136–137.

значение стало постепенно снижаться. После отмены царем Федором Алексеевичем в 1682 г. местничества и сожжения разрядных книг значение Боярской Думы окончательно падает. Как мы уже отметили, царская власть теперь не нуждалась в «подпорке» из высших аристократов, так как Россия уверенно вставала на путь абсолютной монархии. Окончательно Боярская дума прекратила деятельность при Петре I. После переноса столицы в Петербург заседания Боярской думы, оставшейся в Москве, не проводились. В 1711 г. царем был создан новый орган – Сенат, и необходимость в Думе окончательно отпала. Петр I перестал присваивать думские чины, и за счет естественной убыли членов Боярской Думы она окончательно исчезла. Совещания с боярами продолжались в так называемой, Ближней канцелярии, которая сама по себе была не более, как личной канцелярией царя.

Теперь остановимся на причинах провозглашения России империей. Империей в Древнем Риме называли высшую государственную власть, вручаемую правителю города, области или страны. В основе данной власти лежали три основополагающих принципа: судьбой государства распоряжается народ: носителем воли народа является правительство города – магистрат; решения магистрата утверждал или отвергал сенат – высший орган, хранитель традиций и законов. Первоначально императорами называли полководцев, одержавших какую-либо крупную победу, но со времен Юлия Цезаря, т. е. с первого века до нашей эры, это звание стали носить все правители римского государства. Безусловно, Древний Рим нравился Петру Первому своей четкой регулярностью, мощью своей армии, продуманностью законов. Петр всей своей непоколебимой душой мечтал сделать свою родную Россию новым Римом. Но он мечтал сделать ее не тем «Третьим Римом» – единственным хранителем истинного христианства, о котором мечтала и постоянно говорила православная церковь. Петр мечтал сделать Россию подобной могущественному императорскому Риму, которого боялся бы и слушал весь цивилизованный мир. Поэтому, не случайно, после победы в Северной войне, он повелел скульптору Бартоломео Растрелли подготовить модель триумфальной колонны, наподобие той, которую установил в Риме император Траян в честь одержанных им побед над даками. А в 1723 г. Петр повелел, чтобы Растрелли создал его конный монумент, который должен был походить на монумент императору Марку Аврелию, который в настоящее время возвышается на Капитолийском холме Рима[1].

Создав в 1711 г. высшее государственное учреждение, Петр назвал его по римскому образцу Сенатом. Круг обязанностей Сената постоянно расширялся. Он должен был заботиться об армии, о государственной торговле, о рытье каналов, о чистоте улиц, решать гражданские и уголовные судебные дела. Такое огромное количество обязанностей, вполне естественно, привело к бездействию или к совершенно неэффективным решениям Сената. Не случайно, голландский посланник отмечал: «Самое большое неудобство заключается в том, что все дела направляются в Сенат, ничего не решающий». Петр I, прекрасно понимая это, жестоко карал сенаторов за взятки и безделье. Осознавая несовершенство вновь созданного органа, Петр, фактически, до самого конца жизни, стремился всячески улучшать работу этого высшего учреждения страны, упорно добиваясь его эффективной работы. Например, на его заседаниях стал присутствовать штаб-офицер гвардии, а гвардейцев сенаторы боялись, так как они были самыми доверенными людьми государя.

Постепенно офицеров сменил постоянный обер-фискал, затем генерал-ревизор, обязанный наблюдать за принятием, рассылкой и исполнением указов. В то же время Сенату поручили наблюдение за деятельностью всех коллегий. В 1722 г. при Сенате назначили герольдмейстера, руководившего конторой, которая должна была вести учет

[1] Овсянников Ю.М. Петр Великий. Первый русский император. М., 2001. С. 217.

всех дворян, а также составлять гербы губерний и городов. Для этой цели был даже приглашен специальный художник – итальянец Франциск Санти, который создал государственную печать и гербы 97 городов, в т. ч. и Санкт-Петербурга. В том же 1722 г. при Сенате была учреждена должность обер-прокурора, надежного человека, который был обязан тщательно следить за эффективной деятельностью этого органа. Таким надежным человеком стал Павел Иванович Ягужинский, который всегда отличался честностью, неподкупностью и прямотой суждений. Петр не боялся спорить с сенаторами и, как выдающийся государственный деятель, не стыдился публично признавать свою неправоту и ошибки. Честность и уважение Петра к сенаторам служили им достойным примером. Поэтому, сенаторы, в свою очередь, начинают работать более плодотворно, стремясь разрабатывать и принимать только эффективные законы, которые способствовали бы установлению порядка в государстве, не вымаливая у государя новых дворцов или карет. Кроме того, сенаторы не знали права неприкосновенности. Абсолютно любой сенатор, уличенный в преступлении, мог быть арестован и отдан под суд наравне со всеми прочими гражданами государства[1].

К концу XVII в. в стране действовало уже около восьмидесяти приказов, которые часто дублировали друг друга, внося сумятицу и неразбериху в государственные дела. Петр понимал, что здесь необходимо быстро навести надлежащий порядок.

Начиная с 1712 г. государственное обустройство России становится главной заботой государя. Послам в западных странах приказано было срочно присылать документы и бумаги по устройству различных учреждений в этих странах. Опыт Англии не понравился царю тем, что английский парламент ограничивал права короля и даже имел право, при определенных обстоятельствах, казнить его. В Польше сейм также часто ограничивал права государя. За образец царь взял опыт Швеции, который привлек его своей четкостью и регулярностью. В 1715 г. у царя появилась идея создания четких государственных учреждений – коллегий, каждая из которых обязана была заниматься строго определенным видом деятельности. Каждая коллегия, кроме обычных чиновников, обязана была иметь обязательно русского президента, вице-президента из иностранцев и четырех советников, один из которых мог быть иностранцем. Все вопросы они решали исключительно сообща, вынося на общее голосование. Справедливость голосования государь обеспечил лично, написав для этого специальные правила, которые насчитывали шесть пунктов, в которых были предусмотрены все малейшие детали, чтобы нельзя было подтасовать результат. Никто не имел права голосовать за другого, а наблюдали за работой каждой коллегии назначенные государем прокуроры и обер-фискалы, так называемые «глаза и уши государевы». Петр был искренне убежден, что достаточно создать эффективные и разумные государственные учреждения и на земле воцарится настоящий рай[2].

К концу XVII в. русская церковь, фактически, переживала духовный кризис. С одной стороны, реформы патриарха Никона раскололи ее на две части – староверов и никонианцев. Если староверы, ярые сторонники древних традиций, сами отлучили себя от активной жизни страны, то и на смену Никону пришли люди слабые и безвольные, которые имели очень низкое образование. В результате недовольство Петра Первого духовенством с течением времени все больше усиливалось. Именно поэтому, когда осенью 1700 г. умер патриарх Андриан, царь запретил выборы нового патриарха. Умному и блестяще образованному человеку – Феофану Прокоповичу государь дал очень ответственное поручение – сформировать особый орган, который вместо патриарха впредь должен был ведать всеми церковными делами. Это новое учреждение было

[1] Овсянников Ю.М. Указ. соч. С. 218–220.
[2] Там же. С. 221–223.

названо Святейшим Синодом, и построено оно было по принципу уже образованных коллегий с добавлением особых должностей – обер-прокурора, который выступал как государево «око», т. е. выполнял функции чиновника по судебному надзору и фискалов (инквизиторов), которые наблюдали за правильным и законным течением церковной жизни. Осенью 1721 г. Сенат, внимательно изучив регламент Синода, утвердил его, тем самым объединив духовную и светскую власть. Объявив себя главою Церкви и уничтожив патриаршество, Петр, фактически стал неограниченным самодержцем, провозгласив себя императором[1].

Наконец, в 1722 г. Петр издал один из важнейших указов своего правления – Табель о рангах. Для принятия данного указа Петр самым тщательным образом изучил перечни чинов, существовавших во Франции, Швеции, Пруссии и других европейских государствах. В результате он составил ступенчатую пирамиду военных, гражданских и придворных чинов. Табель довольно четко определял права и обязанности каждого чина и даже форму обращения к ним. Все чины и дарованные им права тщательно анализировались в Сенате. По новым законам каждый дворянин обязан был нести военную или гражданскую службу. Теперь не богатство и родовитость стали определять положение человека в обществе, а лишь принесенная им польза в строю или в канцелярии.

Естественно, что Табель о рангах вызвал огромное недовольство среди старого дворянства, так как получалось, что простой мужик за отличную службу мог со временем получить дворянский титул. За время петровского правления число дворян («шляхетства») увеличилось со 120–150 тыс. до 500 тыс. чел., т. е. примерно до 100–120 тыс. семей[2].

Петр строил дворянскую империю. Так как без грамотных и образованных людей невозможно было построить мощное, сильное государство, поэтому дворянские дети были обязаны учиться с малолетства. Тем не менее, свои жесткие требования к дворянству в виде обязательной учебы и службы, Петр попытался компенсировать усилением крепостного права. Помещики получили полное право распоряжаться судьбами своих крепостных. Помещики собирали со своих крепостных государственные налоги – так называемую подать, а сами такую не платили. Помещики определяли, кого сдавать в солдаты во время рекрутских наборов, кого посылать на строительство Петербурга, каналов и крепостей. От помещика зависело, когда и на ком имел право жениться крепостной крестьянин[3].

Теперь нам хочется выяснить главные причины принятия императорского титула Петром Первым. Этот титул был принят великим правителем далеко не случайно. Дело в том, что это новое слово по-иному освещало то новое значение, какое приобрела верховная власть во время правления Петра. Если сравнить царский титул с императорским то можно выделить их принципиальное отличие друг от друга. Царский титул московских правителей четко означал преемственность дарованной богом власти византийских цезарей, как единых на всем свете православных государей. Императорский же титул главный упор делал в толкование основ верховной власти именно светские начала. Эти светские начала были выработаны западноевропейской политической мыслью в те времена, которые проходили в ожесточенной борьбе из-за первенства власти в Европе сначала между римскими папами и императорами, а затем между королями и феодалами. Петр Первый жил и царствовал именно в то время, когда в Западных государствах, фактически, повсюду торжествовали принципы абсолютной монархии, отчетливо сформулированные и воплощенные в жизни французским королем Людовиком XIV, который являлся полнейшим идеалом для всех европейских государей того времени.

[1] Овсянников Ю.М. Указ. соч. С. 225–228.
[2] Там же. С. 229–230.
[3] Там же. С. 231–232.

Европейские правители пытались подражать этому королю буквально во всем. Петр Великий в этом вопросе не являлся исключением, также являясь поклонником Людовика XIV, с восхищением отзываясь о нем, как о короле-солнце. В представительной фигуре этого короля особенно ярко выразилось постепенно складывавшееся в XV и в XVI вв. представление о самовластном государе, абсолютном правителе своего народа. Именно этот принцип восторжествовал в Европе в XVII в., как единое, определяющее государственное начало. Феодальные силы аристократии, которые в средние века соперничали с королевской властью, значительно ограничивая ее, были окончательно сломлены, в результате чего феодалы поступили на королевскую службу. Генеральные штаты и другие подобные государственные органы, а также земские чины, которые, будучи в силе, помогли победить в упорной борьбе их общего с королями сильного и коварного врага – феодальную аристократию, в XVII в. уже политически захирели и успокоились после победоносно оконченной борьбы с феодальным засильем. Теперь они уже не претендовали и не могли претендовать ни на какую государственную власть, уступив государям право единоличного правления[1].

Таким образом, Император Петр I создал новую Россию, взяв за основу западноевропейский опыт. В России окончательно сложился абсолютизм. Но парадокс ситуации состоял в том, что все классы, все население страны оставалось в крепостном состоянии, т. е. в полной зависимости или от государя, или от помещика. В будущем это принесет России немалые проблемы, который Петр Первый в силу особенностей того времени, в которое ему довелось править страной, еще не мог осознать в полной мере. Главная же проблема, безусловно, состояла в том, что подневольный труд вообще никогда и ни при каких обстоятельствах не способствовал процветанию государства[2].

Источники и литература

1. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М.: Издательское объединение «Культура», 1990. 648 с.: ил.
2. Овсянников Ю.М. Петр Великий. Первый русский император. М.: АСТ-Пресс, 2001. 304 с.

[1] Князьков С. Указ. соч. С. 137.
[2] Овсянников Ю.М. Указ. соч. С. 233.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-39

Е.В. Тарасова*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)[1]

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию между центральными органами управления Российской империи различной ведомственной направленности, а также центральной и региональной властей по вопросам реализации аграрной политики в центральноазиатских окраинах на рубеже XIX–XX вв. Предметом разногласий являлись вопросы определения «излишков» киргизского землепользования, темпы и направления аграрной колонизации Степного края и Туркестана. Региональные органы власти преимущественно негативно воспринимали активную деятельность по заготовке переселенческих участков на вверенных им территориях. Несмотря на сопротивление генерал-губернаторов и протесты коренного населения, изъятие земель под переселенческие участки продолжалось, что привело впоследствии к обострению общественно-политической ситуации.

Ключевые слова: аграрная политика, Российская империя, Степной край, Туркестан, управление, кочевое хозяйство, переселенческое движение.

Аграрная политика играла значительную роль в системе управления окраинами Российской империи. Как отмечали А.В. Ремнев и П.И. Савельев, колонизация в пореформенный период имела почти исключительно аграрный характер и вообще аграрное развитие в России (в отличие от европейских стран) сохраняло самостоятельное значение[2]. Аграрная политика в центральноазиатском регионе Российской империи на рубеже XIX–XX вв. была результатом сложных и противоречивых взаимодействий между центральными органами управления различной ведомственной направленности, а также противостояния центральной и региональной властей. Подтверждение этому мы находим в документах фондов Российского государственного исторического архива. Аграрная политика в центральноазиатских окраинах включала три взаимосвязанных компонента, каждый из которых не может быть исследован отдельно от двух других: вопросы землепользования, переселенческое движение и седентаризация кочевников.

До обострения проблем аграрного перенаселения в европейских губерниях Российской империи вопрос юридического статуса земель, занимаемых казахами, равно как и способ их хозяйственного использования, не вызывал особого внимания властей. В последней трети XIX в. масштабная, хаотически нарастающая крестьянская миграция из европейской части России в Сибирь и азиатские окраины стала фактором, усилившим внимание органов власти к вопросам киргизского землепользования. Строительство Сибирской железной дороги способствовало значительному увеличению количества переселенцев и росту актуальности вопроса о наделении их землей.

Рост значимости переселенческой политики и связанной с ней управленческой деятельности потребовал создания специализированной структуры в системе органов государственной власти. 2 декабря 1896 г. в составе Министерства внутренних дел было учреждено Переселенческое управление. Оно занималось выдачей разрешений на

* ***ТАРАСОВА Елена Владимировна*** *— кандидат исторических наук; Алтайский государственный университет; отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; научный сотрудник; г. Барнаул, Алтайский край, Россия; forschung2005@gmail.com.*

[1] Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности».

[2] Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 7.

переселение, руководило передвижением и водворением переселенцев, осуществляло их учет, а также предпринимало попытки совершенствования миграционного законодательства.

В связи с постройкой Сибирской железной дороги впервые был поставлен вопрос об изъятии «излишков» земель из казахского землепользования. Степное положение 1868 г. допускало возможность принудительного изъятия у кочевников земель, считавшихся государственной собственностью и находившихся в бессрочном пользовании киргиз. Однако государство признавало «необходимость земельного простора для кочевников в расчете на медленную эволюцию киргизского хозяйства в сторону оседлого быта»[1]. Поэтому следующим шагом стала подготовка методики расчета норм киргизского землепользования и выявлению «излишков» земель. Изначально в основу этой работы были положены представления о нерациональности использования огромных степных просторов кочевниками, низкой рентабельности кочевого животноводческого хозяйства и архаичности образа жизни киргиз.

С целью определения норм киргизского землепользования и выявления излишков земель, годных под переселенческие участки, в 1896 г. в казахские степи (Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области) была направлена экспедиция под руководством земского статистика Ф.А. Щербины. Результаты экспедиции впоследствии использовались в качестве экономико-статистического обоснования для массового изъятия земель у кочевого населения. Экспедиция обследовала территории 12 уездов Акмолинской, Тургайской и Семипалатинской областей. К моменту проведения экспедиции на территории данных уездов уже активно создавались переселенческие поселки, жители которых арендовали пахотную и сенокосную землю у казахов. За норму была принята площадь угодий, необходимых для содержания 24 единиц скота. В результате были рассчитаны дифференцированно земельные нормы для степных уездов (табл.).

Таблица

Земельные нормы, разработанные экспедицией Ф.А. Щербины[2]

Уезды	На хозяйство земли (дес.)
Акмолинский	158–401
Атбасарский	168–384
Каркаралинский	266
Кокчетавский	209–444
Омский	168–199
Павлодарский	30–360
Петропавловский	191–510
Усть-Каменогорский	177

Вокруг этих расчетов развернулась активная борьба: генерал-губернаторы и представители киргизов считали эти нормы недостаточными для кочевого хозяйства и ставили вопрос о его дальнейшей судьбе, а Главное управление землеустройства и земледелия сочло рассчитанные нормы повышенными. Представители Переселенческого управления сетовали, что «сторонники киргизского кочевого быта, игнорируя или находя малоубедительными приведенные основания, выдвигают в качестве возражения против колонизации степи неблагоприятные, будто бы, почвенные и климатические условия, традиционную привычку киргиз к скотоводству и невозможность, будто бы, перехода к земледелию»[3].

[1] Ямзин И.Л., Вощинин В.И. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 35.

[2] Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. С. 29.

[3] Влияние колонизации на киргизское хозяйство. Издание Переселенческого управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб., 1907. С. 4.

Интереснейшим свидетельством этой борьбы стала «Записка киргизского народа по поводу отвода занимаемых им земель под устройство поселков для переселенцев», в которой изложено коллективное обращение казахов по поводу изъятия у них земель под переселенческие участки. Авторы записки вопрошали: «признает ли государство дальнейшее пребывание киргизского населения в его теперешнем кочевом состоянии удобным для высших государственно-экономических целей»[1] и высказывали надежду, что они, «как верноподданные Русского Государя, не окажутся пасынками общего для всех сынов России Отечества»[2]. Записка была доставлена в 1901 г. в Петербург в Министерство внутренних дел лично Тургайским губернатором и стала поводом для оживленного и эмоционального обмена мнениями между Переселенческим управлением и другими центральными органами власти.

На основе произведенных экспедицией Ф.А. Щербины расчетов был разработан циркуляр от 5 марта 1901 г., который предписывал временным партиям для образования переселенческих участков в Акмолинской и Семипалатинской областях следовать таким правилам:

1) чтобы в пользовании киргиз оставалось, в общем итоге по каждому установленному экспедицией по исследованию степных областей району и по каждой волости, не менее того количества земли, которое по расчету на наличное хозяйство, будет соответствовать установленной экспедицией норме, с прибавкой к этой последней еще 25%;

2) чтобы общее количество земель, обращаемых в участки, не превышало, в общем же по району и волости итога, двух третей исчисленного экспедицией излишка сверх нормальных потребностей киргиз;

3) чтобы в пользовании каждой обособленной по землепользованию группы киргизского населения, во всяком случае, оставалось не менее земли, чем следует по норме, а в уважительных случаях – и более нормы, но с тем, чтобы оставление в пользовании какой либо отдельной группы киргиз более двойной пропорции земли допускалось лишь в случае невозможности использования излишних земель для целей образования переселенческих участков[3].

Поскольку землеотводные работы в тургайских степях не прекратились, в 1902 г. в Министерство внутренних дел поступила вторая «Записка киргизского народа по поводу отвода занимаемых им земель под устройство поселков для переселенцев», в которой излагаются аргументы в пользу прекращения переселенческого движения: «Природные условия нашего края таковы, что в нем возможно только степное хозяйство, т. е. скотоводчество, но не оседлое хлебопашество. А между тем если настоящий опыт с отрезкою земель для переселенцев будет продолжаться в том же направлении в каком он совершается теперь, то не принеся пользы выходцам из России, он в то же время настолько подорвет благосостояние коренного киргизского населения Тургайской области, что исправить его последствия уже не окажется возможным»[4].

Кочевники всеми способами уклонялись от попыток вовлечь их в процесс согласования границ «излишних» земель, предназначенных для переселенцев. В частности, в 1903 г. Министерство земледелия и государственных имуществ вело переписку с Переселенческим управлением Министерства внутренних дел по вопросу о предъявлении киргизам проектов выдела излишних земель под заселение. Заведующий Тургайской временной партии для заготовления переселенческих и запасных участков сообщил Департаменту государственных земельных имуществ, что в практике работ по Тургайской области бывали случаи, когда аксакалы и киргизские должностные лица,

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 600. Л. 148 об.
[2] Там же. Л. 156 об.
[3] Там же. Д. 1216. Л. 2–13.
[4] Там же. Д. 600. Л. 242–247 об.

вызванные производителем работ на предъявление проекта выдела земель в переселенческие участки, вовсе не являлись или являлись в неполном числе.

Обсуждение вопроса об избыточных землях киргизского землепользования и обращении их в переселенческие участки способствовало активизации деятельности казачьих войск по легитимизации и защите их земельных прав, что нашло массовое отражение в документообороте канцелярий губернаторов, МВД и других структур[1]. Степной генерал-губернатор генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин писал в 1903 г. заведующему Семипалатинской временной партией по заготовлению переселенческих участков: «Принимая во внимание, что на некоторых из проектируемых участков в пограничной полосе могут быть поселены и казаки, я покорнейше прошу, при выработке предположений по данному вопросу иметь в виду, что в Зайсанском уезде казачье население наделяется землею по расчету на душу 44 дес. степи непригодной к орошению и 6 дес. луга, причем каждая, способная к орошению, десятина засчитывается за 2 дес. неорошаемой земли и десятина луга тоже за 2 дес.»[2].

Необходимо отметить, что степные генерал-губернаторы в изучаемый период негативно воспринимали активную деятельность по заготовке переселенческих участков на вверенных им территориях. Хранящиеся в Российском государственном историческом архиве материалы фонда Переселенческого управления содержат многочисленные свидетельства попыток региональных властей обратить процесс вспять или хотя бы снизить темпы деятельности по изъятию земель у кочевников. Обращаясь к министру внутренних дел, Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин в 1904 г. писал: «Министерством Земледелия проявлена была тенденция к понижению земельного фонда, который мог быть предоставлен в пользование киргиз…в киргизских волостях отошли под переселенческие участки лучшие земли, с хорошей почвой, угодьями и водой, и на долю кочевников оставлялись, по преимуществу, урочища с маловыгодными природными условиями»[3]. Проведенные в феврале–марте 1905 г. Совещания по вопросам, связанным с образованием переселенческих участков в областях, управляемых по Степному положению 25 марта 1891 г., рассмотрели спорные вопросы и оставили ситуацию без изменений[4].

Сторону кочевников в данном вопросе приняло Главное управление государственного коннозаводства: руководитель этого ведомства в 1898 г. направил Министру Земледелия и Государственных Имуществ А.С. Ермолову просьбу оставить достаточное количество сенокосных угодий в пользовании киргизов-коневодов Актюбинского и Кустанайского уездов, где были расположены заводские степные конюшни[5].

Недовольны результатами мероприятий по изъятию земель у казахов (правда, по иным причинам) оказались и сторонники активизации переселенческого движения. Возникшие межведомственные разногласия, высокий общественный резонанс вопроса об излишках киргизского землепользования и воздействия изъятий земли на кочевое хозяйство стали причиной повторного исследования в 1905 г. Аракарагайской волости Кустанайского уезда Тургайской области. Обследование было проведено заведующим переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе Цабелем по программе экспедиции Ф.А. Щербины.

Авторы подготовленного по результатам обследования отчета уделили большое внимание влиянию земледелия на кочевников, степени их оседания, обоснованию прогрессивного воздействия переселенцев на киргизов-животноводов: «архаическая

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 111. Л. 14–15 об.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 1216. Л. 26.
[3] Там же. Л. 36 об.
[4] Там же. Д. 1563. Л. 35–36, 43–43 об., 54–54 об.
[5] Там же. Оп. 1. Д. 408. Л. 74–75.

форма хозяйства заменяется новой, более интенсивной, и земельное богатство полнее используется»[1]. Очевидно, что причиной столь активной аргументации в пользу изъятия излишков земель у кочевников стало «общераспространенное мнение, поддерживаемое иногда в печати и находящее горячих сторонников среди местной администрации, что отчуждение части земель под переселенческие участки неизбежно должно повлечь за собою и значительное сокращение скотоводства и неизбежное обеднение»[2].

В 1906 г. Переселенческое управление было передано из Министерства внутренних дел в Главное управление землеустройства и земледелия. Основное внимание в его работе в этот период уделялось заготовке земельного фонда. Поскольку вопрос о заготовке переселенческих участков не мог быть решен отдельно от вопроса землеустройства казахов-кочевников, данная проблематика становится основной в работе коллегиальных и совещательных органов при МВД и Главном управлении землеустройства и земледелия.

Журнал совещания о землеустройстве киргиз (далее – Совещание), заседания которого проходили в марте–ноябре 1907 г., является комплексным отражением правительственных подходов к решению аграрного вопроса в центральноазиатских окраинах империи[3]. В частности, в развернутом отчете Совещания изложен государственный подход к судьбе кочевого хозяйства. Совещание сочло невозможным закрепить земельные права в отношении кочевников, передвигающихся со своими стадами на сотни и тысячи верст: «Закреплять определенные земельные площади возможно *только за оседлым населением*, которое само крепко сидит на земле и пользуется прилегающими к местам его оседлости землями в твердо установившихся и постоянных границах. Предъявлять к правительству требование о предварительном поземельном устройстве киргизского населения было бы уместно в том случае, если бы переход этого населения от кочевого быта к оседлому зависел от правительства. Но это не в его власти; оно не может принудить киргиз прекратить кочевание и сделаться оседлыми землевладельцами; да они и сами не пожелали бы насильственной ломки их быта»[4]. По мнению участников Совещания, препятствие к поземельному устройству киргиз заключается не в правительстве, а в их кочевом быте. Пока киргизы остаются кочевниками, задача правительства может состоять не в поземельном устройстве, а только в сохранении за ними количества земли, необходимого для обеспечения их существующего быта.

Участвовавшие в работе Совещания представители киргизского населения – члены Государственной Думы второго созыва (Каратаев, Беремжанов, Нороконев и Кощегулов) от лица кочевников потребовали прекратить образование переселенческих участков в степных областях. Однако большинство участников Совещания сочли это невозможным, поскольку образование переселенческих участков в Степных областях производится законно существующими правительственными органами, в законно установленном порядке и на основании целого ряда особых законодательных актов.

Совещание постановило, что образование переселенческих участков не грозит интересам кочевников. Для защиты интересов киргизского населения Совещание посчитало возможным включать в состав временных комиссий выборных представителей от киргиз. Сверх того, Совещание считало полезным дополнить, в законодательном порядке, Степное Положение указанием на то, что кочевники, пожелавшие перейти к оседлому быту, могут быть наделены землей в местностях, в которые они вкочевывают, наравне с переселенцами, независимо от места их административной приписки[5].

---

[1] Влияние колонизации… С. 15.
[2] Там же. С. 8–9.
[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468. Л. 199–275.
[4] Там же.
[5] Там же.

Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия исходило из убеждения, что «нельзя серьезно отстаивать неприкосновенность втуне лежащих земель и сохранение просторов: земля слишком дорога, слишком велика в ней нужда, чтобы можно было расточать земельные богатства»[1]. Очевидно, что на высшем государственном уровне эту точку зрения разделяли. По мнению В.С. Дякина, «столыпинская реформа стала побудительным толчком к «простым» решениям в казахских степях»[2]. Массовая конфискация казахских земель проводилась под лозунгом перевода их от кочевого образа жизни к оседлому, и сопровождалось рассуждениями о том, что власть переориентируется на интересы казахской бедноты, не имеющей скота.

Как отмечали И.Л. Ямзин и В.И. Вощинин, «государство вначале признавало необходимость земельного простора для кочевников в расчете на медленную эволюцию киргизского хозяйства в сторону оседлого быта»[3]. Однако для создания переселенческих участков у кочевников изымали все новые и новые земли.

19 декабря 1910 г. был издан закон о дополнении ст. 270 Туркестанского положения, позволяющий распространить на Туркестанский край действие одобренной Советом Министров 9 июня 1909 г. Инструкции, которая предусматривала порядок определения государственного земельного фонда из излишних для кочевого населения земель и устанавливала возможность и основания перевода желающих из числа кочевников на оседлое положение, с предоставлением им переселенческих наделов. Таким образом, появилась возможность заменить прежнее закрепление фактического землепользования отводом кочевникам, переходящим к оседлости, земельных наделов по переселенческим нормам, на одинаковых основаниях с русскими переселенцами, т. е. в бессрочное пользование и с уплатой за отведенный надел оброчной подати[4]. Норма составляла не более 15 дес. земли на каждую мужскую душу.

Правила о порядке отвода наделов переходящим к оседлости киргизам предполагали, что освободившиеся вследствие неявки или ухода киргиз земельные доли поступают либо под водворение киргиз той же волости, либо русских переселенцев, но только в том случае, если возможно выделение освобождающихся участков в самостоятельный поселок. Между тем практика показала, что весьма часто, в связи с условиями водопользования, не представляется возможным выделить такие участки в отдельное пользование и потому представляется необходимым допустить смешанное поселение русских и киргиз, с образованием из них одного общества.

Чиновниками Переселенческого управления было отмечено, что весьма часто киргизы, несмотря на истечение сроков, данных им для оседлого устройства, не водворяются на участках, а некоторые и совсем отказываются от водворения. Между тем точного учета свободных долей на киргизских участках не ведется и поэтому не представляется возможным использовать эти доли для русских переселенцев, в то время как киргизы извлекают из этого пользу и сдают участки в аренду и даже продают. Объясняется это тем, что водворение киргиз на участках и последующее заведование ими возложено на уездных начальников, мало заинтересованных в использовании свободных долей. Поэтому Переселенческое управление считало необходимым необходимо передать административное управление оседлыми киргизскими участками заведующим подрайонами, на правах крестьянских начальников[5].

Таким образом, несмотря на сопротивление генерал-губернаторов и протесты

---

[1] Влияние колонизации… С. 15–16.

[2] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 56.

[3] Ямзин И.Л., Вощинин В.И. Указ. соч. С. 35.

[4] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 54. Л. 9–10.

[5] Там же. Л. 16–17.

коренного населения, изъятие земель под переселенческие участки продолжалось. Результаты реализации аграрной политики российской империи в Степном крае и Туркестане оказались весьма противоречивыми. Интенсивное разрушение кочевого хозяйства и связанной с ним родовой общины повлекло за собой маргинализацию части казахского общества, углубление в нем имущественного и социального расслоения. Несовершенство механизмов седентаризации препятствовало эффективному решению задачи оседания кочевого населения. Колониальный оттенок аграрной политики правительства привел к обострению социальных противоречий и, как следствие, нарастанию противодействия этой политике со стороны кочевников.

Источники и литература

1. Влияние колонизации на киргизское хозяйство. Издание Переселенческого управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб., 1907. 16 с.
2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. 1000 с.
3. Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 5–18.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 1. Д. 408; Оп. 2. Д. 600, 1216, 1563; Оп. 3. Д. 111; Оп. 6. Д. 54; Ф. 1276. Оп. 4. Д. 468.
5. Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. 102 с.
6. Ямзин И.Л., Вощинин В.И. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. 238 с.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-40

С.Х. Хакимов*

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (80–90-е гг. XIX в.)

Аннотация. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, извлеченных из Полного собрания законов Российской империи, ведомственных инструкций рассматриваются организационно-правовые особенности формирования института полицейских урядников в Уфимской губернии в 1870–1890-е гг. Анализируется их правовое положение, качественный и количественный состав. На основе привлечения архивных источников, некоторые из которых впервые вводятся в оборот, уточняются вопросы профессиональной подготовки урядников в регионе.

Ключевые слова: полицейский урядник, Уфимская губерния, уездный исправник, циркуляр МВД, инструкция.

На современном этапе сохраняется повышенный интерес к проблеме истории отечественных органов внутренних дел, в т. ч. к институтам региональной полиции[1]. К их числу следует отнести и организационно-правовые особенности формирования службы полицейских урядников в подразделениях уездной полиции[2]. Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение предпосылок создания и этапов организационно-правового оформления службы полицейских урядников в уездах Уфимской губернии пореформенного периода.

В пореформенный период в России наблюдался неуклонный рост преступности, связанный как с обнищанием населения, так и с усилением революционного движения. По данным дореволюционной статистики, общее число осужденных возросло всего лишь за 1860–1863 гг. почти на одну треть (с 79 до 104 тыс. чел.), причем особенно интенсивно – почти на 40% – увеличились государственные преступления, в 1,5 раза (против частной собственности государства) и воровства – немногим менее $^1/_3$ (против частной собственности)[3]. Рассматривая структуру преступлений в России за 1874–1890 гг., С.С. Остроумов отмечает, что имущественные преступления, главным образом кражи, составили примерно $^2/_3$ всех уголовных нарушений[4]. Такая же картина наблюдалась и на периферии. Так, в Уфимской губернии за 1874–1890 гг. количество преступлений возросло в 1,9 раза, с 2 173 до 4 234[5]. В 1890 г. было осуждено 1 176 мужчин и 75 женщин против здоровья и чести частных лиц – против порядка управления 250 мужчин и 7 женщин (20%), по службе государственной и общественной – 103 мужчины (8%) и т. д.[6] Подавляющее их число совершалось в сельской местности.

* ***ХАКИМОВ Салават Хазибович*** *— кандидат исторических наук; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; кафедра истории и теории государства и права; доцент; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; khakimov72@yandex.ru.*

[1] Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицеистики // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 9–14; Они же. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Воронеж, 2018; Ахмедов Ч.А. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2018.

[2] Рязанов С.М. Урядники Пермского уезда в 1878–1917 гг.: институциональный, социальный и личностный аспекты // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. 2012. Вып. 3 (20). С. 68–77; Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского гос. ун-та. 2011. № 82 (1–1). С. 211–215.

[3] Остроумов С.С. Преступность, ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 18.

[4] Там же. С. 33.

[5] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 58.

[6] Обзор Уфимской губернии за 1890 г. Уфа, 1991. С. 94.

Одной из первых мер для укрепления органов сельской полиции явилось создание института полицейских урядников. В своем представлении по этому поводу министр внутренних дел предлагал учредить должности урядников в сельских местностях 46 губерний, управляемых по Общему положению, и 2 тыс. чел. конно-полицейской стражи в крупных городах. Полицейские урядники предназначались в помощь становым приставам «для исполнения полицейских обязанностей, а также для надзора за действиями сотских и десятских на местах». Конно-полицейская стража – для того, чтобы «при каких-либо экстренных обстоятельствах в одном пункте можно было бы сосредоточить, с должной быстротой, достаточное количество [вооруженной силы], проникнутой духом дисциплины…»[1].

Представление министра внутренних дел обсуждалось в Комитете министров в конце мая – начале июня и было целиком одобрено. 9 июня 1878 г. Высочайше утвержденный проект Временного Положения о полицейских урядниках в 46 губерниях по общему учреждению управляемых был утвержден императором[2]. В ст. 4 проекта отмечалось, что «урядники определяются в должности уездным исправником из лиц, оказавшихся по сделанному исправником испытанию наиболее годными к полицейской службе»[3]. Его вооружение состояло из шашки драгунского образца, отпускаемым Военным министерством из суммы, вносимые в смету Министерства внутренних дел. Кроме того урядникам предоставляется сверх казенного вооружения иметь и собственное огнестрельное вооружение.

Следующим шагом на пути реализации вышеприведенного нормативного акта явилось утверждение 19 июля 1878 г. «Инструкции полицейским урядникам», которая была подписана министром внутренних дел А.Е. Тимашевым и отпечатана в типографии МВД[4]. В ней более подробно были сформулированы их правовой статус и место в общей структуре сельской полиции. Инструкция состояла из 42 параграфов и 4 приложений. Условно их можно разделить на 3 блока. В первом регламентировались общие обязанности урядников (§ 1–4; 14, 15, 17, 31–34; 36, 38, 40–42), во втором – описывались обязанности полицейских урядников по охране личной и имущественной безопасности, тишины, порядка и спокойствия (§ 4–7; 16, 18–23; 26, 30, 39), заключительная часть включала статьи об обязанностях урядников по борьбе с преступностью (§ 8–13; 24, 25, 27–29; 35, 37).

Перечень обязанностей урядников начинался с обеспечения общественного порядка близ церквей, во время богослужения и крестного хода. Следующая обязанность возлагалась на урядников по недопущению антиправительственных действий в виде кривотолков, а равно действий, направленных против законных властей и общественного порядка, подрывающих нравственность и права собственности. Так, согласно п. 5 Инструкции, урядникам вменялось в обязанность:

а) чтобы не распространялись среди народа, на фабриках, заводах, в питейных заведениях и т. п. злонамеренные суждения и слухи;

б) чтобы не были распространяемы посредством рассылки, раздачи, разбрасывания или иным способом листовки, книги, картины и т. п. преступного содержания;

в) не допускать сход общин и собраний и действий, против тишины и спокойствия;

г) чтобы не происходило буйства и беспорядка в публичных собраниях и местах.

Они также выявляли ношение запрещенного оружия; контролировали соблюдение мер предосторожности при складировании и перевозке тяжеловесных грузов, за

[1] Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 67.

[2] Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб., 1880. Т. 53. Ч. 1. С. 398–400. Ст. 58 610.

[3] Там же. С. 399.

[4] Инструкция полицейским урядникам [утверждена Министерством внутренних дел 19 июля 1878 г. СПб., 1878 г.].

соблюдением правил продажей спиртных напитков в питейных заведениях, на ярмарках, и в других определенных Инструкцией случаях. Урядники докладывали становому приставу, судебному следователю и товарищу прокурора окружного суда о чрезвычайных происшествиях и преступлениях, и до прибытия кого-либо из вышеперечисленных лиц приступали к проведению дознания. Дознание проводилось урядником по делам, выявленным лично, либо по заявлениям или сообщениям граждан, причем дела о преступлениях запрещалось оканчивать примирением сторон. Урядники были обязаны при открытом сопротивлении распоряжениям полиции и законным представителям власти докладывать становому приставу для принятия установленных законом мер и по возможности через сотских и десятских задерживать буйствующих, а также им обязаны в этом помогать волостные старшины и сельские старосты. Урядники обязывались в качестве профилактико-предупредительных мер регулярно, как можно чаще, обходить или объезжать вверенный им участок территории уезда, с целью профилактики посещать общественные места и промышленные предприятия, осматривать глухие места, притоны. Полицейские урядники обязаны были проживать на своем административном участке и без ведома непосредственного начальника не отлучаться с обслуживаемого участка[1]. Вот далеко неполный перечень обязанностей новых служителей порядка.

Положение о полицейских урядниках вводилось в Уфимской губернии с 15 сентября 1878 г., по штату здесь полагалось 110 урядников[2]. В Уфимский, Мензелинский и Стерлитамакский уезды было назначено по 18 урядников, в Белебеевский – 20, Бирский – 21, Златоустовский – 15 урядников[3].

Практическая реализация нормативного акта на начальном этапе в Уфимской губернии осуществлялось под общим руководством губернатора В.Д. Левшина, который руководил губернией с 1876 по 1880 г., имевший опыт работы на посту вице-губернатора Самарской и Воронежской губерний[4].

По данным от 3 июня 1884 г. в губернии уже проходили службу всего 119 чел.: в Уфимском и Стерлитамакском уездах числилось по 20 урядников, Бирском – 23, Белебеевском – 22, Мензелинском – 18, Златоустовском – 16 урядников[5]. Подавляющее число урядников были представлены отставными нижними воинскими чинами. На 1884 г. из 119 урядников последние составляли 78 чел. (65,5%).

Представляет интерес сведения о составе урядников по вероисповеданию. Из 4 888 обследованных урядников – 4 658 (96,3%) православных, а иноверцы составляли 230, магометан из них 39 чел. (0,79%). Среди них числилось 9 башкир, таким образом, подавляющее большинство урядников было православного вероисповедания[6]. Так по ведомости о переменах в личном составе полицейских урядников по Белебеевскому уезду Уфимской губернии за 1881 г. из 22 урядников пятеро были башкирами (22,7%). На должность урядника первого участка 1-го стана был определен 22 июня 1879 г. зауряд-хорунжий Мухаметдин Абдулкагиров, на третьем участке – в канцелярские служители 13 августа 1881 г. определен Габдулкарим Терегулов, на 6-й участок 20 февраля 1880 г. – запасной ефрейтор Абдулшариф Исмагилов, на 5-й участок – башкирец Саитгарей Тайчинов, переведеннный из 15-го участка 2-го стана[7].

В штатах урядников наблюдалась большая текучесть. В 1881 г. из 23 урядников

[1] Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1876 г. СПб., 1880. № 124. С. 175.

[2] Российский государственный историческй архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 271. Л. 29.

[3] Там же. Д. 271. Л. 278.

[4] Кантемирова Р.И. Государственная деятельность В.Д. Левшина // Актуальные вопросы отечественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 36. С. 115–119.

[5] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 439. Л. 11–26.

[6] Ахмедов Ч.А. Указ. соч. С. 220.

[7] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 424. Л. 28–30.

15 чел. было уволено: 2 – по подсудности, 3 – за неблагонадежность, 2 – за нетрезвый образ жизни, 1 – по несоответствию своему назначению, 7 – по собственному желанию[1]. В 1884 г. в целом по Уфимской губернии по причине пьянства, лихоимства, несоответствия службе и другим отрицательным причинам было уволено 34 урядника[2]. Но были и редкие исключения. Так военный писарь Никанор Ситников 18 мая 1883 г. был назначен на должность урядника 7-го участка 2 стана Белебеевского уезда и проработал на должности более 27 лет[3]. В центральном ведомственном журнале «Вестник полиции» за 1910 г. отмечалось, что «5 июля полицейские урядники 6 стана Белебеевского участка провожали своего сослуживца Никанора Егоровича Ситникова в связи с уходом по болезни. За беспорочную и усердную службу он был награжден двумя серебряными медалями и рядом благодарностей»[4].

В своем отчете департаменту полиции в 1879 г. уфимский губернатор В.Д. Левшин сообщал, что, хотя при выборе кандидатов на должность урядников ставилась задача подобрать людей нравственных, достаточно грамотных и распорядительных, «выбор таких лиц оказался крайне затруднителен по недостатку в губернии для этих должностей способных людей». Несмотря на многочисленные недостатки в деятельности урядников, они выполняли свои основные задачи. В 1879 г. в регионе ими было задержано 39 преступников, в т. ч. за убийство – 1, воров – 7, конокрадов – 12, фальшивомонетчиков – 7[5].

Опыт функционирования института урядников был обобщен и его дальнейшее развитие связано с деятельностью нового министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, который работал на этом посту 7 лет, с 1882 г. по 1889 г. В результате была подготовлена вторая инструкция, существенно переработанная с учетом негативного опыта предшествующей, утверждена министром внутренних дел Д.А. Толстым 28 июля 1887 г. и циркулярно за № 3 153 направлена всем губернаторам, в т. ч. и в Уфу.

В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранилась копия данного циркуляра с приложенной инструкцией на 103 страницах[6]. Она включала 4 раздела, состоявших из 62 параграфов и 5 приложений. Не вдаваясь в подробный анализ инструкции, укажем, что в документе акцент делался на практическую составляющую в деятельности урядников «по охране порядка и спокойствия в сельских поселениях и предупреждении и пресечение преступлений». В инструкции обращалось внимание на то, что в настоящее время, по отзывам многих губернаторов, разных должностных лиц, местных чиновников, деятельность полицейских урядников не соответствует их первоначальному назначению, «не вполне удовлетворяет общим потребностям охранения порядка и безопасности»[7]. Среди негативных причин назывались такие, как «слишком обширный круг обязанностей, возложенных на урядников, неудовлетворительный личный состав, отсутствие должной дисциплины, крайне слабый в большинстве губерний надзор за их деятельностью[8]. Для устранения вышеприведенных в циркуляре причин, негативно влияющих на деятельность урядников, отмечал министр, «я по соглашению с Министром юстиции признал полезным преподать для руководства полицейским урядникам взамен инструкции 1878 г. новую более точную инструкцию». Далее перечислялись принципиальные изменения, внесенные в документ. Заслуживает внимание п. 4, где

[1] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
[2] Там же. Л. 11–26.
[3] Там же. Д. 439. Л. 17.
[4] Вестник полиции. 1910. № 36. С. 877.
[5] Ахмедов Ч.А. Указ. соч. С. 212.
[6] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209. Л. 10–62 об.
[7] Там же. Л. 2.
[8] Там же. Л. 3.

отмечалось, что необходимо «освободить урядников от письменных сношений и от составления актов и протоколов, кроме исключительных случаев, предусмотренных инструкцией.

В циркуляре подробно анализировались вопросы подбора кадров, отмечалось, что по собранным с мест сведениям «лучшими урядниками являлись грамотные унтер-офицеры и нижние чины запаса армии»[1]. Министр потребовал от губернаторов обращать внимание на этот факт при решении кадровых назначений на местах, отмечалось, чтобы губернаторы со своей стороны осуществляли серьезный надзор за службой урядников и «в особенности в отношении к ним уездных исправников и становых приставов. Учреждение такого надзора едва-ли представит какие-либо затруднения, – отмечал министр, обращаясь к губернаторам, – если Вам угодно будет воспользоваться для того состоящими при Вас чиновниками особых поручений, советниками губернских правлений и вообще лицами, указанными в ст. 695 Т. II ч. I Св. зак.»[2]. Реализацию данного циркуляра лично возглавил уфимский губернатор П.А. Полторацкий, руководивший губернией в 1883–1889 гг.

Из журнала заседания Уфимского губернского правления от 23 октября 1887 г. видно, что в первую очередь в губернской типографии было распечатано необходимое количество экземпляров циркуляра, для выдачи каждому исправнику, становому приставу и уряднику. Здесь же было принято решение о создании при губернском правлении особой комиссии «для производства испытаний лиц, желающих поступить на должности урядников в составе: состоящего при Министерстве Внутренних Дел и в распоряжении г. Губернатора, действительного статского советника Н.А. Гурвича, советников правления, уфимского уездного исправника и уфимского полицмейстера. Комиссия должна была собираться и действовать по мере явки в Правление подлежащих испытанию лиц»[3].

Кандидаты, выдержавшие экзамены на знание инструкций и ясное понимание служебных обязанностей урядников выдавались удостоверения, с обозначением в них звания, имени, отчества и фамилии кандидата. Все документы по мере их выдачи записывались в особую книгу, которая хранилась в губернском правлении[4].

17 ноября 1887 г. за № 5 018 губернатор П.А. Полторацкий в своем распоряжении потребовал от исправников, ежегодно к 1-му числу июня месяца, представлять Губернскому Правлению точные сведения о числе имеющихся, в подведомственных им уездах, свободных вакансий полицейских урядников, с названием номеров участков и селений.

С целью повышения качественного состава исправники обязывались направлять в Штаб Казанского Военного округа ведомости вакантных должностей полицейских урядников для подбора кандидатов из числа увольняемых нижних воинских чинов, желающих поступить на должность урядников «наиболее соответствующих по их нравственных качествам, усердию к службе и расторопности, и направлять таковых, с рекомендательными от себя свидетельствами, в г. Уфу, для предварительного подготовления их к предстоящей полицейской деятельности, в ведение местного уездного исправника»[5].

Вся подготовительная работа с кандидатами по прибытии их в г. Уфу, была возложена на уфимского уездного исправника и его помощника. Они должны были разъяснить им инструкцию и научить их составлять донесения, акты и протоколы, указанные в ней. Кандидатов с хорошими нравственными качествами и безупречным

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209. Л. 3–3 об.
[2] Там же.
[3] Там же. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 553. Л. 1.
[4] Там же. Л. 2.
[5] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209. Л. 2.

поведением допускали к испытаниям для занятия должностей урядников[1]. Общее наблюдение за службой урядников и за отношением к ним уездных исправников и становых приставов, а также и за исполнением последними всех перечисленных выше их обязанностей возлагалось на чиновника особых поручений при губернаторе, коллежского асессора Шестакова[2]. Выдержавшие испытания кандидаты направлялись к уездным исправникам на соответствующие вакансии урядников. За 1888–1899 гг. комиссией было выдано 254 свидетельства на право занятия этой должности[3]. В 1888 г. по итогам испытания комиссией свидетельства получили 34 чел.[4], 1889 г. – 31[5]. В 1888 г. из 34 чел. 22 являлись уволенными в запас нижними воинскими чинами (64,7%), в числе получивших был и башкир, урядник из д. Новое Яныбаево Белебеевского уезда Талха Абызгильдин. По возрасту урядники распределились следующим образом: 19–30 лет – 21 чел., 31–40 лет – 8, 41–50 лет – 3, 51–60 лет – 2 чел. Таким образом, преимущественный состав урядников (61,7%) были молодые и энергичные служащие до 30 лет. В циркуляре Уфимского губернатора от 26 марта 1888 г. за № 1 255 право определять на должности урядников предоставлялось только при наличии у кандидатов свидетельства испытательной комиссии и обязательного согласия губернатора[6].

Анализ служебной деятельности урядников на местах выявил ряд проблем, требующих принятия безотлагательных мер. 29 февраля 1888 г. губернатор Полтарацкий издал распоряжение, в котором обязал исправников уездных городов губернии, в целях исключения командируемых в г. Уфу кандидатов, «людей малограмотных, или неспособных и, по своим нравственным качествам, не имеющих права на занятие должностей урядников», проверить их знания на месте и дополнительно консультировать на предмет знания инструкции и только потом направлять их в Уфу в экзаменационную комиссию. Прибывшие в Уфу кандидаты должны были иметь документ, удостоверяющий личность. Во-вторых, оплатить гербовым сбором свои прошения на имя губернатора. Обязательным условием также являлось наличие характеристики о поведении, нравственных качествах и неподсудности кандидатов. Для исключения повторного назначения на должности урядников, уволенных со службы, исправники должны были делать соответствующие записи на выданных испытательной комиссией свидетельствах, удостоверяющие время определения на должность и увольнения[7]. Учитывая ограниченное материальное положение кандидатов, на период подготовки к испытаниям им предоставлялось бесплатное жилье в здании приюта для мальчиков, а также необходимое продовольствие по самым умеренным ценам.

С приходом в конце 1889 г. нового губернатора Л.Е. Норда в работу экзаменационной комиссии были внесены новые изменения. 3 октября 1890 г. им были утверждены новые правила для проведения испытательных экзаменов для урядников. Отныне подготовка кандидатов была возложена не на Уфимского уездного исправника и его помощника, а на всех уездных исправников. А уфимский полицмейстер готовил к испытанию кандидатов из жителей г. Уфы, в частности, из городовых местной полицейской команды, а также всех прибывающих в г. Уфу с целью испытания на должность полицейского урядника из других губерний[8]. Губернатором также были утверждены предложения членов экзаменационной комиссии, чтобы при подготовке и

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209. Л. 2.
[2] Там же. Л. 1 об.
[3] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–18.
[4] Там же. Л. 1–1 об.
[5] Там же. Л. 4.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 1209. Л. 9.
[7] Там же. Л. 9 об.
[8] Уфимские губернские ведомости. 1891. 20 июля.

проведении экзаменов проверять, помимо инструкции, и знание строительного, врачебного и питейно-табачного уставов, а также брошюр об оказании первой медицинской помощи при несчастных случаях.

Произошли изменения и в составе экзаменационной комиссии при губернском правлении, учрежденной в 1887 г. Комиссию вместо Н.А. Гурвича с 19 октября 1892 г. возглавил губернатор Л.Е. Норд. В ее состав также вошли вице-губернатор, два советника губернского правления, губернский врачебный инспектор, губернский инженер, старший губернский ветеринарный врач и уфимский уездный исправник[1]. К участию в работе комиссии с правом голоса были приглашены губернский прокурор и начальник местного гражданского управления[2].

28 ноября 1891 г. губернатор Л.Е. Норд отменил практику назначения на должности урядников в связи с отказом многих уволенных из Казанского военного округа нижних военных чинов участвовать в испытании экзаменационной комиссией. Согласно новым правилам кандидаты должны были назначаться на уряднические должности без предварительных испытаний, и в течении 6 месяцев проходить стажировку на конкретном участке, приобретая соответствующий опыт и знания под руководством становых приставов и уездных исправников[3]. После прохождения указанной практики они направлялись для прохождения испытаний в экзаменационную комиссию в г. Уфу. По итогам испытания урядники, не выдержавшие экзамена, увольнялись. Такая практика продолжалась вплоть до 15 июня 1905 г., когда при уфимском уездном полицейском управлении были открыты курсы для подготовки полицейских стражников, преобразованные в 1906 г. в школу-резерв[4].

В начале 1898 г. вновь назначенный губернатор Н.М. Богданович ходатайствовал перед МВД об увеличении уряднических должностей на 20 единиц. Свои доводы он справедливо обосновывал территориальной разобщенностью участков от 100 до 200 верст и неравномерной плотностью населения[5]. Просьба начальника губернии была удовлетворена с выделением из казны кредита на сумму в 7 011 руб.[6]

В 1900 г. в состав шести уездов Уфимской губернии входило 178 волостей с населением 2 105 810 чел. Волости в административном полицейском отношении были преобразованы в станы, которые возглавлялись 34 становыми приставами, здесь же несли службу и 140 полицейских урядников[7].

Таким образом, создание института полицейских урядников, несмотря на определенные недостатки, в целом явилось необходимым инструментом для укрепления низового полицейского звена уездной полиции. В 1870–1900 гг. число урядников в Уфимской губернии возросло с 110 до 140 чел., большинство было представлено нижними воинскими чинами. Накапливался опыт их профессиональной подготовки. Позитивным шагом в этом направлении явилась организация при губернском правлении особой комиссии для проверки знаний будущих урядников.

Источники и литература

1. Ахмедов Ч.Н. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2018. 224 с.

[1] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 553. Л. 66.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 3–3 об.

[4] Там же. Д. 750. Л. 347 об. – 348; Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству. Уфа, 2017. С. 232–233.

[5] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 439. Л. 1–37.

[6] ПСЗ РИ. Собр. 3. СПб., 1888. Т. 18. Ст. 16 050.

[7] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 662. Л. 2.

2. Вестник полиции. 1910. № 36.
3. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 1964. 513 с.
4. Инструкция полицейским урядникам [утверждена Министерством внутренних дел 19 июля 1878 г. СПб., 1878 г.]. Б. м.: б. и., 1878. 45 с.
5. Кантемирова Р.И. Государственная деятельность В.Д. Левшина // Актуальные вопросы отечественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 36. С. 115–119.
6. Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству. Уфа, 2017. 283 с.
7. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 424, 439, 553, 662, 750, 1680; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209; Оп. 3. Д. 2.
8. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицеистики // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 9–24.
9. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Воронеж, 2018. 685 с.
10. Обзор Уфимской губернии за 1890 г. Уфа, 1891.
11. Остроумов С.С. Преступность, ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 212 с.
12. Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1880. Т. 53. Ч. 1; Собр. 3. СПб., 1888. Т. 18.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 271.
14. Рязанов С.М. Урядники Пермского уезда в 1878–1917 гг.: институциональный, социальный и личностный аспекты // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. 2012. Вып. 3 (20). С. 68–77.
15. Сборник циркуляров и инструкций МВД от 19 июля 1878 г. СПб., 1880. № 124. 140 с.
16. Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского гос. ун-та. 2011. № 82 (1–1). С. 211–215.
17. Уфимские губернские ведомости. 1891. 20 июля.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-41

Е.В. Щукина*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Возрастающий интерес политологических исследований к исполнительной власти в России связан с очевидно усиливающейся ролью бюрократического аппарата в государственном управлении. Усиление роли бюрократии и ее численное увеличение с одной стороны, и формирование общественного запроса на новый образ современного чиновника – с другой, не только актуализируют необходимость качественной системы отбора и подготовки управленческих кадров, но повышают требования к профессиональным компетенциям рядовых госслужащих, их личностным характеристикам и этическим нормам. Цель статьи – проанализировать современные принципы формирования бюрократического аппарата и существующие в этой связи проблемные зоны; проанализировать перспективные проекты, направленные на повышение эффективности государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, чиновники, гендерный баланс, образование, компетенции, этика.

Кто управляет Россией. Состав и структура российской бюрократии

Россия традиционно является страной бюрократической. Культура бюрократии в России восходит ко времени правления Петр I, а к периоду правления Николая I достигает своей развитой стадии. Фраза Николая I о том, что Россией правят столоначальники, ознаменовавшая собой появление нового правящего класса, не потеряла своей актуальности ни в советское, ни в постсоветское время.

В современной России число сотрудников органов власти различных уровней составляет 2,4 млн чел. В это число включены служащие в государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований, а также сотрудники Администрации Президента, аппаратов полномочных представителей Президента и МВД, но без учета других силовых ведомств (их численность остается засекреченной, и лишь по приблизительным подсчетам СМИ может составлять от 2,6 до 4,6 млн чел.). Согласно данным Росстата, за последние 20 лет количество чиновников в России увеличилось более чем вдвое[1]. Некоторые политологи предлагают при описании правящей бюрократии учитывать не только непосредственно самих государственных служащих, но и сотрудников государственных корпораций, банков, СМИ. В этом случае численность государственных работников может составлять более 3 млн. Если же опираться только на официальные данные, то по подсчетам Минфина, на 10 тыс. населения России приходится 163 чиновника, что составляет 3,3% от численности занятости в экономике[2]. В сравнении с другими странами это не самые высокие показатели, но политологи отмечают не количественную, а качественную разницу.

Российская бюрократическая машина действует по процедуре, по инструкции и постоянно пишет правила для самих себя. Эти правила, по мнению политолога Е.М. Шульман, необходимы бюрократии с одной стороны, чтобы она могла оперировать,

* ***ЩУКИНА Елена Владимировна*** *— Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; департамент политологии; факультет социальных наук и массовых коммуникаций; аспирант; ассистент; г. Москва, Россия; e.schukina@gmai.com.*

[1] Численность и кадровый состав государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11191?print=1 (дата обращения: 15.11.2020).

[2] Минфин назвал общую численность чиновников в России. URL: https://www.rbc.ru/society/23/09/2019/5d8868bb9a7947414a3753bd (дата обращения: 15.11.2020).

с другой – будучи написаны достаточно невнятно, дают ей нужную «свободу рук», оставляя финальное решение всегда на усмотрение конечного исполнителя. Это явление Е.М. Шульман называет перевернутой пирамидой права, ситуацией при которой инструкция, ведомственная отчетность, министерский приказ являются документами прямого действия и порой более важными, чем даже федеральный закон[1]. Как результат, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями: работой с предприятиями, населением, с учреждениями здравоохранения и социальной сферы, бюрократия занимается воспроизводством собственных функций. «Нормативные акты, создаваемые чиновниками, порождают необходимость в их исполнении и в контроле за их исполнением, не говоря уже о наказании за неисполнение. Процесс зацикливается»[2]. Бюрократическая машина воспроизводит сама себя. Именно поэтому попытки реформирования госаппарата посредством сокращения его численности едва ли ведут к успеху: после любого сокращения в России через 3–4 года его численность восстанавливается в прежнем объеме[3].

Возраст и стаж

Для классификации работников по возрасту в литературе обычно выделяют следующие возрастные группы госслужащих: молодые чиновники (до 30 лет), средние по возрасту (30–49 лет), старшие по возрасту (50–59 лет) и пожилые чиновники – старше 60 лет. Данные Росстата по возрасту и категориям должностей работников гражданской службы на 1 октября 2019 г. представлены на рис. 1.

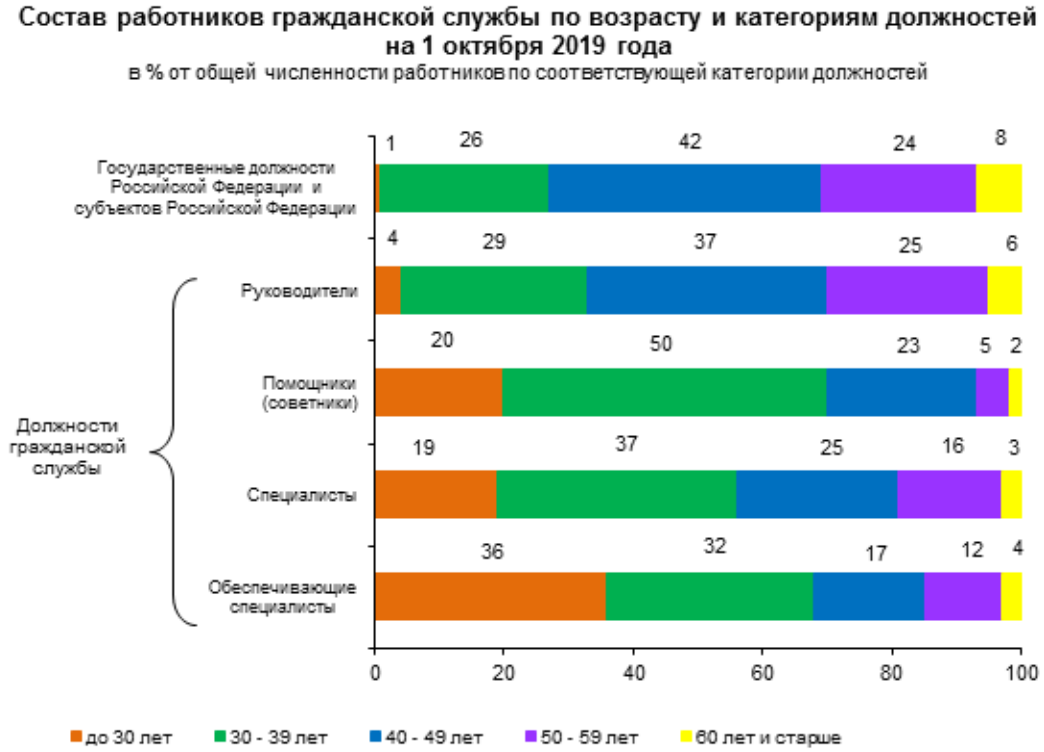


Рис. 1. Возраст и категории должностей работников гражданской службы на 1 октября 2019 г.

[1] Шульман Е.М. Кто управляет современной Россией. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FohMa4AkSE (дата обращения: 15.11.2020).

[2] Яковлев А.А. Проблема не в числе чиновников, а в качестве управления. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4348136 (дата обращения: 15.11.2020).

[3] Там же.

Согласно этим данным, преобладают по количеству госслужащие средних возрастных групп: доля 30–49-летних в органах власти различного уровня (федерального, регионального, муниципального) составляет от 49% до 73%. Однако и представителей «возрастных» групп достаточно много, особенно из числа руководителей и лиц, занимающих государственные должности: 31% и 32% соответственно. Эти обстоятельства в совокупности с повышением пенсионного возраста с 60 до 65 лет (70 лет – для руководящих постов) стимулируют поиски путей эффективного использования профессионального потенциала госслужащих старшей возрастной группы[1].

Гендерный баланс

По данным Росстата, женщины среди работников государственной службы составляют 72% (рис. 2). Эти показатели, когда они приводятся в свете вопросов гендерного равенства, выглядят внушительно. Однако важно не пускать тот факт, что чем выше должностной уровень, тем меньше там работает женщин. В частности, по уточненным данным Минтруда, на высших должностях работают только 40% женщин, в то время как на главных – 56%, на ведущих – 67%. Данные по законодательным органам власти еще более красноречивы: по состоянию на 1 января 2018 г. доля женщин в составе Совета Федерации составляла 17,8%, а в Государственной думе того же созыва – 15,9%[2].

Рис. 2. Состав работников гражданской службы по полу и категориям должностей на 1 октября 2019 г.

[1] Иванова Н.Л., Шванова И.С. Карьера государственных служащих старшей возрастной группы: ресурсы и востребованность // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 126–139.

[2] Гендерное равенство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

Первый замминистра труда и соцзащиты РФ Алексей Вовченко, отвечая в СМИ на вопрос о гендерном дисбалансе, отметил необходимость мотивировать женщин на занятие управленческой деятельностью[1]. Однако проблема может быть не только и не столько в отсутствии мотивации. Так, в докладе Российской Федерации о выполнении Конвенции ООН о ликвидации дискриминации женщин за 2014 г. авторы, выражая обеспокоенность низкой представленностью женщин на руководящих должностях (особенно в парламенте, министерствах и дипломатической службе), в качестве причин этого явления называют сохраняющиеся в стране традиционные и патриархальные взгляды, а также отсутствие необходимых мер, направленных на преодоление барьеров для женщин в политике[2].

Образование и профессиональные компетенции

Самой распространенной траекторией обновления власти остается внутренняя циркуляция элитных кадров. В статье «Российский истеблишмент: пути и методы обновления»[3], опубликованной в 2011 г. как результат исследования профессиональных характеристик правящей элиты и, в т. ч. состава обновленного Правительства 2008 г., авторы приходят к выводу, что самым мощным резервом поставки элитных кадров выступает сам аппарат исполнительной власти, а важнейшим критерием компетентности при этом считается наличие опыта работы в системе государственного управления.

В 2020 г., более 10 лет спустя, можно утверждать, что эта тенденция сохраняется. Из 17 новых членов Правительства 14 (82%) перешли в Белый дом из государственных (федеральных и региональных) органов и служб, два представителя – из сферы спорта, один – из сферы образования и науки. Очередная кадровая ротация, затронувшая кабинет Министров и губернаторский корпус осенью 2020 г., которая в общественном дискурсе была охарактеризована как «пересаживание со стула на стул», вновь подтвердила тезис о предпочтение кадрам с опытом работы на госслужбе.

В научной литературе общим местом становится не только свидетельство нехватки профессиональных кадров на ключевых государственных должностях, но и критика профессиональной квалификации и общей культуры государственных служащих как не соответствующих требованиям времени и запросам гражданского общества. Несовершенство системы вузовского образования в качестве одной из причин общественного недовольства государственными служащими может считаться только отчасти, поскольку профильное образование, по некоторым данным, имеют только 14% работников в органах государственной власти (профильным в данном случае является направление подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление»).

В.Б. Зотов отмечает огромный разрыв между ожиданиями и амбициями абитуриентов, дезориентированных понятием «управление» в названии специальности, и реальными перспективами выпускников занять управленческие должности по окончанию вузов. Вследствие чего отмечается несоответствие между престижностью специальности, конкурсом и высоким проходным баллом при поступлении и при этом отсутствием гарантий трудоустройства. В реальной жизни выпускники вынуждены соглашаться на любые предложения, которые, как правило, оказываются связаны с делопроизводством, что не только не вписывается в их карьерные планы и материальные

[1] В Минтруде рассказали, сколько женщин работает на госслужбе. URL: https://ria.ru/20191017/1559898569.html (дата обращения: 15.11.2020).

[2] Восьмой периодический доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/others/61 (дата обращения: 15.11.2020).

[3] Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С 69–79.

ожидания, но даже не требует высшего образования[1].

В качестве возможных решений по выходу из сложившейся ситуации авторы предлагают введение обязательности профильного образования, возможность получения профильного как второго высшего образования для действующих госслужащих[2], введение компетентностного подхода к оценке и формированию кадрового состава[3]. Особое внимание уделяется изменению подходов к подготовке государственных и муниципальных служащих в университетах с акцентом на этико-ценностной ориентации специалистов.

Этика госслужбы

Сегодня при исследовании особенностей государственной службы ученые обращают внимание не только на формальные, но и на социально-психологические аспекты формирования госаппарата, поскольку именно социальная среда во многом определяет формы и стиль работы государственных органов, в ней формируются ценности и приоритеты, а также отношение населения к государственным служащим и государству[4]. По мнению некоторых авторов, именно недостаток нравственности лежит в основе существующих социально-профессиональных проблем государственной службы, таких как бюрократизм, взяточничество, коррупция, снижение уровня социальной ответственности. Введение кодекса этики авторы рассматривают как один из путей выхода из сложившейся ситуации, однако тут же предостерегают от того, чтобы такой документ не становился очередным регламентов для формального исполнения[5]. Несомненно, достичь значительного улучшения положения с нравственностью в системе государственной гражданской службы возможно только при комплексном подходе к развитию государственной гражданской службы как современного социального института, открытого для различных видов социального взаимодействия и социального контроля[6].

В последние годы в нашей стране качественно улучшилась система отбора и подготовки управленческих кадров. Сегодня успешно реализуются проекты, направленные на подготовку управленцев нового типа, способных решать задачи прорывного технологического, экономического и социального развития. Среди них конкурс «Лидеры России», «Программа развития кадрового управленческого резерва» для потенциальных кандидатов в главы регионов (ее выпускниками стали губернаторы Самарской, Нижегородской, Мурманской областей, Камчатского края, Ненецкого автономного округа). Кроме того, успешно реализуются проекты, направленных на развитие инициатив и программ в интересах женщин как внутри страны, так и на международном уровне: «Евразийский женский форум», Международный Форум «Woman who matters», Национальная премия «Женщина года», Всероссийский конкурс «Женщина –

[1] Зотов В.Б. Проблемы мотивации подготовки и переподготовки кадров для государственного и муниципального управления // Муниципальная академия. 2017. № 3. С. 96–101.

[2] Колодина Е.А. Проблемы формирования профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление» // Известия БГУ. 2013. № 3. С. 52.

[3] Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–144.

[4] Миронова О.И. Психологическая специфика деятельности госслужащих // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–4. С. 36–38.

[5] Магомедов К.О. Проблема нравственности государственных гражданских служащих в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 8 (114). С. 108–113.

[6] Там же.

директор года» и др. Реализация этих проектов позволяет рассчитывать, что государственная служба в Российской Федерации может стать открытой, престижной и конкурентоспособной, основанной на высокой эффективности и активном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Источники и литература

1. В Минтруде рассказали, сколько женщин работает на госслужбе. URL: https://ria.ru/20191017/1559898569.html (дата обращения: 15.11.2020).
2. Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–144.
3. Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С 69–79.
4. Гендерное равенство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
5. Зотов В.Б. Проблемы мотивации подготовки и переподготовки кадров для государственного и муниципального управления // Муниципальная академия. 2017. № 3. С. 96–101.
6. Иванова Н.Л., Шванова И.С. Карьера государственных служащих старшей возрастной группы: ресурсы и востребованность // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 126–139.
7. Колодина Е.А. Проблемы формирования профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление» // Известия БГУ. 2013. № 3. С. 50–54.
8. Магомедов К.О. Проблема нравственности государственных гражданских служащих в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 8 (114). С. 108–113.
9. Минфин назвал общую численность чиновников в России. URL: https://www.rbc.ru/society/23/09/2019/5d8868bb9a7947414a3753bd (дата обращения: 15.11.2020).
10. Миронова О.И. Психологическая специфика деятельности госслужащих. Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–4. С. 36–38.
11. Михалева Г.М. Сейчас они жены, любовницы или протеже политиков-мужчин. URL: https://lenta.ru/articles/2019/02/08/womenpolit/ (дата обращения: 09.11.2020).
12. Синягин Ю.В. Обзор исследований карьерной траектории государственных служащих старшей возрастной группы // Наука для образования. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. С. 85–97.
13. Численность и кадровый состав государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11191?print=1 (дата обращения: 15.11.2020).
14. Шульман Е.М. Кто управляет современной Россией // Youtube-канал «Открытый Университет». URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fo-hMa4AkSE (дата обращения: 15.11.2020).
15. Яковлев А.А. Проблема не в числе чиновников, а в качестве управления. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4348136 (дата обращения: 15.11.2020).

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-42

Ж.Р. Абишева*

РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ДӘСТҮРЛІ ҚАЗАҚ БИЛІК ЖҮЙЕСІН РЕФОРМАЛАУЫ ЖӘНЕ ТАРХАНДЫҚ ИНСТИТУТТЫҢ ЖОЙЫЛУЫ [РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ И ЛИКВИДАЦИЯ ИНСТИТУТА ТАРХАНСТВА]

Аннотация. Как известно, в истории Казахстана государственность и системы управления ею основывались на степной демократии. Степная демократия в системе ханства позволяла таким социальным институтам, как бии, батыры, тарханы, вмешиваться в управление страной. Царская Россия, начиная с 40-х гг. XVIII в., ввела в традиционное казахское общество средневековую систему правления, институт тарханства. В XVIII в. впервые царь присвоил первый чин тархана Жанибеку Шакшаку из племени аргын, а второй чин – Эсету Кокюлы из Тама. По словам известного ученого Е. Бекмаханова, звание тархана было присвоено видным представителям феодалов за выдающиеся заслуги перед государством. В статье анализируются особенности и преимущества института тарханства в системе традиционных казахских институтов государственной власти и проводится сравнение их с институтами султанства, батырства и бийства. Автор акцентирует внимание на упразднении института тарханства в результате реформирования традиционной системы власти царским правительством.

Ключевые слова: реформа, власть, наследство, дипломатия, реформа, султан, тарханство.

XVIII ғасыр қазақ халқы үшін ең ауыр кезеңдердің бірі болды. Ресей, Цин патшалығы қазақтардың дәстүрлі басқару жүйесіне ықпал жасауға бар күштерін сала бастады. Олар қазақтар арасына жік салып, өз қолдаушыларын көбейту мақсатында атақ-лауазымдар мен грамоталарды таратуды қолға алды.

Әсіресе Ресей империясы қазақ өлкесін отарлау саясатын жүзеге асыру үшін ондағы жергілікті ақсүйектерге арқа сүйеуге мұқтаж болды. Сондықтан да патша өкіметі жергілікті ақсүйектерді әдеттегі құнды сыйлықтармен марапаттаудан басқа, ежелден бар тархандық атақты да пайдаланды. Бұл атақ ерте кезде (VI ғасырда) түрік қағанатында, кейін Алтын Ордада болды. Халық арасында хан атағынан аспаса да, хан билігінен кем емес-ті. Тархан атағы атадан балаға берілді. Өкімет алым-салығынан босатылды. Шын мәнінде тархан лауазымы орыс өкіметінің хан мен сұлтандар, билермен байланыс жасайтын өкілі іспетті еді. Аталмыш атақ патша өкіметіне айрықша сіңірген адал қызметі үшін берілді[1].

Патшалық Ресей өкіметі XVIII ғ. 40-шы жылдарынан бастап, қазақтың дәстүрлі қоғамына ортағасырлық басқару жүйесі тархандар институтын енгізді. XVIII ғ. патша ең алғаш рет арғын руынан шыққан Шақшақ Қошқарұлы Жәнібекке тархандық лауазымның бірінші дәрежесін, тама Есет Көкіұлына екінші дәрежесін берді. Белгілі ғалым Ермұхан Бекмахановтың дерегінше, тархандық шен феодалдың көрнекті өкілдеріне мемлекет алдындағы аса бір атқарған қызметтері үшін берілген[2].

Қазақ тарихындағы мемлекеттілік, оны басқару жүйелері дала демократиясына негізделгені белгілі. Хандық жүйедегі дала демократиясы билеуші жанындағы билер, батырлар, тархандар сынды әлеуметтік институттардың ел билеу ісіне араласуына жол ашты.

* ***АБИШЕВА Жанат Рысбековна*** *— кандидат исторических наук; Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; гуманитарный факультет; кафедра истории Казахстана; старший преподаватель; г. Нур-Султан, Республика Казахстан;* zhanat_2511@mail.ru.

[1] Қозыбаев М. Жауды шаптым ту байлап. Алматы, 1994. 86 б.

[2] Бекмаханов Е.Б. Қазақстан XIX ғасырдың 20–40 жылдарында. Алматы, 1994. 112 б.

XVII–XVIII ғасырларда Ресей патшалығы империялық отарлау саясатын Орта Азияға қарай бағыттай бастады. Отарлаудың алғашқы белгілері бодандық ноқтасын киген елдердің саяси жүйесі мен мемлекеттік құрылымдарын реформалау ісінен басталды. Ресей патшалығы бұл саясатты алдымен башқұрттар қоғамында жүргізді. Башқұрттарға тархандық грамотаны үкімет пайдасына елшілік мәмілегерлік тапсырмаларды орындағаны үшін берілген. Мәселен, Кіші жүз қазақтарының Ресей протекторатының қабылдауындағы орыс елшілігінің құрамында болып, Әбілқайыр ханмен жүргізген келіссөздер мен ханның хатын Петерборға апарып келген елшілік қызметі үшін башқұрт Таймас батырға және оның алты ұлына Ресей патша үкіметі тарапынан 1733 жылы 27 сәуірде ұрпағына мұраға кететін тархан атағы берілді. Сондай-ақ 1734 жылдың 24 желтоқсанында Алдар Есенгелдинге де Әбілқайыр ханды ұлысымен Ресей империясының құрамына енгізу жөніндегі сіңірген еңбегі үшін ұрпағына мұраға кететін тархан атағы берілді.

Е. Бекмахановтың еңбегінде «Феодал басшы топқа тархандар да жатты. Тархан деген атақты XIX ғасырда орыс өкімет орындары, ал Ішкі Ордада бұл атақты феодал шонжарлардың көрнекті өкілдеріне олардың мемлекет алдында сіңірген ерекше еңбегі үшін ханның өзі берді» делінген.

Тархан деген атақ тұңғыш рет император Елизаветаның жарлығымен 1743 жылы 11 шілдеде Жәнібек батырға берілді. 1821 жылы әскери губернатор граф Эссен би Аманша Сеңгірбаев пен Жаңбыршы Саламысовты арнаулы тапсырмамен Хиуаға жорық жасағанда аянбай қызмет қылғаны үшін тархан атану дәрежесіне жеткізді[1].

Тархан деген атақ әкеден балаға мұраға болып қалуы немесе жеке өзіне берілуі мүмкін. Бірінші жағдайда тархандардың ұлдары да «тархан» деп аталды. Мысалы, жоғарыда аталған Жәнібектің баласы – Дәуіт батыр Әскери Коллегияның 1759 жылғы жарлығында тархан деп аталған. Бұл кезеңде тархандар ерекше артықшылықтар пайдаланған жоқ, олар тек салық төлеуден ғана босатылды. Тархандардың құқықтары туралы Ішкі орданы басқару жөніндегі уақытша кеңес былай деп жазды: «Олар (тархандар) егер қолдарында ханның грамоталары болса, сұлтандармен және қожалармен қатар тек алым-салықтарды төлеуден ғана босатылды, басқа артықшылықтармен пайдаланған жоқ»[2].

Қазақ даласын зерттеуші Я.П. Гавердовский өз еңбегінде қазақ қоғамындағы әлеуметтік бөліністі сөз ете отырып, қазақ халқы әлеуметтік жағынан екі класқа яғни ақсүйек және қара сүйек болып бөлінетіндігін айтады. Бірінші класқа хан тұқымдарын: сұлтандар, старшындар, тархандар және қожалар жататындығын және рубасшылары осылардың арасынан сайланатындығын сөз етеді. Олар ең алдымен ордадағы ең ауқатты және бірқатар артықшылықтарға ие болды. Ал қарасүйек тобынан би, батырлар шығып отырған.

Патша үкіметі қазақ қоғамына да тархандық атақ беру тәжірибесін енгізуге болатынын түсініп, таңдауы би-батырлар ішінен Орта жүздің Арғын руының ру басы Шақшақ Жәнібек Қошқарұлы мен Кіші жүздегі Жетірулықтардың ру басы Тама Есет Көкіұлына түскен. 1742 жылдың 26 тамызында Шақшақ Жәнібекке тархан лауазымы берілді және ол ұрпақтан-ұрпаққа берілетін тархандық еді. Яғни тарханның баласы да тархан атанып, әкесінің тархандық құқықтық лауазымын пайдалану құқына ие болды. Мысалы, Жәнібек тарханның немересі Мұса Дәуітбайұлы да мұралық жолмен тархан атағын алса, Жәнібек тарханның шөбересі Шеген Мұсаұлы 1848 жылдың желтоқсан айында мұралық жолмен берілуге тиісті тархандық атағын беруін сұрағанымен, патша үкіметі оған тархандық атақ бермеді[3]. Патша үкіметі 1743 жылы 3 шілдеде Кіші жүзден Тама Есетке тархан атағын берді.

---

[1] Бекмаханов Е.Б. Қазақстан XIX ғасырдың 20–40 жылдарында. 92 б.

[2] Сонда. 103 б.

[3] Мұқтар Ә., Ахметова Ұ. Әбілқайырдың өлімі хақында // Қазақ тарихы. 2000. № 6. Б. 16–18.

1755–1756 жылғы башқұрттардың ұлт-азаттық көтерілісіне дайындық кезінде башқұрт көтерілісін ұйымдастырушылардың бірі Бурзян болыстығының старшыны – Бекболат Арқаев қазақ тарханы – Тама Есет бастаған Жетірулықтар ауылдарымен байланысып, қазақ-башқұрт бірлесіп патша үкіметіне қарсы көтеріліске шығуға өзара құпия келіссөздер жүргізді. 1755 жылы башқұрттың атақты тарханы Жұмағазының ұлы Бердіғұл тархан өзіне қарасты 100 қосын отбасымен Жетірулықтар аулына келген. 1756 жылы патша үкіметі Бердіғұл тарханды ұстап әкетеді. Орынборда жүргізген «тергеу» кезіндегі азаптан башқұрт тарханы қаза болған[1].

1755–1756 жылдардағы башқұрттардың ұлт-азаттық көтерілісін басқан патша үкіметі 1757 жылы арнайы көтерілісті ұйымдастыруға қатысқандар мен күдіктілерді ұстап жазалауға бұйрық түсіреді. Мұнан кейін көп ұзамай қайтыс болған Есет тарханның қазасына патша үкіметінің қатысы болуы әбден мүмкін.

Орта жүз бен Қытай арасындағы оң қарым-қатынасты білген патша үкіметі оны қайткенде де бұзуға тырысты. Патша үкіметі қалайда қазақ-қытай қатынасын бұзу үшін, Абылай сұлтанға ақшалай, заттай сыйлықтар беру арқылы Қытай жағынан бас тартқызуды, Кіші жүз ханы Нұралыны Қытайға қарсы соғыс ашуға көндіруді А. Тевкелевке тапсырған. Осындай саясаттарын іске асыру мақсатында, тархан атағын беруді одан әрі дамыта түсуіне байланысты, патша үкіметі 1759 жылғы 9 қаңтарда Дәуітбай Жәнібекұлына тархан атағын берді. Тархандық институтты пайдаланып, саяси ықпал ету арқылы өз мақсаттарын жүзеге асыруды көздеді.

1760 жылы генерал-майор Вейморн Орта жүздегі Атығай Құлсары тарханнан Қошқарбай батыр тұтқындап отырған Ресей адамдардарын босатуға көмектесуін сұраған. Құлсары тарханға қытай мен монғол әскерлерінен төніп тұрған қауіп болса, бүкіл Орта жүзді патша үкіметінің қорғайтынын жеткізген. Бұл мәліметтер Құлсары тарханның қазақ-орыс қатынастарында тархандық грамотасын еркін пайдалануына мүмкіндіктер ашқандығын ал, патша әкімшілігінің қазақ-орыс қарым-қатынас мәселелерін тархандар арқылы шешуді ұйғарғандарын көрсетеді.

Патша үкіметі тархан атағын жергілікті жерден шыққан, империяның шебінде қызмет ететін ең адал және беделді адамдарға берді. Қазақстанда тархандар патша үкіметінің пайдасына қызмет атқарған жоқ олар қызмет етуші адамдар емес еді. Патшалық үкімет Қазақстанда отарлау және басып алу саясатын жүргізе отырып, келешекте Ресейге пайда әкелуі мүмкін ірі әрі ықпалды қазақ феодалдарына тархан грамотасын берді. К.Н. Рычков қазақ қоғамында «Тархан лауазымы бар... бұл князь дәрежесімен тең келеді» деген мәлімет береді[2].

XVIII ғасырдың ортасынан бастап патша үкіметі Қазақстанда тархан атағын беру тәжірибесін бастады. Тархан хаттарымен марапатталған алғашқы қазақтардың ішінде өз заманындағы Жәнібек батыр мен Суфрабий сияқты белгілі тұлғалар болғандығын жоғарыда атап өткен едік. Орынбор әскери губернаторы Эссен 1821 жылы тархан атағын атақты билер Аманшы Санғырықов пен Жанбырша Саламасовтың Бұхарды жаулаудағы ерекше белсенділігі үшін берілді.

Қазақ тархандары салықтар мен қызмет көрсетуден босатылды, оларға дене жазасы қолданылмады. Тархан атағын ұрпақтарына беру құқығы жоқ адамдарға берілді. Орынбор әскери губернаторы Сухтеленнің 1831 жылғы 29 ақпандағы бұйрығына сәйкес старшина Балтақыр руынан шыққан Бекболат Бекболовқа тархан атағын беру туралы «ол барлық жеке салықтардан, қызметтік және жазадан құтылады» деп жазылған[3].

---

[1] Исенов Ө.Ы. Қазақ қоғамындағы тархандар институты тарихы (XVIII-XIX ғғ.): Тарих ғылым. кандид. ғыл. дәрежесі ... дис. автореферaты. Орал, 2009. 19 б.

[2] Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. С. 127.

[3] Там же.

1842 жылы тархан Бекболов отаршылдық билікке тархан атағын оның ұрпақтарына ең болмағанда ең кіші ұлына мұра етіп беру туралы өтініш білдірді. Бұл өтінішті қарастырған, Сыртқы істер министрлігінің Азия департаменті келесі түсініктеме берді: Тархан атағы «үкіметке көрсеткен ерекше қызметі үшін» марапатталады, ал Бекболовтың балалары мұндай жетістіктерге жете алмады, сондықтан сұрау қабылданбайды.

Қазақстан тарихында жекелеген жағдайлар яғни патша үкіметінің бұйрығымен берілген тархан атағы кейін оның ұрпақтарына беріліп отырды. Мысалы, Арғын руын басқарған атақты би Шешен Мусин 1844 жылы Шекара комиссиясына оның арғы атасы Жәнібек, атасы Даутбай, Мұсаның әкесі тархан болғанын хабарлайды. Алайда, хатта тархан атағы мұрагерлік жолмен беріледі дегенімен, атақтың Жәнібектен оның ұрпақтарына үздіксіз берілуі екіталай. Даутбай – қазақ даласындағы ең ірі феодалдардың бірі болды. К.Н. Рычков Даутбай атты феодалды жазғанда, осы атақты тархан Даутбай болса керек. Осылайша бұл жерде мұрагерлік жолмен берілген тархан атағы емес, патша үкіметіне еңбегі сіңген, ерекше қызметіне берілген атақ туралы айтылады[1].

XIX ғасырға дейін қазақ хандары өз күштерімен тархан атағын бере алмады. Хандық биліктің мүддесі үшін алғаш рет тархандық институтты қолдана бастаған – Ішкі Орданың ханы Жәңгір болды. Ол осы атақты оған адал болған рубасыларына берді. Тархандардың жеке құқықтары Жәңгір ханның грамоталарымен анықталды.Тархан атағы мұрагерлік жолмен ер адам ұрпағына берілді. Тархандар ауыр жазадан, салық төлеуден босатылып, ханның ерекше ықыласы мен қолдауына ие болды. Олардың құқықтық мәртебесіне сәйкес тархандықтар сұлтанға теңестірілді.

Осындай грамоталардың бірі, 1842 жылы Жәңгір ханның Табын руының старшинасы Исенбай Ходжабековке берген: «Құдіретті құдайдың және бүкіл Ресей императорының атынан, мен, генерал-лейтенант және кавалер, Қырғыз-Қайса ордасының кіші ханы, Орал даласында көшіп-қонып жүрген, төменгі Орал мен Астрахан даласының арасында мен өзімнің хандық грамотамды қол астымдағы Табын руының өкілі Кенжебаевқа, қырғыз старшинасы Исенбайға, баласы Ходжабековке маған адалдық танытқаны үшін, халықтың мүддесі мен Ордаға қалтықсыз қызмет еткені үшін мұрагерлік жолмен хан грамотасын беремін» деген мәліметтер келтірілді.

Бөкей ордасында тархан тобының құрылуы қызықты оқиға болды. Жоғарыда атап өткендей, қазақ хандары өздеріне бағынатын феодалдарға тархан атағын беру құқығын пайдаланбады. Тархандық институтының пайда болуы, негізінен, «ақ сүйек» өкілдерімен белгілі рулардың бірігуі нәтижесінде қалыптасты.

Ішкі Ордада тархандар саны жағынан өте көп болды. XIX ғасырдың екінші жартысында Талов ордасының бір бөлігінде 125 тархан болды. Олардың қатарында ноғайлар тұқымынан шыққан Тархан Хайрулла, Губайдулла, Гатаулла, Ғабдрахман, Мұхамедқали сияқты ірі мал иелері болды, олардың әрқайсысында басқа мал түрлерін есептемегенде 500-ден астам жылқы және 1 000-нан астам қой болған. Сондай-ақ шағын тархандар да болды, бірақ олар ең жақсы жайылымдық жерлерге ие болды.

Тархандар шаруашылығының басым бөлігінде малдың барлық түрлері болған. Тархандардың 25 пайызы ірі мал иелері болды (олардың 500 немесе одан да көп бас мал болған). Алайда, Ішкі Орда Қазақстанның малға бай аймағына жатпағанын ескеру керек. Жайылымдық жерлердің болмауы көшпелі мал шаруашылығында белгілі бір із қалдырды. Тархандардың негізгі бөлігі салыстырмалы түрде бай және ауқатты мал иелерінен тұрды.

Жәңгір хан өзінің тархандарына ең жақсы әрі кең жерді сыйға тартты. Бұл тархандарға ұсақ және жерсіз көшпелі мал өсірушілерді пайдалануға мүмкіндік берді. Көптеген тархандар жергілікті билік органдарында, әсіресе ауыл қауымдастықтарында

[1] Зиманов С.З. Указ. соч. С. 136.

ресми хандық қызметте болды. Тарханның кейбір шаруашылықтары көбінесе тархандардың кедей туыстары болған байғұстың еңбегін пайдаланды. Тархандар жеке артықшылықтарға ие болып қана қоймай, сонымен бірге өндіріс құралдарына меншік құқығында және шаруалардың еңбегінің нәтижелерін иемденуде кең құқықтарға ие болды.

XIX ғасырдың үшінші ширегінің аяғында тархандық институты Қазақстандағы қоғамдық үрдісте өмір сүруін тоқтатты. Патша үкіметі қазақ халқының өз лауазымдарына тыйым салғаннан кейін, оларға арнайы құқықтар мен артықшылықтар беру негізінде ірі жергілікті ақсүйектердің өкілдерін тартудың қажеті болмады және бұл тәжірибеден бас тартты. Тархан әулетінің соңғы қалдықтары сол кезде жоғалып кетті. Тархандардың қалыптасуына себеп болған жағдайлар туындамады және осы атақтың соңғы иегерлерінің қайтыс болуымен тархандық тұтастай алғанда тоқтатты. 1869 жылы Басқарушы Сенат тархандардың құқықтары туралы түсіндірме бере отырып, олардың «қазір мүлдем жоғалып кеткен атау» екенін атап өтті[1].

1867–1868 жылғы реформа нәтижесінде дәстүрлі басқару жүйесі жойылған соң тархандық атақты берудің қажеті болмай қалды. Сенат 1869 жылы жарлығымен тархандық атақты беруді мүлдем тоқтатты. Тархандар қазақтардың башқұрттармен және қалмақтармен екі арадағы шиеленіскен өшпенділігін басуға белсене қатысты. Сол еңбегі үшін олар өздерінің отбасы мүшелерімен қоса мемлекетке алым-салық төлеуден босатылды. XIX ғасырдың орта кезіне қарай тархандардың қатары азая бастады. Бұл кезде Қазақстанда тархан атағы бар 20 адам ғана қалды.

Қазақтармен қарым-қатынас жасауда Ресей патша үкіметінің қазақ даласында өздерінің берік құрылымдарын орнатуды көздеген саяси мақсаттары еш нәтиже бермеді. Бұл жөнінде Кросовский: «Орыс үкіметі тарапынан жасалған шаралардың барлығы орыс үкіметінің қазақ даласын басқаруға дәрменсіздіктерін көрсетті. Әр уақытта қақтығысқа соқтырып отырды. Оларды татуластырудың орнына, қазақ руларының арасына араздық отын тұтатып отырды» деген пікір білдірді.

Ресей патша үкіметінің қазақ қоғамының дәстүрлі әлеуметтік институттар жүйесіне енгізген тархандық институт патша үкіметі тарапынан енгізілген әлеуметтік институттарының алғашқыларының бірі болды.

Демек, XIX ғасырдың 40-жылдары Орынбор шекара комиссиясының тапсырмасы бойынша қазақтардың жекелеген әлеуметтік топтары – сұлтандардың, билердің және тархандықтардың жағдайы зерттелді. Арнайы тапсырмаларды зерттеушілердің бірі, шенеунік d'Andre Шыңғыс ұрпақтарының қазақтар арасындағы орнын анықтайды. «Орта Орданың батыс бөлігіндегі барлық сұлтандар өздерінің шығу тегін Шыңғыс ханнан шыққан деп санайды, бірақ шежіренің көптеген тұсы белгісіз. Ақ сүйектен шыққанын дәлелдеу үшін 3 тен 6 атаға дейінгі өздерінің шығу тегін біледі. Ордада Шыңғыс хан ұрпақтары өздеріне тиесілі аз артықшылықтарды қолданды». Халықтық мәселелерді қарау немесе шешу кезінде сұлтанның дауысы қырғыздардың басқа да дауыстарымен тең дәрежеде қабылданды.

XIX ғасырда тархан атағын Ресей билігі берді, ал Ішкі Бөкей Ордасында мемлекет алдындағы ерекше қызметі үшін феодалдық ақсүйектердің көрнекті өкілдеріне хан берді. Тархан атағы мұрагерлік немесе жеке болуы мүмкін. Бірінші жағдайда тархандардың ұлдары да «тархандар» деп аталды. Қарастырылып отырған кезеңде тархандар ерекше артықшылыққа ие болмады, олар тек салық төлеуден босатылды.

Тархандардың құқығы туралы Ішкі Орда әкімшілігінің уақытша кеңесі: «Олар (тархандар) сұлтандар мен қожалармен бірге тек жеке тұлғалардың баж салығын төлеуден босатылады, тіпті хан куәліктері болса да, олар басқа артықшылықтарды пайдаланбайды».

[1] Зиманов С.З. Указ. соч. С. 148.

XIX ғасырдың бірінші жартысында тархандар әлеуметтік топ ретінде қазақтардың әлеуметтік-экономикалық өмірінде маңызды рөл атқармады. XIX ғасырдың ортасында тархан институты жойылу қаупінде болды.

Орынбор шекара комиссиясының мәліметі бойынша тархандардың саны XIX ғасырдың 60-шы жылдары Ішкі істер министрлігі бекіткен 20 адамынан аспады. 1869 жылы Сенат отырысында тархандар мәселесі арнайы талқыланды. Сенаттың шешімінде тархан титулының жойылатындығы айтылды, сонымен бірге тарханның қалған ұрпақтарын арнайы салықтардан босатып, барлық жағдайда тархан деп атауға рұқсат етілді. Патша үкіметі тархандардың әлеуметтік статусын сұлтандармен теңестіруді қолдан жасау арқылы сұлтандар институтының күшеюіне кедері жасады. Сөйтіп, дәстүрлі қазақ қоғамының билік институттарын жойып, ресейлік басқару жүйесін енгізуге күш салды.

Деректер мен әдебиеттер

1. Бекмаханов Е.Б. Қазақстан XIX ғасырдың 20–40 жылдарында. Алматы: Санат, 1994. 416 б.
2. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 296 с.
3. Исенов Ө.Ы. Қазақ қоғамындағы тархандар институты тарихы (XVIII–XIX ғғ.): Тарих ғылым. кандид. ғыл. дәрежесі ... дис. автореферaты. Орал, 2009. 31 б.
4. Қозыбаев М. Жауды шаптым ту байлап. Алматы: Қазақстан, 1994. 192 б.
5. Мұқтар Ә., Ахметова Ұ. Әбілқайырдың өлімі хақында // Қазақ тарихы. 2000. № 6. Б. 16–18.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-43

S. Cwiklinski*

NEUE NACHTRÄGE ZU EINER PERSONALBIBLIOGRAPHIE ÁRMIN VÁMBÉRY [НОВЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ АРМИНИЯ ВАМБЕРИ]

Аннотация. Статья представляет собой новые дополнения к персональной библиографии венгерского путешественника, востоковеда и публициста Арминия Вамбери (1832–1913). Автор, ссылаясь на опубликованное в 2020 г. третье издание персональной библиографии Вамбери, составленное немецким тюркологом Михаэль Кнюппель (Michael Knüppel), и на собственные дополнения, опубликованные им в 2019 и 2020 гг., представляет вниманию исследователей более 90 до сих пор неизвестных публикаций, написанных Вамбери или другими исследователями о нем.

Ключевые слова: Арминий Вамбери, персональная библиография, востоковедение.

Im Oktober 2020 ist die dritte, überarbeitete und erweiterte Ausgabe der von Michael Knüppel verantworteten Personalbibliographie zu Ármin Vámbéry erschienen [Knüppel 2020]. Wie Knüppel schreibt, waren es die Fortschritte in der bibliographischen Arbeit vor allem in den letzten Jahren seit Erscheinen der zweiten Auflage 2017, die eine Überarbeitung und Neuherausgabe notwendig machten. Die Personalbibliographie dokumentiert mittlerweile 1332 Titel in einem *Schriftenverzeichnis Ármin(ius) Vámbéry*, 1187 biographische und/oder bibliographische Titel zum Leben des ungarischen Orientalisten sowie 440 Rezensionen seiner Werke [Knüppel 2020: 7]. Wenn man diese Zahlen mit denen der zweiten Auflage von 2017 vergleicht (811 Schriften Vámbérys, 867 Arbeiten zu ihm und zu seiner Bibliographie sowie 236 Rezensionen), wird das Ausmaß deutlich, in dem sich die bibliographische Arbeit zu Vámbéry in den letzten Jahren entwickelt hat.

Michael Knüppel bezeichnet seine Arbeit ausdrücklich als den „Versuch einer Personalbibliographie“, weil er davon ausgeht, dass eine vollständige Erfassung sämtlicher Texte von und über Vámbéry nur ein kaum zu erreichendes Fernziel darstellen kann; dementsprechend, so ist Knüppel zu verstehen, kann bibliographische Arbeit zum ungarischen Orientalisten lediglich mit dem Willen unternommen werden, in die Nähe dieses Fernziels zu kommen. Im Folgenden sollen weitere Titel zu einer Personalbibliographie Vámbérys nachgetragen werden, die bei bibliographischen Arbeiten ermittelt werden konnten. Dass nach der erfolgreichen Erweiterung der Bibliographie durch Knüppel, die auch Ergebnis umfangreicher Arbeiten von Michael Knüppel und Kollegen ist, immer noch mehr als 90 Titel nachgetragen werden konnten, zeigt nur, dass die Arbeit noch längst nicht abgeschlossen ist. Während der laufenden Arbeiten, deren Ergebnisse hier dokumentiert werden, zeigte sich, dass das Auffinden neuer Titel oft auch das Produkt von Zufällen ist. Es ist zu erwarten, dass auch in Zukunft eine systematische Suche nach weiteren Titeln von Erfolg gekrönt sein dürfte.

Der Aufbau der nachfolgenden Nachträge folgt den Prinzipien, denen Michael Knüppel in seinem Versuch einer Personalbibliographie gefolgt ist: Die Einträge werden in den Rubriken *Schriftenverzeichnis Ármin(ius) Vámbéry*, *Biographisches* sowie *Rezensionen von Werken Ármin(ius) Vámbérys* dargeboten; innerhalb eines Kalenderjahres werden die Einträge in alphabetischer Ordnung präsentiert; für Querverbindungen zu bereits bekannten Werken wird auf die von Michael Knüppel verantwortete Personalbibliographie verwiesen.

I. Schriftenverzeichnis Ármin(ius) Vámbéry

1867

1. Egy török forradalmi lap [dt. ‘Eine türkische revolutionäre Zeitung’]. In: *Magyar polgár*. Nr. 52 v. 18.9.1867, coll. 212b – c.

* ***CWIKLINSKI Sebastian*** *— Dr. phil. (доктор философских наук); Freie Universität Berlin; Institut für Turkologie; внештатный сотрудник; г. Берлин, Германия; sebastian.cwiklinski@web.de.*

1873

1. [ohne Titel]. In: *Magyar polgár*. Jg. 7 Nr. 146 v. 28.6.1873 [nicht paginiert].
[auszugsweise Übers. e. Artikels aus d. *Pester Lloyd*]

2. [ohne Titel]. In: *Morning Chronicle. Commercial and Shipping Gazette* [Quebec] Jg. 27 Nr. 10291, v. 27.2.1873 [nicht paginiert].
[auszugsweise Übers. e. Artikels aus d. *Pester Lloyd*]

3. [ohne Titel]. In: *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* Jg. 13 Nr. 303, v. 30.12.1873 [nicht paginiert].
[Leserbrief v. 24.12.1873 zu Nr. 3 der Rubrik *Biographisches* in vorliegender Bibliographie]

1876

1. Csernajeff tábornok [dt. 'General Tschernajeff ']. In: *Magyar polgár*. Jg. 10 Nr. 153 v. 8.7.1873 [nicht paginiert].
[ausführl. Zitat aus nicht genanntem Artikel Vámbérys, vgl. auch Nr. 416 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

2. Oroszország akarata és képessége [dt. 'Russlands Wollen und Können']. In: *Magyar polgár*. Jg. 10 Nr. 187 v. 18.8.1873 [nicht paginiert].
[ausführl. Zitat aus Nr. 4 des laufenden Jahres im *Schriftenverzeichnis* dieser Bibliographie]

3. A pánislamismus mozgalmáról [dt. 'Über die Bewegung des Panislamismus']. In: *Magyar Polgár* Jg. 10 Nr. 290, v. 19.12.1876 [nicht paginiert].
[Bericht und ausführliches Zitat aus Artikel Vámbérys in *Pesti Napló*]

4. Rußlands Wollen und Können. In: *Neue Freie Presse.* Morgenblatt Nr. 4300 v. 15.8.1876, coll. 1c – 3a. [Artikel v. 13.8.1876].

5. [ohne Titel]. In: *Revalsche Zeitung* Jg. 17 Nr. 280 , v. 1.(13.) 12.1876 [nicht paginiert]
[ausführl. Zitat aus Nr. 431 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*].

1879

1. Die Ermordung des ersten englischen Minister-Residenten zu Kabul im Jahre 1841. In: *Düsseldorfer Volksblatt* Jg. 13 Nr. 252 v. 18.9.1879 [nicht paginiert].
[ausf. Zitat aus dem *Pester Lloyd*, vgl. Nr. 528 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

1880

1. Profes or [sic] Vambery on the Afghan Crisis. In: *Montreal Herald and Daily Commercial Gazette* Jg. 72 Nr. 10, v. 13.1.1880 [nicht paginiert].
[Übers. v. Artikel Vámbérys im *Pester Lloyd*]

2. Vámbéry Afghanisztánról [dt. 'Vámbéry über Afghanistan']. In: *Magyar Polgár* Jg. 14 Nr. 183, v. 10.8.1880 [nicht paginiert].
[ausführliches Zitat aus Artikel Vámbérys im *Pester Lloyd*]

1883

1. Erzerumtól a persa határig (Vámbéry legujabb könyvéből) [dt. 'Von Erzurum zur persischen Grenze (aus Vámbérys neuestem Buch)']. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 113, v. 8.12.1883, coll. 2a – 3d.

2. Mahmud Nedin. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 113, v. 18.5.1883, col. 3d.
[ausführliches Zitat aus Artikel Vámbérys in *Egyetértés*]

3. Vámbéry felolvasása. [dt. 'Ein Vortrag Vámbérys']. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 190, v. 18.12.1883, col. 5c. [Zitate aus dem Vortrag]

1884

1. The Caravan of the Dead. In: *The Liberal* [Richmond Hill] Jg. 6 Nr. 42 , v. 24.4.1884 [nicht paginiert].

1893

1. England in the Orient. In: *The Millbrook Reporter* Jg. 36 Nr. 13, v. 30.3.1893 [nicht paginiert]. [ausführliches Zitat aus Nr. 912 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

1894

1. Két értekezés [dt. 'Zwei Abhandlungen']. In: *Kolozsvár* Jg. 8 Nr. 105, v. 8.5.1894 [nicht paginiert].

[Bericht mit ausführlichen Zitaten aus Vortrag Vámbérys u. e. zweiten Forschers vor der Akademie der Wissenschaften]

1895

1. [ohne Titel]. In: *Kolozsvár* Jg. 9 Nr. 74, v. 30.3.1895 [nicht paginiert].

[Glückwunschschreiben v. 15.2.1895 anlässlich der 100. Ausgabe der Zeitschrift *Armenia*]

1900

1. The Future Population of Siberia. In: *The Northern Advance* Jg. 49 Nr. 9 (3406), v. 1.3.1900, col. 7d. [ausführliche Zitate aus Nr. 1008 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

1901

1. A keleti fejdelem [dt. 'Der orientalische Prinz']. In: *Magyar Polgár* Jg. 24 Nr. 244, v. 25.10.1901, coll. 1a – 3a; Nr. 245, v. 26.10.1901, coll. 1a – 4c.

1904

1. Russische Angelegenheiten. In: *Pester Lloyd* Jg. 51 Nr. 135, v. 3.6.1904, col. 6b.

1906

1. [ohne Titel]. In: *Krytyka. Miesięcznik poświęcony sprawom społecznym, nauce i sztuce* [Kraków] Jg. 8 Bd. 1 (1906), S. 485, 487.

[Antwort v. 1.5.1906 auf internationale Umfrage der Zeitschrift zur Unabhängigkeit Polens; polnische Übers. ebd., S. 484, 486]

1908

1. Professor Vámbéry und die Jungtürken. In: *Pester Lloyd* Jg. 55 Nr. 291, v. 5.12.1908, col. 3a. [Leserbrief v. 4.12.1908]

II. Biographisches

1865

1. [ohne Vf.]: Der berühmte ungarische Reisende Vambery. In: *Morgen-Post* Jg. 15 Nr. 7, v. 7.1.1865 [nicht paginiert].

1873

1. Pucykovič, V. F.: Chivinskij pochod. In: *Graždanin* Jg. 2 Nr. 26, v. 26.6.1873, p. 744[1]. [referiert ausführlich und zitiert aus Nr. 305 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*].
2. [ohne Vf.]: Vámbérynak czáfolója [dt. 'Eine Gegendarstellung Vámbérys']. In: *Magyar Polgár* Jg. 7 Nr. 261, v. 14.11.1873 [nicht paginiert].
3. [ohne Vf.]: [ohne Titel]. In: *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* Jg. 13 Nr. 299, v. 23.12.1873 [nicht paginiert].

[Bericht über Nr. 341 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*].

[1] Hat nicht vorgelegen; nachdem die Forschung diesen Artikel lange Zeit F. M. Dostoevskij zugeschrieben und in dessen *Gesammelten Werken* veröffentlicht hatte, gelten mittlerweile nicht nur die Autorschaft Pucykovičs, sondern eine ausführliche Kommentierung durch Dostoevskij, der auch Redakteur der Zeitschrift war, als gesichert.

1874

1. [ohne Vf.]: Czáfolat [dt. ‘Eine Gegendarstellung’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 8 Nr. 3, v. 4.1.1874 [nicht paginiert].

[Bericht über Nr. 3 des Jahres 1873 im *Schriftenverzeichnis* der vorliegenden Bibliographie; vgl. auch Nr. 128 in Knüppel 2020, *Biographisches*]

2. [ohne Vf.]: Üsd, mert hazádfia! [dt. ‘Schlagen Sie, weil er Ihr Sohn ist!’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 8 Nr. 29, v. 6.2.1874 [nicht paginiert].

1876

1. [ohne Vf.]: A törökök hazafiságáról [dt. ‘Über den Patriotismus der Türken’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 10 Nr. 286, v. 14.12.1876 [nicht paginiert].

[Bericht über Nr. 431 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

1879

1. [ohne Vf.]: Vámbéry Afghanistanról [dt. ‘Vámbéry über Afghanistan’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 13 Nr. 21, v. 26.1.1879 [nicht paginiert].

1880

1. [ohne Vf.]: The Restless Kurds. In: *Montreal Herald and Daily Commercial Gazette* Jg. 72 Nr. 275, v. 17.11.1880 [nicht paginiert].

[fasst Artikel Vámbérys in *Pester Lloyd* zusammen, enthält auch kurze Zitate]

2. [ohne Vf.]: Vámbéri felolvasása Londonban [dt. ‘Ein Vortrag Vámbérys in London’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 14 Nr. 93, v. 22.4.1880 [nicht paginiert].

1881

1. [ohne Vf.]: Kereskedelmünk és a kelet [dt. ‘Unser Handel und der Orient’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 15 Nr. 32, v. 10.2.1881 [nicht paginiert].

[Bericht über Vortrag Vámbérys in Budapest]

1882

1. [ohne Vf.]:Angol szemle irodalmunkról [dt. ‘Eine englische Zeitschrift über unsere Literatur’]. In: *Ellenzék* Jg. 3 Nr. 9, v. 6.1.1882, coll. 1a – 2d [nicht paginiert]. [Bericht über Nr. 588 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

1883

1. r.: Vámbéry és a közép-ázsiai kérdés [dt. ‘Vámbéry und die mittelasiatische Frage’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 297, v. 28.12.1883, coll. 1a – 2d.

2. [ohne Vf.]: A tud. Akademiából [dt. ‘Aus der Akademie der Wissenschaften’]. In: Magyar Polgár Jg. 17 Nr. 54, v. 7.3.1883, col. 4d.

[Bericht über Vortrag Vámbérys an d. Ungar. Akademie der Wissenschaften]

3. [ohne Vf.]: „Nemzetek és nemzetiségek“. [dt. ‘Nationen und Nationalitäten’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 284, v. 11.12.1883, col. 2c.

[Bericht über gleichnamigen Vortrag Vámbérys in Budapest]

4. [ohne Vf.]: Vámberi a csuvasokról [dt. ‘Vámbéry über die Tschuwaschen’]. In: *Ellenzék* Jg. 4 Nr. 53, v. 6.3.1883 [nicht paginiert].

[Bericht über Vortrag Vámbérys an Akademie der Wissenschaften]

5. [ohne Vf.]: Vámbéry felolvasása [dt. ‘Ein Vortrag von Vámbéry’]. In: *Ellenzék* Jg. 4 Nr. 21, v. 26.1.1883 [nicht paginiert].

6. [ohne Vf.]: [ohne Titel]. In: *Magyar Polgár* Jg. 17 Nr. 277, v. 1.12.1883, col. 5d. [Bericht über Vortrag Vámbérys in Budapest zu Istanbul]

1885

1. Dr. *nn: Professor Vambery und der englisch-russische Konflikt. In: *Neue Tiroler Stimmen* Jg. 25 Nr. 106, v. 11.5.1885 [nicht paginiert].

2. [ohne Vf.]: Arminiusz Vambery o Afganistanie [dt. ‘Ármin Vámbéry über Afghanistan’]. In: *Dziennik Polski* Jt. 20 Nr. 121, v. 2.5.1887, coll. 1a – b.

3. [ohne Vf.]: Egy angol hölgy Vámbéryhez [dt. ‘Eine englische Frau an Vámbéry’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 123, v. 30.5.1885 [nicht paginiert].

4. [ohne Vf.]: Herat. In: *Morning Chronicle. Commercial and Shipping Gazette* Jg. 39 Nr. 14075, v. 27.5.1885 [nicht paginiert].

[über Vortrag Vámbérys in London am 7.5.1885]

5. [ohne Vf.]: Vámbéri Armin tanár az angol-orosz viszályról [dt. ‘Professor Ármin Vámbéry über die englisch-russischen Beziehungen’]. In: *Magyar Polgár* Jg. 19 Nr. 96, v. 26.4.1885 [nicht paginiert].

[referiert Bericht der *Pester Correspondenz*]

6. [ohne Vf.]: Vámbéri Heratról [dt. ‘Vámbéry über Herat’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 105, v. 7.5.1885 [nicht paginiert].

[Bericht über Vortrag in London]

7. [ohne Vf.]: Vámbéri Nagy-Becskereken [dt. ‘Vámbéry in Zrenjanin’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 286, v. 11.12.1885, col. 1127c.

8. [ohne Vf.]: Vámbéri utolsó fölolvasása Londonban [dt. ‘Vámbérys letzter Vortrag in London’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 117, v. 22.5.1885 [nicht paginiert].

9. [ohne Vf.]: Vámbéry Angliában [dt. ‘Vámbéry in England’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 73, v. 30.3.1885 [nicht paginiert].

10. [ohne Vf.]: Vámbéry Angliában [dt. ‘Vámbéry in England’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 92, v. 22.4.1885 [nicht paginiert].

11. [ohne Vf.]: Vámbéry az angol-orosz viszályról [dt. ‘Vámbéry über den englisch-russischen Konflikt’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 95, v. 25.4.1885 [nicht paginiert].

[zitiert Bericht aus der *Times* zu Vámbérys Vortragsreise].

12. [ohne Vf.]: Vámbéry fölolvasása Szolnokon [dt. ‘Ein Vortrag Vámbérys in [der ungarischen Stadt] Szolnok’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 230, v. 6.10.1885 [nicht paginiert].

13. [ohne Vf.]: Vámbéry Skóciában [dt. ‘Vámbéry in Schottland’]. In: *Ellenzék* Jg. 6 Nr. 110, v. 13.5.1885 [nicht paginiert].

14. [ohne Vf.]: Vámbéry-street [dt. ‘Die Vámbéry-Straße’]. In: Magyar Polgár Jg. 19 Nr. 258, v. 8.11.1885 [nicht paginiert].

15. [ohne Vf.]: [ohne Titel]. In: *Magyar Polgár* Jg. 19 Nr. 111, v. 14.5.1885 [nicht paginiert].

[Bericht über Vámbérys England- und Schottlandreise]

1888

1. [ohne Vf.]: Az osmann népköltészetröl [dt. ‘Über die osmanische Volksliteratur’]. In: Egyenlőség Jg. 7 Nr. 3, v. 15.1.1888, coll. 6b – 7a.

[Bericht über Nr. 805 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*].

2. Oroszország Boszporoson [dt. ‘Russland am Bosporus’]. In: *Ellenzék* Jg. 9 Nr. 39, v. 16.2.1888, coll. 151c – d.

[Bericht über Leserbrief Vámbérys an *Deutsche Revue*, vgl. Nr. 834 in Knüppel 2020, Schriftenverzeichnis].

3. Vámbéry a Keleten. [dt. ‘Vámbéry im Orient’]. In *Kolozsvár* Jg. 2 Nr. 95, v. 25.4.1888 [nicht paginiert].

1889

1. Liptay, Kornél: Vámbéry Ármin. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 300, v. 30.8.1889, coll. 807 a – e.

2. [ohne Vf.]: A szultán a magyarokról [dt. ‘Der Sultan über die Ungarn’]. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 136, v. 12.6.1889, col. 553c.

3. [ohne Vf.]: Kincs – könyvben [dt. ‘Ein Schatz – in einem Buch’]. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 136, v. 12.6.1889, col. 553a.

4. [ohne Vf.]: Professor Arminius Vambery. In: *The Liberal* [Richmond Hill] Jg. 11 Nr. 51, v. 20.6.1889 [nicht paginiert].

5. [ohne Vf.]: Professor Vambery bei Sultan. In: *Düsseldorfer Volksblatt* Jg. 23 Nr. 293, v. 28.10.1889 [nicht paginiert].

6. [ohne Vf.]: Vámbéri a persa sahról. [dt. ‘Vámbéry über den persischen Schah’]. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 198, v. 28.8.1889, coll. 799e – 800a.

7. [ohne Vf.]: Vámbéry Angliában [dt. ‘Vámbéry in England’]. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 102, v. 1.5.1889, col. 413b.

8. [ohne Vf.]: Vámbéry Angliában [dt. ‘Vámbéry in England’]. In: *Kolozsvár* Jg. 3 Nr. 113, v. 15.5.1889 [nicht paginiert].

9. [ohne Vf.]: Vámbéry Konstantinápolyban [dt. ‘Vámbéry in Konstantinopel’]. In: *Kolozsvár* Jg. 3 Nr. 131, v. 6.6.1889 [nicht paginiert].

10. [ohne Vf.]: Vámbéry missiója az angol udvarnál [dt. ‘Vámbérys Mission am englischen Hof’]. In: *Ellenzék* Jg. 10 Nr. 110, v. 10.5.1889, col. 445d.
[Kurznachricht über Artikel in *Pester Correspondenz*].

11. [ohne Vf.]: Viktoria királynö és Vámbéry [dt. ‘Queen Victoria und Vámbéry’]. In: *Kolozsvár* Jg. 3 Nr. 114, v. 16.5.1889 [nicht paginiert].

1890

1. [ohne Vf.]: Vámbéry Ármin Indiában [dt. ‘Ármin Vámbéry in Indien’]. In: *Ellenzék* Jg. 11 Nr. 92, v. 23.4.1890, col. 371c.

2. [ohne Vf.]: Vámbéry Ármin Londonban [dt. ‘Ármin Vámbéry in London’]. In: *Ellenzék* Jg. 11 Nr. 100, v. 3.5.1890, coll. 403c – d.

1904

1. [ohne Vf.]: The Sultan and His Affairs. In: *The Northern Advance* Jg. 8 Nr. 46 (3646), v. 17.11.1904, coll. 7a – c. [Anedokten aus Nr. 1080 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

2. [ohne Vf.]: Vámbéry Ármin Erdélyben [dt. ‘Ármin Vámbéry in Siebenbürgen’]. In: *Nemzeti Hírlap* Jg. 1 Nr. 148, v. 29.09.1904, col. 3c.

1906

1. [ohne Vf.]: Vámbéry a cionistákról [dt. ‘Vámbéry über die Zionisten’]. In: *Egyenlőség* Jg. 25 Nr. 29, v. 22.7.1906, coll. 8b – 9a.

1907

1. [ohne Vf.]: Părerea lui Vámbéry despre progresul Ungariei [dt. ‘Vámbérys Meinung zum Fortschritt Ungarns’]. In: *Tribuna* [Arad] Jg. 11 Nr. 103, v. 9.(22.)5.1907, coll. 6a – b.

1908

1. [ohne Vf.]: Interview cu di Vambery [dt. ‘Ein Interview mit Vámbéry’]. In: *Tribuna* [Arad] Jg. 12 Nr. 263, v. 26.11.(9.12.).1908, col. 4a.
[Bericht über Nr. 615 in Knüppel 2020, *Biographisches*]

1910

1. [ohne Vf.]: Ai cui e Vámbéry Ármin? [dt. ‘Wem gehört Ármin Vámbéry?’]. In: *Tribuna* [Arad] Jg. 14 Nr. 235, v. 2./15.11.1910, coll. 4a – b.

1912

1. [ohne Vf.]: [ohne Titel]. In: *Egyenlőség* Jg. 31 Nr. 36–37, v. 10.9.1912, coll. 8b – 9a. [über geplantes Buchprojekt Vámbérys]

1913

1. Amon: Jak z tysiąca i jednej nocy. Życiorys znakomitego oryentalista Vamberego [dt. ‘Wie aus tausend und einer Nacht. Lebenslauf des bekannten Orientalisten Vámbéry’]. In: *Nowiny* Jg. 12 Nr. 214, v. 18.9.1913, coll. 2a – 3c.

2. [ohne Vf.]: A murit orientalistul Vámbéry al Ungurilor [dt. ‘Vámbéry, der Orientalist der Ungarn, starb’]. In: *Cosinzeana* Jg. 3 Nr. 38, v. 28.9.1913, coll. 547b – c.

3. [ohne Vf.]: Famous Traveller Dies. Prof. Vambery Was On Intimate Termins With Royal Family. In: *Daily British Whig* Jg. 80 Nr. 221, v. 17.9.1913, col. 3d.

4. [ohne Vf.]: Professor Vambery. In: *Bozner Zeitung* Jg. 73 Nr. 214, v. 18.9.1913 [nicht paginiert].

5. [ohne Vf.]: Vámbéry a ravatalon [dt. ‘Vámbéry auf der Totenbahre’]. In: *Délmagyarorzág* Jg. 2 Nr. 216, v. 17.9.1913, col. 7a.

6. [ohne Vf.]: Vámbéry Armin halála. A világhirü tudós munkássága [dt. ‘Der Tod Ármin Vámbérys. Das Werk eines weltbekannten Wissenschaftlers’]. In: *Délmagyarorzág* Jg. 2 Nr. 215, v. 16.9.1913, coll. 5b – c.

1925

1. g.j.: A mai naptál [dt. ‘Der heutige Kalender’]. In: *Uj Kelet* Jg. 8 Nr. 64, v. 18.3.1925, col. 5a.

1929

1. [ohne Vf.]: Szobrot emelnek Vámbéry Árminnak szülővárosában, Dunaszerdahelyen [dt. ‘In Ármin Vámbérys Geburtsstadt, in Dunaszerdahely, wird eine Statue errichtet’]. In: *Uj Kelet* Jg.10 Nr. 66, v. 3.4.1929, coll. 4b – c.

1932

1. s.l.: Vámbéry-centennárium [dt. ‘Vámbéry-Jahrhundertfeier’]. In: *Uj Kelet* Jg. 15 Nr. 17, col. 7a.

2. [ohne Vf.]: Vámbéry Ármin életének izgalmas regénye [dt. ‘Ein spannender Roman über das Leben von Ármin Vámbéry’]. In: *Keleti Ujság* Jg. 15 Nr. 72, v. 15.3.1932, coll. 7a – c.

1945

1. [ohne Vf.]: Vámbéry Ármin, a magyar földrajz és néprajz nagy ismeretlenje [dt. ‘Ármin Vámbéry, ein großer Unbekannter der ungarischen Geographie und Ethnographie’]. In: *Erdély. Szociáldemokráta napilap* Jg. 2 Nr. 127, v. 19.8.1945, coll. 4b – d.

1978

1. Gellért, Sándor: Levél Mikolából néhai Vámbéry Árminnak [dt. ‘Ein Brief von Nikolaj [Tichonov, sowjetischer Schriftsteller, 1896 – 1979] an den verstorbenen Ármin Vámbéry’]. In: *Új Élet* Jg. 21 Nr. 11, coll. 22c – d.

1982

1. Kádár, Márta: A felfedező Resid efendi [dt. ‘Reschid Efendi, der Entdecker’]. In: *Népújság* Jg. 33 Nr. 136, v. 12.6.1982, coll. 10d – f.

2019

1. Kelecsény, Ágnes; Kovács, Nándor Erik: Vámbéry Ármin (1832–1913). In: Csizmadia, Norbert (Hrsg.): *Egy magyar dervis Közép-Ázsiában. A Keletkutató Vámbéry Ármin*. A magyar Tudományos Akadémia Könytárának Keleti Gyűjteménye és a PAIGEO Alapítvány közös kiállitása az Ybl Budai Kreativ Hazban, o.O. o. J. [Budapest 2019], pp. 4–46 [gerade Seitenzahlen]. [engl. Übers. ebd., pp. 5–47 (ungerade Seitenzahlen)]

2020

1. Sárközy, Miklós: Arminius Vámbéry and British Conservatives: Some Further Notes on Their Correspondence. In: K. Dévényi, P. T. Nagy (Hrsg.): *Papers Presented to István Ormos On His Seventieth Birthday* (The Arabist. Budapest Studies in Arabic 41). Budapest: Eötvös Loránd University Chair for Arabic Studies & Csoma de Kőrös Society Section of Islamic Studies 2020, S. 187–206.

III. Rezensionen von Werken Ármin(ius) Vámbérys

1865

1. [ohne Vf.], [ohne Titel]. In: *Montreal Herald and Daily Commercial Gazette* Jg. 57 Nr. 111, v. 11.5.1865 [nicht paginiert].

[Rez. zu Nr. 31 in Knüppel 2020, *Schriftenzverzeichnis*]

1871

1. M.A.: [ohne Titel]. In: *Magyar Polgár* Jg. 5 Nr. 7, v. 10.1.1871, coll. 23b – c. [Rez. zu Nr. 240 in Knüppel 2020, *Schriftenverzeichnis*]

Literaturverzeichnis

Knüppel, *Michael: Ármin(ius) Vámbéry (1832–1913). Versuch einer Personalbibliographie*. 3, verbesserte Aufl. Nordhausen: Traugott Bautz, 2020.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-44

S. Cwiklinski*

YUSUF AKÇURA IN BERLIN. MATERIALIEN ZUM AUFENTHALT DES *TÜRKISCH-TATARISCHEN KOMITEES* IN DER DEUTSCHEN HAUPTSTADT IM JANUAR 1916 [ЮСУФ АКЧУРИН В БЕРЛИНЕ. МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТЮРКО-ТАТАРСКОГО КОМИТЕТА» В ГЕРМАНСКОЙ СТОЛИЦЕ В ЯНВАРЕ 1916 г.]

Аннотация. В предлагаемой вниманию читателей статье, которая является продолжением научного издания документов, изданного автором статьи вместе с московским исследователем Салаватом Исхаковым в 2016 г., представляются материалы из берлинской прессы о деятельности в германской столице в январе 1916 г. созданного тюркскими эмигрантами во главе с татарином Юсуфом Акчуриным в ноябре 1915 г. в Стамбуле «Тюрко-татарского комитета». Члены упомянутого комитета совершили в 1915–1916 гг. путешествия по странам-союзникам Германии и Османской империи в Центральной Европе, чтобы убедить европейскую публику о необходимости защиты прав тюрков-мусульман Российской империи. Во время пребывания членов комитета в Берлине в январе 1916 г., которое было организовано посольством Османской империи в Германии, ими был проведен ряд публичных мероприятий, в рамках которых они представляли свои требования берлинской публике.

Ключевые слова: Тюркские эмигранты, Тюрко-татарский комитет, Первая мировая война, Юсуф Акчура, Германия, Османская империя.

2016 gaben Salavat Iskhakov und der Verfasser dieser Zeilen den kleinen Quellenband *Aus der Geschichte der muslimischen Bewegung Eurasiens am Anfang des 20. Jahrhunderts*[1] heraus, in dem die Geschichte des vom tatarischen Politiker Yusuf Akçura[2] geleiteten *Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Rußlands*[3] beleuchtet wurde. Das Ziel dieses im November 1915 in Istanbul von Akçura und anderen Vertretern der Turkvölker des Russischen Reiches gegründeten Komitees bestand in der Beeinflussung der europäischen Öffentlichkeit und in der Sensibilisierung für die Interessen der Turkvölker des Russischen Reiches. Als Gründungsdokument des Komitees kann eine Denkschrift in osmanischer Sprache angesehen werden, in der auf die Lage der Turkvölker aufmerksam gemacht und die völlige Unabhängigkeit ihrer Heimatregionen vom Russischen Reich gefordert wurde. Mit tatkräftiger Unterstützung staatlicher osmanischer Stellen reiste das Komitee in den Monaten Dezember 1915 und Januar 1916 nach Budapest, Wien, Berlin und Sofia, um dort Diplomaten und andere Politiker zu treffen, für ihr Anliegen zu werben und in öffentlichen Auftritten über die Lage der Turkvölker des Russischen Reiches zu informieren.

Der 2016 veröffentlichte Quellenband versammelt Archivdokumente und publizistische Quellen in deutscher, russischer, polnischer und osmanischer Sprache, die den Aufenthalt des Komitees in den genannten Städten dokumentieren. Während für die Aktivitäten des Komitees in Budapest und Wien viele und für die in Sofia immerhin einige Materialien vorlagen, gab es zum Aufenthalt in Berlin nur wenige Informationen, die vor allem aus deutschen und osmanischen Archivdokumenten stammten. Immerhin konnten Salavat Iskhakov und der Verfasser dieser Zeilen im Vorwort festhalten, dass das Auswärtige Amt beim Treffen mit dem Komitee seine Skepsis gegenüber dessen Forderungen zum Ausdruck gebracht und diese als überzogen und

* ***CWIKLINSKI Sebastian*** *— Dr. phil. (доктор философских наук); Freie Universität Berlin; Institut für Turkologie; внештатный сотрудник; г. Берлин, Германия; sebastian.cwiklinski@web.de.*

[1] Salavat Ischakov, Sebast'jan Cviklinski [=Sebastian Cwiklinski] (Hrsg.): *Iz istorii musul'manskogo dviženija Evrazii načala XX veka: Sbornik materialov*. Moskva: Rossijskaja Akademija Nauk, 2016.

[2] Yusuf Akçura (1876–1935), tatarischer, später türkischer Publizist, Historiker und Politiker, Herausgeber der Zeitschrift *Türk Yurdu*.

[3] Das Komitee war auch unter der Kurzbezeichnung *Turko-tatarisches Komitee* bekannt.

wenig realistisch bezeichnet hatte[1]. Die im vorliegenden Artikel veröffentlichten Quellen, Artikel aus der Berliner Tagespresse, ermöglichen es, zwei an die deutsche Öffentlichkeit gerichtete Veranstaltungen im Januar 1916 in Berlin unter Beteiligung des Komitees nachzuvollziehen, die sich an eine interessierte Öffentlichkeit richteten: einen von der *Deutsch-Asiatischen Gesellschaft*[2] veranstalteten Abend am 15. Januar sowie eine Veranstaltung des *Kulturbundes deutscher Gelehrter und Künstler*[3] am 18. desselben Monats. Die Veranstaltung des Komitees in Zusammenarbeit mit der *Deutsch-Asiatischen Gesellschaft* erlangte auch dadurch Prominenz, dass Yusuf Akçuras Vortrag in seiner Gänze in der Zeitschrift *Das größere Deutschland* veröffentlicht wurde[4]. Der Vortrag weist zwar eindeutig eine inhaltliche Nähe zur Denkschrift, die das Komitee im November 1915 zunächst auf Osmanisch, dann aber auch in deutscher und ungarischer Übersetzung publiziert hatte, konzentriert sich aber im Vergleich zu diesem stärker auf die jüngere und jüngste Geschichte der Turkvölker des Russischen Reiches[5].

Die vorliegenden Berichte aus der Berliner Tagespresse tragen zu einer Korrektur des Bildes bei, das man sich anhand der Archivquellen hatte machen können, denn aus ihnen spricht ein lebhaftes Interesse der Berliner Öffentlichkeit, und sie machen deutlich, dass semioffizielle Kreise in die Aktivitäten involviert waren. Dementsprechend helfen die Quellen, den Eindruck von den Aktivitäten des *Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Russlands* abzurunden. Gleichzeitig verdeutlichen sie, dass sich auch die deutsche Öffentlichkeit viel von den Aktivitäten des Komitees versprach und diese umstandslos in ihre eigene Propaganda integrierte.

I

***Berliner Volks-Zeitung* Morgenausgabe 1. Beiblatt Jg. 20 Nr. 20, v. 12.1.1916** [nicht paginiert][6].

Protestversammlung der russischen Muselmanen in Berlin.

---

[1] Salavat Ischakov, Sebast'jan Cviklinski: Predislovie. In dies. (Hrsg.): *Iz istorii musul'manskogo dviženija Evrazii načala XX veka*, S. 3–24, hier S. 14 sowie S. 23 [Fußnoten].

[2] Die *Deutsch-Asiatische Gesellschaft* wurde 1901 als regierungsnahe Vereinigung gegründet und hatte sich zum Ziel gesetzt, deutsche Interessen in Asien zu vertreten.

[3] Der um 1913 gegründete *Bund* [auch: Kulturbund] *deutscher Gelehrter und Künstler* versammelte prominente Wissenschaftler und Künstler und verfolgte staatsnahe patriotische Ziele, so veranstaltete er etwa 1916 einen Wettbewerb zu Kriegerdenkmälern. Die Nähe des Bundes, in dessen Ehrenpräsidium prominente Wissenschaftler und Künstler wie Wilhelm Wundt, Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf, Gerhard Hauptmann und Max Liebermann saßen, zur offiziellen Wissenschaftspolitik auch daran zu erkennen, dass sich seine Geschäftsstelle im Gebäude der Preußischen Akademie der Wissenschaften befand.

[4] Aktschura Oglu Jussuf. Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Rußlands und ihre Bestrebungen. In: *Das Größere Deutschland. Wochenschrift für Deutsche Welt- und Kolonialpolitik* Jg. 3 Nr. 17, v. 22.4.1916, S. 542–552. Vgl. auch Fußnote 1 zur Denkschrift des Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen türkisch-tartarischen Völker Russlands. In: *Die Welt des Islams* Bd. 4 Heft 1/2, v. 25.9.1916, S. 33–43, hier S. 33. An gleicher Stelle wird übrigens erwähnt, dass in den Wiederabdruck der Denkschrift Korrekturen eingeflossen seien, die Yusuf Akçura im Rahmen seines Vortrags vorgenommen habe. Für die deutsche Übersetzung der Denkschrift vgl. Ischakov/Cviklinski 2016, S. 25–42, wo die in *Die Welt des Islams* vorgenommenen Korrekturen in einer kritischen Edition berücksichtigt werden. Akçuras Vortrag vor der *Deutsch-Asiatischen Gesellschaft* wird bereits in einem ihm gewidmeten und Anfang Februar veröffentlichten Porträt in der *Deutschen Levante-Zeitung* erwähnt, vgl. Dr. Hachtmann: Aktschura Oghlu Jussuf Bey. In: *Deutsche Levante-Zeitung* Jg. 6 Nr. 3, v. 1.2.1916, S. 93.

[5] Schon vor sowie während der beiden Veranstaltungen waren in der Presse Auszüge aus der Denkschrift veröffentlicht worden, vgl. u. a. N. N.: Die freiheitlichen Bestrebungen der türkisch-tatarischen Völker Russlands. In: *Osteuropäische Zukunft. Zeitschrift für Deutschlands Aufgaben im Osten und Südosten* Jg. 1 Nr. 2, v. 15.1.1916, S. 21–25; N. N.: Los von Rußland! Ein Hilferuf der mohammedanischen Völker. In: *Berliner Volks-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 64 Nr. 18, v. 12.1.1916 [nicht paginiert] sowie in: *Berliner Tageblatt.* Wochenausgabe für Ausland und Übersee Jg. 5 Nr. 3, v. 18.1.1916, S. 7–8.

[6] Im Folgenden werden die Texte originalgetreu wiedergegeben. Offenkundige Druckfehler werden korrigiert, jede Korrektur wird aber in den Fußnoten angezeigt.

Ein zurzeit in der Reichshauptstadt anwesende muselmanische Kommission wird unter Führung der „Deutsch-Asiatischen Gesellschaft“ eine Protestversammlung gegen die Unterdrückung des Islams in Rußland abhalten. Der Führer dieser Kommission, der Direktor der Zeitschrift „Türk Jurdu“, Professor Aktschura Oglu Jussuf, wird aus Anlaß dieser Versammlung am Sonnabend, den 15. Januar d. J., abends 8 Uhr, im Künstlerhaus, Bellevuestr. 3, einen Vortrag halten über „Die gegenwärtige Lage der muslimischen Turkotataren Rußlands und ihre Bestrebungen“. Auch Nichtmitglieder der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft (Geschäftsstelle: Lützowstraße 107), Damen und Herren, sind an dem Abend als Gäste willkommen.

II

***Berliner Börsen-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 61 Nr. 25, v. 16.1.1916,** S. 4.

Deutsch-Asiatische Gesellschaft.

Aus Anlaß der traurigen Lage der Türko-Tataren in Rußland fand gestern abend eine von der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft berufene Versammlung im Festsaale des Künstlerhauses (Bellevuestr. 3) statt. Es waren zu der sehr zahlreich besuchten Versammlung erschienen der türkische Botschafter Hakkim-Pascha[1] mit mehreren Herren der türkischen Botschaft, der persische Gesandtschaftssekretär Khan Rofi und Generalkonsul Oman Lutfi[2]. – Der frühere Generalkonsul von Kiautschou, Admiral v. Truppel[3], der die Verhandlung leitete, eröffnete sie mit einer Begrüßungsrede. Alsdann schilderte Prof. Dr. Aktschura Oglu Jussuf die Lage der Turko-Tataren in Rußland, die von der russischen Regierung politiisch und wirtschaftlich unterdrückt werden. Der Redner gab der Hoffnung Ausdruck, daß alle Gerechten, alle Freunde der Freiheit, des Rechtes und der Gerechtigkeit, insbesodnere aber die deutsche Regierung und das deutsche Volk den Turko-Tataren Hilfe bringen, d. h. Ihnen bei dem Befreiungskampfe beistehen werden. Die in türkischer Sprache gehaltene Rede wude von Prof. Dr. Hartmann[4] ins Deutsche übersetzt und fand lebhaften Beifall. – Nach Schluß der Versammlung fand im „Rheingold“ ein Bankett statt, auf dem Generalleutnant z. D.[5] Imhoff Pascha[6] die Hoffnung aussprach, daß Deutschland den Turko-Tataren die Hilfe nicht versagen werde. Prof. Dr. Hartmann versicherte, daß die Hilfe Deutschlands nicht fern sei und rief den anwesenden Turko-Tataren im Rahmen der Nachrichtenstelle für den Orient[7] ein herzliches Willkommen zu.

III

***Berliner Volks-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 64 Nr. 29, v. 17.1.1916** [nicht paginiert].

Der Freiheitsdrang der russischen Mohammedaner. Eine Kundgebung in Berlin.

Die Deutsch-Asiatische Gesellschaft in Berlin veranstaltete gestern abend einen turko-asiatischen Abend. Scheich Aktschura Ogla Jussuf, der Leiter einer Vereinigung, die den Rechten der türkisch-tatarischen Mohammedaner Rußlands neue Geltung verschaffen will, versuchte mit gutem Erfolg uns klar zu machen, daß wir mit gutem Grunde seine und seiner Gefährten Bemühungen unterstützen würden.

---

[1] İsmail Hakkı Paşa (1863–1918), osmanischer Politiker, 1910–1911 Großwesir des Osmanischen Reiches, von 1911 bis zu seinem Tod Botschafter in Berlin.

[2] Vermutlich gemeint: Ömer Lütfi Bey (Lebensdaten unbekannt), der aber nicht Generalkonsul, sondern Militärattachee des Osmanischen Reiches in Berlin war.

[3] Oskar von Truppel (1854–1931), deutscher Admiral, 1901–1911 Gouverneur von Kiautschou; im Text fehlerhaft: von Trappel.

[4] Martin Hartmann (1851–1918), am Berliner *Seminar für Orientalische Sprachen* und in der *Nachrichtenstelle für Orient* (siehe Fußnote 16) tätiger deutscher Orientalist.

[5] z. D. – zur Disposition, im deutschen Militär übliche Form des einstweiligen Ruhestands.

[6] Heinrich Karl Abrahim Imhoff (1854–1918), genannt Imhoff-Pascha, deutscher Offizier.

[7] Die 1914 gegründete *Nachrichtenstelle für den Orient* war dem Auswärtigen Amt angegliedert und organisierte die auf die muslimischen Völker in den britischen und französischen Kolonialreichen sowie im Russischen Reich sowie auf die Kriegsgefangenen aus diesen Völkern gerichtete Propaganda.

Eine sehenswerte Gesellschaft hörte Aktschura zu. Vor dem Rednerpult saß der türkische Botschafter, neben ihm der persische Gesandte; eine Bestätigung der persisch-türkischen Annäherung, die Rassengegensätze und Kofessionsunterschiede zum Schaden beider und zum Nutzen Rußlands und Englands so lange verhindert hatten. Hinter den beiden eine Fülle türkischer und mongolischer Gesichter, Köpfe mit dem Fes und dem weißen Turban der Imame, dazwischen die Charakterköpfe deutscher Gelehrter. Und im Hintergrunde die Menge derer, denen noch neu war, daß auch in Rußland Türken leben.

Wie das türkisch-tatarische Komitee sich die Erfüllung seiner Wünsche denkt, haben wir erst kürzlich in einem Auszug aus der von ihm veröffentlichten Denkschrift mitgeteilt[1]. In Kürze sei wiederholt: sie fordern vollständige Unabhängigkeit für die Khanate von Bochara und Chiwa, dieselbe Freiheit für die Turkmenen zwischen dem Kaspischen Meer und dem Oxus, der jetzt Amu-Darja[2] heißt, für die Krimtürken, für die Nordtürken um Kasan in Rußland und die ihnen verwandten Stämmen [sic] in Sibirien, und für die Kirgisen: für zusammen 23 Millionen Menschen, die trotz aller ihrer Verrussungsversuche ihre Eigenart, Sprache und Religion sich erhalten haben. Sie fordern und hoffen, bei uns, den vielgeschmähten „Unterdrückern", Verständnis für ihren Freiheitsdrang und Unterstützung zu finden; sie legen uns ihre Wünsche ans Herz und sind unserer Teilnahme sicher. Was darüber ist, gehört in den Amtsbereich der „zuständigen Behörden". Aber in nichtamtlichen Kreisen wird ihnen mancher Glück auf den Weg wünschen, mancher wird das drohende Gespenst eines zweiten Dschingis-Khan oder Timur vor sich sehen, und mancher wird mit jenem Zuhörer denken, der – augenscheinlich ein Württemberger – mir nach dem Vortrag zuraunte: „Weiß Gott, was mir auch alles befreie solle."

Aber Aktschura hat mancherlei Gründe für seine Zukunftswünsche, und seine Gründe lassen sich hören. Er stützt sich darauf, daß die Turko-Tataren von Anfang des 13. Jahrhunderts an ungefähr drei Jahrhunderte lang über die Russen maßvoll und tolerant geherrscht haben und daß die Russen die Anfänge ihrer Kultur von ihnen entlehnten. Das ist historisch richtig und darf deshalb gelten. Und auch das stimmt, was Aktschura nur schüchtern andeutet, daß die türkischen Uighuren[3] vor Jahrzehnten das erste Kulturvolk Mittelasiens waren, daß Bochara einmal unter türkischer Herrschaft eine bedeutende Stätte der Wissenschaft war; er hätte hinzufügen können, daß der türkische Herrscher von Gasna, Machmud mit Namen, vor fast einem Jahrtausend die Schöpfung eines der größten Werke der Weltliteratur, des poetischen Dichters Firdusi Königsbuch schirmte und förderte. Aber wir leben in der Gegenwart und denken an die Zukunft, und längst vergangene Verdienste können wir zwar bewundern, aber nicht zum Anlaß für unsere Handlungsweise erheben. Darum muß Aktschura uns schon modern kommen, wenn er mehr will als unsere Teilnahme.

Er tut es. Seine Beweisführung rechnet vor allem mit dem, was heute die Turko-Tataren im asiatischen und europäischen Rußland sind und leisten. Sie sind kein sinkendes Geschlecht; sie vermehren sich rascher als die Russen, ihre Durchschnittsbildung ist größer als die ihrer Gebieter, ihr Kulturdrang ebenfalls. Sie haben ihre eigenen Schulen, in denen die Knaben Koranlesen, Lesen, Schreiben und Rechnen lernen, ihre höheren Schulen, in denen Arabisch, Logik, spekulative Theologie, religiöses Recht und Persisch gelehrt wird; ihre Mädchen werden von der Frau des Lehrers, Imams oder Professors daheim unterrichtet. Gewiß, uns kommt diese Bildung gering und dieser Bildungsgang unzureichend vor. Wer aber bedenkt, daß der Islam das ganze Leben seiner Jünger auf dem Koran aufbaut, daß der Moslim in seiner Bibel alle Weisheit und viele Wissenschaft findet, muß Aktschura zugestehen, daß auch ein vorwiegend religiöser Schulzwang einen Bildungszweck erfüllen kann.

[1] Auszüge aus der Denkschrift wurden im *Berliner Tageblatt* am 12.1.1916 veröffentlicht, vgl. Fußnote 8.
[2] Im Text fehlerhaft: Amu-Darju.
[3] Im Text fehlerhaft: Righuren.

Und im Anfang des 19. Jahrhunderts trat Korsawi[1] auf. Der Stolz der russischen Turko-Tataren, der Mardschani[2] seinen Schüler, zu bedeutenden Reformgedanken anregte. Denn Mardschani forderte das Studium der Mathematik, Geschichte und Geographie und die Pflege der tatarischen Sprache, und sein Schüler Ismail Gasprinski[3] setzte sein Werk fort. Er gründete eine turko-tatarische Zeitung „Tardschuman“ und bekämpfte darin bis zu seinem Tode die natürlich auch nicht fehlenden Reaktionäre seines Stammes.

Das und noch vieles andere erwähnte Aktschura zum Beweise für seine Behauptung: Die Mohammedaner in Rußland sind ein aufstrebendes Geschlecht. Aber Rußland setzt alles daran, die Schulen zu unterdrücken und den Bildungstrieb zu unterbinden. Das sicherste Zeichen dafür, daß es aufwärts geht mit den Turko-Tataren in Europa und Asien, sagt Aktschura. Und darum fordert er völlige Unabhängigkeit für seine Stämme, darum verkündet er: „Los von Rußland! Der Kalif in Konstantinopel ist unser Khan!“

F. W.

IV

***Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 45 Nr. 31, v. 18.1.1916**

[nicht paginiert].

Die Freiheitsbestrebungen der mohamedanischen Turko-Tataren Rußlands. Aus der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft. (Bericht für das „Berliner Tageblatt“).

In der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft sprach, wie bereits kurz mitgeteilt, Professor Aktschura Oglu Jussuf, Direktor der Zeitschrift „Türk Jurdu“, über die mohammedanischen Turko-Tartaren Rußlands und ihre Bestrebungen. Bei der Begrüßung der Gesellschaft, der unter anderen der türkische Botschafter Hakki Pascha, der türkische Generalkonsul Omar Lutfi Bei sowie die Herren der türkischen Botschaft und des Generalkonsulats und viele Männer der Wissenschaft, der Finanz sowie einige unserer hohen Militärs beiwohnten, hob der Vorsitzende Admiral v. Truppel die Tatsache hervor, daß in diesem Weltkriege trotz des Lügengewebes unserer Feinde eine große Reihe kleinerer Völker ihre Befreiung von Deutschland erhoffen und sich nach Deutschland wenden, um die Unterstützung ihrer kulturellen Bestrebungen zu finden. Polen, Aegypter, die Bewohner Algeriens, Tunesiens, Tripolitaniens, die Ukrainer, die kaukasischen Georgier, die mohammedanischen Turko-Tataren Rußlands, sie alle empfinden es instinktiv, daß die Wage [sic] der Entscheidung in dem gewaltigen Ringen sich zu Deutschlands Gunsten neigen wird. Nach Worten des Dankes für die symphatische Aufnahme der Bestrebungen eben der mohammedanischen Turko-Tataren Rußlands, die Professor Aktschura in türkischer Sprache übermittelte, und die Professor Martin Hartmann vom Orientalischen Seminar verdeutschte, und nachdem auch Professor Ali Hüssensade (Konstantinopel) seinen Dank an die deutschen Gesellschaften, die das Studium des Orients fördern, ausgesprochen hatte für das Interesse, das den Bestrebungen der Turko-Tataren entgegengebracht wird, verlas Professor Martin Hartmann eine Darlegung des Professors Aktschura über die sozialen, wirtschaftlichen und geistigen Bestrebungen der etwa 23 Millionen Seelen zählenden mohammedanischen Turko-Tataren Rußlands, die aus Türken, Kirgis-Kosaken, Turkestanern, Turkmenen und Krim-Tataren sich zusammensetzen und deren Bevölkerungszuwachs sich günstiger stellt als der Russen. Sie verteilen sich auf verschiedene soziale Klassen, der Adel ist mehr oder minder schwach an Zahl, die wichtigste Klasse ist überall das Handel und Gewerbe treibende Bürgertum der Städte und die Ackerbau treibenden Dörfler. Aus dem Bürgertum hat sich in Kasan, Ufa, Orenburg ein gewisser städtischer Adel gebildet, der seinen Reichtum zum Teil im Grundbesitz angelegt hat und nun durch Vermehrung von Grund und Boden zu dem am Boden haftenden Adel

[1] Ġäbdennasïr Qursawi (1776–1812), reformorientierter tatarischer Theologe und Reformer.

[2] Šihabetdin Märğani (1818–1889), reformorientierter tatarischer Theologe und Historiker.

[3] Ismail Gasprinski (1851–1914), krimtatarischer Reformer und Publizist, von 1883 bis zu seinem Tod Herausgeber der reformorientierten Zeitung *Terğüman*/*Perevodčik*. Im Text fehlerhaft: Gasprieski.

überzugehen wünscht. Das Bürgertum von Baku wird als die wohlhabendste Klasse der Turko-Tataren angesehen, deren aus den Naphtaquellen erworbener Besitz vor 15 Jahren auf 10 Millionen geschätzt wurde. Neben Kaufleuten stehen viele Großgewerbetreibende, die der Herstellung besonders von Seide und Baumwollengeweben ihre Tätigkeit widmen. Die russische Regierung, der die Existenz dieser Turko-Tataren unerwünscht ist, sucht durch allerlei Beschränkungen dieses wirtschaftliche Rückgrat zu brechen. Trotz aller Bedrückungen haben indes bisher die Tataren ihre Eigenart bewahrt und seit 60 Jahren eine bemerkenswerte intellektuelle Bewegung gezeigt. Sie haben ein gutes Volksschulwesen entwickelt und ihre Muttersprache gepflegt, was besonders einem ihrer Führer, Mardschani, zu danken ist, auch sind Dichter in der Volkssprache aufgetreten, und Hassan Bei Zerdabi[1] gab die erste nationale Zeitung in Baku unter dem Namen „Ekindschi", der „Sämann", heraus. Auch freie Geister wie Gasprinski und der „Luther" der Tataren, Musa Dscharullah Bikijew[2] aus Saratow, hoben das nationale und geistige Niveau des Volkes. Bikijew betonte, die Religion des Islams könne allen Völkern in allen Sprachen gelehrt werden. Da die russische Zivilisation auf dem byzantinischen Orthodoxismus beruht, so ist sie ungeeignet zur Vermittlung westlicher Gesittung für die Tataren, die Russen suchen die Eigenart, die nationale und religiöse Persönlichkeit der anderen Völker in ihrem Gebiet zu vernichten, sie üben Sprachtyrannei in schärfster Form, und die Zensur unterdrückte fast alle tatarischen Zeitungen. Nach dem Kriege gegen Japan, als eine freiheitlichere Bewegung einsetzte, stieg auch die Tätigkeit der tatarischen Presse schnell, und trotz der erneuten Reaktion gibt es noch heute etwa 20 Preßorgane. Die Tataren haben sich auch an den Dumawahlen meist in politischer Gemeinschaft mit den Kadetten beteiligt, aber die dritte Duma hat, dank der Unterdrückung von seiten der Regierung, nur zehn mohammedanische Vertreter. Die Turko-Tataren wünschen eine kulturelle Autonomie und haben eine Gesellschaft zur Verteidigung ihrer Rechte gebildet. Sie erhoffen eine Erneuerung des alten Handelsweges Stockholm-Riga-Kasan und eine Verbindung Deutschlands mit den Gebieten um das Kaspische und das Schwarze Meer, die auch im Interesse Deutschlands liegt. Sie hoffen auf Deutschlands Beistand in ihren Bestrebungen.

Bei einem an die Versammlung sich anschließenden Festmahl schloß Prof. Hartmann sich der Hoffnung an, daß die westliche Kultur durch Vermittlung der Wolga-Türken über die byzantinisch-russische Kultur in ganz Asien den Sieg davontragen werde, und hieß die Tataren willkommen, die die Methoden der westlichen Kultur in Deutschland lernen wollen.

C. S.

V

***Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 45 Nr. 33, v. 19.1.1916**

[nicht paginiert]

Der Kulturbund deutscher Gelehrter und Künstler hielt gestern abend im Saale der Akademie der Wissenschaften eine Versammlung ab, in der der Empfang eines Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker Rußlands stattfand. Geheimrat Professor Dr. Waldeyer[3], der Vorsitzende des Kulturbundes, betrachtete in seiner Begrüßungsansprache das Erscheinen des Komitees als Anzeichen dafür, daß auch der feste Block Zentralasiens durch den Krieg erschüttert worden sei und innerasiatische Völker mit eigener Kultur und rühmlicher Vergangenheit mit auffallender Lebhaftigkeit die Gelegenheit zur Wiederherstellung ihrer früheren Selbständigkeit ergriffen hätten. Der Kulturbund wolle dazu beitragen, die Kenntnis von ihren Bestrebungen in weitere Kreise zu tragen.

[1] Hasan Zerdabi (1842–1905), 1875–1877 Herausgeber der ersten turksprachigen Zeitung *Ekinc*i. Im Text fehlerhaft: Zerbadi.

[2] Musa Ğarullah Bigiev (1870–1949), reformorientierter tatarischer Theologe und Publizist.

[3] Wilhelm von Waldeyer-Hartz (1836–1921), Professor für Medizin an der Berliner Universität, Vorsitzender des *Bundes* (Kulturbundes) *deutscher Gelehrter und Künstler*.

Professor v. Luschan[1], der bekannte Anthropologe, gab danach einen sehr ausführlichen Ueberblick über die tatarischen Völkerschaften. Die Allgemeinheit kenne sie nur aus Bemerkungen wie „Tatarennachricht“ oder etwa das Napoleon I. zugeschriebene Wort: Grattez le Russe et vous trouverez le Tatare. Zu Deutsch: Kratzt am Russen und ihr werdet den Tataren finden. Aus diesen und ähnlichen Wendungen spreche eine Unfreundlichkeit, die Tataren seien darin als Barbaren gebrandmarkt. Die Wilden Zentralasiens seien aber nicht die Tataren, sondern ganz allein die Moskowiter, ihre Zwingherren. Die Tataren zeichnen sich von den mit Renntieren nomadisierenden im höchsten Norden bis zu den mit Ziegen, Trampeltieren und Dromedaren nomadisierenden im süden durch „eine Art bemerkenswerter innerer Vornehmheit“ aus.

Der Führer des Komitees, Aktschura Jussuf Bei, Direktor der Zeitschrift „Türk Jurdu“, dankte seinem Vorredner für seine Ausführungen und hielt in französischer Sprache einen Vortrag über die Tataren, die von der Wolga bis Turkestan und Buchara seit Jahrzehnten die Russenherrschaft in steigendem Maße als lästig und quälend empfänden. Mit Stolz und Freude hätten die vier Mitglieder des Komitees empfunden, daß die Berechtigung der türkisch-tatarischen Wünsche auf teilnehmendes Verständnis gestoßen sei.

Geheimrat Professor Dr. v. Liszt[2] drückte in einer sehr beifällig aufgenommenen Ansprache aus, daß das Komitee zu einer glücklichen Stunde nach Deutschland gekommen sei; der erste Teil des großen Werkes sei grade in diesem Augenblicke getan. Italiens Wünsche nach der Adriaherrschaft seien erledigt, Englands Prestige in Asien durch seine Vertreibung von Gallipoli für alle Zeiten vernichtet. Er begrüße die Tataren auch als Freunde der Deutschen, und verspreche sich von der Verschmelzung deutschen Wirklichkeitssinnes mit orientalischer Phantasie eine neue kulturelle Blütezeit.

Professor Dr. Hussein Zade Ali Bey[3] trug diese Ausführungen den Komiteemitgliedern in ihrer vokalreichen Muttersprache vor.

Die Veranstaltung war von zahlreichen Gelehrten, Künstlern, Schriftstellern und Schriftstellerinnen besucht; wir sahen unter anderen Walter Bloem in Feldgrau und mit dem Eisernen Kreuz erster Klasse, Georg Engel, Arthur Holitscher, Hans Land, Ernst Lissauer, Grete Meisel-Heß und Dr. Helene Stöcker.

VI

***Berliner Börsen-Zeitung* Morgenausgabe Jg. 61 Nr. 29, v. 19.1.1916,** S. 2.

Der Kulturbund deutscher Gelehrter und Künstler hielt gestern nachmittag im Festsaal der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften eine Versammlung ab, die sich mit den Verhältnissen der unter russischer Herrschaft stehenden mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker beschäftigte. Sie galt vor allem dem Empfang und der Begrüßung eines aus vier Mitgliedern bestehenden Komitees zum Schutze der Rechte dieser Völker, das sich an den Kulturbund mit der Bitte gewandt hatte, diese Bestrebungen zu fördern und zu unterstützen. Mit dem Botschafter der Türkei, Hakki Pascha, waren zahlreiche bekannte Persönlichkeiten erschienen, wie Geheimrat Prof. Diels, General Imhoff-Pascha, der frühere Unterstaatssekretär Fischer, Prof. Paul Förster u. a.

Der Vorsitzende des Kulturbundes, Geheimrat Prof. Dr. Waldeyer, begrüßte die Anwesenden, besonders den türkischen Botschafter und die vier Herren des genannten Komitees. Er führte aus, daß der große Gegenwartskrieg zu einem Weltkampf sich entwickelt habe, der jetzt auch übergreift auf jene große zentralasiatische Völkerfamilie, die ihre Selbständigkeit solange zu wahren wußte, bis sie ihr unter der russischen Gewaltherrschaft entrissen wurde. Jetzt haben diese Völker das berechtigte Verlangen, wieder zu ihrer früheren Selbständigkeit

[1] Felix von Luschan (1854–1924), österreichischer, in Deutschland tätiger Mediziner und Anthropologe.

[2] Franz von Liszt (1851–1919), deutscher Jurist, Professor an der Berliner Universität.

[3] Hüseyinzade Ali Turan (1864–1940), aserbaidschanischer, später türkischer Mediziner, Schriftsteller und Politiker, einer der Begründer des Komitees.

zurückzukehren, und der Kulturbund deutscher Gelehrter und Künstler spricht ihnen zu diesen Bestrebungen seine Sympathien aus, denn auch er legt Wert darauf, daß die Kultur dieser Völker, die so lange geblüht hat, wieder zu neuem selbständigen Leben erwache.

Nach dieser Ansprache nahm Prof. Dr. von Luschan das Wort zu einem wissenschaftlichen Vortrag über die Verhältnisse der in Betracht kommenden Völker in Bezug auf Abstammung und Sprache. Er wies einleitend darauf hin, wie der Orient lange Zeit in Deutschland ebenso unbekannt wie unbeachtet geblieben war, und erinnerte daran, daß Bismarck noch in einer Reichstagsrede am 5. Dezember 1876 erklärte, daß die orientalischen Angelegenheiten für uns nicht die Knochen eines pommerschen Grenadiers wert seien. Ganz anders stand Friedrich der Große zum Orient. Für ihn war die Verbindung zwischen Berlin und Konstantinopel ein erstrebenswertes Ziel, und er erklärte, daß er nie eine Zertrümmerung des osmanischen Reiches zulassen werde. So zog sich die Orientpolitik wie ein roter Faden durch seine ganze Regierung. Heute steht nun die Türkei auch bei uns im Mittelpunkte des allgemeinen Interesses, dagegen seien die mohammedanischen türkisch-tatarischen Völker uns zum größten Teile völlig unbekannt, Tataren kämen bei uns eigentlich nur im Sprichwort vor und meist in einer wenig liebenswürdigen Art. Wir hätten in diesem Punkte längst umlernen müssen, denn alles Ungünstige, was man den Tataren nachsagt, ist lediglich russisch-moskowitische Unkultur und Untugend. In dieser Beziehung teilen die tatarischen Völker das gleiche Schicksal mit dem Irenvolke, das in seiner Heimat durch englische Herrschaft geknechtet und entrechtet worden sei. Der Vortragende stellte interessante Vergleiche an bezüglich der Sprache der verschiedenen Völker, die vielfach eine einsilbige und in gewissen Ausdrücken bei allen gleichlautend ist. Auch über ihre Kultur und sonstigen Verhältnisse konnte er aus dem reichen Schatz seiner Erfahrungen interessante Mitteilungen machen, und er fügte ihnen die bezeichnende Erklärung unter dem Beifall aller Anwesenden hinzu, daß die einzigen Wilden in Innerasien nur die Russen seien.

Nach Prof. von Luschan richteten zwei Herren des türkisch-tatarischen Komitees, Direktor Aktschura Jussuf Bey von der Zeitschrift „Türk Jurdu“ und Prof. Dr. Hussein Zade Ali Bey, französische Ansprachen an die Versammlung, wofür Geheimrat Prof. Dr. von Liszt in seinem Schlußwort dankte. Er wies auf die jüngsten Gegenwarts-Ereignisse im Weltkriege hin und hob mit besonderer Genugtuung hervor, daß die beiden russischen Vasallenstaaten Serbien und Montenegro bezwungen seien und daß Italien alle Hoffnung auf die adriatische Ostküste werde für immer aufgeben müssen. Er gedachte der Abfahrt des ersten Balkanzuges von Berlin nach Konstantinopel und der im Schmuck der deutschen Reichshauptstadt vereinten türkischen Fahnen mit denen Deutschlands, Oesterreichs, Ungarns und Bulgariens. Mit Zuversicht blicken wir auf die weitere Entwicklung der Dinge und erhoffen für alle Zukunft ein ersprießliches Zusammenwirken der in heißen Kämpfen erprobten Völker, der treuen Bundesgenossen des Deutschen Reiches. Er entbot den fremden Gästen seine Grüße und bat sie, diese auch ihren Volksgenossen in der fernen Heimat zu überbringen.

Damit schloß die eindrucksvolle, zweistündige Versammlung.

Literaturverzeichnis

1. Из истории мусульманского движения Евразии начала XX в.: Сб. мат-лов / Сост., предисл. и примеч. С. Исхакова, С. Цвиклински. М.: РАН, 2016. 112 с.

2. Aktschura Oglu Jussuf. Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Rußlands und ihre Bestrebungen. In: *Das Größere Deutschland. Wochenschrift für Deutsche Welt- und Kolonialpolitik* Jg. 3 Nr. 17, v. 22.4.1916, S. 542–552.

3. Dr. Hachtmann. Aktschura Oghlu Jussuf Bey. In: *Deutsche Levante-Zeitung* Jg. 6 Nr. 3, v. 1.2.1916, S. 93.

4. N.N. Denkschrift des Komitees zum Schutze der Rechte der Rechte der mohammedanischen türkisch-tartarischen Völker Russlands. In: *Die Welt des Islams* Bd. 4 Heft 1/2, v. 25.9.1916, S. 33–43.

5. N.N. Die Ziele der Turko-Tataren Rußlands. Aktschura Oglu Jussuf Be. In: *Das Größere Deutschland. Wochenschrift für Deutsche Welt- und Kolonialpolitik* Jg. 3 Nr. 17, v. 22.4.1916, S. 553–556.

DOI: 10.31833/978-5-91608-197-8-45

Қ.Ж. Нұрбай*

ОРТА ЖҮЗДЕГІ АЛҒАШҚЫ ҚАЗАҚ ШЕНДІЛЕРДІҢ ҚЫЗМЕТІ: ҚАЗАНҒАП САТЫБАЛДЫҰЛЫ БИ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАНЫМАЛ ҰРПАҚТАРЫ [ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ СРЕДНЕГО ЖУЗА: КАЗАНГАП САТЫБАЛДЫУЛЫ БИЙ И ЕГО ИЗВЕСТНЫЕ ПОТОМКИ]

Аннотация. В статье рассматривается деятельность первых казахских чиновников в Среднем Жузе после ликвидации здесь ханской власти по «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., на примере известного бия Казангапа Сатыбалдыулы, который до избрания его в 1843 г. старшим султаном Баянаульского окружного приказа являлся старшим бием рода Басентиин (*род Аргын Среднего Жуза*). Отмечается, что если первоначально главы внешних округов избирались из сословия чингизидов (*торе*), то впоследствии царская и сибирская администрации перешли к практике избрания на высокую должность старшего султана (*ага-султана*) родоуправителей-биев, которые по их замыслам должны были стать их политической опорой в Среднем Жузе после упразднения традиционной ханской власти. На основе устных и письменных источников отмечаются такие качества Казангапа Сатыбалдыулы бия, как мудрость и знание русского языка, честность, откровенность и особенно умение при необходимости идти на компромисс, благодаря которым он завоевал особое доверие и расположение чиновников сибирской администрации и лично западно-сибирского генерал-губернатора. Показана предпринимательская и благотворительная деятельность Казангапа Сатыбалдыулы бия.

Ключевые слова: Средний Жуз, казахские чиновники, бии, компромисс, династия.

Қазақстанның тұңғыш президенті Н.Ә. Назарбаев өзінің «Ұлы Даланың жеті қыры» атты мақаласында атап өткендей, «...көпшіліктің санасында тарихи үдерістер, негізінен, *тұлғаландыру* сипатына ие болатыны белгілі. Көптеген халықтар өз елінің ерекше елшісі сынды ұлы бабаларының есімдерін мақтан тұтады»[1]. Бұл әсіресе тарихын ру-тайпадан бастайтын көшпелі қазақ халқы үшін төтенше маңызды. Тұлғаның қоғамда алатын орнын оның ру-тайпалық құрылысы, шежіре айғақтайды. Сондай-ақ, қазақтардың ата-бабаларының аруағына табынуы қоғамдық санада жеке тұлғаның тарихи бейнесін қалыптастырды. Сондықтан, ру-тайпалық негізде қалыптасқан көшпелі қазақ қауымында тұлғаның орны айрықша маңызды болды.

Тұлғаның болмысын зерттеу арқылы тұтастай бір ұлттың саяси, психологиялық, рухани-мәдени болмысы анықталады. Тұлға тарихқа өзгеріс әкеліп қана қоймай, сонымен бірге біздің санамызға да серпіліс, жаңа көзқарас, жаңа ой әкеледі, былайынша айтқанда санамызды жаңғыртады. Мысал ретінде айтсақ, ұлы бабаларымыздың біздерге мирас болып жеткен өсиет сөздері кеше ғана емес, бүгін де маңызы мен өзектілігін жоғалтпаған. XV ғасырдың жыршысы, Қазақ хандығының негізін қалаған Керей мен Жаныбек хандарды жақтаған ұлы ойшыл Асан Қайғының:

«Таза мінсіз асыл тас су түбінде жатады

Таза мінсіз асыл сөз ой түбінде жатады», – деуі адамның ой санасы мен парасатының мәні қаншалықты маңызды екенін көрсетеді[2].

* ***НҰРБАЙ Қайырболат Жакенұлы*** *— доктор исторических наук; Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; гуманитарный факультет; кафедра истории Казахстана; профессор; г. Нур-Султан, Республика Казахстан; kairbolat.nj@gmail.com.*

[1] Назарбаев Н.А. Ұлы Даланың жеті қыры. URL: http://www.akorda.kz › events › memleket-basshysynyn-uly-dalanyn-zheti-kyry (дата обращения: 12.10.2020).

[2] Қазақ хандығы дәуіріндегі ақын-жыраулардың дүниені көркем түсіну айшықтары // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Қазақ ақын-жыраларының философиясы. Астана, 2008. 8 том. 17 б.

Көк түріктердің түсінігі бойынша «сөз» – құдіретті күшке ие болған киелі ұғым[1]. Алаш қайраткері, ақын Мағжан Жұмабайдың

«Не көрсем де Алаш үшін көргенім

Маған атақ ұлтым үшін өлгенім», – деп жырлаған өлең жолдарының астарында әрбір адам елі мен халқы үшін адал қызмет етуі керек деген үлкен мағына жатыр[2].

Сондықтан да, тұлға құбылысын зерттеп білу үшін төл тарихымызға тереңінен үңіліп қарағанымыз абзал. Өйткені «...көшпелінің түсінігінде... – адамның – тарихы да мәңгілік...»[3]. «Тарихи естелік уақытты кешеге, бүгінге және ертеңге бөледі, соның ішіндегі шынайысы – кешегісі», – деп әйгілі түріктанушы-ғалым Л. Гумилев жазған[4]. «Тіпті өліп қалса да, жадта сақталғандар – әлі тірілер», – депті ғалым[5]. Бүгінгі таңда өзектілігі жойылмаған әлеуметтік, рухани, адами құндылықтар, күллі рухани байлығымыз біздің тарихымызда жатыр.

Енді тарихқа шегініс жасап қарасақ, Абылай (*Әбілмәнсұр*) ханның ұлы Уәли ханның өлімінен кейін қазақ қоғамындағы ішкі қырқыстар мен алауыздықты сәтті пайдалана білген, ықпалды ру басылары – билерге арқа сүйеген патша өкіметі хан сайлауды қажетсіз деп тауып хандық билікті мүлдем жою керектігі туралы шешім қабылдайды[6]. Нәтижесінде, Қазақ даласын дүр сілкіндірген 1822 жылғы «Сібір қырғыздары (*қазақтары – авт.*) туралы Жарғы» Орта Жүзде дәстүрлі хандық билігін жойып қана қоймай, сонымен бірге казак әскерлерінің аталған аймақтың ішкі жерлеріне жаппай басып кіруі себеп болған қазақ халқының наразылығының тууына түрткі болды, Саржан мен Кенесары Қасымұлы бастаған, жиырма жылдан астам уақытқа созылған ұлт-азаттық қозғалысқа әкеліп соқтырды[7].

Міне, осы уақыттан бастап Орта Жүз қазақтары Ресей мемлекетінің бір бөлшегіне айналып, біртұтас ресейлік басқару жүйесі енгізілді. 1824 жылдан бастап Ертіс өзенінің ішкі бөлігінде (*сол жағалауында*) құрылған округтерді Сібір генерал-губернаторы тағайындайтын, қарамағында жеке кеңсесі, казактардан жасақталған әскері, мемлекеттік қызметкер деген лауазымы бар аға-сұлтандар басқарды. Алғашында олар ақсүйек тобына жататын төрелерден сайланса, кейін келе Сібір әкімшілігі қарасүйек тобынан шыққан ру басылары – билерге үміт артты.

Аға-сұлтандардың арасында елі мен жерін шын сүйетін, халқына адал қызмет ететін тұлғалар көп болды. Сондай мемлекет қайраткерлерінің бірі Қазанғап Сатыбалдыұлы (1771–1856 жж.) болды. Ол қазақтың атақты батыры Малайсарының (*Абылай ханның жақын әрі сенімді серігі*) үзеңгілес досы Байдаулет батырдың шөбересі (*кейбір деректер бойынша – немересі*), Бәсентиін елінің (*Арғын тайпасы*) төбе биі, сауаттылығы мен абыройы үлкен саяси тұлға, руы бәсентиін ішінде бөрі (*Арғын–Бәсентиін–Бөрі*).

1843–1848 жылдар аралығында Қазанғап Сатыбалдыұлы Баянауыл округін басқарады. Алайда сонау 1820 жылдары Орта Жүз қазақтарының жерінде алғашқы округтер құрыла бастағанда Қазанғап Сатыбалдыұлы дербес Баянауыл округін құру үшін көп еңбек сіңіреді және өзінің қарамағындағы бәсентиіндерді ғана емес, «көрші Бура-

[1] Әбжанов Т., Нысанбаев Ә. Қазақ халқы ойлау мәдениетінің мифологиялық бастаулары // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Ежелгі көшпелілер дүниетанымы. Астана, 2005. 1 том. 45 б.

[2] Нысанбаев Ә. Қазакстанның философиялық мұрасы және оның маңызы // Әлемдік философиялық мұра. 20 томдық. Қазіргі түркі философиясы. Астана, 2009. 20 том. 315 б.

[3] Кенжетай Д. Дәстүрлі түркілік дүниетаным және оның мәні // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Ежелгі көшпелілер дүниетанымы. Астана, 2005. 1 том. 96 б.

[4] Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004. С. 263.

[5] Там же. С. 266.

[6] Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.): Сб. док. и мат-лов. Алма-Ата, 1964. С. 182–183.

[7] Омбы облысының мемлекеттік мұрағаты (ООММ). 366 қор. 1 тізбе. 164 іс. 3 парақ.

наймандарды да осы округке кіруге көндіреді»[1]. 1833 жылы Баянауыл округі ашылғаннан кейін «халыққа да, жоғарғы ұлықтарға да ықпалы күшті, шен-шекпен, сый-сияпатқа басқалардан бұрын ие болған Қазанғап... – аға-сұлтан болып сайланбаса да есесіне – 5 болыс Бәсентиін елінің көңілін аулау үшін Қазанғаптың ұлы Бердәліні қазы қып сайлайды»[2].

Қазанғап орыс тілін жақсы білетіндіктен «...Батыс-Сібір губернаторы мен Омбы облысының басшысы қазақ даласындағы істері бойынша алдымен осы қазекең арқылы байланысып отырған»[3]. «Мысалы, Қалқаман көлінен шығарылған тұзды түйелерге артып, Керекуге (*қазіргі Павлодар қаласы – авт.*) тасымалдау жұмысын ұйымдастыруда Сібір үкіметіне үлкен қолғабыс тигізген. Жалпы, ол дала билері атынан орыс үкіметімен келіссөз жүргізіп, халқының игілігіне қажетті міндеттерді өз мойнына алыпты»[4].

Қазанғаптың аға-сұлтан қызметін атқарып жүргенінде жергілікті Омбы (*Омск*) әкімшілігінің алдында қазақтардың қамын ойлап мүддесін қорғағанын дәлейдейтін дерек келтірсек «...бәсентиіндер казак әскерлерінің үлесіндегі жерге мал жіберіп, 29 мың сотық жердің шөбіне зиян...» – келтіргендіктен казак әскерінің Коряковский, Выдрин сияқты өкілдері қазақтардан айып шығынын толық төлеуін талап еткен екен. Аталған «...жерді ертеде қоныстанған қазақтар екендігі... – анықталса да, – бұл әрекеттерді қылмыс етіп көрсету үшін, казак атамандары Ертіс бойына мал жайылдырған қазақтарды жоғары жаққа қаралап көрсетеді»[5]. Осындай «...жағдайда аға-сұлтан Қазанғап Омбыға барып, қазақтарды көп айып төлеуден құтқаруды ойлаған – және – Қазанғапты арқа тұтқан бәсентиіндер салық төлеуден мүлде... – бас тартқан көрінеді»[6].

Деректерге сүйене отырып, Қазанғап бабамыздың қазақ халқының мұң-мұқтажын патша өкіметіне жеткізіп, мүддесін қорғаудағы еңбегі орасан зор деп айта аламыз, өйткені ол өз заманында сауатты да парасатты саяси тұлғалардың бірі болған. Сондай-ақ, патша үкіметіне де билік басында екі жаққа да жағымды, ымырашыл, қоғамдағы беделі жоғары адамның болғаны қолайлы болды. Тарихшылардың пікірі бойынша «Баянауыл округіне аға-сұлтан болуы да белгілі дәрежеде Қазанғап бидің өз заманында өз халқына да, Ресейге де жағымды болғанының көрінісі»[7]. Орыс деректемелерінде Қазанғап Сатыбалдыұлының болмысын айқындайтын «парасатты, адал, шыншыл азамат» деген мәліметтер кездеседі[8].

Қазанғап Сатыбалдыұлының бойындағы парасаттылық, шынайылылық сияқты жағымды қасиеттерін, оны ымырашыл тұлға етіп көрсететін тағы бір мысал келтірейік. Есімі әлемге әйгілі Абай Құнанбайұлы ақынның әкесі, 1849–1852 жылдары Қарқаралы округінің аға-сұлтаны қызметін атқарған Құнанбай Өскенбайұлы Қазанғап Сатыбалдыұлының үйінде жиі тоқтап, сыйлы қонағы, сырлас жолдасы болған, оны ерекше құрметтеген[9]. Мәселен, «Құнанбай Бөжеймен арыздасып, ...Омбыға шақырылып, жолда Қазанғапқа сәлем бере кетейін деп келсе, палау бастырып шай береді». Құнанбай Қазанғапқа мұңын шағады, сонда Қазанғап:

«Тұман түбі – жұт,
Тұмау түбі – құрт,
Закон түбі – сот,
Соттың түбі – шорт, – деп – Бөжеймен алыспа, араздаспа, жеңсең өзіңді жеңесің,

[1] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. Павлодар, 2008. 43 б.
[2] Бұл да сонда. 43–44 б.
[3] Бұл да сонда. 43 б.
[4] Бұл да сонда.
[5] Бұл да сонда. 29–30 б.
[6] Бұл да сонда. 29 б.
[7] Бұл да сонда. 116 б.
[8] История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы, 2006. Т. 8. Ч. 1. С. 190–191.
[9] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 44–46 б.

жеңілсең бойыңа мін-қарғыс таңба болады, – деп ағалық ақылын айтқан екен»[1].

Қазанғап Сатыбалдыұлының саяси қайраткер ғана емес, сонымен бірге мал шаруашылығы мен егін шаруашылығымен де айналысқан ірі кәсіпкер һәм халыққа жанашыр, демеуші болғанын тарихи деректер айғақтайды[2]. Мысалы, Қазанғап Сатыбалдыұлы 1843 жылы дуанбасы болған соң қызметін дуанға мешіт салдырудан бастаған екен және молда ғып Қазан қаласының татары Ғабдулғафар есімді азаматты тағайындаған. Осы молдамен бірге еріп келген Рамазан деген татар жігітін Қазанғап қолына ұстап, сауда-саттығын жүргізетін көмекші еткен. Рамазан өз қамқоршысының тапсырмасы бойынша бүкіл Сібірді, Ірбіт, басқа да ірі жәрмеңкелерді аралап, сауда-саттық жүргізді[3]. Қазанғап Сатыбалдыұлы бидің ұрпақтарының да Ертіс өңірінде ірі кәсіпкер-саудагер болғандары тарихқа әйгілі[4].

1856 жылы Қазанғап Сатыбалдыұлы қайтыс болғаннан кейін Рамазан Қызылжар (*қазіргі Петропавл қаласы*), Омбы қалаларынан күйдірілген қызыл кірпіштер мен ақ мәрмәр тастар алғызып, басына ақ күмбезді кесене тұрғызған. Кесене ішінде Қазанғап бидің еңбектері жөнінде ақ мәрмәр тастан жазылған қабірүсті ескерткіш орнатқан. Кеңес өкіметі кезінде Қазанғап би кесенесі бұзылып, кірпіштері ауылдағы фермаларға жұмсалған. Кейіннен Рамазанның немересі Абдулфаттах Рамазанов Павлодар қаласындағы академик Әлкей Марғұлан көшесінде Қазанғап биге арнап Ақ мешіт салғызған[5].

Қазанғап Сатыбалдыұлының шешендігі де Арқа (*Сарыарқа*) жұртының арасында кең тараған. Әйгілі ағартушы, шежіреші Мәшһүр-Жүсіп Көпейұлының деректеріне жүгінсек, сырым (*Бәсентиін ішіндегі ру*) Малайсары батыр Байдаулет сардарға айтқан екен: «Байеке, ...бата-құтыңды кімге тастадың», – деп[6]. Сонда Байдаулет батыр: «Менің құтым балам Сатыбалдының тұңғышында қалады, онда қалмаса мылтығымның ұңғысында қалады», – деген екен[7]. «Байдаулет батырдың айтқаны келіп, Сатыбалдының үлкені Қазанғапта қалған екен. Қазанғапты сұраған сол заманның адамдарынан мынадай сөз бар: «Шоң (*Шоң Едігеұлы – Баянауыл округінің тұңғыш аға-сұлтаны – авт.*) сөйлегенде қара арғымақты су түбіне батырады, Қазанғап сөйлегенде ол арғымақты су бетіне шығарады», – деген мағлұматтар бар[8]. Атақты Шөже ақын Ертіс бойындағы Бәсентиін елін аралап жүріп шығарған өлеңінде Қазанғап Сатыбалдыұлы туралы былай деген екен:

«...Тұсында Керекудің апай, бөрі
Жақсының күнде жиын жүрген жері
Жол бермей азулыға қарсы тұрған
Қазекең өткен екен кемеңгері»[9].

Танымал ақын Біржан сал Сара ақынмен айтысында...:

«Ұл тумас Қазанғаптай ата ұлынан
Тұқымы дегдар шыққан жатынынан.
Полковник шен алады туған бала
Шырылдап түскеннен соң қатынынан», – деп, оны бүкіл Орта Жүз арғынның

[1] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 45–46 б.

[2] Среднее Прииртышье в источниках и материалах: Сб. док. и мат-лов (XVIII – начало XX вв.). Павлодар, 2008. Т. 1, 2. С. 208–209.

[3] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 150 б.

[4] Бұл да сонда. 131 б.; Среднее Прииртышье в источниках и материалах… С. 208–209.

[5] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 150–151 б.

[6] Бұл да сонда. 149 б.

[7] Бұл да сонда.

[8] Бұл да сонда.

[9] Бұл да сонда. 42, 152 б.

арысы ғып көрсетеді[1]. М.Ж. Көпейұлы ел аузынан жазып алған аңыз-әңгімелерінің бірінде «бөріден шыққан, атағы жер жарған Қазанғап» – деп оны сол қиын кезеңнің бір ғажап құбылысы ретінде көрсетеді[2].

Қазанғап Сатыбалдыұлының атақ-шені мен марапатталған белгі-сыйлықтары жөнінде айтар болсақ (*оның ұрпақтарына тиесілі сый-марапаттар жайында мағлұматты «Қазанғап би Сатыбалдыұлы» кітабынан қараңыз*) ол Сібір қазақтарының ішінде бірінші болып Санкт-Петербург қаласында ақ патшаның қабылдауында болған және сол жылы старшын шенін алған, жыл сайын 50 сом ақша алып тұратын болған. 1810 жылы капитан шенін алды, 1817 жылдан бастап штаб-офицер және сыйлыққа шекпен бас киімімен 500 сом ақшадай (*күміспен – авт.*) алған. 1825 жылы Батыс-Сібір генерал-губернаторының шекпенін иеленді, 1833 жылы майор атағын, 1838 жылы 300 сом күміс ақша, 1842 жылы Владимир лентасына тағылған алтын медальды, 1844 жылы алтынмен апталған күміс бокалды иеленді[3].

Біздің болжамымыз бойынша, Қазанғап Сатыбалдыұлының әйгілі атасы Байдаулет батыр Қайып хан елшілігінің құрамында (*Бекболат Екешев екеуі*) 1716 жылдың қыркүйегінде Тобылға келіп, «...Сібір губернаторы М. Гагаринмен «мәңгілік бітім» жасасу, Ресеймен Жоңғар хандығына қарсы әскери одақ құру туралы келісімге қол жеткізу және оларға сауда-саттық жолымен Тобылға баруға мүмкіндік беру үшін Ресейдің жақын жердегі рыноктарына қазақ малшыларының кедергісіз баруына кепілдік алу... – мәселелері бойынша келіссөздер жүргізген еді, – алайда Сібір губернаторы келіспеді»[4].

Қазанғап Сатыбалдыұлының танымал ұрпақтары жайлы айтсақ, оның баласы Бердәлі Қазанғапұлы (1802–1842 жж.) Бәсентиін болысының биі, Баянауыл округінің қазысы (1833–1837 жж.), 1840 жылы аға-сұлтанға үміткер, 1841–1842 жылдары Баянауыл округінің аға-сұлтаны қызметін атқарды[5].

Қазанғап Сатыбалдыұлының немересі Иса Бердәліұлы (*шамамен 1825–1899 жж., орыс деректемелерінде – Иса Бердалин*) ауылбасы, би болған, Алтыбай болысын басқарған[6]. «Иса мырзаның қайтыс болуына байланысты «Дала уәялатының газетінде» 1899 жылғы, 14 қарашадағы № 42 санында жарияланған мінақыпта мынадай жолдар бар: «Иса Бердәлі баласы қашан болса да халық пайдасын ойлаушы еді»[7]. Сондай-ақ, бірінші жалпыресейлік санақ комиссиясының құрамына орыс шенділерімен қатар, Семей облысының әскери губернаторының 1896 жылы 14 қазандағы арнайы жарлығымен бекітілген Алтыбай болысының басшысы, «құрметті қырғыз» деген атағы бар Иса Бердәліұлы сайланған[8].

Исаның баласы, Қазанғап бидің шөбересі Қабыш Исаұлы Бердәлі (*орыс деректемелерінде – Кабыш Бердалин*) есімі күллі Ертіс-Семей өңіріне әйгілі ақын, саясаткер және қоғам қайраткері, Павлодар уездік Алашорда кеңесінің төрағасы, Ахметолла Барлыбаевпен бірге Оренбург қаласында өткен II жалпықазақ құрылтайына қатысқан, ұлт-азаттық «Алаш» қозғалысының белді өкілі[9].

---

[1] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 42 б.

[2] Бұл да сонда. 103 б.

[3] История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 8. Ч. 1. С. 190–191, 443.

[4] Қазақстан тарихы. Бес томдық. Алматы, 2010. 3 том. 111, 127 б.

[5] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 46–48, 151 б.

[6] Қазақстан Республикасының орталық мемлекеттік мұрағаты (ҚР ОММ). 15 қор. 1 тізбе. 309 іс. 22, 42 парақ.

[7] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 49 б.

[8] Среднее Прииртышье в источниках и материалах… С. 198.

[9] Илиясова К.М. Қазақ съездері: қаралған мәселелері, шешімдері және олардың орындалуы (1917–1919). Тарихи талдау. Алматы, 1999. 116–176 б.; Шаяхметов Н. Ел бүгіншіл, менікі ертеңгі үшін. Алматы, 2001. 106 б.; ҚР ОММ. 14 қор. 3 тізбе. 5 іс. 1–2 парақ; Павлодар облысының мемлекеттік мұрағаты (ПОММ). 1466 қор. 1 тізбе. 1–2 іс. 70 парақ.

Мұрағат деректерінің мәліметтері бойынша Қабыш Бердалин (*азан шақырып қойған аты – Ғабділжапар*) 1867 жылы (*кей деректе 1873 ж.*[1]) сол кездегі Семей облысының Павлодар уезіне қарасты 8 ауылда дүниеге келген[2].

Кеңес өкіметі орнаған 1917 жылға дейін Қабыш Исаұлы Павлодар уезінің Қараоба болысын басқара отырумен қатар болыстық биге сайланып, би-ақсақалдар сотына төрағалық жасаған. Қариялардың айтуына қарағанда, ол өте білімді адам болған, ағартушылық және діни сауаттылықты қатар меңгеріп, бірнеше тіл білген[3]. Қоғам қайраткері Шора Қамзиннің (*КСРО-ның батыры Қанаш Қамзиннің інісі*) айтуынша, «Қабыштың өз бойында шонжарлық, тәкаппарлық мінез болмаған, ол көпшіл, ойшыл, жастарға тәрбие және өнер үйретуді көп қарастырған адам деседі. Жолдастыққа берік, өнерлі-ұста, шебер, етікші, сауатты, әнші мен күйшілерді жанына көп жинағанына жеткілікті дәлелдер бар»[4].

«Қалың елім, қазағым» деп, ұлтжандылықты жүрегіне ұялата білген Қабыш Исаұлының саяси сауаттылығымен қатар оның ақындық өнерін қаламынан туындаған өлең-жырлары дәлелдей түседі. Атап айтсақ, «Шүкірлік», «Ғабділманап (*Манап*) інісіне жоқтауы», «Мәкпуза бәйбішесіне арналған жоқтауы», «Қара ат», «Иманқұл (*Бозғозы найман*) досына арналған өлеңі», «Кәмпескеге арналған өлеңі», «Адасқанда» поэмасы. Кейбір мәліметтер бойынша Алаш азаматының араб тілінде жазылған өлеңдер қолжазбасы Ұлттық Ғылым Академияның ғылыми кітапханасындағы қолжазбалар және сирек кітаптар бөлімінде «Молла Мұқан» деген лақап атпен сақтаулы[5]. Осыған байланысты, Шора Қамзиннің баспасөз беттерінде айтқан пікірін келтіруді жөн санадық: «1990 жылы «Жазушы» баспасынан жарық көрген «Боздағым» атты жинақта «Молла Мұқанның інісін жоқтауы» деген шығарманы оқып қайран қалдық. Себебі бұл жоқтауды шығарушы молла Мұқан емес, ақын Қабыш Исаұлы», – деп жазған екен[6].

Деректерге жүгінсек, «Апай-бөрі» жерінде, кейінде Ақсу ауданында, Керекуде ол (*Қабыш Исаұлы – авт.*) әнші болып танылған, 1936–1937 жылдары Алматыда болған әншілер жиынына қатысқан Әбдіғазиз Алтайұлы (*1967 жылы 80 жастан асып, дүниеден қайтты*) жас кезінде Қабыштың әнші-қосшысы болып, ел аралап, жиын, той, бәйгеге қатысқан уақыттарын ерекше әңгіме ететін де соған қосып ол кісінің шығарған өлеңдерін әнмен орындағанын талай рет тыңдап едім», – деп еске алатын Шора Қамзин ақсақал[7]. Сонымен қатар, ол кісі «Естайдың (*белгілі ақын Естай Беркімбаев – авт.*) ақын, әнші қабілеті барын Қабыш түсіне біліп оған өзінің ақындық және композиторлық әсерін тигізген, Қабыштың көп өлеңдері ел аузында өз әнімен айтылады, ал соңғы кездерде ол кісінің әндерін кейбір ақындар айтысында және термешілердің пайдаланып жүргені байқалады», – деп жазған екен[8].

Қабыш Исаұлы елдегі діни мәселеге ден көңіл бөліп, қызу қатысып отырған. Атап айтқанда, беделді және діни көзқарасы бар азамат ретінде Орталық мұсылман діни Басқармасының Павлодар аймағындағы өкілі Бүкілресейлік мұсылмандар құрылтайына қатысты[9]. Павлодар облысының мемлекеттік мұрағатының қорында Қабыш Исаұлының тұлғалық болмысын айқындайтын «текті әулеттен шыққан, беделі жоғары болған азамат» –

---

[1] Павлодар облысының мемлекеттік мұрағатының қалалық бөлімі (ПОММ ҚБ). 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ.

[2] Қамзин Ш. Уақыт озғанмен, асыл тозбайды // Қызыл ту. 1989 жыл. 23 наурыз.

[3] Бұл да сонда; Жұмаш А. «Қабышым Керекуді қарына ілген» // Сарыарқа самалы. 1996 жыл. 29 қазан.

[4] Қамзин Ш. Уақыт озғанмен, асыл тозбайды // Қызыл ту. 1989 жыл. 23 наурыз.

[5] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 117–118 б.

[6] Қамзин Ш. Исаның Қабышы // Дауа. 1992 жыл. Наурыз.

[7] Қамзин Ш. Уақыт озғанмен, асыл тозбайды // Қызыл ту. 1989 жыл. 23 наурыз.

[8] Бұл да сонда.

[9] ПОММ ҚБ. 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ.

деген құнды дерек сақталған[1].

Қазақтардың әлеуметтік-экономикалық өміріне қатысты маңызды және қандай да даулы мәселелерді шешуде халықтың атынан делдалдық қызметті де атқарып отырды, мәселен Қабыш Исаұлы Павлодар болысы, 3 ауыл тұрғындарының атынан қыстау маңындағы жер телімдерін Қырғыз тау-өнеркәсіп акционерлік қоғамның иелігіне жалға беру туралы келісім-шарт жасап халықтың игілігі үшін қызмет еткен екен[2].

Қабыш Бердалиннің саяси қызметіне қатысты айтсақ, өз заманында «Алаш» либералды-демократиялық партиясының аймақтағы төрағасы болған ол «Әлихан Бөкейханов, Ахмет Байтұрсынов, Міржақып Дулатовтармен сыйлас, сырлас адам болған»[3].

1917 жылдың желтоқсан айында өткен II жалпы қазақ құрылтайынан кейін облыстар мен уездерде Алашорданың жергілікті ұйымдары – Алашорда кеңестері құрылды. Семей облысының Павлодар уезінде Алашорда Кеңесі большевиктердің ықпалы күшті болғандықтан. өзге уездік Кеңестерге қарағанда кеш құрылды[4]. Сол себепті, 1918 жылдың 15 ақпанында Қабыш Бердалиннің төрағалығымен өткен Павлодар уезінің алғашқы қазақ құрылтайы большевиктер қыспағында өтті. Құрылтайда ұлттық қаржы қорын қалыптастыру мәселесі қарастырылды. Оның жұмысына Алаш қайраткерлері Тұрағұл Құнанбаев пен Міржақып Дулатов қатысып, жиналған қауым алдында сөз сөйледі. Алаш азаматтарының ұлттық қаржы қорын құру жөніндегі шақыру үндеуге жауап ретінде қала халқы 21 939 сом жинап, бұл шара өз жалғасын табатынына сенім білдірді. Сонымен қатар, қаланың татар тұрғындары да өзіндік үлес қосу мақсатында қорға 8500 сом өткізген[5].

Павлодар уезінің II қазақ құрылтайы қалада кеңес билігі құлаған тұста, яғни 1918 жылдың 13–16 маусым аралығында өткен болатын. Құрылтай қорытындысының маңыздылығы жоғары болды, себебі ресми түрде Павлодар уездік Алашорда Кеңесі құрылып, төрағалыққа Қабыш Бердалин, төраға орынбасары болып Ахметолла Барлыбаев сайланды[6].

Қабыш Бердалин жетекшілігіндегі Алашорданың уездік Кеңесі Қазақ мемлекетінің негізін қалыптастыруда айтарлықтай жұмыс жүргізді. Атап айтар болсақ, уездік Алашорда Кеңесінің басшылығымен Павлодар уезінде большевиктерге қарсы күрес жүргізу үшін 150 жігіттен құралған «Алаш» әскері құрылды, сондай-ақ осы мақсатта ақшалай және мал есебінде қаражат жинақталды[7]. Кеңес өкіметіне қарсы күресті Қабыш Бердалин Алашорда құлағаннан кейін де, атап айтқанда 1922 жылы Павлодар уезіндегі шаруалар көтерілісі кезінде жалғастырған, алайда көп ұзамай большевиктердің түпкілікті жеңіске жеткендері белгілі[8].

Қабыш Бердалиннің қоғамдық-саяси қызметінің және беделі жоғары болғанын дәлелдейтін тағы да тарихи дерек келтірсек, 1919 жылдың 7 шілдесінде құрамында Райымжан Марсеков (*Семей облыстық Қазақ комитетінің төрағасы*), Қабыш Бердалин (*Павлодар уездік Алашорда Кеңесінің төрағасы*) және Тұрағұл Құнанбаев (*Семей облыстық Земство мүшесі*) бар Семей облыстық Земство өкілдігін Уақытша Сібір өкіметі Министрлер Кеңесінің төрағасы П. Вологодский қабылдайды. Қазақтың сот ісі, қазақ жерлерінің әкімшілік құрылымы, жер қатынасын реттеу сынды мәселелерімен келіссөз

---

[1] ПОММ ҚБ. 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ.

[2] ҚР ОММ. 15 қор. 1 тізбе. 1605 іс. 3–5 парақ.

[3] Жұмаш А. «Қабышым Керекуді қарына ілген» // Сарыарқа самалы. 1996 жыл. 29 қазан; Болтина В.Д. Личные архивы // Звезда Прииртышья. 1998. 8 авг.

[4] Илиясова К.М. Қазақ съездері… 119–176 б.; Шаяхметов Н. Ел бүгіншіл... 106 б.

[5] Илиясова К.М. Қазақ съездері… 115–116 б.

[6] ПОММ. 1466 қор. 1 тізбе. 1–2 іс. 12 парақ; ҚР ОММ. 14 қор. 3 тізбе. 5 іс. 1, 2 парақ.

[7] ПОММ ҚБ. 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ; Шаяхметов Н. Ел бүгіншіл... 106 б.

[8] ПОММ ҚБ. 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ.

жүргізген топ мүшелері қазақ зиялыларын қудалауды тоқтату қажеттілігін де назардан тыс қалдырмаған[1].

Кеңес өкіметінің идеологиялық танымын қабылдамаған Алаш азаматтарының кейінгі тағдыры тарс үзілсе, Қабыш Бердалин өмірінің қайғылы кезеңі де большевиктік билікпен байланысты болды. 1928 жылдың 27 тамыздағы Қазақ орталық атқару комитеті қаулысының 1-ші және 5-ші бабтар негізіне сәйкес Павлодар округінің атқару комитетінің алқасы 1928 жылғы 18 қазанда Қабыш Бердалиннің мал-мүлкін тәркілеп, жанұясын Ақтөбе округіне жер аудару жөнінде шешім қабылдайды[2].

1934 жылдың 7 қаңтарында тыңшылардың жеткізуі барысында асыл азаматты ОГПУ ұйымдары тұтқындап, біраз уақыт Омбыдағы (*Омск қаласы*) қалалық түрмеде ұстайды. Осы жылдың 15 наурызында Батыс-Сібір өлкесінің ОГПУ «ерекше үштігінің» қаулысы негізінде РКФСР ҚІ-нің 58-10-11 бабы бойынша революцияға қарсы қызметке қатысы бар деген айыппен 3 жылға бас бостандығынан айырылады. Жазаны өтеу үшін ОГПУ Сібір лагерінің Юрга лагеріне жөнелтіледі. Толық емес мәліметтер бойынша, Қабыш Исаұлы Бердалин 1934 жылдың 3 маусымынан Сібір лагерінің Суслов бөлімінде, ал 1935 жылдың 1 қаңтарынан Сібір лагерінің Тайга бөлімінде қамалынып, 1935 жылдың 9 сәуірінде сонда қайтыс болады (*қазіргі Кемеров облысының Тайга теміржол бекеті, 1943 жылға дейін Новосибирск облысына қараған*). 1996 жылғы 18 маусымдағы Сібір әскери округінің әскери сотының № 1 360 анықтамасы Қабыш Исаұлы Бердалинді толықтай ақтап, оның негізсіз сотталуы «үштіктің» айыбы екенін айғақтап берді[3].

Мақаланы қорытындылай келе айтарымыз, өкінішке орай Қазанғап Сатыбалдыұлы мен оның ұрпақтарының есімдері ел-жұртқа беймәлім және өмірбаяндары мен қоғамдық-саяси қызметтері жайлы мәлімет аз. Сол себепті, олар жайлы дерек көздерді табу, тарихи тұлғасын зерттеу – жақын маңдағы міндеттің бірі болу керек. Сондай-ақ, бүгінгі таңда жастарды рухани құндылықтарға бай ұлы бабаларымыздың өсиеттерін құрметтеп тәрбиелеудің маңызы зор. Өйткені, ұлы түрік ойшылы Йолық тегін ескертіп кеткендей ұлттық болмысынан, бабалар өсиет еткен жолдан ажырамаған ұрпаққа өзге мәдениеттің шексіз ықпалында қалудың қауіпі аз[4].

Деректер мен әдебиеттер

1. Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы: Таймас, 2013. 383 с.
2. Әбжанов Т., Нысанбаев Ә. Қазақ халқы ойлау мәдениетінің мифологиялық бастаулары // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Ежелгі көшпелілер дүниетанымы. Астана: Аударма, 2005. 1 том. 496 б.
3. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис Пресс, 2004. 560 с.
4. Жұмаш А. «Қабышым Керекуді қарына ілген» // Сарыарқа самалы. 1996 жыл. 29 қазан.
5. Илиясова К.М. Қазақ съездері: қаралған мәселелері, шешімдері және олардың орындалуы (1917–1919). Тарихи талдау. Алматы, 1999. 176 б.
6. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. 8. Ч. 1. 716 с.
7. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.): Сб. док. и мат-лов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
8. Кенжетай Д. Дәстүрлі түркілік дүниетаным және оның мәні // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Ежелгі көшпелілер дүниетанымы. Астана: Аударма, 2005. 1 том. 496 б.

[1] Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013. С. 275; Шаяхметов Н. Ел бүгіншіл… 119 б.

[2] ПОММ ҚБ. 11 қор. 1 тізбе. 12 іс. 181–182 парақ.

[3] Қазанғап би Сатыбалдыұлы. 127 б.

[4] Қасымжанов А. Дала кеңістігі // Әлемдік философиялық мұра. 20 томдық. Қазіргі түркі философиясы. Алматы, 2009. 20 том. 214, 231 б.

9. Қазақ хандығы дәуіріндегі ақын-жыраулардың дүниені көркем түсіну айшықтары // Қазақ халқының философиялық мұрасы. 20 томдық. Қазақ ақын-жыраларының философиясы. Астана: Аударма, 2008. 8 том. 512 б.
10. Қазақстан Республикасының орталық мемлекеттік мұрағаты (ҚР ОММ).
11. Қазақстан тарихы. Бес томдық. Алматы: Атамұра, 2010. 3 том. 765 б.
12. Қазанғап би Сатыбалдыұлы. Павлодар: Кереку, 2008. 173 б.
13. Қамзин Ш. Исаның Қабышы // Дауа. 1992 жыл. Наурыз.
14. Қамзин Ш. Уақыт озғанмен, асыл тозбайды // Қызыл ту. 1989 жыл. 23 наурыз.
15. Қасымжанов А. Дала кеңістігі // Әлемдік философиялық мұра. 20 томдық. Қазіргі түркі философиясы. Алматы: Жазушы, 2009. 20 том. 544 б.
16. Назарбаев Н.А. Ұлы Даланың жеті қыры. URL: http://www.akorda.kz › events › memleket-basshysynyn-uly-dalanyn-zheti-kyry (дата обращения: 12.10.2020).
17. Нысанбаев Ә. Қазақстанның философиялық мұрасы және оның маңызы // Әлемдік философиялық мұра. 20 томдық. Қазіргі түркі философиясы. Астана: Жазушы, 2009. 20 том. 544 б.
18. Омбы облысының мемлекеттік мұрағаты (ООММ).
19. Павлодар облысының мемлекеттік мұрағаты (ПОММ).
20. Павлодар облысының мемлекеттік мұрағатының қалалық бөлімі (ПОММ ҚБ).
21. Среднее Прииртышье в источниках и материалах: Сб. док. и мат-лов (XVIII – начало XX вв.). Павлодар: Кереку, 2008. Т. 1, 2. 220 с.
22. Шаяхметов Н. Ел бүгіншіл, менікі ертеңгі үшін. Алматы: АМУ, 2001. 295 б.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1) ***АБИШЕВА Жанат Рысбековна*** — кандидат исторических наук; Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; гуманитарный факультет; кафедра истории Казахстана; старший преподаватель; г. Нур-Султан, Республика Казахстан; zhanat_2511@mail.ru.

2) ***АБСАЛЯМОВ Юлай Маратович*** — кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; старший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; absyul@mail.ru.

3) ***АЗНАБАЕВ Булат Ахмерович*** — доктор исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет; кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии; заведующий кафедрой; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; ведущий научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; azbulattt@mail.ru.

4) ***БАБИЧ Марина Виленовна*** — доктор исторических наук; г. Москва, Россия; mbabich1@yandex.ru.

5) ***БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич*** — доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; Центр истории русского феодализма; старший научный сотрудник; г. Москва, Россия; belafeb@gmail.com.

6) ***ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович*** — доктор исторических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; профессор; г. Москва, Россия; dvvasiliev@mail.ru.

7) ***ВАСИЛЬЕВ Сергей Дмитриевич*** — Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; аспирант; г. Москва, Россия; visaramis@mail.ru.

8) ***ВИВАТЕНКО Сергей Валентинович*** — кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; кафедра проектной деятельности в кино и телевидении; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; svivat@bk.ru.

9) ***ВОРОПАНОВ Виталий Александрович*** — кандидат исторических наук; доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал; кафедра государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы; заведующий кафедрой; г. Челябинск, Россия; vvoropanov@yandex.ru.

10) ***ГАРЯВИН Алексей Николаевич*** — кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; кафедра управления социально-политическими процессами и истории; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; aleksei_garyavin@mail.ru.

11) ***ГАУХМАН Михаил Владимирович*** — кандидат исторических наук; Национальный музей Республики Башкортостан; научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; mix-mix-mix@mail.ru.

12) ***ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич*** — доктор исторических наук; доцент; Академия Федеральной службы Российской Федерации; сотрудник; г. Орел, Россия; angrebyonkin@mail.ru.

13) ***ДМИТРИЕВ Александр Владиславович*** — кандидат филологических наук; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Высшая школа инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; Avd84@list.ru.

14) ***ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Викторовна*** — кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; кафедра управления социально-политическими процессами и истории; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; t_krasovska@mail.ru.

15) ***ЗИНУРОВ Рафаил Наримановичч*** — доктор юридических наук; профессор; Представительство РАН РФ на территории Республики Башкортостан; руководитель; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; rafailzinuroff@yandex.ru.

16) ***ЗЛОТНИКОВА Светлана Геннадьевна*** — Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; Институт истории и права; кафедра истории России; аспирант; г. Абакан, Республика Хакасия, Россия; svetlana-zlotnikova@mail.ru.

17) ***ИЛЬЯСОВА Альбина Янгалеевна*** — кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; ilyasova_a82@mail.ru.

18) ***КАЗАНЧИЕВ Александр Дмитриевич*** — кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; ученый секретарь; отдел новейшей истории Башкортостана; старший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; kazan1965@mail.ru.

19) ***КАНТИМИРОВА Резида Ильгизаровна*** — кандидат исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра всеобщей истории и философских дисциплин; заведующая кафедрой; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; kantimirova.rezida@mail.ru.

20) ***КИРПИЧНИКОВ Иван Алексеевич*** — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; исторический факультет; кафедра истории России до начала XIX века; аспирант; г. Москва, Россия; ivkirs@mail.ru.

21) ***КОЛПАКОВ Петр Александрович*** — кандидат исторических наук; Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации; организационно-аналитический отдел; старший инспектор; г. Москва, Россия; 1kolpakov1@rambler.ru.

22) ***КОСЫХ Елена Семеновна*** — кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра теории и истории государства и права; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; kossES@yandex.ru.

23) ***КРЮЧКОВ Николай Николаевич*** — кандидат исторических наук; Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина; кафедра истории, философии и права; доцент; г. Рязань, Россия; n.n._kryuchkov@mail.ru.

24) ***ЛАТЫШЕВ Дмитрий Михайлович*** — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт; департамент философии; кафедра онтологии и теории познания; аспирант; г. Екатеринбург, Россия; dimlatysh@gmail.com.

25) ***ЛАТЫШЕВА Елена Владимировна*** — доктор исторических наук; профессор; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; кафедра документоведения и архивоведения; заведующая кафедрой; г. Симферополь, Республика Крым, Россия; elenakfu@yandex.ru.

26) ***МАЗАЕВ Никита Андреевич*** — Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; студент; г. Москва, Россия; Mazaev-nikita14@yandex.ru.

27) ***МЫСЛЯЕВА Наталия Степановна*** — кандидат исторических наук; доцент; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; исторический факультет; декан факультета; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; n.s.myslyaeva@strbsu.ru.

28) ***НҰРБАЙ Қайырболат Жакенұлы*** — доктор исторических наук; Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; гуманитарный факультет; кафедра истории Казахстана; профессор; г. Нур-Султан, Республика Казахстан; kairbolat.nj@gmail.com.

29) ***ОТЕПОВА Гульфира Елубаевна*** — доктор исторических наук; Павлодарский педагогический университет; Высшая школа гуманитарных наук; профессор; г. Павлодар, Республика Казахстан; g.otepova.hist@mail.ru.

30) ***ПАВЛОВА Оксана Сергеевна*** — кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра истории Отечества и МПИ; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; oksana.s.pavlova@mail.ru.

31) ***ПРОХОРОВ Дмитрий Анатольевич*** — доктор исторических наук; Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского; исторический факультет; кафедра документоведения и архивоведения; старший научный сотрудник; доцент; г. Симферополь, Республика Крым, Россия; prohorov1da@yandex.ru.

32) ***РЕЕНТ Юрий Арсенович*** — доктор исторических наук; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России; кафедра философии и истории; профессор; г. Рязань, Россия; reent2@yandex.ru.

33) ***РОЗИНА Ольга Владимировна*** — кандидат исторических наук; Московский государственный областной университет; Историко-филологический институт; факультет

истории, политологии и права; кафедра истории России средних веков и нового времени; доцент; г. Москва, Россия; olgarozina@yandex.ru.

34) ***САЛЬМАНОВ Азат Салаватович*** — кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел этнологии; младший научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; azat-salmanov@mail.ru.

35) ***СЕМЕНОВА Наталия Леонидовна*** — кандидат исторических наук; Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал; кафедра истории Отечества и МПИ; доцент; г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия; natalja_leonid@mail.ru.

36) ***СЕРЕДА Надежда Владимировна*** — доктор исторических наук; Тверской государственный университет; исторический факультет; кафедра архивоведения, историографии и документоведения; профессор; г. Тверь, Россия; nv.sereda@yandex.ru.

37) ***СИВОЛАП Татьяна Евгеньевна*** — кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; кафедра проектной деятельности в кино и телевидении; доцент; г. Санкт-Петербург, Россия; tntslp@mail.ru.

38) ***СМИРНОВА Анастасия Андреевна*** — Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; факультет управления и развития сельских территорий; студент магистратуры; г. Санкт-Петербург, Россия; nastyusha35c@mail.ru.

39) ***СМИРНОВА Ирина Юрьевна*** — доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; Центр истории религии и церкви; ведущий научный сотрудник; г. Москва, Россия; irinasmirnowa@mail.ru.

40) ***СОЕГОВ Мурадгелди*** — доктор филологических наук; профессор; действительный член – академик Академии наук Туркменистана; Академия наук Туркменистана; Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули; внештатный научный консультант; г. Ашхабад, Туркменистан; msoyegov@gmail.com.

41) ***СОЕГОВА Айна Мурадгелдиевна*** — Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади; кафедра русской литературы; старший преподаватель; исполняющая обязанности заведующей кафедрой; г. Ашхабад, Туркменистан; msoyegov@gmail.com.

42) ***СОЛОДКИН Янкель Гутманович*** — доктор исторических наук; Нижневартовский государственный университет; кафедра истории России; профессор; г. Нижневартовск, Россия; hist2@yandex.ru.

43) ***СУРОВЦЕВА Екатерина Владимировна*** — кандидат филологических наук; профессор Российской академии естествознания; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; филологический факультет; лаборатория общей и комьютерной лексикологии и лексикографии; старший научный сотрудник; г. Москва, Россия; surovceva-ekaterina@yandex.ru.

44) ***CWIKLINSKI Sebastian*** — Dr. phil. (доктор философских наук); Freie Universität Berlin; Institut für Turkologie; внештатный сотрудник; г. Берлин, Германия; sebastian.cwiklinski@web.de.

45) ***ТАПИЛИН Александр Иванович*** — Южно-Уральский многопрофильный колледж; преподаватель; г. Челябинск, Россия; Tapilin59@mail.ru.

46) ***ТАРАСОВА Елена Владимировна*** — кандидат исторических наук; Алтайский государственный университет; отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; научный сотрудник; г. Барнаул, Алтайский край, Россия; forschung2005@gmail.com.

47) ***ФАРХШАТОВ Марсиль Нуруллович*** — кандидат исторических наук; Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы; отдел истории и истории культуры Башкортостана; ведущий научный сотрудник; заведующий отделом; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; marsil@mail.ru.

48) ***ХАКИМОВ Салават Хазибович*** — кандидат исторических наук; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; кафедра истории и теории государства и права; доцент; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; khakimov72@yandex.ru.

49) ***ЩУКИНА Елена Владимировна*** — Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; департамент политологии; факультет социальных наук и массовых коммуникаций; аспирант; ассистент; г. Москва, Россия; e.schukina@gmai.com.

РЕЗОЛЮЦИЯ
Всероссийского научного симпозиума «Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии», посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н.Ф. Демидовой

16–18 декабря 2020 г. в столице Республики Башкортостан – в г. Уфе состоялся Всероссийский научный симпозиум «Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии», посвященный 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н.Ф. Демидовой. Его организатором выступил Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН совместно с Федеральным архивным агентством, Отделением историко-филологических наук Российской академии наук, Уфимским федеральным исследовательским центром РАН, Российским историческим обществом, Академией наук Республики Башкортостан, Управлением по делам архивов Республики Башкортостан.

С приветственным словом к участникам симпозиума обратились представители Администрации Главы и Правительства Республики Башкортостан, Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан, Академии наук Республики Башкортостан, Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Управления по делам архивов Республики Башкортостан.

В работе научного форума приняли участие более 60 специалистов из крупных научных центров и высших учебных заведений 12 городов России: Института российской истории РАН, Академии Федеральной службы Российской Федерации, Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, Крымского федерального университета им. В.В. Вернадского, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного областного университета, Нижневартовского государственного университета, Павлодарского педагогического университета, Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Тверского государственного университета, Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также исследователи из Германии (Берлинский Свободный университет), Казахстана (Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина) и Туркменистана (Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммет Азади).

Более 30 пленарных и секционных докладов участников форума касались актуальных научных проблем археографии и источниковедения истории России, информатизации гуманитарных наук и сохранения отечественного историко-культурного наследия. Отдельные докладчики осветили основные вехи жизни и академической карьеры Н.Ф. Демидовой, а также значимость ее научного наследия для документального изучения истории России, а также Башкортостана и других регионов нашей страны.

Примечательно, что работа пленарного заседания симпозиума завершилась презентацией книги «Научные труды Н.Ф. Демидовой по истории Башкортостана», подготовленной научными сотрудниками отдела истории и истории культуры Башкортостана ИИЯЛ УФИЦ РАН. Она увидела свет в этом году за счет издательского гранта Российского фонда фундаментальных исследований.

В заключение работы симпозиума его участники считают необходимым:

1) Развивать научную и образовательную деятельность, направленную на дальнейшее изучение и ввод в научный оборот академического наследия выдающегося ученого Н.Ф. Демидовой.

2) Всячески поддержать проведение академических научных мероприятий, посвященных жизни и деятельности видных историков, стоявших у истоков зарождения профессиональной исторической науки в Башкортостане.

3) Обратить особое внимание на документальное изучение и объективное освещение узловых проблем отечественной истории, разработку актуальных вопросов археографии и источниковедения, а также решение первостепенных задач информатизации гуманитарных наук с целью сохранения отечественного историко-культурного наследия.

Научной общественности Башкортостана и всей России необходимо обратиться в Администрацию городского округа город Уфа Республики Башкортостан с предложением присвоить имя Н.Ф. Демидовой одной из новых улиц столицы Республики Башкортостан.

г. Уфа, 17 декабря 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
М.Н. Фархшатов *3*

Ю.М. Абсалямов, Б.А. Азнабаев
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.Ф. ДЕМИДОВОЙ ПО ИСТОРИИ БАШКОРТОСТАНА *6*

М.В. Бабич
СЕНАТОРЫ 1730-х гг. В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ *19*

А.В. Беляков
О ГОРОДАХ, ДОХОДЫ С КОТОРЫХ ЖАЛОВАЛИСЬ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ *27*

Д.В. Васильев, С.Д. Васильев
ТУРКМЕНСКИЕ И ХИВИНСКИЕ ДЕЛА НА ЗАСЕДАНИЯХ
АЗИАТСКОГО КОМИТЕТА (1820-е – 1840-е гг.) *32*

Д.В. Васильев, Н.А. Мазаев
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И
АКТИВИЗАЦИЯ РУССКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1837–1841 гг. *38*

С.В. Виватенко, Т.Е. Сиволап
ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РОМАНОВЫХ *45*

В.А. Воропанов
СТРУКТУРЫ ИМПЕРСКИХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В
ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ *50*

А.Н. Гарявин, А.А. Смирнова
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ СССР В ПЕРИОД
ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАЗРУШЕННОГО ВОЙНОЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА *56*

М.В. Гаухман
ДВА МЕСТА СЛУЖБЫ АЛЕКСАНДРА БЕЗАКА: ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР
КАК «ЭТНОАДМИНИСТРАТОР» ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ) *67*

А.Н. Гребенкин
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ОХРАНЫ В РОССИИ В 1894–1905 гг.: БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ *73*

А.В. Дмитриев
ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ВНУТРЕННИХ КРЕСТЬЯНСКИХ МИГРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ
д. НОВОПЕТРОВКА ДУВАН-ТАБЫНСКОЙ ВОЛОСТИ
СТЕРЛИТАМАКСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ) *79*

Т.В. Емельянова
ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. *93*

Р.Н. Зинуров
НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В БАШКИРСКОМ КРАЕ В 1735–1740 гг. – ВОССТАНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ? *103*

С.Г. Злотникова
РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ») *110*

А.Я. Ильясова
ОФОРМЛЕНИЕ УМИТБАЕВЫМИ (УМЕТБАЕВЫМИ) ПРАВ НА ПОТОМСТВЕННОЕ ДВОРЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ *116*

А.Д. Казанчиев
ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г. *139*

Р.И. Кантимирова
МЕРОПРИЯТИЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ГУБЕРНАТОРА В.Д. ЛЕВШИНА (1876–1880) ПО БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ *144*

И.А. Кирпичников
ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАЧИ: ПРОНСКАЯ «ГОРОДОВАЯ ПОДЕЛКА» 1630 г. *150*

П.А. Колпаков
ВНУТРЕННЯЯ СТРАЖА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВОЙСК В СТРУКТУРЕ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА 1811–1864 гг. *156*

Е.С. Косых
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКИХ КОНЦЕССИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 20-х гг. XX в. *160*

Н.Н. Крючков
СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ «ПАТРОН–КЛИЕНТ» В ПРИДВОРНОЙ БОРЬБЕ «РУССКОЙ» И «НЕМЕЦКОЙ» ПАРТИЙ 1730-х гг. *165*

Д.М. Латышев
ОБРАЗЫ ПОЛКОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. *172*

Е.В. Латышева
ТАВРИЧЕСКАЯ КАЗЕННАЯ ПАЛАТА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА *180*

Н.С. Мысляева
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РАЗВИТИЮ МЕДИЦИНЫ В КРАЕ *188*

Г.Е. Отепова
ОРГАНИЗАЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ХОДЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ *194*

О.С. Павлова
КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ О РОЛИ ПРАВОСЛАВИЯ
В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА *200*

Д.А. Прохоров
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в. *205*

Ю.А. Реент
СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в. *212*

О.В. Розина
ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в. *219*

А.С. Сальманов
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРИНЯТИЯ ПОДДАНСТВА РОССИИ
ЗАУРАЛЬСКИМИ БАШКИРАМИ (НА ПРИМЕРЕ РОДА КАРА-ТАБЫН) *225*

Н.Л. Семенова
ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В XVIII–XIX вв. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *233*

Н.В. Середа
ЕКАТЕРИНА II: РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ:
ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ *239*

И.Ю. Смирнова
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ
ЗА РУБЕЖОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) *245*

М. Соегов
О ТУРКМЕНАХ, ПОЖАЛОВАННЫХ АЛЕКСАНДРОМ III И НИКОЛАЕМ II
В ЧИНЫ, А ТАКЖЕ ЦАРСКИМИ НАГРАДАМИ И ПОДАРКАМИ *251*

А.М. Соегова
О ПОЕЗДКЕ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО КАВКАЗА
А.М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА К ТУРКМЕНАМ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЕСНОЙ 1884 г. И НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИЯХ *257*

Я.Г. Солодкин
ВТОРОЙ КРЯДУ ОПАЛЬНЫЙ НА УФИМСКОМ ВОЕВОДСТВЕ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ ОКОЛЬНИЧЕГО Н.В. ГОДУНОВА *262*

Е.В. Суровцева
ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВЛАСТЯМ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ:
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX в. *267*

А.И. Тапилин
ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ *270*

Е.В. Тарасова
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.) *276*

С.Х. Хакимов
ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (80–90-е гг. XIX в.) *283*

Е.В. Щукина
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ *291*

Ж.Р. Абишева
РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ДӘСТҮРЛІ ҚАЗАҚ БИЛІК ЖҮЙЕСІН РЕФОРМАЛАУЫ ЖӘНЕ ТАРХАНДЫҚ ИНСТИТУТТЫҢ ЖОЙЫЛУЫ [РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ И ЛИКВИДАЦИЯ ИНСТИТУТА ТАРХАНСТВА] *297*

S. Cwiklinski
NEUE NACHTRÄGE ZU EINER PERSONALBIBLIOGRAPHIE ÁRMIN VÁMBÉRY [НОВЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ АРМИНИЯ ВАМБЕРИ] *303*

S. Cwiklinski
YUSUF AKÇURA IN BERLIN. MATERIALIEN ZUM AUFENTHALT DES TÜRKISCH-TATARISCHEN KOMITEES IN DER DEUTSCHEN HAUPTSTADT IM JANUAR 1916 [ЮСУФ АКЧУРИН В БЕРЛИНЕ. МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТЮРКО-ТАТАРСКОГО КОМИТЕТА» В ГЕРМАНСКОЙ СТОЛИЦЕ В ЯНВАРЕ 1916 г.] *311*

Қ.Ж. Нұрбай
ОРТА ЖҮЗДЕГІ АЛҒАШҚЫ ҚАЗАҚ ШЕНДІЛЕРДІҢ ҚЫЗМЕТІ: ҚАЗАНҒАП САТЫБАЛДЫҰЛЫ БИ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАНЫМАЛ ҰРПАҚТАРЫ [ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ СРЕДНЕГО ЖУЗА: КАЗАНГАП САТЫБАЛДЫУЛЫ БИЙ И ЕГО ИЗВЕСТНЫЕ ПОТОМКИ] *319*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *328*

РЕЗОЛЮЦИЯ Всероссийского научного симпозиума «Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии», посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н.Ф. Демидовой *331*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И БЮРОКРАТИИ

Материалы Всероссийского научного симпозиума,
посвященного 100-летию со дня рождения
видного российского историка-археографа
НАТАЛЬИ ФЕДОРОВНЫ ДЕМИДОВОЙ

г. Уфа, 16–18 декабря 2020 г.

Компьютерная верстка:
А.Я. Ильясова

Разработка и дизайн обложки:
А.Г. Кужин

Подписано в печать 07.07.2021.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе
Усл. печ. л. 39,29. Уч.-изд. л. 27,17.
Тираж 300 экз.
Заказ 1.21.01

Отпечатано с готового оригинал-макета в
Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, просп. Октября, д. 71
Тел.: +7 (347) 235-50-60; E-mail: rihll@anrb.ru